

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

Зеленые холмы Земли

История будущего. Книга 1

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

**КНИГИ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА В СЕРИИ
«ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ»**

Туннель в небе. Есть скафандр — готов путешествовать

•
Фрайди. Бездна

•
Астронавт Джонс. Время для звезд

•
Кукловоды. Дверь в Лето

•
Луна — суровая госпожа

•
Красная планета. Звездный зверь

•
Марсианка Подкейн. Гражданин Галактики

•
Иов, или Комедия справедливости

•
Небесный фермер. Среди планет.

Космическое семейство Стоун

•
Достаточно времени для любви, или Жизнь Лазаруса Лонга

•
«Магия, инкорпорейтед». Дорога Доблести

•
Чужак в стране чужой

•
Кот, который ходил сквозь стены

•
Двойная звезда. Звездный десант

•
Зеленые холмы Земли. История будущего. Книга 1

**РОБЕРТ
ХАЙНЛАЙН**

**Зеленые холмы
Земли**

История будущего. Книга 1

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445
X 15

Robert A. Heinlein
THE FUTURE HISTORY, VOLUME 1
Copyright © 2010 by the Robert A. & Virginia Heinlein Prize Trust.
WE ALSO WALK DOGS
Copyright © 1941 by Robert A. Heinlein
All rights reserved

Перевод с английского
С. В. Голд, А. Дмитриева, А. Етоева, Н. Изосимовой,
А. Корженевского, Г. Корчагина, С. Логинова, Т. Магакян,
Ф. Мендельсона, И. Оранского, Ю. Павлова, К. Плешкова,
И. Почиталина, Г. Усовой, Ян Юа

Серийное оформление и оформление обложки
Сергея Шикина

Иллюстрация на обложке Сергея Григорьева

*Издательство выражает благодарность С. В. Голд (swgold)
за активную помощь при подготовке книги.*

© С. В. Голд, перевод, 2019
© А. Дмитриев, перевод, 2019
© А. В. Етоев, перевод, 2019
© Н. В. Изосимова, перевод, 2019
© А. И. Корженевский, перевод, 2019
© Г. Л. Корчагин, перевод, 2019
© С. В. Логинов, перевод, 2019
© Т. Ю. Магакян, перевод, 2019
© Ф. Л. Мендельсон (наследник),
перевод, 2019

© И. В. Оранский, перевод, 2019
© Ю. Ю. Павлов, перевод, 2019
© К. П. Плешков, перевод, 2019
© И. Г. Почиталин (наследник),
перевод, 2019
© Г. С. Усова, перевод, 2019
© Ян Юа, перевод, 2019
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2019
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-15043-0

Наши самые безумные мечты о будущем будут бледным слепком по сравнению с тем, что нам еще предстоит. Независимо от того, что нас ждет впереди, — я хотел бы участвовать в этом шоу как можно дольше.

Роберт Э. Хайнлайн

ИСТОРИЯ БУДУЩЕГО

ДАТЫ	ИСТОРИИ	ПЕРСОНАЖИ	ТЕХНИЧЕСКИЕ УСПЕХИ
н. э.	() не рассказанные истории		
1940	Линия жизни «...И построил он себе скрюченный домишко»	Пинеро Тил Дуглас Мартин	
1950	Да будет свет!	Гейнс Блекинсеп	
1960	(Слово ребром)	Харпер Эрикссон Кинг Ленц Гарриган Макинтайр Каммингс	
1970	Дороги должны катиться Взрыв всегда возможен	Скаддер Неемия	Солнечные панели Дугласа—Мартин Механизированные дороги Коммерческие ракетные рейсы Вертолеты
1980		Уингейт С. Х. Джонс Кошелек	
1990	Реквием (Под нами огонь!)		
2000			
2010	Логика империи (Звук его крыльев)		
2020	(Затмение)		
2030			
2040			
2050		Новак Джон Лайл Зеб Джонс Мастер Питер Магдалина	
2060		Маккиннот «Линалий» Рэндалл Персефона «Доктор»	
2070	«Если это будет продолжаться...»	Либби Маккой Родс Доил	
2080			
2090	Ковентри		
2100	Неудачник		
2110			
2120	Вселенная; только пролог (Пока не пришли злые дни)		
2130			
2140			

1-й вариант, начальный (1941); опубликован в «Astounding Science Fiction», май 1941.

ТЕХНИЧЕСКИЕ УСПЕХИ	СОЦИОЛОГИЯ	ПРИМЕЧАНИЯ
	Коллапс Европы БЕЗУМНЫЕ ГОДЫ	
– Трансатлантические ракетные перелеты	Забастовка 1960 года ЛОЖНЫЙ РАССВЕТ, 1960–1970 Первая ракета на Луну, 1978	Значительный технический прогресс в этот период сопровождается постепенным упадком нравов, целей и общественных институтов, завершаясь массовым психозом шестого десятилетия и Междувластием
Ракетный транспорт между Северным и Южным полушариями	Акт о космической предосторожности Лунные корпорации Гарримана Основание Луна-Сити ПЕРИОД ИМПЕРСКОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ, 1970–2020 Революция в Литтл-Америке Межпланетные исследования и разработки Американо-австралийский аншлюс	За Междувластием последовал период реконструкции. Финансовые предложения Вурхиса привели к временной экономической стабильности и возможности переориентации. Это закончилось открытием новых рубежей и возвращением к экономике XIX века
Бактериофаг		
Транспортные и боевые модули	Рост религиозного фанатизма «Новый крестовый поход» Восстание и независимость венерианских колонистов	Краткий период межпланетного империализма завершился тремя революциями: в Антарктике, США и на Венере. Космические путешествия прекратились до 2072 года
Коммерческая стереооптика	Религиозная диктатура в США	Период малого технического прогресса и ограничения исследований. Крайний пуританизм. Класс священников разрабатывает определенные моменты психодинамики и психометрии, психологии масс и контроля над обществом
– Бустерные орудия		
Синтетическая пища	ПЕРВАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ, с 2075 года	
Управление погодой		
Волновая механика		
«Барьер»		
Управление атомами		
Элементы 93–416		
Парастатическая техника		Начало консолидации Солнечной системы.
		Первая попытка межзвездных исследований
Стабилизация коллоидов		Гражданские беспорядки, за которыми следует конец юности человечества и начало первой зрелой культуры
Исследования симбиоза		
Долголетие		

Эта «первичная версия» плана «Истории будущего» показывает начальный замысел, адаптированный с учетом раннего романа «Нам, живущим». Обратите внимание, что рассказы, концентрирующиеся вокруг «Зеленых холмов Земли» и посвященные заселению Солнечной системы, в этом плане отсутствуют; они были задуманы и написаны только шесть лет спустя, после Второй мировой войны.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА¹

Пророку не стоит излишне конкретизировать.

Л. Спрэг де Камп²

Произведения и этого, и последующих томов серии не задумывались ни как пророчества, ни как история. Автор будет весьма удивлен, если какое-либо из них окажется достаточно похожим на будущие события, чтобы рассматриваться как успешное прорицание.

Рассказы эти относятся к типу «Что будет, если...», где «если» — основной постулат каждого из них — представляет собой некое возможное изменение внутри человеческой среды, кроющееся в современной технологии или культуре. Некоторые возможности маловероятны, как в «Линии жизни», другие могут быть реализованы почти наверняка, как в рассказах, посвященных межпланетным полетам.

Обнаружив в этом томе таблицу, в которой обрисована псевдоистория ближайшего будущего, вы можете подумать, что я пытаюсь пророчествовать всерьез. Это иллюзия — таблица разрабатывалась последовательно, деталь за деталью, для того, чтобы избежать ошибок по мере добавления новых рассказов. Вначале она представляла собой большую диаграмму на стене моего кабинета, где я время от времени делал пометки карандашом. Эту идею я позаимствовал у мистера

¹ Написано для сборника «Человек, который продал Луну», составившего 1-й том «История будущего» в серии книг Хайнлайна, запланированных издательством «Shasta».

² *Лайон Спрэг де Камп* (1907–2000) — американский писатель-фантаст, один из родоначальников жанров фэнтези и альтернативной истории.

Синклера Льюиса¹, о котором говорят, будто он ведет карто-теку, собирает и складывает материалы по папкам, чертит схемы и даже весьма подробные карты выдуманного им штата Уиннемак и его главного города Зенита. Для многих мистер Льюис ухитрился сделать Зенит и его горожан реальнее любого сравнимого с ним по размеру настоящего города на Среднем Западе. Я решил, что метод, выбранный мистером Льюисом, наверняка сойдется и мне, и похитил эту идею. Я рад возможности публично выразить ему свою благодарность.

В 1940 году я показал таблицу Джону В. Кэмпбеллу-младшему², и он настоял на ее публикации. С тех пор я в ней погряз; становилось все труднее избежать искушения добавить в нее очередной рассказ. Для рассказов, совершенно несовместимых с уже принятой мной историей, мне пришлось придумать несколько псевдонимов. Сейчас я уже вряд ли нуждаюсь в этой таблице; воплощенная в ней выдуманная история будущего стала для меня не менее реальной, чем Плимутский камень³.

Серия была начата десять лет назад (1939); за прошедшее десятилетие появилось столько же революционных технологий, сколько за весь предшествующий век. Каждый год самые невероятные предвидения писателей-фантастов превращались в обыденные ежедневные газетные новости. На моей схеме можно найти «бустерные орудия», отнесенные на сто лет вперед, однако немцы спроектировали подобные орудия во время Второй мировой войны⁴. Дату первого запуска ракеты к Луне схема относит к 1978 году; я совершенно уверен, что 1978 год — дата неверная, но не готов утверждать, что это не произойдет *раньше*⁵.

¹ Синклер Льюис (1885–1951) — классик американской литературы, лауреат Нобелевской премии.

² Джон В. Кэмпбелл (1910–1971) — американский писатель и редактор, один из основателей традиций современной НФ-литературы.

³ Плимутский камень — скала, около которой, по преданию, в 1620 году высадились американские первопоселенцы.

⁴ Очевидно, Хайнлайн имеет в виду артиллерийские орудия с дополнительными пороховыми зарядами, создававшиеся по проекту «Фау-3».

⁵ В этом Хайнлайн не ошибся: как известно, первая высадка людей на Луну произошла в 1969 году.

Характерный пример — рассказ «Взрыв всегда возможен». Он был написан спустя несколько месяцев после того, как первые известия о расщеплении урана достигли нашей страны, задолго до начала «Манхэттенского проекта» (создания атомной бомбы). За несколько месяцев, прошедших между написанием и первым выходом в свет, рассказ устаревал пять раз — настолько быстро развивалась атомная техника. Для соответствия современному уровню науки некоторые места рассказа были вновь пересмотрены; вне всякого сомнения, скоро в отдельных деталях он устареет снова. Но в одном мы можем быть уверены: не устареет основная идея рассказа, ибо атомная энергия во многих аспектах останется фантастически опасной и для отдельных людей, и для общества в целом — и, несмотря на все опасности, люди будут продолжать с ней работать.

Детали могут быть новыми, но пьеса остается все той же. Технологии мчатся вперед, а люди упорно не желают меняться. Недавно я насчитал в одном киоске четырнадцать разных астрологических журналов — и ни одного журнала по астрономии. От Плимутского камня до атомной энергии прошло всего триста лет, но в Соединенных Штатах, стране водопровода и сантехники, по-прежнему больше дворовых сортиров, чем ватерклозетов. И ко дню, когда люди впервые пройдут по безмолвному лику Луны, это отношение вряд ли сильно изменится. Аномалии века энергии куда курьезнее его чудес.

Но все равно это великий и славный век, самый замечательный из всех, какие только видела наша легкомысленная планета. Иногда он комичен, слишком часто трагичен и всегда прекрасен. Наши самые безумные мечты о будущем будут бледным слепком по сравнению с тем, что нам еще предстоит. Независимо от того, что нас ждет впереди, — я хотел бы участвовать в этом шоу как можно дольше.

*Роберт Э. Хайнлайн
Колорадо-Спрингс, штат Колорадо
5 мая 1949 года*

Для книги «Человек, который продал Луну», первого из запланированных издательством «Shasta»¹ пяти томов с рассказами из «Истории будущего», Хайнлайн написал предисловие, которое было помещено после вступительного слова Джона В. Кэмпбелла. (Вступление Кэмпбелла к «Человеку, который продал Луну» и не менее интересное вступление Каттнера к «Революции 2100 года» не вошли в настоящее издание, они есть только в оригинальном издании «Shasta» и перепечатках.) В предисловии Хайнлайн кратко описывает, как появились опубликованные версии его схематичной таблицы «Истории будущего» (включая переработанную версию, напечатанную на форзацах всех трех книг, изданных «Shasta», и в томе, изданном «Virginia Edition»). Упомянутая им настенная диаграмма была написана от руки в 1939 году, она воспроизведена здесь вместе с вариантом 1941 года, опубликованным в «Astounding»² и схемой 1950-го³.

Он также предостерегает от трактовки своих рассказов как неких «пророчеств» — в любом смысле этого слова. В настоящее время в подобных аргументах надобности нет, но в 1950 году научно-фантастические книги вызывали изрядное смущение среди библиотекарей и литературных обозревателей из «мейн-стрима», снисходивших до того, чтобы обратить внимание на научную фантастику. Хайнлайн затрагивает эту тему во множестве записок того периода, адресованных библиотекарям и отдела закупок библиотек. Проще было признать, что его вынудили играть роль «профессионального пророка», чем отрицать это и пытаться объяснить разные нюансы. Возможно, эти мысли связаны с участием в сборнике, составленном Ллойдом Артуром Эшбахом⁴, «Of Worlds Beyond» («О мирах за пределами»), в который вошло эссе Хайнлайна 1947 года «On the Writing of

¹ «Shasta» — небольшое издательство научной фантастики и фэнтези, действовавшее в Чикаго в 1947–1957 годах.

² «Astounding» — имеется в виду журнал «Astounding Science Fiction», один из самых авторитетных НФ-журналов в США, главным редактором которого с 1938 года был Джон В. Кэмпбелл-младший.

³ Рукописная схема 1939 года в данное издание не включена; она была воспроизведена в предисловии Уильяма Патерсона к первой книге «Истории будущего», подготовленной Вирджинией Хайнлайн.

⁴ Ллойд Артур Эшбах (1910–2003) — американский писатель и издатель фантастики.

Speculative Fiction» («О написании спекулятивной беллетристики»). Даже в 1950-е годы смысл научной фантастики многим людям был темен, и Хайнлайн взял на себя роль Главного Разъяснителя ее Неясных Концепций. К 1980 году эти обсуждения вылились в пересмотренный и расширенный вариант эссе «Камо грядеши?» (изначальный вариант напечатан в 1950 году, вторая редакция вышла в 1965 году), опубликованного в книге «Расширенная Вселенная», но даже в нем Хайнлайн рассматривал скорее методы предсказания, а не прорицательскую роль научной фантастики.

Если сравнить рукопись предисловия с его опубликованным вариантом, можно увидеть, что, например, рассказ «...И построил он себе скрюченный домишко» Хайнлайн считал частью «Истории будущего». Рассказ был выброшен из сборника «Человек, который продал Луну» кем-то (возможно, редактором «Shasta») в промежутке между маем 1949 года, когда Хайнлайн написал свое предисловие, и сдачей книги в печать (точная дата неизвестна, но вышла она год спустя, весной 1950 года) — на том основании, что рассказ имеет лишь косвенное отношение к циклу. Между тем ничего противоречащего миру «Истории будущего» в «Скрюченном домишке» нет (как нет и в рассказе «...А еще мы выгуливаем собак», который появился в «Зеленых холмах Земли»¹ и без препятствий дошел до сборника «Past Through Tomorrow»²).

¹ «Зеленые холмы Земли» («The Green Hills of Earth») — сборник 1951 года.

² «Past Through Tomorrow» — сборник, в который вошло большинство произведений из цикла «История будущего» (первое издание — 1967 год).

ЛИНИЯ ЖИЗНИ

Председатель стучал молотком по столу, добиваясь тишины. Свист и крики в зале постепенно затихали — по мере того как добровольные блюстители порядка утихомиривали своих наиболее вспыльчивых коллег. Докладчик, стоявший за кафедрой возле председательского стола, казалось, не замечал, что творилось вокруг. Его безучастное, слегка надменное лицо было спокойно. Председатель повернулся к докладчику, в его голосе слышались едва сдерживаемые гнев и раздражение.

— Доктор Пинеро, — сказал он, выделив голосом первое слово, — я вынужден извиниться перед вами за недопустимое поведение аудитории во время вашего сообщения. Поражаюсь, как мои коллеги могли настолько забыть о достоинстве, присущем людям науки, и позволить себе прерывать докладчика — независимо от того, насколько... — он сделал паузу и пожевал губами, — насколько веским был повод для подобного поведения.

Пинеро ответил ему улыбкой, которую легко можно было бы счесть откровенно оскорбительной. Председатель опять сдержался и продолжал с видимым усилием:

— Мне хотелось бы, чтобы программа сегодняшнего заседания завершилась на достойной ноте и в соответствии с регламентом. Поэтому я хочу, чтобы вы закончили свое сообщение. В то же время я вынужден вас попросить воздержаться от осквернения наших умов идеями, ложность которых самоочевидна для всякого образованного человека. Будьте любезны ограничиться сообщением о своем открытии, если таковое действительно существует.

— Но как же я смогу донести до вас новую идею, не очистив предварительно ваши мозги от старых заблуждений? — Пинеро театрально воздел свои пухлые белые руки.

Аудитория вновь ожила и глухо зароптала. Из задних рядов кто-то выкрикнул:

— Гнать этого шарлатана! Довольно!

Председатель опять постучал молотком:

— Джентльмены! Прошу вас! — и обратился к Пинеро: — Должен ли я напомнить, что вы не являетесь членом данного сообщества и вас сюда никто не приглашал?

Пинеро удивленно приподнял брови:

— Да ну? Помнится, я держал в руках некое приглашение на бланке Академии...

— Верно. — Председатель снова пожевал губами. — Я сам направил вам это приглашение. Но исключительно уступая желаниям одного из наших попечителей, прекрасного человека, проникнутого искренней заботой о благе общества, но отнюдь не ученого, не члена Академии.

Пинеро улыбнулся — все той же раздражающей улыбкой:

— Вот как? Мне следовало бы догадаться... Старина Бидуэлл, не правда ли? «Смешанное страхование жизни»? Конечно же, он жаждет, чтобы его дрессированные тюлени выставили меня шарлатаном. Ведь если я смогу назвать человеку день его смерти, никто не будет покупать у Бидуэлла его прекрасные полисы. Только как же вы разоблачите меня, если не хотите даже выслушать? Впрочем, весьма сомнительно, что у вас хватит ума понять меня, поэтому Бидуэлл, похоже, натравил шакалов на льва.

И Пинеро демонстративно повернулся к залу спиной. Ропот в зале все нарастал, в нем послышались угрожающие ноты. Председатель тщетно призывал к порядку. В первом ряду поднялась фигура:

— Господин председатель!

Председатель решил не упускать шанса и прокричал:

— Джентльмены! Слово предоставляется доктору Ван Рейнсмиту!

Волнение в зале утихло.

Доктор откашлялся, поправил свою роскошную белокурую прическу и засунул руку в карман элегантных брюк, приняв обычный для него вид неопределимого участника заседаний дамских благотворительных обществ.

— Господин председатель, господа члены Академии наук, призываю вас проявить терпимость. Даже убийца имеет право на последнее слово, перед тем как суд огласит приговор. Так можем ли мы поступить иначе? И пусть кто-то из вас уже вынес в уме свой вердикт, лично я готов проявить к доктору Пинеро то же внимание, с каким наше высокое собрание отнеслось бы к любому коллеге, не являющемуся членом нашего сообщества, даже в том случае, — он отвесил доктору Пинеро легкий поклон, — если нам неизвестен университет, присвоивший ему ученую степень¹. Если то, что докладчик собирается нам сказать, неверно, — чем это может нам повредить? Если же его идеи верны, нам следует знать их. — Его мягкий, хорошо поставленный голос лился, умиротворяя и успокаивая. — Если манеры досточтимого доктора не отличаются, на наш взгляд, чрезмерным изяществом, мы должны понимать, что уважаемый докладчик мог прибыть из тех мест или представлять тот круг общества, где подобным пустякам не придают особого значения. Наш добрый друг и спонсор попросил нас выслушать этого человека и по достоинству оценить его изобретение. Так давайте же соблюдать объективность и приличия.

Доктор Ван Рейнсмидт сел под аплодисменты, удовлетворенный тем, что вновь укрепил свою репутацию интеллектуального лидера. Завтрашние газеты не преминут отметить здравый смысл и личное обаяние «самого красивого в Америке президента университета». И кто знает, не раскошелится ли наконец старик Бидуэлл на постройку университетского плавательного бассейна?..

Когда аплодисменты стихли, председатель повернулся туда, где стоял, сложив руки на круглом брюшке, безмятежный возмутитель спокойствия.

¹ На Западе правом присвоить ученую степень обладает любой университет, поэтому одна и та же степень может оказаться почетной, будь она присуждена престижным учебным заведением, и не вызвать ни малейшего уважения, если ее присудил малоизвестный университет.

— Вы продолжите, доктор Пинеро?

— Зачем?

Председатель пожал плечами:

— Вы для этого и пришли.

Пинеро оживился:

— Верно. Очень даже верно. Но было ли это разумно — приходить сюда? Найдется ли здесь хоть один человек, способный взглянуть в лицо голым фактам и не покраснеть? Полагаю, что нет. Даже этот столь великолепный джентльмен, убедительно рекомендовавший вам выслушать меня, даже он уже осудил меня в душе и вынес окончательный приговор. Он искал порядка, а не истины. Но если истина бросает вызов порядку — примет ли он истину? А вы все — примете? Тем не менее, если я не стану продолжать, вы припишете победу себе. И маленький человек с улицы посчитает, что вы, маленькие человечки, изобличили меня, Пинеро, как мошенника и шарлатана. Это меня не устраивает. Я буду говорить.

Еще раз поясню свое открытие. Попросту говоря, я нашел метод, позволяющий определить продолжительность человеческой жизни. Я могу авансом предъявить вам счет Ангела Смерти. Я могу сказать, когда Черный Верблюд преклонит колени у ваших дверей¹. За пять минут с помощью своего аппарата я могу узнать, сколько песчинок осталось в часах, отмеряющих вашу жизнь.

Он замолк, скрестив руки на груди. Несколько мгновений в зале царил тишина, потом начал нарастать беспокойный гул.

— Вы ведь не закончили, доктор Пинеро? — спросил наконец председатель.

— А что еще говорить?

— Вы не рассказали, как именно вы этого добиваетесь.

Брови доктора Пинеро взлетели вверх.

— Вы думаете, я доверю плоды трудов своих детям, которые будут забавляться ими? Это весьма опасное знание, друг

¹ В исламской традиции Черный Верблюд соответствует христианскому Ангелу Смерти, он увозит души умерших. Но в Коране о нем не упоминается, так как он порождение народных верований.

мой. И я храню его для единственного человека, который понимает это, — он похлопал себя по груди, — для самого себя.

— Но как мы узнаем, что у вас есть что-то, кроме ваших нелепых претензий?

— Очень просто. Вы образуете комиссию, которая будет присутствовать при демонстрации изобретения. Если мой метод сработает — прекрасно, вы примете его и объявите об этом всему миру. Если же нет — я буду дискредитирован и принесу вам извинения. Я, Пинеро, извинюсь перед вами!

В задних рядах поднялся тощий сутулый человек. Председатель дал ему слово, и тот заявил:

— Господин председатель, как может уважаемый доктор предлагать нам такое? Неужели он рассчитывает, что мы двадцать или тридцать лет будем ждать чьей-то смерти, чтобы убедиться в обоснованности его предсказаний?

Пинеро ответил, не дожидаясь разрешения председателя:

— Фи! Что за чепуха! Неужели вы настолько невежественны в статистике, что не знаете: в любой достаточно большой группе найдется по крайней мере один человек, которому предстоит умереть в ближайшем будущем? У меня есть предложение: позвольте мне обследовать всех присутствующих в этом зале, и я назову человека, который умрет в течение двух недель, назову день и час его смерти. — Он свирепо оглядел аудиторию. — Вы согласны?

Следующим поднялся толстый мужчина. Он заговорил ровным, размеренным голосом:

— Что до меня, то я не могу одобрить подобного эксперимента. Как врач, я с сожалением отмечаю явные признаки серьезных сердечных заболеваний у многих из наших старших коллег. Если доктор Пинеро также знает эти симптомы, что вполне возможно, и если он изберет свою жертву из их числа, названный им человек может умереть к назначенному сроку независимо от того, работает машинка нашего выдающего докладчика или нет.

Его тут же поддержал другой оратор:

— Доктор Шепард прав. Зачем тратить время на эти шаманские трюки? Я убежден, что субъект, именующий себя *доктором* Пинеро, хочет использовать нас, чтобы придать

вес своим заявлениям. Участвуя в этом фарсе, мы играем ему на руку. Не знаю, что он задумал, но мы ему нужны для рекламы его аферы. И потому я предлагаю, господин председатель, перейти к следующему пункту нашей повестки.

Предложение было встречено одобрительным шумом, но Пинеро и не думал сдаваться. Сквозь возгласы: «К порядку! К порядку!» — он, потрясая своей неопрятной гривой, кричал:

— Варвары! Дегенераты! Бестолочи! Ваша порода мешала признанию всех великих открытий, с начала времен! Из-за вашей компании невежд Галилей переворачивается в гробу! Вон тот жирный дурак, играющий клубным значком, называет себя врачом. «Знахарь» — было бы точнее! А тот лысый коротышка, — да-да, вы! — вы называете себя философом и несете чушь о времени и жизни в чистых категориях. Что вы знаете о жизни? О времени? Как вы можете надеяться понять их, если не хотите познать истину, когда вам выпал шанс? Ха! — Он плюнул на пол. — И вы называетесь Академией наук! Да вы сборище гробовщиков, балзамирующих идеи своих энергичных предшественников!

Он остановился, чтобы набрать в грудь воздуха, и в этот момент его взяли с двух сторон под руки и уволокли за кулисы. Из-за стола прессы поспешно поднялись несколько репортеров и последовали за ним. Председатель объявил перерыв в заседании.

Газетчики перехватили Пинеро у служебного выхода, когда он шагал легкой, пружинящей походкой, насвистывая какой-то легкомысленный мотив. В нем не было и следа воинственности, которую он демонстрировал минуту назад. Репортеры окружили его:

— Как насчет интервью, док?

— Ваши взгляды на современное образование?

— Ну и всыпали же вы им! Что вы думаете о жизни после смерти?

— Снимите шляпу, док, сейчас вылетит птичка!

Он улыбнулся всем сразу:

— По одному, ребята, и не так быстро. Я сам был газетчиком. Как насчет того, чтобы заглянуть ко мне? Там и поговорим.

Уже через несколько минут они пытались отыскать себе место в неприбранной комнате, служившей Пинеро и гостиной, и спальней; кое-как рассевшись, все задымили его сигарами. Пинеро одарил гостей лучезарной улыбкой:

— Что будем пить, ребята? Скотч, бурбон?

Управившись с напитками, он приступил к делу:

— Итак, ребята, что вас интересует?

— Выкладывайте начистоту, док, есть у вас что-то или нет?

— Кое-что есть, мой юный друг, несомненно, есть.

— Вот и расскажите, как оно работает. Та чушь, которую мы втирали профессорам, с нами не пройдет.

— Ну-ну, мой дорогой друг. Это мое изобретение. И я хочу с его помощью немного подзаработать. Что же вы думаете, я все выложу первому встречному?

— Послушайте, док, если вы хотите попасть в утренние газеты, вы должны дать нам хоть что-то, за что можно было бы уцепиться. Чем вы пользуетесь? Магическим кристаллом?

— Не совсем. Впрочем, не хотите ли взглянуть на мой аппарат?

— Охотно! Это уже деловой разговор.

Пинеро проводил их в соседнюю комнату и махнул рукой:

— Вот он, ребята.

Представшее их взорам нагромождение аппаратуры отдаленно напоминало оборудование рентгеновского кабинета. Но с первого взгляда можно было сказать лишь, что использовалась здесь электроэнергия, а некоторые шкалы имели знакомую градуировку; обо всем остальном судить было невозможно — даже о назначении установки.

— На каком принципе эта штукавина работает, док?

Пинеро поджал губы и задумался.

— Вы все, несомненно, знаете, что жизнь имеет электрическую природу. Это трюизм. Он, конечно, гроша ломаного не стоит, но поможет вам понять принцип. Вы также слышали, вероятно, что время — это четвертое измерение. Не важно, верите вы в это или нет. Об этом твердили на каждом углу, и в итоге тезис потерял всякий смысл, превратившись в штамп, которым болтуны пытаются поразить воображение

болванов. Но попробуйте сейчас мысленно представить себе это, попытайтесь ощутить эмоционально. — Он подошел к одному из репортеров. — Возьмем, например, вас. Вас зовут Роджерс, не правда ли? Очень хорошо, Роджерс. Так вот, вы являетесь пространственно-временным объектом, имеющим протяженность в четырех измерениях. Вы почти шесть футов в высоту, около двадцати дюймов в ширину и дюймов десять в глубину. За вами тянется во времени остальная часть пространственно-временного объекта, заканчиваясь примерно в тысяча девятьсот шестнадцатом году. А то, что мы видим сейчас, — поперечный срез этого объекта, сделанный перпендикулярно временной оси и размерами соответствующий текущему моменту. На одном конце объекта — младенец, пахнувший кислым молоком и срыгивающий завтрак на слюнявчик. На другом конце, возможно где-то в восьмидесятых, — старик. Представьте себе этот пространственно-временной объект, именуемый Роджерсом, в виде длинного розового червя, протянувшегося сквозь годы: один его конец во чреве матери, а другой — в могиле. Он тянется здесь, мимо нас, и его поперечное сечение кажется нам одним обособленным телом. Но это иллюзия: существует лишь физическая непрерывность розового червя, тянувшегося сквозь годы. С этой точки зрения существует и физическая непрерывность вида в целом, ибо одни розовые черви отвечают на других; в этом смысле вид похож на виноградную лозу, плети которой переплетаются и дают все новые побеги. И наблюдая перед собой лишь поперечные сечения лозы, мы пребываем в заблуждении, считая ростки отдельными личностями.

Он остановился и оглядел репортеров. Один из них, мрачноватый парень с упрямой физиономией, поинтересовался:

— Все это прекрасно, Пинеро, если, конечно, правда! Но что же дальше?

Пинеро одарил его всепрощающей улыбкой:

— Терпение, друг мой. Я просил вас представить себе жизнь как явление электрическое. Вот и подумайте о нашем длинном розовом черве как об электрическом проводнике.

Вы, возможно, слыхали, что инженеры-электрики с помощью специальных приборов могут с берега определить место обрыва трансатлантического кабеля? Вот и я делаю то же самое с нашими розовыми червяками. Подключая определенным образом свои приборы к находящемуся здесь, в этой комнате, поперечному сечению, я могу предсказать, где произойдет обрыв, иначе говоря — когда наступит смерть. А если хотите, я могу переменить знаки в соединении цепей и назвать точную дату вашего рождения. Однако это неинтересно — вы и так ее знаете.

Мрачный репортер ухмыльнулся:

— Вот вы и попались, док! Если то, что вы говорили о виде как о лозе из розовых червей, правда, то вы не сможете назвать дату рождения, потому что связь с видом при рождении не прерывается. Ваш электрический проводник проходит через мать и ведет к самым ранним предкам человека.

Пинеро расцвел:

— Абсолютно точно, друг мой, и очень разумно. Но вы слишком буквально поняли метафору. Мои измерения производятся все-таки не так, как лоцируется длина электрического проводника. В каком-то смысле моя работа похожа на измерение протяженности длинного коридора при помощи эхолокатора. В момент рождения коридор делает характерный поворот, и, правильно настроив свои приборы, я могу уловить эхо, отраженное этим поворотом. Есть лишь один случай, когда я не могу получить надежного результата: невозможно отделить линию жизни женщины от линии еще не родившегося ребенка, которого она носит во чреве.

— Ну а теперь покажите, как это делается!

— С удовольствием, дорогой мой. Вы согласны подвергнуться проверке?

— Ага! — сказал один из репортеров. — Он поймал тебя на слове, Люк. Соглашайся или заткнись.

— Я в игре. Что мне делать?

— Прежде всего напишите на листке дату вашего рождения и передайте кому-нибудь из коллег.

Люк выполнил указание.

— И что теперь?

— Снимите верхнюю одежду и встаньте на эти весы. Скажите, вы когда-нибудь резко худели? Толстели? Сколько вы весили при рождении? Десять фунтов? Отличный крепкий мальчик. Теперь таких крепышей уже не бывает.

— К чему вся эта болтовня?

— Я стараюсь приблизительно оценить среднее поперечное сечение вашего длинного розового проводника, дорогой мой Люк. А теперь — не хотите ли сесть вот сюда? Этот электрод возьмите в рот. Током вас не ударит, не беспокойтесь, напряжение очень низкое, меньше одного микровольта, а мне нужен хороший контакт.

Доктор отошел от Люка и направился к аппарату. Прежде чем взяться за рукоятки управления, он опустил над собой защитный козырек. Некоторые из оставшихся открытыми циферблатов ожили, машина басовито загудела. Потом гудение смолкло, и Пинеро из своего укрытия объявил:

— У меня получился один из дней февраля двенадцатого года. У кого листок с датой?

Листок был извлечен на свет и развернут. Державший его прочел:

— Двадцать второе февраля тысяча девятьсот двенадцатого года.

В наступившей тишине откуда-то сбоку прозвучал голос:

— Док, могу я выпить еще виски?

Напряжение спало, все заговорили наперебой:

— Проверьте меня, док!

— Сначала меня. Я сирота и хочу знать...

— И правда, док, устройте нам небольшое показательное шоу!

Пинеро, беспрестанно улыбаясь, исполнял все просьбы, ныряя под козырек, словно суслик в норку. Когда у каждого оказалось в руках по два листка, подтверждающих безошибочность ответов доктора, наступило долгое молчание, прерванное Люком:

— Как насчет предсказания дня смерти, Пинеро? Может, покажете нам и это?

— Как угодно. Кто хочет попробовать?

Ответа не последовало. Кое-кто стал выталкивать вперед Люка:

— Ну-ка, ну-ка, умник, давай. Сам ведь напросился.

Тот дал усадить себя в кресло. Пинеро шелкнул несколькими переключателями, потом нырнул под накидку. Когда гудение смолкло, он вновь предстал перед репортерами, довольно потирая руки:

— Ну вот и все, что я хотел вам продемонстрировать, ребята. Хватит вам для репортажа?

— Эй, а где же предсказание? Когда Люк получит свою «тридцатку»?¹

— Да, как насчет этого? — поддержал Люк. — Каков результат?

Пинеро сморщился, словно от боли:

— Джентльмены, вы меня удивляете! Я не раздаю эту информацию бесплатно. И никогда не сообщаю ее никому, кроме клиента, который у меня консультируется.

— Я не против, док. Давайте скажите им!

— Мне очень жаль, но я действительно должен отказаться. Я согласился продемонстрировать вам работу своего аппарата, а не оглашать результат.

Люк затоптал окурок:

— Сплошное надувательство, ребята. Он, похоже, вы-знал возраст каждого репортера в городе, чтобы приготовить-ся к нашей встрече. Это не стоит и стертого медяка, Пинеро!

Пинеро печально посмотрел на него:

— Вы женаты, друг мой?

— Нет.

— Есть у вас кто-нибудь на иждивении? Или близкие родственники?

— Нет, а что случилось? Вы хотите меня усыновить?

Пинеро грустно покачал головой:

— Мне искренне жаль вас, дорогой мой Люк. Вы не доживете до завтрашнего дня.

¹ Выражение обязано своим происхождением телеграфу; тремя иксами или римской цифрой «тридцать» телеграфисты обозначали окончание сообщения. Газетчики, подхватившие у них эту привычку, стали ставить значок в конце статьи, откуда пошли три разделяющие абзацы звездочки. Позже стало эвфемизмом понятия «смерть».

«УЧЕНОЕ СОБРАНИЕ ОБОРАЧИВАЕТСЯ СКАНДАЛОМ»
«УЧЕНЫЙ-ЗУБРИЛКА РАЗДАЕТ ПРЕДСКАЗАНИЯ»
«КОМПОСТЕР СМЕРТИ НА ВАШИХ ТАБЕЛЬНЫХ ЧАСАХ»
«ЖУРНАЛИСТ УМИРАЕТ, КАК ДОКТОР ПРОПИСАЛ»
«„МОШЕННИЧЕСТВО“, — УТВЕРЖДАЕТ УЧЕНЫЙ СОВЕТ»

«...Через двадцать минут после необыкновенного предсказания Пинеро репортер Тиммонс, шедший по Бродвею к офису „Дейли геральд“, где он работал, был сбит с ног упавшей вывеской и скончался.

Доктор Пинеро отказался комментировать происшедшее, но подтвердил, что предсказал смерть Тиммонса при помощи своего так называемого хроновитаметра. Начальник полиции Рой...»

Вас беспокоит БУДУЩЕЕ???

Не тратьте деньги на гадалок — обращайтесь к доктору Хьюго Пинеро, биоконсультанту. С помощью непогрешимых методов науки он поможет Вам спланировать Ваше будущее.

Никакого мошенничества.

Никаких «посланий духов».

Наши предсказания обеспечены обязательством на 10 000\$.

Проспекты высылаются по требованию.

ПЕСКИ ВРЕМЕН, инкорпорейтед.

Мажестик-билдинг, № 700

(на правах рекламы)

Официальное уведомление

Выражаю свое почтение всем, к кому относится нижеследующее: я, Джон Кэбот Уинтроп III, совладелец адвокатской конторы «Уинтроп, Уинтроп, Дитмерс и Уинтроп», подтверждаю, что Хьюго Пинеро, житель этого города, передал мне десять тысяч долларов в подлинных банкнотах Соединенных Штатов и поручил поместить их на хранение в выбранный мною банк со следующими инструкциями:

Вся указанная сумма является залоговой и должна быть немедленно выплачена первому клиенту Хьюго Пинеро и/или «Пески времен, инкорпорейтед», фактическая продолжительность жизни которого превысит предсказанную

Хьюго Пинеро на один процент, или наследникам первого клиента, который не доживет до предсказанного возраста на ту же величину, в зависимости от того, какое событие произойдет раньше.

Я подтверждаю далее, что сегодня поместил указанную залоговую сумму вместе с вышеупомянутыми инструкциями в Первый независимый национальный банк этого города.

Подписано и заверено:
Джон Кэбот Уинтроп III

Подписано и заверено в моем присутствии
во 2-й день апреля 1951 года.

Альберт М. Свенсон,
нотариус графства и штата.

Мои полномочия действительны до 17 июня 1951 года

«Добрый вечер, уважаемые радиослушатели! Экстренное сообщение! Хьюго Пинеро, Маг и Волшебник из Ниоткуда, сделал свое тысячное предсказание дня смерти, и пока еще никто не потребовал с него залоговую сумму, которую он обещал выплатить любому, кто поймает его на ошибке. Учитывая, что уже тринадцать его клиентов мертвы, можно считать математически доказанным, что у него есть личный канал связи с офисом старухи с косой. Что до меня, то это одна из тех новостей, которые я не хочу узнавать до того, как все произойдет. И потому ваш корреспондент, освещающий события по стране, никогда не станет клиентом пророка Пинеро...»

Баритон судьи холодным ветром ворвался в спертый воздух зала суда:

— Будьте любезны, мистер Уимс, давайте вернемся к нашим баранам. Суд удовлетворил вашу просьбу о временном прекращении деятельности ответчика, а теперь вы просите, чтобы это ограничение стало постоянным. Доктор Пинеро счел ваши аргументы недостаточно вескими и попросил, чтобы судебный запрет был отменен, а также чтобы я обязал вашего клиента оставить попытки вмешиваться в то, что Пинеро именует обыкновенным законным бизнесом. Поскольку вы обращаетесь не к присяжным, будьте любезны оста-

вить риторику и объяснить мне простым языком, почему я не могу удовлетворить его просьбу.

Мистер Уимс нервно дернул головой, проведя своим дряблым серым вторым подбородком по кромке высокого воротничка, и продолжил:

— С позволения высокого суда я представляю здесь общественность...

— Минуточку. Мне казалось, что вы выступаете от имени «Смешанного страхования жизни»...

— Формально — да, ваша честь. Но я представляю также и несколько других основных страховых, фидуциарных¹ и финансовых учреждений, а значит, их акционерами и держателями полисов является большинство наших граждан. Кроме того, мы считаем, что защищаем интересы всего населения — неорганизованного, безмолвствующего и не защищенного иным образом.

— Мне казалось, что интересы общественности представляю здесь я, — сухо заметил судья. — Боюсь, что должен буду рассматривать вас как представителя вашего официального клиента. Но продолжайте; каковы ваши доводы?

Пожилой барристер² безуспешно попытался проглотить кадык и продолжил:

— Ваша честь, мы утверждаем, что существуют две независимых причины, требующие превратить этот запрет в постоянный; больше того, любой из этих причин по отдельности было бы достаточно. Во-первых, этот человек занимается пророчеством, то есть деятельностью, запрещенной как общим законом, так и специальным юридическим актом. Он — обыкновенный прорицатель, мошенник и шарлатан, наживающийся на доверчивости публики. Он гораздо умнее обычной цыганки, предсказывающей судьбу по руке, астролога или медиума, и потому более опасен. Он обманывает, ссылаясь на современные научные методы, чтобы придать убедительность своему волхованию. Мы пригласили в суд

¹ То есть основанных на доверии. К фидуциарным обществам относятся общества взаимного кредита, взаимного страхования, товарищества на доверии и др.

² Адвокат высшего ранга, имеющий право выступать во всех судах (уголовном, гражданском, морском и т. д.).

ведущих представителей Академии наук, которые со знанием дела могут засвидетельствовать нелепость его притязаний.

Во-вторых, даже если притязания этого человека справедливы — допустим ради дискуссии такое абсурдное предположение, — мистер Уимс позволил своим тонким губам растянуться в чуть заметной усмешке, — мы утверждаем, что его деятельность противозаконна, противоречит общественным интересам вообще и наносит ущерб моим клиентам в частности. Мы готовы привести многочисленные юридически формальные доказательства того, что этот человек опубликовал или дал повод к публикации различных высказываний, убеждающих публику обходиться без необходимых преимуществ страхования жизни, нанося тем самым серьезный ущерб как ее благополучию, так и финансовому положению моего клиента.

Пинеро встал со своего места:

— Ваша честь, могу я сказать несколько слов?

— Что именно?

— Я считаю, что могу упростить ситуацию, если мне позволят провести короткий анализ.

— Ваша честь, — прервал его Уимс, — это абсолютно противоречит правилам.

— Терпение, мистер Уимс. Ваши интересы будут соблюдены. По-моему, в этом деле нам нужно больше ясности и меньше шума. Если доктор Пинеро в состоянии сократить процедуру, выступив на этой стадии, я склонен разрешить ему это. Продолжайте, доктор Пинеро.

— Благодарю, ваша честь. Прежде всего, рассмотрев последнее утверждение мистера Уимса, я готов признать, что публиковал те высказывания, о которых он говорил...

— Минуточку, доктор. Вы решили сами выступать в качестве своего адвоката? Вы уверены, что способны защитить свои интересы?

— Я готов рискнуть, ваша честь. Наши друзья смогут легко доказать лишь то, что я и сам готов признать.

— Отлично. Можете продолжать.

— Я признаю, что многие аннулировали страховые полисы вследствие моей деятельности, но мои оппоненты не смогут доказать, что понесли в результате какие-либо убыт-

ки или потерпели ущерб. Я признаю, что «Смешанному страхованию жизни» в результате моей деятельности причинен ущерб, но ведь это — естественное следствие моего открытия, которое сделало полисы столь же устаревшими, как лук и стрелы. Если на таком основании можно налагать запрет, то я создам фабрику керосиновых ламп, а потом обращусь в суд с просьбой наложить запрет на деятельность компаний «Эдисон» и «Дженерал электрик» и отказать им в праве производить лампы накаливания.

Я признаю, что занимаюсь предсказанием смертей, но отрицаю, что практикую магию черного, белого или радужного цвета. Если предвидение при помощи точных научных методов является противозаконным, то служащие «Смешанного» занимаются противозаконным бизнесом многие годы, поскольку заранее рассчитывают точный процент тех, кто умрет в течение года из любой данной большой группы населения. Я предсказываю смерть в розницу, «Смешанное» предрекает ее оптом. Если их действия законны, как могут быть незаконными мои?

Согласен, многое зависит от того, могу ли я в действительности делать то, на что претендую. Так называемые эксперты из Академии наук будут свидетельствовать, что нет. Но они ничего не знают о моем методе и потому не в состоянии дать обоснованное заключение о его сути...

— Минуточку, доктор. Мистер Уимс, правда ли, что ваши эксперты не знакомы с теорией доктора Пинеро и его методами?

Мистер Уимс выглядел обеспокоенным. Побарабанив пальцами по столу, он сказал:

— Позволит ли мне суд несколько минут посоветоваться с клиентами?

— Разумеется.

Мистер Уимс торопливо пошептался со своей командой, потом повернулся к судье:

— У нас есть предложение, ваша честь. Если доктор Пинеро объяснит сейчас теорию и практику своего так называемого метода, эти выдающиеся ученые смогут изложить суду свое мнение о степени обоснованности его претензий.

Судья обратил к Пинеро вопрошающий взгляд.

— Добровольно я на это не пойду, — ответил Пинеро. — Справедлива моя теория или нет, но, попав в руки мошенников и невежд, она может стать опасной. — Он сделал жест в сторону группы профессоров, сидящих в первом ряду, помолчал и зло усмехнулся: — И они сами это прекрасно знают. Кроме того, нет никакой нужды понимать процесс, чтобы убедиться в его результативности. Разве есть нужда постигать сокровенное таинство биологического воспроизводства, чтобы прийти к выводу, что курица несет яйца? Разве я обязан переучивать всю эту компанию людей, самозванно назначивших себя хранителями мудрости, избавлять их от врожденных суеверий, чтобы доказать, что мои предсказания верны? В науке существуют лишь два метода формирования мнения: эмпирический и схоластический. Человек может либо судить по результатам эксперимента, либо слепо поверить авторитету. Для научно ориентированного ума экспериментальное доказательство является самым главным, теория для него — лишь удобное средство для описания явления. Когда теория перестает соответствовать фактам, ее отправляют на свалку. Для академического ума авторитет абсолютен, и на свалку отправляются факты, если они перестают соответствовать теории, выдвинутой авторитетом.

Именно такова точка зрения академических умов, как устрицы приросших к отжившим теориям, — всегда препятствовать развитию знания. Я готов экспериментально доказать действенность моего метода; как Галилей на суде, я утверждаю: «И все-таки она вертится!»

Однажды я уже предлагал этим самозванным экспертам провести такой эксперимент, но они отказались. Я вновь возвращаюсь к своему предложению: позвольте мне измерить продолжительность жизни членов Академии наук. Пусть они сформируют комитет для рассмотрения результатов. Я запечатаю свои данные в два комплекта конвертов: в одном комплекте на каждом конверте будет написано имя академика, а внутри — дата его смерти. На других конвертах я помешу даты, а внутрь вложу имена. Пусть комитет положит конверты в сейф и затем собирается время от времени, чтобы вскрыть надлежащие конверты. В такой большой груп-

пе людей, если верить актуариям¹ «Смешанного», каждые одну-две недели кто-нибудь да умирает. Таким образом они быстро накопят данные, чтобы установить, лжет Пинеро или нет.

Он замолчал и выпятил впалую грудь настолько, что она почти сравнялась с его круглым брюшком. Он свирепо взглянул на вспотевших от волнения ученых мужей:

— Ну так как же?

Судья поднял брови и посмотрел в глаза мистеру Уимсу:

— Вы принимаете?

— Ваша честь, я считаю предложение совершенно неуместным...

Судья оборвал его:

— Предупреждаю, что вынесу постановление не в вашу пользу, если вы не примете этого предложения или сами не предложите столь же разумного способа установления истины.

Уимс открыл было рот, потом передумал, взглянул на свидетелей-академиков и повернулся к судье:

— Мы принимаем, ваша честь.

— Прекрасно. О деталях договоритесь между собой. Временный запрет отменяется, никто не вправе препятствовать доктору Пинеро заниматься своим бизнесом. Решение по иску о постоянном запрете откладывается с последующим возвратом к делу после сбора необходимых данных. Прежде чем покончить с этим делом, я хотел бы прокомментировать теорию, на которой вы, мистер Уимс, косвенно основывали свое заявление об ущербе, причиненном вашему клиенту. В умах определенных общественных групп в этой стране утвердилось представление, что, если человек или корпорация в течение ряда лет каким-либо образом зарабатывают на гражданах, правительство и суды обязаны гарантировать им этот заработок в будущем, даже при изменении обстоятельств и вопреки общественным интересам. Эта странная доктрина не подкрепляется ни юридическими установками, ни законом. Ни человек, ни корпорация не имеют

¹ То есть специалистам по технике страхования, занимающимся расчетами страховых взносов, премий и т. д.

никакого права обращаться в суд с просьбой ради их частной выгоды остановить или повернуть вспять ход истории. Это все.

Бидуэлл недовольно проворчал:

— Уимс, если вы не придумаете ничего лучшего, «Смешанному» придется подыскать себе нового юрисконсульта. Вот уже десять недель, как вы проиграли дело, этот сморчок гребет деньги лопатой, а все страховые компании в стране на грани краха. Хосткинс, как у нас обстоит с потерями?

— Трудно сказать, мистер Бидуэлл. Дело с каждым днем идет все хуже. На этой неделе мы выплатили по тринадцати большим полисам; все они были выписаны после того, как Пинеро возобновил свои сеансы.

В разговор включился маленький худощавый человек:

— Я думаю, Бидуэлл, мы в «Объединенном» не должны принимать никаких новых заявок от клиентов, пока не убедимся в том, что они не консультировались у Пинеро. Разве мы не можем подождать, пока эти ученые разоблачат его?

Бидуэлл фыркнул:

— Ты, чертов оптимист! Они не разоблачат его, Олдрич, неужели ты не можешь взглянуть в лицо фактам? У этого маленького пузыря что-то есть, хоть я и не понимаю что. Нам предстоит борьба до конца. Если мы будем ждать, мы обречены. — Он швырнул сигару в пепельницу и свирепо откусил кончик новой. — Убирайтесь отсюда, все вы! Я займусь этим сам. И ты тоже, Олдрич. «Объединенное» может ждать, но «Смешанное» ждать не будет.

Уимс нерешительно прочистил горло:

— Мистер Бидуэлл, надеюсь, вы проконсультируетесь со мной, прежде чем предпринять какое-нибудь серьезное изменение в политике?

Бидуэлл хмыкнул. Участники совещания потянулись к двери. Когда все вышли и дверь за ними закрылась, Бидуэлл нажал клавишу селектора:

— О'кей, пошли его ко мне.

Дверь открылась; худощавый юркий человечек на мгновение задержался на пороге. Прежде чем войти, он быстро обежал кабинет взглядом маленьких темных глаз, потом то-

ропливым мягким шагом подошел к Бидуэллу и обратился к нему бесцветным монотонным голосом. Лицо его оставалось бесстрастным, за исключением подвижных звериных глазок.

— Вы хотели поговорить со мной?

— Да.

— О чем?

— Садись, потолкуем.

Пинеро встретил юную чету у дверей кабинета:

— Входите, дорогие мои, входите. Присаживайтесь, будьте как дома. А теперь скажите мне, что вы хотите услышать от Пинеро? Несомненно, столь молодые люди не должны особенно задумываться о последней перекличке?

На открытом лице юноши отразилось легкое замешательство.

— Ну, видите ли, доктор Пинеро, меня зовут Эд Хартли, а это моя жена Бетти. Мы ждем — то есть Бетти ждет — ребенка, и... ну...

Пинеро ласково улыбнулся:

— Понимаю. Вы хотите узнать, как долго будете жить, чтобы возможно лучше обеспечить будущее своего ребенка. Очень разумно. Вы хотите провериться оба или только молодой человек?

— Мы оба хотим, — ответила девушка.

Пинеро улыбнулся ей своей сияющей улыбкой:

— Безусловно. Я с вами согласен. Правда, ваш случай представляет определенные технические сложности, но некоторую информацию я могу дать уже сейчас, а потом, после рождения ребенка, проверю еще раз. А теперь, дорогие мои, пройдите в лабораторию, и мы приступим.

Он позвонил, чтобы принесли амбулаторные карты, потом провел посетителей в лабораторию.

— Сначала миссис Хартли. Пожалуйста, будьте добры, снимите обувь и верхнюю одежду там, за ширмой. И не забывайте, что я старый человек, а вы пришли на консультацию, как к врачу.

Он повернулся к аппарату и слегка подрегулировал его. Эд кивнул жене, та скользнула за ширму и через мгнове-

ние появилась вновь, одетая в два шелковых лоскута. Пинеро взглянул на нее, отметив про себя свежесть и трогательную стыдливость юности.

— Сюда, моя дорогая. Сначала придется вас взвесить. Вот так. Теперь встаньте на стенд. Этот электрод возьмите в рот. Нет, Эд, не надо прикасаться к ней, пока она включена в цепь. Это не займет и минуты. Не двигайтесь.

Он нырнул под козырек машины, и ее циферблаты ожили. Почти тут же он появился вновь, лицо его выражало озабоченность.

— Эд, вы прикасались к ней?

— Нет, доктор.

Пинеро снова исчез и на этот раз пропадал там немного дольше. Потом, предложив Бетти сойти с помоста и одеться, повернулся к ее мужу:

— Приготовьтесь, Эд.

— Ну что там у Бетти, доктор?

— Небольшое осложнение. Но сперва я хочу проверить вас.

На этот раз он вынырнул из-под накидки с еще более озабоченным видом. Когда Эд поинтересовался о причине беспокойства, Пинеро, пожав плечами, изобразил улыбку:

— Дело не в вас, мой мальчик. Очевидно, какая-то механическая неисправность. Так что сегодня я не могу вам ничего сказать. Мне нужно внимательно осмотреть аппарат. Не могли бы вы зайти завтра?

— Думаю, смогу. Мне очень жаль, что ваша машина испортилась. Надеюсь, это не очень серьезно.

— Ну конечно, я уверен. Не согласитесь ли вернуться в кабинет и немножко пообщаться со мной?

— Спасибо, доктор, вы очень любезны.

— Но, Эд, ведь я должна встретиться с Элен...

Пинеро призвал на помощь все свое обаяние:

— Может быть, вы подарите мне несколько минут, моя дорогая юная леди? Я уже стар и обожаю общение с молодежью. А бывать в компаниях молодых приходится очень редко... Пожалуйста...

И, подхватив Бетти под руку, он увлек их в кабинет. Потом приказал подать лимонад и печенье, предложил им сигареты, а сам закурил сигару.

Сорок минут спустя Эд все еще зачарованно внимал рассказу доктора о его юношеских приключениях на Огненной Земле, тогда как Бетти все больше нервничала и откровенно стремилась уйти. Когда доктор сделал паузу, чтобы раскурить потухшую сигару, она встала:

— Доктор, нам действительно пора уходить. Мы сможем дослушать вас завтра.

— Завтра? Но завтра на это не будет времени.

— У вас и сегодня нет времени. Ваша секретарша уже пять раз звонила.

— Что вам стоит уделить мне еще несколько минут?

— Сегодня никак не могу, доктор. У меня назначена встреча. Меня ждут.

— И вас невозможно переубедить?

— Боюсь, что невозможно. Идем, Эд.

Когда дверь за ними закрылась, доктор встал у окна и стал смотреть на город внизу. Вскоре он увидел две крохотные фигурки, вышедшие из здания, в котором размещалась его контора. Он смотрел, как они поспешно подошли к углу, подождали, пока загорится зеленый сигнал, и начали переходить улицу. Они были уже на половине пути, когда раздался вой сирены. Фигурки нерешительно остановились, подались было назад, снова остановились и обернулись. В следующее мгновение их сбила машина. Когда она наконец остановилась, то, что осталось позади, уже мало походило на человеческие фигуры, напоминая, скорее, беспорядочную грудку тряпья.

Через минуту доктор отвернулся от окна. Потом он поднял телефонную трубку и сказал секретарше:

— Отмените все приемы до конца дня... Нет... Ни одного... Меня это не волнует, отмените их.

Потом он опустился в кресло. Его сигара погасла. И еще долго после наступления темноты он продолжал сидеть, держа в зубах незажженную сигару.

Пинеро расположился за столом и созерцал сервированный перед ним изысканный обед. Сегодня он выбирал блюда особенно тщательно и специально вернулся домой пораньше, чтобы без спешки насладиться ими.

Чуть позже он позволил нескольким каплям «Альпийской фиалки» оросить язык и тоненькой струйкой скользнуть в горло. От густого ароматного ликера во рту потеплело, и Пинеро вспомнил запах маленького горного цветка, подарившего имя напитку. Он вздохнул. Блюда были самые лучшие, утонченные, и они оправдывали этот экзотический ликер. Его размышления были прерваны шумом у входной двери. Протестующий голос его пожилой служанки прервал мужской. Потом звуки переместились в холл, и двери столовой распахнулись.

— Madonna! Non si puo entrare!¹ Хозяин обедает!

— Пустяки, Анджела. У меня найдется время побеседовать с этими джентльменами. Можете идти.

Пинеро повернулся к стоящему впереди человеку с угрюмым лицом:

— У вас ко мне дело, не так ли?

— Не сомневайтесь. Порядочные люди уже по горло сыты вашей чертовой чепухой!

— И что же?

Прежде чем посетитель ответил, из-за его спины вышел маленький, аккуратно одетый субъект.

— Мы можем начать. — Председатель комитета вставил ключ в замочную скважину и открыл ящик. — Венцель, помогите мне вынуть сегодняшние конверты.

Служитель коснулся его руки:

— Доктор Берд, вас к телефону.

— Прекрасно. Принесите аппарат сюда.

Когда телефон был доставлен, председатель поднес трубку к уху:

— Алло... Да. Говорите... Что?.. Нет, мы ничего не слышали... Разрушили машину, вы говорите?.. Мертв! Как?.. Нет! Нет, никакого заявления. Ничего вообще... Позвоните мне позже...

Он швырнул трубку на аппарат и оттолкнул его от себя.

— Что случилось?

¹ Пресвятая Дева! Вам сюда нельзя! (ит.) — Примеч. С. В. Голд.

— Кто мертв?

Берд поднял руку:

— Тише, джентльмены, прошу вас! Несколько минут тому назад в своем доме убит Пинеро.

— Убит?

— Но это не все. Одновременно какие-то вандалы ворвались в его контору и уничтожили аппарат.

Повисла тишина. Члены комитета молча переглядывались. Казалось, никто не мог решиться первым нарушить молчание.

Наконец один из них сказал:

— Достаньте его.

— Что?

— Конверт Пинеро. Он тоже там. Я видел.

Берд нашел конверт, медленно вскрыл и, развернув лежащий в конверте листок, пробежал его глазами.

— Ну? Что там?

— Час тринадцать минут пополудни — сегодня.

Они приняли новость в молчании.

Напряженное спокойствие было нарушено одним из членов комитета, сидевшим напротив Берда: он потянулся к ящику. Берд перехватил его руку:

— Что вы хотите сделать?

— Мое предсказание... Оно там... Все мы там.

— Да-да, мы все здесь. Давайте разберем их.

Берд возложил руки на ящик. Не произнося ни слова, он смотрел на человека, сидящего напротив. Берд облизнул губы. Уголок его рта дергался, пальцы дрожали. Но он по-прежнему хранил молчание. Человек напротив обмяк и откинулся на спинку кресла:

— Конечно, вы правы...

— Дайте вон ту корзину для бумаг. — Голос Берда был хриплым, напряженным, но твердым.

Взяв ее, он высыпал мусор прямо на ковер и поставил корзину перед собой на стол. Затем Берд разорвал полдюжины конвертов, поджег их спичкой и уронил в корзину. Потом он принялся методично рвать конверты и пригоршнями бросать обрывки в огонь. От дыма он закашлялся, из глаз

потекли слезы. Кто-то встал и распахнул окно. Когда все было кончено, Берд оттолкнул корзину, взглянул туда, где она стояла, и сказал:

— Боюсь, я испортил столешницу.

КОММЕНТАРИЙ

Рассказ «Линия жизни» не был задуман как часть «Истории будущего». Его включили в цикл задним числом, когда готовилась к публикации первая версия диаграммы «Истории будущего». Хайнлайн упрочил его положение в цикле в 1973 году, когда Лазарус Лонг мимоходом упоминает о «шарлатане Пинеро» в романе «Достаточно времени для любви».

Хайнлайн заново отредактировал многие рассказы, когда готовилось переиздание сборника в твердом переплете, но «Линия жизни» почти не подверглась «подтасовке», за исключением переноса даты с 1939 на 1950 год (дата нотариального заверения в этом рассказе — одна из немногих конкретных дат в «Истории будущего») и одного исправления в тексте, отмеченного в книге Гиффорда «Robert A. Heinlein: A Reader's Companion» («Nitrosyncretic Press», 2000), которое убирало слегка рискованное (по тем временам) упоминание о «лоскутах» одежды.

ДА БУДЕТ СВЕТ!

Арчибальд Дуглас, доктор наук, доктор философии и бакалавр естественных наук, с нескрываемым раздражением перечитал телеграмму:

ПРИБЫВАЮ ГОРОД СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ ТЧК ЖЕЛАЮ
ОБСУДИТЬ ХОЛОДНЫЙ СВЕТ ВАШЕЙ ЛАБОРАТОРИИ ДЕ-
СЯТЬ ПОПОЛУДНИ (подпись) ДР М Л МАРТИН

Что, правда? Прибывает в город? Желает обсудить? Он что, решил, будто здесь не лаборатория, а отель? И что, этот самый Мартин и впрямь полагает, будто у него, Дугласа, найдется время на первого встречного, кому хватило денег на телеграмму? Дуглас уже мысленно составлял текст вежливого, но обескураживающего ответа, но вдруг заметил, что телеграмма отправлена из аэропорта на Среднем Западе. Что ж, ладно — пусть прилетает. Встречаться с ним Дуглас не собирался.

И все же, движимый естественным любопытством, он достал экземпляр «Кто есть кто в научном мире» и отыскал своего обидчика. Д. Д. Т., А. Б. В., Д. М. Б., К. П. П. — степеней у него хватило бы на шестерых. Гм... руководство исследованиями фауны бассейна Ориноко для Музея Гуггенхайма, автор работы «Сопутствующий симбиоз хлопковых долгоносиков»... и так далее на три дюйма мелким шрифтом. Похоже, этот парень был настоящим тяжеловесом.

Минутой позже Дуглас уже стоял перед зеркалом в лабораторном санузле. Сняв грязный лабораторный халат, он достал из кармана жилета расческу и тщательно навел лоск на

гладкие черные волосы. Ладно скроенный пиджак в клетку, шляпа с загнутыми полями — и он был готов выйти на улицу.

«Не так уж плохо, — подумал он, ощупывая украшавший темную кожу на щеке бледный шрам. — Даже несмотря на шрам».

Если бы не сломанный нос, вид у него вообще был бы безупречный.

Ресторан, где он ужинал в одиночестве, наполовину был пуст — здесь становилось оживленнее позже, когда подтягивалась публика из театров, но Дугласу нравились игравший свинг оркестр и хорошая еда. Он уже заканчивал ужин, когда мимо прошла молодая женщина и села через столик напротив него. Он осторожно окинул ее взглядом. Довольно-таки симпатичная: фигура стриптизерши, копна русых волос, приятный цвет лица и большие голубые глаза. Скорее всего, тупа как пробка, но чего еще ожидать?

Дуглас решил пригласить ее составить ему компанию. Если все сложится удачно — доктор Мартин может катиться к черту. Написав записку на обратной стороне меню, он позвал официанта:

— Кто она такая, Лео? Из местных девиц?

— Нет, месье, я ее раньше не видел.

Расслабившись, Дуглас стал ждать результата. Призывный взгляд незнакомки он почувствовал, едва ее увидев, и в исходе не сомневался. Девушка прочитала записку и, слегка улыбувшись, посмотрела на него. Он с интересом улыбнулся в ответ. Одолжив у официанта карандаш, она что-то написала на меню, которое Лео отдал Дугласу.

«Прошу прощения, — прочитал он, — и спасибо за любезное приглашение, но я уже занят».

Расплатившись, Дуглас вернулся в лабораторию.

Лаборатория Дугласа располагалась на верхнем этаже фабрики его отца. Оставив входную дверь открытой и отправив лифт вниз в ожидании визита доктора Мартина, он занялся выяснением причины раздражающей вибрации в центрифуге. Ровно в десять послышалось гудение лифта. Едва Дуглас успел подойти к двери, прибыл его гость.

Перед ним стояла девица с медового цвета волосами, которую он пытался подцепить в ресторане.

— Как вы сюда попали, черт побери? — в гневе бросил он. — Шли следом за мной?

Девушка тут же замерла:

— У меня назначена встреча с доктором Дугласом. Пожалуйста, передайте ему, что я пришла.

— Черта с два. Что это еще за игры?

Она сдержалась, но, судя по ее лицу, это стоило ей немалых усилий.

— Думаю, об этом лучше судить доктору Дугласу. Передайте ему, что я пришла. Немедленно.

— Он перед вами. Я доктор Дуглас.

— Вы?! Ни за что не поверю. Вы больше похожи на... на гангстера.

— И тем не менее это я. А теперь хватит этой клоунады, сестренка, и говорите быстрее, что вам надо. Как вас зовут?

— Я доктор М. Л. Мартин.

Дуглас ошеломленно уставился на нее, а затем расхохотался:

— Что, правда? Не станете же вы шутить над родственником из провинции? Заходите, док, заходите.

Девушка последовала за ним. Вид у нее был недоверчивый, словно у бродячей собаки, готовой немедленно огрызнуться на любые поползновения. Сев на предложенный стул, она вновь обратилась к хозяину лаборатории:

— Вы в самом деле доктор Дуглас?

— Собственной персоной, — улыбнулся он. — И я могу это подтвердить. А как насчет вас? Мне все еще кажется, что это какая-то ловушка или шантаж.

Она снова замерла:

— Вам что, нужно мое свидетельство о рождении?

— Вероятно, вы убили доктора Мартина в лифте и сбросили труп несчастного старика в шахту.

Встав, она взяла перчатки и сумочку, намереваясь уйти.

— Ради этой встречи я преодолела полторы тысячи миль. Извините, если зря вас побеспокоила. Всего хорошего, доктор Дуглас.

Он тут же бросился ее успокаивать:

— Ну-ну, не сердитесь — я просто пошутил. Меня развеселило, что прославленный доктор Мартин выглядит почти точь-в-точь как Бетти Грейбл¹. А теперь садьте, — он осторожно забрал у нее перчатки, — и позвольте мне предложить вам выпить, от чего вы ранее отказались.

Девушка поколебалась, она все еще сердилась, но врожденный добрый нрав все же взял верх, и она наконец расслабилась.

— Ладно, давайте.

— Вот так-то лучше. Что будете — скотч или бурбон?

— Мне бурбон — и поменьше воды.

К тому времени, когда были наполнены бокалы и зажжены сигареты, напряжение окончательно спало.

— Так чем же я обязан вашему визиту? — начал Дуглас. — Я ни черта не понимаю в биологии.

Выпустив колечко дыма, она ткнула в него карминовым ногтем.

— Помните вашу статью в апрельском «Физическом обозрении»? Насчет холодного света и возможных путей его получения?

— Электролюминесценция против хемилюминесценции, — кивнул он. — Вряд ли это может быть интересно биологу.

— И тем не менее я работаю над той же проблемой.

— С какой стороны?

— Я пыталась выяснить, каким образом светится светлячок. В Южной Америке я встречала несколько особо ярких видов, и это навело меня на мысль...

— Гм... возможно, что-то в этом есть. И что вы выяснили?

— Не так уж много нового. Как вам, вероятно, известно, светлячок является невероятно эффективным источником света: его эффективность составляет почти девяносто шесть процентов. А какова, по-вашему, эффективность обычной промышленной лампы накаливания с вольфрамовой нитью?

¹ Бетти Грейбл (1916–1973) — американская актриса, танцовщица и певица.

— Не больше двух процентов.

— Примерно так. А маленький глупый жучок справляется в пятьдесят раз лучше, не прилагая особых усилий. Нам с ними не сравниться, верно?

— Не особо, — признал Дуглас. — Давайте дальше про жучков.

— В общем, у светлячка в брюшке находится активное органическое соединение, очень сложное, под названием люциферин. Когда он окисляется в присутствии катализатора, люциферазы, вся энергия окисления преобразуется в зеленый свет, без выделения тепла. Стоит восстановить его с помощью водорода — и можно начинать реакцию заново. Я научилась проделывать это в лабораторных условиях.

— Черт, вы сделали это! Поздравляю! Я вам не нужен. Можно закрывать лавочку.

— Не торопитесь. Это нереально с коммерческой точки зрения, для процесса требуется очень много оборудования, он слишком сложен, и мне не удастся получить яркий свет. Я пришла к вам, чтобы выяснить, не удастся ли нам объединить усилия, собрать вместе всю имеющуюся у нас информацию и создать нечто применимое на практике.

Три недели спустя, в четыре часа утра, доктор М. Л. Мартин — для друзей Мэри Лу — жарила яйцо на бунзеновской горелке. Всю ее одежду составлял длинный резиновый лабораторный фартук поверх шорт и свитера. Длинные русые волосы свисали свободными прядями. Изящные ноги были открыты всем взорам, из-за чего казалось, будто она сошла с обложки мужского журнала.

— Слушай, горилла, — она повернулась к устало развалившемуся в большом кресле Дугласу, — похоже, у нас сгорела кофеварка. Приготовить кофе в перегонном аппарате?

— Я думал, у тебя там был змеиный яд.

— Так и есть. Я сполосну.

— Боже правый, женщина! Тебе что, все равно, насколько ты рискуешь собственной жизнью? Или моей?

— Ерунда — от змеиного яда никакого вреда, даже если его выпить, разве что если от той дряни, которую ты хлещешь, у тебя образовалась язва желудка. Завтрак готов!

Она скинула фартук и села, скрестив ноги. Дуглас машинально устоял на нее:

— Мэри Лу, распутница, почему ты вечно голая в лаборатории? Ты возбуждаешь мою романтическую натуру.

— Глупости. Никакой романтической натуры у тебя нет. Давай к делу. Где мы сейчас?

Дуглас провел рукой по волосам и задумчиво пожевал губами:

— Думаю, мы уперлись в каменную стену. Что бы мы ни пытались делать — никаких многообещающих результатов.

— Похоже, проблема, по сути, состоит в том, чтобы ограничить энергию излучения видимым диапазоном частот.

— В твоих устах это звучит столь просто, ясноглазка моя.

— Оставь свой сарказм. Тем не менее именно в этом состоит источник потерь при обычном электрическом освещении. Нить раскалена добела, но лишь около двух процентов всей энергии превращается в свет, а остальное уходит в инфракрасный и ультрафиолетовый диапазоны.

— Она прекрасна. Верно подмечено.

— Сосредоточься, горилла. Я знаю, что ты устал, но послушай мамочку. Должен быть какой-то способ точно настроить длину волны. Как насчет того, что используется в радио?

Дуглас слегка оживился:

— В данном случае не годится. Даже если бы удалось создать индуктивно-емкостный контур с естественной резонансной частотой в видимом диапазоне, потребовалось бы слишком много оборудования для каждого источника света, а в случае сбоя настройки он вообще не давал бы света.

— Это единственный способ управлять частотой?

— Да... практически. Некоторые передатчики, особенно любительские, используют специально ограненный кристалл кварца, имеющий собственную естественную частоту, которая управляет длиной волны.

— Тогда почему нельзя огранить кристалл, который имел бы естественную частоту в октаве видимого света?

Дуглас внезапно выпрямился:

— Господи, детка! Кажется, ты попала в точку. — Он встал и начал рассказывать по комнате, продолжая говорить: — Для

обычных частот используют обычный кристалл кварца, и турмалин — для передач на коротких волнах. Частота колебаний прямо зависит от того, как огранен кристалл. Есть простая формула... — Остановившись, он снял с полки толстый справочник и начал листать страницы. — Гм... да, вот она. Для кварца каждый миллиметр толщины дает сто метров длины волны. Частота, естественно, является обратной величиной к длине волны. Для более коротких длин волн имеется аналогичная формула для турмалина. — Он продолжал читать: — «Данные кристаллы обладают свойством гнуться при приложении к ним электрического заряда и, наоборот, проявлять электрический заряд при изгибе. Период изгибаний является неотъемлемым свойством кристалла, зависящим от его геометрических пропорций. Будучи подключенным к радиопередающему контуру, подобный кристалл требует, чтобы контур работал на одной и только одной частоте — частоте данного кристалла». Вот оно, детка! Если мы сумеем найти кристалл, который можно огранить так, чтобы он вибрировал на частоте видимого света, мы получим то, что искали, — способ превращать электрическую энергию в свет без тепловых потерь!

— Хороший мальчик, — любовно прокудахтала Мэри Лу. — Мапочка нисколько не сомневалась, что все у него получится — стоит только попытаться.

Почти полгода спустя Дуглас пригласил в лабораторию отца, чтобы продемонстрировать ему результаты своих исследований. Проведя седоволосого пожилого джентльмена в святая святых, он дал знак Мэри Лу, чтобы та задернула шторы, после чего показал на потолок:

— Вот он, папа, — тот самый холодный свет. Всего лишь за малую долю стоимости обычного освещения.

Подняв взгляд, пожилой джентльмен увидел под потолком серую панель, размером и формой напоминающую крышку карточного стола. Затем Мэри Лу щелкнула выключателем, и панель засветилась — ярко, но не ослепительно, переливаясь подобно перламутру. Комнату залил резкий белый свет, почти не бивший в глаза.

Молодой ученый широко улыбнулся отцу, радуясь, словно щенок, который ждет, когда его погладят.

— Как тебе это нравится, папа? Мощность в сто свечей — с обычными лампочками потребовалось бы около сотни ватт, а нам хватает всего двух: пол-ампера при четырех вольтах.

Старик рассеянно моргнул:

— Здорово, сынок. Действительно здорово. Рад, что ты сумел завершить свой проект.

— Слушай, пап, ты знаешь, из чего сделана эта панель? Из самой обычной глины. Это разновидность силиката алюминия, которая дешево и легко получается из любой глины или содержащей алюминий руды. Я могу использовать боксит, криолит — почти что угодно. Сырье можно собрать паровым экскаватором в любом штате.

— Ты закончил свою разработку, сынок, и готов ее запатентовать?

— Ну... думаю, да, папа.

— Тогда пойдем в твой кабинет и сядем. Мне нужно кое-что с тобой обсудить. И пригласи свою юную леди.

Дуглас-младший подчинился, хотя серьезный тон отца поверг его в некоторое уныние.

— Что случилось, папа? — начал он, когда они сели. — Я могу чем-то помочь?

— Был бы только рад, Арчи, но, боюсь, помочь ты ничем не можешь. Я вынужден просить тебя закрыть свою лабораторию.

Молодой человек даже не дрогнул.

— Да, папа?

— Ты знаешь, что я всегда гордился твоей работой, и после смерти твоей матери поставил себе целью снабжать тебя деньгами и всем необходимым оборудованием.

— Ты был крайне щедр ко мне, папа.

— Мне этого хотелось. Но теперь пришло время, когда фабрика больше не может поддерживать твои исследования. Собственно, возможно, мне придется закрыть и свой завод.

— Все настолько плохо, папа? Я думал, за последний квартал заказы только выросли.

— У нас действительно полно заказов, но они не приносят прибыли. Помнишь, я говорил тебе про закон об оплате коммунальных услуг, который приняли на последней сессии законодательного собрания?

— Смутно помню, но мне казалось, что губернатор наложил на него вето.

— Да, но они преодолели запрет. Подобного случая коррупции штат еще не видывал: могущественные лоббисты купили обе палаты с потрохами. — Голос старика дрожал от бессильного гнева.

— И как это повлияет на нас, папа?

— Закон якобы уравнивает тарифы на электроэнергию в зависимости от обстоятельств. На самом же деле он позволяет комитету дискриминировать потребителей так, как он сочтет нужным. Сам знаешь, что это за комитет, — в политическом отношении я всегда был по другую сторону. Теперь же они припирают меня к стене тарифами, которые лишают меня конкуренции.

— Но, во имя всего святого, папа... они не имеют права. Добейся судебного запрета!

— В нашем-то штате, сынок? — Седые брови взлетели вверх.

— Пожалуй, вряд ли. — Дуглас-младший поднялся на ноги и направился к двери. — Но что-то ведь наверняка можно сделать?

Его отец покачал головой:

— Больше всего меня огорчает, что они поступают так с энергией, которая на самом деле принадлежит народу. Программа федерального правительства сделала доступной дешевую энергию в огромных количествах — одного этого хватило бы, чтобы увеличить богатство страны, — но энергией завладели местные пираты, используя ее как дубинку для запугивания свободных граждан.

Когда старик ушел, Мэри Лу положила руку Дугласу на плечо и заглянула ему в глаза:

— Бедный мальчик!

На лице его отразилась вся гамма расстроенных чувств, которые он скрывал от отца.

— Вот ведь, Мэри Лу, — когда все у нас шло так хорошо! Но больше всего я переживаю за папу.

— Да, понимаю.

— И черт побери, я ничего не могу с этим поделать! Это все политика, а штат целиком принадлежит зажавшимся рэкетирам.

Мэри Лу разочарованно и слегка насмешливо посмотрела на него:

— Арчи Дуглас, большой маменькин сынок! Ты ведь этого так не оставишь, правда? Или сдашься без борьбы?

Он тупо уставился на нее:

— Нет, конечно. Я буду бороться. Но я прекрасно понимаю, что полностью разгромлен. И я прекрасно понимаю, что проиграю. Это ведь не моя сфера.

Мэри Лу метнулась через всю комнату:

— Ты меня удивляешь. Ты сделал величайшее изобретение со времен динамо-машины и говоришь о том, что тебя обставили?

— Вообще-то, это твое изобретение.

— Чушь! Кто разработал отдельные компоненты? Кто смешал их, чтобы получить полный спектр? И к тому же — что значит «не твоя сфера»? В чем проблема? В энергии! Все твои трудности из-за нее. Ты же физик — придумай какой-нибудь способ получить энергию, которую не пришлось бы ни у кого покупать!

— Что предпочитаешь? Атомную энергию?

— Будь реалистичнее. Все-таки ты не Комитет по атомной энергетике.

— Я мог бы поставить на крыше ветряную мельницу.

— Уже лучше, но все равно не годится. Напряги как следует нужный узел на конце своего спинного мозга, а я пока приготовлю кофе. Похоже, нам снова предстоит работа на всю ночь.

— Ладно, Кэрри Нейшн¹, — улыбнулся он. — Я готов.

¹ *Кэрри Нейшн* (1846–1911) — участница движения трезвости в период, предшествующий принятию сухого закона в США. Стала известной тем, что защищала свои убеждения радикальными методами.

— Вот это уже другой разговор, — весело улыбнулась она в ответ.

Поднявшись, он подошел к ней, обнял за пояс и поцеловал. В его объятиях она расслабилась, но едва их губы разделились, она тут же его оттолкнула:

— Арчи, ты напоминаешь мне цирк Эла Барнса. «Все актеры — звери».

Когда забрезжил рассвет, придав их лицам мертвенную бледность, они устанавливали две панели холодного света, одну напротив другой. Арчи поправил их так, чтобы расстояние между ними составляло ровно дюйм.

— Так... практически весь свет от первой панели должен попадать на вторую. Включи питание первой панели, сексапильная крошка.

Она щелкнула выключателем, и первый экран засветился, залив своим свечением второй.

— Теперь посмотрим, верна ли наша замечательная теория.

Арчи подсоединил вольтметр к электродам второй панели и нажал черную кнопку внизу прибора. Стрелка прыгнула к двум вольтам.

Мэри Лу взволнованно заглянула через его плечо:

— Ну как?

— Работает! Вне всякого сомнения. Эти панели работают в обе стороны. Поддай на них ток — и получишь свет. Поддай на них свет — и получишь электричество.

— Каковы потери энергии, Арчи?

— Одну минуту. — Он подключил амперметр, изучил показания и взял логарифмическую линейку. — Посмотрим... потери около тридцати процентов. Большая часть — наверняка из-за утечки света по краям панелей.

— Солнце взошло, Арчи. Давай вынесем панель номер два на крышу и попробуем при солнечном свете.

Несколько минут спустя они установили вторую панель и электроизмерительные приборы на крыше. Прислонив панель к световому люку так, чтобы на него падали лучи восходящего солнца, Дуглас подсоединил к электродам вольт-

метр и считал показания. Стрелка тут же скакнула к двум вольтам. Мэри Лу радостно подпрыгнула:

— Работает!

— Должно работать, — заметил Арчи. — Если свет от другой панели заставляет этот отдавать ток, то солнечный свет просто обязан делать то же самое. Подсоедини амперметр, посмотрим, какую мощность мы получаем.

Амперметр показал восемнадцать целых и семь десятых ампера.

Мэри Лу посчитала на логарифмической линейке:

— Восемнадцать и семь десятых умножить на два... выходит тридцать семь целых и четыре десятых ватта, или около пяти сотых лошадиной силы. Не так уж много — я надеялась на большее.

— Так и должно быть, детка. Мы используем только видимый свет. Эффективность солнца как источника света составляет около пятнадцати процентов; остальные восемьдесят пять — инфракрасное и ультрафиолетовое излучение. Дай-ка мне бегунок. — (Она протянула ему логарифмическую линейку.) — Солнце испускает порядка полутора лошадиных сил, или одной целой и одной восьмой киловатта на каждый квадратный ярд поверхности земли, обращенной прямо к солнцу. Из-за поглощения в атмосфере теряется около трети, даже в ясный полдень в пустыне Сахара. Выходит одна лошадиная сила на квадратный ярд. Здесь, при восходящем солнце, мы можем получить не больше одной трети лошадиной силы на квадратный ярд. При пятнадцатипроцентной эффективности имеем около пяти сотых лошадиной силы. Все сходится — что и требовалось доказать. Почему у тебя такой мрачный вид?

— Ну... я надеялась, что нам хватит солнечной энергии с крыши, чтобы приводить в действие фабрику. Но если для того, чтобы получить одну лошадиную силу, нужно двадцать квадратных ярдов, этого явно недостаточно.

— Выше голову, малышка. Мы создали панель, которая вибрирует только в диапазоне видимого света; полагаю, сумеем создать и другую, атоническую, которая будет вибрировать при любой длине волны. Тогда она станет поглощать любую попадающую на нее лучистую энергию и отда-

вать ее назад в виде электричества. В полдень мы сможем получать с этой крыши примерно тысячу лошадиных сил. Потом нам потребуется установить аккумуляторные батареи, чтобы накапливать энергию в пасмурные дни и по ночам.

Мэри Лу заморгала, глядя на него огромными голубыми глазами:

— Арчи, у тебя когда-нибудь болит голова?

Двадцать минут спустя он снова сидел за столом, погруженный в предварительные расчеты, пока Мэри Лу соорудила на скорую руку завтрак. От работы его оторвал ее вопрос:

— Куда ты подевал ту бутылку, громила?

— Маленьким девочкам не положено пить средь бела дня, — ответил он, подняв взгляд.

— Да ты просто дикарь, приятель. Я всего лишь хочу сделать соус для блинчиков, заменив бренди кукурузным виски.

— Высокая кухня мне ни к чему, доктор Мартин. Свои блинчики я съем и просто так. Мне нужна трезвая голова, чтобы закончить работу.

Повернувшись, она замахнулась на него сковородкой:

— Слушаю и повинуюсь, мой повелитель. И все-таки, Арчи: ты всего лишь чрезмерно образованный неандерталец, который не стремится к чему-то высшему.

— Не стану спорить, моя блондиночка, — но взгляни-ка на это. Я получил ответ — панель, которая колеблется во всех диапазонах.

— Без шуток, Арчи?

— Без шуток, детка. Подобное уже следовало из наших предыдущих экспериментов, но мы были настолько заняты, пытаясь создать панель, которая не стала бы колебаться случайным образом, что попросту это упустили. И я наткнулся на кое-что еще.

— Расскажи мамочке!

— Мы можем сделать панели, излучающие в инфракрасном диапазоне с той же легкостью, что и панели холодного света. Понимаешь? Нагревательные устройства любых удобных размеров или формы, без мощных источников питания или высоких температур, что безопасно для детей и не приводит к пожарам. Насколько я понял, мы можем разработать

панели для, во-первых, — он начал загибать пальцы, — получения солнечной энергии почти со стопроцентной эффективностью; во-вторых, для превращения ее в холодный свет, или, в-третьих, в тепло, или, в-четвертых, в электроэнергию. Мы можем соединять их последовательно, получая любое требуемое напряжение или параллельно получая любой требуемый ток, и энергия эта абсолютно бесплатна, не считая стоимости оборудования.

Несколько секунд она стояла, молча глядя на него.

— И все это потому, что мы пытались получить свет подешевле. Давай ешь свой завтрак, Штейнмец¹. Вас, мужчин, нужно хорошенько кормить, чтобы работали получше.

Они ели молча, занятые новыми мыслями. Наконец Дуглас заговорил:

— Мэри Лу, ты хоть понимаешь, насколько это великое открытие?

— Я как раз об этом думала.

— Оно просто выдающееся. Можно получать энергию в невероятных количествах. Солнце постоянно излучает на Землю свыше двухсот тридцати триллионов лошадиных сил, а мы их почти не используем.

— Что, вправду так много, Арчи?

— Я сам не поверил собственным расчетам, так что заглянул в «Астрономию» Ричардсона. Мы могли бы получать двадцать с лишним тысяч лошадиных сил в любом городском квартале. Понимаешь, что это означает? Бесплатную энергию! Богатство для всех! Величайшее открытие со времен парового двигателя! — Внезапно он замолчал, заметив мрачное выражение ее лица. — Что такое, детка? Я в чем-то не прав?

Она повертела в руках вилку:

— Нет, Арчи, ты прав. Об этом я тоже думала. Децентрализованные города, избавляющая от труда техника для всех, предметы роскоши — все это в самом деле возможно, но у меня такое ощущение, что впереди нас ждет куча проблем. Слышал когда-нибудь про «Ремонтный трест»?

¹ Чарлз Протеус Штейнмец (1865–1923) — американский инженер-электрик германского происхождения.

— Это что, компания по сбору утильсырья?

— Нет, черт побери. Тебе стоило бы читать что-нибудь еще помимо «Трудов Американского общества физиков-инженеров» — например, Джорджа Бернарда Шоу. Это из предисловия к «Назад к Мафусаилу», где в саркастическом тоне описывается, как объединенная власть корпораций сопротивляется любым переменам, которые могли бы угрожать их доходам¹. Ты угрожаешь всему индустриальному укладу, сынок, и тебе прямо здесь и сейчас грозит опасность. Что, потвоему, случилось с атомной энергией?

Он отодвинул стул.

— Все это напрасные страхи. Ты просто устала и нервничаешь. Индустрия встречает новые изобретения с распростертыми объятиями. Собственно, во всех крупных корпорациях есть исследовательские отделы, где работают лучшие умы страны. И они по горло заняты атомными делами.

— Конечно — и любой достаточно умный молодой изобретатель может найти у них работу. А потом он оказывается у них на содержании — изобретения принадлежат корпорации, и только те, которые вписываются в образ действий властей предрежащих, могут увидеть свет. Остальные лежат на полках. Ты в самом деле думаешь, будто кто-то позволит свободному художнику вроде тебя поставить под угрозу их миллиардные вложения?

Дуглас нахмурился, а потом расслабился и рассмеялся:

— Да брось, детка. Не настолько все серьезно.

— Это ты так думаешь. Слышал когда-нибудь про се-ланскую вуаль? Вряд ли. Это синтетическая ткань, которую использовали вместо шифона. Но она лучше носилась и стиралась и стоила всего около сорока центов за ярд, в то время как шифон стоит вчетверо дороже. Теперь ее уже не купишь. Или взять, к примеру, бритвенные лезвия. Лет пять назад мой брат купил лезвие, которое до сих пор остается острым. Он и теперь им пользуется, но если он его потеряет, ему придется вернуться к старой марке. В продаже их больше нет. Слышал когда-нибудь про парней, которые нашли топливо лучше и дешевле, чем бензин? Один такой появился года

¹ Мэри немножко путает. На самом деле «Ремонтный трест» описан Шоу в пьесе «Тележка с яблоками». — *Примеч. С. В. Голд.*

четыре назад и заявил свои права на изобретение, но утонул через пару недель во время купания. Не стану утверждать, что его убили, но чертовски странно, что его формулу так и не удалось найти. Кстати, вспомнила: я как-то раз видела вырезку из «Лос-Анджелес дейли ньюс». Кто-то купил мощный автомобиль стандартной модели в Сан-Диего, заправил полный бак и поехал в Лос-Анджелес. На это он потратил всего два галлона. Потом он отправился в Агуа-Кальенте и обратно в Сан-Диего, израсходовав только три галлона. Примерно через неделю его отыскала торговая компания и дала ему взятку, чтобы он поменял машину. По ошибке они продали ему автомобиль, который был не для продажи, с доработанным карбюратором. Знаешь хоть одну большую мощную машину, которой хватало бы галлона на семьдесят миль? Вряд ли — по крайней мере, пока всем правит «Ремонтный трест». Но история вполне кошерная — можешь сам ее поискать. И естественно, всем известно, что автомобили делают для того, чтобы они со временем изнашивались, так что приходится покупать новый. Их делают настолько некачественными, насколько может выдержать рынок. Нагрузка на пароходы куда выше, чем на автомобили, а они работают по тридцать лет и больше.

— Хватит все видеть в мрачном свете, красавица, — рассмеялся Дуглас. — У тебя мания преследования. Давай поговорим о чем-нибудь более веселом — например, о нас с тобой. Ты отлично готовишь кофе. Как насчет того, чтобы получить лицензию на совместную жизнь? — (Она проигнорировала его слова.) — Почему бы и нет? Я молод и здоров. Тебе мог бы попасться и кто-нибудь похуже.

— Арчи, я не рассказывала тебе про туземного вождя, который приударял за мной в Южной Америке?

— Вряд ли. И что насчет него?

— Он хотел, чтобы я вышла за него замуж. Даже намекал, что готов убить всех своих семнадцать жен и подать их к столу на свадебном пиршестве.

— И какое это имеет отношение к тому, что я предлагаю?

— Мне следовало согласиться. В наши дни девушка не может себе позволить отказываться от хороших предложений.

Арчи рассказывал по лаборатории, яростно дымя сигаретой. Мэри Лу с тревогой наблюдала за ним, примостившись на верстаке. Когда он сделал перерыв, чтобы прикурить очередную сигарету от окурка предыдущей, она привлекла его внимание:

— Ну, великий ум, что теперь скажешь?

Он закончил прикуривать и, обжегшись, односложно выругался.

— Знаешь, ты была права, Кассандра. У нас больше проблем, чем я когда-либо предполагал. Первым делом, когда мы построили электромобиль, который получает энергию от солнца, пока стоит припаркованный у тротуара, кто-то обливает его керосином и поджигает. Впрочем, для меня это был второстепенный вопрос, на который я не обратил особого внимания. Но если я откажусь продаться им на корню, они завалят нас сфабрикованными судебными процессами, и мы станем беспомощны, словно страдающий коликами младенец.

— У них нет никаких законных оснований.

— Знаю, но у них есть неограниченные финансовые ресурсы, которых нет у нас. Они могут тянуть эти процессы месяцами, может, даже годами — вот только мы сами столько не протянем.

— И что дальше? Будешь с ними встречаться?

— Не хочу. Меня снова попытаются купить с потрохами и станут угрожать мне каким-то изысканным способом. Я бы послал их ко всем чертям, если бы не папа. Кто-то уже дважды вламывался в его дом, а он слишком стар, чтобы вынести подобное.

— Полагаю, проблемы с персоналом на заводе беспокоят его не меньше.

— Естественно. А поскольку они начались с тех пор, как мы стали производить панели в промышленных масштабах, я нисколько не сомневаюсь, что все это часть некоего заговора. До этого у папы никогда не бывало проблем с рабочими — он всегда учитывал мнение профсоюза и относился к своим сотрудникам как к членам семьи. Он весь на нервах, и я не могу его за это винить. Я сам устал — оттого, что они постоянно таскаются за мной. Меня это сводит с ума.

Мэри Лу выпустила облачко дыма.

— За мной тоже ходят хвостом последнюю пару недель.

— Черт бы их побрал! Мэри Лу, с меня хватит. Я намерен сегодня же решить все раз и навсегда.

— Все-таки собираешься им продаться?

— Нет. — Подойдя к столу, он открыл боковой ящик, достал пистолет тридцать восьмого калибра и сунул его в карман. Мэри Лу спрыгнула с верстака и бросилась к Дугласу. Положив руки ему на плечи, она взглянула на него полными ужаса глазами:

— Арчи!

— Да, детка, — мягко ответил он.

— Арчи, не делай глупостей. Если с тобой что-то случится, ты прекрасно знаешь, что с нормальным мужчиной мне ни за что не поладить.

Он погладил ее по волосам:

— Лучшие слова, которые я слышал за много недель, детка.

Дуглас вернулся около часа дня. Мэри Лу ждала его у лифта.

— Ну как?

— Все та же старая песня. Никакого толку, несмотря на все мои смелые обещания.

— Они тебе угрожали?

— Не совсем. Меня спросили, на какую сумму застрахована моя жизнь.

— И что ты им сказал?

— Ничего. Просто полез за носовым платком и показал, что у меня в кармане пистолет. Я думал, это вынудит их пересмотреть все ближайшие планы. Но после этого разговор как-то увял, и я ушел. И как обычно, за мной до самого дома следовал «барашек Мэри».

— Тот же бандит, что следил за тобой вчера?

— Или он, или его близнец. Хотя, если подумать, вряд ли у него мог быть близнец — они оба умерли бы от страха еще при родах.

— И то верно. Ты обедал?

— Еще нет. Давай спустимся в столовую и чего-нибудь поедим. О наших тревогах можно поговорить и позже.

В столовой было пусто, и они почти не разговаривали. Взгляд голубых глаз Мэри Лу был устремлен куда-то в пространство над его головой. После второй чашки кофе она коснулась его руки:

— Арчи, знаешь древний китайский совет, что делать молодым женщинам, когда на них нападает преступник?

— Нет, и в чем его суть?

— Всего в одном слове: «Расслабься». Именно это нам и надо сделать.

— Говори по-английски.

— Сейчас изложу план. Почему нас атакуют?

— У нас есть нечто такое, что нужно им.

— Вовсе нет. У нас есть нечто такое, что им хочется скрыть от общества, чтобы никто другой не мог им обладать. Именно потому они пытаются купить тебя или запугать, чтобы ты забросил свой проект. Если это не поможет, они попробуют что-нибудь более радикальное. Сейчас ты опасен для них, а они опасны для тебя, потому что у тебя есть некий секрет. Что, если он перестанет быть секретом? Предположим, о нем узнают все?

— Они чертовски обзлятся.

— Да, но что они смогут сделать? Ничего. Эти крупные шишки — практичные люди, и они не станут тратить на тебя ни цента, если это никак не отразится на их собственных кошельках.

— И что ты предлагаешь?

— Раскрыть секрет. Рассказать миру, как это делается. Пусть каждый, кто хочет, производит панели для света и панели для получения энергии. Тепловая обработка смеси столь проста, что ее способен осуществить любой промышленный химик, если объяснить ему принцип, и наверняка существуют тысячи фабрик, которые могли бы производить их с помощью имеющейся техники и подручных материалов.

— Но... господи, Мэри Лу, мы же разоримся!

— Что ты теряешь? Пока что мы заработали жалкую пару тысяч долларов, храня суть процесса в тайне. Если мы откро-

ем ее для всех, патент все равно останется у тебя, и ты сможешь брать номинальные отчисления, против которых вряд ли кто-то станет возражать, — скажем, десять центов за квадратный ярд каждой произведенной панели. В первый же год будут выпущены миллионы квадратных ярдов — сотни тысяч долларов в первый год и немалый доход в течение всей жизни. Ты сможешь получить лучшую исследовательскую лабораторию в стране!

Дуглас швырнул салфетку на стол:

— Пожалуй, ты права, детка.

— Не забывай также о том, какое влияние это окажет на всю страну. Фабрики начнут появляться по всему Юго-Западу — везде, где много солнечного света. Бесплатная энергия! Ты станешь героем нации.

Он встал, и глаза его блеснули.

— Так и сделаем, детка! погоди минуту, пока я расскажу папе, что мы решили, а потом — бегом в город.

Два часа спустя телетайпы всех новостных агентств страны уже печатали материал. Дуглас настоял, чтобы в качестве условия распространения в него включили технические подробности процесса. К тому времени, когда они с Мэри Лу вышли из здания «Ассошиэйтед пресс», на улице уже продавался первый экстренный выпуск: «ГЕНИЙ ДАРИТ ОБЩЕСТВУ БЕСПЛАТНУЮ ЭНЕРГИЮ». Арчи купил газету и помянул к себе тенью следовавшего за ним мускулистого типа:

— Иди-ка сюда, дорогой. Можешь больше не изображать из себя пожарный кран. У меня для тебя есть задание. — Он протянул громиле газету, которую тот неуверенно взял. За всю его долгую предосудительную карьеру к нему еще никто не обращался столь учтиво. — Отнеси эту газету своему боссу и скажи ему, что Арчи Дуглас посылает ему валентинку. Чего стоишь, хватит тарашиться! Беги, пока я тебе твою тупую башку не расшиб!

Пока Арчи смотрел, как тот исчезает в толпе, Мэри Лу нежно взяла его за руку:

— Ну как, теперь чувствуешь себя лучше, сынок?

— Намного.

— Все тревоги позади?

— Все, кроме одной. — Он взял ее за плечи и развернул к себе. — Нужно решить с тобой один вопрос. Идем! — Он схватил ее за запястье и потащил в сторону пешеходного перехода.

— Какого черта, Арчи? Отпусти!

— И не подумай. Видишь вон тот дом? Это здание суда. Рядом с окном, где выдают лицензии на собак, есть еще одно, где можно получить разрешение на брак.

— Я не собираюсь выходить за тебя замуж!

— Черта с два не собираешься. Ты много раз оставалась на ночь в моей лаборатории. Я скомпрометирован. Придется тебе сделать меня честным человеком — или я начну кричать во все горло прямо посреди улицы.

— Это шантаж!

Когда они вошли в здание, она все еще упиралась — но не особо.

КОММЕНТАРИЙ

«Да будет свет!» (оригинальное название «Прометей, несущий факел») существует в трех опубликованных вариантах, ни один из которых не совпадает полностью с рукописью Хайнлайна 1939 года. В оригинальной публикации в «Super Science Stories» «медовая блондинка» доктор Мартин сравнивается с танцовщицей Салли Рэнд. В переработке 1950 года Хайнлайн поменял сравнение на красотку-актрису военных времен Бетти Грейбл, а для единственного издания в мягкой обложке сборника «Человек, который продал Луну» начала 1960-х он вновь поменял его, на этот раз на Мэрилин Монро. В одной из рукописей в качестве сравнения приводится актриса Джипси Роза Ли. Язык трех версий также немного отличается — в соответствии с тем, что считалось рискованным, а что приемлемым на тот момент, когда рукопись в очередной раз редактировалась.

Рассказ был исключен из сборника-омнибуса 1967 года (издательства «Putnam»), объединявшего в себе три тома издательства «Shasta» — «Past Through Tomorrow». Редактор согласился с замечанием Деймона Найта, которого попросили написать предисловие к книге (вероятно, на основе его эссе «Единствен-

ный разумный человек», впоследствии вошедшего в книгу «В поисках чуда», издательство «Advent», 1956 г.), что рассказ как в достаточной степени отличается по тональности, так и существенно «слабее» других и потому его следует исключить. В итоге данный рассказ никогда не получил такой известности, как остальные, вошедшие в «Историю будущего», — хотя обсуждаемое в нем событие, изобретение солнечных панелей Дугласа—Мартин, имеет ключевое значение для «Истории будущего» (в то время как события «Линии жизни» относятся к ней лишь косвенным образом).

У рассказа «Да будет свет!» с самого начала была нелегкая судьба — Джон Кэмпбелл отверг его весной 1939 года по причине того, что в нем «слишком много девушки» для читателей «Astounding», и он был продан в «Super Science Stories» Фредерика Пола с измененным названием и под наскоро придуманным Хайнлайном псевдонимом «Лайл Монро» год спустя (за ставку вдвое меньшую, чем в «Astounding»). По случайности он вышел в том же месяце, когда Кэмпбелл опубликовал первую версию таблицы «Истории будущего», и читатели тотчас же заметили, что рассказ — из другой книги и под другим именем автора — включен в «Историю будущего» как ее часть. Псевдоним «Лайл Монро» немедленно стал секретом полишинеля — хотя и не столь важным.

ДОРОГИ ДОЛЖНЫ КАТИТЬСЯ

— Кто заставляет дороги катиться?

Оратор застыл на трибуне, ожидая ответа. Послышались редкие выкрики, пронзающие недовольный гул собравшихся в зале людей:

— Мы!

— Мы!

— Мы, кто же еще!

— А кто там, в преисподней, делает всю грязную работу, чтобы добропорядочные чистюли могли спокойно разъезжать наверху?

На этот раз люди откликнулись дружным ревом:

— Мы-ы!..

Не теряя времени зря, оратор подпускал пару. Слова хлынули единым потоком. Говоривший навис над толпой, стараясь встретиться взглядом с теми, к кому обращался:

— На чем держится бизнес? На дорогах! Что подвозит людям жратву? Дороги! Как они едут на работу? Их везут дороги! А как добираются домой, к своим женам? Опять же — по дорогам!

Он сделал эффектную паузу и, понизив голос, продолжил:

— Где они все окажутся, если вы, парни, перестанете двигать дороги? В заднице, вот где, и они это прекрасно знают! Знают, но что это в них меняет? Да ничего! Неужели мы просим у них слишком много? Или наши просьбы необоснованны? «Право увольняться по собственному желанию». У каждого работника в любом другом месте оно есть. «Равная зарплата с инженерами». А почему бы и нет? Кто здесь настоящие профессионалы — мы или они? Неужели обяза-

тельно надо отбарабанить свое в курсантах, нарядившись в их дурацкие шапочки, чтобы выучиться протирать подшипники или опускать барабаны? Кто по-настоящему отрабатывает свой хлеб — джентльмен в диспетчерской или парень в преисподней? Какие еще у нас требования? «Право самим выбирать инженеров». Да, мы хотим этого! Кто сумеет лучше подобрать инженеров — техники или тупая экзаменационная комиссия, которая даже носа в преисподнюю не совала и не может отличить подшипника от катушки электромагнита?

Он, словно прирожденный актер, сменил темп и еще больше понизил голос:

— Я говорю вам, братья, пора кончать с бессмысленными петициями в Транспортную комиссию и начинать бороться по-настоящему. Пусть слабаки болтают о демократии — в наших руках сила, и мы как раз те самые люди, с которыми им придется считаться!

Пока он так разглагольствовал, в конце зала поднялся человек:

— Брат председатель. — Он дождался очередной паузы и произнес, растягивая слова: — Можно мне пару слов?

— Конечно, брат Харви. Говори.

— Я вот что хочу спросить: для чего вы затеяли весь этот балаган? У нас самая большая почасовая оплата во всей гильдии механиков, у нас полная страховка и пенсия, безопасные условия труда, если не считать шума, из-за которого мы все можем оглохнуть. — Харви демонстративно сдвинул на затылок звукозащитный шлем. Одет Харви был в робу — видно, пришел сюда прямо с дежурства. — Конечно, — продолжал он, — нам приходится предупреждать об уходе за девяносто дней, но какого, спрашивается, хрена, мы же знали об этом, когда поступали на работу. Дороги должны катиться, они не могут тормозить всякий раз, когда какому-нибудь бездельнику надоела его работа. А теперь Соупи...

Стук молотка резко его оборвал.

— Простите, — поправился Харви, — я хотел сказать — *брат* Соупи расписывает, какие мы сильные и каким способом нам следует брать за глотку остальной мир. Чушь! Разумеется, мы можем остановить дороги и превратить страну

в сумасшедший дом, но на это способен любой псих с банкой нитроглицерина, и ему при этом вовсе не обязательно быть техником. Думаете, мы с вами одни квакаем в этом болоте? Да, наша работа важна, но где бы мы оказались без фермеров и сталеваров, без дюжин других профессий и ремесел?

Его прервал невысокий, болезненного вида человек с выпирающими, словно у крысы, верхними зубами.

— Минуточку, брат председатель, — сказал он. — Я хотел бы задать вопрос брату Харви.

Он повернулся к Харви и ехидно спросил:

— Ты говоришь от имени гильдии или только за себя? Может быть, ты и вовсе не веришь в гильдию? Ты, случаем, не... — он приостановился, скользнув взглядом по костлявой фигуре Харви, — не шпион, а?..

Харви глянул на него так, как смотрят на таракана, плавающего в тарелке с супом.

— Сайкс, — произнес он, — не будь ты таким коротышкой, я вбил бы твои зубы тебе же в глотку. Я помогал создавать нашу гильдию, я бастовал в семьдесят шестом. А ты где тогда был? Со штрейкбрехерами?

Ударил молоток председателя.

— Прекратите, — потребовал он. — Никто из знающих историю гильдии не сомневается в лояльности брата Харви. Продолжаем в обычном порядке. — Он прокашлялся. — Обычно мы не даем слова посторонним. Большинство из вас терпеть не может инженеров, которые с вами работают, но есть среди них один, которого всем нам приятно послушать по неслужебным вопросам. Думаю, это оттого, что у него та же грязь под ногтями, что и у нас. Во всяком случае, имею честь представить вам мистера Шорти Ван Клика!..

Выкрик из зала прервал его:

— *Брата* Ван Клика!

— Отлично, брата Ван Клика, заместителя главного инженера нашего родтауна.

— Благодарю, брат председатель. — Представленный оратор проворно взобрался на трибуну, раздаривая собранию улыбки. Его прямо-таки распирало от внимания к своей персоне.

— Спасибо, братья. Разумеется, наш председатель прав: здесь, в зале гильдии сектора Сакраменто, или в любом другом помещении гильдии я чувствую себя куда уютнее, чем в клубе инженеров. Эти сопляки-курсанты у меня уже в печенках сидят. Кто знает, если бы я окончил один из престижных технических институтов, возможно, я считал бы иначе, но свою точку зрения я вынашивал там, внизу, в «преисподней». А теперь я хочу сказать о ваших требованиях, которые Транспортная комиссия вам же и швырнула в лицо. Вы позволите мне быть откровенным?

— Говори, Шорти!

— Можешь нам доверять!

— Возможно, мне не стоило бы об этом и говорить, но ваши интересы — это мои интересы, и молчать я не могу. Дороги в наши дни — самое главное, а вы — те люди, которые их заставляют катиться. И разве не справедливо бы было, если бы ваше мнение выслушали, а просьбы удовлетворили. Думается, политики достаточно умный народ, чтобы понимать это. Иногда, просыпаясь ночью, я ловлю себя на мысли: а почему бы нам, техникам, не взять это дело полностью в свои руки и?..

— Мистер Гейнс, звонит ваша жена.

— Хорошо. — Он взял трубку и повернулся к видеозэкрану. — Да, дорогая, я помню, что обещал, но... Ты абсолютно права, дорогая, но из Вашингтона просили показать мистеру Блекинсопу все, что он пожелает. А я никак не думал, что он прибывает сегодня... Нет, я не могу поручить заместителю. Это было бы невежливо. Он министр транспорта Австралии. Я говорил тебе... Да, дорогая, я знаю, что вежливость начинается дома, но ты же понимаешь — дороги должны катиться. Это моя работа, и ты знала, за кого выходила замуж... Да, это тоже часть моей работы... Вот, славная девочка. Мы обязательно поедем куда-нибудь завтра с утра. Давай сделаем так: ты закажи лошадей, завтраки, и мы устроим пикник. Я встречу тебя в Бейкерсфилде, как обычно... До свидания, дорогая. Поцелуй за меня малыша перед сном.

Он положил трубку на пульт, и хорошенькое, хоть и недовольное разговором, лицо жены исчезло с экрана.

В кабинет вошла молодая дама. Когда она открыла дверь, стала видна надпись на ее внешней стороне:

РОДТАУН ДИЕГО-РЕНО
ГЛАВНЫЙ ИНЖЕНЕР

Усталым взглядом Гейнс посмотрел на вошедшую:

— А, это вы. Хотите добрый совет, Долорес? Никогда не выходите замуж за инженера. Выходите за художников, они чаще бывают дома.

— Хорошо, мистер Гейнс. Мистер Блекинсоп уже здесь, мистер Гейнс.

— Уже? Я не ждал его так скоро. Видимо, корабль «Антиподов»¹ приземлился раньше времени.

— Да, мистер Гейнс.

— Долорес, вы когда-нибудь испытывали эмоции?

— Да, мистер Гейнс.

— Хм... по вам не скажешь. Ну ладно, придется поверить, вы же никогда не ошибаетесь. Пригласите мистера Блекинсопа.

— Хорошо, мистер Гейнс.

Ларри Гейнс поднялся, приветствуя гостя.

«Не больно представительный малый», — подумал он, протягивая вошедшему руку и обмениваясь принятыми в таких случаях любезностями. Сложенный зонтик и котелок выглядели, пожалуй, чересчур идеально. Оксфордский акцент гостя не мог скрыть резкий гнусавый выговор уроженца Австралии.

— Рад видеть вас, мистер Блекинсоп. Надеюсь, ваше пребывание у нас будет приятным.

Блекинсоп улыбнулся:

— Уверен, что так и будет. Это мой первый визит в вашу замечательную страну. И знаете, я чувствую себя здесь как дома: эвкалипты, коричневые сопки...

— Но цель вашей поездки, конечно же, деловая?

— О, разумеется! Моя основная задача — изучить дорожные города, родтауны, и доложить моему правительству, име-

¹ Имеется в виду компания «Antipodes Transways», упомянутая Хайнлайном в «Человеке, который продал Луну» и других рассказах. — *Примеч. С. В. Голд.*

ет ли смысл применять поразительный американский опыт для решения наших социальных проблем. Думаю, вы понимаете, что именно по этой причине меня и отправили к вам.

— Да, я так и понял. Не знаю только, что именно вы бы хотели посмотреть. Полагаю, вы уже слышаны о родтаунах — как они начинались, как действуют и так далее?

— Да, конечно, кое-что я читал, но я же не инженер, мистер Гейнс. Моя сфера — социология и политика. Мне было бы интереснее посмотреть, как эти замечательные технические нововведения повлияли на людей. Давайте так: вы будете мне рассказывать о ваших дорогах, как будто я вообще о них ничего не слышал. А я буду задавать вопросы.

— Согласен, это хороший план. Кстати, сколько человек в вашей делегации?

— Только я один. Своего секретаря я отослал в Вашингтон.

— Понятно. — Гейнс взглянул на часы. — Скоро ужин. Я предлагаю пройти на Стоктонскую полосу. Там скоро будет проезжать неплохой китайский ресторанчик — очень даже рекомендую. Перекусим — это займет час, не больше, — а заодно вы посмотрите, как действуют наши дороги.

— Отлично.

Гейнс нажал клавишу, и на большом экране у противоположной стены появился плечистый молодой человек, сидящий за полукруглым пультом, перед которым располагалась контрольная панель, усыпанная приборами. Во рту у него застряла дымящаяся сигарета.

Он поднял глаза, улыбнулся и помахал рукой:

— Мое почтение, шеф. Чем могу служить?

— Привет, Дэйв. Значит, ты сегодня дежуришь? Слушай, я убегаю ужинать в сектор Стоктона. Где Ван Клиг?

— Ушел на какое-то собрание. Куда — не сказал.

— Происшествия были?

— Нет, сэр. Дороги катятся, люди едут домой ужинать.

— Замечательно. Так держать.

— Дороги будут катиться, шеф.

Гейнс отключил связь и повернулся к Блекинсопу:

— Ван Клиг — мой первый заместитель. Последнее время он слишком увлекся политикой, вместо того чтобы поча-

ще бывать на дорогах. Впрочем, Дэвидсон и без него справится. Идем?

Они спустились по эскалатору и вышли на пешеходную дорожку, которая граничила с полосой, бегущей на север со скоростью пять миль в час. Обогнув вход в туннель с указателем «ПРОХОД НА ЮЖНУЮ ДОРОГУ», они остановились у края первой полосы.

— Вам приходилось кататься на транспорте? — поинтересовался Гейнс. — Это очень просто. Шагайте на полосу лицом навстречу движению.

Переходя с ленты на ленту, они начали пробираться сквозь толчею спешащих домой людей. Посреди двадцатимильной полосы им попала прозрачная перегородка, почти достигающая крыши. Блекинсоп вопросительно вскинул брови.

— Это ветроломы, — ответил на молчаливый вопрос Гейнс и откатил в сторону дверь, приглашая своего спутника пройти дальше. — Если бы у нас не было способа разделения воздушных потоков у полос с различными скоростями, то на стомильной полосе ветер изорвал бы вам всю одежду в клочья.

Во время разговора Гейнсу постоянно приходилось наклоняться к Блекинсопу, чтобы перекричать свист ветра, шум толпы и приглушенный рокот машин, скрытых под полосой внизу. По мере приближения к середине дороги сочетание этих шумов делало разговор невозможным. Они миновали еще три ветролома, расположенных на сорока-, шестидесяти- и восьмидесятимильных полосах, и наконец добрались до самой быстрой, стомильной полосы, которая пробегала от Сан-Диего до Рено и обратно за двенадцать часов.

Блекинсоп оказался на пешеходной дорожке шириной двадцать футов, ограниченной с другой стороны еще одной перегородкой. Прямо напротив него светила вывеска:

СТЕЙКИ ДЖЕЙКА № 4

Самая быстрая еда на самой быстрой дороге!

Обед в полете, а мили — в пролете!

— Потрясающе, — сказал Блекинсоп. — Все равно что ужин в трамвае. Там что, действительно хороший ресторан?

— Один из лучших. Конечно, не экстра-класс, но знатоки его уважают.

— В таком случае, может быть...

Гейнс улыбнулся:

— Насколько я понимаю, сэр, вы хотели бы туда заглянуть?

— Право, я не хотел мешать вашим планам.

— Не беспокойтесь. Я голоден как волк, а Стоктон далеко.

Гейнс приветствовал хозяйку, словно знал ее много лет:

— О, миссис Маккой, привет. Как мы поживаем?

— Неужто сам шеф пожаловал? Давненько же мы вас у себя не видали.

Она проводила их в небольшой кабинет, отделенный перегородкой от прочих перекусывающих пассажиров.

— Вы и ваш друг желают поужинать?

— Конечно, миссис Маккой. И во всем полагаемся на ваш вкус, но непременно хотим попробовать ваши замечательные стейки.

— Двухдюймовые, из молодого бычка, который умер счастливым. — Она ушла выполнять заказ, с удивительной грацией для ее грузного тела.

Маккой часто принимала в своем заведении главного инженера и поэтому первым делом принесла и поставила перед ним на столик переносной телефон. Гейнс подключил телефон к розетке на стене кабинета и сразу же набрал номер:

— Аллю! Дэвидсон? Дэйв, это я, шеф. Я ужинаю в четвертой столовке Джейка. Звони мне по десять-эль-шестьдесят шесть.

Когда он положил трубку, Блекинсон вежливо поинтересовался:

— Вы всегда должны сообщать диспетчеру, где находитесь?

— Нет, что вы, — ответил Гейнс, — но знаете, как-то спокойней, когда бываешь в курсе всех дел. Мне или Ван Клику всегда желательно находиться неподалеку от телефона, чтобы старший сменный инженер — сейчас это Дэвидсон — в случае необходимости знал, где нас найти. Сами понимаете: если возникнет чрезвычайная ситуация, я обязан знать об этом в первую очередь.

— А что может вызвать чрезвычайную ситуацию?

— В основном две вещи: в первую очередь — обесточивание роторных барабанов, это остановит дорогу и оставит миллионы людей в сотнях миль от дома. Если такое произойдет в час пик, нам придется эвакуировать всех этих людей с дороги, что не так просто сделать.

— Вы сказали — миллионы людей. Неужели их здесь так много?

— Конечно. От дороги, по которой мы сейчас едем, зависят двенадцать миллионов человек, живущих или работающих в пятимильной полосе вдоль всего ее протяжения.

Век энергии почти неразличимо сливается с веком транспорта, но два ключевых события четко разделены по времени: получение дешевой солнечной энергии и пуск первой механической дороги.

Несмотря на вспыхивавшие от случая к случаю кампании за экономию энергетических ресурсов, уголь и нефть в США были позорным образом разбазарены еще в первой половине двадцатого века. За этот же период автомобиль, начинавший как скромная, одноцилиндровая безлошадная карета, превратился в стального монстра мощностью в сотню лошадиных сил и скоростью, превышающей сто миль в час. Даже в провинции автомобили кишели, словно дрожжи в закваске. Только по данным 1955 года один автомобиль приходился на каждых двух человек.

Они несли в себе семена собственной гибели. Восемьдесят миллионов стальных джаггернаутов, несущихся на огромной скорости и управляемых далекими от совершенства людьми, принесли разрушений и жертв больше, нежели война. В том же 1955 году суммы, выплаченные владельцами автомобилей в качестве взносов на обязательное страхование имущества и возможного ущерба, превысили суммы, затраченные на покупку автомобилей. Кампании за безопасность движения стали хроническим явлением, но при этом они явно напоминали благочестивые попытки королевской рати собрать Шалтая-Болтая. В многолюдных мегаполисах безопасно управлять автомобилем было физически невозможно. В ходу были мрачные шуточки вроде: пешеходы делятся на две категории — быстрые и мертвые.

А еще пешехода определяли как водителя, которому по-счастливилось отыскать стоянку для своей машины. Автомобили породили большие города, а затем сами же их и задушили своим громадным количеством. Еще в 1900 году Герберт Уэллс указал, что предел роста городов может быть математически предсказан исходя из возможностей его транспортных средств. Казалось бы, скорость автомобилей позволяет городам вырастать до двухсот миль в диаметре, но постоянные транспортные пробки и растущая опасность, исходящая от мощных, плохо управляемых машин, перечеркнули эту возможность.

В 1955 году «главная улица Америки» — шоссе № 66, Лос-Анджелес—Чикаго — была переоборудована в суперхайвей с нижним пределом скорости шестьдесят миль в час. Строительство дороги планировалось как госзаказ, она должна была поддерживать развитие тяжелой промышленности, однако появление трассы имело неожиданные последствия. Большие города, Чикаго и Сент-Луис, выпустили навстречу друг другу что-то наподобие псевдоподий и слились, встретившись возле Блумингтона, штат Иллинойс. Вдоль магистрали выросла застроенная полоса, а население городов-родителей стало меньше.

В этом же году в Сан-Франциско произошла замена уставших фуникулеров на эскалаторы, действующие от солнечных панелей Дугласа—Мартин. И хотя в том же 1955 году было выдано самое большое количество лицензий на вождение автомобиля, закат автомобильной эры был уже не за горами. Первым предупреждением об этом стал Закон о государственной обороне, принятый в 1957 году.

Этот закон, с таким трудом прошедший через Конгресс, объявил нефть стратегическим сырьем. Вооруженные силы получили приоритетное право на все наземные и подземные запасы нефти, а восемьдесят миллионов гражданских автомобилей оказались на голодном пайке. «Временные» ограничения Второй мировой войны превратились в постоянные.

Возьмем скоростные автострады того времени, урбанизированные вдоль всей своей длины. Добавим к ним механизированные улицы сан-францисских холмов. Нагреем до

температуры кипения неизбежной нехваткой бензина и приправим полученную смесь изобретательностью янки. В результате получим первую механическую дорогу, которая была открыта в 1960 году между Цинциннати и Кливлендом.

Как и следовало ожидать, ее конструкция была довольно примитивна и основана на ленточных транспортерах, разработанных для шахт десятью годами ранее. Самая быстрая полоса имела скорость всего тридцать миль в час и была довольно узкой, так что никто и не помышлял заниматься на ней мелкой торговлей. Тем не менее эта лента оказалась прототипом сложнейшей социальной структуры, которой предстояло доминировать на американском континенте в последующие десятилетия. Сельская и городская культуры слились, объединенные быстрым, дешевым и удобным транспортом.

Фабрики — широкие низкие здания, с крышами, покрытыми солнечными панелями того же типа, что двигали полосы, — тянулись по обеим сторонам дороги. Между ними и позади них находились отели, магазины, театры, жилые дома. А чуть дальше от дороги начиналась загородная территория, где и проживала основная часть населения. Небольшие коттеджи расположились среди холмов, по берегам рек, тут и там виднелись между сельскими фермами. Люди работали в городе, а жить предпочитали в деревне — но между работой и домом было не больше десяти минут ходьбы.

Миссис Маккой сама обслуживала шефа и его гостя. Появление знаменитых стейков вмиг оборвало разговор.

В это время впереди и позади них, вдоль всей протянувшейся на шестьсот миль линии, дежурные инженеры секторов каждый час выслушивали доклады техников, следящих за своими подсекторами.

«Подсектор первый — норма!», «Подсектор второй — норма!». Натяжение, напряжение, нагрузка, температура подшипников, показания синхротахметров... «Подсектор седьмой — норма!» Все техники, как один, — выносливые толковые люди в робах, проводящие большую часть жизни в «преисподней», среди вечного шума стомильной полосы, прон-

зительного визга приводных роторов и стонов передаточных роликов.

Дежурный инженер Дэвидсон рассматривал схему дороги, светящуюся на стене центральной диспетчерской сектора Фресно. Миниатюрная стомильная полоса на схеме едва заметно двигалась, и Дэвидсон машинально отметил место, где располагался «Стейк-хаус Джейка № 4». Шеф скоро доберется до Стоктона, надо будет позвонить ему после проверки. На трассе все спокойно, транспортная нагрузка нормальная для часа пик. Когда все вот так идет своим чередом, дежурный в центральной диспетчерской может спокойно вздремнуть, и никто этого не заметит.

Дэвидсон повернулся к курсант-инженеру:

— Мистер Барнс.

— Да, сэр.

— Как насчет чашки кофе?

— Неплохая идея, сэр. Я закажу, как только поступят все рапорта.

Минутная стрелка хронометра на панели управления пошла к двенадцати. Курсант шелкнул тумблером.

— Всем секторам доложить о ходе работ! — произнес он ломающимся от волнения голосом.

На экране появились лица двух дежурных по сектору. Тот, что помладше, тоже изо всех сил стараясь скрыть смущение, отрапортовал:

— Диего-Кольцевая — катится!

Почти мгновенно их сменили двое других:

— Сектор Анджелес — катится!

Еще через секунду:

— Сектор Бейкерсфилд — катится!

И:

— Сектор Фресно — катится!

Последней отчиталась Рено-Кольцевая. Курсант повернулся к Дэвидсону и доложил:

— Дороги катятся!

— Очень хорошо — так держать!

Неожиданно видеозэкран осветился вновь.

— Сектор Сакраменто — дополнительный рапорт.

— Слушаю.

— Курсант Гюнтер — дежурный курсант-инженер сектора — во время инспекционной проверки обнаружил, что курсант Алек Джинс и техник второго класса Р. Дж. Росс играли на посту в карты. Как долго они отлынивали от патрулирования сектора — в точности неизвестно.

— Повреждения есть?

— Один барабан перегрелся, но остался синхронизирован. Его немедленно опустили и заменили другим.

— Очень хорошо. Прикажите бухгалтерии рассчитать Росса и передайте его дело гражданским властям. Курсанта Джинса — под арест и доставить ко мне.

— Слушаю, сэр.

— Так держать!

Дэвидсон повернулся к пульту управления и набрал временный номер главного инженера Гейнса.

— Мистер Гейнс, вы говорили, что есть две вещи, которые могут вызвать серьезные проблемы на дороге, но упомянули только обрыв питания роторов.

Гейнс собрал с тарелки остатки салата и только тогда ответил:

— На самом деле второй проблемы не существует — этого просто не может произойти. Но я все же скажу: мы сейчас едем со скоростью сто миль в час. Можете представить, что будет, если полоса под нами неожиданно разорвется?

Мистер Блекинсон беспокойно заерзал на стуле:

— М-да, наверно, это было бы неприятно. Я хочу сказать, что, сидя в этом уютном кабинете, я как-то совсем забыл, с какой скоростью мы несемся. Ну, так что бы тогда произошло?

— Пусть это вас не тревожит. Лента не может разорваться. Она собрана из перекрывающихся секций и имеет двенадцатикратный запас прочности. Чтобы она порвалась, должны заглухнуть сразу несколько миль роторов и разом отказать все предохранители на оставшейся части дороги.

Но такое однажды случилось на трассе Филадельфия — Джерси-Сити, и мы вряд ли это забудем. Авария произошла на одной из первых скоростных дорог. По ней перевозилось огромное количество пассажиров и грузов — она обслужи-

вала большой индустриальный район. Та полоса была не более чем ленточным транспортером, и при строительстве никто не предполагал, какой вес она будет нести. Катастрофа случилась при максимуме нагрузки, когда лента была переполнена людьми. Полоса позади разрыва на нескольких милях вздыбилась вверх, на скорости восемьдесят миль в час размазывая пассажиров о крышу. Секция перед разрывом щелкнула, словно кнут, расшвыряв людей на соседние полосы, и сбросила их вниз на вращающиеся барабаны или ударила о крышу.

Погибших было больше трех тысяч, и по всей стране вспыхнуло движение за запрещение дорог. По приказу президента их даже остановили на неделю, но потом пустили опять. Им не было альтернативы.

— Но почему?

— Страна стала экономически зависимой от дорог. К тому времени они превратились в основное средство сообщения в промышленных районах — в единственное, которое имело какое-то экономическое значение. Фабрики встали, продовольствие не подвозилось, людям угрожал голод — президент был просто вынужден пустить дороги опять. Другого выхода не было, социальная модель вылилась в определенную форму, которую стало уже невозможно изменить в одночасье. Крупное индустриальное общество должно иметь и соответствующий транспорт, не только для людей, но и для торговли.

Мистер Блекинсоп зачем-то скомкал салфетку и неуверенно произнес:

— Мистер Гейнс, я не собираюсь умалять изобретательность и достижения вашего великого народа, но вспомните поговорку: нельзя укладывать слишком много яиц в одну корзину. По-моему, это слишком рискованно — ставить экономику всей страны в зависимость от механизмов какого-то одного типа.

— Я вас понимаю, — спокойно ответил Гейнс. — Правда в ваших словах есть, но далеко не вся. Любая цивилизация, поднявшаяся выше натурального крестьянского хозяйства, зависит от какого-то одного, ключевого типа машин. Старый Юг держался на хлопкоочистительных машинах. Британская империя возникла благодаря паровым двигателям. Большие

народы, если они хотят выжить, должны иметь развитое производство, источники энергии и транспорт. Если бы не техника, наша цивилизация никогда бы не встала на ноги. Это не вина техники — это ее сила.

Но и в самом деле, когда техника достигает высокого уровня, люди от нее начинают зависеть. Техника обеспечивает высокий уровень жизни, а нам приходится поддерживать ее работоспособность или страдать от последствий, ежели она вдруг откажет. Но реальный источник опасности кроется не в технике, а в людях, которые управляют машинами. Дороги, если рассматривать их только как механизмы, в полном порядке. Они мощны и безопасны и способны делать то, для чего предназначены. Нет, угроза таится не в машинах, а в людях.

Когда цивилизация начинает зависеть от техники, она становится заложницей тех людей, что обслуживают механизмы. Если у работников сильно развито чувство ответственности, а мораль их высока...

За стеной кто-то на полную мощность включил радио. Взрыв музыки заглушил голос Гейнса. Когда звук немного убавили, Гейнс сказал:

— Кстати. Вот прекрасная иллюстрация к тому, что я говорил.

Блекинсон прислушался. По радио передавали марш с навязчивым, затягивающим ритмом и в современной аранжировке. Оркестр подражал шуму моторов, ритмичному стуку работающих машин. На лице австралийца появилась улыбка — он узнал мотив.

— Это же гимн полевой артиллерии «Сбор канониров», правильно? Но я не вижу связи с тем, что вы рассказывали.

— Сейчас увидите. Это действительно музыка артиллерийского марша, но мы дали ей другие слова. Теперь это называется «Гимн курсантов-дорожников». Вот, послушайте.

Навязчивый ритм марша, казалось, слился в одно целое с шумом дороги. Затем вступил мужской хор:

Слушай дороги гуд,
Смотри, как они бегут!
Наш бесконечен труд, вечен пот,
Ибо наши дороги идут вперед!

Покуда вы мчите,
Покуда скользите,
Мы снизу следим за главным событием:
Как наши дороги идут вперед!

Ну-ка, быстро, быстро, быстро!
Мы недаром мотористы.
Живо сектора проверьте:
Первый, и второй, и третий!
И куда б вы ни попали,
Вы забудете едва ли,
Что ваши дороги идут вперед!
ТАК ПУСТЬ ОНИ КАТЯТСЯ!
Это ваши дороги идут вперед!

— Вы слышите? — оживленно воскликнул Гейнс. — Слышите?.. Вот в чем подлинное назначение Академии транспорта США. Вот почему транспортники — полувойсковая специальность со строгой армейской дисциплиной. Мы — узкое место, *sine qua non*, непеременимое условие существования индустрии и всей экономической жизни. В любых других отраслях возможны забастовки, но они вызовут лишь временные и локальные трудности. Иногда могут случаться неурожаи — страна переживет их довольно легко. Но дороги перестанут катиться — остановится все. Результат будет такой же, как при всеобщей забастовке, но с одним важным отличием: всеобщую забастовку должна поддержать большая часть населения, которых надо как следует поприжать, чтобы они решились на такой шаг. А вот люди, которые управляют дорогами — как бы мало их ни было, — способны вызвать полный паралич всей страны.

Пока у нас была всего одна дорожная забастовка — в семьдесят шестом. Причины ее были действительно серьезные, она выявила множество злоупотреблений. Но повториться она не должна!

— А что, по-вашему, мистер Гейнс, может служить порукой, чтобы такое больше не повторилось?

— Гордость работников — *esprit de corps*. Техникам дорожной службы постоянно внушается мысль, что они не просто трудятся, а выполняют священный долг. Кроме того, мы делаем все возможное, чтобы улучшить их социальное положение. Еще больше внимания мы уделяем Академии.

Мы хотели бы выпускать не просто инженеров, а преданных делу людей, людей с железной самодисциплиной и желанием выполнять свой долг всегда, при любых обстоятельствах и несмотря ни на что. У нас есть прекрасные образцы для подражания: Аннаполис, Вест-Пойнт, Годдард.

— Годдард? Ах да, Ракетная академия. Ну и каковы же ваши успехи?

— Возможно, они могли быть и лучше, но мы стараемся. Нужно время, чтобы возникла традиция. Вот когда выпускник Академии, поступивший в нее мальчишкой, превратится в самого старого дорожного инженера, тогда можно будет немного расслабиться и считать, что главная задача выполнена.

— Вы сами, конечно, тоже кончали Академию?

Гейнс улыбнулся:

— Вы мне льстите. Неужели я кажусь таким молодым? Меня перевели сюда из армии. Видите ли, во время забастовки семьдесят шестого Министерство обороны целых три месяца обслуживало дороги. Я был в составе согласительной комиссии, она урегулировала условия труда, решала вопрос о повышении зарплаты и все остальное. Ну а после меня приписали...

Сигнальная лампочка на переносном телефоне замигала красным.

— Извините, — сказал Гейнс и поднял трубку. — Да?

Блекинсоп мог слышать голос на другом конце провода:

— Шеф, это Дэвидсон. Дороги катятся!

— Отлично. Так держать!

— Поступил еще один тревожный рапорт из Сакраменто.

— Опять? Что там на этот раз?

Но прежде, чем Дэвидсон успел ответить, связь оборвалась. Гейнс начал набирать номер, и в этот момент чашка с недопитым кофе опрокинулась ему на колени. В ровное жужжание дороги вплелась незнакомая тревожная нота, Блекинсопа качнуло на край стола.

— Что случилось, мистер Гейнс?

— Не знаю. Аварийная остановка — бог знает почему.

Несколько раз он раздраженно набирал номер, потом бросил трубку, не заботясь, чтобы она попала на место.

— Телефоны не работают. Пойдемте! Хотя нет, вам лучше обождать здесь, так безопасней.

— Можно я пойду с вами? Если не возражаете.

— Ладно, но не отходите от меня далеко.

Он отвернулся, тут же выкинув австралийского министра из головы.

Полоса медленно останавливала свой бег. Гигантские роторные барабаны и мириады роликов все еще двигались по инерции, предотвращая резкую остановку; она оказалась бы гибельной для всех, кто находился на полосе. У выхода из ресторана уже столпилась кучка пассажиров, прервавших ужин, — они устроили давку в дверях.

— Стойте!

В голосе человека, привыкшего к повиновению окружающих, есть что-то, заставляющее ему уступать. Возможно, это особая интонация или та гипнотическая сила, которой, как говорят, отличаются укротители диких зверей. В критическую минуту таинственное «нечто» проявляется и подчиняет даже тех, кто не привык к послушанию.

Пассажиры замерли. Гейнс продолжал:

— Всем оставаться на местах, пока мы не подготовим эвакуацию. Я — главный инженер. Здесь вам ничто не угрожает. Вы! — Он указал на здорового парня, стоящего в дверях. — Назначаетесь старшим. Проследите, чтобы больше никто не выходил из ресторана. Миссис Маккой, продолжайте обслуживание.

Гейнс вышел наружу, Блекинсон последовал за ним.

На самой полосе ситуация выглядела далеко не так просто. Стояла одна стомильная полоса, в то время как рядом с ней бешено мчалась другая, делавшая девяносто пять миль в час. Скорость не позволяла рассмотреть людей, стоявших на движущейся полосе, и их мелькающие фигуры казались вырезанными из картона.

Когда произошла авария, пешеходная дорожка стомильной полосы была переполнена. И теперь посетители магазинов, ресторанов и прочих торговых точек, комнат отдыха и видеозалов высыпали на улицу, желая узнать, что же случилось. И тут же произошла первая трагедия.

Толпа, напирая, вытолкнула на край дорожки какую-то женщину средних лет. Пытаясь удержать равновесие, та ступила на летящую мимо девяностопятимильную полосу. Еще не опустив ногу полностью, она поняла, что сделала, и в отчаянии закричала. Спустя мгновение движущаяся полоса рванула ее и покатила, придав упавшему телу скорость девяносто пять миль в час — сто тридцать девять футов в секунду. Покатившись, женщина повалила несколько картонных фигурок, скосив их, как серп траву, и через секунду пропала с глаз, унесенная потоком дороги. Кто была эта женщина, жива ли, сильно ли пострадали сбитые ею люди, — можно было только гадать.

Но этим дело не кончилось. Одну из картонных фигурок, тех, что она скосила, выбросило на стомильную полосу, фигурка врезалась в потрясенную толпу, и люди увидели человека, живого, но искалеченного, в крови, лежащего среди тел несчастных жертв, прервавших его полет.

И это было только начало. Несчастье распространялось лавиной, каждая сбитая кегля в этой безумной игре неминуемо сбивала другие, те касались опасной границы, и их снова швыряло в толпу людей, пока еще сохраняющих равновесие.

Центр бедствия давно скрылся из глаз. Блекинсоп не видел всего, но его ум, привыкший вести дела в пересчете на миллионы людей, умножил кровавую лавину, что зародилась здесь, на двенадцать тысяч миль забитой людьми дороги, — и у него похолодело внутри.

К удивлению Блекинсопа, Гейнс не стал помогать упавшим и успокаивать охваченную страхом толпу, он решительно повернул к ресторану. Блекинсоп сначала не понял, но, когда до него дошло, что они и вправду возвращаются в ресторан, он схватил Гейнса за рукав:

— Разве мы не поможем этим несчастным?

Гейнс на ходу оглянулся. Это уже не был прежний радушный хозяин, принимающий высокого гостя. Лицо застыло, исчезла мальчишеская молодость, весь он был сплошная энергия, управляемая холодной волей.

— Нет. Им помогут соседи. Мне надо заниматься дорогой. Всей. Целиком. Не мешайте.

Шокированный и слегка возмущенный политик стих. Он смирился. Разумом Блекинсоп понимал, что главный инженер прав: человек, отвечающий за жизнь миллионов, не может все бросить ради нескольких пострадавших, — но такой неприкрытый прагматизм был ему отвратителен.

Гейнс вернулся в ресторан.

— Миссис Маккой, где тут у вас запасной выход?

— На кухне, сэр.

Гейнс поспешил туда, Блекинсоп за ним. Мальчишка-филиппинец, который резал салат, увидев бегущих людей, быстро отскочил в сторону. Недолго думая, Гейнс взобрался на кухонный стол, смахнув с него разложенную мальчишкой зелень. Он дотянулся до круглого люка в потолке и открыл его с помощью ручного штурвала. Тут же был откидной металлический трап, закрепленный крючком на потолке.

Пытаясь поспеть за Гейнсом, Блекинсоп потерял шляпу. Оказавшись на крыше здания, Гейнс зажег карманный фонарик и принялся изучать верхнее перекрытие дороги. Согнувшись чуть ли не вдвое, он возился в тесном четырехфутовом промежутке между крышей ресторана и перекрытием.

Вскоре он нашел, что искал. В пятидесяти футах в стороне обнаружился другой лаз, похожий на тот, через который они только что пролезали. Гейнс крутанул колесо замка, выпрямился, положив руки на край отверстия, и одним ловким движением запрыгнул на крышу. Его компаньон полез следом за ним, хотя у него это получилось не сразу.

Они оказались в темноте, мелкий холодный дождь падал сверху на лица. Под ногами от горизонта до горизонта тянулись, слабо фосфоресцируя, солнечные энергетические панели. Та часть падающей на них лучистой энергии, которую не удавалось преобразовать в электричество, рассеивалась в воздухе. Она-то и создавала это призрачное свечение. Свет этот был так слаб, что по-настоящему ничего осветить не мог, он больше напоминал призрачный отблеск заснеженной равнины при свете звезд.

Ступая в этом призрачном свете, они отыскиали проход, по которому им предстояло добраться до невидимой из-за дождя стены примыкающих к дороге зданий. Узкая лента

мостков таяла в темноте за плавным изгибом крыши. Они побежали по мосткам, стараясь двигаться как можно быстрее, насколько позволяла темнота и скользкие ступени. Блекинсоп все никак не мог успокоиться, возмущенный бездушием Гейнса. Несмотря на аналитический ум, по натуре он был человек отзывчивый, он чувствовал свою сопричастность простому люду, а без этого никакой политик со всеми его достоинствами и недостатками не может рассчитывать на успех.

Вот потому-то Блекинсоп инстинктивно не доверял тем, чьими поступками управляет исключительно логика. Сам он отлично понимал, что если держаться одной лишь логики, то можно запросто зачеркнуть сам смысл существования рода человеческого, не говоря уже о человеческих ценностях, служению которым он себя посвятил.

Если бы он мог проникнуть сквозь броню сосредоточенности своего спутника, он бы, возможно, успокоился. Глядя со стороны, и вправду можно было подумать, что в голове у Гейнса работает электронное устройство, которое мгновенно анализирует поступающую информацию, вырабатывает варианты действий, бесстрастно откладывая окончательное решение до тех пор, пока не будут получены все необходимые данные. Но в глубине души, в нише, надежно отгороженной от действующего ума строгой самодисциплиной, он сильно переживал, и лишь привычка сдерживать свои чувства не давала им выходить наружу. Душа его мучилась от тех бесконечных упреков, которыми он сам себя осыпал. Видя страдания людей, он места себе не находил, представляя, что творится сейчас вдоль всей полосы дороги. Гейнс не знал, чем вызвана катастрофа и где искать виноватых, зато очень хорошо понимал, что часть вины лежит на нем, — потому что власть порождает ответственность.

Он слишком долго нес на своих плечах нечеловечески тяжелое бремя руководства, какое ни один нормальный человек не смог бы выдержать, и сейчас он опасно приблизился к той роковой черте, за которой капитаны вместе со своими кораблями отправляются прямиком на дно. И только необходимость немедленных и конкретных действий поддерживала его в эти минуты.

Но на его лице не было и следа бушевавшей в глубине бури.

На стене здания зеленым пунктиром светились стрелки, указывающие влево. А над ними, там, где узкая тропинка упиралась в стену, горел указатель: «ПРОХОД ВНИЗ». Гейнс и следом за ним задыхающийся Блекинсоп поспешили туда. Они миновали дверь, пробитую в стене, спустились по узкой лестнице, освещенной одинокой люминесцентной лампой, и оказались на переполненной шумной толпой неподвижной пешеходной дорожке, примыкающей к северной магистрали.

Рядом с лестницей, чуть правее, стояла телефонная будка. Сквозь стеклянную дверь был виден солидный, прилично одетый господин, увлеченно говоривший что-то своей не менее представительной собеседнице, чье изображение виделось на экране. Еще три человека дожидались своей очереди.

Гейнс протолкался к будке, рывком распахнул дверь, ухватил за плечи изумленного и возмущенного человека и выпихнул его вон, захлопнув за ним дверь. Одним движением он убрал с экрана матрону — та даже слова не успела сказать — и нажал кнопку «экстренный вызов».

Он ввел свой личный код, и на экране возникла осунувшаяся физиономия дежурного инженера Дэвидсона.

— Докладывайте!

— Это вы, шеф! Слава богу! Где вы? — воскликнул Дэвидсон с облегчением.

— Докладывайте!

Старший дежурный офицер овладел собой и принялся излагать суть дела:

— В девятнадцать ноль девять натяжение двадцатой полосы сектора Сакраменто внезапно выросло. Прежде чем мы успели что-либо предпринять, оно вышло за критический уровень. Сработала блокировка. Подача энергии на полосу прекратилась. Причина аварии неизвестна. Связи с диспетчерской в Сакраменто нет. Они не отвечают ни по запасному, ни по коммерческому каналу. Попытки наладить связь продолжаются. Послан курьер из подсектора десять сектора Стоктон. О жертвах не сообщалось. Пассажирам по трансля-

ционной сети рекомендовано держаться подальше от девятнадцатой полосы. Принимаются меры по эвакуации людей.

— Жертвы есть, — прервал Гейнс. — Вызывайте полицию и скорую помощь. Срочно!

— Слушаюсь, сэр! — Дэвидсон повернулся, чтобы отдать распоряжение, но дежурный курсант уже принялся его выполнять. — Шеф, мне отключать остальную часть дороги?

— Не надо. Думаю, что жертв больше не будет. Продолжайте транслировать предупреждение. И смотрите, чтобы не встали другие полосы, иначе получим такую пробку, что сам черт ее не пробьет.

Принимая такое решение, Гейнс исходил из того, что остановить полосу легко, а вот разогнать ее снова можно, только предварительно разгрузив. Роторы не такие мощные, чтобы сдвинуть с места ленту, переполненную людьми и грузами. После остановки дороги пришлось бы сначала эвакуировать со всех полос пассажиров, затем, исправив положение на двадцатой, опять запустить дорогу и лишь после этого решать проблему с образовавшейся пробкой. А тем временем пять с лишним миллионов людей, застрявших вдали от дома, задали бы серьезную задачу полиции. Гораздо проще и безопаснее было эвакуировать людей с двадцатой полосы по крыше, чтобы они могли добраться до дома с помощью оставшихся полос.

— Сообщите мэру и губернатору, что я принимаю чрезвычайные полномочия, — распорядился Гейнс. — Поставьте в известность начальника полиции, пусть выполняет ваши распоряжения. Прикажите коменданту вооружить всех имеющихся под рукой курсантов и ждать дальнейших приказов. Выполняйте!

— Есть, сэр! Надо ли вызвать свободных от дежурства техников?

— Нет. Это не авария. Посмотрите на ваши данные — целый сектор остановился одновременно. Не иначе как кто-то вручную отключил роторы. Впрочем, нет, техников соберите тоже, но не вооружайте и в «преисподнюю» посылать не надо. Скажи коменданту, чтобы срочно направил весь наличный состав курсантов-старшекурсников в десятый подсектор Стоктона в мое распоряжение. Вооружите их писто-

летами и усыпляющими гранатами и обеспечьте моноциклами.

— Слушаюсь, сэр!

К плечу Дэвидсона склонился клерк и что-то прошептал ему на ухо.

— Шеф, — сказал Дэвидсон, — с вами хочет переговорить губернатор.

— У меня нет времени. У вас, кстати, тоже. Кто ваш заместитель? Вы за ним посылали?

— Хаббард. Он уже здесь.

— Вот пусть он и разбирается с губернатором, мэром, газетчиками — с кем угодно, хоть с Белым домом. А вы занимаетесь дежурством. Все, я отключаюсь. Выйду на связь, когда разыщу патрульную машину.

Экран не успел погаснуть, когда Гейнс был уже на улице.

Блекинсоп, не решаясь заговорить, последовал за ним на северную двадцатимильную полосу. Там Гейнс остановился у ветролома, повернулся и начал присматриваться к стене, мимо которой они двигались. Заметив какой-то ориентир или неведомый его спутнику знак, он, словно фигуристка, исполняющая на льду пробежку, метнулся обратно на неподвижный тротуар. Все произошло так быстро, что Блекинсоп отстал от него на несколько сот футов и едва не потерял из виду, когда Гейнс нырнул в какую-то дверь и побежал по лестнице вниз.

Они оказались в узком эксплуатационном туннеле, в «преисподней». Всепроникающий гул обрушился на них, заполнил уши и каждую клеточку тела. Блекинсоп, ошавев от шума, смутно воспринимал окружающее. Прямо перед ним, освещенный желтым светом дуговой лампы, находился один из роторов, приводящих в движение пятимильную полосу: его огромный барабан медленно вращался вокруг многочисленных катушек статора. Верхняя часть барабана прижималась к ползущей над головами ленте дороги, передавая ей свое движение.

Справа и слева, на сколько хватало глаз, крутились другие роторы. Промежутки между работающими роторами тесно, словно сигары в коробке, заполняли ряды роликов, обеспечивающих непрерывную опору движущейся ленте. Са-

ми они опирались на арки, собранные из стальных балок; сквозь их переплетение Блекинсоп видел новые и новые ряды роторов, расставленных в шахматном порядке, и роторы в каждом следующем ряду вращались быстрее, чем в предыдущем.

Неподалеку от узкого тротуара, на котором они стояли, за линией стальных опор, параллельно рядам роторов, — мощная насыпная дорога; с тротуаром дорога соединялась пандусом. Гейнс, не скрывая своего раздражения, всматривался в туннель, по которому она шла. Блекинсоп спросил было, что он там ищет, но обнаружил, что не слышит и собственного голоса. Невозможно было перекрычать лязг тысячи роторов и визг сотен тысяч роликов.

Гейнс по движению губ понял вопрос Блекинсопа. Соорудив из ладоней рупор, он прокричал Блекинсопу на ухо:

— Нет машины! Здесь должна быть машина!

Австралиец, желая помочь и не зная, как это сделать, схватил Гейнса за руку и показал куда-то назад, в джунгли механизмов. Гейнс взглянул в том направлении и увидел группу людей, которых не замечал раньше.

В нескольких полосах от них шестеро человек суетились у одного из барабанов. Опустив барабан так, чтобы он больше не соприкасался с дорогой, они собирались полностью его заменить. Замена лежала рядом, на низкой массивной тележке.

Главный инженер улыбнулся Блекинсопу в знак благодарности и направил фонарь на группу работающих людей, сфокусировав луч в тонкую яркую иглу света. Один из техников поднял голову; Гейнс ему просигналил. Человек отделился от остальных и бегом направился к ним.

Подбежавший механик оказался худощавым молодым человеком, одетым в робу. На голове у него были наушники и нелепая шапочка с золотой кокардой и знаками отличия. Курсант узнал главного инженера и козырнул. Его лицо приняло по-детски серьезное выражение.

Гейнс сунул фонарь в карман и принялся быстро жестикулировать, объясняясь с помощью языка, похожего на язык глухонемых. Блекинсоп покопался в своих дилетантских знаниях и решил, что больше всего это напоминает язык же-

стов американских индейцев, хотя порой пальцы повторяли движения гавайской хула-хула. Разумеется, так только казалось, поскольку язык был приспособлен для технических нужд и состоял почти целиком из специальных терминов.

Курсант ответил на том же языке, подошел к краю насыпной дороги и направил луч своего фонаря на юг. Световое пятно выхватило из темноты машину; она была еще далеко, но приближалась с огромной скоростью. Затормозив, машина остановилась около них.

Это был небольшой экипаж, внешне напоминающий яйцо, поставленное на два колеса. Передняя часть откинулась вверх, и показался водитель — тоже курсант. Гейнс несколькими жестами объяснился с ним, затем протолкнул Блекинсопа в тесный пассажирский отсек и сам втиснулся следом.

Прозрачный колпак еще не успел встать на место, когда их ударил шквал ветра от пронесшихся мимо машин. Из трех австралиец успел разглядеть лишь последнюю. Они мчались на север со скоростью не меньше двухсот миль в час. Блекинсопу показалось, что за стеклом последней машины мелькнули маленькие кадетские шапочки — впрочем, полной уверенности у него не было.

Спросить Блекинсоп так и не успел — водитель дал старт. Гейнс, не обращая внимания на перегрузки, вызывал по встроенному телефону Дэвидсона. В закрытой машине стало достаточно тихо, чтобы можно было говорить. На экране появилось лицо телефонистки релейной станции.

— Соедините меня со старшим дежурным офицером!

— О, мистер Гейнс! С вами хочет говорить мэр, мистер Гейнс!

— Пошлите его к черту и дайте Дэвидсона! Скорее!

— Хорошо, сэр!

— И еще: держите этот канал соединенным с пультом Дэвидсона, пока я не прикажу отключить.

— Слушаюсь. — Телефонистка исчезла с экрана, уступив место дежурному офицеру.

— Это вы, шеф? У нас пока никаких новостей.

— Ладно. Ты можешь связываться со мной по этому каналу или через пост управления десятым подсектором. У меня — все.

Лицо Дэвидсона вновь сменилось лицом телефонистки.

— Звонит ваша жена, мистер Гейнс. Будете говорить?

Гейнс пробормотал что-то не слишком вежливое, потом ответил:

— Да.

На экране появилась миссис Гейнс. Не дожидаясь, когда она начнет говорить, он выпалил на одном дыхании:

— Дорогая, со мной все в порядке, буду дома, когда сумею добраться, я сейчас очень занят.

И быстренько отключил телефон. Экран погас.

Машина резко затормозила и остановилась у лестницы, ведущей в пост управления десятым подсектором. Они вышли наружу. Три больших грузовика стояли на пандусе, а три взвода курсантов замерли в шеренгах по стойке смирно.

Подбежавший к Гейнсу курсант отдал честь:

— Дежурный курсант-инженер Линдсей, сэр. Дежурный инженер просил вас немедленно пройти на пост.

Они вошли в комнату, и дежурный офицер обратился к Гейнсу:

— Шеф, вас вызывает Ван Клик.

— Давайте.

Ван Клик появился на большом экране.

— Привет, Ван, — произнес Гейнс. — Ты где?

— На посту Сакраменто. Теперь слушай...

— В Сакраменто? Отлично! Докладывай.

Ван Клик соорстил презрительную гримасу:

— Черта с два я буду тебе докладывать. Никакой тебе я больше не заместитель. Ты теперь мне будешь докладывать.

— Что, черт возьми, ты несешь?

— Слушай и не перебивай меня, тогда все узнаешь. Тебе конец, Гейнс. Я избран председателем Временного комитета управления Новым порядком.

— Ван, у тебя все дома? О каком Новом порядке ты говоришь?

— Узнаешь. Сегодня произошла функционалистическая революция. Вы ушли, и мы теперь вместо вас. Это мы остановили двадцатую, чтобы показать вам, что мы многое можем и больше шутить не намерены.

Книга «О функциях: Трактат о естественном устройстве общества» впервые увидела свет в 1930 году. Она была заявлена как научно обоснованная теория социальных отношений. Ее автор — Пол Декер — отвергал «устаревшие и пустые» идеи демократии и равенства людей, предлагая взамен систему, в которой люди оценивались «функционально», то есть по той роли, которую они играли в экономической цепочке. Основное положение этой теории гласило, что каждый человек может и должен обладать той степенью власти над окружающими, какая внутренне присуща социальным функциям, им исполняемым. Любая другая форма социальной организации глупа, нереальна и противна «естественному порядку».

То, что все отрасли современной экономики полностью зависимы друг от друга, совершенно ускользнуло от внимания создателя этой «замечательной» теории. Зато его идеи были изящно украшены бойкими выводами поверхностной механистической псевдопсихологии, основанной на наблюдениях за иерархией среди домашних птиц и на знаменитых опытах Павлова на собаках. При этом автора совершенно не интересовало, что люди — не собаки и не цыплята. Старый доктор Павлов полностью отвергал эту теорию, как отвергал все потуги тех, кто слепо и ненаучно пытался обратить в догму его важные, но строго ограниченные эксперименты.

Функционализм получил признание не сразу: во время Великой депрессии все — от водителя грузовика до девицы из гардероба — имели собственные рецепты правильного мироустройства, пунктов из шести, и самое удивительное, что большинство этих деятелей умудрялись печатать свои «труды». И все-таки функционализм распространился. Особенно популярен он был среди людей маленьких, которых полно в любом уголке и которым ничего не стоило себя убедить, что именно их труд совершенно необходим миру, а поэтому при «естественном порядке вещей» они стали бы хозяевами положения. А поскольку в мире всегда в избытке действительно необходимых профессий, то очень многие легко поверили в полезность и необходимость функционализма.

Прежде чем дать ответ, Гейнс какое-то время внимательно смотрел на Ван Клика.

— Ван, — медленно сказал он, — ты же не думаешь, что вам удастся проверить такое?

Коротышка выпятил грудь:

— Почему бы и нет? У нас уже все получилось. Ты не сможешь запустить двадцатую, пока я не дам разрешения, а если понадобится, я могу остановить всю дорогу.

Только теперь Гейнс с тревогой понял, что его заместитель оказался маниакально тщеславным человеком. Значит, надо держать себя в руках и не раздражаться напрасну.

— Конечно, Ван, ты можешь это сделать. Но как быть со всей остальной страной? Ты полагаешь, что армия США будет спокойно смотреть, как ты управляешь в Калифорнии, будто в собственном королевстве?

Ван Клик усмехнулся:

— Я это учел. Только что по радио было передано обращение ко всем дорожным техникам страны. Я рассказал им, что мы сделали, и призвал их подниматься на борьбу за свои права. Если остановятся все дороги страны и люди начнут голодать, то, полагаю, президент сначала крепко подумает, прежде чем задействует армию против нас. Да, он, конечно, может послать кого-то, чтобы захватить или убить меня. Но я не боюсь смерти, а он не посмеет перестрелять всех техников как класс, потому что страна без нас существовать не может. И значит, ему придется мириться с нами — на наших условиях!

Гейнс чувствовал, что в словах Ван Клика есть своя горькая правда. Если забастовка дорожных техников станет всеобщей, правительство не сможет подавить ее силой. Такая попытка сродни попытке избавиться от головной боли с помощью гильотины. Но будет ли восстание всеобщим?

— Почему ты думаешь, что техники всей страны пойдут за тобой?

— А почему нет? Это естественный порядок вещей. Сейчас век машин, реальная власть в руках техников, но они обмануты и не пользуются своей властью, потому что им ловко заморочили головы кучей устаревших фраз. А из всех техников самое главное и абсолютно незаменимое место занима-

ют дорожные техники. Сегодня они выходят на сцену — таков естественный порядок вещей! — Он отвернулся, покопался в разложенных на столе бумагах и добавил: — На сегодня все, Гейнс. Мне еще нужно позвонить в Белый дом и сообщить президенту о положении дел. Продолжай работать, веди себя хорошо, и тебе не причинят вреда.

Экран погас, но Гейнс еще какое-то время сидел неподвижно, осмысливая услышанное. Вот оно что, оказывается. Интересно, чего добьется Ван Клиг своим призывом к забастовке на других участках? Скорее всего, ничего, но ведь недавно Гейнсу и в голову не могло прийти, что его собственные техники окажутся способны на подобные действия. Возможно, он зря отказывается обсуждать это с кем-то со стороны. Нет, все правильно, если бы он начал тогда говорить с губернатором или газетчиками, разговор бы, наверное, не закончился до сих пор. И все-таки...

Гейнс позвонил Дэвидсону:

— Дэйв, в других секторах без происшествий?

— Да, сэр.

— А как на других дорогах?

— Пока сообщений нет.

— Слышал мой разговор с Ван Кликом?

— Да, слышал. Я был на связи.

— Ладно. Пусть Хаббард свяжется с президентом и губернатором и передаст им, что я категорически возражаю против применения военной силы, пока беспорядки ограничиваются одной дорогой. Передай, что я сниму с себя всю ответственность, если они вмешаются прежде, чем я попрошу.

Дэвидсон не мог скрыть сомнения:

— Вы считаете, что это будет правильно, сэр?

— Да! Если мы натравим на Вана и его бунтовщиков армию, мы и вправду рискуем вызвать восстание по всей стране. Кроме того, он успеет разрушить дорогу так, что сам Господь Бог и вся королевская конница не смогут ее собрать. Какова сейчас загрузка дороги?

— Пятьдесят три процента от пиковой.

— Что на двадцатой?

— Почти всех эвакуировали.

— Хорошо. Надо очистить дорогу как можно скорее. Лучше, если полиция выставит на подходах к дороге посты, чтобы снизить пассажирский поток. Ван может в любой момент остановить все полосы, или я сделаю это сам в случае необходимости. Теперь слушай план действий: я вместе с курсантами иду в «преисподнюю». Мы будем пробиваться на север, подавляя любое сопротивление, какое встретим. Ты организуешь специалистов и младший персонал. Они должны следовать за нами. Каждый барабан, до которого они доберутся, должен быть переключен на контрольный щит сектора Стоктон. Делать все это придется быстро, отключив блокировку, поэтому пошли сюда побольше мотористов, чтобы они могли вовремя заметить все неисправности.

Если наш план сработает, мы выкрадем управление сектором Сакраменто из-под носа у Вана, а после пусть сидит в своей диспетчерской в Сакраменто сколько угодно. Возможно, голод прочистит ему мозги.

Гейнс выключил связь и повернулся к дежурному инженеру подсектора:

— Эдмундс, дайте мне шлем и пистолет.

— Есть, сэр.

Он выдвинул ящик и протянул шефу пистолет. Пистолет был небольшой, но выглядел достаточно внушительно. Гейнс сунул его за ремень, затем втиснул голову в шлем, но наушники пока оставил открытыми.

Блекинсоп кашлянул, напоминая о себе, и спросил:

— Можно... э-э-э... мне тоже взять шлем?

— Что? — Гейнс не сразу понял, о чем его спрашивают. — Нет, он вам не понадобится, мистер Блекинсоп. Вы пока оставайтесь здесь, — если что, я вас позову.

— Но... — Австралийский министр хотел было ему возразить, потом передумал и сдался.

Стоящий у дверей дежурный курсант обратился к Гейнсу:

— Мистер Гейнс, здесь техник, он хочет с вами поговорить. Его зовут Харви.

— Мне некогда.

— Он из Сакраменто, сэр.

— Из Сакраменто? Давайте его сюда!

Харви коротко рассказал Гейнсу, что видел и слышал на сегодняшнем митинге в гильдии.

— Мне стало противно, и я ушел, а они еще продолжали трепаться. Я даже вспоминать о них не хотел, пока не оставилась двадцатая. А когда я узнал, что в секторе Сакраменто беспорядки, то сразу решил встретиться с вами.

— Как долго все это готовилось?

— Думаю, что порядочно. Вы же знаете, как это бывает, — везде найдется парочка обиженных, и многие из них функционалисты. Но не будешь же отказываться работать с человеком только из-за того, что у него не такие политические взгляды? У нас свободная страна.

— Вам стоило бы прийти ко мне пораньше, Харви.

Харви угрюмо молчал. Гейнс внимательно посмотрел ему в лицо:

— Не расстраивайтесь, вы были правы. Следить за вашими друзьями — это моя обязанность, а не ваша. Как вы и сказали, у нас свободная страна. Что-нибудь еще?

— Ну... раз все так повернулось, думаю, я могу вам помочь взять зачинщиков.

— Спасибо. Тогда пойдете со мной. Мы собираемся в «преисподнюю», попробуем разгрести весь этот бардак.

Дверь неожиданно распахнулась, и в помещение поста вошли двое: техник и курсант, которые несли на руках тело третьего. Они осторожно положили его на пол.

Убитый оказался совсем молодым парнем. Грудь его была залита кровью. Гейнс вопросительно посмотрел на дежурного офицера:

— Кто это?

Эдмундс отвел взгляд от тела и ответил:

— Курсант Хьюз, я отправил его посыльным в Сакраменто, когда оборвалась связь. Мы не знали, что с ним, и следом я послал Марстона и курсанта Дженкинса.

Гейнс что-то буркнул себе под нос и пошел к выходу:

— Идем, Харви.

Настроение ожидавших внизу курсантов было уже другим. Гейнс видел, что юношеский задор сменило что-то менее привлекательное. Многие переговаривались на языке жестов, кто-то сосредоточенно проверял оружие.

Гейнс кинул взгляд на курсантов, потом подозвал старшего. Между ними произошел быстрый обмен жестами. Курсант козырнул, повернулся к остальным и, подав короткий сигнал, опустил руку. Курсанты один за другим поднялись наверх, в комнату сменного персонала. Гейнс двинулся следом.

Оказавшись в помещении, где не было шума, Гейнс сказал:

— Вы все видели Хьюза. Кто из вас хочет свести счеты с той сволочью, которая это сделала?

Трое курсантов отозвались немедленно. Сломав строй, они шагнули вперед.

Гейнс холодно посмотрел на них:

— Хорошо. Вы трое, сдайте оружие и возвращайтесь в казарму. Если кто-то еще думает, что наша цель — месть или охота, — он может присоединиться к ним. — Гейнс выдержал паузу, потом продолжил: — Сектор Сакраменто захвачен самозванцами. Мы собираемся его вернуть — если получится, без жертв с обеих сторон и без остановки дороги. План такой: двигаемся по «преисподней», отбивая один ротор за другим, и переключаем их на Стоктон. Ваша задача — продвигаться на север и арестовывать всех, кто встретится на пути. Вы должны при этом помнить, что большинство из них невиновны. Поэтому старайтесь использовать гранаты с усыпляющим газом и стрелять на поражение только в крайнем случае.

Капитан, разбейте людей на десятки и каждому отделению назначьте командира. Отделение распределяется по «преисподней» цепью, садится на моноциклы и движется на север. Скорость держать пятнадцать миль в час, интервал между цепями — сто ярдов. Передняя цепь окружает замеченных людей, задерживает их и сажает в транспортную машину, затем, став за последней цепью, вновь продолжает движение. Фургоны, которые доставили вас сюда, используйте для размещения пленных. Водители фургонов должны держаться поблизости от второй цепи.

Выделите группу захвата постов управления подсекторами, но ни одного поста не атаковать, пока его подсектор

не будет переключен на Стоктон. Особое внимание обратите на обеспечение связи. У меня — все. Вопросы есть?

Гейнс пробежал взглядом по лицам молодых людей. Не услышав вопросов, он снова повернулся к старшему:

— Отлично, сэр. Выполняйте приказ!

Пока Гейнс ставил задачу, прибыла группа техников. Возглавлявший ее инженер тут же получил от Гейнса распоряжения. Курсанты уже стояли у моноциклов наготове, и курсант-капитан в ожидании смотрел на Гейнса. Тот кивнул, курсант сделал рукой отмашку, и первая партия, оседлав машины, двинулась вперед.

Гейнс и Харви, оба на моноциклах, держались возле курсант-капитана ярдах в двадцати пяти позади первой линии. С тех пор как главный инженер последний раз ездил на этой маленькой, нелепого вида машине, прошло немало времени, и сейчас Гейнс чувствовал себя не слишком уверенно. Моноцикл не придает своему седоку внушительности, по размерам и форме он чем-то напоминает кухонную табуретку, гиростабилизированную на единственном колесе. Но для патрулирования в тесном лабиринте «преисподней» лучшего средства не придумаешь, он может пролезть в любой узкий проход, легко управляется и терпеливо сохраняет устойчивость, когда его всадник спешивается.

Небольшая патрульная машина следовала за Гейнсом. Шныряя среди вращающихся барабанов, она старалась держаться поближе к главному инженеру, теле- и аудиокommуникаторы внутри ее позволяли Гейнсу не отрываться от прочих его многочисленных обязанностей.

Первые двести ярдов сектора Сакраменто были пройдены без происшествий, затем один из разведчиков заметил припаркованный неподалеку от роторного барабана моноцикл. Его хозяин в это время снимал показания с датчиков у основания ротора и не заметил их приближения. Техника тут же арестовали — он и не думал сопротивляться, хотя и был до крайности удивлен, возмущен и сбит с толку.

Отделение отстало, пропустив на смену вторую цепь.

Через три мили у них было уже тридцать семь арестованных и ни одного убитого. Двое курсантов получили не-

большие ранения, и их отправили в тыл. Из всех пленников только четверо оказались вооружены, Харви узнал среди них одного из зачинщиков беспорядков. самого себя Харви предложил в качестве парламентаря, но пока такой нужды не было.

Гейнсу идея Харви понравилась. Он знал, что техник — признанный профсоюзный лидер, и его авторитетом пренебрегать не стоило. Ради успеха он был готов на все, что сводило риск насилия к минимуму.

Через какое-то время первая цепь обнаружила еще одного техника. Его скрывал вращающийся барабан, и курсанты почти подошли вплотную, прежде чем на него наткнулись. Он не пытался сопротивляться, хотя был вооружен, и происшествие не стоило бы внимания, если бы в момент захвата он не разговаривал по «тихому» телефону, который был подключен к розетке у основания ротора.

Техника уже задержали, когда подоспел Гейнс. Он ухватил резиновый нагубник прибора и так сильно за него дернул, что послышался хруст — телефон застрял между зубами. Арестованный сплюнул обломок зуба, свирепо глянул на задержавших его людей, но все попытки заставить его говорить ничего не дали.

Гейнс хоть и действовал быстро, но пленник по переговорному устройству мог успеть предупредить противника об атаке. Вероятно, они потеряли преимущество внезапного удара. По цепи передали приказ продолжать движение, но с большой осторожностью.

Опасения Гейнса вскоре подтвердились: впереди, в нескольких сотнях футов, показалась группа людей, спешивших им навстречу. Людей в группу входило десятка два, точнее сказать было трудно, — большинство из них двигались, прячась за стальными барабанами.

Харви взглянул на Гейнса, тот кивнул и просигналил курсант-капитану остановиться.

Харви выехал вперед, высоко подняв над головой руки, показывая, что у него нет оружия. Ему пришлось управлять машиной, наклоняясь всем телом то в одну, то в другую сторону. Вскоре он подъехал к бунтовщикам, и они вразнобой начали тормозить. Харви тоже остановился, не доезжая до

них нескольких шагов. Один из заговорщиков, явно вожак, заговорил с Харви на языке жестов, Харви ему что-то ответил.

Они были чересчур далеко, а желтый свет был слишком тускл, чтобы понять, о чем они говорили. Разговор продолжался недолго, затем наступила пауза. Вожак, казалось, был в нерешительности. Тогда из группы вперед выехал человек и, сунув пистолет в кобуру, заговорил с предводителем. В ответ на резкие жесты подъехавшего тот отрицательно помотал головой.

Мужчина начал опять, но получил тот же ответ. Тогда он в последний раз сделал недовольный короткий жест, выхватил пистолет и выстрелил в Харви. Харви согнулся, схватившись за живот. Мужчина пальнул еще раз. Харви дернулся и соскользнул с сиденья на землю.

Капитан выхватил оружие раньше Гейнса. Пуля попала в убийцу, тот подался назад, с удивлением вскинув голову. Казалось, он не может понять, что же такое произошло, он слишком быстро умер, чтобы успеть осознать это.

Курсанты открыли огонь. Передняя шеренга вдвое уступала числом противнику, но тот был явно сбит с толку. Заговорщики ответили беспорядочным залпом, и сразу сделалось ясно, что кажущееся их преимущество ничего не стоит. Не прошло и тридцати секунд после первого подлого выстрела, а повстанцы были кто перебит, кто ранен или взят в плен.

У Гейнса было двое убитых, включая Харви, и двое раненых.

Гейнс изменил свою тактику под новые условия. Теперь, когда о секретности можно было забыть, главными стали скорость и ударная мощь.

Вторая цепь двигалась по пятам за первой, почти вплотную. Третья отставала всего на двадцать пять ярдов. Теперь они игнорировали всех безоружных, оставляя их четвертой цепи, но получили приказ стрелять без предупреждения в любого, у кого заметят оружие.

Гейнс просил по возможности ранить, а не убивать противника, но прекрасно осознавал, что выполнить это практически невозможно. Будут смерти. Он этого не хотел, но

понимал, что у него нет выбора. Он не мог посылать своих ребят под пули, запретив им стрелять первыми. Любой вооруженный повстанец был потенциальным убийцей, и в такой ситуации он не мог связывать руки своим людям.

Когда цепи перестроились, Гейнс скомандовал капитану курсантов выдвигаться, и первые две цепи рванули с места на максимальной скорости, на какую способны моноциклы, — почти восемнадцать миль в час. Гейнс последовал за ними.

Объезжая мертвое тело Харви, он невольно посмотрел на него. Натриевая лампа окрашивала лицо в неприятный желтушный цвет, но и на этой неживой маске отпечаталась суровая красота; даже сейчас, в смерти, был виден его сильный характер. Увидев это лицо, Гейнс уже меньше переживал по поводу своего приказа, но терзающее его чувство личной ответственности одолевало его с новой силой.

Некоторое время они шли, не встречая сопротивления, и Гейнс уже начал надеяться на скорую бескровную победу. Но тут он заметил, что ритмичный грохот машин, проникавший даже через наушники шлема, сделался каким-то другим. Он сдвинул шлем. Грохот машин затихал, роторные барабаны и ролики останавливали свой бег.

Дорога встала.

— Остановите людей! — крикнул он курсант-капитану, и слова его гулким эхом отозвались в неестественной тишине.

Откинулась дверца патрульной машины, и Гейнс поспешил туда.

— Шеф! — позвал из машины связист. — Вас — к экрану.

Узнав Гейнса, девушка на экране сразу же уступила место Дэвидсону.

— Шеф, — быстро выпалил он, — с вами хочет говорить Ван Клик.

— Кто остановил дорогу?

— Он.

— Какие еще происшествия?

— Никаких. Когда произошла остановка, на дороге уже почти никого не было.

— Хорошо. Давай Ван Клика.

При виде Гейнса на лице главаря заговорщиков вспыхнула плохо сдерживаемая ярость.

— Ну что?! — с ходу закричал он. — Ты думал, я шутки с тобой шучу? Ну так получай, что хотел! Интересно, как ты теперь запоешь, мистер главный инженер?

На Гейнса накатило желание выложить вслух все, что он думает о своем замке. Голос этого недоростка действовал на него подобно скрежету ножа по стеклу, но Гейнс не мог себе позволить роскоши говорить прямо. Он заставил себя говорить самым уважительным тоном, стараясь не выдавать чувств и успокоить болезненное тщеславие собеседника.

— Вынужден признать, что этот тайм за тобой, Ван, — дорога остановлена, — и не думай, что я не воспринимал тебя всерьез. Я слишком долго смотрел, как ты работаешь, чтобы тебя недооценивать. И знаю, что твои слова с делом не расходятся.

Чувствовалось, что Ван Клик был польщен его признанием, но пытался скрыть свою радость.

— Тогда какого дьявола ты там суетишься? — Он уже не говорил — требовал. — Тогда почему бы тебе не перестать валять дурака и не сдать? Ведь вам нас не победить.

— Может, и так, Ван, но ты же понимаешь, что я должен попытаться. Кстати, — продолжал он, — с чего ты взял, что мне не победить? Ты же сам сказал, что я могу пригнать сюда всю армию Соединенных Штатов.

Ван Клик торжествующе улыбнулся:

— Видишь вот это? — Он показал грушевидный пульт дистанционного управления с единственной кнопкой, прикрепленный к длинному проводу. — Стоит нажать на кнопку, и взрыв снесет все полосы дороги от края до края — взорвет ее ко всем чертям! А перед уходом я возьму топор и напоследок разнесу на этой станции все, что можно.

Единственное, о чем Гейнс сейчас сожалел, — что плохо разбирается в психологии. Чтобы переиграть Ван Клика, ему придется довериться только своему здравому смыслу и из всех сил постараться найти правильные слова.

— Звучит довольно радикально, Ван, но я не вижу, почему мы должны сдаваться.

— Не видишь? Так раскрой глаза! Если ты вынудишь меня взорвать дорогу, что станет с людьми, которые взлетят на воздух вместе с ней? Подумай об этом.

Гейнс лихорадочно искал решение. Он ничуть не сомневался, что Ван Клик выполнит свою угрозу. Его показушное, мальчишески-дерзкое «если ты вынудишь меня» свидетельствовало об опасной неустойчивости его психического состояния. Разрыв дороги в густонаселенном секторе Сакраменто, скорее всего, разрушит один или несколько жилых домов и наверняка убьет владельцев магазинчиков на работающем участке двадцатой полосы, а также случайных прохожих. Ван был абсолютно прав: он, Гейнс, не осмелится рисковать жизнями посторонних людей, которые ни о чем не подозревают, — пусть даже эта дорога встанет навсегда.

Если уж откровенно, проблема сейчас не в том, какой ущерб понесет дорога. Его выбила из колеи угроза, нависшая над ничего не подозревающими людьми.

Между тем мелодия все крутилась и крутилась в его голове: «Слушай дороги гуд, смотри, как они бегут! Наш бесконечен труд...» Что делать? Что ему делать? «Покуда вы мчите, покуда скользите...» Выхода нет, нет никакого выхода...

Он повернулся к экрану:

— Слушай, Ван, ты ведь не станешь взрывать дорогу, если тебя не вынудят. Я уверен, ты не хочешь, чтобы дорога погибла. И я не хочу. Как ты смотришь на то, что я приду к вашей штаб-квартире и мы обсудим проблему? Два разумных человека всегда найдут способ договориться.

— Что ты еще задумал? — подозрительно поинтересовался Ван Клик.

— Да ничего я не задумывал. Я приеду один, без оружия, буду скоро, как только позволит машина.

— А твои люди?

— Пока я не вернусь, они останутся здесь. Не веришь — можешь выставить наблюдателей.

Ван Клик секунду помедлил с ответом, разрываясь между опасением угодить в ловушку и предвкушением того, что его бывший начальник придет к нему, чтобы обсудить условия сдачи. Наконец он неохотно согласился.

Гейнс дал инструкции Дэвидсону и рассказал ему, что он собирается делать.

— Дэйв, если через час я не вернусь, действуй по своему усмотрению.

— Будьте осторожны, шеф.

— Постараюсь.

Гейнс отослал водителя патрульной машины, вывел ее по скату на насыпную дорогу, развернулся на север и дал газ. Наконец-то у него появился шанс собраться с мыслями — несмотря на скорость под двести миль в час.

Положим, его план удастся, но и в этом случае после победы многое придется менять. В первую очередь надо сделать выводы из двух тяжелых уроков; мысли о них крепко сидели в мозгу, словно занозы. Первое, что придется предпринять, — это установить на полосах перекрестную блокировку, чтобы в случае резкого расхождения скоростей соседние полосы ускорялись или тормозили. То, что произошло на двадцатой, не должно повториться!

Но с этим просто, — это задача техническая. Главная проблема не в этом, главное — подбор кадров. Разумеется, отборочные тесты должны быть улучшены, они должны гарантировать, что на транспорте будут работать только сознательные, надежные люди. Но — черт побери! — ведь считалось, что именно это и гарантируют нынешние тесты. Улучшенный метод Хамма—Уодсворта—Бертонa еще ни разу не приводил к ошибкам. Во всяком случае, до сегодняшних событий в секторе Сакраменто. Непонятно, как Ван Клику удалось склонить к мятежу такое количество проверенных на тестах людей? Это просто немыслимо!

Без серьезной причины хорошо подобранный коллектив не выйдет из равновесия. Поведение одного человека еще может быть непредсказуемым, но когда их большое количество, они надежны, словно числа или машины. Они подчиняются законам статистики, их действия можно измерить, проверить, классифицировать.

Гейнс представил себе отдел кадров, шкафы с картотеками, клерков... Наконец-то! Он понял! Ван Клик как первый заместитель главного инженера был *офицером по кадрам целой дороги!*

Вот он — ответ, который объяснял все. Только у одного человека, офицера по кадрам, была замечательная возможность собрать всех паршивых овец в одно стадо. Теперь Гейнс

был твердо убежден, что тесты на психологическую устойчивость подделывались, возможно не один год, и что Ван Клиг намеренно собирал нужных ему людей в одном секторе, подделывая их личные дела.

Он получил еще один хороший урок: необходимы более жесткие тесты для офицеров. Классификацию и назначение персонала на должности нельзя доверять ни одному офицеру, если за ним не ведется самого тщательного контроля. Даже его, Гейнса, необходимо проверять в этом отношении. Вот только... *Qui custodiet ipsos custodies?* Кто будет сторожить самих сторожей? Латынь, может, и устарела, но древние римляне от этого дураками не становились.

Теперь он знал, в чем была его ошибка, и это доставляло ему мрачное удовлетворение. Надзор и контроль, проверка и перепроверка — вот ответ на вопрос. Да, будет хлопотно, да, не эффективно, но с этим придется смириться — повышая безопасность, всегда что-нибудь да приносишь в жертву.

Не стоило отдавать так много полномочий Ван Клигу, не изучив его досконально. Но еще не поздно разузнать о нем кое-что!

Он нажал аварийную кнопку, и машина резко остановилась.

— Станция? Соедините меня с моим офисом!

Лицо Долорес смотрело на него с экрана.

— Вы на месте? — сказал он. — Отлично! Я боялся, что вы уже дома.

— Я услышала об аварии и сразу вернулась, мистер Гейнс.

— Вы умница. Дайте мне личное дело Ван Клига. Я хочу посмотреть его квалификационную запись.

Она мгновенно принесла дело и принялась читать ему записи, большей частью состоящие из символов и процентов. Слушая, Гейнс машинально кивал головой — данные только подтверждали его подозрения: скрытый интроверт, комплекс неполноценности... Все сходится.

— Замечание комиссии, — прочитала она. — Несмотря на потенциальную нестабильность, выявленную максимумом А и Д на результирующей кривой, комиссия убеждена, что этот офицер тем не менее пригоден к работе. У него исключительно хороший послужной список, и он особенно

подходит для руководства людьми. Поэтому его рекомендовано оставить на службе с возможностью дальнейшего продвижения.

— Достаточно, Долорес. Спасибо.

— Да, мистер Гейнс.

— Я иду ва-банк. Держите за меня кулак.

— Но, мистер Гейнс... — Там, во Фресно, на Долорес смотрел пустой экран.

— Проведите меня к Ван Клику!

Охранник нехотя убрал пистолет, упирившийся Гейнсу в ребра, и кивком головы велел ему первым идти наверх. Гейнс вылез из машины и пошел, как ему велели.

Ван Клик обосновался не в административном корпусе, а в диспетчерской сектора. Его окружали с полдюжины вооруженных мятежников.

— Добрый вечер, директор Ван Клик.

Услышав, что Гейнс признал его новое звание, коротышка буквально разбух от гордости.

— Мы здесь не очень обращаем внимание на титулы, — сказал он с показным безразличием. — Можешь называть меня просто Ван. Садись, Гейнс.

Гейнс так и сделал. Теперь надо было как-то удалить посторонних. Со скучающим видом он посмотрел на охрану:

— Ты что, боишься, что сам не справишься с одним безоружным человеком? Или функционалисты уже не доверяют друг другу?

Ван Клик покраснел от злости, но Гейнс бесстрашно улыбнулся ему в лицо. Наконец коротышка взял со стола пистолет и указал парням на дверь:

— Оставьте нас, ребята.

— Но, Ван...

— Пошли вон, я сказал!

Когда они остались одни, Ван Клик подвинул к себе пульт с кнопкой, который Гейнс до этого видел на экране, и направил на своего бывшего шефа пистолет.

— Ну ладно, — раздраженно проговорил Ван Клик, — попробуешь выкинуть какой-нибудь фортель — все полетит к чертям! Ну, так что ты хотел мне сказать?

Улыбка на лице Гейнса стала еще шире. Ван Клик нахмурился:

— Что здесь, черт возьми, смешного?

— Прежде всего ты сам, Ван, — ответил Гейнс. — Это надо же такое придумать: ты затеял функционалистскую революцию, а единственная функция, до которой ты смог додуматься, — взорвать дорогу, без которой ты вообще окажешься полный нуль. Признайся, чего ты так боишься?

— Я не боюсь!

— Неужели? Ты сидишь здесь, готовый совершить хакири при помощи своей игрушечной кнопки, и еще говоришь мне, что не боишься? Если бы твои приятели знали, как близок ты к тому, чтобы лишиться их всего, за что они боролись, — да они тебя тут же бы пристрелили! Ты ведь их тоже боишься, а?

Ван Клик оставил кнопку и встал.

— Я ничего не боюсь! — выкрикнул он и начал обходить пульт, приближаясь к Гейнсу.

Гейнс сидел на месте и смеялся:

— Я же вижу, как ты боишься! Сейчас ты боишься меня. Боишься, что я вызову тебя на ковер и отчитаю за плохую работу. Ты боишься, что курсанты при встрече не отдадут тебе честь. Боишься, что они потешаются у тебя за спиной. Ты боишься во время ужина взять не ту вилку. Ты боишься, когда на тебя смотрят люди, и боишься, что они тебя не замечают.

— Нет! — закричал Ван Клик. — Ты... ты грязный тупой сноб! Ты думаешь, будто лучше других только из-за того, что закончил престижную школу... — Он задохнулся, голос его сорвался в попытке скрыть накатившие от бессильного гнева слезы. — Это все ты, ты и твои мерзкие курсантики...

Гейнс внимательно за ним наблюдал. Теперь он ясно видел, какой слабый у этого человека характер, и удивлялся, почему не замечал этого раньше. Ведь признаки были явные. Он припомнил, как однажды недоволен был Ван, когда Гейнс предложил ему помочь разобраться в каких-то вычислениях.

Но сейчас надо было сыграть на его слабости, отвлечь внимание Вана от опасной кнопки, сосредоточив его ярость на Гейнсе.

Хотя слишком его провоцировать тоже не следует, иначе неожиданный выстрел может положить конец самому Гейнсу, а заодно и лишить всех последнего шанса избежать кровавой битвы за контроль над дорогой.

Гейнс презрительно хмыкнул.

— Ван, — сказал он, — ты маленькое жалкое ничтожество. Это всем давно известно. Я же тебя насквозь вижу. Ты — третий сорт, Ван, и всю свою жизнь ты боялся, что тебя разглядят как следует и пошлют туда, где место таким, как ты. Да какой из тебя директор! Плюнуть и растереть! Если ты — лучший из функционалистов, то проще оставить вас в покое, вы сами себя тут заросте из-за полной некомпетентности.

Он развернул кресло, демонстративно повернувшись спиной к Ван Клику с его пистолетом.

Ван Клик приблизился к своему мучителю, остановившись в нескольких футах, и заорал:

— Ты!.. Я тебе покажу!.. Я всажу в тебя пулю, понял, ты?..

Гейнс медленно развернулся, встал и пошел прямо на Вана:

— Положи эту хлопушку, пока не поранился.

Ван Клик отступил на шаг.

— Не подходи!.. — закричал он. — Или я тебя пристрелю! Вот увидишь, я...

«Пора», — решил Гейнс и нырнул ему под руку.

Пистолет грохнул над самым ухом. Что ж, эта пуля была не его. Вцепившись друг в друга, они повалились на пол. Для своего малого роста Ван Клик был довольно крепок. Где же пистолет? Вот! Гейнс схватил выпавший пистолет и быстро вскочил, думая, что Ван Клик тут же бросится на него.

Но Ван Клик не поднялся. Он лежал на полу, слезы текли из закрытых глаз, он рыдал, словно наказанный ни за что ребенок.

Секунду Гейнс глядел на него с состраданием, потом размахнулся и аккуратно ударил рукояткой пистолета под ухо. Подошел к двери, прислушался и тщательно ее запер.

Шнур от кнопки вел к щиту управления. Гейнс проверил соединение и осторожно его разъединил. Закончив эту нехитрую работу, он повернулся к пульта и вызвал Фресно.

— Порядок, Дэйв, — сказал он, — атакуйте прямо сейчас и, бога ради, поторопитесь!

И тут же отключил связь, не желая, чтобы подчиненный видел, как его трясет.

На следующее утро во Фресно Гейнс, весьма довольный, мерил шагами центральную диспетчерскую. Дороги катились — вскоре они должны разогнаться до нормы.

Это была долгая ночь. Гейнс потребовал провести тщательную проверку сектора Сакраменто, и туда для этой работы были посланы все свободные от службы инженеры и все курсанты, чтобы дюйм за дюймом проверить все полотно дороги. Посты управления двумя подсекторами, пульта которых были повреждены, пришлось переносить на другие, действующие. Но главное — дороги катились; подошвами, через пол, он ощущал их ритмичный бег.

Гейнс остановился рядом с усталым небритым Дэвидсоном.

— Почему ты не уходишь домой, Дэйв? — спросил он. — Макферсон уже принял дежурство.

— А вы, шеф? Вы тоже не слишком тянете на роль жениха.

— Ничего. Я могу поспать у себя в кабинете. Чуть попозже. Свою жену я уже предупредил. Она сама придет ко мне сюда.

— Злитесь?

— Не очень. Ну, знаешь, как это бывает у женщин.

Он повернулся к приборному щиту и посмотрел, как работают контрольные комплексы, принимающие показания сразу шести секторов. Сан-Диего-Кольцевая, сектор Анджелес, сектор Бейкерсфилд, сектор Фресно, Стоктон... Стоктон? О боже! Блекинсон! Он же оставил министра Австралии в конторе Стоктона на всю ночь!

Гейнс бросился к двери, крикнув на ходу Дэвидсону:

— Дэйв! Ради бога! Срочно закажи мне машину!

Смысл просьбы дошел до Дэвидсона лишь тогда, когда Гейнс пересек зал и был уже у себя в кабинете.

— Долорес! — с порога обратился Гейнс к секретарше.

— Слушаю, мистер Гейнс.

— Позвоните моей жене и передайте, что я еду в Стоктон. Если она уже выехала, пусть ждет меня здесь. И еще, Долорес...

— Да, мистер Гейнс.

— Попробуйте ее как-нибудь успокоить.

Губы ее плотно сжались, но лицо осталось непроницаемым.

— Хорошо, мистер Гейнс.

— Ну вот и умница.

Он вышел из офиса и сбежал по ступенькам вниз. На дороге он огляделся. От вида бегущих полос он почувствовал прилив новых сил. Быстрыми шагами он двинулся в сторону указателя: «ПРОХОД ВНИЗ». Насвистывая себе под нос, Гейнс открыл дверь, и грохочущий, ревуший ритм «преисподней» словно бы подхватил мелодию, слившись с ней воедино:

Ну-ка, быстро, быстро, быстро!
Мы недаром мотористы.
Живо сектора проверьте:
Первый, и второй, и третий!
И куда б вы ни попали,
Вы забудете едва ли,
Что ваши дороги идут вперед!

КОММЕНТАРИЙ

Если не считать некоторого смещения исторических дат, рассказ «Дороги должны катиться» почти не редактировался перед книжной публикацией. Выдвинутая в нем идея о том, что движущиеся дороги могут стать основной транспортной системой, в 1940 году выглядела не такой экзотичной, какой она кажется нам сегодня: тогда в стране был дефицит нефти и еще не были сделаны колоссальные инвестиции в систему автомагистралей, связывавшую между собой все штаты. Кроме того, все это стало возможным лишь благодаря случайному изобретению панелей солнечной энергии Дугласа—Мартин (см. «Да будет свет!»), обеспечившему всех практически бесплатной энергией.

ВЗРЫВ ВСЕГДА ВОЗМОЖЕН¹

— Положите ключ на место!

Человек, к которому это относилось, медленно повернулся и взглянул на говорившего. Лица нельзя было разглядеть под странным шлемом, который был частью свинцово-кадмиевой брони, скрывавшей его тело, но в голосе явно слышалось нервное раздражение.

— Какого черта, док? — Гаечный ключ он по-прежнему сжимал в руке.

Они смотрели друг на друга, как два фехтовальщика в масках, ожидающих, когда противник откроется. Голос первого прозвучал из-под маски тоном выше и повелительнее:

— Вы меня слышали, Харпер? Положите немедленно ключ и отойдите от этого триггера! Эриксон!

Из дальнего угла реакторного зала к ним приблизилась третья бронированная фигура:

— В чем дело, док?

— Харпер отстранен от дежурства. Пошлите за его сменщиком! Дежурным инженером назначаетесь вы.

— Хорошо.

Судя по голосу и манерам, третий был флегматиком, и он никак не прокомментировал ситуацию. Инженер-атомщик, которого подменил Эриксон, перевел взгляд с одно-

¹ По-английски в названии «Blowups happen» скрывается игра слов: «blowup» означает не только «взрыв», но и «психологический срыв». — *Примеч. С. В. Голд.*

го на другого, затем аккуратно положил гаечный ключ на место:

— Слушаюсь, доктор Силард! Только и вы пошлите за своим сменщиком. Я потребую немедленного разбора дела!

Возмущенный Харпер круто повернулся и пошел к двери, его свинцовые башмаки гроыхали по плиткам пола.

Силарду пришлось дожидаться сменщика минут двадцать. Это были неприятные минуты. Возможно, он поторопился. Возможно, он вообще напрасно решил, что Харпер не выдержал напряжения работы с самой опасной машиной в мире — атомным конвертером. Но если он и ошибся, то ошибка в нужную сторону, ибо в этом деле промахи *не должны быть возможны*, потому что любой промах может привести к атомному взрыву почти десяти тонн урана-238, урана-235 и плутония.

Силард попробовал представить, что тогда будет. Ему это не удалось. Он слышал, что мощность атомного взрыва урана превосходит мощность тринитротолуола в двадцать миллионов раз, но эта цифра ничего ему не говорила. Он пытался думать о реакторе как о сотнях миллионов тонн самого сильного взрывчатого вещества или о тысячах Хиросим. Но это тоже не имело смысла. Однажды он видел взрыв атомной бомбы — его пригласили для психологического тестирования персонала ВВС. Но он не мог себе представить взрыва тысячи таких бомб — его мозг пасовал.

Вероятно, инженеры-атомщики способны это вообразить. Возможно, с их математическими способностями и ясным пониманием процессов, происходящих там, в недрах реактора, они видят как наяву, какое непостижимо ужасное чудовище заперто за щитом. И если это так, нет ничего удивительного в предположении, что взрыв возможен...

Силард вздохнул. Эриксон оторвался от приборов линейного резонансного ускорителя:

— Что случилось, док?

— Ничего. Мне жаль, что пришлось устранить Харпера.

Силард чувствовал на себе пронизательный взгляд невозмутимого скандинава.

— А вы, часом, сами не того, док? Иногда мозгоправы вроде вас тоже взрываются...

— Я? Не думаю. Я боюсь этой штуковины. И был бы сумасшедшим, если бы не боялся.

— Я тоже, — сумрачно ответил Эриксон и опять занялся настройкой регулятора ускорителя.

Сам ускоритель находился за щитом ограждения. Его «дуло» скрывалось за вторым щитом, там из него извергался поток разогнанных до немыслимых скоростей субатомных «пуль» и падал на бериллиевую мишень, расположенную в самом центре реактора. Под ударами этих частиц бериллий испускал нейтроны, которые разлетались во всех направлениях, пронизывая массу урана. Некоторые нейтроны, сталкиваясь с атомами урана, разбивали их и вызывали деление ядер. Осколки превращались в новые элементы: барий, ксенон, рубидий — в зависимости от того, как делилось ядро. Новые элементы — как правило, нестойкие изотопы — в процессе радиоактивного распада и цепной реакции в свою очередь делились на десятки других элементов.

Но если вторичное превращение элементов не представляло особой опасности, то первичное, когда раскалывались атомы урана, высвобождая связывавшую их энергию, чудовищную и невообразимую, двести миллионов электрон-вольт, — это превращение было самым важным и самым опасным.

Потому что уран, превращаясь под действием бомбардировки нейтронами в атомное топливо, при делении тоже испускал нейтроны, которые могли попасть в другие атомы урана и в свою очередь вызвать их деление. И если возникали благоприятные условия для цепной реакции, она могла выйти из-под контроля и в какое-то неуловимое мгновение, за долю микросекунды, перерасти в атомный взрыв, перед которым атомная бомба показалась бы детской хлопушкой. Взрыв такой силы настолько превосходил бы все известное человечеству, что представить его было немыслимо, как нельзя представить собственную смерть. Этого можно бояться, но этого нельзя понять.

Но для работы атомного конвертера необходима была самоподдерживающаяся цепная реакция деления *почти на грани атомного взрыва*. Чтобы расщепить первое урановое ядро, бомбардируя его нейтронами из бериллиевой мишени,

требовалось энергии больше, чем высвобождала смерть атома при первичном делении. Для того чтобы реактор продолжал работать, необходимо было, чтобы каждый атом, расщепленный нейтроном из бериллиевой мишени, в свою очередь вызывал расщепление еще нескольких.

И в равной степени было необходимо, чтобы эта цепная реакция постоянно имела тенденцию к затуханию. Она не должна усиливаться, иначе вся масса урана взорвется — за столь малый промежуток времени, что его невозможно измерить никаким способом.

Да и некому будет измерять.

Дежурные инженеры-атомщики контролировали работу реактора с помощью «триггеров» — слово, под которым подразумевались линейный резонансный ускоритель, бериллиевая мишень, кадмиевые замедлители, контрольные приборы, распределительные щиты и источники питания. Иначе говоря, инженеры могли понижать или повышать интенсивность нейтронного потока, падающего на бериллиевую мишень, тем самым уменьшая или увеличивая скорость реакции, могли с помощью кадмиевых замедлителей менять «эффективную массу» реактора и могли, сверяясь с показаниями приборов, определять, что реакция укрощена — вернее, *была* укрощена мгновение назад. Знать же о том, что происходит в реакторе *сейчас*, они не могли, потому что скорость элементарных частиц слишком велика, а временные интервалы слишком малы. Инженеры походили на птиц, летающих хвостами вперед: они видели, откуда прилетели, но не ведали, куда летят. И тем не менее инженер, и только он один, должен был обеспечивать высокую производительность реактора и одновременно следить за тем, чтобы цепная реакция не достигла критического уровня и не переросла в массовый взрыв.

Эта задача была за гранью возможного. Инженер не мог быть уверен и никогда не был до конца уверен, что все идет хорошо.

Он мог использовать в работе все навыки и знания, полученные благодаря самому современному техническому образованию, он мог снизить риск до теоретического минимума, но слепые законы вероятности, которые, по-видимому,

господствуют на субатомном уровне реальности, могли в любой момент вытащить из рукава туза и свести на нет всю его игру.

И каждый инженер-атомщик это знал. Он знал, что ставит на карту не только свою жизнь, но и бесчисленные жизни других людей — возможно, жизни всех на этой планете. Никто не знал, какие последствия будут у такого взрыва. Наиболее консервативно настроенные ученые считали, что взрыв реактора не только уничтожит завод со всем его персоналом, но заодно поднимет на воздух ближайший многолюдный и весьма оживленный участок родтауна Лос-Анджелес—Оклахома и зашвырнет его миль на сто к северу.

Официальная, более оптимистическая точка зрения, согласно которой Комиссия по атомной энергии и выдала разрешение на установку, основывалась на математических выкладках, доказывавших, что в начале реакции масса урана сама дезинтегрируется на молекулярном уровне, — таким образом процесс локализуется прежде, чем захватит всю массу и приведет ее к взрыву.

Однако инженеры-атомщики в большинстве своем официальной теории не признавали. Они относились к теоретическим предсказаниям именно так, как те того заслуживали, то есть не доверяли им ни на грош, пока эти теории не были подтверждены экспериментом.

Но даже придерживаясь официальной версии, каждый атомщик, заступая на дежурство, взваливал на себя ответственность не только за свою жизнь, но и за жизни множества других людей — сколько их было на самом деле, лучше не думать. Ни один рулевой, ни один генерал, ни один хирург никогда еще не нес такого бремени повседневной постоянной ответственности за жизнь своих собратьев, какую взваливали на себя инженеры каждый раз, когда прикасались к регуляторам настройки или считывали показания приборов.

Поэтому инженеры-атомщики должны были обладать не только острым умом, знаниями и опытом, но также иметь соответствующий характер и чувство социальной ответственности. Для этой работы отбирались люди чуткие, которые могли до конца осознать важность доверенного им дела, —

другие здесь негодились. Но бремя постоянной ответственности было слишком тяжелым для того, чтобы такие чуткие люди могли нести его неопределенно долгое время.

Они вынуждены были работать в состоянии перманентной психологической неустойчивости. Их профессиональным заболеванием было безумие.

Доктор Каммингс наконец появился, застегивая на ходу пряжки защитной брони, непроницаемой для радиации.

— Что случилось? — спросил он Силарда.

— Пришлось устранить Харпера.

— Так я и думал. Я его встретил на выходе. Он был зол как черт и так на меня зыркнул...

— Представляю. Он требует немедленного разбора. Поэтому и пришлось послать за вами.

Каммингс кивнул. Потом, мотнув головой в сторону инженера, безликой фигуры в броне, спросил:

— Кого мне сегодня опекать?

— Эриксона.

— Ну что ж, неплохо. Квадратные головы не сходят с ума, а, Гас?

Эриксон на мгновение поднял голову, буркнул: «Это уж ваше дело» — и снова погрузился в свои вычисления.

— Похоже, психологи не пользуются здесь особой популярностью? — проговорил Каммингс, снова обращаясь к Силарду. — Ну ладно. Смена принята, сэр.

— Смена сдана, сэр.

Силард прошел через зигзагообразный коридор во внешней защите, окружавшей реакторный зал. В раздевалке за последним щитом он снял свои громоздкие доспехи, бросил их в нишу и поспешил к лифту. Кабина лифта остановилась глубоко внизу — на площадке пневматической подземной дороги. Он отыскал пустую капсулу, сел в нее, закрыл герметическую дверцу и откинулся на сиденье, приготовившись к ускорению.

Пять минут спустя он уже стучал в дверь кабинета начальника станции, в двадцати милях от реактора.

Собственно, промышленный реактор был выстроен в котловине, среди пустынных холмов аризонского плато. Все,

что не являлось необходимым для непосредственного управления реактором — административные корпуса, телевизионная станция и тому подобное, — располагалось далеко за холмами. Здания этих подсобных служб были выстроены из самых прочных материалов, какие только могла создать инженерная мысль. Таким образом, оставалась надежда, что, если день «Х»¹ когда-нибудь придет, у обитателей этих зданий будет примерно столько же шансов спастись, сколько у человека, вздумавшего спуститься в бочке по Ниагарскому водопаду.

Силард постучал еще раз. Его встретил секретарь Штейнке. Силард помнил его историю болезни. В прошлом один из самых блестящих молодых инженеров, он вдруг утратил всякую способность к математическим операциям. Типичный случай диссоциативной фуги, но бедняга ничего не мог с собой поделать — он был слишком озабочен своим состоянием, чтобы оставаться на дежурстве. Впрочем, у него хватило силы воли не бросить работу, и он был переквалифицирован для административной службы.

Штейнке пригласил Силарда в личный кабинет начальника станции. Харпер был уже там и ответил на его приветствия с ледяной вежливостью. Начальник станции, как всегда приветливый и радушный, показался Силарду усталым, словно круглосуточное напряжение истощало его силы.

— Входите, доктор, входите! Садитесь. А теперь расскажите, что там стряслось. Признаться, я удивлен. Я всегда считал Харпера одним из самых надежных инженеров.

— А я и не говорю, что он ненадежен, сэр.

— Значит?

— Он, может быть, вполне здоров, но ваши инструкции не позволяют мне рисковать.

— Совершенно верно.

Начальник станции смущенно взглянул на инженера, сидевшего в напряженной выжидающей позе, потом снова обратился к Силарду:

— Может быть, вы все-таки объясните, что произошло?

¹ В оригинале на немецком и, вопреки правописанию, с маленькой буквой: «*der tag*». — Примеч. С. В. Голд.

Силард тяжело вздохнул:

— Находясь на дежурстве в качестве психолога-наблюдателя реакторного зала, я заметил, что дежурный инженер чем-то озабочен: его реакции показались мне необычно замедленными. Я изучал этот случай в течение нескольких дней, и внеслужебные наблюдения показали, что его рассеянность возрастает. Например, играя в бридж, он неоднократно переспрашивал, какая предложена ставка, чего раньше с ним не случалось. Были и другие аналогичные признаки. Короче говоря, сегодня в пятнадцать одиннадцать, находясь на дежурстве, я заметил, что Харпер без всякого видимого повода с отсутствующим видом взял гаечный ключ, предназначенный только для фланцев водяных щитов, и приблизился к триггеру. Я отстранил его от дежурства и отослал из реакторного зала.

— Шеф! — воскликнул было Харпер, но тут же взял себя в руки и продолжал уже спокойнее: — Если бы этот знахарь мог отличить гаечный ключ от осциллографа, он бы понял, что я хотел сделать. Ключ лежал не на своем месте. Я это заметил и взял его, чтобы положить в ящик. По дороге я остановился, чтобы проверить показания приборов!

Начальник станции вопросительно посмотрел на Силарда.

— Возможно, что это правда, — упрямо произнес психолог. — Будем считать, что это чистая правда, но это не меняет моего диагноза. Ваше поведение изменилось, ваши поступки непредсказуемы, и я не могу допустить вас к ответственной работе без полного и всестороннего обследования.

Начальник станции Кинг вздохнул и забарабанил пальцами по столу. Потом медленно заговорил, обращаясь к Харперу:

— Кэл, ты славный парень, и поверь мне, я знаю, каково тебе сейчас. Но избежать этого нельзя, невозможно — тебе придется пройти все психометрические испытания и подчиниться решению врачей.

Он выжидательно замолчал, но Харпер хранил бесстрастное молчание.

— Знаешь что, сынок, а почему бы тебе не взять отпуск на пару дней? А потом, когда вернешься, ты пройдешь эти

испытания или просто перейдешь на другую работу, подальше от нашей бомбы, как пожелаешь...

Кинг посмотрел на Силарда, и тот одобрительно кивнул. Но Харпера это предложение несколько не смягчило.

— Нет, шеф! — отрезал он. — Так дело не пойдет. Разве вы сами не видите, в чем тут загвоздка? В проклятой постоянной слежке! Кто-то все время стоит у тебя за спиной и ждет, когда ты рехнешься. Невозможно даже побриться в одиночестве. Мы нервничаем из-за всяких пустяков, потому что боимся, как бы какой-нибудь мозгоправ, сам наполовину съехавший, не вообразил, что мы теряем разум. Боже правый, так чего же вы после этого от нас хотите?

Облегчив душу, Харпер ударился в противоположную крайность, но смирение ему не очень-то шло.

— Ну и распрекрасно! Можете не вызывать санитаров, я спокойно уйду сам. Вы хороший человек, шеф, несмотря ни на что. И я рад, что работал у вас, — прибавил он. — Прощайте!

Кингу удалось справиться со своим голосом — боль пряталась только в глазах.

— Подожди, Кэл, — сказал он. — Мы еще не кончили. Забудь об отпуске. Я перевожу тебя в лабораторию изотопов. Как-никак ты исследователь, и никто тебя от этой работы не освобождал. Если я поставил тебя на дежурство, то лишь потому, что у нас не хватает первоклассных специалистов.

Что касается психологического контроля, — продолжал он, — то мне он так же неприятен, как и тебе. Ты, наверное, не слышал, что за мной они следят вдвое пристальнее, чем за вами, дежурными инженерами?

Харпер вопросительно уставился на Силарда, но тот лишь коротко кивнул.

— Однако такой контроль необходим... Помнишь Мэннинга? Хотя нет, он был здесь до тебя. Тогда мы не вели психологических наблюдений. Мэннинг был блестящим инженером, очень способным. И к тому же всегда спокойным, безмятежным, словно ничто его не волновало. Я с радостью доверил ему реактор, потому что он был внимателен и никогда не нервничал, даже наоборот: чем дольше он оставал-

ся в реакторном зале, тем безмятежнее и счастливее выглядел. Я должен был знать, что это очень скверный признак, но я не знал, и здесь не было психолога, чтобы мне подсказать.

А однажды ночью технику пришлось его вырубить. Он застал его в тот момент, когда Мэннинг разбирает предохранитель кадмиевой защиты. Бедняга Мэннинг так от этого и не оправился — у него до сих пор приступы буйного помешательства. Но после того, как он свихнулся, мы работаем по теперешней системе: в каждой смене два квалифицированных инженера и один психолог-наблюдатель. Это было единственное, что мы могли придумать.

— Может быть, оно и так, шеф, — задумчиво проговорил Харпер; злость его прошла, но выглядел он по-прежнему несчастным. — Но тем не менее это черт знает что такое.

— И это еще мягко сказано. — Кинг встал и протянул Харперу руку. — Кэл, если ты до утра не решишь окончательно нас покинуть, я надеюсь утром увидеть тебя в лаборатории. И еще одно: я не часто это советую, но сегодня, по-моему, тебе не мешает хорошенько выпить.

Кинг знаком попросил Силарда задержаться. Когда дверь за инженером закрылась, он повернулся к психологу:

— Ушел еще один, и один из лучших. Доктор, что будет дальше?

— Не знаю, — признался Силард, потирая щеку. — Бредовая ситуация, Харпер совершенно прав. Зная, что за ними наблюдают, они нервничают еще больше... А наблюдать за ними необходимо. Наши психологи, кстати, тоже не очень-то хорошо себя чувствуют. Мы тоже нервничаем рядом с Большой Бомбой... даже больше — потому что ничего в этом не понимаем. И нас напрягает, что инженеры нас ненавидят и презирают. Научная работа в таких условиях невозможна. Тут недолго и самому спятить.

Кинг перестал рассказывать по комнате и посмотрел на Силарда в упор.

— Но ведь должен быть *какой-то* выход! — сказал он твердо.

Силард покачал головой:

— Это выше моих сил, начальник. Как психолог, я не вижу выхода.

— Не видите? Хм, послушайте, доктор, кто у вас самый лучший?

— То есть?

— Ну, кто в вашей области является специалистом номер один?

— Трудно сказать. Естественно, никакого лучшего в мире психолога не существует, — мы слишком узко специализированы. Но я, кажется, знаю, кто вам подойдет. Вам нужен не просто специалист по промышленной психометрии, вам нужен лучший психолог-универсал, разбирающийся в редких нетравматических и ситуативных психозах. Значит, вам нужен Ленц.

— Продолжайте.

— Так вот, Ленц занимается всем кругом вопросов, относящихся к влиянию среды на психику. Это тот человек, который связал теорию оптимального тонуса с техникой релаксации, которую Коржибский разработал эмпирическим путем. Кстати, сам Ленц когда-то, еще студентом, работал у Коржибского, и это единственное, чем он по-настоящему гордится.

— В самом деле? Но ведь тогда он, должно быть, уже староват, — Коржибский умер... Кстати, когда он умер?

— Я хочу сказать, что вы должны знать его работы в области символики — теория абстракций, исчисление высказываний и тому подобного — благодаря их применению в инженерной и математической физике.

— Ах, *этот* Ленц — да, конечно, я о нем слышал. Но я никогда не думал, что он психолог.

— Вполне естественно, это не ваша область. Однако мы ценим его хотя бы за то, что он сделал для изучения и лечения пандемических неврозов, свирепствовавших в Безумные годы¹, а он тогда сделал больше, чем многие, больше, чем любой человек, переживший это время.

— Где он теперь?

¹ См. диаграмму «История будущего: 1940–1970 гг.». — *Примеч. С. В. Голд.*

— Наверное, в Чикаго, в институте.

— Доставьте его сюда.

— То есть как это?

— Притащите его сюда! Садитесь вот за этот видеофон и разыщите его. Потом скажете Штейнке, чтобы позвонил в Чикаго и заказал для него стратоплан. Я хочу его видеть как можно скорее, еще до вечера.

Кинг опустил в кресло с видом человека, который снова обрел веру в себя и чувствует себя хозяином положения. Он ощущал внутри приятную теплоту, наполнявшую его лишь тогда, когда он принимал решение и начинал действовать. На его лице больше не было выражения усталости.

Зато Силард был в смятении.

— Но послушайте, шеф, — попробовал он возразить. — Доктора Ленца нельзя просто вызвать как младшего клерка. Ведь это... Это же... это *Ленц*.

— Конечно. Поэтому он мне и нужен. Но ведь и я не истеричная дамочка, нуждающаяся в утешении. Он прилетит. Если понадобится нажать на него, подключите Вашингтон. Пусть ему позвонят из Белого дома. Но он должен быть здесь, и сегодня же. За дело! — И Кинг вышел из офиса.

Окончив свое дежурство, Эриксон попробовал отыскать Харпера и узнал, что тот отправился в город. Поэтому он не стал ужинать на базе, облачился в «кабацкий костюм» и влез в капсулу подземной дороги, которая и доставила его в Парадайз.

Парадайз, штат Аризона, представлял собой забубенный маленький городишко, существовавший только благодаря промышленному реактору. Его обитатели были заняты единственным и весьма важным делом: избавляли персонал станции от непомерных зарплат. В этом достойном занятии с ними охотно сотрудничали и сами работники станции, потому что в каждую получку им выдавали вдвое, а то и в десять раз больше, чем они когда-либо получали в других местах, и при этом никто из них не был уверен, что проживет достаточно долго, чтобы стоило откладывать деньги на старость. К тому же компания создала в Манхэттенском банке

пенсионный фонд для своих иждивенцев — так что можно было не скупиться.

Поговаривали, и не без оснований, что в Парадайзе можно получить за свои деньги все или почти все, что имелось в самом Нью-Йорке. Местные коммерсанты взяли на вооружение рекламный лозунг городка Рено штата Невада и называли Парадайз «самым большим маленьким городом в мире». На что фанаты Рено отвечали, что в городе, расположенном так близко к реактору, больше пахнет могильным холодом и загробной жизнью, чем райскими кущами, а потому более подходящим названием ему будут Адские Врата, а не Парадайз.

Эриксон, не теряя времени, начал обход значных мест. На шесть кварталов главной улицы Парадайза приходилось двадцать семь заведений, торговавших крепкими напитками. Он рассчитывал найти Харпера в одном из них и надеялся, зная мужские привычки и вкусы коллеги, что найдет его во втором или третьем по счету.

Он не ошибся. Харпер одиноко сидел за столиком бара де Лэнси «Сан-Суси». Это был их излюбленный бар. Здесь все дышало старомодным комфортом, хромированная стойка и красные кожаные кресла нравились им куда больше феерической роскоши ультрасовременных кабаков. Де Лэнси был консерватором: он предпочитал рассеянный полумрак и тихую музыку, а его официантки были полностью одеты даже по вечерам.

Пятая рюмка виски перед Харпером была еще на две трети полна. Эриксон показал ему три пальца и спросил:

— А ну, сколько?

— Три, — отозвался Харпер. — Садись, Гас.

— Правильно, — одобрил Эриксон, уместя свое длинное тело в низком кресле. — Ты в порядке... пока. Что стряслось?

— Выпей. Нет, не это. Здесь виски ни к черту. Думаю, Лэнс начал его разводить. Я спекся. Полностью и окончательно.

— Нет, Лэнс этого делать не станет, и если ты так думаешь, то уползешь отсюда на четвереньках. Но как ты мог

сдаться? Мне казалось, ты решил наконец высказаться и разделить их под орех.

— Я так и сделал, — проворчал Харпер, — но, черт возьми, Гас, шеф прав! Если специалист по мозгам говорит, что ты рехнулся, он *должен* его поддержать и снять тебя с дежурства. Шеф не имеет права рисковать.

— Да, может быть, шеф и прав, но наши дорогие психологи от этого не становятся мне милее. Знаешь что? Давай поймаем одного и проверим, чувствуют ли они боль. Я буду держать, а ты — вышибать ему мозги...

— Брось, Гас! Выпей лучше.

— Мысль христианская, но только не виски. Предпочитаю мартини — скоро ужин.

— Я тоже возьму мартини.

— Вот и хорошо. — Эриксон поднял свою белокурую голову и взревел: — Израфель!

Высокая черная фигура склонилась к его локтю:

— Миста'Эриксон? Слушаю, са'ар.

— Иззи, два мартини. Мне — с итальянским вермутом. — Он повернулся к Харперу. — А что ты будешь делать теперь?

— Лаборатория изотопов.

— Ну что ж, не так плохо. Я и сам хотел заняться ракетным горючим. У меня есть парочка идей.

Харпер посмотрел на него слегка удивленно:

— Ты имеешь в виду атомное горючее для межпланетных перелетов? Эта проблема достаточно изучена. Нет, сынок, ионосфера — это наш потолок, пока мы не придумаем что-нибудь получше ракет. Конечно, *можно* смонтировать в корабле реактор и придумать какую-нибудь штуковину для превращения части его энергии в движение. Но что это даст? Соотношение масс все равно будет плохим, из-за оболочки реактора, да и не получится сконвертировать больше одного процента мощности в тягу. Я уж не говорю о том, что компания вряд ли одолжит тебе реактор для опытов, которые не сулят дивидендов.

Эриксон не сдавался:

— Думаю, ты не учел все возможности. Что было до сих пор? Первые ракетчики занимались только своим делом

и старались усовершенствовать ракеты, твердо надеясь, что к тому времени, когда они построят ракету, способную слетать на Луну, у них будет новое усовершенствованное горючее. И они построили такие корабли — любой рейсовый стратоплан «Антиподов» можно было бы отправить на Луну... *если бы* у них было подходящее горючее. Но его нет.

А почему его нет? Потому что мы не помогли ракетчикам, вот почему. Потому что они до сих пор зависят от молекулярной энергии, энергии химических реакций, в то время как мы сидим здесь на атомном горючем. Это не их вина — старина Д. Д. Гарриман поручил «Рокетс консолидейтед» выкупить первый лот акций «Антарктик пичбленд» и сам лично взял большую долю, ожидая, что мы произведем что-то пригодное для использования в качестве концентрированного ракетного топлива. А что мы для них сделали? Ни черта! Компания прямо помешалась на дивидендах и коммерции, а ракетного атомного горючего до сих пор нет.

— Ты не совсем прав, — возразил Харпер. — Мы можем использовать две формы атомной энергии: радиоактивный распад и атомный распад. Но первая — слишком медленна: энергия есть, однако не станешь же ты ждать годами, пока она проявится, особенно в ракетном корабле. А второй тип энергии мы можем контролировать только в больших реакторах. Так что выхода нет.

— По-настоящему мы еще не пытались его найти, — отозвался Эриксон. — Энергия есть, и мы обязаны создать подходящее ракетное горючее.

— Что ты называешь «подходящим горючим»?

Эриксон начал загибать пальцы:

— Небольшая критическая масса, чтобы вся или почти вся энергия могла отбираться реактивной массой в виде тепла, хотя бы просто водой. Экранирование не сложнее, чем свинцово-кадмиевая оболочка. И чтобы все это можно было контролировать с высокой точностью.

Харпер рассмеялся:

— Тебе останется только заказать пару ангельских крылышек, и тогда все будет в порядке! Ты не сможешь: оно взорвется, еще не дойдя до камеры сгорания.

Упрямый скандинав уже готовился выдвинуть новое возражение, когда появился официант с подносом. Он поставил рюмки на стол и расплылся в торжествующей улыбке:

— Прошу вас, все готово!

— Не хочешь кинуть кости в счет выпивки, Иззи? — спросил Харпер.

— Это можно.

Негр достал из кармана кожаный стаканчик, и Харпер кинул кости. Он тщательно выбирал комбинации, и за три раза ему удалось выкинуть двадцать четыре очка. Потом стаканчик взял Израфель. Он бросал кости картинным жестом, с поворотом запястья. После третьего раза, набрав двадцать пять очков, негр любезно спрятал в карман стоимость шести рюмок. Харпер пощупал пальцем костяные кубики.

— Иззи, а это те же самые кости? — спросил он.

— Мистер Харпер! — Лицо негра приняло обиженное выражение.

— Ну ладно, забудь, — вздохнул Харпер. — Зря я вздумал с тобой тягаться. За шесть недель я не выиграл еще ни разу. Так что ты хотел сказать, Гас?

— Я хотел сказать, что должен быть другой, более надежный способ получения энергии из...

Но тут их опять прервали. На сей раз нечто весьма соблазнительное в вечернем платье, которое словно стекало с пышной фигуры. Она была молода, лет девятнадцать-двадцать, не больше. Опустившись в кресло, оно промурлыкало:

— Скучаете, мальчики?

— Спасибо за внимание, но мы не скучаем, — терпеливо и вежливо ответил Эриксон. Потом, указав пальцем на одинокую фигуру за столом у другой стены, предложил: — Поди-ка поболтай с Ханнинганом! Видишь, он один.

Существо скосило глаза и недовольно фыркнуло:

— Этот? Он бесполезен. Он так сидит здесь третью неделю. И ни с кем ни словечком не перемолвился. Если хотите знать, он уже тронулся.

— В самом деле? — равнодушно проговорил Эриксон, доставая пятидолларовую бумажку. — Вот, купи себе выпивку. Может быть, мы позовем тебя позднее.

— Спасибо, мальчики! — Деньги исчезли где-то под струящимся платьем, и она встала. — Просто спросите Эдит.

— Ханнинган и в самом деле плох, — согласился Харпер, отметив про себя мрачный взгляд и апатичное выражение лица одинокого посетителя. — И последнее время он жутко нелюдим. Это на него не похоже. Как думаешь, мы должны об этом сообщить?

— Не беспокойся, — ответил Эриксон. — Здесь уже есть соглядатай. Видишь? — Проследив за его взглядом, Харпер узнал доктора Мотта из психологического отдела. Тот сидел в дальнем углу бара и, чтобы не бросаться в глаза, вертел в руках высокий бокал. Со своего места ему было очень удобно наблюдать не только за Ханнинганом, но и за Харпером и Эриксоном.

— Да, ты прав, — пробормотал Харпер. — И он следит за нами тоже. О дьявольщина, почему, когда я вижу кого-нибудь из них, у меня прямо мороз по коже?!

Вопрос был чисто риторический, и Эриксон на него не ответил.

— Пойдем отсюда, — предложил он. — Закусим где-нибудь в другом месте.

— Пойдем.

У выхода их перехватил сам де Лэнси.

— Вы уходите так рано, джентльмены? — спросил он, и по его голосу можно было догадаться, что после их ухода ему останется только закрыть бар. — Сегодня у нас превосходные омары. Если они вам не понравятся, можете за них не платить. — Он широко улыбнулся.

— Нет, Лэнс, сегодня никаких морепродуктов! — объяснил ему Харпер. — Скажите мне лучше другое: какого черта вы здесь околачиваетесь, зная, что реактор рано или поздно отправит вас к праотцам? Неужели вы не боитесь?

Хозяин бара удивленно вскинул брови:

— Бояться реактора? Да ведь это же мой лучший друг!

— Делает вам деньги, не так ли?

— О, об этом я даже не думаю. — Де Лэнси доверительно наклонился к ним. — Пять лет назад я приехал сюда, чтобы быстро заработать немного денег для семьи, пока рак желуд-

ка не прикончит меня. Но у врачей появились новые изотопы, которые вы, джентльмены, создаете в своей Большой Бомбе, они излечили меня, и я вновь живу. Нет, я не боюсь реактора, мы с ним хорошие друзья.

— А что, если он взорвется?

— Господь Бог призвет меня, когда я ему понадобится, — ответил он и быстро перекрестился.

Выйдя из бара, Эриксон тихо сказал Харперу:

— Ты слышал? Вот тебе и ответ. Если бы все инженеры могли бы так же верить, наша работа была бы куда легче.

Но Харпер не был в этом убежден.

— Не думаю, — проворчал он. — Не думаю, чтобы это была вера. Просто недостаток воображения. И знаний.

Ленц не оправдал самоуверенности Кинга и прибыл только на следующий день. Его внешность несколько разочаровала начальника станции: он представлял себе выдающегося психолога эдаким длинноволосым старцем с черными пронизывающими глазами и в рединготе. Но перед ним предстал невысокий, крепко сложенный, почти толстый мужчина, который с тем же успехом мог бы сойти за мясника. Маленькие, пороссячьи глазки блекло-голубого цвета добродушно посматривали из-под кустистых белесых бровей. Больше на его огромной голове не было ни волоска, даже скошенный обезьяний подбородок был гладким и розовым. Одет он был в мятый костюм из небеленого полотна. И без того немаленький рот Ленца, из которого неизменно торчал длинный мундштук, был постоянно растянут в широкой улыбке, выражавшей бесхитростное удивление перед всем злом, которое творят люди. Он явно получал удовольствие от своей работы.

Кинг обнаружил, что с ним удивительно легко общаться.

По просьбе Ленца Кинг начал с истории вопроса. Начальник станции рассказал о первых атомных электростанциях, созданных после того, как Отто Хан в 1938 году обнаружил деление атомов урана, что открыло путь к атомной энергии. Но это была еще очень узкая тропинка: для того чтобы сделать процесс деления контролируемым и самопод-

держивающимися, для того чтобы коммерчески использовать его результаты, — требовалось намного больше знаний, чем те, которыми цивилизованный мир тогда располагал.

В 1938 году запасы очищенного урана-235 во всем мире не превышали объема булавочной головки. О плутонии вообще никто не слышал. Атомная энергия была не более чем заумной теорией, подтвержденной единственным лабораторным экспериментом. Вторая мировая война, Манхэттенский проект и Хиросима изменили ситуацию. В конце 1945 года все предсказатели рассказывали об атомной энергии, почти бесплатной, общедоступной, которая вот-вот появится в каждом доме, буквально через годик-другой.

Ничего этого не произошло. Манхэттенский проект был запущен с единственной целью — создать оружие; инженерия атомной энергетики оставалась делом далекого будущего.

Или даже очень далекого будущего. Урановые реакторы, использовавшиеся для создания атомной бомбы, оказались бесполезны для коммерческой энергетики: они изначально были задуманы так, чтобы избавляться от энергии как бесполезного побочного продукта, и в их конструкцию невозможно было внести изменения, чтобы они собирали энергию и оставались при этом работоспособными. Конечно, на бумаге можно было нарисовать дешевый и экономически целесообразный реактор, но у такого проекта были две серьезные проблемы. Во-первых, этот реактор, чтобы обеспечить самоокупаемость, должен был вырабатывать энергию с такой мощностью, с какой не справлялся ни один известный способ поглощения и трансформации энергии.

Эта проблема была решена в первую очередь. Модификация энергетических панелей Дугласа—Мартин, первоначально предназначенных для преобразования лучистой энергии Солнца (которое само по себе природный атомный реактор) непосредственно в электрическую энергию, была использована для поглощения лучистой энергии, возникавшей при делении урана, и ее трансформации в электрический ток.

Вторая проблема на первый взгляд вообще не была проблемой. Реактор на обогащенном уране, в котором к при-

родному урану был добавлен уран-235 или плутоний, был весьма удовлетворительным с коммерческой точки зрения источником энергии. Как получить уран-235 или плутоний, было известно, — это было первым результатом Манхэттенского проекта... Но так ли обстояли дела на самом деле? Что нам было известно? Хэнфорд производил плутоний, Оук-Ридж хорошо справлялся с ураном-235, все так, но реакторы Хэнфорда потребляли урана-235 больше, чем производили плутония, а Оук-Ридж не производил ничего, там всего лишь отделяли 0,7 процента урана-235, содержащегося в природном уране, и отправляли в шлак остальные 99 процентов вместе со всей энергией, оставшейся в уране-238. Умопомрачительная продуктивность, экономика на уровне фантастики!

Но был и другой способ экономически выгодного производства плутония — с помощью реактора высоких энергий, в котором нет замедлителей и используется природный, слегка обогащенный уран. При энергиях в миллион электронвольт и выше уран-238 начинал расщепляться, при чуть меньших энергиях он превращался в плутоний. Такой реактор сам поддерживал в себе «огонь» и вырабатывал больше «топлива», чем сжигал. Он мог поставлять «топливо» для множества обычных энергетических реакторов с устойчивой реакцией.

Но реактор с неустойчивой реакцией представлял собой, по сути дела, атомную бомбу.

Само название «реактор»¹ произошло от штабеля графитового кирпича и брикетов урана, установленных на сквош-корте в Чикагском университете в самом начале Манхэттенского проекта. Подобный реактор, где реакция замедляется графитом или тяжелой водой, *не может* взорваться.

Никто не знал, что может произойти в реакторе без замедлителей. Он будет вырабатывать большое количество плутония, но что, если произойдет взрыв? Взрыв такой мощности, что бомба, сброшенная на Нагасаки, покажется в сравнении с ним новогодней хлопушкой.

¹ На английском языке «pile» значит и «ядерный реактор», и «штабель». — *Примеч. С. В. Голд.*

Этого не знал никто.

В то же время индустрия потребления энергии в США становилась все более и более требовательной. Панели Дугласа—Мартин пригодились, чтобы остановить энергетический кризис, когда нефти стало слишком мало, чтобы тратить ее в качестве топлива, но мощность солнечной энергии не превышала одной лошадиной силы с квадратного ярда и сильно зависела от погоды.

Атомная энергия была не просто нужна — она была незаменима.

Инженерам-атомщикам пришлось пережить мучительный период неуверенности. Может быть, неуправляемая реакция все-таки управляема? Или в крайнем случае при взрыве будет уничтожен только сам реактор и этим все кончится? Может быть, он даже взорвется, как несколько атомных бомб, но не причинит особого ущерба? Но могло быть — и эта возможность оставалась, — что вся многотонная масса урана взорвется одновременно и уничтожит все человечество.

Есть апокрифический анекдот об ученом, который создал машину, способную, как он предполагал, мгновенно уничтожить весь мир с помощью нажатия кнопки. Ему очень хотелось узнать, прав ли он в своих предположениях, и он нажал на эту кнопку — но так и не узнал, чем же все кончилось.

Инженеры-атомщики тоже боялись нажать на кнопку.

— Выход из тупика подсказала дестриевская механика бесконечно малых величин, — продолжал Кинг. — Его уравнения доказывали, что, если бы такой атомный взрыв произошел, он начал бы разрушать окружающую массу молекул с такой скоростью, что утечка нейтронов из образовавшихся фрагментов тотчас замедлила бы цепную реакцию и взрыва всей массы все равно бы не произошло. Такие вещи действительно случаются даже в атомных бомбах. Для нашего реактора уравнение предсказывает силу возможного взрыва, равную одной седьмой процента взрыва всей массы урана. Конечно, и этого более чем достаточно для катастрофы, — такой взрыв опустошит половину штата. Однако я совсем не уверен, что дело этим и ограничится.

— Зачем же вы согласились здесь работать? — спросил Ленц.

Прежде чем ответить, Кинг долго возился с бумагами на столе.

— Я не мог от этого отказаться, доктор, понимаете — *не мог*. Если бы я отказался, они бы нашли кого-нибудь другого, а такая возможность у физика выпадает один раз в жизни.

Ленц кивнул:

— И к тому же они могли найти кого-нибудь менее компетентного. Понимаю. У вас, доктор Кинг, типичный комплекс «поиска истины», свойственный ученым. Вы должны находиться там, где эту истину можно найти, даже если это вас убьет. А что касается этого Дестри, то мне его выкладки никогда не нравились: он слишком много предполагает.

Кинг удивленно вскинул голову, но вовремя вспомнил, что перед ним человек, который довел до совершенства и дал математическое обоснование операционному исчислению.

— В том-то и беда! — согласился Кинг. — Его работа блистательна, но я не уверен, стоят ли все его предсказания хотя бы бумаги, на которой они написаны. И мои инженеры, видимо, думают так же, — признался он с горечью.

Он рассказал психологу о трудностях работы, с которыми они столкнулись, и о том, как самые проверенные люди в конце концов не выдерживают постоянного напряжения.

— Вначале я думал, что на них угнетающе влияет какая-нибудь нейтронная радиация, проникающая сквозь щиты. Поэтому мы усилили экраны и индивидуальную защиту, но это не помогло. Один юноша, который явился к нам уже после установки экранов, однажды вечером за ужином вдруг сошел с ума: он кричал, что свинья отбивная сейчас взорвется. Я боюсь думать, что было бы, если бы он сорвался во время дежурства!

Система постоянного психологического контроля намного снизила опасность, которая могла возникнуть из-за срыва у дежурных инженеров, но Кинг вынужден был признать, что эта система была неудачна: на самом деле количество невротиков после этого даже увеличилось.

— Вот так обстоят дела, доктор Ленц, — закончил он. — И с каждым днем они идут все хуже. И это начинает выби-

вать меня из колеи. Напряжение начинает сказываться и на мне: у меня постоянная бессонница, и я уже не уверен, что могу полагаться на собственное суждение — у меня начались проблемы с анализом ситуации и принятием решений. Как вы думаете, вы можете нам чем-то помочь?

Но Ленц не имел готовых рецептов.

— Не так быстро! — предупредил он. — Вы нарисовали мне общую картину, но у меня пока нет реальных данных. Мне надо осмотреться, самому разобраться в ситуации, поговорить с вашими инженерами, может быть, даже выпить с ними, чтобы познакомиться. Надеюсь, это реально? Тогда, возможно, через несколько дней мы начнем понимать ситуацию.

Кингу оставалось только согласиться.

— И очень хорошо, что ваши парни не знают, кто я такой. Пусть думают, что я ваш старый друг, физик, приехал по приглашению, хорошо?

— Да, конечно. Я позабочусь, чтобы такой слух прошел. Что же касается... — И тут Кинг вспомнил о том, что беспокоило его с того самого момента, когда Силард назвал имя Ленца. — Могу я задать вам личный вопрос?

Смеющиеся глаза Ленца остались невозмутимы.

— Да, пожалуйста.

— Меня, признаться, удивило, как вы смогли достичь вашего положения в двух таких разных областях, как психология и математика. А теперь, держу пари, вы с легкостью будете изображать здесь физика. У меня это просто в голове не укладывается.

Улыбка Ленца стала чуть шире, но в ней не было ни снисходительности, ни превосходства.

— Это одна и та же область, — объяснил он.

— Что? То есть как это?..

— Точнее, математическая физика и психология — это две ветви одной и той же области — символики. Вы специализируетесь в одной из ветвей, поэтому сей факт мог ускользнуть от вашего внимания.

— Я по-прежнему что-то не улавливаю.

— Нет? Человек живет в мире идей. Любое явление настолько сложно, что он не может постичь его целиком. Он

абстрагирует определенные характеристики данного явления в форме идеи, а затем представляет эту идею в форме символа, будь то слово или математический знак. Человеческие реакции — это практически полностью реакции именно на символы, и лишь в незначительной степени — реакции на явления. На самом деле, — продолжал он, вынув мундштук изо рта, — можно легко продемонстрировать, что человеческий мозг мыслит исключительно символами.

Когда мы мыслим, мы позволяем одним символам оперировать другими в определенных условиях, заданных правилами логики или математики. Если выбранные символы структурно схожи с явлениями, которые они обозначают, и если операции с этими символами структурно и своей последовательностью схожи с тем, как происходят явления в реальном мире, значит мы мыслим здраво. А если наша логика-математика или наши словесные символы были выбраны плохо, мы мыслим безумно.

В математической физике вы стараетесь, чтобы ваши символы соответствовали физическим явлениям. В психологии я делаю то же самое, за исключением того, что меня больше волнует человек, который мыслит, а не явления, о которых он размышляет. Но это одна и та же область, и всегда ею была.

— Так мы ничего не добьемся, Гас.

Харпер отложил логарифмическую линейку и нахмурился.

— Похоже на то, Кэл, — мрачно согласился Эриксон. — Но, черт возьми, должен же быть какой-то путь к решению этой проблемы! Что нам нужно? Концентрированная и управляемая энергия ракетного горючего. Что мы имеем? Энергию атомного распада. Должен отыскаться способ, как удержать эту энергию и использовать по мере надобности. И ответ надо искать где-то в одной из серий радиоактивных изотопов. Я уверен!

Он сердито оглядел лабораторию, словно надеялся увидеть ответ на одной из обшитых свинцовыми листами стен.

— Только не вешай носа! — сказал Харпер. — Ты убедил меня, что ответ должен быть. Давай подумаем, как его найти.

Прежде всего — три серии естественных изотопов уже проверены, так?

— Так... Во всяком случае, мы исходили из того, что в этом направлении все уже проверено-перепроверено.

— Прекрасно. Остается предположить, что наши предшественники испробовали все, что зафиксировано в их записях, — иначе ни во что нельзя верить и надо все проверять самим, начиная с Архимеда и до наших дней. Может быть, так оно и следовало бы сделать, но с такой задачей не справился даже Мафусаил. Значит, что нам остается?

— Искусственные изотопы.

— Совершенно верно. Давай составим список изотопов, которые уже получены, и тех, которые возможно получить. Назовем это нашей группой или нашим полем исследования, если ты за точные определения. С каждым элементом этой группы и с каждой из их комбинаций можно произвести определенное количество опытов. Запишем и это.

Эриксон записал, пользуясь непонятными символами операционного исчисления. Харпер одобрительно кивнул:

— Хорошо, теперь расшифруй.

Эриксон несколько минут вглядывался в свои построения, потом спросил:

— Ты хотя бы представляешь, сколько величин получится при расшифровке?

— Не очень. Несколько сот, а может быть, и тысяч.

— Бери выше. Речь идет о десятках тысяч, и это без учета еще не созданных изотопов. С таким количеством опытов ты не справишься и за сто лет.

Эриксон угрюмо отбросил карандаш. Харпер посмотрел на него насмешливо, но доброжелательно.

— Гас, — мягко спросил он, — работа тебе тоже осточертела?

— С чего ты взял?

— Ты еще никогда ни от чего так легко не отказывался. Разумеется, мы с тобой никогда ее не закончим, но даже в самом худшем случае мы избавим от множества ненужных опытов кого-то другого. Вспомни Эдисона — шестьдесят лет бесконечных опытов по двадцать часов в день, а ведь он так

и не нашел того, что искал! Но если он мог это выдержать, я думаю, мы тоже сможем.

Эрикссон воспрял духом.

— Наверное, сможем, — согласился он. — Может быть, даже нам удастся придумать какую-то методику, чтобы ставить несколько опытов одновременно.

Харпер хлопнул его по плечу:

— Узнаю старого бойца! А кроме того, нам ведь совсем не обязательно проверять все комбинации, чтобы отыскать подходящее горючее. Насколько я понимаю, на наш вопрос должно быть десять, а может быть, и сто правильных ответов. И мы можем натолкнуться на любой из них хоть сегодня. Во всяком случае, если ты будешь мне помогать в свободное от работы время, я не выйду из игры, пока не поймаю черта за хвост!

За несколько дней Ленц облазил весь завод и административные службы и успел примелькаться. Все привыкли к нему и охотно отвечали на вопросы. На него смотрели как на безобидного чудака, которого приходится терпеть, потому что он друг начальника станции. Ленц сунул свой нос даже в коммерческий отдел предприятия и выслушал подробнейшие объяснения того, как энергия реактора превращается в электричество с помощью усовершенствованных солнечных батарей. Одного этого было достаточно, чтобы отвести от него последние подозрения, потому что психологи никогда не обращали внимания на прошедших огонь и воду техников отдела превращения энергии. В этом не было нужды: даже явная психическая неуравновешенность этих людей ничем не угрожала реактору, да они и не испытывали убийственного гнета социальной ответственности. Здесь шла обычная работа, просто место тут было опасное, но к такому люди привыкли еще в каменном веке.

Так, совершая свой обход, Ленц добрался и до лаборатории изотопов Кальвина Харпера. Он позвонил, подождал. Дверь открыл сам Харпер в защитном шлеме с откинутым забралом, — казалось, он напялил на себя какой-то дурацкий колпак.

— В чем дело? — спросил Харпер. — О, это вы, доктор Ленц. Вы хотели меня видеть?

— Собственно, и да и нет, — ответил толстяк. — Я просто осматривал экспериментальные корпуса, и мне захотелось узнать, что вы здесь делаете. Но может быть, я помешаю?

— Нисколько, заходите. Гас!

Эриксон вышел из-за щита, где он возился с силовыми кабелями лабораторного триггера — здесь его роль играл модифицированный бетатрон, а не резонансный ускоритель.

— Привет! — сказал он.

— Гас, это доктор Ленц. Познакомьтесь — Гас Эриксон.

— Мы уже знакомы, — отозвался Эриксон, стаскивая перчатки, чтобы поздороваться: он раза два выпивал с Ленцем в городе и считал его «милейшим стариком». — Вы попали в антракт, но подождите немного, и мы покажем вам очередной номер. Хотя смотреть, по совести, нечего.

Пока Эриксон готовил опыт, Харпер водил Ленца по лаборатории и объяснял смысл их исследований с такой гордостью, с какой счастливый папаша показывает своих близнецов. Психолог слушал его краем уха, время от времени вставляя подходящие замечания, но главным образом приглядывался к молодому ученому, пытаясь обнаружить признаки неуравновешенности, о которых говорилось в его деле.

— Видите ли, — с явным увлечением объяснял Харпер, не замечая пристального интереса Ленца к собственной персоне, — мы испытываем радиоактивные изотопы, чтобы вызвать такой же их распад, как в реакторе, но только в минимальных, почти микроскопических масштабах. Если это нам удастся, можно будет использовать нашу Большую Бомбу для производства безопасного удобного атомного горючего для ракет и вообще для чего угодно.

Он объяснил последовательность экспериментов.

— Понимаю, — вежливо сказал Ленц. — Какой элемент вы изучаете сейчас?

— Дело не в элементе, а в его изотопах, — поправил его Харпер. — Мы уже испытали изотоп-два, и результат отрицательный. По программе следующим идет изотоп-пять. Вот этот.

Харпер взял свинцовую капсулу и показал Ленцу образец. Потом быстро прошел за щит, ограждающий бетатрон. Эриксон оставил камеру открытой, и Ленц видел, как Харпер, предварительно опустив забрало шлема, раскрыл капсулу и манипулировал с помощью длинных щипцов. Через минуту он завинтил камеру и опустил заслонку.

— Гас, как там у тебя?! — крикнул он. — Можно начинать?

— Пожалуй, начнем, — проворчал Эриксон.

Он выбрался из хаоса аппаратуры, и они зашли за толстый щит из многослойного металлобетона, который заслонял их от бетатрона.

— Мне тоже надеть защитный костюм? — спросил Ленц.

— Незачем, — успокоил его Эриксон. — Мы носим эти латы потому, что крутимся возле этих штуковин каждый день. А вы... Просто не высовывайтесь из-за щита, и все будет в порядке.

Эриксон посмотрел на Харпера — тот утвердительно кивнул и впился взглядом в приборы. Ленц увидел, что Эриксон нажал кнопку посреди приборной доски, потом услышал щелканье многочисленных реле там, по ту сторону щита. На мгновение все стихло.

Пол затрясся у него под ногами в судорожных конвульсиях — ощущение было такое, словно вас с невероятной быстротой лупят палками по пяткам. Давление на уши парализовало слуховой нерв, прежде чем он смог воспринять невыносимый звук. Воздушная волна обрушилась на каждый квадратный дюйм его тела как один сокрушающий удар. И когда Ленц пришел наконец в себя, его била неудержимая дрожь — первый раз в жизни он почувствовал, что стареет.

Харпер сидел на полу. Из носа у него текла кровь. Эриксон уже поднялся — у него была порезана щека. Он прикоснулся к ране и с тупым удивлением уставился на свои окровавленные пальцы.

— Вы ранены? — бессмысленно спросил Ленц. — Что бы это могло?..

— Гас! — заорал Харпер. — Мы сделали это! Изотоп-пять сработал!

Эриксон посмотрел на него с еще большим удивлением.

— Пять? — недоуменно переспросил он. — При чем здесь пять? Это был изотоп-два. Я заложил его сам.

— Ты заложил? Это я заложил образец. И это был изотоп-пять, говорю тебе!

Все еще оглушенные взрывом, они стояли друг против друга, и, судя по выражению их лиц, каждый считал другого упрямым тупицей.

— Пойдите, друзья мои, — осторожно вмешался Ленц. — Возможно, вы оба правы. Гас, вы заложили в камеру изотоп-два?

— Ну конечно! Я был недоволен последним прогоном и решил его повторить.

Ленц кивнул.

— Значит, это моя вина, джентльмены, — с сожалением признал Ленц. — Я пришел, отвлек вас, и вы оба зарядили камеру. Во всяком случае, я знаю, что Харпер это сделал, потому что сам видел, как он закладывал изотоп-пять. Прошу меня извинить.

Лицо Харпера осветилось, и он в восторге хлопнул локтя по плечу.

— Не извиняйтесь! — воскликнул он, хохоча. — Можете приходить в нашу лабораторию и вот так отвлекать нас сколько угодно! Ты согласен, Гас? Вот мы и нашли ответ. Доктор Ленц подсказал его.

— Но ведь вы не знаете, какой изотоп взорвался, — заметил психолог.

— А, пустяки! — отрезал Харпер. — Может быть, взорвались оба, одновременно. Но теперь мы это *узнаем*. Орешек дал трещину, и теперь мы расколем его!

И он со счастливым видом оглядел разгромленную лабораторию.

Несмотря на беспокойство Кинга, Ленц не спешил высказывать свое мнение о сложившейся ситуации. Поэтому, когда он вдруг сам явился в кабинет начальника станции и заявил, что готов представить свой отчет, Кинг был приятно удивлен и испытал истинное облегчение.

— Ну что ж, я очень рад, — сказал он. — Садитесь, доктор. Хотите сигару? Итак, что вы решили?

Но Ленц предпочел сигаре свои неизменные сигареты. Он явно не спешил.

— Прежде всего, насколько важна продукция вашего реактора? — спросил он.

Кинг мгновенно понял, куда он клонит.

— Если вы думаете о том, чтобы остановить реактор на длительное время, то из этого ничего не выйдет.

— Почему? Если полученные мной сведения верны, вы вырабатываете не более тринадцати процентов всей энергии, потребляемой страной.

— Да, это верно, но мы обеспечиваем выработку еще тринадцати процентов энергии, поставляя наш плутоний атомным электростанциям, и вы, наверное, не учли, что это значит в общем энергетическом балансе. В основном он складывается из бытовой энергии, которую домовладельцы получают от солнечных панелей, установленных на их крышах. Второй основной кусок — это мощности, потребляемые движущимися дорогами, — это тоже солнечная энергия. А наша энергия, которую мы вырабатываем прямо или косвенно, предназначена для самых важных отраслей тяжелой индустрии: стальной, химической, станкостроительной, машиностроительной, обрабатывающей. Лишить их тока — все равно что вырезать у человека сердце.

— Но ведь пищевая промышленность от вас, по существу, не зависит! — настаивал Ленц.

— Нет. Сельское хозяйство в основном не энергоемкое производство... Хотя мы поставляем определенный процент энергии обрабатывающим предприятиям. Я вас понимаю и готов признать, что производство, а также транспорт, то есть распределение пищевых продуктов, могут обойтись без нас. Но подумайте, доктор, что будет, если мы лишим страну атомной энергии. Всеобщая паника, какой мы еще не видели! Ведь это же краеугольный камень всей нашей индустрии!

— В нашей стране и раньше бывали всеобщие паники, но мы справились даже с нефтяным кризисом, когда нефть начала иссякать.

— Да, справились, потому что на смену нефти пришла солнечная и атомная энергия. Вы не представляете, что это

будет, доктор. Это почище войны. В нашей системе все взаимосвязано. Если вы сразу остановите тяжелую промышленность, все остальное полетит кувырком.

— И тем не менее вам лучше остановить реактор.

Кинг невольно взглянул на застекленное реле в стене кабинета. Он, как и каждый дежурный инженер, мог бы укротить реактор. Уран в реакторе находился в расплавленном состоянии при температуре выше двух тысяч четырехсот градусов по Цельсию, и, чтобы остановить реактор, достаточно было разлить уран по небольшим контейнерам. Масса урана в каждом таком контейнере была недостаточна для поддержания цепной реакции.

— Нет, я не могу этого сделать, — сказал Кинг. — Вернее, могу, но реактор недолго будет стоять. Совет директоров просто пришлет другого человека, который меня заменит.

— Да, вы правы.

Некоторое время Ленц молча обдумывал положение, потом сказал:

— Прошу вас, закажите мне место, я хочу вернуться в Чикаго.

— Вы нас покидаете?

— Да.

Ленц вынул изо рта мундштук, и лицо его, впервые утратив благодушное выражение олимпийского божества, стало серьезным, почти трагичным.

— Если нельзя остановить реактор, мне здесь нечего делать. Иного решения проблемы я не вижу, да его и не может быть! Я должен объяснить вам все до конца, — продолжал он. — Вы имеете здесь дело с постоянным повтором ситуационного невроза. Грубо говоря, симптомы проявляются в виде тревожного состояния или какой-нибудь формы истерии. Частичная амнезия у вашего секретаря Штейнке — хороший пример последнего. Штейнке можно вылечить шоковой терапией, но это вряд ли будет гуманно, поскольку сейчас он избавлен от постоянного напряжения, которого он не смог бы вынести.

Другой молодой человек, Харпер, из-за которого вы послали за мной, — пример синдрома тревожного состояния.

Как только причина беспокойства была устранена из его окружения, к нему моментально вернулось здравомыслие. Но вот его друг Эриксон — за ним нужен глаз да глаз...

Но главное — это причина всех подобных неврозов, и мы говорим о том, как их устранить, а не о том, в какой форме они выражаются. Говоря простым языком, ситуационный психоневроз сводится к следующему: если вы ставите человека в ситуацию, которая тревожит его больше, чем он способен выдержать, то рано или поздно он срывается тем или иным образом. А здесь обстоятельства именно таковы. Вы набираете интеллигентных, чутких молодых людей, втолковываете им, что малейшая их ошибка или даже случайное, неподвластное их контролю изменение в реакторе приведет к гибели бог знает скольких тысяч человек, и после этого хотите, чтобы они не сходили с ума! Это нелепо... Это просто невозможно!

— Ради бога, доктор, неужели нет никакого выхода? — Кинг вскочил и забегал по кабинету.

Ленц с горечью отметил про себя, что сам начальник станции стоит на грани того самого нервного состояния, о котором они говорили.

— Нет, — сказал он медленно. — Выхода нет. Позвольте, я продолжу. Вы не можете доверить управление реактором менее чувствительным, менее ответственным людям. Это все равно что доверяться безмозглому идиоту. А ситуационные неврозы лечатся только двумя способами.

В первом случае, когда невроз возникает из-за неправильной оценки ситуации, нужна семантическая коррективировка. Достаточно помочь больному правильно оценить обстоятельства. Все его страхи исчезают, потому что для них никогда и не было реальных оснований. Пациент просто их вообразил.

Во втором случае больной правильно судит об окружающем и справедливо оценивает ситуацию как угрожающую. Его страх вполне нормален и обоснован, но он не может преодолевать его до бесконечности — и это сводит его с ума. В этом случае единственное лечение — изменение обстановки. Я пробыл у вас достаточно долго, чтобы убедиться: здесь

дело обстоит именно так. Вы, инженеры, правильно оцениваете страшную опасность вашей Большой Бомбы, и это сознание неизбежно сведет всех с ума. Единственный выход — остановить реактор и больше его не запускать.

Кинг продолжал метаться по кабинету, словно стены были клеткой, в которой он был заперт со своей неразрешимой дилеммой.

— Неужели *ничего* нельзя сделать?! — воскликнул он, на мгновение остановившись.

— Вылечить — нельзя. Облегчить болезнь, пожалуй, возможно.

— Каким образом?

— Ситуационные психозы возникают из-за недостатка адренина. Когда человек испытывает нервное напряжение, железы, чтобы ему помочь, усиленно выделяют адренин. Но если напряжение слишком велико, надпочечники не справляются со своей задачей, и человек заболевает. Это и происходит здесь. Адренилиновая терапия может предотвратить психическое расстройство, но, скорее всего, быстро приведет к физическому. С точки зрения общественной безопасности второе, конечно, предпочтительнее, но... тогда у вас скоро не останется физиков!

И еще одна идея. Отбор нового персонала из числа людей религиозных увеличит их срок службы.

Кинг был откровенно шокирован этой идеей.

— Я не улавливаю хода вашей мысли, — признался он.

— Пациент перекладывает бóльшую часть своего беспокойства на своего духовника, который сам лично не сталкивается с подобной ситуацией и потому может ее вынести. Я уверен, что и в этом случае наступление безумия неизбежно. Но у исповеди много других плюсов, — задумчиво проговорил он. — Она удовлетворяет базовую потребность человека. Я думаю, именно поэтому ранние психоаналитики были так успешны, несмотря на ограниченность их представлений. — Он помолчал некоторое время, затем добавил: — Итак, если вы будете любезны и закажете мне стратоплан...

— И больше вы ничего не можете посоветовать?

— Нет. Пусть ваши психологи займутся профилактикой. Они у вас люди способные.

Кинг нажал кнопку и коротко приказал что-то Штейнке. Повернувшись снова к Ленцу, он спросил:

— Вы побудете здесь, пока не подадут машину?

Ленц догадался, что Кингу этого хочется, и согласился.

Внезапно раздался металлический щелчок, и на стол Кинга упал цилиндрик пневматической почты. Вытащив из него белый листок картона, визитную карточку, начальник станции с удивлением прочитал ее и протянул Ленцу:

— Не могу понять, зачем я ему понадобился. Вы, наверное, не хотите, чтобы он вас здесь видел?

Ленц прочел по карточке:

ТОМАС Р. ХАРРИНГТОН, доктор математики, капитан ВМС США, директор Морской обсерватории

— Нет, почему же, — возразил он. — Мы с ним знакомы, и я буду очень рад его видеть...

Харрингтон был явно чем-то озабочен. Он вздохнул с облегчением, когда Штейнке, пропустив его в кабинет, исчез в соседней комнате, и сразу же заговорил, обращаясь к Ленцу, который сидел ближе к двери:

— Вы мистер Кинг? Постойте, да это же Ленц! Что вы здесь делаете?

— Я здесь по приглашению, — ответил Ленц совершенно правдиво, но не полно, здороваясь с Харрингтоном за руку. — Знакомьтесь: начальник станции Кинг, капитан Харрингтон.

— Как поживаете, капитан? Рад вас видеть.

— Для меня большая честь познакомиться, сэр...

— Садитесь, прошу вас.

— Благодарю. — Харрингтон сел, положив на угол стола свой портфель. — Вы, конечно, хотите знать, зачем я к вам явился вот так, без приглашения?..

— Я счастлив познакомиться.

В действительности все эти церемонии были уже слишком для натянутых нервов Кинга.

— Вы очень любезны, но... Кстати, нельзя ли сделать так, чтобы ваш секретарь, который меня впустил, забыл мое имя? Я понимаю, что это кажется вам странным, но...

— Совсем нет, я ему скажу!

Кинг был заинтригован и решил не отказывать своему выдающемуся коллеге в таком пустяке. Он вызвал Штейнке к видеофону и отдал соответствующее приказание.

Ленц встал, показывая, что уже давно собирается уйти. Уловив взгляд Харрингтона, он пояснил:

— Я полагаю, вы хотите поговорить наедине?

Кинг перевел взгляд с Харрингтона на Ленца и обратно на Харрингтона. Секунду астроном колебался, затем решительно заявил:

— Я лично ничего не имею против. Решайте сами, доктор Кинг! Честно говоря, я буду только рад, если Ленц останется.

— Я не знаю, что вы хотите мне сообщить, — заметил Кинг, — но доктор Ленц здесь тоже по конфиденциальному поручению.

— Очень хорошо! В таком случае все в порядке. Перейду прямо к делу. Доктор Кинг, вы знакомы с механикой Дестри бесконечно малых величин?

— Разумеется.

Ленц подмигнул Кингу, но тот предпочел этого не заметить.

— Да-да, конечно. Вы помните шестую теорему и переход от тринадцатого уравнения к четырнадцатому?

— Кажется, помню, но я сейчас взгляну.

Кинг встал и направился к шкафу, но Харрингтон остановил его нетерпеливым жестом:

— Не беспокойтесь! У меня все есть.

Он открыл ключом портфель и извлек потрепанный блокнот с выпадающими листками:

— Вот! А вы, доктор Ленц, знакомы с этими построениями?

Ленц кивнул:

— Я как-то их проглядывал.

— Прекрасно. Итак, я полагаю, что вы со мной согласитесь, что ключ к решению всей проблемы именно здесь,

в переходе от тринадцатого уравнения к четырнадцатому. Этот переход кажется вполне обоснованным и справедлив в определенных условиях. Но что, если мы расширим его значение и проследим всю цепь логического построения для всех возможных состояний материи?

Он перевернул страницу и показал те же два уравнения, разбитые на девять промежуточных. Ткнув пальцем в среднюю группу математических символов, Харрингтон спросил, тревожно заглядывая собеседникам в глаза:

— Видите? Вы понимаете, что это значит?

Кинг помолчал, шевеля губами, потом ответил:

— Да... думаю, я понял. Странно... Я никогда не рассматривал их в таком аспекте... хотя я учил эти уравнения, пока они мне во сне не стали сниться. — Он повернулся к Ленцу. — Вы согласны, доктор?

Ленц медленно кивнул:

— Думаю, да... Да, я в этом уверен.

Харрингтон должен был бы обрадоваться, но он только тяжело вздохнул.

— Я надеялся, что хотя бы вы найдете ошибку, — раздраженно сказал он, — но, боюсь, теперь надеяться не на что. Доктор Дестри сделал допущение, действительное для молекулярной физики, однако у нас нет ни малейшей уверенности, что оно применимо к физике атомов. Я полагаю, вы сознаете, что это значит для вас, доктор Кинг...

Голос Кинга превратился в хриплый шепот.

— Да, сознаю, — сказал он. — Да... Это значит, что, если наша Большая Бомба взорвется, она взорвется мгновенно и целиком, а не так, как предполагал Дестри... Господи, помилуй весь наш род людской!

Капитан Харрингтон откашлялся, прервав наступившее молчание.

— Знаете, — сказал он, — я бы не приехал, если бы дело было только в неверной методике расчетов...

— А у вас есть и другие доказательства? — спросил Кинг.

— И да и нет. Возможно, вы думаете, джентльмены, обсерватория ВМФ имеет дело только с эфемеридами и табли-

цами приливов. Отчасти вы правы, но, когда финансирование позволяет, у нас находится время и для исследований. Меня всегда интересовали теории, связанные с Луной.

Я имею в виду не лунную баллистику, а куда более интересную проблему ее происхождения и истории. Проблему, над которой бился в юности Дарвин, а также мой выдающийся предшественник, капитан Ти Джи Джи Си. Я думаю, это очевидно, что любая теория происхождения Луны и ее истории должна учитывать особенности ландшафта нашего спутника, особенно ее горы и кратеры, которые заметно выделяются на ее поверхности.

Он сделал паузу, и Кинг тут же вмешался:

— Позвольте, капитан. Возможно, я глуп или что-то упустил, но есть ли связь между тем, что мы обсуждаем, и лунной теорией?

— Пару минут терпения, доктор Кинг, — извинился Харрингтон. — Эта связь существует — по крайней мере, я *боюсь*, что она существует, — но я бы предпочел излагать свои аргументы в логической последовательности, прежде чем делать какие-либо выводы.

Ответом ему было заинтересованное молчание, и он продолжал:

— Мы привыкли называть круглые полости Луны «кратерами», хотя знаем, что они не являются вулканическими кратерами. Даже на первый взгляд они не следуют ни одному из правил, которым подчиняются земные вулканы, — ни с точки зрения формы, ни с точки зрения распространенности. Более того, когда Раттер в тысяча девятьсот пятьдесят втором году опубликовал свою монографию о динамике вулканологии, он достаточно убедительно доказал, что лунные кратеры не могут быть созданы явлениями, которые мы называем вулканической деятельностью.

Это оставляло место для теории бомбардировки как наиболее простой гипотезы. На первый взгляд она вполне удовлетворительна, и достаточно потратить пару минут, бросая камешки в лужу грязи, чтобы убедить себя в том, что лунные кратеры могли образоваться в результате падения метеоритов.

Но остаются некоторые проблемы. Если Луна испытала столько ударов, то почему от них была избавлена Земля? Вряд ли стоит упоминать, что земная атмосфера не способна защитить поверхность от массивных тел, таких, которые могли образовать кратеры Эндимион или Платон. И если они падали после того, как Луна стала мертвым миром, а Земля была еще достаточно молода, чтобы изменить свое лицо и стереть следы бомбардировок, то почему метеориты практически не падали на территории больших сухих бассейнов, которые мы называем лунными морями?

Я не буду дальше развивать эту мысль, вы найдете информацию и ее математическую интерпретацию здесь, в моих заметках. Есть еще одно серьезное возражение против теории метеоритной бомбардировки — огромные радиальные полосы, которые простираются от Тихо¹ по большей части лунной поверхности. Они делают наш спутник похожим на хрустальный шар, по которому ударили молотком. Направление удара извне кажется довольно очевидным, но на самом деле все не так просто. Ударная масса, наш гипотетический метеорит, должна быть меньше, чем диаметр кратера Тихо, но при этом иметь такие массу и скорость, которые способны расколоть всю планету.

Судите сами: мы либо должны принять гипотезу о столкновении с фрагментом ядра карликовой звезды, либо предполагать такие скорости, каких мы никогда не наблюдали в Солнечной системе. Оба объяснения допустимые, но несколько надуманные. — Он повернулся к Кингу. — Доктор, вы можете чем-то еще объяснить парадокс Тихо?

Начальник станции с силой сжал подлокотники своего кресла, затем внимательно осмотрел ладони. Он отыскал в карманах носовой платок и тщательно вытер руки.

— Продолжайте, — сказал он бесцветным голосом.

— Очень хорошо... — Харрингтон извлек из своего портфеля большую фотографию Луны — прекрасный портрет, сделанный в полнолуние. — Я хотел бы, чтобы вы предста-

¹ *Тихо* — один из наиболее ярких и хорошо заметных кратеров на Луне; назван в честь великого датского астронома Тихо Браге (1546–1601).

вили Луну такой, какой она могла быть когда-то в прошлом. Представьте: темные области, которые мы называем «морями», и есть настоящие океаны. У нее есть атмосфера, возможно состоящая из газа, более тяжелого, чем кислород и азот, но достаточно активного газа, который способен поддерживать мыслящие формы жизни...

Потому что это обитаемая планета, населенная разумными существами, способными открыть атомную энергию и использовать ее!

Он ткнул пальцем в фотографию, туда, где в южном полушарии виднелся светло-серый круг Тихо с его невероятными лучами, раскинувшимися во всех направлениях на тысячи миль, и рельефно вспыхивали на поверхности.

— Вот здесь... в центре Тихо, находился их главный реактор.

Он переместил палец в сторону экватора и немного к востоку — к точке, где сливались три большие темные области, Море Облаков, Море Дождей и Океан Бурь, — и задержал его на двух ярких пятнах, также окруженных лучами, но более короткими, менее отчетливыми и волнистыми.

— А здесь, в Копернике и Кеплере, на островах, посреди большого океана, были вторичные станции.

Он выдержал паузу и добавил задумчиво:

— Возможно, они знали об опасности, которая им грозила, но им так была нужна энергия, что они соглашались рисковать самим существованием своей расы. А может, они не знали о разрушительной способности своих машинок, или их математики убедили, что такого просто не может случиться.

И мы никогда этого не узнаем... никто никогда не узнает. Потому что эти машинки взорвались и убили их... и всю их планету.

Взрыв сорвал с планеты газовую оболочку и вышвырнул ее в открытый космос. Или он запустил цепную реакцию в их атмосфере. Еще он поднял в небо большие участки планетарной коры. Некоторые из них улетели навсегда, но те обломки, которые не достигли скорости убегания, со временем упали обратно и оставили на поверхности большие круглые кратеры.

Океаны смягчили удары, только самые массивные осколки образовали кратеры на их дне. Возможно, какая-то жизнь еще оставалась в глубинах океана. Но она тоже была обречена: вода, не защищенная атмосферным давлением, не могла оставаться жидкой и неизбежно испарилась в космическое пространство. Кровь ее жизни иссякла, и планета умерла — она покончила с собой!

Он поднял глаза, встретил серьезный взгляд двух своих безмолвных слушателей и смущенно улыбнулся:

— Джентльмены, это лишь теория, я понимаю... только теория, грезы, кошмар... Но я не спал столько ночей, что мне просто *необходимо* было рассказать вам об этом и узнать, видите ли вы так же, как вижу я. Что касается механики процесса, это все тут, в моих заметках. Вы можете проверить расчеты — и я готов Бога молить, чтобы вы нашли в них хоть какую-то ошибку! Но боюсь, что это единственная лунная теория, которая учитывает все известные факты и объясняет их все.

Он замолчал, и тогда заговорил Ленц:

— Допустим, капитан, мы проверим ваши расчеты и они окажутся непогрешимыми, — что дальше?

Харрингтон развел руками:

— Я для того сюда и приехал, чтобы спросить вас: что дальше?

Хотя вопрос задал Ленц, Харрингтон, отвечая, смотрел только на Кинга. Тот почувствовал его взгляд и поднял голову. Их взгляды встретились. Потом Кинг снова опустил голову.

— Дальше ничего, — угрюмо сказал он. — Ничего сделать нельзя.

Харрингтон уставился на него с нескрываемым изумлением.

— Но послушайте! — взорвался он наконец. — Разве вы не понимаете? Ваш реактор *необходимо* демонтировать, и немедленно!

— Полегче, капитан. — Невозмутимый голос Ленца был словно холодный душ. — И не надо злиться на бедного Кинга — все это волнует его больше, чем вас. Поймите его пра-

вильно. Речь идет не о физической проблеме, а о политической и экономической. Скажем так: остановив реактор, Кинг уподобился бы крестьянину, который бросил свой виноградник на склоне Везувия и лишил свою семью средств к существованию, потому что когда-нибудь сможет произойти извержение вулкана. Этот реактор не принадлежит Кингу, он всего лишь служащий. Если он остановит реактор против воли его законных владельцев, они просто вышвырнут его за порог и наймут другого, более покладистого. Нет, нам необходимо убедить хозяев.

— Президент мог бы их заставить, — высказал предположение Харрингтон. — Я могу обратиться к президенту...

— Разумеется, можете, по инстанции, через свой департамент. Возможно, вы его даже убедите. Но что он сделает?

— Как — что? Все! Ведь он же *президент*!

— Подождите! Вот вы, например, директор обсерватории ВМФ. Представьте, что вы взяли кувалду и пошли разбивать главный телескоп. Далеко вы уйдете?

— Да, пожалуй, нет, — согласился Харрингтон. — Мы с нашего малютки глаз не спускаем. Охрана...

— Так и президент не может действовать произвольно, — продолжал Ленц. — Он не абсолютный монарх. Если он закроет этот реактор без надлежащей правовой процедуры, федеральные судьи его в бараний рог согнут. Допускаю, тут еще мог бы повлиять конгресс, поскольку Комиссия по атомной энергии от него зависит. Но что вы скажете о приятной перспективе читать нашим конгрессменам курс по механике элементарных частиц?

Эту перспективу Харрингтон сразу же отверг, однако не сдался.

— Есть другой путь! — сказал он. — Конгресс зависит от общественного мнения. Нам нужно только убедить народ, что реактор представляет собой смертельную угрозу для всего человечества. А это можно сделать и не прибегая к высшей математике.

— Да, конечно, — согласился Ленц. — Вы можете выйти с этим в эфир и напугать всех до полусмерти. Вы можете вызвать такую панику, какой еще не видела даже эта полу-

сумасшедшая страна. Ну уж нет, спасибо! Лично я предпочел бы, чтобы люди продолжали жить, не ведая об угрозе внезапной гибели, чем провоцировать массовый психоз, который разрушит созданную нами культуру. Безумные годы мы уже видели, и одного раза вполне достаточно.

— Хорошо, но что в таком случае предлагаете вы?

Ленц немного подумал, прежде чем ответить.

— Я вижу только одно решение, и оно почти безнадежно, однако давайте попробуем вколотить в головы директоров компании хоть крупицу здравого смысла.

Кинг, который, несмотря на усталость, внимательно следил за разговором, спросил:

— А как вы это сделаете?

— Не знаю, — признался Ленц. — Мне надо подумать. Но это мне кажется самым верным путем. Если у нас ничего не выйдет, можно вернуться к варианту Харрингтона — к широкой кампании в печати. Мне не хочется смотреть, как мир совершает самоубийство, только чтобы оправдать мои прогнозы.

Харрингтон взглянул на часы довольно необычной формы и присвистнул:

— Боже правый, я забыл о времени! Официально я сейчас должен быть в обсерватории Флагстаффа.

Кинг невольно заметил время, которое показывали часы Харрингтона.

— Сейчас не может быть так поздно! — возразил Кинг.

Харрингтон удивленно посмотрел на него, потом рассмеялся:

— Конечно, здесь сейчас на два часа меньше! Мы находимся в поясе «плюс семь», а часы показывают время в поясе «плюс пять» — они радиосинхронизированы с городскими часами в Вашингтоне.

— Вы сказали «радиосинхронизированы»?

— Да. Остроумно, не правда ли? — Харрингтон показал свои часы. — Я называю их «телехронометром». Это племянник придумал специально для меня. Голова парень! Он далеко пойдет. Конечно, — лицо его омрачилось, словно эта маленькая интерлюдия только подчеркнула весь ужас навис-

шей над ним угрозы, — конечно, если мы протянем так долго!

На столе Кинга мигнул световой сигнал, на экране возникло лицо Штейнке. Кинг выслушал его и сказал:

- Машина ждет вас, доктор Ленц.
- Пусть ею воспользуется капитан Харрингтон.
- Значит, вы не улетаете в Чикаго?
- Нет. Ситуация изменилась. Если вы не возражаете, я еще попытаюсь кое-что сделать.

В следующую пятницу, когда Штейнке ввел Ленца в кабинет Кинга, тот встретил гостя чуть ли не с распростертыми объятиями:

— Когда вы прилетели, доктор? Я и не ждал вас раньше чем через час-два.

— Только что прибыл. Взял такси, чтобы не ждать рейсовый.

— Что-нибудь получилось?

— Ничего. Они повторили то же, что говорили вам: «Независимые эксперты утверждают, что расчеты Дестри безупречны, а потому компания не видит причин потакать истерикам отдельных сотрудников».

Кинг забарабанил по столу, уставившись в пространство. Потом он круто повернулся к Ленцу и сказал:

— А вы не считаете, что председатель может быть прав?

— Что вы имеете в виду?

— Может быть, мы все трое — вы, я и Харрингтон — попросту заработались и свихнулись?

— Исключено.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Я нашел других независимых экспертов, которые не работают на компанию, и дал им проверить расчеты Харрингтона. Все сходится.

Ленц не стал упоминать о том, что устроил эту проверку отчасти потому, что не был до конца уверен в психической стабильности начальника станции.

Кинг быстро сел за стол, протянул руку и нажал кнопку.

— Сделаем еще одну попытку, — объяснил он. — Посмотрим, удастся мне напугать этого болвана Диксона или нет. Штейнке! Соедините меня с мистером Диксоном.

— Слушаюсь, сэр.

Минуты через две экран видефона ожил, и на нем возникла физиономия председателя совета директоров Диксона. Он был не у себя, а в зале заседаний энергетической компании в Джерси-Сити.

— Да! — сказал Диксон. — Что у вас?

Голос его был одновременно ворчлив и добродушен.

— Мистер Диксон, — начал Кинг. — Я потревожил вас, чтобы объяснить вам всю серьезность действий компании. Моя репутация ученого позволяет мне утверждать, что Харрингтон полностью доказал...

— Ах вы об этом? Мистер Кинг, я думал, вы поняли, что этот вопрос закрыт.

— Но, мистер Диксон...

— Я вас умоляю! Как вы думаете, если бы существовала какая-то реальная угроза, я бы стал колебаться? Знаете ли, у меня самого есть дети и внуки...

— Именно потому...

— Именно потому мы стараемся вести дела компании так, чтобы избегать ненужного риска и приносить пользу обществу. Но у нас, кроме того, есть и ответственность. У нас есть сотни тысяч мелких акционеров, которые ждут от нас возврата своих инвестиций. Вы не можете ждать, что мы лишим компанию миллиарда долларов лишь на том основании, что вы занялись астрологией! Лунная теория, ну надо же! — Он презрительно фыркнул.

— Я приму это к сведению, господин председатель! — процедил Кинг ледяным тоном.

— Бросьте, мистер Кинг, не обижайтесь. Кстати, хорошо, что вы позвонили. Только что закончилось специальное заседание совета. Мы решили дать вам возможность выйти в отставку — разумеется, с сохранением полного оклада.

— Я не подавал в отставку!

— Знаю, мистер Кинг! Однако совет решил, что вы...

— Понимаю. Прощайте!

— Мистер Кинг...

— Я сказал: прощайте!

Кинг выключил экран и повернулся к Ленцу.

— «С сохранением полного оклада»! — повторил он. — Я могу теперь жить безбедно до конца моих дней и наслаждаться жизнью, как осужденный в камере смертников!

— Точь-в-точь, — согласился Ленц. — Ну что ж, мы испробовали этот путь. Полагаю, теперь можно позвонить Харрингтону. Пусть попробует чего-нибудь добиться через печать и наших политиканов.

— Да, пусть попробует, — повторил Кинг с отсутствующим видом. — Вы теперь возвращаетесь в Чикаго?

— Нет, — пробормотал Ленц. — Нет. Я, пожалуй, полечу рейсовым в Лос-Анджелес, а там сяду на вечернюю ракету «Антиподов».

Кинг посмотрел на него с удивлением, но промолчал.

— Я сделал здесь все, что мог, — ответил Ленц на его невысказанный вопрос. — Возможно, на другой стороне Земли есть шанс выжить. Знаете, я предпочитаю быть живым пас-тухом в Австралии, чем мертвым психологом в Чикаго.

Кинг яростно закивал головой:

— Это подсказывает здравый смысл. Не знаю, что мешает мне заморозить реактор прямо сейчас и улететь с вами.

— Нет, мой друг, это не здравый смысл. Здравый смысл заставляет людей совершать глупости, чего я как раз делать *не* собираюсь. Почему бы вам и в самом деле не заглушить реактор? Это поможет Харрингтону напугать их до полусмерти.

— Ох, не искушайте меня!

Лицо Штейнке возникло на экране.

— Шеф, здесь Харпер и Эриксон.

— Я занят.

— Они срочно хотят вас видеть.

— О господи! Ладно,пусти их, — проговорил Кинг устало. — Теперь уже все равно.

Они не вошли, а влетели. Харпер — первым и сразу заговорил, сообразив, что начальник не в духе и действительно занят:

— Шеф, мы нашли, мы своего добились! И все расчеты сходятся до десятого знака!

— Что вы нашли? Чего добились? Говорите толком.

Харпер только усмехнулся. Это был час его триумфа, и он хотел насладиться им до конца.

— Шеф, помните, несколько недель назад я просил дополнительных ассигнований, не объяснив, зачем они мне нужны?

— Да, конечно. Но в чем, наконец, дело?

— Сначала вы заупрямились, но потом согласились, помните? Так вот, за это мы вам принесли подарок — вот он, перевязанный розовой ленточкой. Это величайшее достижение в атомной физике с тех пор, как Хан расщепил ядро. Это — атомное горючее, шеф, атомное горючее, безопасное, компактное, управляемое! Подходящее для ракет, для электростанций — для всего, что душа пожелает!

Впервые за время разговора Кинг проявил осторожный интерес:

— Вы имеете в виду источник энергии, для которого не нужен реактор?

— О нет, этого я не говорил. Наш большой реактор нужен для производства горючего, но потом вы можете использовать это горючее где угодно и как угодно, извлекая из него до девяноста двух процентов энергии. Но, если хотите, можете и уменьшить отдачу.

Дикая надежда, что, может быть, это и есть выход из безвыходного тупика, рухнула. Кинг сник.

— Продолжайте, — сказал он. — Рассказывайте все.

— Так вот, все дело в искусственных радиоактивных изотопах. Как раз перед тем, как мы попросили дополнительные ассигнования на исследования, Эриксон и я... Доктор Ленц тоже приложил свою руку, — добавил он, благодарно кивнув психологу. — Мы обнаружили два взаимно антагонистичных изотопа. То есть, когда их соединяешь, они сразу выделяют всю заложенную в них энергию — взрываются ко всем чертям! Но самое главное в том, что мы брали ничтожные крохи — реакция протекает при самой незначительной массе.

— Не понимаю, — угрюмо сказал Кинг, — как это может...

— И мы не понимаем — но это работает. Мы молчали, пока точно в этом не убедились. Но потом мы начали пробовать и нашли еще дюжину других видов топлива. Возможно, если попотеть, мы сможем скомбинировать горючее для любых целей. Вот здесь все изложено. Это ваш экземпляр, взгляните!

И он протянул Кингу кипу машинописных листов. Кинг погрузился в них. Ленц, попросив взглядом разрешения у Эриксона, который радостно кивнул: «Ну конечно!» — тоже начал читать. По мере того как Кинг просматривал страницу за страницей, чувство руководителя, загнанного в тупик, постепенно оставляло его. Он становился тем, кем был на самом деле, — ученым. Его охватывал чистый и сдержанный азарт беспристрастного искателя истины. Эмоции, бушевавшие где-то в таламусе, омывали мозг строго дозируемыми импульсами, поддерживая холодное пламя корковой активности. Сейчас он был совершенно здоров, и разум его был яснее, чем у большинства людей в самые ясные моменты их жизни.

Долгое время он лишь изредка одобрительно хмыкал, шелестел страницами и молча покачивал головой. Но вот Кинг дочитал до конца.

— Вот это да! — сказал он. — Вы это сделали, мальчишки! Это здорово! Я вами горжусь!

Эриксон густо покраснел и сглотнул слюну; маленький взъерошенный Харпер встрепенулся, как жесткошерстый фокстерьер, которого похвалил хозяин.

— Спасибо, шеф! Для нас ваши слова дороже Нобелевской премии.

— Думаю, вы ее получите. Однако, — гордый блеск в его глазах угас, — с этим я вам помочь уже не смогу.

— Но почему, шеф? — недоуменно спросил Харпер.

— Потому что мне предложили уйти в отставку. Мой преемник вскоре придет, а это слишком большое дело, чтобы начинать его перед самой сменой руководства.

— Вы — и в отставку? Какого дьявола!

— Причина та же, по какой я отстранил тебя от дежурства. Во всяком случае, на ней настаивает совет директоров.

— Но это же чепуха! Со мной вы были правы: я действительно чуть не сорвался. Но вы совсем другое — мы все вам верим!

— Спасибо, Кэл, но дело обстоит именно так, и тут уже ничего не изменишь. — Он повернулся к Ленцу. — Вам не кажется, что этот завершающий иронический штрих окончательно превращает всю мою деятельность в фарс? Это великое открытие, оно гораздо значительнее, чем мы сейчас думаем, и теперь я вынужден все пропустить.

В голосе Кинга звучала горечь.

— Ах так? — вспыхнул Харпер. — Ну ладно же, тогда я знаю, что делать! — Он перегнулся через стол и схватил рукопись. — Либо вы остаетесь начальником станции, либо компания может идти ко всем чертям — нашего открытия ей не видать вовек!

Эриксон воинственно поддержал его.

— Минутку! — На сцену выступил Ленц. — Доктор Харпер, вы уже разработали способ производства ракетного горючего?

— Да, можно сказать так. Оно у нас в руках.

— И это космическое горючее?

Все поняли, что Ленц имел в виду — горючее, способное вырвать ракету из объятий земного тяготения.

— Разумеется! — ответил Харпер. — Можно взять любую рейсовую ракету у «Клиппера», переделать ее немного и отправлять экскурсии на Луну.

— Превосходно! Вы позволите? — Ленц попросил у Кинга листок бумаги и принялся быстро писать. Заинтригованные, все смотрели на него с нетерпением. Он писал бегло, лишь изредка задумываясь, и через пару минут протянул листок Кингу:

— Решите-ка эту задачку!

Кинг изучил листок. Ленц обозначил символами множество социальных, психологических, физических, экономических факторов, объединил их в структурные отношения, используя методы символьного исчисления. Кинг понимал параматематические операции, обозначенные символами, но управлялся с ними не так ловко, как с символами и опе-

рациями математической физики. Он вчитывался в эти уравнения, неосознанно проговаривая их про себя, беззвучно шевеля губами.

Потом он забрал у Ленца карандаш и продолжил уравнение. Потребовалось еще несколько строк, заполненных формулами, прежде чем удалось сократить или интегрировать символы в определенный конечный ответ.

Он смотрел на этот ответ и постепенно удивление на его лице сменялось пониманием и восторгом.

— Эриксон! Харпер! — воскликнул он. — Мы возьмем ваше новое горючее, построим большую ракету, установим на ней наш реактор и запустим его на постоянную орбиту подальше от Земли! И пусть он там вырабатывает атомное топливо, безопасное для людей. Тогда взрыв Большой Бомбы будет угрожать лишь дежурным операторам!

Оваций не последовало: такую сложную идею нужно было переварить. Наконец Харпер обрел дар речи:

— А как насчет вашей отставки? Шеф, мы все равно с этим не согласимся.

— Не беспокойся, — утешил его Кинг, указывая на листок с формулами. — В этих уравнениях есть ты, я, Эриксон, Ленц, совет директоров. Здесь все предусмотрено.

— Да, здесь предусмотрено все, — согласился Ленц. — Всё, кроме времени.

— Что?

— Вот, смотрите: необходимое время фигурирует в вашем уравнении как неопределенная неизвестная.

— Да... да, конечно. Это риск, на который нам придется пойти. Давайте, парни, за работу!

Председатель совета директоров Диксон призвал собравшихся к порядку.

— Это особое совещание, сегодня мы обойдемся без отчетов и протокола, — объявил он. — Как вы знаете из новости, мы предоставили уходящему в отставку начальнику станции два часа для его выступления.

— Господин председатель!

— Да, мистер Стронг?
— Я считал, что мы закрыли этот вопрос?
— Вы не ошиблись, мистер Стронг. Однако, учитывая долголетнюю безупречную службу мистера Кинга, мы решили удовлетворить его просьбу и сочтем за честь его выслушать. Мистер Кинг, слово предоставляется вам!

Кинг встал, коротко сказал: «За меня будет говорить доктор Ленц» — и снова сел.

Ленцу пришлось подождать, пока в зале утихнет гул. Было ясно, что совет директоров недоволен присутствием постороннего.

Ленц начал с того, что Большая Бомба представляет собой грозную опасность, пока находится на Земле, и сжато повторил свои основные доказательства. После этого он сразу выдвинул альтернативное предложение: поместить большой реактор в ракетоплан и вывести его на стационарную орбиту, достаточно удаленную от Земли — скажем, на пятнадцать тысяч миль. Он будет работать в космосе, производя безопасное горючее для земных атомных электростанций.

В связи с этим он сообщил об открытии Харпера—Эриксона, подчеркнув его коммерческое значение. Он постарался изложить все это как можно убедительнее, пустив в ход все свое обаяние, чтобы завоевать доверие присутствующих. Тут он сделал паузу и стал ждать, пока они спустят пар.

Они не заставили себя ждать. Послышались возгласы: «Чепуха! Бред! Бездоказательно! Это ничего не изменит!» Ясно было, что все были рады узнать о новом горючем, но должного впечатления оно не произвело. Лет через двадцать, когда этот проект будет досконально изучен и коммерческая выгода его будет доказана, они, может быть, и решат запустить на орбиту еще один большой реактор. А пока — время терпит. Только один из директоров поддержал Ленца, но явно было видно, что он не пользуется симпатией остальных.

Ленц терпеливо и вежливо опроверг все их возражения. Он рассказал об участившихся случаях профессиональных психоневрозов среди инженеров и подчеркнул огромную опасность, которой подвергаются все, находящиеся вблизи Большой Бомбы, даже с точки зрения официальной теории

Дестри. Он напомнил им о немислимо высоких затратах на страхование и миллионных суммах, идущих на «подмазку» политиканов.

Потом он резко сменил тон и обрушился открыто и яростно.

— Джентльмены! — сказал он. — Мы считаем, что это вопрос жизни и смерти, нашей жизни, и жизни наших семей, и всей жизни на этой планете. И если вы не пойдете на компромисс, мы будем драться, не считаясь ни с чем и не соблюдая никаких правил, как борется за свою жизнь загнанный в угол зверь.

После этого Ленц перешел в наступление. Первый его ход был предельно прост. Он изложил подготовленный им план пропагандистской кампании национального масштаба, какие постоянно проводят крупные рекламные фирмы. План был разработан до последних мелочей. Тут было все: телевидение, плакаты с антирекламой, инспирированные статьи в газетах и журналах, фальшивые «гражданские комитеты», а самое главное — активное распространение слухов и бомбардировка конгресса «письмами избирателей». Любой бизнесмен по собственному опыту знал, как это работает. Целью кампании было внушить обывателям страх перед реактором в Аризоне, но страх должен был вызвать не панику, а ярость, направленную на совет директоров, и вылиться в требование к Комиссии по атомной энергии немедленно отправить Большую Бомбу в космическое пространство.

— Это шантаж! Мы заткнем вам рот!

— Вряд ли, — вежливо возразил Ленц. — Вы можете только закрыть нам доступ в некоторые газеты. Вам не удастся нас изолировать. Вы даже не сможете лишить нас эфира — спросите Федеральную комиссию по связи.

Это была чистая правда. Харрингтон нажал на нужные политические рычаги и хорошо подготовил почву. Президент был на их стороне.

Страсти разгорались, и Диксон вынужден был призвать совет к порядку.

— Доктор Ленц, — сказал он, с трудом сдерживая собственную ярость, — вы хотите выставить нас эдакими бездуш-

ными мерзавцами, думающими только о собственной выгоде и готовыми ради нее пожертвовать тысячами жизней. Но вы знаете, это не так: нас с вами разделяет только разница во мнениях о том, какой курс более правильный.

— Я не говорил, что считаю вас такими, — серьезно сказал Ленц. — Я лишь хочу, чтобы вы поняли: я *смогу* убедить публику, что вы злонамеренные преступники. Что же касается «разницы во мнениях»... ни один из вас не является специалистом по атомной физике. У вас нет права иметь мнение по данному вопросу.

На самом деле, — продолжал он жестко, — мне неясно только одно: успеет ли конгресс провести национализацию и лишить вас права собственности, прежде чем разъяренная публика разнесет на куски ваш драгоценный реактор!

И прежде, чем они успели сформулировать достаточно продуманный ответ, прежде, чем их яростное негодование стихло и перешло в упорное сопротивление, Ленц предложил им свой гамбит. Он ознакомил их со вторым планом пропагандистской кампании, совершенно иного характера.

Ее целью была не дискредитация совета директоров, а его прославление. Методы были те же самые: выступления и тонко построенные статьи, полные глубокого человеческого интереса к деятельности компании, которая на сей раз будет представлена как мощное предприятие, управляемое бескорыстными патриотами и мудрыми представителями делового мира, пекущимися о благе страны. В нужный момент будет обнародовано открытие Харпера—Эриксона, но не как случайный результат личной инициативы двух молодых инженеров, а как плод многолетних систематических изысканий, проводившихся в соответствии с неизменной политикой совета директоров, — человеколюбивой политикой, обусловленной твердой решимостью раз и навсегда устранить угрозу взрыва, пусть даже в малонаселенной аризонской пустыне.

И никаких упоминаний о нависшей над планетой опасности глобальной катастрофы.

Ленц обрабатывал их со всех сторон. Он искупал их в признательности, которую они получают от благодарного человечества. Он предлагал им принести благородную жерт-

ву и, незаметно передергивая карты, внушал им, что они настоящие герои. Он беззастенчиво играл на самых глубинных обезьяньих инстинктах, на жажде получать одобрение от своих собратьев — не важно, заслуженно или нет.

И с каждой минутой он выигрывал драгоценное время. Он перебирал одно за другим самые веские возражения, убеждал одного за другим самых твердолобых. Он успокаивал и умирал, он играл на их личных слабостях. Любящим и потому мнительным отцам семейств он еще раз, не жалея красок, обрисовал страдания, смерть и разрушения, которые могли бы последовать из-за их слепой веры в бездоказательные и весьма рискованные допущения дестриевской теории. И сразу же вслед за этим он в самом радужном свете набросал картину счастливого мира, освобожденного от страха и полностью обеспеченного безопасной энергией, картину золотого века, который они создадут своей ничтожной уступкой.

Это сработало. Они сдались не сразу, но все-таки создали комитет для изучения возможности запуска большого реактора в космос. Ленц умело подсказывал имена, и Диксон утверждал их — вовсе не потому, что был с ними согласен, а потому что был застигнут врасплох и не мог с ходу найти причины для отвода, которые не обидят отвергнутых кандидатов. Ленц же позаботился о том, чтобы включить в список своего единственного сторонника.

О предполагавшейся отставке Кинга никто даже не заговаривал. Ленц был уверен, что никто о ней и не вспомнит.

Ленц выиграл, но дел впереди было невпроворот. Первые дни после победы Кинг воспрянул, надеясь, что вскоре он будет избавлен от изматывающей тревоги за судьбы мира. Постоянные хлопоты из-за множества новых административных обязанностей лишь придавали ему сил. Харпер и Эриксон были откомандированы в распоряжение Центра Годдарда. Там они вместе с ракетчиками должны были проектировать камеры сгорания, сопла, систему хранения и подачи топлива и тому подобное. Совместно с коммерческой службой нужно было составить график работы реактора, который позволит максимально использовать реактор для производ-

ства атомного топлива, и необходимо было разработать гигантскую камеру сгорания для атомного топлива, которая заменит Большую Бомбу на то время, пока на местах не построят множество мелких установок, способных взять на себя коммерческую нагрузку. Он был очень занят.

Когда первые хлопоты закончились и началась обычная каждодневная рутина, у Кинга начался эмоциональный откат. К тому времени ему ничего не оставалось, кроме как присматривать за реактором и ждать, пока инженеры из Центра Годдарда не справятся со всеми проблемами и не построят подходящий для реактора космический корабль.

А между тем Центр Годдарда столкнулся с трудностями, преодолел их — лишь затем, чтобы столкнуться с новыми. В Центре никогда не работали с такими высокими скоростями реакции. Им пришлось провести множество испытаний, чтобы найти оптимальную конструкцию сопла, дающую максимальную эффективность. Когда с этим было покончено и успех, казалось, был уже достигнут, внезапно во время наземных испытаний сгорели двигатели. Из-за этого инцидента все работы встали на несколько недель.

И была еще одна проблема, совсем непохожая на проблемы, вставшие перед ракетчиками: что делать с энергией, которую будет вырабатывать большой реактор на спутнике? На первых порах решили установить реактор не внутри, а *снаружи* спутника, без всякой защиты, чтобы излучение свободно рассеивалось в пространстве. Он должен был сиять в космической пустоте, как маленькая искусственная звезда. Ученые надеялись, что со временем им удастся обуздать и эту лучистую энергию и направить ее к приемным станциям Земли. А пока она терялась впустую. Зато вся иная продукция реактора, плутоний и новые виды атомного топлива должны были аккуратно извлекаться и отправляться на Землю.

Вернувшись на станцию, Кинг ничем не мог заниматься — он мог только ждать и грызть от нетерпения ногти. Он даже не мог сбежать в Центр Годдарда, чтобы наблюдать за ходом разработки ракеты, потому что над ним довлело иное, куда более сильное, чем скука и нетерпение, чувство. Оно

заставляло его сидеть возле реактора и пристально следить, чтобы он — не дай бог! — не взорвался в последнюю минуту.

Кинг начал постоянно крутиться в реакторном зале, но вскоре ему пришлось прекратить визиты: его нервозность передавалась дежурным инженерам, двое из них сорвались в один и тот же день, причем один из них — во время дежурства.

Он вынужден был признать: с того момента, как начался период бдительного ожидания, у его инженеров пошел серьезный рост числа неврозов. Вначале руководство пыталось сохранить в секрете основные моменты плана, но где-то произошла утечка — возможно, через одного из членов комиссии. Теперь Кинг и сам видел: попытка сохранить все в тайне была ошибкой — Ленц предупреждал их не делать этого, но не был услышан. А теперь даже инженеры, которые непосредственно не участвовали в проекте, начали что-то подзревать. В конце концов Кинг рассказал инженерам все, взяв с них слово не разглашать секрет. Это действовало неделю или чуть больше, пока длился подъем, подобный тому, какой прежде испытал он сам. Потом наступила реакция, и психологи-наблюдатели начали снимать инженеров с дежурств одного за другим почти каждый день. Кроме того, они все чаще сообщали о психологической неустойчивости своих коллег. И Кинг с горьким юмором констатировал, что если это будет продолжаться, у него скоро кончатся психологи. Теперь инженеры стояли четырехчасовые вахты каждые шестнадцать часов. Кинг знал, что, если снимут хотя бы еще одного, ему самому придется встать на его место. И если честно, он бы этому только обрадовался.

Тем временем страшная тайна каким-то образом просачивалась наружу: ее уже знали кое-кто из обслуживающего персонала и несколько местных жителей. Это следовало остановить: если информация распространится еще дальше, паника может захлестнуть всю страну. Но как, черт возьми, он мог это остановить? Никак.

Кинг долго ворочался в постели, взбивая подушку, стараясь уснуть, но ничего не получалось. Голова трещала, глаза болели от усталости, мозг работал бессмысленно и безос-

тановочно, как испорченная пластинка, повторяющая одно и то же.

О господи! Это было невыносимо. Кинг подумал, не сходит ли он с ума, если только уже не сошел. Все было хуже, во много раз хуже, чем прежняя каждодневная рутина, когда он просто осознавал опасность и старался как можно быстрее выкинуть ее из головы. Реактор был ни при чем, он работал как прежде, — но сам Кинг ощущал себя солдатом в окопе, когда лишь пять минут отделяют от перемирия, то было ожидание актера перед занавесом, бег наперегонки со временем, когда все уже сделано и больше ничто не может помочь.

Кинг сел на постели, включил лампу и посмотрел на часы. Половина четвертого. Совсем скверно. Он встал, пошел в ванную, смешал в стакане виски с водой, один к одному, высыпал в него снотворное и залпом проглотил. Потом вернулся в постель и вскоре задремал.

Он бежал, как ему казалось, по длинному коридору. В конце его было спасение — он знал это, но был так измучен, что боялся не добежать.

Опасность настигала, и он попытался заставить свои измученные, налитые свинцом ноги бежать еще быстрее. Но то, что его преследовало, тоже прибавило ходу. И вот оно почти коснулось... Сердце пропустило удар, потом забилось как бешеное, и Кинг понял, что вопит во все горло, визжит в запредельном ужасе.

Но он должен был добежать до конца коридора, он знал, что от этого зависит не только его жизнь, но нечто большее. Он должен добежать, должен, *должен...*

Затем что-то вспыхнуло — и он понял, что опоздал, и беспредельное, горькое отчаяние поражения охватило его. Он проиграл: большой реактор взорвался...

Это был свет прикроватной лампы, она включилась автоматически: было семь часов утра. Пижама его была мокрой от пота, и сердце стучало как молот. Каждый его нерв дрожал от напряжения. Чтобы прийти в себя, ему требовалось нечто большее, чем просто холодный душ.

Он пришел в офис — уборщики еще не закончили свою работу, — сел за стол и два часа просидел, ничего не делая, пока не пришел Ленц. Психолог появился в тот момент, когда Кинг раздраженно вытряхивал таблетки из коробочки, найденной в одном из ящиков стола.

— Минутку... не спешите, старина, — медленно проговорил Ленц. — Что это у вас? — Он обошел стол и осторожно завладел коробочкой.

— Всего лишь успокаивающее.

Ленц внимательно прочел надпись на коробке.

— Сколько вы уже приняли сегодня?

— Только две таблетки.

— Вам не нужны барбитураты, вам нужна прогулка на свежем воздухе. Пойдемте со мной.

— Ой, кто бы говорил — вы сами-то почему курите незажженную сигарету?

— Я? В самом деле. Значит, прогулка нам обоим не мешает. Пойдемте!

Харпер появился минут через десять после их ухода. Штейнке в приемной не было. Инженер и сопровождавший его крепкий молодой парень уверенно подошли к дверям в кабинет Кинга. Харпер постучал. Дверь открылась, на пороге стоял Штейнке. Инженер обогнул его и вошел внутрь.

— Приветствую, мистер Кинг! — начал было Харпер, но остановился, видя, что кабинет пуст.

— Где шеф? — спросил он.

— Вышел, — отозвался Штейнке. — Он сейчас вернется.

— Я подожду. Да, Штейнке, это Грин — познакомьтесь!

Покончив с рукопожатиями, Штейнке спросил Харпера:

— Кэл, ты почему вернулся?

— Ну... Ладно, наверное, тебе можно сказать...

Его прервал внезапно вспыхнувший экран коммуникатора. Экран заполнило чье-то размытое лицо, — очевидно, человек стоял слишком близко и был не в фокусе.

— Мистер Кинг! — прокричал исполненный ужаса голос. — Реактор...

Какая-то тень пронеслась наискосок через весь экран, послышался хрустящий удар, и лицо исчезло. Сразу стал

виден реакторный зал. На плитах пола неподвижно лежала бесформенная фигура. Другая фигура промчалась мимо приемного объектива и исчезла.

Харпер очнулся первым.

— Это Силард! — закричал он. — Силард в реакторном зале! Штейнке, скорей! — И он бросился к двери.

Штейнке смертельно побледнел, но уже через мгновение нагнал Харпера. Грин, которого никто не приглашал, шел за ними по пятам ровным тренированным шагом.

На станции подземки им пришлось подождать, пока из туннеля не выскочила свободная капсула. Потом все трое втиснулись в кабину, рассчитанную на двух пассажиров. Капсула не отходила, и они потеряли еще несколько секунд, пока Грин не пересел в следующую капсулу.

Четырехминутное путешествие с наивысшим ускорением тянулось как вечность. Харпер уже подумал, что они застряли, когда раздался знакомый щелчок и вспыхнул свет, — они были под зданием реактора. При выходе они действительно застряли в узкой дверце, пытаясь выскочить одновременно.

Лифта внизу не оказалось, и они не стали его ждать. Это было ошибкой. Во времени они ничего не выиграли и добрались до этажа, где находился реакторный зал, совершенно запыхавшись. Несмотря на это, они еще прибавили скорости, промчались по зигзагообразному проходу во внешней защите и влетели в реакторный зал.

Безжизненная фигура по-прежнему лежала на полу, другая, тоже неподвижная, растянулась рядом.

Третий человек стоял, склонившись над триггером. Он поднял голову и бросился на них. Харпер и Штейнке вцепились в него, и все трое покатались по полу. Их было двое на одного, но они только мешали друг другу, а тяжелая броня защищала их противника от ударов. И он отбивался с нечеловеческой яростью одержимого.

Харпер вдруг ощутил слепящую, острую боль — его правая рука повисла как тряпка. Бронированный безумец отшвырнул их обоих. В это мгновение чей-то голос рывкнул за их спиной:

— Ни с места!

Харпер увидел вспышку и услышал глухой треск, прозвучавший неестественно громко в замкнутом пространстве.

Бронированная фигура упала на колени, качнулась назад, потом вперед и тяжело рухнула лицом вниз. В дверях стоял Грин, служебный пистолет подрагивал в его руке.

Харпер встал и подошел к триггеру. Он попытался уменьшить мощность энергетического потока, но правая его рука повисла плетью, а левая плохо слушалась.

— Штейнке! — крикнул он. — Иди сюда! Займись этим.

Штейнке подбежал к нему, взглянул на приборы и лихорадочно принялся за дело.

За этим и застал их Кинг, когда ворвался в реакторный зал минут десять спустя.

— Харпер! — крикнул он, пока его быстрые глаза обшаривали помещение, оценивая ситуацию. — Что здесь случилось?

Харпер коротко объяснил. Кинг кивнул:

— Я видел финал боя из своего кабинета... Штейнке!!! — До него, похоже, наконец-то дошло, кто работает на триггере. — Он не может работать с приборами! — закричал Кинг и бросился к пульту.

Штейнке повернулся к нему навстречу.

— Шеф! — ликовал он. — Шеф, я вспомнил все, всю мою математику!

Измученный, Кинг остановился. Затем растерянno кивнул и спросил у Харпера:

— А как ты здесь оказался?

— Я? Чтобы сообщить вам, шеф: у нас все готово!

— Что — все?

— Мы закончили работу. Эриксон завершает установку оборудования для реактора на большом корабле, а я прилетел на рейсовой ракете, которая будет доставлять атомное горючее на Землю. От Годдарда до станции — всего за четыре минуты. Вот мой штурман. — И он указал на Грина, из-за широкой спины которого выглядывал подоспевший Ленц.

— Одну минуту! — сказал Кинг. — Ты говоришь, у нас все готово для установки реактора на корабле-спутнике? Ты в этом уверен?

— А как же! Большой корабль уже летал на нашем горючем, и летал куда дольше и быстрее, чем ему понадобится, чтобы выйти на свою орбиту. И я был там, в космосе! Шеф, у нас состояние готовности номер один.

Кинг посмотрел на аварийный выключатель, установленный под стеклом в верхней части приборной панели.

— Горючего у нас достаточно, — проговорил он негромко, как будто разговаривал сам с собой, — горючего хватит не на одну неделю.

Он быстро шагнул вперед, разбил кулаком стекло и рванул рычаг на себя.

Пол дрогнул, и стена завибрировала, когда тонны расплавленного металла, более тяжелого, чем золото, устремились вниз по отводящим каналам, ударили в распределительные заслонки, разбились на сотни ручейков и потекли в свинцовые контейнеры, чтобы застыть там безобидными и безопасными брусками, пока их не соберут все вместе в космосе, далеко от Земли.

КОММЕНТАРИЙ

Рассказ «Взрыв всегда возможен» стал первым научно-фантастическим произведением, в котором был описан ядерный реактор. В то время подобные устройства существовали только в виде теории, а ученые и журналисты, следившие за исследованиями, полагали, что из-за квантовой неопределенности такой реактор, возможно, будет слишком опасен. Именно этими аргументами Вилли Лей убедил Джона Кэмпбелла, что реактор должен быть выведен на орбиту, — а тот потребовал, чтобы Хайнлайн учел это в своем рассказе. Хайнлайну же хотелось, чтобы рассказ включал в себя самые последние результаты экспериментов и теоретических исследований, а опубликованные на тот момент расчеты как будто показывали, что для радиационной защиты реактора потребуются тонны свинца, поэтому выход рассказа был отложен на несколько месяцев. Расчеты были пересмотрены летом 1940 года, тонны свинца сократились до подъемных величин, и рассказ был включен в план сентябрьского номера «Astounding».

В августе 1945 года, сразу же после того, как первые атомные бомбы были сброшены на Японию, рассказ «Взрыв всегда возможен» (на пару с «Неудовлетворительным решением», рассказом, не вошедшим в «Историю будущего», в нем говорится о радионуклидах, используемых в качестве оружия) оказался востребованным для нового вида научно-фантастических антологий, появившихся во время войны.

Хайнлайн очень тщательно отредактировал «Взрыв» перед включением в сборник «Человек, который продал Луну». Он добавил в него краткий экскурс в историю энергетических реакторов, учел изменения в технологиях, произошедшие с момента написания рассказа, и внес кое-какие поправки в мысли героев по поводу правового статуса, условий работы и политики в отношении ядерных реакторов, которые существенно изменились со времен войны. И сегодня эта часть текста прекрасно описывает послевоенное состояние политики и уровень тогдашних технологий.

Но технологии продолжали развиваться, а политика — изменяться, они уходили все дальше и дальше от описанных в тексте рассказа. Рассказ выполнил свою задачу, и Хайнлайн больше не видел необходимости поддерживать описание технологий реакторов в актуальном состоянии: это были реакторы другой Временной линии (Ветвь Два, кодовое название «Лесли Лекруа»). Когда в 1979 году он решил показать в сборнике «Расширенная Вселенная» объемную ретроспективу своей писательской карьеры, он включил в него именно первоначальную версию рассказа, появившуюся сорок лет назад в «Astounding». В своем «промежуточном» предисловии он настаивал, что рассказ и так хорош и что устаревшие технологии в версии 1940 года нисколько не умаляют его ценности. Очевидно, в этом он оказался прав, поскольку в печати никто никогда не жаловался на эту версию рассказа в «Расширенной Вселенной».

Тем не менее в нашем издании представлена более поздняя версия рассказа, поскольку она лучше вписывается в финальную редакцию цикла «История будущего».

ЭККУРС

Выйдите на вашу веранду и посмотрите на Луну. Вон она висит, круглая, яркая и прекрасная, соседняя планета, другой мир, настолько близкий, что основные ориентиры на ней видны невооруженным глазом лучше, чем нам — очертания Матери-Земли. Представьте себе на том же расстоянии Северную Америку; уложите Луну на нее. Нью-Йорк попадет на правый край, Солт-Лейк-Сити — на левый. У нижнего края окажется Браунсвилл в Техасе, верхняя часть круга Луны пересечет Канаду по озеру Виннипег. Вы легко заметите знакомые очертания Великих озер, дельту Миссисипи, Чесапикский залив. Ночью города будут сиять как розовые самоцветы.

Именно такой вид открывается нам в Луна-Сити из Зала земной панорамы в отеле «Лунная гавань». Вот что видит старая лунная крыса, посмотрев вверх, чтобы определить время по линии рассвета, пересекающей Землю.

А теперь вернемся обратно на Землю и снова посмотрим на Луну.

И забудьте уже этого Человека-на-Луне, посмотрите на Лунную Даму¹. Вот она, на правой стороне, смотрит влево. Голова ее поднята, могучий Тихо сверкает на ее шее. Волосы уложены в высокую прическу — видите?

Валик прически — это Море Ясности; размером оно примерно как штат Миссури. Завитки волос на затылке — Море

¹ *Человек-на-Луне* и *Лунная Дама* — распространенные у многих народов образы, в которые складываются темные пятна лунных морей.

Изобилия. Переведите взгляд еще дальше направо, почти на самый край лунного диска. Там — совсем крошечный — Луна-Сити.

Вы его не видите? Я тоже. Это город, спрятанный под герметичным куполом, зарытый в лунный грунт; он не сияет подобно земным городам, построенным под открытым небом. Но он там — свободный город Луны, ее столица, перекресток путей.

За ним по кругу, уже на обратной стороне Луны, — Резерфорд, где под неусыпным контролем ведутся самые опасные атомные эксперименты. А всего в нескольких милях от Луна-Сити — Лейпорт и обсерватория Ричардсона; а в сорока милях — монумент Гарримана. Вы можете различить их в небольшой телескоп.

Вот она висит, прекрасная Луна, планета-сестра. Меньше чем в четверти миллиона миль от нас, меньше чем в десять обхватов нашего шара. Странно, что мы так долго туда добирались. В конце концов, ракеты использовались еще в Средние века, а атомная энергия появилась у нас сразу после Второй мировой...

КОММЕНТАРИЙ

«Экскурс» Хайнлайна предваряет повесть «Человек, который продал Луну» и дает живую картину заселенной Луны в ранние годы исследования Солнечной системы. А потом мы возвращаемся к Д. Д. Гарриману и началу всех последующих событий. Читатели 1950 года уже встречались с постаревшим Гарриманом в «Реквиеме», третьем из опубликованных рассказов Хайнлайна. В этом рассказе Гарриман вознамерился разорвать постылые экономические путы, придуманные, чтобы десятилетиями удерживать его на Земле, между тем как человечество уже отправилось в космос. Рассказ о том, как Гарриман положил этому начало, открывающийся словами «Ты обязан в это поверить!», был для читателей 1950 года совсем новым.

Сейчас это вполне обыденная для нас модель, которую реально существующий предприниматель в области коммерче-

ского космоса Питер Диамандис¹ называет своим «бизнес-планом».

Позднее, когда готовилось переиздание в твердой обложке, издатель убрал «Экскурс» из сборника «Человек, который продал Луну и другие рассказы», но хайнлайновский «Экскурс» и сегодня столь же прекрасен, как и почти восемьдесят лет назад.

¹ *Питер Диамандис* (р. 1961) — американский авиационный инженер и предприниматель, учредитель и организатор разнообразных проектов, связанных с развитием космических исследований и технологий.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ПРОДАЛ ЛУНУ

1

— Ты обязан в это поверить!

Это утверждение партнера заставило Джорджа Стронга фыркнуть:

— Делос, почему бы тебе не слаться? Этой песне уже много лет. Когда-нибудь люди, возможно, доберутся до Луны, хотя я в этом сомневаюсь. В любом случае мы с тобой этого не увидим. Потеря энергетического спутника закрыла этот вопрос для нашего поколения.

Д. Д. Гарриман отмахнулся.

— Не увидим, если будем сидеть на жирных задницах и палец о палец не ударим, чтобы это ускорить. Но мы можем это сделать.

— Вопрос первый: как? Вопрос второй: зачем?

— «Зачем?» Этот человек спрашивает «зачем?». Джордж, в твоей душе есть что-нибудь, кроме дисконтов и дивидендов? Ты не сидел с девушкой теплым летним вечером, глядя на Луну? Не задумывался: а что же там творится?

— Да, один раз сидел. И простудился.

Гарриман поинтересовался у Всевышнего, зачем Он предал его в руки филистимлян. Затем снова обратился к партнеру:

— Я мог бы тебе сказать зачем — *на самом деле* зачем? Но ты бы меня не понял. Ты ведь хочешь знать «зачем» в смысле денег, не так ли? Ты хочешь знать, как «Гарриман и Стронг» и «Гарриман энтерпрайзис» могут на этом заработать?

— Да, — признал Стронг, — и, пожалуйста, не надо мне впаривать про туристический бизнес и баснословные лунные самоцветы. Уже наслушался.

— Ты хочешь, чтобы я представил тебе цифры по абсолютно новому типу предприятия, и знаешь, что я не могу этого сделать. Это все равно что спросить братьев Райт на Китти-Хок¹ насчет оценки количества денег, которые «Кертисс-Райт корпорейшн»² когда-нибудь заработает на строительстве аэропланов. Сформулирую по-другому. Ты ведь не хотел, чтобы мы занялись пластиковыми домами. Если б сложилось по-твоему, мы до сих пор сидели бы в Канзас-Сити, размежевывая коровьи пастбища и показывая дома, сдающиеся в аренду.

Стронг пожал плечами:

— Сколько на нынешний день заработала «Нью уорлд хоумс»?

Стронг принял отрешенный вид и подключил свой особый дар чисел — одно из его вложений в компанию.

— Э-э... на конец фискального года — сто семьдесят два миллиона девятьсот сорок шесть тысяч четыре доллара и шестьдесят два цента после уплаты налогов. К текущему моменту оценка составляет...

— Не важно. А какова наша доля?

— Ну, э-э... не считая доли, которую ты приобрел лично и продал мне позже, компания заработала на «Нью уорлд хоумс» за тот же период тринадцать миллионов десять тысяч четыреста тридцать семь долларов и двадцать центов до уплаты личных налогов. Делос, это двойное налогообложение следует прекратить. Подобное возмездие за бережливость наверняка приведет эту страну прямиком...

— Забудь, забудь! А сколько мы извлекли из «Скайбласт фрейт» и «Антиподс трансуэйс»?

Стронг сообщил и это.

— А мне, однако, пришлось пригрозить тебе членовредительством, чтобы заставить вложить хоть дайм³ в приобре-

¹ *Китти-Хок* — городок в США (штат Северная Каролина), близ которого братья Райт проводили первые экспериментальные полеты.

² *«Кертисс-Райт корпорейшн»* — крупная аэрокосмическая компания в США, основанная в 1929 году; в настоящее время производит в основном компоненты для самолетов и другой промышленности.

³ *Дайм* — монета в 10 центов.

тение патента на инжектор. Ты называл ракеты мимолетной причудой.

— Нам просто повезло, — возразил Стронг. — Ты не мог знать заранее, что в Австралии разразится крупная забастовка на производстве урана. Без нее группа «Скайуэйс» оставила бы нас в убытке. И кстати, «Нью уорлд хоумс» тоже бы провалились, не пояись родтауны, создавшие для нас рынок, не ограниченный местными строительными правилами.

— И то и другое — чушь. Быстрый транспорт окупается; так было всегда. Что до «Нью уорлд», то когда десятки миллионам семей понадобились новые дома, а мы могли продавать их дешево, они их купили. Они бы не позволили строительным нормам все время мешать им. Мы шли на оправданный риск. Подумай о прошлом, Джордж, на каких предприятиях мы потеряли деньги, а какие окупались? Каждая из моих безумных идей разве не принесла доход? А наши вложения мы теряли только на «голубых фишках»¹.

— На некоторых осторожных сделках мы тоже что-то заработали, — запротестовал Стронг.

— Этого бы и на твою яхту не хватило. Будь честен сам с собой, Джордж: «Эндс дивелопмент компани», патент на интегрирующий пантограф, любой из моих диких планов, а мне приходилось тебя силком тащить, — все они работали.

— Мне пришлось трудиться до кровавого пота, чтобы они сработали, — проворчал Стронг.

— Вот поэтому мы партнеры. Я ловлю за хвост диких кошек; ты их обуздываешь и запрягаешь в работу. Теперь мы отправляемся на Луну — и ты заставишь ее заплатить за это.

— Говори о себе. Я на Луну не отправляюсь.

— А я отправляюсь.

— Тыфу! Делос, то, что мы разбогатели на твоих предчувствиях, не отменяет железного факта: будешь и дальше рисковать — проиграешь последнюю рубашку. Знаешь старую поговорку: повадился кувшин по воду ходить...

¹ «Голубые фишки» — биржевой термин, означает надежные акции со стабильным доходом. — *Примеч. С. В. Голд.*

— К чертям, Джордж, я отправляюсь на Луну! Если ты не хочешь меня поддержать, ликвидируем партнерство, и я делаю это один.

Стронг побарабанил пальцами по крышке стола:

— погоди, Делос, никто не говорил, что отказывается поддерживать тебя.

— Или уди рыбу, или режь леску. Теперь появилась возможность, и я принял решение. Человеком-на-Луне буду я.

— Ну ладно... пойдём, а то опоздаем на встречу.

Покидая их общий кабинет, вечно бережливый Стронг позаботился выключить свет. Гарриман видел это уже тысячи раз, но сегодня не удержался от комментария:

— Джордж, а как насчет того, чтобы гасить свет автоматически, когда уходишь из комнаты?

— Гм... а если в комнате кто-то останется?

— Ну, тогда сделать выключатель так, чтобы он был замкнут, пока в комнате кто-либо есть, — например, настроить его на тепловое излучение человеческого тела.

— Слишком дорого и сложно.

— Необязательно. Я подброшу эту идею Фергюсону, чтобы он с ней повозился. Это должен быть выключатель размером не больше нынешних и достаточно дешевый, чтобы сэкономленное электричество окупило его за год.

— И как же он будет работать? — спросил Стронг.

— Почему я знаю? Я не инженер; это задача для Фергюсона и других ребят с образованием.

— Коммерчески это невыгодно, — возразил Стронг. — Гасить свет, покидая комнату, — вопрос темперамента. Мне это хочется делать, тебе — нет. Если кому-то не хочется, такой выключатель его не заинтересует.

— Заинтересует, если потребление электроэнергии останется нормированным. Сейчас энергии недостает; далее будет только хуже.

— На время. Предстоящая встреча как раз все поправит.

— Джордж, на свете нет ничего более постоянного, чем временные ограничения. Выключатели будут продаваться.

Стронг взялся за блокнот и стило:

— Завтра я свяжусь с Фергюсоном насчет этого.

Гарриман уже позабыл тему разговора и больше о ней не вспоминал. Они поднялись на крышу; помахав такси, он вернулся к Стронгу:

— Сколько мы можем получить, реализовав наши вложения в «Родуэйс» и «Белт транспорт корпорейшн»... и, да, в «Нью уорлд хоумс»?

— Э-э! Ты рехнулся?

— Возможно. Но мне потребуется вся наличность, которую ты сможешь вытрясти. «Родуэйс» и «Белт транспорт» все равно никуда не годятся; от них надо было избавиться еще раньше.

— Ты точно рехнулся! Это единственное устойчивое предприятие, которое ты спонсировал.

— Когда я его спонсировал, оно не было устойчивым. Поверь мне, Джордж, родтауны клонятся к упадку. Они постепенно агонизируют, как в свое время железные дороги. Через сто лет на континенте не останется ни одного. По какой формуле зарабатывают деньги, Джордж?

— Покупай дешево, продавай дорого.

— Это только половина... *твоя* половина. Нам следует угадывать, в каком направлении пойдут дела, подтолкнуть их и проследить, чтобы вовремя соскочить с подножки. Ликвидируй все это, Джордж; мне нужны деньги, чтобы действовать.

Опустилось такси; они сели в него и взлетели в воздух.

Такси доставило их на крышу Гемисфер-пауэр-билдинг; они прошли в зал заседаний энергетического синдиката, спрятанный под землей настолько же глубоко, насколько возвышалась над ней крыша. В те дни, несмотря на мирные годы, магнаты имели привычку обосновываться в местах, относительно защищенных от атомных бомб. Впрочем, помещение не было похоже на бомбоубежище; оно выглядело как комната в роскошном пентхаусе, поскольку в «панорамном окне» за спиной председателя открывался убедительный вид на город с вершины здания, откуда велась непрерывная стереотрансляция.

Остальные директора уже собрались. Когда прибывшие вошли, Диксон кивнул, поглядел на палец с часами и сказал:

— Что ж, джентльмены, наш нарушитель спокойствия явился, можем начинать. — Он занял место председателя

и постучал, призывая к порядку. — Протоколы последнего заседания, как всегда, на ваших блокнотах. Сообщите, когда будете готовы.

Поглядев на сводку перед собой, Гарриман почти сразу же нажал выключатель у края стола — зажегся зеленый огонек. Почти все директора сделали то же самое.

— Кто там тянет? — поинтересовался Гарриман, оглядываясь. — А, это ты, Джордж. Поторапливайся.

— Я привык проверять цифры, — раздраженно произнес его партнер, нажав свой тумблер.

Перед председательствующим Диксоном зажегся зеленый огонек побольше; тогда тот, в свою очередь, нажал кнопку рядом с собой, и над его столом засветилось табло «ЗАПИСЬ».

— Отчет об операциях, — сказал Диксон и коснулся еще одного переключателя.

Появившийся ниоткуда женский голос начал доклад, за которым Гарриман следил по листу бумаги перед собой. В настоящее время работали тринадцать ядерных реакторов типа Кюри — на пять больше, чем на прошлой встрече. Реакторы Саскуэханны и Чарлстона приняли на себя нагрузку, ранее занятую у Атлантик-Сити, и дорожные пути этого города вышли на нормальную скорость. Ожидалось, что через две недели дорога Чикаго—Лос-Анджелес заработает на полной скорости. Электроэнергия будет пока нормироваться, но кризис закончился.

Все это было очень интересно, но не для Гарримана. Кризис, вызванный взрывом энергоспутника, был успешно преодолен — очень хорошо, но внимание Гарримана приковал тот факт, что вопрос о межпланетных путешествиях таким образом опять был отложен — возможно, навсегда.

Когда три года назад было разработано искусственное изотопное топливо Харпера—Эриксона, казалось, что тем самым не только была решена дилемма чрезвычайно опасного и в то же время совершенно необходимого для экономики всего континента источника энергии, но и открылось простое средство для космических полетов.

Аризонский ядерный реактор был установлен на одной из самых больших ракет от «Антиподс», ракета действовала

на изотопном топливе, вырабатываемым в самом реакторе, и все это было выведено на околоземную орбиту. Намного меньшая ракета осуществляла челночные рейсы между спутником и Землей, снабжая персонал реактора и доставляя обратно синтетическое радиоактивное топливо для энергоемких земных технологий.

Состоя в директорате энергетического синдиката, Гарриман поддерживал идею этого спутника — с задней мыслью использовать вырабатываемое топливо для лунного корабля и таким образом почти сразу осуществить первый полет на Луну. Он даже не пытался вывести из спячки Министерство обороны; он не желал никаких правительственных субсидий, дело было верным, его мог организовать любой — и организует его он, Гарриман. Корабль у него был, скоро будет и топливо.

Корабль представлял собой снятое с рейсов грузовое судно его собственной компании «Антиподс» с замененными химическими двигателями и демонтированными крыльями. Расконсервированная «Санта-Мария», бывший «Брисбен»¹, ждала только заправки топливом.

Но топливо поступало медленно. В первую очередь оно предназначалось для челночной ракеты; далее шли неотложные нужды сидящего на голодном пайке континента — и эти нужды росли быстрее, чем за ними поспевал энергоспутник. Вовсе не собираясь обеспечить Гарриману поддержку «бесполезного» полета на Луну, синдикат сделал ставку на безопасные, но менее эффективные низкотемпературные реакторы типа Кюри на солях урана и тяжелой воде, чтобы использовать уран непосредственно для утоления растущего энергетического голода, не связываясь с постройкой и запуском большего числа спутников.

К несчастью, реакторы Кюри не обеспечивали неистовых внутризвездных температур, необходимых для выработки изотопного топлива, предназначенного для ракеты с атомным двигателем. Гарриман неохотно пришел к выводу, что ему придется использовать политическое давление, чтобы вы-

¹ *Брисбен* — крупный город в Австралии, столица штата Квинсленд.

жать необходимый приоритет для топлива, требуемого для «Санта-Марии».

И тут энергоспутник взорвался.

Голос Диксона оторвал Гарримана от мрачных мыслей:

— Джентльмены, отчет об операциях выглядит удовлетворительно. Если нет возражений, мы будем считать его принятым. Заметьте себе, что через девяносто дней мы вернемся на уровень выработки энергии, существовавший до вынужденного закрытия аризонского реактора.

— Но будущие потребности не обеспечены, — указал Гарриман. — А пока мы тут сидим, уже родилась куча детей.

— Так вы против принятия отчета, Ди-Ди?

— Нет.

— Очень хорошо. Теперь отчет по связям с общественностью — обратите внимание на первый пункт, господа. Ответственный вице-президент рекомендует программу выплат, льгот, стипендий и тому подобного для членов семей экипажа энергоспутника и пилота «Харона»: смотри приложение «С».

Директор, сидящий напротив Гарримана, — Финеас Морган, председатель пищевого треста «Китчен, инкорпорейтед», — запротестовал:

— Что это такое, Эд? Очень плохо, разумеется, что они погибли, но мы платили им немислимое жалованье и подняли страховку до предела. К чему еще и благотворительность?

Гарриман хмыкнул:

— Я лично полагаю — надо заплатить. Это гроши. «Не заграждай рта у вола молотящего»¹.

— Я бы не называл без малого миллион грошами, — возразил Морган.

— Минутку, джентльмены...

Это говорил вице-президент по связям с общественностью — тоже один из директоров.

¹ Второзаконие, 25: 4.

— Если вы посмотрите на раскладку, мистер Морган, то увидите, что восемьдесят пять процентов ассигнований пойдут на рекламу пожертвований.

Прищурившись, Морган рассматривал цифры:

— Что ж вы сразу не сказали? Ну, тогда, полагаю, пожертвования можно считать неизбежными накладными расходами, но это плохой прецедент.

— Без них и рекламировать было бы нечего.

— Да, но...

Диксон энергично постучал по столу:

— Мистер Гарриман выразил свое согласие. Прошу высказать ваши мнения.

Сигнальное табло засветилось зеленым; даже Морган, поколебавшись, поддержал выплаты.

— Далее у нас идет сходный вопрос, — сказал Диксон. — Миссис... э-э... Гарфилд через своих адвокатов утверждает, что мы несем ответственность за врожденное уродство ее четвертого ребенка. Она утверждает, что роды происходили как раз в момент взрыва спутника и что миссис Гарфилд находилась тогда на меридиане под спутником. Она желает отсудить полмиллиона.

Морган взглянул на Гарримана:

— Я думал, Делос, как раз *ты* предложишь урегулировать все в досудебном порядке?

— Не говори глупостей. Мы будем судиться.

Диксон удивленно осмотрелся:

— Но зачем, Ди-Ди? Догадываюсь, что мы уладили бы вопрос за десять-пятнадцать тысяч — что я и собирался рекомендовать. Меня удивило, что юридический отдел передал это дело на публичное обсуждение.

— Это как раз очевидно: оно взрывоопасно. Но мы обязаны бороться, хотя это и будет плохой рекламой. И тут нет ничего общего с предыдущим случаем: миссис Гарфилд и ее потомство — не наши люди. И любому тупице известно, что при рождении младенцу нельзя нанести вред радиацией; для этого надо добаться, по крайней мере, до зародыша в предыдущем поколении. В-третьих, если мы дадим сейчас слабину, на нас начнут подавать иски за каждое яйцо с двумя

желтками. Все сказанное требует полного финансирования защиты и ни одного чертового цента на компромисс.

— Это может оказаться очень дорогим делом, — заметил Диксон.

— Отказ от борьбы может стоить еще дороже. Если придется, мы подкупим судью.

Руководитель по связям с общественностью пошептался с Диксоном, потом заявил:

— Я поддерживаю точку зрения мистера Гарримана. Вот рекомендация моего отдела.

Решение было одобрено.

— Следующий пункт, — продолжал Диксон, — это целая пачка исков, вызванных замедлением родтаунов при перераспределении энергии во время кризиса. Они жалуются на потери в бизнесе, потери во времени, потери того и сего, но все с одинаковым основанием. Наиболее чувствительным может оказаться иск одного из акционеров, утверждающий, что «Родуэйс» и наша компания взаимосвязаны настолько, что решение о перераспределении энергии оказалось не в интересах акционеров «Родуэйс». Делос, это твоя епархия; не желаешь ли высказаться?

— Не стоит и говорить об этом.

— Почему?

— Эти иски поданы вслепую. Наша корпорация не несет ответственности; я озаботился тем, чтобы «Родуэйс» сама вызвалась продавать энергию, поскольку предвидел это. И директораты не взаимосвязаны — во всяком случае, на бумаге. Вот почему наличествует столько подставных лиц. Оставим все как есть — на каждый иск в этой куче у «Родуэйс» найдется десяток. Мы их опровергнем.

— Отчего такая уверенность?

— Ну, — Гарриман перекинул колено через подлокотник кресла, — много лет тому назад я был посыльным в «Вестерн юнион». Ожидая заданий в конторе, я читал все, что подвернется под руку, в том числе и контракты на обороте телеграфных бланков. Помните такие? Они были в виде больших блокнотов на желтой бумаге; написав сообщение на лицевой стороне, вы принимали и напечатанный мелким шрифтом контракт на оборотной — только большинство людей этого

не понимало. А знаете, какие обязанности налагал этот контракт на компанию?

— Думаю, послать телеграмму.

— Да вообще никаких. Компания предлагала *попытаться* доставить сообщение — караваном верблюдов, или на улитках, или любым другим подходящим способом, — но в случае неудачи компания не несла ответственности. Я читал этот мелкий шрифт, пока не выучил его наизусть. Это был самый замечательный образчик прозы из всех, мною прочитанных. С тех пор все мои контракты формулировались по тому же принципу. Любой, подавший иск на «Родуэйс», обнаружит, что «Родуэйс» не отвечает за фактор времени — поскольку время несущественно. В случае полного невыполнения — чего еще не происходило — «Родуэйс» несет финансовую ответственность только за транспортные расходы или цену личных проездных билетов. Так что забудьте.

Морган вдруг оживился:

— Ди-Ди, а предположим, что я отправлюсь в мой загородный дом сегодня вечером с помощью дороги и из-за какой-нибудь аварии доберусь туда только завтра? Ты хочешь сказать, что «Родуэйс» не будет нести ответственности?

Гарриман ухмыльнулся:

— «Родуэйс» не будет нести ответственности, даже если ты умрешь с голоду во время путешествия. Так что лучше используй свой вертолет. — Он повернулся к Диксону. — Я предлагаю не отвечать на эти иски; пусть «Родуэйс» разбирается за нас.

— Предусмотренная повестка дня завершена, — чуть позже объявил Диксон, — и нашему коллеге, мистеру Гарриману, предоставляется время для доклада на тему по его собственному выбору. Он не указал ее заранее, но мы его будем слушать, пока не решим закрыть заседание.

Морган посмотрел на Гарримана с кислым видом:

— Я предлагаю закончить.

— За два цента я поддерживаю твоё предложение, — ухмыльнулся Гарриман, — а потом полюбуюсь, как ты умираешь от любопытства.

Предложение провалилось, его никто не поддержал.

Гарриман поднялся.

— Господин председатель, друзья, — он глянул на Моргану, — и компаньоны. Как вы знаете, я интересуюсь межпланетными путешествиями.

Диксон резко бросил:

— Делос, ты опять! Не будь я председателем, сам бы предложил разойтись.

— Опять, — согласился Гарриман. — И снова, и вечно. Выслушайте меня. Три года назад, когда мы были вынуждены отправить реактор из Аризоны на орбиту, все выглядело так, словно мы получили дополнительный бонус в виде межпланетных путешествий. Некоторые из вас присоединились ко мне, основав «Спейсуэйс, инкорпорейтед» — для экспериментов, исследований и эксплуатации. Космос был завоеван; ракеты, способные на орбитальные полеты вокруг Земли, могли быть модифицированы для рейсов на Луну, а оттуда — куда угодно! Надо было только этим заняться. Оставались лишь финансовые проблемы — и политические. В сущности, основные инженерные задачи космического путешествия были решены после Второй мировой войны. Покорение космоса долго оставалось лишь вопросом финансов и политики. Но процесс Харпера—Эриксона, породивший орбитальную ракету и практичное, экономически выгодное ракетное топливо, казалось, превратил его в дело ближайшего времени, настолько близкое, что я не протестовал, когда первые порции топлива со спутника были направлены на выработку электроэнергии.

Он посмотрел по сторонам.

— Я должен был вопить, давить на вас до тех пор, пока вы не выделите топливо, только чтобы от меня избавиться. Потому что сейчас мы упустили наш лучший шанс. Спутника нет. Источника топлива нет. Даже челночной ракеты нет. Мы вернулись туда, где были в тысяча девятьсот пятидесятом году. И поэтому...

Он снова сделал паузу.

— И поэтому я предлагаю нам построить космический корабль и послать его на Луну!

Молчание нарушил Диксон:

— Делос, ты рехнулся? Ты только что заявил, что это невозможно. А теперь ты предлагаешь строить корабль.

— Я не сказал, что это невозможно; я сказал, что мы упустили наш лучший шанс. Время для космических полетов созрело и перезрело. На этом шарике с каждым днем становится все теснее. Несмотря на все технические успехи, ежедневный уровень потребления пищи на планете меньше, чем тридцать лет назад, а каждую минуту появляются сорок шесть новых младенцев, каждый день — шестьдесят пять тысяч, каждый год — двадцать пять миллионов. Человеческий род готов рвануться к планетам; немного инициативы — и они будут у наших ног! Да, мы упустили наш лучший шанс — но технические вопросы можно решить. Вопрос в том, кто подпишет счет? Вот почему, джентльмены, я обращаюсь к вам, поскольку прямо здесь, в этой комнате, находится финансовая столица нашей планеты.

Морган поднялся:

— Господин председатель, если все дела касательно компании решены, я прошу меня извинить.

Диксон кивнул.

— Пока, Финеас, — сказал Гарриман. — Не хочу тебя задерживать. Итак, как я говорю, вопрос в деньгах, и все деньги здесь. Я предлагаю нам финансировать полет на Луну.

Предложение не вызвало особого ажиотажа: эти люди знали Гарримана. Наконец Диксон спросил:

— Кто-нибудь поддерживает предложение Ди-Ди?

— Минутку, господин председатель. — Это был Джек Энтенса, президент «Ту-континентс эмюземент корпорейшн». — Я хотел бы задать Делосу несколько вопросов. — Он повернулся к Гарриману. — Ты помнишь, Ди-Ди, я поддержал тебя при основании «Спейсуэйс». Предприятие выглядело недорогим и, возможно, выгодным в образовательном и научном смысле — в космические лайнеры, курсирующие между планетами, я никогда не верил: это фантастика. Я не против поиграть с твоими мечтами в умеренном масштабе, но как ты предлагаешь добраться до Луны? Как ты сам сказал, топлива у тебя нет вообще.

Гарриман по-прежнему ухмылялся:

— Не морочь мне голову, Джек, я знаю, почему ты вошел в дело. Ты никогда не интересовался наукой; ты не вложил

в нее и дайма. Ты надеялся получить для своей сети моно-
польное право на кино и телевидение. Что ж, будешь дер-
жаться меня, и ты его получишь; иначе я привлеку «Рекре-
эйшнс, анлимитед» — они заплатят, просто чтобы уесть тебя.

Энтенса глянул на него с подозрением:

— И во что мне это обойдется?

— В твою последнюю рубашку, верхний клык и обру-
чальное кольцо твоей жены — если только «Рекреэйшнс» не
заплатит больше.

— Черт бы тебя побрал, ты бесстыжий мошенник, Делос!

— С твоей стороны, Джек, это комплимент. Дела у нас
пойдут. Так вот, вопрос о том, как я собираюсь добраться
до Луны, — глупый. Здесь нет ни одного человека, который
смог бы совладать с техникой сложнее ножа и вилки. Вы не
отличите разводного ключа от реактивного мотора, а тре-
буете от меня чертежи космического корабля. Что ж, я скажу
вам, как доберусь до Луны. Я найму башковитых ребят, дам
им все, что они захотят, прослежу, чтобы у них было денег
столько, сколько понадобится, напою им самых сладких пе-
сен — а потом отойду и буду смотреть, что они создадут. Я бу-
ду руководить этим как Манхэттенским проектом — боль-
шая часть из вас помнит, как сделали атомную бомбу; черт
возьми, некоторые из вас могут помнить Миссисипский
пузырь¹. Чувак, который возглавлял Манхэттенский проект,
не смог бы отличить нейтрон от родного дядюшки — но он
добился результата. Они решили задачу *четырьмя разными
способами*! Вот почему я не беспокоюсь о топливе; мы его
получим. Мы получим разные виды топлива.

— Предположим, это сработает, — сказал Диксон. —
Лично мне кажется, что ты просишь нас обанкротить ком-
панию ради затеи, которая явится одноразовым развлече-
нием и принесет пользу только чистой науке. Я не против

¹ *Миссисипский пузырь* — один из самых знаменитых финансовых
крахов в истории, разразившийся во Франции в 1719 году в результа-
те откровенных биржевых спекуляций при основании Нового Орлеа-
на и освоении дельты Миссисипи. Финансовая система королевства
так полностью и не оправилась от этого удара, послужившего первым
толчком к упадку экономики страны и к Великой французской рево-
люции.

тебя; я бы охотно вложил десять-пятнадцать тысяч для поддержки стоящего предприятия — но это я деловым предложением считать не могу.

Опершись о стол кончиками пальцев, Гарриман посмотрел вокруг:

— Десять-пятнадцать тысяч леденцов! Дэн, я намерен получить от тебя по крайней мере пару миллионов — и мы еще не закончим, как ты начнешь выпрашивать побольше акций. Это самое крупное дело с недвижимостью с тех пор, как папа римский поделил Новый свет¹. Не спрашивай меня, на чем же мы будем делать деньги: я не могу перечислять активы по пунктам, но могу слепить их вместе. Активы — это планета, *целая планета*, Дэн, нетронутая. И за ней еще куча других. Если мы не сможем сообразить, как побыстрее выжать деньги из такого лакомого куса, то нам с тобой лучше уйти на покой. Примерно как если бы тебе предложили остров Манхэттен за двадцать четыре доллара и ящик виски.

Диксон хмыкнул:

— Ты представляешь это словно величайший шанс в жизни.

— Величайший шанс в жизни, как бы не так! Величайший шанс в истории. С неба сыпется манна — подставляйте ведра.

Рядом с Эntenсой сидел Гастон П. Джонс, директор «Транс-Америки» и полудюжины других банков, один из самых богатых людей, которые здесь присутствовали. Он аккуратно стряхнул два дюйма сигарного пепла и сухо произнес:

— Мистер Гарриман, я продам вам все мои дивиденды на Луне, настоящие и будущие, за пятьдесят центов.

— Продано! — воскликнул Гарриман в восторге.

Эntenса подергивал себя за нижнюю губу, напряженно вслушиваясь. Он вмешался:

— Минуточку, мистер Джонс; я даю вам доллар.

— Доллар пятьдесят, — заявил Гарриман.

¹ Имеется в виду указ папы Александра VI от 1493 года о разделе всех вновь открытых территорий вне Европы между Испанией и Португалией.

— Два доллара, — медленно выговорил Энтенса.

— Пять!

Так они подзуживали друг друга. На десяти долларах Энтенса отказался торговаться и сел, все еще в раздумьях. Гарриман со счастливым видом посмотрел вокруг.

— Кто тут из вас, жуликов, юрист? — поинтересовался он.

Вопрос был вполне риторическим: из семнадцати директоров одиннадцать были юристами — обычный процент.

— Давай, Тони, — продолжал он, — нарисуй-ка мне прямо сейчас бумаженцию на эту покупку, да так, чтобы ее нельзя было оспорить перед престолом Господним. Все принадлежащие мистеру Джонсу интересы, привилегии, правовые титулы, проценты натурой, будущие, прямые и косвенные, текущие и приобретаемые впоследствии, и так далее и так далее. И побольше латыни. Идея тут в том, что все доходы на Луне, которые мистер Джонс имеет сейчас или может занять потом, теперь мои — за десять баксов, деньги выплачены на месте.

Гарриман хлопнул банкнотой по столу:

— Правильно, мистер Джонс?

Джонс слегка улыбнулся:

— Правильно, молодой человек. — Он положил деньги в карман. — Я вставлю это в рамку, чтобы показать внукам, как легко делать деньги.

Глаза Энтенсы перебегали с Джонса на Гарримана.

— Отлично! — сказал Гарриман. — Джентльмены, мистер Джонс установил рыночную стоимость для интересов одного человеческого существа на нашем спутнике. С учетом имеющихся на нашем шарике трех миллиардов человек это составляет цену Луны в тридцать миллиардов долларов. — Он вытащил пачку денег. — Есть еще простакки? Я покупаю любую предложенную долю за десять баксов.

— Я плачу по двадцать! — грохнул кулаком по столу Энтенса.

Гарриман печально посмотрел ему в глаза:

— Не делай этого, Джек! Мы в одной команде. Давай возьмем напололам, по десяти с каждого.

Диксон постучал, призывая к порядку.

— Джентльмены, подобными операциями займитесь, пожалуйста, по окончании заседания. Есть желание рассмотреть предложение мистера Гарримана?

— Я связан обязательством перед мистером Гарриманом, — сказал Гастон Джонс, — а потому вполне непредубежденно предлагаю рассмотреть. Давайте проголосуем.

Никто не возражал; голосование состоялось. За Гарримана голосовали трое: сам Гарриман, Стронг и Энтенса; остальные одиннадцать оказались против. Прежде чем кто-либо успел предложить закрыть заседание, Гарриман вскочил и заявил:

— Я этого и ожидал. Вот в чем моя истинная цель: поскольку компания более не заинтересована в космических полетах, не будет ли она любезна продать мне все необходимое из патентов, технологий, установок и тому подобного, что сейчас принадлежит компании, но имеет отношение к космическим полетам и не имеет отношения к производству энергии на этой планете? Наш короткий медовый месяц со спутником оставил кое-какие запасы; я хотел бы их использовать. Никаких формальностей; просто проголосуйте, что политикой компании отныне является содействие мне всеми способами, не противоречащими основным ее интересам. Как насчет этого, джентльмены? Потом я от вас отстану.

Джонс опять созерцал свою сигару.

— Не вижу, почему бы нам не пойти ему навстречу, джентльмены... и я говорю это как совершенно незаинтересованное лицо.

— Думаю, мы можем это сделать, Делос, — согласился Диксон, — только мы ничего тебе не продадим, мы дадим это тебе в долг. Тогда, коли ты сможешь сорвать банк, у компании останется свой интерес. У кого-нибудь есть возражения? — Он обратился к залу.

Таковых не последовало; вопрос был вписан в текущую стратегию компании, и заседание закрылось. Гарриман, пошептавшись с Энтенсой, договорился с ним о встрече. Гастон Джонс в дверях о чем-то беседовал с председателем Диксоном, а потом помахал Стронгу, партнеру Гарримана.

— Джордж, могу я задать тебе личный вопрос?

— Ответа не гарантирую. Но валяй.

— Ты всегда казался мне человеком практичным. Скажи, почему ты поддерживаешь Гарримана? Он же совершенно безумен.

Стронг был явно смущен вопросом:

— Мне следовало бы возразить, он ведь мой друг... но я не могу. Но ко всем чертям! Каждый раз, стоило у Делоса появиться дикой идее, как она оказывалась делом стоящим. Терпеть не могу поддерживать его — от этого я нервничаю, — но я научился доверять его идеям больше, чем выверенным финансовым отчетам других людей.

Джонс приподнял одну бровь:

— У него руки Мидаса?

— Можно сказать и так.

— Что ж, но вспомни, что стало с царем Мидасом в результате. Всего хорошего, джентльмены.

Гарриман оставил Энтенсу в покое; Стронг присоединился к нему. Диксон стоял и смотрел им вслед с очень задумчивым выражением на лице.

2

Дом Гарримана был построен во времена, когда все, кто мог, забирались в глушь или закапывались под землю. Надземная его часть выглядела как идеальный небольшой коттедж на Кейп-Коде¹ — доски которого скрывали бронебетонные плиты, — и при нем восхитительный, тщательно ухоженный участок; площадь под землей была в четыре или в пять раз больше и была защищена от всего, кроме прямого попадания, имея независимую систему подачи воздуха с резервами на тысячу часов работы. В Безумные годы обычная стена, окружавшая участок, была заменена другой, тоже выглядевшей обычной, но способной остановить все, кроме разве что идущего напролом танка. Да и ворота были что надо: их системы безопасности по надежности не уступали хорошо дрессированной собаке.

¹ *Кейп-Код* — полуостров на востоке США в штате Массачусетс с популярными пляжами и курортами.

Несмотря на схожесть с крепостью, дом был комфортабельным. Его также очень дорого было содержать.

Расходы Гарримана не пугали; дом нравился Шарлотте и позволял ей чем-то заняться. Когда они только поженились, она, не жалуясь, жила в тесной квартирке над бакалейной лавкой; если теперь Шарлотте нравилось разыгрывать хозяйку замка, Гарриман не был против.

Однако он снова затевал рискованное предприятие; несколько тысяч в месяц наличными, идущие на расходы по содержанию хозяйства, заставят ощутить в какой-то момент разницу между успехом и визитом судебных приставов. Он затронул этот вопрос вечером после ужина, когда слуги подали кофе и портвейн.

— Дорогая, я подумал, как бы тебе понравилось провести несколько месяцев во Флориде?

Жена уставилась на него:

— Во Флориде? Делос, ты в своем уме? В это время года Флорида невыносима.

— Тогда в Швейцарии. Выбери сама. Устрой себе настоящий отпуск, столько, сколько захочешь.

— Делос, ты что-то затеваешь.

Гарриман вздохнул. «Затевать что-то» являлось безмысленным и непростительным преступлением, за которое любой американский мужчина мог быть в один миг обвинен, допрошен, осужден и приговорен. Он иногда задавался вопросом: как же это получилось, что мужской половине рода человеческого пришлось всегда и во всем следовать женским правилам и женской логике, словно сопливому мальчишке под присмотром строгой учительницы?

— Возможно, в каком-то смысле. Мы с тобой оба согласились, что этот дом — нечто вроде белого слона. Я подумывал выехать и даже, может быть, продать участок — теперь он стоит больше, чем при покупке. Затем, избавившись от него, мы можем построить что-то посовременнее и не столь похожее на бомбоубежище.

Это увело мысли миссис Гарриман в сторону.

— Ну что ж, я сама подумывала, что хорошо бы построить другой дом, Делос, — скажем, маленькое шале в горах, ничего показного, не более двух или трех слуг. Но мы не вы-

едем отсюда, Делос, пока его не построим, — в конце концов, надо же где-то жить.

— Я не думал о том, чтобы начинать строительство прямо сейчас, — сказал он осторожно.

— А почему бы и нет? Мы не становимся моложе, Делос; если мы хотим еще радоваться жизни, лучше не откладывать. Не беспокойся, я за всем прослежу сама.

Гарриман прокрутил в уме возможность дать жене заняться строительством, чтобы у той было занятие. Если он выделит деньги на ее «маленькое шале», она поселится в отеле неподалеку от выбранного ею места — и он сможет продать этого монстра, внутри которого они сейчас сидят. Ближайший родтаун находился менее чем в десяти милях, так что земля будет стоить дороже, чем обойдется новый дом Шарлотты, и при этом сразу же прекратится ежемесячная утечка денег из Гарриманова кармана.

— Возможно, ты и права, — согласился он. — Но почему бы тебе не приступить прямо сейчас; ты все равно не сможешь жить здесь и наблюдать за всеми мелочами строительства. Я бы предложил выехать отсюда; это место пожирает кучу денег на налоги, содержание и обслуживание.

Она затрясла головой:

— Не может быть и речи, Делос. Это мой дом.

Он вынул изо рта почти потухшую сигару.

— Сожалею, Шарлотта, но совместить не получится. Если начнешь строительство, здесь уже не останешься. А если остаешься, мы закроем эти подземные катакомбы, выгоним дюжину бездельников, на которых я то и дело натыкаюсь, и будем жить в коттедже на поверхности. Я сокращаю расходы.

— Уволить слуг? Делос, если ты думаешь, что я должна обеспечивать тебе домашний уют без надлежащего штата, то ты просто...

— Прекрати. — Он встал, отшвырнув салфетку. — Для создания уюта не нужен отряд слуг. Когда мы поженились, слуг у тебя не было; ты сама стирала и гладила мои рубашки. Зато у нас был дом. А это место принадлежит упомянутому тобой штату. Так вот, мы от них избавимся, оставим только повара и дворецкого.

Казалось, она его не слышала.

— Делос! Садись и веди себя прилично. Что это за разговоры о сокращении расходов? У тебя какие-то проблемы? Да? Ответь мне!

Он сел на место и ответил усталым голосом:

— А что, у человека не может просто возникнуть желание сократить расходы — для этого непременно должны быть какие-то проблемы?

— В твоём случае — да. Ну, так в чём дело? Не увиливай.

— Видишь ли, Шарлотта, мы же давно договорились, что о делах я говорю только в конторе. Что касается дома, нам просто не нужно жилище такого размера. Была бы у нас куча ребятишек...

— О! Ты опять обвиняешь меня?!

— Послушай, Шарлотта, — начал он снова усталым тоном, — я никогда не обвинял тебя и не делаю этого сейчас. Я только предлагал нам обоим посетить врача и выяснить, по какой причине у нас нет детей. И вот уже двадцать лет ты заставляешь меня расплачиваться за эти слова. Но с этим все давно кончено; я просто отметил, что двум людям не нужны двадцать две комнаты. Если ты хочешь новый дом, я заплачу за него разумную цену и выдам щедрую сумму на хозяйство. — Он хотел было сказать сколько, но передумал. — Или же ты закроешь эти помещения и переселишься в коттедж наверху. Просто мы перестанем швыряться деньгами — на какое-то время.

Она уцепилась за последнюю фразу.

— «На какое-то время»? Что происходит, Делос? На что же ты собираешься швырять деньги? — Когда тот не ответил, она продолжила: — Очень хорошо, если ты не скажешь мне, я позвоню Джорджу. Он мне скажет.

— Не делай этого, Шарлотта. Предупреждаю тебя. Я...

— Что — ты? — Она посмотрела ему в лицо. — Мне и не нужно говорить с Джорджем; все видно по твоей физиономии. Такое же выражение лица было у тебя, когда, заявившись домой, ты объявил, что спустил все наши деньги на эти дурацкие ракеты.

— Шарлотта, это нечестно. «Скайуэйс» окупилась. Они принесли нам кучу денег.

— Это сейчас не важно. Я знаю, почему ты ведешь себя так странно: тебя опять обуяла эта старая сумасшедшая идея с полетом на Луну. Так вот я этого не потерплю, слышишь? Я остановлю тебя; я не буду с этим мириться. Завтра с утра я отправлюсь к мистеру Каменсу и выясню, что необходимо сделать, чтобы тебя образумить. — Жилы на ее шее дергались.

Он выждал, успокаивая нервы перед тем, как продолжить.

— Шарлотта, на самом деле у тебя нет реальных причин жаловаться. Что бы со мной ни произошло, о твоём будущем позаботятся.

— Ты думаешь, я хочу остаться вдовой?

Он задумчиво посмотрел на нее:

— Кто знает...

— Ах ты... Ах ты бессердечная тварь! — Она встала. — Мы больше не будем говорить на эту тему, не возражаешь?

Не дожидаясь ответа, она оставила мужа одного.

Когда он вошел в свою комнату, его ждал лакей. Дженкинс поспешно поднялся и начал готовить ванну для Гарримана.

— Оставь, — проворчал Гарриман. — Я сам могу раздеться.

— Вам ничего не понадобится этим вечером, сэр?

— Ничего. Но пока не уходи, если хочешь. Присаживайся, налей себе выпить. Как долго ты женат, Эд?

— Что ж, я не прочь. — Слуга налил себе выпивку. — В мае будет двадцать три года, сэр.

— Ну и как жилось? Если не хочешь, не говори.

— Неплохо. Конечно, временами...

— Понимаю, что ты имеешь в виду. Эд, если б ты не работал на меня, то чем бы занялся?

— Ну, мы с женой частенько поговаривали, чтобы открыть ресторанчик; без особых претензий, просто маленький хороший ресторанчик. Местечко, где джентльмен может насладиться спокойным, хорошим обедом.

— Для холостяков, что ли?

— Нет, не совсем, сэр, — но там будет салон только для джентльменов. Даже без официанток, я сам буду обслуживать это помещение.

— Тогда начинай присматривать место, Эд. Считай, что ты уже открываешь дело.

3

На следующий день Стронг вошел в их общий кабинет — как всегда, точно в девять часов. Он был изумлен, увидев, что Гарриман уже на работе. Бывало, что Гарриман вообще не показывался в офисе; Стронг же считал важным появляться раньше других сотрудников.

Гарриман что-то делал с глобусом и книгой. Стронг заметил, что это был новый «Морской альманах». Гарриман едва поднял взгляд.

— Утро доброе, Джордж. Скажи-ка, у нас кто-нибудь разбирается в Бразилии?

— А зачем?

— Затем что мне нужно несколько ученых тюленей, говорящих по-португальски, вот зачем. И еще несколько, владеющих испанским. Да еще три-четыре дюжины по всей нашей стране. Я наткнулся на нечто очень-очень интересное. Гляди... согласно этим таблицам, Луна раскачивается на двадцать восемь с чем-то, почти на двадцать девять градусов к северу и югу от экватора. — Он прижал карандаш к глобусу и раскрыл его. — Вот так. О чем это говорит?

— Ни о чем. Если не считать, что ты исчеркал карандашом шестидесятидолларовый глобус.

— Ты же старый делец по недвижимости! Чем владеет человек, купивший кусок земли?

— Это обычно зависит от купчей. Права на минералы и другие недра обычно...

— Не важно. Предположим, он покупает все чохом, без разделения прав; на какую глубину он становится владельцем? И на какую высоту?

— Ну, ему будет достанется конус, вершина которого — центр Земли. Таковы были решения в делах о наклонном бурении и компенсации нефтяных концессий. Теоретически

пространство над поверхностью тоже бы принадлежало ему, до бесконечности, но это было изменено после ряда процессов, когда появились коммерческие авиалинии — и для нас это тоже хорошо, иначе пришлось бы выплачивать сбор каждый раз, как одна из наших ракет стартует в Австралии.

— Нет, Джордж, нет, нет! Ты неправильно трактуешь эти дела. Было установлено право на пролет — но *право собственности* на пространство над землей осталось неизменным. И право на пролет не является абсолютным: ты можешь построить на своей земле тысячефутовую башню там, где имели обыкновение пролетать самолеты, ракеты и что угодно, и им придется пролетать выше без всяких жалоб. Помнишь, как нам пришлось арендовать воздушное пространство к югу от Хьюз-Филда, чтобы нам случайно не застроили подлетную глассаду?

Стронг выглядел задумчиво.

— Да. Я понял, к чему ты клонишь. Старинный принцип владения землей остается нетронутым: вниз до центра Земли, вверх до бесконечности. Но что с того? Это чисто теоретический вопрос. Ты же не планируешь выплачивать сборы за пролеты тех космических кораблей, о которых ты все время толкуешь, ведь так? — Он усмехнулся своему собственному остроумию.

— Ни в коей мере. Вопрос совершенно в другом. Джордж, *кому принадлежит Луна?*

У Стронга в буквальном смысле отвисла челюсть.

— Делос, ты шутишь.

— Вовсе нет. Спрашиваю снова: если основной закон гласит, что человеку принадлежит кусок неба над его фермой, уходящий в бесконечность, то кому принадлежит Луна? Погляди на этот глобус и скажи мне.

Стронг поглядел:

— Но это ничего не означает, Делос. Законы Земли неприложимы к Луне.

— Они приложимы здесь, что меня и заботит. Луна остается постоянно над куском Земли, ограниченным двадцати девятью градусами северной широты, и с такой же границей на юге; если один человек владеет всем этим земным поясом — это примерно вся зона тропиков, — то он одновременно владеет и Луной, не так ли? Согласно всем теори-

ям о владении недвижимостью, на которые наши суды обращают внимание. И согласно прямому логическому выводу, так любимому юристами, различные владельцы этой полосы земли имеют право собственности — настоящее товарное право — на Луну, неким образом поделенное между ними. То обстоятельство, что распределение прав несколько туманно, несколько не беспокоит юристов; они разжирили как раз на истолковании подобных распределенных прав при каждом оспоренном завещании.

— Это же фантастика!

— Джордж, когда ты наконец поймешь, что понятие «фантастика» юристов не беспокоит?

— Ты же не планируешь попытаться скупить всю тропическую зону — а ведь это тебе придется сделать.

— Нет, — выговорил Гарриман с расстановкой, — но может оказаться неплохой идеей приобретение прав собственности, привилегий и интересов на Луну у каждой из суверенных стран в этом поясе. Если я решу, что это удастся провернуть тихо, не вызывая рыночного ажиотажа, то могу и попробовать. Ты можешь купить у человека его вещь по бросовой цене, если он считает вещь бесполезной и сам торопится продать ее, пока ты не одумался.

— Но план не в этом, — продолжал он. — Джордж, мне нужны корпорации — местные корпорации — в каждой из этих стран. Я хочу, чтобы законодательные органы каждой из этих стран выдали привилегии местным корпорациям на лунные исследования, разработки и все прочее, как и право заявить от имени страны претензии на лунную территорию — каковое, естественно, в виде отплаты вручат на серебряном блюдецке патристическим корпорациям, придумавшим эту идею. И я хочу, чтобы все это провернули тихо, чтобы размеры взяток не взлетели слишком высоко. Корпорации, разумеется, будут принадлежать нам, почему мне и нужна стая дрессированных тюленей. В один прекрасный день начнется схватка вокруг вопроса, кому принадлежит Луна; я хочу подтасовать колоду так, чтобы обеспечить нам выигрыш независимо от того, как будут сдавать карты.

— Это будет немыслимо дорого, Делос. А ты даже не знаешь, доберешься ли до Луны, не говоря уже о том, стоит ли вообще туда добираться.

— Мы туда доберемся! И если заранее не застолбим право собственности — потеряем куда больше. В любом случае это не должно быть слишком дорого: взятка в умелых руках — это гомеопатическое искусство, она действует как катализатор. В середине прошлого века четыре человека прибыли из Калифорнии в Вашингтон с сорока тысячами долларов — всем, что у них было. Спустя несколько недель у них не осталось ничего — но конгресс предоставил им право на постройку железной дороги, стоившей не менее миллиарда. Фокус в том, чтобы не растревожить рынок.

Стронг покачал головой:

— Твои права вряд ли пригодятся в любом случае. Луна не остается на одном месте: она, конечно, проходит над земельными владениями, но то же делают и перелетные гуси.

— И никто не имеет прав на перелетных птиц. Я понял твой намек — но Луна всегда остается над определенной полосой Земли. Если ты передвинешь валун в своем саду, потеряешь ли ты на него право? Останется ли он недвижимостью? Продолжат ли действовать законы о праве собственности? Это похоже на группу дел о недвижимости, относящихся к блуждающим островам на Миссисипи, Джордж: суша смещается, когда река прорывает себе новое русло, но она всегда принадлежит кому-то. В данном случае я планирую проследить, чтобы этим «кем-то» оказались мы.

Стронг морщил лоб.

— Я вроде бы припоминаю, что одни из этих дел по островам и прибрежным полосам решались так, а другие — эдак.

— А мы выберем те из судебных решений, которые нас устроят. Вот почему жены юристов ходят в норковых шубах. Давай, Джордж, займемся делом.

— Каким?

— Добыванием денег.

— О! — Стронг вздохнул с облегчением. — А я думал, ты собираешься использовать наши деньги.

— Собираюсь. Но их будет недостаточно. Наш капитал мы используем для первичного финансирования, чтобы запустить процесс; меж тем нам придется разработать способы, чтобы поддержать приток денег.

Он нажал кнопку на столе, и перед ним появилось лицо Сола Каменса, шефа юридического отдела.

— Привет, Сол. Не заскочишь ли потолковать?

— Что бы там ни было, просто говори им «нет», — ответил адвокат. — Я потом разберусь.

— Хорошо. Расклад такой: ад переезжает, и мне предлагают право на первые десять транспортных конвоев.

Каменс явился не скоро — сначала он покончил с текущими делами. За несколько минут Гарриман объяснил ему свою идею заявить права на Луну, еще не ступив на нее.

— Помимо этих подставных корпораций, — продолжал он, — нам нужно агентство, которое могло бы принимать вклады, не признавая каких-либо финансовых интересов вкладчика — наподобие Национального географического общества.

Каменс покачал головой:

— Ты не сможешь купить Национальное географическое общество.

— Черт возьми, кто говорит о покупке? Мы организуем свое собственное.

— Я как раз хотел это предложить.

— Хорошо. Вот как я это представляю: нам нужна одна не облагаемая налогами некоммерческая корпорация, возглавляемая нужными людьми, — разумеется, мы будем контролировать голосование. Вероятно, понадобится больше одной; мы будем их организовывать по мере необходимости. А еще нам понадобится по крайней мере одна обычная корпорация, не освобожденная от налогов, — но прибыль она покажет, только когда мы будем готовы. Идея в том, чтобы весь престиж и публичность доставались некоммерческим организациям, а эта другая будет собирать все доходы — если и когда они появятся. Мы будем перемещать капиталовложения между корпорациями, всегда по вполне резонным причинам — так, чтобы расходы по мере продвижения проекта оплачивали некоммерческие организации. Кстати, думается, лучше иметь две обычные корпорации, чтобы позволить одной из них обанкротиться, если нужно будет замутить воду. Вот общий набросок. Приступай к делу и организуй все по закону, понял?

— Знаешь ли, Делос, — заметил Каменс, — с твоей стороны было бы куда честнее заставить их отдать деньги под дулом пистолета.

— Юрист мне толкует о честности! Не важно, Сол; я никого не собираюсь обманывать...

— Гм!

— ...И я просто собираюсь совершить путешествие на Луну. Вот за что все будут платить; это они и получают. А ты организуй все в рамках закона. Будь умницей.

— Мне это напомнило то, что как-то сказал адвокат Вандербильта-старшего при сходных обстоятельствах: «Это прекрасно само по себе; зачем все портить легализацией?» Ну лады, братец-воришка, я сооружу твою ловушку. Что-нибудь еще?

— Разумеется. Ты побудь здесь, — может, еще какие идеи появятся. Джордж, не попросишь ли зайти Монтгомери?

Монтгомери, руководитель отдела рекламы, имел в глазах Гарримана два достоинства: во-первых, он был предан Гарриману и, во-вторых, был способен организовать кампанию, которая убедит общественность, что на леди Годиве во время ее знаменитой прогулки верхом был надет пояс от фирмы «Каресс»... или что Геркулес черпал свою силу, употребляя на завтрак «Кранчис».

Он явился с большим альбомом под мышкой:

— Хорошо, что вы послали за мной, шеф. Вот посмотрите-ка на это... — Он открыл альбом на столе Гарримана и начал демонстрировать наброски и макеты. — Работа Кински — ну не крут ли этот парень!

Гарриман захлопнул альбом.

— Для кого все это снаряжение?

— А? Для «Нью уорлд хоумс».

— Не желаю это смотреть; мы все равно продаем «Нью уорлд хоумс». Минуту! погоди орать. Пусть ребята поработают до конца; я хочу, чтобы при продаже цена не упала. А теперь наостри уши насчет другого дела. — Он быстро пояснил новое предприятие.

Монтгомери вскоре начал кивать.

— Когда мы начнем и сколько потратим?

— Начинай прямо сейчас и трать, сколько понадобится. Не робей перед расходами; это самое большое дело, за которое мы когда-либо брались. — Стронг вздрогнул, а Гарриман продолжал: — Можешь не спать ночью, но чтобы завтра к утру показал мне, и мы все запустим.

— Секундочку, шеф. А как вы собираетесь собрать все эти франшизы от... э... лунных государств, то есть стран, над которыми проходит Луна, в то время как разворачивается большая рекламная кампания насчет полета на Луну и его значения для каждого человека? Вы же сами загоняете себя в угол?

— Я что, выгляжу дураком? Мы получим франшизы до того, как ты еще подготовишь хотя бы «рыбу», — вот *ты* и займись их получением, вместе с Каменсом. Это твое первое задание.

— Гм. — Монтгомери погрыз ноготь на большом пальце. — Что ж, ладно, я уже прикинул кое-что. Как скоро мы должны их получить?

— Даю тебе шесть недель. Иначе можешь прислать мне письмо об отставке, написанное на коже с твоей спины.

— Да я напишу его прямо сейчас, только подержите зеркало.

— Черт возьми, Монти, я знаю, что ты не сможешь справиться за шесть недель. Но делай это быстро; мы не можем вложить ни цента в раскрутку дела, пока ты не соберешь все франшизы. Если будешь тянуть, мы все помрем с голоду — и до Луны тоже не доберемся.

— Ди-Ди, — вмешался Стронг, — к чему возиться с этими шутовскими заявками от кучки занюханых тропических стран? Если ты твердо решил лететь на Луну, позовем Фергюсона и приступим к делу.

— Мне нравится твой прямой подход, Джордж, — сказал Гарриман, нахмурившись. — Мм... где-то в тысяча восемьсот сорок пятом или сорок шестом году один рьяный офицер американской армии захватил Калифорнию. Знаешь, что сделал государственный департамент?

— Нет.

— Велел вернуть ее обратно. Кажется, это вышло как-то не по правилам. Поэтому им пришлось снова захватывать

ее несколько месяцев спустя. Так вот, я не хочу, чтобы то же произошло с нами. Недостаточно просто ступить на Луну и предъявить свои права; надо еще утвердить эти права в земных судах — иначе нас ждет куча неприятностей. Не так ли, Сол?

Каменс кивнул:

— Вспомните, что произошло с Колумбом.

— Вот именно. Мы не позволим объегорить нас на манер Колумба.

Монтгомери выплюнул отгрызенный кусочек ногтя.

— Но, шеф, вы же отлично понимаете, что после того, как я соберу эти заявки от банановых республик, они не будут стоить и двух центов. Почему бы не получить франшизу прямо от ООН и тем самым решить вопрос? Я справлюсь с этим с меньшим успехом, чем с двадцатью туземными парламентами. В сущности, я уже представляю, — мы провернем это через Совет Безопасности, а потом...

— Продолжай думать в этом направлении, мы используем этот вариант позже. Ты не представил себе весь механизм плана, Монти. Разумеется, эти заявки ничего не стоят; от них только неприятности. Но именно неприятности и имеют значение. Смотри: мы добираемся до Луны или заявляем, что скоро доберемся. Каждая из этих стран начнет кудахтать: мы-де заманили их в это дело через подставные корпорации, которые они наделили привилегиями. И где же они будут кудахтать? В ООН, разумеется. Между тем главные страны на шарике, богатые и влиятельные, расположены в северной умеренной зоне. Они глянут, на чем основаны заявки, и в ярости посмотрят на глобус. И да, Луна не проходит ни над одной из них. Россия, самая большая страна из всех, не владеет даже клочком земли южнее двадцати девяти градусов северной широты. Поэтому они все будут отрицать наши заявки...

— Или не все? — продолжал Гарриман. — США упрется. Луна проходит над Флоридой и южной частью Техаса. Вашингтон заволнуется. Должны ли они поддержать тропические страны и тем самым — традиционные принципы землевладения, или же им следует добавить свой авторитет к мнению, что Луна принадлежит всем? Или же Соединенные

Штаты должны попытаться заявить свои права на всю Луну, поскольку туда первыми добрались американцы? Вот тут мы и вылезем из-под ковра. Окажется, что лунный корабль и все расходы на экспедицию были оплачены некоммерческой организацией, созданной самой ООН...

— Погоди, — прервал его Стронг. — Я не знал, что ООН может создавать корпорации.

— Теперь знаешь, — ответил его партнер. — Как насчет этого, Сол?

Каменс кивнул.

— В любом случае, — продолжил Гарриман, — у меня уже есть такая корпорация. Я создал ее несколько лет назад. Она имеет право заниматься почти всем в области образования и науки — и, братец мой, в это понятие входит чертовски много! Но к делу: эта корпорация, созданная ООН, попросит своего родителя объявить лунную колонию автономной территорией под протекторатом ООН! Вначале мы не будем требовать немедленного членства, поскольку не захотим все усложнять...

— Он считает это простым!.. — воскликнул Монтгомери.

— Простым. Эта лунная колония будет де факто суверенным государством, имеющим права на всю Луну и — слушайте внимательно! — имеющим возможность покупать, продавать, издавать законы, утверждать заявки на территории, устанавливать монополии, собирать налоги и так далее — без конца. И владеть ею будем мы! Причина же, по которой мы все это получим, кроется в том, что крупные государства в ООН не смогут придумать столь же обоснованные претензии, как тропические страны. Если они попытаются действовать грубой силой, то не смогут договориться между собой, как поделить добычу, а остальным крупным государствам не понравится, если США захотят претендовать на все. Самым простым разрешением дилеммы окажется подтверждение протектората ООН. Подлинные же права, права на контроль над всей экономикой и законодательством, отойдут к нам. Теперь ты видишь мой план, Монти?

Монтгомери ухмыльнулся:

— Черт возьми, не знаю, необходимо ли все это, шеф, но мне нравится. Это прекрасно.

— Ну я так не думаю, — проворчал Стронг. — Делос, я видел, как ты прокручивал весьма сложные сделки — некоторые порой такие коварные, что у меня нутро выворачивало, — но это наихудшая из них. Удовольствие стряпать интриги с подставами занесло тебя слишком далеко.

Гарриман сильно затянулся сигарой, прежде чем ответить.

— Мне на это плевать, Джордж. Можешь называть это крючкотворством или чем угодно. Я отправляюсь на Луну! Если для достижения этого мне придется обвести за нос миллионы людей, я это сделаю.

— Но это совершенно необязательно делать именно так.

— А как бы поступил ты?

— Я? Я бы учредил нормальную корпорацию. Я бы получил резолюцию конгресса, утверждающую мою корпорацию инструментом, избранным государством...

— Путем взятки?

— Необязательно. Влияния и нажима должно хватить. Затем я занялся бы сбором средств и полетел.

— И тогда Соединенные Штаты владели бы Луной?

— Разумеется, — несколько натянуто ответил Стронг.

Гарриман поднялся и начал мерить шагами комнату.

— Ты просто не понимаешь, Джордж, не понимаешь. Луна не должна принадлежать ни одной стране, даже Соединенным Штатам.

— Она должна принадлежать тебе, как я полагаю.

— Если она и будет принадлежать мне — на краткое время, — я не буду злоупотреблять этим и прослежу за другими. Проклятый национализм должен оставаться в пределах стратосферы. Разве ты не видишь, что произойдет, если Соединенные Штаты объявят Луну своей собственностью? Другие народы этого не признают. Это станет постоянным яблоком раздора в Совете Безопасности — и как раз тогда, когда мы начинаем налаживать дела так, чтобы человек мог заниматься бизнес-планированием и его не толкала под руку война каждые несколько лет. Прочие страны — вполне обоснованно — будут напуганы до смерти Соединенными Штатами. Они будут смотреть вверх день и ночь и видеть нависшую над головой главную ракетно-бомбовую базу США.

Они с этим смирятся? Ну не-е-е-т — они постараются отрезать себе кусочек Луны для целей собственной нации. Луна слишком велика, чтобы удержать ее всю целиком. Там появятся другие базы, и в конце концов разразится самая проклятая война, которую когда-либо видела эта планета, — и виноваты будем мы.

Нет, это должно быть соглашение, которого будут придерживаться все, и именно поэтому нам надо спланировать его самим, обдумать со всех сторон и идти окольными путями, пока мы не окажемся в том положении, чтобы заставить соглашение работать. Да и в любом случае, Джордж, знаешь ли ты, где мы, как бизнесмены, окажемся, если предъявим претензии от имени Соединенных Штатов?

— В кресле водителя, — ответил Стронг.

— Держи карман! Нас тут же выведут из игры. Министерство обороны тут же объявит: «Спасибо, мистер Гарриман. Спасибо, мистер Стронг. В интересах национальной безопасности мы берем дело в свои руки; можете отправляться домой». И это нам и придется сделать — отправиться домой и ждать следующей атомной войны.

Но я не собираюсь этого делать, Джордж. Я не позволю вломиться в наше дело генералам. Я собираюсь основать лунную колонию и пестовать ее до тех пор, пока она не встанет на ноги. Говорю тебе — говорю всем вам! — это самое большое дело рода человеческого со времен открытия огня. Если все делать правильно, получится новый, лучший мир. А если неправильно, то получим билет в Армагеддон. Это наступит, наступит скоро, с нашим вмешательством или без него. Но я планирую сам оказаться Человеком-на-Луне — и лично прослежу, чтобы все было сделано как надо.

Он остановился.

— Закончил проповедь, Делос? — спросил Стронг.

— Нет пока, — ответил раздраженно Гарриман. — Ты так и не видишь это все под правильным углом. Знаешь ли ты, что мы можем там найти? — Он махнул рукой к потолку. — Людей!

— На Луне? — поинтересовался Каменс.

— А почему бы и не на Луне? — прошептал Монтгомери Стронгу.

— Нет, не на Луне, — по крайней мере, я был бы удивлен, если бы мы нашли кого-нибудь, раскопав эту безвоздушную скорлупу. Луна отжила свое; я же говорю о других планетах: Марсе, Венере, спутниках Юпитера. Может даже около других звезд. Допустим, мы встретим где-нибудь там людей. Подумайте, что это будет значить для нас. Мы были одиноки, всегда одиноки, единственный разумный род в единственном известном нам мире. Мы даже не научились беседовать с собаками и обезьянами. Все ответы нам приходится находить самим, словно брошенным сиротам. Но представьте, что мы встретим людей, разумных людей, которые сами смогли что-то придумать. Мы не будем более одиноки! Мы сможем смотреть на звезды и больше не бояться.

Закончив, он выглядел немного усталым и даже смущенным своим порывом, словно человек, застигнутый за чем-то интимным. Он стоял перед ними и всматривался в их лица.

— Здорово, шеф! — заявил Монтгомери. — Я мог бы это использовать. Разрешаете?

— Ты думаешь, что все запомнил?

— А зачем? Я включил ваш диктофон.

— Да что б тебя черти побрали!

— Мы это вставим в видео — в какую-нибудь пьесу, думаю.

Гарриман почти по-мальчишески улыбнулся:

— Я никогда не играл, но если ты думаешь, что это принесет пользу, то...

— О нет, нет, не вы, шеф, — ужаснулся Монтгомери. — Вы не тот типаж. Думаю, я приглашу Бэзила Уилкса-Бута. С его громоподобным голосом и прекрасным архангельским ликом он произведет впечатление.

Гарриман перевел взгляд на свое брюшко и пробурчал:

— Ладно, вернемся к делу. Теперь о деньгах. Первым делом надо организовать прямые пожертвования в пользу одной из некоммерческих организаций, наподобие того как делаются вклады для колледжей. Надо раскручивать больших парней, для которых снижение налогов имеет реальное значение. Сколько, вы думаете, мы сможем поднять таким образом?

— Очень мало, — высказал свое мнение Стронг. — Эту корову выдоили досуха.

— Она никогда не иссякнет, потому что всегда есть богатые люди, которые предпочитают делать пожертвования, а не платить налоги. Сколько заплатит человек, чтобы кратер на Луне назвали его именем?

— А я полагал, что они уже все названы, — заметил адвокат.

— Куча из них — нет, да еще мы располагаем нетронутой обратной стороной¹. Сейчас мы не будем делать оценки, а только внесем это в список. Монти, я хотел бы выжать также даймы со школьников. Сорок миллионов школьников по дайму с головы — это четыре миллиона долларов, которые нам пригодятся.

— Зачем ограничиваться даймами? — спросил Монти. — По-настоящему заинтересованный школьник и доллар наскребет.

— Да, но что мы предложим ему взамен? Помимо чести принять участие в благородном деле и тому подобного?

— Мм... — Монтгомери опять вгрызся в нготь. — А что, если собирать и даймы, и доллары? За дайм он получит карточку члена клуба «Лунное сияние»...

— Нет, «Юный космонавт».

— Хорошо, тогда «Лунное сияние» оставим для девочек — и не забудем подключить к этому делу бойскаутов и герлскаутов. Мы выдадим каждому по карточке; когда он пришлет второй дайм, мы ее прокомпостируем. Когда наберется на доллар, мы выдадим ему сертификат, который можно вставить в рамку, с его именем, и гравировкой, и с изображением Луны на обратной стороне.

— На *лицевой* стороне, — сказал Гарриман. — Всю печать надо сделать за один проход; так дешевле и лучше выглядит. А еще мы выдадим ему специальную гарантию, что его имя будет внесено в список юных пионеров Луны, этот список будет также помещен в монумент, который воздвигнут на месте посадки первого корабля — разумеется, в микрофильмованном виде, чтобы не было излишнего веса.

— Отлично! — согласился Монтгомери. — Не хотите поменяться работой, шеф? А когда он дойдет до десяти долла-

¹ Картирование обратной стороны Луны началось только в 1959 году с запуском советской автоматической станции «Луна-3».

ров, мы вручим ему настоящий позолоченный значок в виде падающей звезды и звание старшего пионера, с правом голосовать или еще чем-нибудь там. И его имя будет помещено снаружи монумента — в виде микрогравюры на платиновой полосе.

Стронг выглядел так, словно раскусил лимон.

— А что случится, когда он дойдет до ста долларов? — поинтересовался он.

— Ну а тогда, — весело ответил Монтгомери, — мы сделаем ему еще одну карту, и он может начать все сначала. Не беспокойтесь об этом, мистер Стронг: если какой-то паренек зайдет так далеко, он получит свою награду. Вероятно, мы возьмем его на ознакомительную экскурсию по кораблю перед стартом и совершенно бесплатно выдадим фотографию его самого на фоне корабля, с автографом пилота, который секретарша выведет внизу снимка.

— Выцарапывать деньги из малышей. Ба!

— Вовсе нет, — обиженным тоном заявил Монтгомери. — Нематериальные активы — это наиболее честный товар, который можно продавать. Они всегда стоят столько, сколько вы готовы за них заплатить, и никогда не изнашиваются. Вы можете забрать их с собой в могилу — они будут как новенькие.

— Кгхмм!

Гарриман выслушал все это, улыбаясь и не произнося ни слова. Каменс наконец откашлялся:

— Если вы, упыри, кончили пожирать молодежь страны, то у меня появилась еще идея.

— Валяй.

— Джордж, ты ведь собираешь марки?

— Да.

— Сколько будет стоить конверт, побывавший на Луне и там погашенный?

— Ого! Но ты не имеешь права на это, ты же знаешь.

— Я думаю, что мы сможем объявить наш лунный корабль законным почтовым отделением без особых хлопот. Так сколько будет стоить конверт?

— Ну, тут все зависит от их редкости.

— Должно быть какое-то оптимальное число, которое обеспечит максимальный доход. Сможешь ли ты его оценить?

Стронг посмотрел куда-то вдаль, потом вытащил старомодный карандаш и начал считать. Гарриман продолжал:

— Сол, мой маленький успех в покупке доли Луны у Джонса запал мне в голову. Как насчет продажи участков для строительства на Луне?

— Делос, будем оставаться серьезными. Это невозможно, пока ты туда не добрался.

— Я серьезен. Я знаю, ты думаешь о том постановлении сороковых годов, что такая земля должна быть застолблена и точно описана. Я хочу продавать участки на Луне. Придумай способ подвести это под законную базу. Я бы продал всю Луну, если бы мог, — права на территорию, на ископаемые, на что угодно.

— А если они пожелают занять свои владения?

— И отлично. Чем больше, тем лучше. Я бы также хотел отметить, что мы будем иметь возможность установить налоги на проданную территорию. Если они не будут ее использовать и платить налоги, она вернется к нам. Прикинь, как бы предложить это и не угодить в каталажку. Возможно, надо будет сначала рекламировать эту возможность за рубежом, а в этой стране уже потом торговать персонально — как билетами на ирландский тотализатор.

Каменс задумался:

— Компанию по продаже территорий можно разместить в Панаме и рекламировать по видео и радио через Мехико. Ты в самом деле думаешь, что это удастся продать?

— Можно продавать даже снежки в Гренландии, — подал голос Монтгомери. — Все дело в правильной рекламе.

— Ты когда-нибудь читал о земельном буме во Флориде, Сол? — добавил Гарриман. — Люди покупали никогда не виденные ими участки и, так и не осмотрев их, продавали по тройной цене. Иногда участок успевал перейти из рук в руки дюжину раз, прежде чем обнаруживалось, что он находится на глубине десяти футов под водой. Мы же можем предложить куда лучшую сделку: целый акр, гарантированно сухой акр с обилием солнечного света, — всего за, скажем, десять долларов, или тысячу акров — по доллару за акр. Кто откажется от подобной сделки? Особенно если пройдет слух, что на Луне полно урана?

— В самом деле?

— Да почему я знаю! Когда бум немного уляжется, мы объявим о выборе местоположения для Луна-Сити — и тут вдруг выяснится, что территория вокруг этого места все еще продается. Не переживай, Сол, если речь идет о недвижимости, мы со Стронгом сможем ее продать. Да вот хоть на плато Озарк¹, где земля идет вкривь и вкось, мы умудрялись продавать обе стороны каждого акра. — Гарриман задумался. — Думаю, нам лучше оставить права на ископаемые за собой — а вдруг там и в самом деле окажется уран!

Каменс фыркнул:

— Делос, ты в душе остался ребенком. Этаким большой, толстенький, симпатичный малолетний правонарушитель.

Стронг выпрямился.

— У меня получилось полмиллиона, — сказал он.

— Полмиллиона — за что? — спросил Гарриман.

— За филателистические конверты со специальным гашением, разумеется. О которых мы сейчас говорили. По моей оптимальной оценке, число, которое мы сможем разместить среди серьезных коллекционеров и продавцов, — пять тысяч. Но и при этом нам придется предоставить их со скидкой синдикату и придерживать до того момента, когда корабль будет построен и полет станет выглядеть вероятным.

— Хорошо, — согласился Гарриман. — Ты этим займись. Я просто помечу у себя, что ближе к концу мы сможем подоить тебя еще на полмиллиона.

— А не полагаются мне комиссионные? — спросил Каменс. — Это я предложил.

— Ты получишь хор благодарностей — и десять акров Луны. Какие еще источники доходов мы можем придумать?

— А ты не планируешь продажу акций? — поинтересовался Каменс.

— Я к этому и веду. Разумеется, но без всяких привилегированных акций; нам не нужна принудительная реорганизация. Обычное участие, без права голоса...

¹ Озарк — крупное известняковое плато в центральной части США, в основном в штате Миссури, известное как особый культурно-исторический и курортно-туристический регион.

— Для меня это выглядит как еще одна корпорация в банановой республике.

— Естественно, но я хочу выставить часть из них на Нью-Йоркскую биржу, и тебе придется проработать это с Комиссией по ценным бумагам. Не слишком много — только для демонстрации; надо будет поддерживать их активность и рост.

— А не хочешь ли ты отправить меня переплывать Геллеспонт?¹

— Сол, не говори так. Это куда лучше, чем бегать за машинами скорой помощи и предлагать адвокатскую помощь пострадавшим от несчастных случаев.

— Я не уверен.

— Ладно, так вот что я хочу от тебя... тьфу!

Экран на столе Гарримана засветился. Секретарша объявила:

— Мистер Гарриман, пришел мистер Диксон. Он заранее не договаривался, но сказал, что вы хотите его видеть.

— А я думал, что отключил эту штуку, — пробормотал Гарриман, потом нажал клавишу ответа и сказал: — Хорошо, пригласите его войти.

— Очень хорошо, сэр... о, мистер Гарриман, тут еще пришел мистер Энтенса.

— Пришлите их обоих. — Отключившись, Гарриман обернулся к сотрудникам. — Банда, запирайте рот на замок и держитесь за свои кошельки.

— Кто бы говорил, — сказал Каменс.

Вошел Диксон, за ним — Энтенса. Диксон уселся, посмотрел по сторонам, начал было говорить, но тут же осекся. Он снова огляделся, особенно пристально рассматривая Энтенсу.

— Давай, Дэн, — подбодрил его Гарриман. — Здесь только мы, невинные цыплятки.

Диксон решил.

— Я надумал присоединиться к тебе, Ди-Ди, — объявил он. — В виде доказательства я озабочился подготовить вот это.

¹ *Геллеспонт* — античное название пролива Дарданеллы, соединяющего Мраморное и Эгейское моря.

Он достал из кармана финансовый документ и показал его. Это был акт об уступке прав на Луну от Финеаса Моргана Диксону, сформулированный точно так же, как бумага, выданная Джонсом Гарриману.

Несколько растерявшись, Энтенса полез во внутренний карман пальто и один за другим извлек три контракта о продаже, составленные в том же духе, все от директоров энергетического синдиката. Гарриман состроил гримасу.

— Джек принял твою ставку и поднял на два, Дэн. Не хочешь ли раскрыть карты?

Диксон печально улыбнулся:

— Я могу просто уравниаться.

Он добавил в кучку еще два контракта, ухмыльнулся и подал руку Энтенсе:

— Похоже на ничью.

Гарриман решил пока ничего не говорить о еще семи контрактах, присланных телефаксом и запертых в его столе, — вчера, прежде чем лечь в постель, он просидел на телефоне почти до полуночи.

— Джек, и сколько ты выложил за эти штуки?

— Стэндиш держался до тысячи; остальные обошлись дешево.

— Черт возьми. Я же предупреждал тебя не повышать цену. Стэндиш начнет сплетничать. А как насчет тебя, Дэн?

— Я получил их по удовлетворительной цене.

— Значит, не хочешь сказать, ага? Ну, не важно; джентльмены, насколько серьезно вы к этому отнеслись? Сколько денег вы с собой принесли?

Энтенса посмотрел на Диксона. Тот ответил:

— А сколько понадобится?

— А сколько вы сможете поднять? — потребовал Гарриман.

Диксон пожал плечами:

— Мы так ни о чем не договоримся. Перейдем к цифрам. Сто тысяч.

Гарриман фыркнул:

— Как я понял, на самом деле ты хочешь зарезервировать место на первом регулярном рейсе на Луну. Я продам его тебе по этой цене.

— Перестанем цапаться, Делос. Сколько?

Лицо Гарримана оставалось спокойным, но его мозг работал чрезвычайно интенсивно. Он оказался застигнут врасплох, имея слишком мало информации — он даже не успел пока обговорить расходы с главным инженером. Какого черта! Почему он не отключил телефон?

— Дэн, я тебя уже предупреждал: принять участие в игре будет стоить тебе по крайней мере миллион.

— Я так и думал. А сколько будет стоить *остаться* в игре?

— Все, что у тебя есть.

— Не неси чушь, Делос. Мое состояние больше твоего.

Гарриман зажег сигару. Это единственное выдавало его волнение.

— Допустим, ты поддержишь нас доллар к доллару.

— И за это я получу две доли?

— Ну хорошо-хорошо. Будешь вносить деньги одновременно с нами — доля к доле. Но распоряжаться буду я.

— Хорошо, командуй операцией, — согласился Диксон. — Что ж, я вношу сейчас миллион и буду добавлять по мере необходимости. Ты, разумеется, не будешь возражать, если я пришлю собственного аудитора.

— Где и когда я обманывал тебя, Дэн?

— Никогда, и начинать не стоит.

— Делай, как считаешь нужным, — но убедись, что ты пригласишь человека, который сможет держать рот на замке.

— Он будет молчать. Я храню его сердце в кувшине, а кувшин — в моем сейфе.

Гарриман раздумывал над тем, насколько велико состояние Диксона.

— Но мы, возможно, предложим тебе внести вторую долю попозже, Дэн. Эта операция может оказаться недешевой.

Диксон аккуратно сложил кончики пальцев:

— Этим вопросом мы займемся, когда до него дойдет дело. Я не верю, что предприятие может развалиться из-за недостатка капитала.

— Хорошо. — Гарриман повернулся к Энтенсе. — Ты слышал предложение Дэна, Джек. Тебя устраивают эти условия?

Лоб Энтенсы был покрыт потом.

— Я не могу так быстро выложить миллион.

— Все в порядке, Джек. Этим утром он нам не требуется. Достаточно твоей расписки; можешь не торопиться с ликвидацией.

— Но ты сам сказал, что миллион — это только начало. Я не могу бесконечно вносить деньги с тобой наравне; тебе следует установить лимит. Мне надо подумать и о семье.

— А у тебя никакой ежегодной ренты, Джек? Никаких вкладов в безотзывные доверительные фонды?

— Вопрос не в этом. Вы можете выжать из меня все — а потом выкинуть.

Гарриман ждал, что на это скажет Диксон. Наконец тот произнес:

— Мы не станем выжимать тебя, Джек, пока ты сможешь доказать, что конвертировал все свои активы. Мы позволим тебе участвовать на пропорциональной основе.

Гарриман кивнул:

— Именно так, Джек.

Он думал о том, что любое уменьшение доли Энтенсы даст ему и Стронгу очевидное большинство при голосовании.

Стронг, видимо, думал о том же, потому что неожиданно произнес:

— Мне это не нравится. Четыре равноправных партнера — мы слишком легко можем зайти в тупик.

Диксон пожал плечами:

— Я отказываюсь беспокоиться об этом. Я вошел в дело потому, что Делос умудрится сделать его выгодным — готов спорить.

— Мы доберемся до Луны, Дэн!

— Я не об этом. Я готов спорить, что дело принесет прибыль вне зависимости от того, достигнем ли мы Луны или нет. Вчерашний вечер я провел за изучением опубликованных отчетов нескольких твоих компаний; они были весьма интересны. Я предлагаю, чтобы все возможные тупиковые ситуации разрешались предоставлением директору — то есть тебе, Делос, — полномочий по наведению порядка. Удовлетворен, Энтенса?

— О, разумеется!

Гарриман был обеспокоен, хотя и старался этого не показать. Он не доверял Диксону, даже дары приносящему. Он внезапно вскочил с места:

— Мне надо бежать, джентльмены. Оставляю вас мистера Стронгу и мистеру Каменсу. Пошли, Монти.

Он был уверен, что Каменс не сболтнет ничего преждевременно — даже потенциальным полноправным компаньонам. Что до Стронга — он знал, что Джордж не позволит даже своей левой руке узнать, сколько пальцев на правой.

Расставшись с Монтгомери за дверью личного кабинета компаньонов, он прошел по коридору. Эндрю Фергюсон, главный инженер «Гарриман энтерпрайзис», поднял голову при его появлении:

— Привет, босс. Кстати, мистер Стронг подкинул мне этим утром интересную идею насчет выключателя для освещения. На первый взгляд она показалась непрактичной, но...

— Оставь это. Отдай одному из парней и забудь. Ты знаешь, по какому пути мы двинулись?

— Были какие-то слухи, — сказал Фергюсон осторожно.

— Уволь человека, который их разносит. Хотя нет; отправь его со специальным заданием в Тибет и держи там, пока мы не закончим. Ну хорошо, перейдем к делу. Я хочу, чтобы ты построил лунный корабль — так быстро, как только возможно.

Фергюсон закинул одну ногу за подлокотник, вытащил перочинный ножик и стал подравнивать ногти.

— Ты выражаешься так, словно приказываешь построить сортир.

— А что тут такого? Теоретически подходящее топливо существует с сорок девятого года. Собери команду, которая корабль начертит, и шайку, которая построит; ты будешь строить — я буду оплачивать счета. Что может быть проще?

Фергюсон уставился в потолок.

— Подходящее топливо... — повторил он мечтательно.

— Я так и сказал. Расчеты показывают, что водорода и кислорода достаточно, чтобы отправить многоступенчатую ракету на Луну и обратно, — нужен только правильный проект.

— Он говорит «правильный проект»... — проговорил Фергюсон тем же мягким голосом, потом неожиданно дернулся, воткнул нож в изрезанную столешницу и взревел: — Что ты знаешь о правильном проекте? Какие сорта стали мне взять? Из чего мне сделать сопло? Как я смогу сжечь достаточно тонн в секунду твоей идиотской смеси, не израсходовав задаром всю мощность? Как я смогу получить нормальное отношение масс¹ для многоступенчатой ракеты? Какого дьявола ты не позволил мне построить настоящий корабль, пока у нас было топливо?

Гарриман подождал, пока тот успокоится, потом спросил:

— Так как мы сможем это сделать, Энди?

— Гмм... Я думал об этом прошлой ночью, лежа в постели, — и моя старуха тебя возненавидела; мне пришлось досыпать на диване. Во-первых, мистер Гарриман, правильный подход к этому делу состоит в получении исследовательского заказа от Министерства обороны. Затем вы...

— Черт возьми, Энди, ты занимайся инженерными делами, а политику и финансы оставь мне. Мне твои советы не нужны.

— Черт возьми, Делос, не уводи разговор в сторону. Я имею в виду как раз инженерную часть. Правительство располагает массой старых разработок по ракетам, и все они засекречены. Без правительственного контракта на них даже взглянуть нельзя.

— Вряд ли это очень ценно. На что способна правительственная ракета и не способна ракета «Скайуэйс»? Ты мне сам рассказывал, что федеральная ракетная программа более ничего не значит.

Фергюсон принял высокомерный вид:

— Боюсь, я не смогу объяснить этого на пальцах. Тебе следует принять как данность, что нам нужны эти правительственные исследовательские отчеты. Нет смысла тратить тысячи долларов на выполнение работы, которая уже сделана.

— Трать тысячи.

¹ Имеется в виду отношение массы топлива к массе ракеты (так называемое число Циолковского).

— Может, и миллионы.

— Трать миллионы. Не бойся тратить деньги. Энди, мне нужно держать военных подальше от этого дела.

Он подумал, не разъяснить ли инженеру скрытую за его решением политику, но воздержался.

— Насколько серьезно ты нуждаешься в этом правительственном барахле? Не можешь ли ты получить те же результаты, наняв инженеров, уже работавших на государство? Или даже перекупить их у государства прямо сейчас?

Фергюсон поджал губы:

— Ты ожидаешь от меня результатов, а сам создаешь препятствия?

— Я не создаю тебе препятствий. Я просто сообщаю тебе, что это неправительственный проект. Если ты не хочешь заняться им на таких условиях, скажи прямо сейчас, чтобы я нашел того, кто захочет.

Фергюсон принялся играть в «ножички» сам с собой. Добравшись до фигуры «носы», он сделал ошибку, после чего тихо произнес:

— Есть у меня на уме один парень, который работал на правительство на полигоне Уайт-Сэндс¹. Он был очень смышлен — главный конструктор отдела.

— Ты хочешь сказать, что он мог бы возглавить твою команду?

— Ну да.

— Как его зовут? Где он? На кого он сейчас работает?

— Ну, получилось так, что когда правительство закрыло «Уайт-Сэндс», мне показалось безобразием оставлять такого хорошего парня без работы, поэтому я нашел ему место в «Скайуэйс». Он — главный инженер по обслуживанию на Тихоокеанском побережье.

— По обслуживанию? И это — работа для творческого человека? Но ты хочешь сказать, что он сейчас работает на

¹ *Уайт-Сэндс* — крупнейший военный полигон в штате Нью-Мексико, включающий в себя одноименную пустынную местность, объявленную национальным парком. Действует с 1945 года и используется для различных целей; в частности, там производилось первое испытание атомной бомбы, а вскоре после этого начались запуски ракет.

нас? Давай его на видеофон. Или нет: свяжись с побережьем и пусть они пришлют его сюда специальной ракетой; мы вместе пойдем на ланч.

— Так получилось, — тихо сказал Фергюсон, — что прошлой ночью я встал и позвонил ему — вот почему разозлилась моя благоверная. Он ждет снаружи. Костер, Боб Костер.

По лицу Гарримана расплзлась улыбка.

— Энди! Ты бессердечный старый негодяй! Ты зачем морочил мне голову, упираясь?

— Ничего я не морочил. Мне здесь нравится, мистер Гарриман. Я занимаюсь своим делом, пока ты не вмешиваешься. Так вот мое предложение: мы назначим молодого Костера главным инженером проекта и оставим его в покое. Я не буду дергать его за локоть, а только читать отчеты. И ты тоже оставишь его в покое, слышишь меня? Ничто так не злит специалиста, как некомпетентный простофиля с чековой книжкой, указывающий ему, как он должен работать.

— Устраивает. Я тоже не хочу, чтобы его притормаживал какой-нибудь старый дурак-крохобор. Но и ты не вмешивайся, иначе я выдерну из-под тебя ковер. Мы друг друга поняли?

— Думаю, что поняли.

— Тогда давай его сюда.

Судя по всему, Фергюсон считал пареньком человека лет тридцати пяти, поскольку на вид Гарриман дал бы Костеру именно столько. Тот был высок, худ и выглядел спокойно, но решительно. Обменявшись рукопожатием, Гарриман тут же приступил к делу:

— Боб, ты сможешь построить ракету, которая доберется до Луны?

Боб не моргнул и глазом.

— А у вас есть источник икс-топлива? — поинтересовался он, используя обычное среди ракетчиков обозначение изотопного топлива, ранее производимого энергоспутником.

— Нет.

Помолчав несколько секунд, Костер ответил:

— Я смогу послать на Луну беспилотный зонд.

— Этого мало. Мне надо, чтобы она туда долетела, опустилась и вернулась обратно. Как она сядет — на двигателях или с помощью атмосферного торможения, — не важно.

Костер, видимо, никогда не отвечал сразу; Гарриману казалось, что он слышит жужжание шестеренок у того в голове.

— Это будет очень дорогим делом.

— Тебя не спрашивают о цене. Ты можешь это сделать?

— Могу попробовать.

— Попробовать, черт возьми! Ты думаешь, что *можешь* это сделать? Ты поставишь на это последнюю рубашку? Ты захочешь рискнуть своей головой? Если ты не веришь в себя, парень, ты всегда будешь проигрывать.

— А *вы* чем рискнете, сэр? Я вам сказал, что это будет очень дорого, — и сомневаюсь, что вы понимаете, насколько дорого.

— А я тебе велел не беспокоиться о деньгах. Трать сколько угодно, платить по счетам буду я. Ты сможешь это сделать?

— Смогу. Попозже я сообщу вам, сколько это будет стоить и сколько времени займет.

— Хорошо. Начинай собирать команду. Где мы это будем строить, Энди? — обратился он к Фергюсону. — В Австралии?

— Нет, — ответил вместо него Костер. — В Австралии не получится; я хочу использовать горную катапульту. Это сэкономит нам одну ступень.

— Насколько высокая гора нужна? — спросил Гарриман. — Пайкс-Пик¹ подойдет?

— Это должны быть Анды, — возразил Фергюсон. — Там горы выше и ближе к экватору. В конце концов, у нас — или у «Эндс дивелопмент компани» — там уже есть оборудование.

— Делай, как считаешь нужным, Боб, — заявил Гарриман Костеру. — Я бы предпочел Пайкс-Пик, но решать тебе.

Он думал о том, что с деловой точки зрения имелись огромные преимущества при размещении первого земного

¹ *Пайкс-Пик* — гора в цепи Скалистых гор, находящаяся в штате Колорадо, расположена в 16 километрах от города Колорадо-Спрингс.

космопорта на территории США — и уже представлял рекламное значение вида уходящих с вершины Пайкс-Пик лунных кораблей, которые мог бы заметить любой человек на сотни миль к востоку.

— Я сообщу вам.

— Теперь о зарплате. Забудь, сколько мы платили тебе до того; сколько ты хочешь сейчас?

Костер сделал жест, словно отмахиваясь:

— Я буду работать за кофе и печенье.

— Не неси чушь.

— Дайте мне закончить. Кофе, печенье и еще одно: я сам полечу.

Гарриман моргнул.

— Что ж, это мне понятно, — медленно произнес он. — Пока же я предоставляю тебе открытый счет. — Потом он добавил: — И начинай рассчитывать трехместный корабль — если только ты не пилот.

— Я не пилот.

— Значит, трехместный. Видишь ли, я тоже лечу.

4

— Хорошо, что ты решил войти в дело, Дэн, — говорил Гарриман, — а то остался бы без работы. Я изрядно прижму энергетическую компанию еще до того, как закончу со всем этим.

Диксон намазал круассан маслом.

— В самом деле? И как?

— Мы установим высокотемпературные реакторы аризонского типа — вроде того, что взорвался, — где-нибудь в тихом месте на обратной стороне Луны. Мы будем управлять ими удаленно; если даже один из них взорвется, не важно. И я за неделю выработаю X-топлива больше, чем компания за три месяца. Ничего личного: просто мне нужен источник топлива для межпланетных лайнеров. Раз не получается добыть его здесь, будем производить на Луне.

— Интересно. Но откуда ты возьмешь уран для шести реакторов? Я слышал, что Комиссия по атомной энергии уже распределила предполагаемые поставки на двадцать лет вперед.

— Уран? Не глупи, мы достанем его на Луне.

— На Луне? А на Луне есть уран?

— А ты не знал? Я думал, ты именно поэтому и решил присоединиться.

— Нет, я не знал, — сказал Диксон. — У тебя есть доказательства?

— У меня? Я не ученый, но факт такой зафиксирован. Спектроскопия или что-то там такое. Поговори с каким-нибудь профессором. Только не выказывай излишнего интереса: мы еще не готовы раскрывать карты. — Гарриман встал из-за стола. — Надо бежать, а то я прозеваю шаттл до Роттердама. Спасибо за ланч.

Он подхватил свою шляпу и ушел.

Гарриман поднялся:

— Воля ваша, минхер ван дер Вельде. Я предлагаю вам и вашим коллегам шанс подстраховаться. Все ваши геологи согласны, что алмазы образуются при вулканической активности. Что же, вы думаете, мы обнаружим здесь? — Он бросил на стол перед голландцем большую фотографию Луны.

Торговец бриллиантами бесстрастно взглянул на изображение планеты, испещренное тысячами гигантских кратеров.

— Если вы туда доберетесь, мистер Гарриман.

Гарриман забрал фотографию.

— Мы туда доберемся. И мы найдем алмазы — хотя я готов первым признать, что серьезный эффект от этого наступит лет через двадцать или даже сорок. Я пришел к вам потому, что считаю человека, который создает крупный новый экономический фактор, не планируя своих инноваций так, чтобы обеспечить спокойную к ним адаптацию, наихудшим мерзавцем в нашем социальном организме. Я не люблю паники. Но все, что я могу сделать, — это предупредить вас. Всего хорошего.

— Присядьте, мистер Гарриман. Я всегда теряюсь, когда кто-то начинает объяснять, как он обеспечит выгоду *мне*. Может, вместо этого вы объясните, как это принесет выгоду *вам*? Тогда мы сможем обсудить, как защитить мировой рынок от внезапного притока алмазов с Луны.

Гарриман сел.

Гарриману нравились Нидерланды. Он пришел в восторг, увидев как собаки тянут молочную тележку, юный владелец которой был обут в настоящие сабо; он с радостью фотографировал мальчишку и щедро вознаградил его, не подозревая, что все это являлось постановкой для туристов. Он посетил еще нескольких торговцев бриллиантами, хотя о Луне и не говорил. Среди прочих покупок он приобрел в знак примирения брошь для Шарлотты.

Затем он взял такси в Лондон, переговорил с представителями тамошнего бриллиантового синдиката, договорился со своими лондонскими юристами о страховке у Ллойда через подставную контору *против* успешного полета на Луну и позвонил к себе в офис. Он выслушал многочисленные отчеты, особенно касавшиеся Монтгомери, и узнал, что Монтгомери находится в Нью-Дели. Позвонив ему туда, он долго с ним говорил, после чего поспешил в порт, чтобы успеть на свой корабль. На следующее утро Гарриман уже был в Колорадо.

Его не сразу пропустили через ворота на Питерсон-Филд¹, к востоку от Колорадо-Спрингс, хотя это и был теперь арендованный им участок. Конечно, он мог связаться с Костером и решить проблему сразу же, но ему хотелось осмотреть все самому до встречи с инженером. К счастью, начальник охраны знал его в лицо; он проник внутрь и бродил больше часа, с приколотым к пальто трехцветным значком, чтобы обеспечить себе свободный доступ.

Механический цех был чем-то загружен, литейный тоже... однако большинство помещений были почти безлюдны. Покинув их, Гарриман направился в основной инженерный корпус. В чертежном и плановом отделах, как и у расчетчиков, работа кипела. Однако в отделе конструкторов имелись незанятые столы, а в металловедческом отделе и находящейся при нем металлургической лаборатории царила тишина, как в церкви. Он уже собрался было пройти в кры-

¹ *Питерсон-Филд* — военный и гражданский аэродром вблизи города Колорадо-Спрингс, действующий с 1942 года. Впоследствии использовался как военная база, но к концу 40-х годов был переведен в резерв. С 1951 года, т. е. уже после написания повести, снова стал активно использоваться и в настоящее время является одной из крупнейших военно-воздушных баз США.

до к химикам и материаловедам, но тут внезапно появился Костер.

— Мистер Гарриман! Только что сообщили, что вы здесь.

— Повсюду шпионы, — заметил Гарриман. — Я не хотел тебе мешать.

— Вы вовсе не мешаете. Пройдемте в мой кабинет.

Разместившись там спустя несколько минут, Гарриман спросил:

— Ну? И как идут дела?

Костер нахмурился:

— Вроде бы нормально, как мне кажется.

Гарриман заметил, что настольные подставки в кабинете инженера доверху забиты бумагами, расползающимися с них по всему столу. Он не успел ответить, как засветился настольный видеотелефон Костера, и женский голос сладкозвучно произнес:

— Мистер Костер, звонит мистер Моргенштерн.

— Скажите ему, что я занят.

После небольшой паузы девушка ответила обеспокоенно:

— Он говорит, что ему обязательно надо переговорить с вами, сэр.

Костер выглядел раздраженным.

— Извините меня, на секунду, мистер Гарриман... Хорошо, подключите его.

Вместо девушки заговорил мужской голос:

— А, вот вы где — а почему задержка? Послушайте, шеф, мы тут застряли с этими грузовиками. Каждый из арендованных нами нуждается в капитальном ремонте, а теперь выясняется, что компания «Уайт флит» отказывается что-либо с ними делать, ссылаясь на примечания к контракту. Мне так кажется, что лучше разорвать контракт и повести дело с «Пик-Сити транспорт». У них есть схема, которая мне нравится. Они гарантируют, что...

— Так позаботьтесь об этом, — рявкнул Костер. — Вы сами заключали контракт, сами можете его и разорвать. Знаете же отлично.

— Да, но, шеф, я прикинул, что такой вопрос вы захотите решить лично. Поскольку он включает в себя общую стратегию, и...

— Позаботьтесь об этом сами! Пока у нас есть транспорт, когда он нужен, меня не интересует, что вы там делаете. — Он отключился.

— Кто этот человек? — поинтересовался Гарриман.

— Кто? А, это Моргенштерн, Клод Моргенштерн.

— Да не его имя! Чем он занят?

— Он один из моих помощников — здания, территория, транспорт.

— Увольняй его!

Костер явно был не согласен. Но не успел он ответить, как вошла секретарша с кипой бумаг и встала сбоку с настоящим видом. Нахмурившись, Костер подписал документы и отослал ее.

— Я тебе не приказываю, — добавил Гарриман, — но хочу сказать, что это серьезный совет. Я не распоряжаюсь у тебя на заднем дворе, но не хочешь ли выслушать еще парочку серьезных советов?

— Естественно, — согласился Костер с несколько напряженным видом.

— Мм... это твоя первая работа в качестве большого начальника?

Поколебавшись, Костер признал это.

— Я нанял тебя, потому что Фергюсон был уверен: ты и есть тот инженер, который способен построить лунный корабль. У меня нет причин изменять свое решение. Но администрирование на высшем уровне — это не инженерное дело; с твоего позволения, я могу показать тебе несколько приемов. — Он выждал. — Я не критикую тебя, — добавил он, — быть главным боссом — это как секс: пока не начнешь, не знаешь, что это такое.

В уме Гарриман уже решил, что если мальчишка откажется от советов, то тут же вылетит с работы, независимо от мнения Фергюсона.

Костер побарабанил пальцами по столу:

— Дело в том, что я не понимаю, что идет неправильно. Такое впечатление, что я никому не могу ничего поручить так, чтобы задание было выполнено как надо. Словно барахтаешься в зыбучем песке.

— А конструированием ты в последнее время занимался?

— Пытаюсь. — Костер махнул в сторону второго стола в углу. — Работаю по ночам.

— Это плохо. Я нанимал тебя как инженера. Работа должна кипеть. Но в твоём кабинете должно быть тихо, как в могиле. Вместо этого все кипит в твоём кабинете, а завод выглядит как кладбище.

Костер закрыл руками лицо, потом посмотрел вверх:

— Я знаю. Я знаю, что надо делать, но каждый раз, когда я стараюсь распутать техническую проблему, какой-то болван требует, чтобы я принял решение по грузовикам — или телефонам, или еще какой-то чертовой ерунде. Сожалею, мистер Гарриман. Я думал, что смогу с этим справиться.

Гарриман смягчился:

— Не позволяй проблемам одолеть себя, Боб. Ты не выпаешь в последнее время. А давай проведем Фергюсона. Я сяду на несколько дней за твой стол и сооружу тебе защиту от подобной чепухи. Мне нужно, чтобы твои мозги думали о реактивных векторах, эффективности топлива и прочности конструкций, а не о контрактах на грузовики.

Шагнув к двери и посмотрев наружу, Гарриман увидел какого-то человека, который мог бы, пожалуй, сойти за главного офисного клерка.

— Эй, ты! Поди сюда.

Человек изумленно встал, подошел к двери и спросил:

— Да?

— Я хочу, чтобы этот стол в углу и все, что на нем находится, прямо сейчас перенесли в пустой кабинет на этом этаже.

Клерк приподнял брови:

— А вы кто, можно спросить?

— Черт подери...

— Делай, как он требует, Вебер, — вмешался Костер.

— Я хочу, чтобы это было сделано за двадцать минут, — добавил Гарриман. — Бегом!

Он вернулся ко второму столу Костера, набрал номер на телефоне и вскоре уже говорил с главной конторой «Скай-уэйс»:

— Джим, этот твой парень, Джок Беркли, там? Оформи ему командировку и пришли ко мне, в Питерсон-Филд, пря-

мо сейчас специальным рейсом. Чтобы корабль, на котором он отправится, взлетел через десять минут после конца нашего разговора. И пошли вслед все его барахло. — Выслушав в течение нескольких секунд ответ, Гарриман заявил: — Нет, твоя организация без Джок не развалится, а если развалится, мы, возможно, платим самую высокую зарплату не тому человеку... ладно-ладно, в следующий раз, как застанешь меня, разрешаю пнуть меня под зад, но Джок присылай. Пока.

Он проследил, чтобы Костера и его второй стол переместили в другой кабинет и чтобы там отключили телефон; вдобавок он велел перенести туда и диван.

— Проектор, чертежную машину, книжные полки и прочий подобный хлам мы установим вечером, — сказал он Костеру. — Просто составь список всего необходимого, чтобы заниматься конструированием. И если еще что-то понадобится, звони мне.

Вернувшись в номинальный офис главного конструктора, он с интересом занялся работой, изучая ситуацию в организации и пытаясь выяснить, что с ней не так.

Часа четыре спустя он, захватив Беркли, повел его знакомить с Костером. Главный инженер спал за столом, положив голову на руки. Гарриман попятился к дверям, но тут Костер проснулся.

— О, простите! — сказал он, покраснев. — Я, кажется, задремал.

— Вот почему я поставил тебе диван, — ответил Гарриман, — на нем удобнее. Боб, познакомься с Джоком Беркли. Он — твой новый невольник. Ты остаешься главным конструктором и большим боссом. А Джок будет верховным повелителем всего остального. С этого момента тебе не о чем беспокоиться, только о такой малости, как постройка лунного корабля.

Костер и Беркли обменялись рукопожатием.

— Я прошу только об одном, мистер Костер, — сказал Беркли серьезно, — делайте в обход меня все, что угодно, — техникой заниматься вам, — но, ради бога, все записывайте, чтобы я знал, что происходит. Я поставлю на ваш стол кнопку, включающую магнитофон в моем столе.

— Идет!

Гарриман отметил про себя, что Костер уже не выглядит прежней развалиной.

— А если вам понадобится что-то за пределами технических вопросов, не делайте этого сами. Нажмите на кнопку и свистните — оно само исполнится! — Беркли глянул на Гарримана. — Босс говорит, что хочет обсудить с вами настоящую работу. Я вас оставлю и побегу заниматься делами.

Он ушел. Гарриман уселся; Костер последовал его примеру и присвистнул:

— Однако!

— Лучше чувствуешь себя?

— Мне нравится этот ваш Беркли.

— И отлично; вы теперь с ним близнецы-братья. И не беспокойся; я работал с ним раньше. Тебе скоро покажется что ты живешь в санатории, где все идет как по маслу. Кстати, где ты живешь?

— В Спрингс, в меблированных комнатах.

— Что за бред! Так тебе даже отоспаться негде? — Гарриман потянулся к столу Костера и вызвал Беркли. — Джок, организуй номер люкс в «Бродмуре»¹ для мистера Костера, но под вымышленным именем.

— Хорошо.

— А эту часть здания по соседству с его кабинетом пусть оборудуют под жилые помещения.

— К вечеру сделаю.

— А теперь, Боб, о лунном корабле. Какова ситуация?

Следующие два часа они провели, увлеченно обсуждая детали доклада Костера. Следовало признать, что после аренды площадки сделано было не так уж много, но Костер решил многие теоретические проблемы и сделал хорошие расчеты, прежде чем погряз в административной деятельности. Хотя Гарриман ни в коей мере не был ни инженером, ни математиком — разве что умел считать деньги, — он так давно поглощал всю доступную информацию о космических полетах, что был в состоянии следить за большей частью рассказа Костера.

¹ «Бродмур» — отель и курорт в Колорадо-Спрингс.

— Я так ничего и не услышал насчет твоей горной катапульты, — сказал он наконец.

Костер выглядел раздосадованно.

— Ах это! Я, видно, поторопился, мистер Гарриман.

— Как же так? Я велел ребятам Монтгомери нарисовать красивые картинки того, как это будет выглядеть, когда мы начнем регулярные рейсы. Я хочу превратить Колорадо-Спрингс в главный космопорт мира. Мы уже выкупили права на старый фуникулер; в чем же загвоздка?

— И в деньгах, и во времени.

— Про деньги забудь, — это моя епархия.

— Тогда время. Я по-прежнему считаю, что электрическая катапульта — это лучший способ придать начальное ускорение ракете на химическом топливе. Вот примерно так... — Он начал быстро делать наброски. — Это позволяет вам отказаться от первой ступени, большей, чем все остальные, вместе взятые, и чрезвычайно неэффективной при таком соотношении масс. Но где ее собрать? Нельзя же построить башню в пару миль высотой, да еще достаточно прочную, чтобы выдержала нагрузки, — не за год, во всяком случае. Значит, нужно использовать гору. Пайкс-Пик ничем не хуже других; он, по крайней мере, доступен. Но как его использовать? Придется сделать боковой туннель — от Манитоу¹ до места прямо под пиком, достаточно большой, чтобы проходил груженный корабль...

— Корабль можно спускать сверху, — предложил Гарриман.

— Я думал об этом, — ответил Костер. — Лифт высотой две мили для космического корабля не построишь на веревках; по сути, его нельзя построить из имеющихся материалов. Можно, конечно, переделать саму катапульту так, чтобы ускоряющие катушки по очереди переключались и опускали ракету, но поверьте, мистер Гарриман, это создаст инженерную проблему неменьшей сложности... например, придется построить огромную железную дорогу до самой вершины. К тому же и саму шахту надо еще вырыть, а она не может быть лишь чуть шире корабля, как ствол для пули. Она должна быть существенно шире: столб воздуха высотой

¹ Манитоу-Спрингс — курортный пригород Колорадо-Спрингс.

две мили так просто не сожмешь. Горную катапульту построить можно, но это займет лет десять, если не больше.

— Тогда забудь. Мы построим ее в будущем, но не для этого полета. Нет, погоди, а как насчет катапульты *на поверхности*? Пройдет по склону горы, а в конце повернет прямо вверх?

— Честно говоря, думаю, в конце концов будет использоваться что-нибудь подобное. Но на сегодняшний день это создаст только дополнительные проблемы. Даже если мы сможем разработать электрическую пушку с этим последним поворотом — а пока мы этого не можем, — то корабль придется конструировать с учетом огромных боковых нагрузок, причем весь дополнительный вес будет мешать нашей главной цели — постройке ракетного корабля.

— Что ж, Боб, какое решение ты предлагаешь?

Костер нахмурился:

— Вернуться к тому, что мы умеем делать, — к многоступенчатой ракете.

5

— Монти...

— Да, шеф?

— Ты когда-нибудь слышал такую песню?

Гарриман изобразил мелодию, потом спел: «Луной владеют все люди Земли; и лучшее в жизни бесплатно...»¹ Это прозвучало крайне фальшиво.

— Вроде бы никогда не слышал.

— Ты ее уже не застал. Хочу, чтобы ее снова откопали, оживили и крутили до посинения, чтобы она была у всех на устах.

— Хорошо. — Монтгомери потянулся за блокнотом для заметок. — Когда вы хотите достичь наибольшего ажиотажа?

Гарриман подумал:

— Скажем, месяца через три. А потом первую фразу надо использовать в рекламных слоганах.

— Будет сделано.

¹ Песенка из мюзикла 1930 года «Хорошие новости» (слова Л. Брауна и Б. Дж. де Сильвы, музыка Р. Хендерсона).

— Как дела во Флориде, Монти?

— Я думал, что нам придется подкупить всех чертовых законодателей, но потом мы запустили слух, будто Лос-Анджелес заключил контракт на установку на Луне знаков «Граница города Лос-Анджелеса» для рекламного ролика. Тогда они сами зашевелились.

— Отлично. — Гарриман поразмыслил. — А знаешь, идея не так уж плоха. Сколько, по-твоему, заплатит за такую картинку Торговая палата Лос-Анджелеса?

Монтгомери сделал еще одну пометку:

— Я это выясню.

— Полагаю, теперь ты готов взяться за Техас, раз уж с Флоридой разобрались?

— Да, совсем скоро. Но сначала запустим парочку фальшивых слухов.

С первой полосы газеты «Баннер» (Даллас — Форт-Уорт):

ЛУНА ПРИНАДЛЕЖИТ ТЕХАСУ!!!

...И на этом на сегодня все, детки. Не забудьте прислать крышки от коробок¹ или хорошие копии. Напоминаю, первый приз — ранчо в тысячу акров прямо на Луне, без обременения и свободное от налогов; второй приз — шестифутовая точная модель настоящего лунного корабля, ну а еще есть пятьдесят — да, пятьдесят! — третьих призов — обьеженные под седло шетландские пони. Ваши сочинения в сто слов «Почему я хочу полететь на Луну» будут оцениваться по их искренности и оригинальности, а не за литературные достоинства. Высылайте крышки дядюшке Тэффи, п/я 214, Хуарес, Мексика.

Когда Гарримана пригласили в офис президента «Мокако компани» («Только „Мок“ — настоящий сок»; «Пейте колу для прикола»), он остановился в дверях, футах в двадцати от стола президента, и быстро приколол к лацкану двухдюймовый значок.

Паттерсон Григгс поднял голову.

¹ Имеются в виду часто используемые для рекламы, лотереи, розыгрыша призов и т. п. крышки от картонных коробок с пищевыми продуктами, чаще всего хлопьями (практика, существующая до сих пор и весьма популярная в годы написания повести).

— О, это в самом деле честь для нас, Ди-Ди. Проходи, при... — Тут владыка безалкогольных напитков запнулся, лицо его перекосилось. — Решил меня достать? — прорычал он. — Зачем ты *это* нацепил?

Это был ярко-желтый пластиковый значок с большой черной шестеркой и плюсиком — логотипом единственного серьезного конкурента «Мока-кока». Гарриман отцепил его и положил в карман.

— Вовсе нет, — ответил Гарриман, — хотя прекрасно понимаю, почему тебя это бесит: половина школьников странным образом носят эти дурацкие значки. Я пришел не для того, чтобы тебя позлить, а для того, чтобы дать тебе дружеский совет.

— Что ты имеешь в виду?

— Когда я вошел, с того места, где ты сидишь, этот значок был размером как полная Луна, когда глядишь на нее из своего сада. Ты ведь с легкостью прочитал, что написано на значке, не так ли? Знаю, что с легкостью: ты стал орать на меня до того, как кто-либо из нас сделал еще шаг.

— И что же?

— А что бы ты чувствовал — и как бы это отразилось на твоих продажах, — если бы «шесть-плюс» оказалось написанным на диске Луны, а не на свитерах школьников?

Чуть подумав, Григгс заявил:

— Ди-Ди, давай без глупых шуток. У меня сегодня был плохой день.

— Я не шучу. Ты, наверное, слышал, за этим проектом полета на Луну стою я. Между нами, Пат, это крайне дорогое предприятие, даже для меня. Несколько дней назад ко мне пришел один человек — ты простишь, если я не буду называть имен? Ты можешь и сам догадаться. Так или иначе, этот человек представлял клиента, который желал приобрести рекламную концессию на Луне. Он знал, что мы сами не уверены в успехе, но заявил, что его клиент готов пойти на риск. Сначала я не мог понять, о чем он толкует; тогда он сказал прямо. В тот момент я подумал, что он шутит. Потом я был потрясен. Вот погляди.

Гарриман достал большой лист бумаги и расстелил его на столе Григгса:

— Смотри, оборудование устанавливается где-то возле центра Луны — как мы видим его отсюда. Восемнадцать пи-

ротехнических ракет разлетаются по восемнадцати направлениям — как спицы в колесе, но на заранее рассчитанные расстояния. При ударе бомбы, которые они несут, взрываются, разбрасывая тонко измельченную сажу в рассчитанном радиусе. Как ты знаешь, Пат, на Луне нет воздуха, так что мелкий порошок разлетается без помех. И вот тебе результат.

Он перевернул лист: сзади на нем был бледно пропечатан снимок Луны, а по нему самым жирным шрифтом — «6+».

— И что, теперь у *этих* придурков... этих... производителей отравы?..

— Нет-нет, я этого не говорил! Но смысл ясен: «шесть-плюс» — это всего лишь два символа, их можно раскинуть достаточно широко, чтобы они читались на диске Луны.

Григгс впился взглядом в ужасную рекламу:

— Я не верю, что это работает!

— Вполне надежная пиротехническая фирма гарантирует, что сработает — если я доставлю их оборудование на место. В конце концов, Пат, на Луне даже пиротехническая ракета пролетит немало. Да ты сам даже сможешь закинуть бейсбольный мяч на пару миль: низкая гравитация, сам понимаешь.

— Люди такого не потерпят. Это кощунство!

Гарриман выглядел опечаленным.

— Хотел бы, чтобы ты оказался прав. Но они терпят надписи в небе — и рекламу по телевидению.

Григгс пожевал губу.

— Но я так и не понял, зачем ты ко мне заявился, — вскинулся он. — Ты отлично знаешь, что название моего товара на диске Луны не поместится. Буквы слишком маленькие, чтобы их прочитать.

Гарриман согласно кивнул:

— Вот именно поэтому я к тебе и пришел. Пат, для меня это не просто деловое предприятие; это мое сердце и душа. Мне мучительно от сознания того, что кто-то в самом деле желает использовать лик Луны для рекламы. Как ты и сказал, это кощунство. Но эти шакалы каким-то образом узнали, что у меня трудности с деньгами. И явились, зная, что я их выслушаю. Я взял паузу. Сказал, что в четверг дам ответ. Потом я пошел домой и долго не мог заснуть. И тогда я вспомнил о тебе.

— Обо мне?

— О тебе. О тебе и твоей компании. В конце концов, ты производишь хорошую вещь и нуждаешься в законной рекламе для нее. Мне пришло в голову, что Луну можно использовать в рекламных целях разными способами, не портя ее облик. Теперь представь, что твоя компания приобретет ту же концессию, но с публичным обещанием никогда не пускать ее в ход, и ты упомянешь об этом в своей рекламе. Что, если ты распространишь картинки, где мальчик и девочка сидят под Луной и пьют «Моку»? Что, если «Мока» окажется единственным безалкогольным напитком, взятым в первый рейс на Луну? Да, в общем, не мне тебя учить. — Он посмотрел на палец с часами. — Мне надо бежать, и я не хочу тебя торопить. Если захочешь вступить в бизнес, просто оставь сообщение в моем офисе к завтрашнему полудню, и я прослежу, чтобы наш Монтгомери связался с твоим шефом по рекламе.

Глава крупного газетного треста продержал его в приемной минимальное время, приличествующее магнатам и членам кабинета министров. И опять Гарриман остановился на пороге и приколот к лацкану значок.

— Привет, Делос, — сказал издатель, — ну как сегодня оборот зеленого сыра? — Тут его взгляд упал на значок, и он нахмурился. — Если это шутка, то очень дурного вкуса.

Гарриман положил диск в карман; на этот раз на нем вместо «6+» были изображены серп и молот.

— Нет, — сказал он, — это не шутка, это кошмар. Полковник, мы с вами относимся к тем немногим людям в этой стране, которые понимают, что коммунизм все еще является угрозой.

Некоторое время спустя они уже беседовали по-дружески, так, словно бы газеты полковника не критиковали лунный проект с момента его запуска. Издатель указал сигарой на стол:

— Как вы наткнулись на эти планы? Похитили их?

— Они были скопированы. — Гарриман почти не отклонился от истины. — Но мы этого не позволим. Важно добраться туда первыми; мы не можем допустить создания на Луне вражеской ракетной базы. Годами меня мучают кош-

мары, в которых я просыпаюсь и вижу заголовки газет о том, что русские высадились на Луне, провозгласили там лунные Советы — скажем, тринадцать мужчин и две женщины, все ученые, — подали петицию о признании их как части СССР и петиция эта, разумеется, была любезно одобрена их Верховным Советом. Когда я просыпаюсь, меня все еще колотит. Не знаю, зайдут ли они так далеко, что нарисуют серп и молот на диске луны, но это вполне в их духе. Вспомните эти их огромные плакаты, висящие повсюду.

Издатель закусил сигару зубами.

— Посмотрим, что тут можно сделать. Есть ли способ ускорить ваш отлет?

6

— Мистер Гарриман?

— Да?

— Мистер Лекруа опять здесь.

— Скажите ему, что я не могу его принять.

— Да, сэр... э... мистер Гарриман, он об этом тогда не упоминал, но он говорит, что он — пилот-ракетчик.

— Черт возьми, отправьте его в «Скайуэйс». Я не нанимаю пилотов.

На экране появилось лицо мужчины, оттеснившего секретаршу Гарримана.

— Мистер Гарриман, я Лесли Лекруа, сменный пилот «Харона».

— Да будь вы хоть архангел Гав... Вы сказали — «Харон»?

— Я сказал — «Харон». Нам надо поговорить.

— Заходите.

Поприветствовав гостя, Гарриман предложил закурить и с интересом оглядел его. «Харон», челночная ракета, выполнявшая рейсы к потерянному энергоспутнику, являлась наибольшим приближением к космическому кораблю, которое дотоле видел мир. Его пилот, погибший при взрыве, уничтожившем спутник и сам «Харон», был, по сути, первым из нарождающегося племени космонавтов.

Гарриман был озадачен ускользнувшим от его внимания обстоятельством, что «Харон» имел сменных пилотов.

Разумеется, он знал об этом — но почему-то забыл учесть. Он списал и спутник, и ракету, и все, что с ними было связано, перестал о них думать. Теперь он с любопытством рассматривал Лекруа. Перед ним был невысокий аккуратный мужчина с тонким умным лицом и большими умелыми руками жокея. Лекруа выдержал его взгляд без всякого раздражения. Он выглядел спокойным и полностью уверенным в себе.

— Итак, капитан Лекруа?

— Вы строите лунный корабль.

— Кто это сказал?

— Лунный корабль строится. Все ребята говорят, что за этим стоите вы.

— Да?

— Я хочу его пилотировать.

— А почему вы?

— Лучшей кандидатуры вы не найдете.

Гарриман сделал паузу и выпустил клуб табачного дыма.

— Если вы сможете это доказать, билет ваш.

— Договорились. — Лекруа поднялся. — Я оставлю секретарше имя и адрес.

— Погодите минутку. Я сказал «если». Поговорим еще. Я сам собираюсь в это путешествие; я хочу узнать о вас больше, прежде чем доверю вам свою голову.

Они обсудили полет на Луну, межпланетные путешествия, ракетную технику, свои возможные находки на Луне. Постепенно Гарриман оттаял, признав в Лекруа родственную душу, также одержимую Великой Мечтой. Подсознательно он уже принял Лекруа; разговор стал походить на обсуждение совместного предприятия.

Прошло немало времени, прежде чем Гарриман сказал:

— Все это очень здорово, Лес, но у меня на сегодня осталось еще несколько дел, и их нужно сделать, иначе никто из нас до Луны не доберется. Ты отправляйся на Питерсон-Филд и познакомься с Бобом Костером; я ему позвоню. Если сумеешь с ним поладить, мы обсудим твой контракт. — Он нацарапал записку и вручил ее Лекруа. — Это отдай мисс Перкинс на выходе, и она внесет тебя в зарплатный список.

— Это может подождать.

— Людям надо есть.

Лекруа взял записку, но задержался:

— Одну вещь я понять не могу, мистер Гарриман.

— Что?

— Почему вы конструируете корабль на химической тяге? Не то чтобы я против, я и с таким справлюсь. Но зачем эти сложности? Я знаю, что у вас есть «Брисбен», переделанный на икс-топливо.

Гарриман уставился на него:

— Ты сбрендил, Лес? Словно ты спрашиваешь, отчего свиньи не летают. Икс-топлива нет и больше не будет, пока мы сами его не сделаем — на Луне.

— Кто вам это сказал?

— Что ты имеешь в виду?

— Как я слышал, Комиссия по атомной энергии распределила икс-топливо, согласно договору, среди ряда стран — и некоторые из них оказались не готовы к его использованию. Но все равно его получили. Что с ним стало?

— Ах это! Да, Лес, действительно, парочка ковбоев из Южной и Центральной Америки получили по политическим причинам свой кусок пирога, хотя они все равно не смогли его съесть. Что и к лучшему: мы выкупили его обратно и использовали для затыкания энергетического кризиса. — Гарриман нахмурился. — Но ты прав. Мне следовало тогда урвать что-то для себя.

— А вы уверены, что все топливо закончилось?

— Да, разумеется, я... Нет, не уверен. Я это выясню. Пока, Лес.

Его источники в короткие сроки отследили движение каждого фунта икс-топлива — за исключением доли Коста-Рики. Эта страна отказалась продать обратно свой запас, поскольку ее электростанция, способная работать на икс-топливе, была почти достроена ко времени кризиса. Однако повторное расследование показало, что станцию так и не достроили.

Монтгомери в этот момент был в Манагуа: в Никарагуа сменилось правительство, и Монтгомери должен был убе-

даться, что особое положение местной лунной корпорации не изменится. Гарриман послал ему шифровку с указаниями направиться в Сан-Хосе, отыскать икс-топливо, купить его и переправить обратно — любой ценой. Затем он нанес визит председателю Комиссии по атомной энергии.

Этот чиновник явно был рад его видеть и что-то для него сделать. Гарриман пустился в объяснения, что хотел бы получить лицензию на эксперименты с изотопами; с икс-топливом, если быть точнее.

— Но это должно делаться по обычным каналам, мистер Гарриман.

— Так и будет. Это просто предварительный запрос. Я хотел бы знать вашу реакцию.

— В конце концов, я не единственный член комиссии... и мы почти всегда следуем рекомендациям нашего технического отдела.

— Не пудрите мне мозги, Карл. Вы чертовски хорошо знаете, что контролируете рабочее большинство. Что вы скажете — не для протокола?

— Что ж, Ди-Ди, не для протокола: вы же не можете раздобыть икс-топливо, тогда зачем вам лицензия?

— Позвольте об этом беспокоиться мне.

— Мм... закон не требует от нас отслеживать каждый милликюри икс-топлива, поскольку оно не считается пригодным для создания оружия массового уничтожения. Но мы все равно знаем, что с ним происходит. Его нет в наличии.

Гарриман промолчал.

— Во-вторых, лицензию на икс-топливо вы можете получить, если хотите, — но для любых целей, кроме использования в ракетах.

— А почему такие ограничения?

— Вы же строите лунный корабль.

— Я?

— Вы тоже не пудрите мне мозги, Ди-Ди. Знать обо всем — моя работа. Вы не можете использовать икс-топливо для ракет, даже если умудритесь его найти — но вы его не найдете.

Председатель прошел к нише за своим столом и принес увесистый том, который и выложил перед Гарриманом. Он был озаглавлен: «Теоретическое исследование стабильности различных радиоизотопных топлив — с комментариями относительно катастрофы „Харона“ и энергоспутника». На обложке имелся регистрационный номер и гриф «Секретно».

Гарриман отпихнул книгу:

— У меня нет причин интересоваться этим — да я бы ничего и не понял, даже посмотрев.

— Очень хорошо, — ухмыльнулся председатель, — тогда я расскажу вам. Я намеренно свяжу вам руки, Ди-Ди, доверив государственный секрет...

— Не хочу его слушать, я вам сказал!

— Не пытайтесь поставить на космический корабль двигатель на икс-топливе, Ди-Ди. Это отличное топливо — но в космосе оно может в любой момент гроыхнуть, как хлопушка. В этом отчете объясняется почему.

— Не морочьте мне голову, мы использовали «Харон» почти три года!

— Вам везло. Официальное — хотя и совершенно конфиденциальное — мнение правительства состоит в том, что это из-за «Харона» взорвался энергоспутник, а не наоборот, взрыв спутника уничтожил «Харон». Сперва мы тоже так думали, и так оно и могло быть, но радарные данные говорят о другом. Похоже, что корабль взорвался на долю секунды раньше спутника. Поэтому мы провели интенсивные теоретические исследования. Икс-топливо слишком опасно для ракет.

— Но это смешно! На каждый фунт, сожженный в «Хароне», приходится по крайней мере сто фунтов, использованных в электростанциях на планете. Почему тогда они не взрываются?

— Весь вопрос в защитной оболочке. На ракете она, естественно, менее толстая, чем в стационарной установке, но хуже всего то, что она работает в космосе. Катастрофа предположительно была вызвана первичным космическим излучением. Если желаете, я приглашу для разъяснения одного из специалистов по математической физике.

Гарриман замотал головой:

— Вы же знаете, я не разбираюсь в этом настолько. — Он немного подумал. — Полагаю, на этом все?

— Боюсь, что так. Я очень сожалею.

Гарриман поднялся, чтобы уйти.

— Э, Ди-Ди, тут еще такое дело... вы ведь не думали по-добраться к кому-либо из моих подчиненных?

— Разумеется, нет. Да и зачем мне?

— Рад это слышать. Знаете, мистер Гарриман, некоторых наших сотрудников нельзя назвать самыми блестящими учеными в мире — первоклассных специалистов трудно удерживать на государственной службе. Но насчет одного я уверен: все они абсолютно неподкупны. Зная это, я счел бы личным оскорблением, если бы кто-нибудь попытался повлиять на одного из моих людей, — весьма личным оскорблением.

— Даже так?

— Именно. Кстати, в колледже я занимался боксом в полутяжелой категории. И навыков не растерял.

— Гмм... я никогда не учился в колледже. Но в покер я играю честно. — Гарриман внезапно ухмыльнулся. — Я не буду тревожить ваших ребят, Карл. Это слишком напоминало бы предложение взятки голодающему. Что ж, пока!

Вернувшись в свою контору, Гарриман вызвал одного из наиболее доверенных сотрудников.

— Отправьте еще одну шифровку мистеру Монтгомери. Велите ему отправить материалы не в Штаты, а в Панама-Сити.

После этого он начал было диктовать сообщение для Костера, намереваясь приказать ему прекратить работу над «Пионером», остов которого уже вздымался над колорадскими прериями, и переключиться на «Санта-Марию», бывший «Брисбен».

Но потом передумал. Старт придется проводить вне Соединенных Штатов; при столь жестком отношении Комиссии по атомной энергии не стоило и пытаться переместить «Санта-Марию»: это будет слишком очевидно.

Да и не получится ее переместить без оснащения химическим двигателем. Нет, ему придется снять с полетов дру-

гой корабль класса «Брисбена» и отправить его в Панаму; атомный реактор «Санта-Марии» тоже надо будет разобрать и переправить туда же. Костер сможет подготовить новый корабль к полету за шесть недель, а то и меньше... и он, Костер и Лекруа полетят на Луну!

К дьяволу эти переживания насчет первичного космического излучения! «Харон» ведь проработал три года. Они совершат полет, тем самым доказав, что это возможно; а уж потом, если понадобится более безопасное топливо, у них появится стимул его поискать. Самое главное — сделать это, совершить путешествие. Если б Колумб дожидался надежных кораблей, мы все еще сидели бы в Европе. Без определенного риска человек ничего не добьется.

Успокоившись, Гарриман начал набрасывать сообщения, которые приведут в действие новый план.

Его прервала секретарь:

— Мистер Гарриман, с вами хочет поговорить мистер Монтгомери.

— Как? Он уже получил мою шифровку?

— Не имею представления, сэр.

— Что ж, давайте его.

Второе сообщение Монтгомери еще не получил. Но новости для Гарримана у него были: вскоре после катастрофы Коста-Рика продала все свое икс-топливо английскому Министерству энергетики. На сегодняшний день ни унции его не осталось ни в Коста-Рике, ни в Англии.

После того как Монтгомери исчез с экрана, Гарриман несколько минут просидел с мрачным видом. Потом он позвонил Костеру:

— Боб? Лекруа там?

— Да, здесь. Мы собирались пойти поужинать. Даю его.

— Привет, Лес. Твоя идея была просто потрясной, но она не сработала. Кто-то украл нашего ребеночка.

— А? О, я понял. Сожалею.

— Никогда не теряй времени на сожаления. Мы будем продвигаться согласно начальному плану. И мы доберемся туда!

— Разумеется, доберемся.

Из июньского выпуска журнала «Популяр техникс»: «ИЗЫСКАНИЯ УРАНА НА ЛУНЕ — факты о рождающейся на глазах крупной отрасли промышленности».

Из «Холидей»: «Медовый месяц на Луне — обсуждение чудесного курорта, которым, как рассказали нашему редактору отдела путешествий, будут наслаждаться ваши дети».

Из «Америкэн сандей мэгэзин»: «АЛМАЗЫ НА ЛУНЕ? Всемирно известный ученый поясняет, почему в лунных кратерах алмазы должны быть рассыпаны, как галька на пляже».

— Разумеется, Клем, я ничего не понимаю в электронике, но мне так сказали. Вы же способны сегодня навести луч телевизионного передатчика с точностью до одного градуса, или типа того?

— Да, при достаточно большом отражателе.

— Места хватит на что угодно. Так вот, угловой размер Земли, если смотреть на нее с Луны, около двух градусов. Разумеется, Луна очень далеко, но потеря мощности сигнала не будет, а у вас появятся абсолютно идеальные и неизменные условия передачи. Достаточно один раз все подготовить, и передача будет не дороже, чем вещание с вершины горы на Земле, и уж наверняка дешевле, чем поддерживать в воздухе вертолеты от побережья до побережья, как ты делаешь сейчас.

— Это фантастический план, Делос.

— Что в нем фантастического? Добраться до Луны — это моя забота, не твоя. Когда мы будем там, телепередача на Землю будет организована, можешь заложить последнюю рубашку. Это место самой природой подготовлено для прямых телепередач. Если тебе не интересно, я поищу кого-нибудь еще.

— Я не сказал, что мне неинтересно.

— Ну, тогда думай. И вот еще что, Клем, не хочу совать нос в твой бизнес, но не было ли у тебя определенных проблем после потери энергоспутника, который работал и как ретранслятор?

— Не сыпь мне соль на рану, ты же сам все прекрасно знаешь. Расходы взлетели до небес, доходы же не повысились.

— Я не совсем это имел в виду. Как насчет цензуры?

Телевизионный босс всплеснул руками:

— Не произноси это слово! Как можно ожидать, что человек останется в бизнесе, если каждый ничтожный ханжа в стране диктует нам, что говорить, а чего не говорить, что мы можем показывать, а чего не можем, — от всего этого меня тошнит. Неправилен сам принцип: это то же, что требовать от взрослых людей, чтобы они питались обезжиренным молоком, поскольку дети не могут есть стейки. Если б я мог добраться до этих мерзостных, скользких типов с их похотливыми мыслями...

— Тише! Тише! — прервал его Гарриман. — А тебе не приходило в голову, что нет абсолютно никакого способа помешать передаче с Луны — и что любая земная комиссия по цензуре там не обладает юрисдикцией?

— Что? Повтори еще раз.

«ЛАЙФ» ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА ЛУНУ

Корпорация «ЛАЙФ-ТАЙМ» с гордостью анонсирует окончание переговоров по представлению читателям «ЛАЙФ» личных описаний путешествия на Луну. Они начнут печататься вместо нашей еженедельной рубрики «„ЛАЙФ“ приходит в гости», сразу же после успешного возвращения первой...

УВЕРЕННОСТЬ В НОВОЙ ЭРЕ

(Выдержка из рекламного проспекта Северо-Атлантической компании взаимного страхования и обязательств)

...Та же предусмотрительность, что защитила держателей наших полисов после Чикагского пожара, после Сан-Францисского пожара, после всех катастроф, начиная с войны 1812 года, теперь будет защищать вас от неожиданных потерь даже на Луне...

БЕСПРЕДЕЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ТЕХНОЛОГИИ

Когда лунный корабль «Пионер» поднимется в небо на столпе пламени, двадцать семь важнейших устройств в его «начинке» будут питаться от специально разработанных батарей «Дельта»...

— Мистер Гарриман, можете приехать на космодром прямо сейчас?

— А в чем дело, Боб?

— Неприятности, — коротко ответил Костер.

— Какого рода неприятности?

Костер поколебался.

— Я бы не хотел об этом говорить по видеофону. Если у вас нет времени приехать, можно мы с Лесом придем к вам?

— Буду вечером.

Добравшись до места, Гарриман увидел, что за бесстрастным лицом Лекруа скрывается горечь, а Костер выглядит упрямо и настороженно. Подождав, пока все трое оказались одни в кабинете Костера, он заговорил:

— Ну, рассказывайте.

Лекруа посмотрел на Костера. Инженер пожевал губу и сказал:

— Мистер Гарриман, вы знаете, через какие этапы прошел этот проект.

— Более или менее.

— Мы отказались от идеи с катапультной. Затем мы пришли к этому... — Он пошарил на столе и вытянул перспективный эскиз четырехступенчатой ракеты — большой, но весьма изящной. — Это была теоретическая возможность; на практике же она оказалась слишком близка к пределу. К моменту, когда ребята из группы расчета прочности, вспомогательной группы и контрольной группы закончили согласование деталей, мы вынуждены были принять вот это... — Он извлек другой набросок.

Набросок выглядел практически так же, как и первый, но ракета была покороче, почти пирамидальной формы.

— Мы добавили пятую ступень в виде кольца вокруг четвертой. Мы даже сэкономили в весе, используя большую часть контрольно-измерительной аппаратуры четвертой ступени для управления также и пятой¹. И отношение массы

¹ Повесть написана в эпоху, когда ракетная техника делала первые шаги и традиции не устоялись; поэтому и порядок отсчета ступеней ракеты противоположен общепринятому сейчас.

к сечению было достаточным, чтобы пробиться сквозь атмосферу без ощутимого торможения, хотя ракета и выглядела неуклюже.

Гарриман кивнул:

— Ты знаешь, Боб, ко времени регулярных рейсов на Луну нам надо будет отказаться от многоступенчатых ракет.

— А как можно это сделать при химической тяге?

— Ты смог бы запустить на околоземную орбиту одноступенчатую химическую ракету при наличии подходящей катапульты?

— Разумеется.

— Так мы и поступим. Потом она дозаправится на орбите.

— Старая идея с космической станцией. Допускаю, что она имеет смысл, — в сущности, я в этом уверен. Но корабль не сможет после дозаправки сразу проследовать на Луну. Экономически выгодно было бы иметь специальные корабли, которые вообще не совершают посадки, а только перелетают с земной орбиты к дозаправочной станции на окололунной орбите. Тогда...

Лекруа проявлял совершенно нетипичное для него нетерпение.

— Все это сейчас не важно. Переходи к делу, Боб.

— Правильно, — согласился Гарриман.

— Так вот, эта модель справилась бы. И, черт возьми, она все еще на это способна.

Гарриман смотрел озадаченно:

— Но, Боб, это же утвержденный проект. И он выполнен на две трети.

— Да. — Костер выглядел подавленным. — Но ничего не получится.

— Почему?

— Потому что я вынужден был добавить слишком много лишнего веса. Мистер Гарриман, вы не инженер; вы не представляете, как быстро падает эффективность, когда приходится запихивать в корабль всякую всячину, помимо топлива и двигателей. Взять хотя бы посадочный блок для кольца пятой ступени. Ступень проработает полторы минуты,

а потом будет сброшена. Причем нельзя допустить, чтобы она упала на Уичито¹ или Канзас-Сити. Приходится добавлять парашютную систему. А раз так, то мы должны предусмотреть слежение за ней радаром и отстрел куполов по радиокоманде в тот момент, когда она окажется над пустынной местностью и не слишком высоко. Это еще дополнительный вес, помимо парашютов. Когда мы поставим посадочный блок, корабль не сможет дать ускорение даже милю в секунду. Этого будет недостаточно.

Гарриман поерзал в кресле:

— Видимо, мы совершили ошибку, пытаюсь организовать запуск в Штатах. А если мы стартуем в каком-нибудь незаселенном месте, например на бразильском берегу, и позволим начальным ступеням упасть в Атлантику? Это тебе сколько-нибудь поможет?

Костер посмотрел куда-то вдаль, потом взял логарифмическую линейку.

— Может сработать.

— Насколько сложно будет переместить корабль на данном этапе работ?

— Ну... он должен быть целиком разобран, иначе никак. Не могу прямо сейчас назвать цену, но будет дорого.

— А много ли времени это займет?

— Гм... мистер Гарриман, я так сразу не могу ответить. Два года... если повезет — полтора. Надо будет подготовить место. Построить цеха.

Гарриман задумался. Внутри себя он уже знал ответ. Его финансы, хоть и немаленькие, подошли к опасному пределу. Он не мог еще два года подогревать интерес к проекту одними только разговорами; ему *надо* было осуществить успешный полет, и побыстрее, — или вся сооруженная на скорую руку финансовая структура лопнет.

— Это плохо, Боб.

— Я этого опасался. Ну, я пытался добавить шестую ступень... — Он протянул еще один эскиз. — Видите это чудische? Я дошел до точки невозмещения затрат. Конечная эф-

¹ *Уичито* — крупнейший по населению город в штате Канзас.

фективная скорость у этого уродца фактически меньше, чем у пятиступенчатого варианта¹.

— Это означает, что ты побит, Боб? Ты не сможешь построить лунный корабль?

— Нет, я...

— Эвакуируйте Канзас, — внезапно сказал Лекруа.

— А? — спросил Гарриман.

— Уберите всех из Канзаса и Восточного Колорадо. Пусть пятая и четвертая ступени упадут где-нибудь там. Третья ступень упадет в Атлантику; вторая выйдет на постоянную орбиту — а сам корабль полетит к Луне. Если не тратить вес на парашютную систему пятой и четвертой ступени, должно получиться. Спросите у Боба.

— Да? Как насчет этого, Боб?

— Я вначале именно об этом и говорил. Нас подвел паразитный вес. С основным проектом все в порядке.

— Гм... кто-нибудь, дайте мне атлас.

Гарриман рассмотрел Канзас и Колорадо, сделал в уме прикидки. Затем с изумлением уставился в пространство, подобно Костеру, когда тот думал о собственной работе. Наконец Гарриман заявил:

— Это не сработает.

— Почему?

— Деньги. Я говорил вам не беспокоиться о деньгах, но это относилось к кораблю. Но для эвакуации такой территории даже на день потребуется шесть-семь миллионов долларов. Придется выплачивать издержки сразу же; мы не сможем ждать. И будут упертые, которые никогда не уедут.

— Если чокнутые не уедут, пусть сами рискуют, — с яростью выпалил Лекруа.

— Я понимаю твои чувства, Лес. Но этот проект слишком масштабен, чтобы его скрыть или поменять место. Если

¹ Эти рассуждения совершенно справедливы и сейчас. Увеличение числа ступеней дает положительный эффект только до определенного предела. Чем больше ступеней, тем больше суммарная масса переходников, а также двигателей, работающих лишь на одном участке полета, и в какой-то момент дальнейшее увеличение числа ступеней становится контрпродуктивным. В современной практике ракетостроения более четырех ступеней, как правило, не делается.

мы не сможем обезопасить зевак, нас закроют силой по решению суда. Я не смогу купить всех судей в двух штатах. Кто-то из них не купится.

— Это была хорошая попытка, Лес, — утешительно произнес Костер.

— Я думал, это решит проблему для всех нас, — ответил пилот.

— Но ты говорил о каком-то другом решении, Боб? — спросил Гарриман.

Костер выглядел раздраженно.

— Вы знаете общую схему самого корабля: он рассчитан на троих, с соответствующими габаритами и запасами.

— Да. К чему ты клонишь?

— Три человека на борту — это необязательно. Поделим первую ступень на две части, обрежем корабль до самого минимума для одного человека и отбросим все остальное. Вот единственный вариант, при котором основной проект сработает. — Он достал еще один набросок. — Видите? Один человек, и запасов меньше чем на неделю. Воздушный шлюз не нужен — пилот остается в скафандре. Не нужен камбуз. Не нужны койки. Самый минимум, чтобы один человек продержался двести часов. Это сработает.

— Это сработает, — повторил за ним Лекруа, глядя на Костера.

Гарриман рассматривал эскиз со странным, болезненным ощущением в желудке. Да, это, несомненно, сработает, а для раскрутки проекта не имеет значения, один человек или трое полетят на Луну и вернутся.

Достаточно будет просто осуществить это; он был совершенно уверен, что один успешный полет вызовет такой приток денег, что составит капитал, необходимый для разработки уже реальных, пассажирских кораблей.

Братья Райт начинали с меньшего.

— Если это то, с чем я должен согласиться, то да, придется, — произнес он медленно.

Костер явно оживился:

— Отлично! Но есть еще один момент. Вы знаете условия, на которых я согласился взяться за дело, — я сам соби-

рался лететь. Теперь Лес размахивает контрактом у меня под носом и утверждает, что пилотом должен быть он.

— Дело не только в этом, — парировал Лекруа. — Боб, ты не пилот. Ты и сам убьешься, и все дело похоронишь исключительно из-за тупого упрямства.

— Я научусь летать на нем. В конце концов, я сам его сконструировал. Видите ли, мистер Гарриман, мне вовсе не хочется с вами судиться — кстати, Лес утверждает, что судиться будет, — но мой контракт был заключен раньше. Я намерен настаивать на нем.

— Не слушайте его, мистер Гарриман. Пусть подает в суд. Я поведу этот корабль и доставлю его обратно. Он его разобьет.

— Или лечу я, или я отказываюсь строить корабль, — категорически заявил Костер.

Гарриман жестом велел им замолчать:

— Полегче, вы, оба! Можете судиться со мной, если это доставит вам удовольствие. А ты не говори глупости, Боб: на этой стадии я могу нанять и других инженеров, чтобы закончить работу. Итак, ты сказал мне, что придется послать только одного человека.

— Да, именно.

— Вы видите его перед собой.

Они ошеломленно уставились на Гарримана.

— Подберите челюсти, — рявкнул Гарриман. — Что тут такого? Вы оба знали, что я собирался лететь. Или вы думаете, что я влез во все эти дела, чтобы прокатить вас до Луны? Я намерен лететь. Почему я не могу быть пилотом? Я в добром здравии, с нормальным зрением, все еще достаточно смышлен, чтобы изучить то, что надо изучить. Когда мне приходится водить свою тачку, я это делаю. Я никому не уступлю места, никому, поняли вы меня?

Костер первым пришел в себя:

— Босс, вы сами понимаете, о чем говорите?

Прошло два часа, а они продолжали спорить. Гарриман в основном упрямо молчал, отказываясь отвечать на их аргументы. Наконец он вышел из комнаты на несколько минут под простым предлогом. Вернувшись, он спросил:

— Боб, сколько ты вешишь?

— Я? Немногим более двухсот фунтов.
— На мой взгляд, даже ближе к двумстам двадцати. Лес, а ты?

— Сто двадцать шесть.

— Боб, рассчитай корабль на полезную нагрузку в сто двадцать шесть фунтов.

— Как? Но погодите, мистер Гарриман...

— Заткнись! Если я не могу научиться пилотированию за шесть недель, то не сможешь и ты.

— Но я владею математикой и основными знаниями о...

— Заткнись, я сказал! Лес учился своей профессии так же долго, как ты — своей. Может он стать инженером за шесть недель? Тогда откуда у тебя уверенность, что ты за это время освоишь его дело? Я не собираюсь позволить тебе разбить мой корабль для удовлетворения твоего непомерного самолюбия. В любом случае ты по ходу обсуждения проекта выдал ключ к нему. Подлинным ограничивающим фактором является вес пассажира — или пассажиров, не так ли? Все остальное определяется этой массой. Правильно?

— Да, но...

— Правильно или нет?

— Ну... да, правильно. Я только хотел...

— Человеку меньшего веса требуется и меньше воды и воздуха, он занимает меньше места. Летит Лес. — Гарриман подошел к Костеру и положил руку ему на плечо. — Не переживай, сынок. Тебе не хуже, чем мне. Этот полет должен оказаться успешным — и для этого нам с тобой придется отказаться от чести быть первыми людьми на Луне. Но я обещаю: мы отправимся во второй полет, а Лес будет нашим личным шофером. Это будет первый из многочисленных пассажирских полетов. Послушай, Боб, — ты же можешь сделаться большим человеком в этой игре, если не бросишь ее сейчас. Тебе хотелось бы сделаться главным инженером первой лунной колонии?

Костер выдал улыбку:

— Было бы неплохо.

— Тебе это точно понравится. Весь процесс жизни на Луне является инженерной проблемой, — мы с тобой об этом говорили. Ты же хочешь приложить свои теории к делу? Построить первый город? Построить большую обсерваторию,

которую мы там заложим? Посмотреть вокруг с сознанием того, что именно ты все это сделал?

Костер определенно примирился с такой идеей:

— В ваших устах все это звучит здорово. А вы, что *вы* будете делать?

— Я? Ну, может быть, я буду первым мэром Луна-Сити. — Эта мысль пришла к нему в голову только что, и он смаковал ее. — Достопочтенный Делос Дэвид Гарриман, мэр Луна-Сити. Слушайте, а мне это нравится! Знаете, я никогда не занимал общественных должностей; я просто владел разными вещами. — Он окинул их взглядом. — Решено?

— Видимо, да, — медленно произнес Костер и внезапно протянул руку Лекруа. — Ты полетишь на нем, Лес, а я его построю.

Лекруа пожал ему руку:

— Договорились. А вы с боссом займитесь делом — начинайте готовить планы следующего проекта — достаточно ответственного для всех нас.

— Правильно!

Гарриман накрыл их руки своей:

— Вот такой разговор между вами мне по душе. Будем держаться друг друга и построим Луна-Сити вместе.

— Я думаю, мы должны назвать город «Гарриман», — серьезно произнес Лекруа.

— Нет уж. Я еще ребенком думал о нем как о Луна-Сити, так он и будет называться. Может, в его центре поместим площадь Гарримана, — добавил он.

— Я так и отмечу на плане, — согласился Костер.

Гарриман почти сразу покинул их. Несмотря на то что проблема разрешилась, он был ужасно подавлен и не хотел, чтобы его коллеги это заметили. Победа оказалась пирровой; он спас предприятие, но чувствовал себя зверем, который отгрыз себе лапу, чтобы вырваться из капкана.

8

Когда Диксон позвонил Стронгу, тот находился в офисе компании один.

— Джордж, я разыскиваю Ди-Ди. Он там?

— Нет, он отправился в Вашингтон — что-то насчет решений. Ожидаю, что он скоро вернется.

— Гм... Энтенса и я хотели бы его увидеть. Мы скоро будем.

Они действительно вскоре появились. Энтенса явно был чем-то озабочен. Диксон выглядел спокойно-бесстрастным, как всегда. После обмена приветствиями Диксон выждал секунду и сказал:

— Джек, у тебя какое-то деловое предложение?

Энтенса вздрогнул, потом вытащил из кармана чек:

— О да! Джордж, я не хочу оставаться просто долевым партнером. Вот мой вклад, чтобы довести мое участие до полноправного партнерства.

Стронг принял чек.

— Делос будет доволен, я уверен, — сказал он, запихивая бумаги в ящик стола.

— Послушай, — резко произнес Диксон, — а ты не хочешь выдать расписку?

— Если она нужна Джеку... Погашенный чек тоже бы сошел.

Тем не менее Стронг выписал документ без дальнейших комментариев; Энтенса забрал его.

Они подождали какое-то время. Наконец Диксон заявил:

— Джордж, ты увяз в этом деле весьма глубоко.

— Возможно.

— Хочешь защитить свои вклады?

— Как?

— Ну, честно говоря, я себя хочу подстраховать. Не желаешь ли продать полпроцента своей доли?

Стронг задумался. На самом деле он был обеспокоен — обеспокоен до глубины души. Присутствие диксоновского аудитора заставило их вести все дела на основе наличных — и только Стронг знал, как близко к опасной черте подвело это партнеров.

— А зачем она тебе?

— О, я не буду использовать ее, чтобы вмешиваться в работу Делоса. Он же наш человек, мы его поддерживаем. Но я чувствовал бы себя куда спокойнее, имея право сказать «стоп», если он попытается втянуть нас в нечто такое, за что

мы не сможем расплатиться. Ты же знаешь Делоса, он неисправимый оптимист. Нам просто необходима возможность придержать его.

Стронг снова задумался. Ему неприятно было признать, что он согласен со всем, сказанным Диксоном; он просто стоял и смотрел, как Делос распыляет два состояния, нажитые за годы нелегкого труда. Ди-Ди, казалось, было уже все равно. Да вот хоть сегодня утром он отказался даже взглянуть на отчет по автоматическому выключателю от «Г. и С.» — после того как сам подкинул эту идею Стронгу.

Диксон подался вперед:

— Назови цену, Джордж. Я буду щедр.

Стронг расправил сутулые плечи:

— Я продам ее...

— Отлично!

— ...Только после одобрения Делосом. Не иначе.

Диксон что-то пробормотал. Энтенса хмыкнул. Дальнейший разговор мог вылиться в обмен колкостями, но тут вошел Гарриман.

О предложении, сделанном Стронгу, никто не обмолвился. Стронг поинтересовался, как прошло путешествие; Гарриман показал большой палец.

— Все путем! Но вести дела в Вашингтоне становится все дороже день ото дня. — Он повернулся к остальным. — Как дела? Вы собрались по какому-то особому случаю? Или у нас заседание правления?

Диксон обратился к Энтенсе:

— Скажи ему, Джек.

Энтенса уперся взглядом в Гарримана:

— Ты что имел в виду, продавая права на телетрансляцию?

Гарриман поднял удивленно брови:

— А что тут такого?

— Потому что ты обещал их мне, вот почему! Это входило в наше первичное соглашение, и оно оформлено в письменном виде.

— Лучше еще раз прочитай соглашение, Джек, и не приходи неподготовленным. У тебя есть коммерческие права на радио, телевидение и прочие развлекательные и специаль-

ные мероприятия, связанные с первым полетом на Луну. Ты ими владеешь по-прежнему. Включая и трансляции с борта корабля, если мы сможем их осуществить. — Он решил не упоминать о том, что из-за проблем с перегрузками они вообще не состоятся: из электроники «Пионер» нес только навигационные устройства. — То, что я продал, — всего лишь франшиза на постройку станции телевидения на Луне. Кстати, это даже не исключительные права, хотя Клем Хаггерти думает иначе. Если хочешь приобрести такую для себя, мы поможем.

— Приобрести! Ах ты...

— Упс! Впрочем, можешь получить бесплатно, если убедишь в своих правах Диксона и Джорджа. Я не буду упрямятствовать. Еще что-нибудь?

Вмешался Диксон:

— Какова теперешняя ситуация, Делос?

— Джентльмены, заверяю вас, что «Пионер» вылетит по графику — в следующую среду. А теперь простите меня, мне нужно отправляться на Питерсон-Филд.

После его ухода трое компаньонов некоторое время сидели в молчании. Энтенса что-то бормотал про себя, Диксон, видимо, раздумывал, Стронг просто ждал. Наконец Диксон спросил:

— Так как насчет этой доли, Джордж?

— Ты же не стал упоминать об этом при Делосе.

— Понятно. — Диксон аккуратно стряхнул пепел. — Странный он человек.

Стронг поерзал:

— Да.

— Как давно ты его знаешь?

— Так, сейчас вспомню... Он пришел ко мне работать в...

— Он работал на тебя?!

— Несколько месяцев. Потом мы основали нашу первую компанию. — Стронг погрузился в воспоминания. — Пожалуй, он уже тогда обладал сильным характером.

— Нет, — осторожно произнес Диксон. — Я бы не назвал это сильным характером. Это более похоже на комплекс мессии.

Энтенса поднял голову:

— Да он просто ублюдочный сукин сын!

Стронг спокойно поглядел на него:

— Я бы не хотел, чтобы ты выражался о нем в таком духе. Очень не хотел бы.

— Хватит, Джек, — велел Диксон. — А то Джордж в самом деле даст тебе по физиономии. У него удивительная способность, — продолжал он, — внушать к себе вассальную преданность. Возьмем тебя. Я знаю, что ты на нуле, Джордж, но ты не позволяешь мне спасти тебя. Это за пределами логики, это что-то личное.

Стронг кивнул:

— Он необычный человек. Иногда я думаю, что он последний из баронов-разбойников¹.

Диксон покачал головой:

— Не последний. Последний из них открыл американский запад. Он первый из *новых* баронов-разбойников — мы с тобой конца этой эпохи уже не увидим. Ты когда-нибудь читал Карлейля?²

Стронг опять кивнул.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду — теорию о герое, — но я вовсе не обязан с ней соглашаться.

— Что-то в этом все же есть, — ответил Диксон. — По правде говоря, я полагаю, что Делос сам не понимает своих поступков. Он устанавливает новый империализм. То-то будет мороки, пока все утрясется. — Он поднялся. — Может, нам стоило подождать. Возможно, удержать его — *если бы* мы могли. Так или иначе, дело сделано. Мы едем на карусели, и соскочить уже не можем. Надеюсь, поездка нам понравится. Пошли, Джек.

¹ *Бароны-разбойники* — прозвище ведущих американских бизнесменов конца XIX — начала XX века (в том числе Корнелиуса Вандербильта и Джона Д. Рокфеллера). Подразумевалось, что они сколотили состояния нечестным путем.

² *Томас Карлейль* (1795—1881) — британский писатель, публицист, историк и философ. Исповедовал романтический «культ героев» — исключительных личностей вроде Наполеона, которые своими делами исполняют божественное предназначение и двигают человечество вперед, возвышаясь над толпой ограниченных обывателей.

Над прериями Колорадо сгустились сумерки. Солнце зашло за гору, а широкое белое лицо Луны, полной и круглой, поднималось на востоке. Устремленный к небу «Пионер» возвышался посреди Питерсон-Филд. Ограждение из колючей проволоки, окружавшее его кольцом в две тысячи ярдов, сдерживало толпу. С внутренней стороны барьера непрерывно патрулировали охранники. Другие сотрудники охраны находились среди толпы. За изгородью, на небольшом от нее расстоянии, расположились грузовики и трейлеры для камер, звукозаписывающего и телевизионного оборудования, от них тянулись кабели к аппаратуре с дистанционным управлением, расположенной на разных расстояниях вокруг корабля. Еще несколько грузовиков находились около корабля, возле них наблюдалась какая-то активность.

Гарриман ждал в кабинете Костера; сам Костер был на поле, Диксону и Энтенсе выделили другое помещение. Лекруа, приняв снотворное, все еще спал на рабочей квартире Костера.

За дверью послышался шум и выкрики. Гарриман чуть приоткрыл ее:

— Если это еще один репортер, гоните его прочь. Пошлите его к мистеру Монтгомери — там, через коридор. Капитан Лекруа не дает несогласованных интервью.

— Делос! Пропусти меня.

— А, это ты, Джордж. Заходи. Нас тут обложили со всех сторон.

Войдя, Стронг вручил Гарриману большую и увесистую сумку:

— Вот они.

— «Они» — это что?

— Специально погашенные конверты для союза филателистов. Ты забыл. А это полмиллиона долларов, Делос, — заметил он. — Если б я не обнаружил их в твоём гардеробе, нам бы пришлось туго.

Гарриман состроил улыбку:

— Джордж, скажу тебе, ты настоящий мужик.

— Не стоит ли мне самому отнести их в корабль? — обеспокоенно поинтересовался Стронг.

— А? Нет-нет. Лес с ними разберется. — Он посмотрел на часы. — Пора, кстати, его будить. О конвертах я сам позабочусь.

Он взял сумку и добавил:

— Пока не заходи. У тебя будет еще возможность попроситься на поле.

Гарриман вошел в соседнюю комнату, тщательно закрыл за собой дверь, подождал, пока медсестра сделала пилоту стимулирующий укол, и выпроводил ее. Когда он вернулся от двери, пилот уже протирает глаза.

— Как ты себя чувствуешь, Лес?

— Отлично. Вот час и настал.

— Угу. И мы все болеем за тебя, парень. Послушай, тебе придется выйти и пообщаться с ними пару минут. Все готово — но сначала я должен сказать тебе пару вещей.

— Да?

— Видишь эту сумку?

Гарриман быстро объяснил ее смысл и значение.

На лице Лекруа отразилось отчаяние.

— Но я *не могу* ее взять, Делос. Все рассчитано до последней унции.

— Кто требует от тебя ее брать? Разумеется, ты не можешь: она весит фунтов шестьдесят-семьдесят. Я просто наивно о ней забыл. Вот что мы сделаем: я пока что спрячу ее здесь... — Гарриман запихал сумку поглубже в платяной шкаф. — Когда ты приземлишься, я буду рядом. Мы продемонстрируем ловкость рук, и ты вытащишь ее из корабля.

Лекруа печально покачал головой:

— Делос, ну как же так? Хотя я не в том настроении, чтобы спорить.

— И отлично; иначе мне придется сесть в тюрьму за какие-то жалкие полмиллиона долларов. Мы уже потратили эти деньги. Ладно, все это не важно, — продолжал он. — Никто, кроме меня и тебя, об этом не узнает — а коллекционеры получают товар за свои деньги.

Он рассматривал молодого человека, словно ожидал его одобрения.

— Хорошо-хорошо, — ответил Лекруа. — Сегодня мне не до филателистов. Пойдем.

— Еще одно, — сказал Гарриман, доставая маленький матерчатый мешочек. — Это ты возьмешь с собой, его вес был учтен. Я позаботился. И вот что ты с этим сделаешь...

Он дал подробные и вполне откровенные инструкции. Лекруа был озадачен.

— Я понял вас правильно? Я должен дать это найти — и потом честно рассказать, как это произошло?

— Именно.

— Ладно. — Лекруа расстегнул молнию и положил мешочек в карман комбинезона. — Пойдемте на поле. До стар-та осталась двадцать одна минута.

Стронг присоединился к Гарриману в бункере управления после того, как Лекруа поднялся на корабль.

— Как они попали на борт? — спросил он обеспокоенно. — У Лекруа ничего при себе не было.

— Конечно, — сказал Гарриман. — Я отправил их заранее. Лучше займи свое место. Сигнальную ракету готовности уже запустили.

Диксон, Энтенса, губернатор Колорадо, вице-президент Соединенных Штатов и еще дюжина особо важных персон уже сидели возле перископов, установленных в специальных щелях галереи, находящейся над контрольным постом. Стронг и Гарриман поднялись по лесенке и заняли два оставшихся кресла.

Гарримана бросило в пот, он почувствовал, что дрожит. Через перископ он видел корабль; снизу доносился голос Костера, нервно проверявшего отчеты стартовых постов. Из динамика раздавался приглушенный комментарий одного из журналистов, освещавших событие. Сам Гарриман был кем-то вроде адмирала всего проекта, так он подумал, но сейчас ему ничего не оставалось, кроме как ждать, смотреть и пытаться молиться Богу.

В небо взлетела вторая ракета, рассыпавшись красным и зеленым. Пять минут.

Медленно сочились секунды. Когда объявили двухминутную готовность, Гарриман понял, что больше не может

пялиться в эту узкую щель — он должен быть снаружи, должен сам принимать участие во всем этом деле, просто обязан. Он спустился вниз и поспешил к выходу из бункера. Костер повернул голову, посмотрел изумленно, но не попытался его остановить: в любом случае Костер не мог оставить свой пост. Гарриман оттолкнул охранника в сторону и вышел наружу.

На востоке в небо вздымалась изящная тонкая пирамида корабля, черная на фоне полной Луны. Он ждал.

Ждал.

Что было не так? Когда он вышел наружу, оставалось менее двух минут — он был в этом уверен, — но корабль стоял, безмолвный, темный, неподвижный. Не доносилось ни звука, кроме отдаленного завывания сирен, предупреждающих зрителей за далекой оградой. У Гарримана сердце остановилось в груди, он не мог дышать. Что-то отказало. Провал.

С крыши бункера взлетела одиночная ракета — и пламя разлилось у основания корабля.

Оно все распространялось, подушка белого огня окутала опоры. Медленно, почти неуклюже «Пионер» приподнялся, завис на секунду, балансируя на огненном столбе, потом ринулся в небо со столь огромным ускорением, что почти сразу оказался в зените, горя ослепительным кругом пламени. Корабль только что был перед ним — и вот он уже над ним, это случилось так быстро, что, казалось, «Пионер» идет по дуге обратно и должен упасть точно на него, Гарримана. Гарриман инстинктивно прикрылся рукой.

И тут пришел звук.

Но не как звук. Это был белый шум, рев на всех частотах — слышимых, инфразвуковых, ультразвуковых, настолько мощно наполненный энергией, что поразил его прямо в грудь. Он ощущал его зубами, костями, ушами — всем. Ему пришлось подогнуть колени, чтобы удержаться.

Вслед за звуком с неспешностью урагана явилась ударная волна. Она драла его одежду, срывала дыхание с губ. Пытаясь укрыться за бетонной стеной бункера, он попятился назад, но его сбило с ног.

Он пришел в себя, кашляя и задыхаясь, вспомнил, что надо посмотреть на небо. Прямо над собой он увидел быст-

ро утасаживающую звездочку. Потом она исчезла. Он вернулся в бункер.

В зале витал напряженный, хаотичный, но целеустремленный шум голосов. Через звон в ушах до Гарримана донесся крик из громкоговорителя: «„Точка-один“! „Точка-один“ — бункеру! Пятая ступень отстыкована по графику — на радаре две метки, корабль и пятая ступень...» — и тотчас же раздался громкий и сердитый голос Костера: «Дайте мне „Слежение-один“! Они засекали пятую ступень? Они ее ведут?»

На заднем плане все еще надрывался радиокомментатор: «Великий день, люди, сегодня великий день! Могучий „Пионер“, вознесаясь как ангел Господний с пламенеющим мечом в руке, начал свой славный путь к нашей сестре по космосу. Большинство из вас видели старт на своих экранах; если б вы видели его так, как я, — по уходящей в вечернее небо дуге, неся свой драгоценный груз...»

— Да заткните эту чертову штуку! — приказал Костер, потом, повернувшись к гостям на галерее, добавил: — И вы там — быстро замолкли! Тихо!

Вице-президент Соединенных Штатов дернулся, закрыл рот, вспомнив секунду спустя, что надо улыбнуться. Другие важные гости тоже умолкли, потом заговорили приглушенным шепотом. Тишину пронзил девичий голос: «„Слежение-один“ — бункеру: ведем пятую ступень четко, плюс два». В углу возникло движение. Там большой брезентовый навес прикрывал от прямого освещения толстый лист плексигласа, установленный вертикально. Подсвеченный сбоку, лист демонстрировал тонкими белыми линиями координатную карту Колорадо и Канзаса; города и поселки светились красным. Крошечные красные предупредительные огоньки помечали неэвакуированные фермы.

Стоявший сзади прозрачной карты человек коснулся ее стеклографом, и вспыхнуло только что полученное местоположение пятой ступени. Перед картой-экраном спокойно сидел в кресле молодой человек с грушевидным выключателем в руке; его большой палец лежал на кнопке. Это был пилот бомбардировщика, откомандированный из Военно-воздушных сил; когда он нажмет на кнопку, управляемое по радио реле в пятой ступени отстрелит ее парашюты и даст ей

рухнуть на Землю. Он действовал только по донесениям с радаров, без всяких хитроумных расчетных устройств. Такие задачи он решал почти инстинктивно — или, точнее, благодаря накопленному подсознанием профессиональному опыту, собирая в уме скудные данные, разбросанные перед ним, определяя, где приземлится многотонная пятая ступень, нажми он кнопку в произвольный момент времени. Он выглядел совершенно спокойным.

«„Точка-один“ — бункеру!» — снова раздался мужской голос. — Четвертая ступень отделилась по графику!»

Почти тут же отозвался голос тоном пониже: «„Слежение-два“, ведем четвертую ступень, текущая высота девять-пять-одна миля, вектор расчетный».

На Гарримана никто не обращал внимания.

Под навесом постепенно разворачивалась состоящая из светящихся пятен наблюдаемая траектория пятой ступени, близко, хотя и не совпадая с расчетной трассой, обозначенной пунктиром. От каждой точки траектории отходила под прямым углом линия, показывающая ее высоту.

Невозмутимый человек, наблюдавший за картой, вдруг с силой нажал свою кнопку. Потом он встал, потянулся и спросил:

— Кто-нибудь угостит сигаретой?

«„Слежение-два“!» — раздалось в ответ. — Первая оценка места падения четвертой ступени — сорок миль к западу от Чарлстона, Южная Каролина».

— Повторите! — заорал Костер.

Громкоговоритель тут же, без паузы, пролаял: «Поправка, поправка — сорок миль к востоку, повторяю, к востоку».

Костер вздохнул облегченно. Вздох был прерван новым донесением: «„Точка-один“ — бункеру! Третья ступень отделилась на пять секунд раньше». И тут же оператор за пультом управления позвал:

— Мистер Костер, мистер Костер! Вас вызывает Паломарская обсерватория.

— Вели им убираться... хотя нет, скажи, пусть подождут.

Тут же вмешался еще чей-то голос: «„Слежение-один“, вспомогательная станция Фокс — пятая ступень упадет вблизи Додж-Сити, Канзас».

— Насколько близко?!

Ответа не последовало. Вскоре раздался голос «Слежения-один»: «Сообщается о падении примерно в пятнадцать милях к юго-западу от Додж-Сити».

— Жертвы?

«Слежение-один» не успело ответить, как ворвался голос «Точки-один»: «Вторая ступень отделена, вторая ступень отделена, корабль летит самостоятельно».

— Мистер Костер, ну пожалуйста, мистер Костер...

И совершенно новый голос: «„Точка-два“ — бункеру. Мы ведем корабль. Приготовьтесь получать расстояния и азимуты. Приготовьтесь...»

«„Слежение-два“ — бункеру: четвертая ступень определенно приземлится в Атлантике, предполагаемая точка падения — ноль-пять-семь миль к востоку от Чарлстона, азимут ноль-девять-три. Повторяю...»

Костер раздраженно огляделся:

— Кто-нибудь, дайте мне воды!

— Мистер Костер, ну пожалуйста... Паломар сообщает, что они *обязаны* поговорить с вами.

Гарриман направился к двери и вышел наружу. Он вдруг почувствовал себя разочарованным, предельно уставшим и подавленным.

Без корабля поле выглядело непривычно. Гарриман видел, как тот вырастал над ним, теперь он исчез. Восходящая Луна смотрела равнодушно, а космический полет опять превратился в далекую мечту, как в детстве.

У стартового стола, где ранее находился корабль, бродили несколько крошечных фигурок. «Охотники за сувенирами», — подумал он с презрением.

Кто-то вышел к нему из полумрака:

— Мистер Гарриман?

— Чего вам?

— Хопкинс, «Ассошиэйтед пресс». Как насчет заявления?

— Никаких заявлений. Я устал.

— Ну хоть пару слов. Каково это — подготовить первый успешный полет на Луну? Если он будет успешным.

— Он будет успешным. — Гарриман немного подумал, потом расправил усталые плечи и произнес: — Расскажите

им, что это — начало величайшей эры в истории человечества. Расскажите, что у каждого будет шанс пойти по стопам капитана Лекруа, открывать новые планеты, создавать себе дом на новых землях. Скажите им, что это означает новые рубежи, новый стимул к процветанию. Это означает... — Он выдохся. — Все на сегодня. Я совершенно измочален, сынок. Оставь меня одного, пожалуйста.

Из бункера появился Костер, за ним — приглашенные гости. Гарриман подошел к нему:

— Все в порядке?

— Разумеется. Как могло быть иначе? «Слежение-три» вело его до предела видимости — все по плану. Пятая ступень при приземлении задавила корову, — добавил Костер.

— Туда ей и дорога. Будет нам стейк на завтрак.

Гарриману еще пришлось переговорить с губернатором и вице-президентом, проводить их до самолета. Диксон и Энтенса улетели вместе, без излишних церемоний; наконец Костер и Гарриман остались одни, не считая подчиненных, слишком юных, чтобы лезть с вопросами, и охранников, защищавших их от толпы.

— Куда ты, Боб?

— В «Броадмур»¹, отоспаться с недельку. А вы?

— Если ты не возражаешь, я подремлю в твоей квартире.

— Сделайте одолжение. Снотворное в ванной.

— Мне оно не понадобится.

На квартире у Костера они вместе выпили и поболтали ни о чем. Затем Костер вызвал вертолет и отправился в гостиницу. Гарриман лег, встал, почитал вчерашний выпуск денверской «Пост», заполненный фотографиями «Пионера», наконец сдался и принял две таблетки из костеровских запасов.

10

Кто-то тряс его за плечи:

— Мистер Гарриман, проснитесь! Мистер Костер на связи...

¹ Отель в Колорадо-Спрингс. — *Примеч. С. В. Голд.*

— Кто? Какого... А, все, порядок. — Он поднялся и потопал к телефону.

Костер выглядел взъерошенным и возбужденным.

— Ура, босс, — он сделал это!

— А? Ты о чем?

— Только что звонили из Паломара. Они заметили его след, а теперь засекли и сам корабль. Он...

— Минутку, Боб. Помедленнее. Он еще *не может* быть там. Он улетел вчера вечером.

Костер имел смущенный вид.

— Что с вами, мистер Гарриман? Вы себя хорошо чувствуете? Он улетел в среду.

Гарриман начал смутно что-то припоминать. Нет, взлет произошел не вчера вечером... Как в тумане он припомнил поездку в горы, день, который он продремал на солнце, какую-то вечеринку, он выпил на ней слишком много. Какой же сегодня день? Он не знал. Если Лекруа уже сел на Луну, то... Не важно.

— Все в порядке, Боб, я просто до конца не проснулся. Видимо, во сне мне опять приснился старт корабля. Теперь расскажи новости, по порядку.

Костер начал опять:

— Лекруа совершил посадку прямо к западу от кратера Архимеда¹. Из Паломара заметили его корабль. Скажу, что ваш трюк — пометить место посадки сажей — был придуман очень удачно. Лес, должно быть, засыпал ею два акра. Они сказали, что в «Большой глаз» он сияет, как рекламный щит.

— Может, нам стоит съездить посмотреть. Нет, позже, — поправил он. — Мы будем заняты.

— Не представляю, что мы могли бы еще сделать, мистер Гарриман. Двенадцать наших лучших баллистических компьютеров рассчитывают сейчас для вас возможные траектории.

¹ Примечательно, что примерно в этом же месте в 1959 году состоялась первая жесткая посадка на Луну (советская автоматическая станция «Луна-2»).

Гарриман хотел было сказать этому человеку, что следует привлечь еще двенадцать, но вместо этого отключил видеофон. Он по-прежнему находился на Питерсон-Филд; там его ожидал один из лучших стратопланов «Скайуэйс», чтобы доставить в точку планеты, где приземлится Лекруа. Лекруа сейчас уже более суток находился в верхних слоях стратосферы, медленно и осторожно снижая скорость корабля, расходуя его невероятную кинетическую энергию на создание ударной волны и тепловое излучение.

Они отслеживали радаром его витки вокруг земного шара, снова и снова, но узнать заранее, где и какого рода посадку выберет пилот, было невозможно. Гарриман слушал отчеты радарных станций и проклинал тот день, когда они решили сэкономить на весе радиооборудования.

Цифры, поступающие с радаров, почти перестали различаться. Послышался чей-то голос, прервался и зазвучал снова:

— Он на посадочной глиссаде!

— Скажите, чтобы на поле были готовы! — закричал Гарриман.

Он ждал затаив дыхание. Через несколько бесконечных секунд вступил другой голос:

— Лунный корабль садится. Он приземлится где-то к западу от Чихуахуа, в Мексике.

Гарриман бегом ринулся к двери.

Направляемый по радио, пилот Гарримана вывел стратоплан к месту посадки и увидел «Пионер» — невероятно крошечную точку среди песков пустыни. А потом лихо посадил свой корабль рядом, почти вплотную. Гарриман кинулся к дверному люку еще до того, как стратоплан полностью остановился.

Лекруа сидел на песке, прислонившись спиной к одной из опор своего корабля, в тени куцых треугольных крыльев. Перед ним, разинув рот, стоял деревенский пастух. Увидев, как Гарриман, переваливаясь, неуклюже бежит к нему, Лекруа поднялся, отшвырнул окурки и сказал:

— Привет, босс!

— Лес! — Гарриман обнял молодого человека. — Рад видеть тебя, дружище.

— А я рад видеть вас. Этот Педро по-нашенски не понимает. — Лекруа покрутил головой, но рядом был только пилот гарримановского стратоплана. — А где все? Где Боб?

— Я не стал ждать. Они появятся через несколько минут. А, вот и они!

Еще один стратоплан заходил на посадку. Гарриман обратился к своему пилоту:

— Билл, встречай их.

— Они подойдут, не тревожьтесь.

— Делай, как тебе говорят.

— Вы босс, вам приказывать.

Пилот потопал по песку, его спина выражала неодобрение. Лекруа смотрел озадаченно.

— Быстрее, Лес, помоги мне с этим.

«Этим» были пять тысяч конвертов со спецгашением, якобы побывавшие на Луне. Они вытащили их из стратоплана Гарримана и поместили в лунный корабль, запихав в пустой шкафчик для еды, пока корпус стратоплана прикрывал их действия от вновь прибывших.

— Уфф! — сказал Гарриман. — Еле успели. Полмиллиона долларов. Мы нуждались в них, Лес.

— Конечно, но послушайте, мистер Гарриман, ал...

— Тсс! Они подходят. Что насчет другого дела — готов?

— Да. Но я хотел сказать вам...

— Тихо!

Это оказались не их коллеги — это была орава репортеров, операторов, звукооператоров, комментаторов и техников. Они тут же столпились вокруг Гарримана и Лекруа.

Гарриман небрежно помахал им:

— Угощайтесь, ребятки. Наснимайте кучу картинок. Можете облазить корабль. Чувствуйте себя как дома. Смотрите все, что хотите. Только полегче с капитаном Лекруа, он очень устал.

Совершил посадку еще один стратоплан, на этот раз с Костером, Диксоном и Стронгом. Энтенса прилетел на собственном зафрахтованном самолете и тут же принялся командовать телевизионщиками, радиокомментаторами и фотографами, едва не подравшись с какой-то командой операторов,

не имевших разрешения на съемку. Приземлился большой транспортный вертолет, из которого высыпал целый взвод мексиканских солдат в полевой форме. Откуда-то — видимо, из песка — появились несколько десятков местных крестьян. Гарриман отделался от репортеров и провел краткую и недешевую беседу с командиром взвода, после чего был восстановлен некоторый порядок — как раз вовремя, иначе «Пионер» растащили бы по кусочкам.

— Эй, не трогайте!

Это был голос Лекруа, доносившийся изнутри «Пионера». Гарриман выжидательно прислушался.

— Не ваше дело! — Голос пилота стал еще громче. — Положите их обратно!

Гарриман протолкался к входному люку:

— В чем проблема, Лес?

Внутри тесной кабины, размерами немногим больше телефонной будки, стояли трое: Лекруа и два репортера. Вид у них был агрессивный.

— В чем проблема, Лес? — повторил Гарриман.

Лекруа держал небольшой матерчатый мешочек, на вид пустой. На пилотском кресле между ним и репортерами были разбросаны небольшие, тускло поблескивающие камушки. Репортер поднес один из них поближе к свету.

— Эти ребята суют свой нос в то, что их не касается, — сердито сказал Лекруа.

Репортер возразил, разглядывая камень:

— Вы разрешили нам осмотреть все, что нас заинтересует, мистер Гарриман.

— Верно.

— А ваш пилот, — он ткнул пальцем в Лекруа, — очевидно, не ждал, что мы найдем вот это. Он запрятал их под подушку своего кресла.

— И что из этого?

— Это алмазы.

— С чего вы решили?

— Это самые настоящие алмазы.

Гарриман неторопливо снимал обертку с сигары. Немного погодя он сказал:

— Эти алмазы оказались там, где вы их нашли, потому что именно я положил их туда.

Сзади сверкнула фотовспышка, и чей-то голос сказал:

— Подними камешек повыше, Джефф.

Репортер по имени Джефф подчинился, потом заявил:

— Это выглядит очень странно, мистер Гарриман.

— Меня интересовало воздействие космических лучей на необработанные алмазы. Капитан Лекруа поместил этот мешочек с алмазами в корабль по моему приказу.

Джефф задумчиво присвистнул:

— Знаете, мистер Гарриман, если бы не ваше объяснение, я бы подумал, что Лекруа нашел камни на Луне и старался скрыть это от вас.

— Попробуйте это опубликовать — и получите иск за клевету. Я полностью доверяю капитану Лекруа. Теперь отдайте мне алмазы.

Брови Джеффа поползли вверх.

— Но, похоже, не настолько доверяете, чтобы оставить камни у него?

— Дайте мне камни и убирайтесь.

Гарриман как можно быстрее отвел Лекруа подальше от репортеров и затащил в собственный стратоплан.

— На этом пока все, — сказал он фотографам и журналистам. — Увидимся на Питерсон-Филд.

Когда самолет поднялся в воздух, он обратился к Лекруа:

— Ты выполнил блестящую работу, Лес.

— Этот репортер Джефф, кажется, что-то заподозрил.

— А? Ах это... Нет, я говорю о полете. Ты это сделал. Ты главный человек на этой планете.

Лекруа отмахнулся:

— Это было легко — Боб построил хороший корабль. Теперь насчет этих алмазов...

— Забудь об алмазах. Ты сыграл свою роль. Мы сами поместили эти камни в корабль, а теперь расскажем всем, что мы это сделали, и это чистая правда. Не наша вина, если они нам не поверят.

— Но, мистер Гарриман...

— Что еще?

Лекруа расстегнул молнию на комбинезоне и вытащил грязный платок, завязанный узелком. Он развязал его и высыпал в подставленную ладонь Гарримана алмазы. Их было куда больше, чем репортеры обнаружили на корабле, и они были крупнее и чище.

Уставившись на них, Гарриман захихикал. Немного погодя он протянул камешки Лекруа:

— Оставь себе.

— Я так понимаю, они принадлежат всем нам.

— Ну тогда оставь нам. Но держи рот на замке. Хотя погоди... — Он отобрал два больших камня. — Из этих двух я велю сделать кольца: одно — мне, другое — тебе. Но помалкивай, иначе они будут стоять не больше, чем просто любопытные безделушки.

«И это истинная правда», — подумал он.

Алмазный синдикат давным-давно сообразил, что алмазы в большом количестве стоят не дороже стекла и представляют ценность разве что для промышленности. Но на Земле вполне хватало алмазов и для этого, и для ювелирных целей. Если алмазы рассыпаны по Луне как галька, то они и стоят как галька.

Их перевозка на Землю не окупится.

Но если взять уран... Если б его было много...

Гарриман, откинувшись в кресле, предался мечтам.

Спустя некоторое время Лекруа тихо произнес:

— Знаете, босс, там чудесно.

— А? Где?

— На Луне, разумеется. Я отправлюсь снова. Как только это станет возможным. Нам надо заняться строительством нового корабля.

— Конечно-конечно! На этот раз мы построим большой корабль, чтобы взять всех нас. Я тоже полечу!

— Само собой.

— Лес, — спросил Гарриман почти с робостью, — а на что это похоже, когда из космоса видишь Землю?

— Это похоже... это похоже... — Лекруа задумался. — Черт возьми, босс, это нельзя описать. Это прекрасно, вот и все. Черное небо, и... ну, в общем, потерпите немного и уви-

дите фотографии, которые я сделал. А еще лучше — подождите и увидите сами.

Гарриман кивнул:

— Да. Но ждать тяжело.

11

АЛМАЗНЫЕ РОССЫПИ НА ЛУНЕ!

МИЛЛИАРДЕР-СПОНСОР ОТРИЦАЕТ ИСТОРИЮ С АЛМАЗАМИ

Он утверждает, что камни были отправлены
в космос с научной целью.

ЛУННЫЕ АЛМАЗЫ: БЛЕФ ИЛИ ФАКТ?

...но подумайте вот над чем, мои невидимые друзья и слушатели: зачем кому-либо отправлять алмазы на Луну? Каждая унция этого корабля и его груза была рассчитана; просто так алмазы не взяли бы. Многие ученые-эксперты посчитали причину, открыто заявленную мистером Гарриманом, полным абсурдом. Нетрудно догадаться, что алмазы могли быть взяты с целью, так сказать, «подсолить» Луну земными камнями, с тем чтобы убедить нас, что на Луне алмазы существуют, — но мистер Гарриман, его пилот, капитан Лекруа, и все люди, связанные с экспедицией, с первого же момента поклялись, что алмазы *не* лунного происхождения. Абсолютно точно известно лишь одно: когда космический корабль совершил посадку, алмазы на его борту уже были. Понимайте, как хотите, а ваш репортер попытается прикупить немало акций лунного алмазного рудника...

Когда Гарриман вошел в кабинет, Стронг уже сидел там, как обычно. Не успели партнеры обменяться хоть словом, как экран засветился.

- Мистер Гарриман, звонят из Роттердама.
- Скажите им, пусть идут тюльпаны сажать.
- Мистер ван дер Вельде ждет, мистер Гарриман.
- Ну ладно.

Гарриман дал выговориться голландцу, потом сказал:

— Мистер ван дер Вельде, все заявления, сделанные от моего имени, чистая правда. Алмазы, которые увидели репортеры, я сам поместил в корабль перед отлетом. Их добыли здесь, на Земле. По сути, я приобрел их, когда приезжал повидаться с вами; я могу это доказать.

— Но, мистер Гарриман...

— Думайте, как хотите. Возможно, на Луне алмазов больше, чем вы когда-либо видели, но я не могу этого гарантировать. Что я могу гарантировать, так это то, что алмазы, о которых пишут в газетах, земного происхождения.

— Мистер Гарриман, но зачем вы отправили алмазы на Луну? Неужели вы хотели нас одурачить?

— Можете считать, как вам угодно. Я же с самого начала говорил — эти алмазы с Земли. Теперь смотрите: вы взяли опцион¹ — опцион на право выбора, так сказать. Если вы желаете сделать второй взнос по этому опциону и оставить его в силе, то последним сроком является четверг, девять часов по нью-йоркскому времени, как и указано в договоре. Решайте сами.

Отключившись, он увидел на себе кислый взгляд своего партнера.

— Что ты так распереживался?

— Я тоже размышлял об этих алмазах, Делос. Поэтому я проверил всю полезную нагрузку «Пионера».

— Я и не знал, что ты разбираешься в технике.

— Я разбираюсь в цифрах.

— Ну ты же нашел их? Груз эф-семнадцать-цэ, две унции, предусмотрен лично для меня.

— Я их нашел. Они торчали там, как нос посреди лица. Но я не обнаружил там кое-чего другого.

Гарриман ощутил холодок в животе:

— Чего именно?

¹ *Опцион* — договор, по которому покупатель опциона (потенциальный покупатель или потенциальный продавец базового актива, т. е. товара, ценной бумаги) получает право, но не обязательство, совершить покупку или продажу данного актива по заранее оговоренной цене в определенный договором момент в будущем или на протяжении определенного отрезка времени.

— Я не нашел кода груза для погашенных конвертов. — Стронг в упор смотрел на него.

— Он должен быть. Дай-ка я посмотрю этот список.

— Его там нет, Делос. Знаешь, мне показалось странным, когда ты настоял, что лично отправишься встречать капитана Лекруа. Что произошло, Делос? Ты их протащил на борт? — Он продолжал в упор рассматривать ерзающего Гарримана. — Мы проворачивали весьма рискованные сделки — но это первый случай, когда нас могут обвинить в том, что фирма Гарримана и Стронга сжульничала.

— Черт возьми, Джордж, я бы жульничал, обманывал, крал, подкупал, просил милостыню — делал бы что угодно, лишь бы добиться того, чего мы добились. — Гарриман встал и заходил по комнате. — Мы были обязаны раздобыть эти деньги, иначе корабль никогда бы не взлетел. Мы потратили все. Ты ведь это знаешь.

Стронг кивнул:

— Но эти конверты должны были побывать на Луне. Мы взяли обязательство выполнить это.

— Проклятье, я просто забыл о них. А потом было слишком поздно учесть их вес. Но не важно. Я прикинул, что, если полет провалится, если Лекруа разобьется, никому не будет дела до конвертов. И я знал: если у него получится — тоже не важно. У нас будет куча денег. И она у нас будет, Джордж, будет!

— Но деньги нам следует вернуть.

— Прямо сейчас? Дай мне время, Джордж. Пока все довольны. Подожди, пока мы вернем наши ставки; тогда я выкуплю все эти конверты из своего кармана. Я обещаю.

Стронг продолжал сидеть. Гарриман остановился перед ним:

— Я тебя спрашиваю, Джордж, стоило ли провалить предприятие такого масштаба из-за чисто теоретического момента?

Стронг вздохнул и произнес:

— Когда придет время выкупа, возьми деньги фирмы.

— Какая сила духа! Нет, я заплачу из своих, я же обещал.

— Нет, деньги фирмы. Мы затеяли это вдвоем, вдвоем и будем выкручиваться.

— Хорошо, раз уж ты так хочешь.

Гарриман вернулся к своему столу. Оба компаньона долго молчали. Наконец прибыли Диксон с Энтенсой.

— Ну, Джек, — сказал Гарриман, — теперь тебе легче?

— Вовсе нет. Из-за тебя. За то, что я дал в эфир, пришлось сражаться, — а кое-что из этого пиратски украли. Надо было поставить в корабле телекамеру, Делос.

— Не переживай так. Я же говорил тебе, что на этот раз мы не могли позволить себе лишнего веса. Но будет следующий полет, за ним — еще. Твоя концессия будет стоить кучу денег.

Диксон откашлялся:

— Вот поэтому мы и пришли к тебе, Делос. Каковы твои планы?

— Планы? Двигаться прямо вперед. В следующий полет отправимся я, Лес и Костер. Мы создадим постоянную базу. Может быть, Костер останется там. В третий полет мы пошлем настоящих колонистов: ядерщиков, шахтеров, специалистов по гидропонике, инженеров-связистов. Мы заложим Луна-Сити, первый город на другой планете.

Диксон выглядел задумчивым.

— А когда это начнет окупаться?

— Что ты имеешь в виду под словом «окупаться»? Ты хочешь вернуть свой капитал или получать доход от инвестиций? Можно оформить и так и так.

Энтенса хотел было заявить, что хочет вернуть свои инвестиции, но Диксон объявил первым:

— Естественно, доход. Инвестиции уже сделаны.

— Отлично!

— Но я не вижу, откуда ты ждешь доходов. Конечно, Лекруа совершил полет и успешно вернулся. Это честь для всех нас. Но где премиальные?

— Дай урожаю созреть, Дэн. Разве я выгляжу обеспокоенным? Какие у нас активы? — Гарриман начал загибать пальцы. — Авторские права на фотографии, телевидение, радио...

— Это все пойдет Джеку.

— А ты глянь на соглашение. Он имеет концессию, но выплачивает за все это фирме — то есть всем нам.

— Заткнись, Джек! — гаркнул Диксон прежде, чем Энтенса успел сказать хоть слово, и добавил: — Что еще? Это нас из долгов не вытянет.

— Да нас теперь все поддержат! Над этим работают парни Монти. Доходы от самого великого бестселлера всех времен — я нанял литографистку и стенографистку, они прямо сейчас не отходят от Лекруа. Эксклюзивное право на открытие первого и единственного пассажирского космического рейса...

— Кто его предоставит?

— Выясним. Каменс и Монтгомери сейчас в Париже с этим разбираются. Во второй половине дня я к ним присоединюсь. И мы увяжем это право с правом на рейсы с *того конца* — как только у нас там будет постоянная колония, не важно, сколько места она займет. Это будет автономное государство Луны, под защитой ООН, — и никакой корабль не сможет ни сесть туда, ни взлететь оттуда без его разрешения. Кроме этого, у нас будет право предоставлять привилегии на разные цели десятку других компаний — и облагать их налогами, — как только согласно законам государства Луны будет основана «Муниципальная корпорация Луна-Сити». Мы будем продавать все, кроме вакуума, — и даже сам вакуум, для экспериментальных целей. И не забывай: у нас есть немалый кусок недвижимости с исключительным правом, как у государства, — пока еще не проданный. Луна *большая*.

— Твои идеи тоже весьма большие, Делос, — сухо сказал Диксон. — Но что будет прямо сейчас?

— Первым делом мы получим право на владение, подтвержденное ООН. Закрытое заседание Совета Безопасности идет прямо сейчас, Ассамблея соберется вечером. Дела поскачут, вот почему мне надо быть там. Когда Объединенные Нации решат — а они решат! — что единственными реальными правами на Луну обладает их собственная некоммерческая организация, вот тогда я примусь за дело. Бедная маленькая слабая некоммерческая организация дарует кое-какие права некоторым, видит Бог, вполне настоящим и совершеннолетним корпорациям — в обмен за помощь в создании лаборатории физических исследований, астрономической обсерватории, лунографического института и других

вполне себе некоммерческих предприятий. Это будет нашим промежуточным шагом, пока мы не создадим постоянную колонию с собственными законами. Тогда мы...

Диксон нетерпеливо отмахнулся:

— Оставим эти юридические махинации, Делос. Я тебя знаю достаточно давно и понимаю, что ты хорошо умеешь обтяпывать подобные трюки. Что мы должны делать дальше *на самом деле*?

— Как что? Мы должны построить другой корабль, побольше. Больше не по размерам, а по эффективности. Костер уже начал конструировать наземную катапульту, она протянется от Манитоу-Спрингс до вершины Пайкс-Пик. С ее помощью мы сможем вывести корабль на околоземную орбиту. Затем мы используем такой корабль для заправки большего числа кораблей — получится орбитальная станция вроде энергоспутника. Это поможет проложить путь к полетам на Луну на химической тяге, не отбрасывая при этом девяти десятых твоего корабля.

— Дело вроде бы недешевое.

— Само собой. Но не беспокойся: у нас есть с пару десятков всяких придумок, которые обеспечат приток денег, пока мы не встанем на коммерческую основу; а потом начнем продавать акции. Мы делали это и раньше, теперь же будем продавать их по тысяче долларов, а не по десятке.

— И ты полагаешь, что это будет поддерживать тебя, пока предприятие в целом не станет самокупаемым? Пойми, Делос, затея не станет рентабельной, пока у тебя не будет кораблей, курсирующих между Землей и Луной на коммерческой основе, выраженной в цене фрахта и пассажирских билетов. Это означает покупателей с деньгами. Так что же есть на Луне для вывоза — и кто за это будет платить?

— Дэн, ты полагаешь, что нечего будет вывозить? Если так, то зачем ты здесь?

— Я верю в Луну, Делос, а скорее, верю в тебя. Но какие у тебя сроки, какой график работ? Какой бюджет? Какие товары в перспективе? Только, пожалуйста, не надо про алмазы: эту проделку я, кажется, раскусил.

Гарриман пожевал несколько секунд свою сигару.

— Есть один ценный товар, который мы начнем отгружать прямо сейчас.

— Какой?

— Знания.

Энтенса фыркнул. Стронг задумчиво молчал. Диксон кивнул:

— Это я понимаю. Знания всегда чего-то стоят — для человека, который знает, как ими распорядиться. И я согласен, что Луна — источник новых знаний. Допускаю, что следующий полет окупится. Каковы же тогда твой бюджет и расписание?

Гарриман не ответил. Стронг внимательно изучал его выражение. Для него непроницаемое лицо Гарримана читалось, как надписи крупным шрифтом, и он решил, что его партнер загнан в угол. Нервничая, он ждал, готовый подыграть Гарриману. Диксон продолжал:

— Из того, что ты нам описал, Делос, я заключил, что у тебя недостаточно денег для следующего шага — и ты не знаешь, откуда их взять. Я верю в тебя, Делос, и я тебе говорил еще в самом начале: я не даю начинающим предприятиям погибать от анемии. Я готов приобрести дополнительно пятую долю.

Гарриман уперся в него взглядом.

— Послушай, — произнес он резко, — ты ведь теперь владеешь долей Джека?

— Я бы этого не сказал.

— Ты голосуешь с ее помощью, это совершенно очевидно.

Энтенса заявил:

— Это неправда. Я сам по себе. Я...

— Ты чертов лгун, Джек, — бесстрастно сказал Гарриман. — Дэн, у тебя теперь пятьдесят процентов. При нынешних правилах противоречия разрешаю я, что дает мне контроль, пока Джордж держится моей стороны. Если мы продадим тебе еще одну долю, ты получишь три пятых голосов — и сделаешься боссом. Ты этого хочешь от сделки?

— Делос, как я тебе сказал, я в тебя верю.

— Но с плеткой в руке ты будешь чувствовать себя счастливей. Так вот, я на это не пойду. Пусть лучше космические

полеты — настоящие космические полеты по установленным трассам — подождут еще лет двадцать, но контроль из рук я не выпущу. Я позволю нам всем разориться и жить былой славой, но контроля не отдам. Тебе придется придумать другой план.

Диксон ничего не ответил. Гарриман встал и начал мерить комнату шагами. Потом он остановился перед Диксоном:

— Дэн, если б ты на самом деле понимал, ради чего все это затеяно, я бы передал руководство тебе. Но ты не понимаешь. Ты видишь в этом только еще один путь к деньгам и власти. Я искренне желаю дать вам, стервятникам, разбогатеть, но руководство оставляю себе. Я собираюсь развивать наше дело, а не доить его. Человеческий род устремился к звездам — и эта авантюра поставит новые задачи, по сравнению с которыми атомная энергия покажется детскими игрушками. Человечество готово к ним не более, чем невинная девица — к сексу. Если не вести все это дело аккуратно, его можно испоганить. Ты бы его испортил, Дэн, дай я тебе решающий голос, — потому что ты его не понимаешь.

Он перевел дыхание и продолжал:

— Возьми, к примеру, безопасность. Знаешь ли ты, почему я позволил Лекруа повести этот корабль, вместо того чтобы сделать это самому? Ты думаешь, я испугался? Нет! Я хотел, чтобы он вернулся — *благополучно*. Я не хотел, чтобы космические полеты снова отложили на неопределенный срок. Знаешь, почему мы нуждались в приобретении монополии — по крайней мере, на сколько-то лет? Потому что теперь любые «Братья такие-то и компания» захотят строить лунные корабли, ведь они знают: это возможно. Помнишь первые времена перелетов через океан? После того как Линдберг это сделал, все так называемые пилоты, которые могли раздобыть себе этажерку, полетели куда-то за море. Некоторые из них даже детей с собой брали. Большинство из них сели в лужу — в прямом смысле. Аэропланы приобрели репутацию опасных игрушек. А несколько лет спустя авиалинии сделались столь жадными до быстрых денег при высокой конкуренции, что газету нельзя было открыть, не увидев заголовки об очередной авиакатастрофе.

С космическими полетами этого произойти не должно! Я не дам этому случиться. Космические корабли слишком велики и слишком дороги; если они тоже приобретут плохую репутацию, то нам не стоило вообще вставать с дивана. Дела буду вести я.

Он остановился. Немного подождав, Диксон сказал:

— Я говорил, что я верю в тебя, Делос. Сколько денег тебе надо?

— Да? На каких условиях?

— Твой вексель.

— Мой вексель? Ты сказал — *мой вексель*?

— Разумеется. Я хотел бы себя обезопасить.

Гарриман выругался.

— Я знал, что здесь какой-то подвох. Дэн, ты отлично знаешь: все, что у меня есть, вложено в это дело.

— У тебя есть страховка. У тебя куча страховок, я знаю.

— Да, но они все оформлены на жену.

— По-моему, я слышал, как что-то подобное ты говорил Джеку Энтенсе, — заметил Диксон. — Полно! Зная твоё отношение к выплате налогов, уверен, что у тебя найдется по крайней мере один вклад в безотзывный доверительный фонд, или ежегодная рента, или еще что-нибудь, чтобы миссис Гарриман не попала в богадельню.

Гарриман глубоко задумался:

— И когда наступит срок платежа по этому векселю?

— В чудесном далеком будущем. Разумеется, хотелось бы добавить в условия пункт о недопустимости банкротства.

— Зачем? Юридически он силы не имеет.

— Но ведь для *тебя* он будет иметь силу?

— Мм... да, будет.

— Тогда доставай свои полисы и посмотри, на какую сумму ты сможешь выписать вексель.

Гарриман поглядел на него, резко повернулся и направился к своему сейфу. Вскоре в его руках была увесистая пачка продолговатых жестких папок. Они вместе сложили стоимости — сумма вышла огромная. После этого Диксон вынул из кармана памятку и, сверившись с ней, объявил:

— Одного — и очень крупного — не хватает. Полис от «Норт Америкэн мючуэл», судя по всему.

Гарриман глянул на него с яростью:

— Черт бы тебя побрал! Мне придется выгнать с работы всех моих доверенных служащих?

— Нет, — мягко ответил Диксон, — информацию я получаю не от твоего штата.

Гарриман вернулся к сейфу, достал еще один полис и добавил его к общей куче. Стронг подал голос:

— А мои вы не желаете видеть, мистер Диксон?

— Нет, — ответил Диксон, — в этом нет нужды.

Он принялся запихивать полисы в карман:

— Я оставлю их себе, Делос, и прослежу за выплатой взносов. Я, разумеется, буду пересылать тебе квитанции. Вексель и формы о передаче полисов можешь выслать в мой офис. Вот твой чек.

Он достал еще один лист бумаги, — это был чек, уже написанный на общую сумму полисов.

Гарриман просмотрел его.

— Иногда, — произнес он медленно, — я не понимаю, кто кого обводит вокруг пальца. — Он перебрал чек Стронгу: — Хорошо, Джордж, разберись с этим. Я в Париж, мальчишки. Пожелайте мне удачи. — Он вышел с абсолютно беспечным видом.

Стронг перевел взгляд с закрывшейся двери на Диксона, потом на лежащий перед ним вексель:

— Мне следовало бы порвать эту бумажку!

— Не делай этого, — посоветовал Диксон. — Понимаешь, я в самом деле верю в него. Ты когда-нибудь читал Карла Сэндберга¹, Джордж?

— Какой из меня читатель?..

— Как-нибудь попробуй. У него есть рассказ о человеке, распустившем слух, что в аду найдена нефть. Вскоре все перебрались в ад, чтобы принять участие в нефтяном буме. Мужик, который распустил слух, поглядел на происходящее, почесал в затылке и сказал сам себе: видно, там и впрямь есть что-то такое. И тоже отправился в ад.

Не дождавшись продолжения, Стронг наконец сказал:

¹ *Карл Август Сэндберг* (1878–1967) — американский поэт, историк, романист и фольклорист, неоднократный лауреат Пулицеровской премии.

— Не понял, в чем здесь суть.

— Суть в том, что я просто хочу быть готовым защитить себя в случае чего, Джордж. И тебе следовало бы. Делос того и гляди поверит собственным выдумкам. Алмазы!.. Пошли, Джек.

12

Последующие месяцы оказались не менее напряженными, чем время перед полетом «Пионера» (ныне отправленного на почетный отдых в Смитсоновский институт¹). Одна команда инженеров и огромные отряды рабочих трудились над катапультой; еще две команды были заняты двумя новыми кораблями: «Мэйфлауэром»² и «Колонистом»; на кульманах уже находился третий корабль. Главным инженером всего проекта был Фергюсон; Костер, все еще поддерживаемый Джоком Беркли, являлся инженером-консультантом, работающим над делами по своему выбору. В Колорадо-Спрингс начался бум; поселки родтауна Денвер-Тринидад раскинулись далеко за Спрингс, пока не окружили Питерсон-Филд.

Гарриман вертелся как белка в колесе. Постоянная кампания внедрения и продвижения отнимала у него до восьми дней в неделю, но, доведя Каменса и Монтгомери почти до язвы желудка и сам обходясь без сна, он кое-как выкраивал время для наездов в Колорадо и обсуждения дел с Костером.

Было решено основать Луна-Сити в ходе следующего полета. «Мэйфлауэр», как планировалось, должен был нести не только семь пассажиров, но и груз воздуха, воды и пищи, чтобы четверо продержались на Луне до следующего полета; жить им предстояло в домике из гофрированного алюминия, герметично заделанном и погребенном под рыхлой лунной почвой, до тех пор пока — как предполагалось — не придет помощь с очередным кораблем.

¹ *Смитсоновский институт* — государственный научно-исследовательский и образовательный институт в США и принадлежащий ему комплекс музеев. Основан в 1846 году.

² «*Мэйфлауэр*» — торговое судно, на котором американские первопоселенцы пересекли океан и в 1620 году прибыли в Новую Англию.

Выбор четверых пассажиров превратился в открытый конкурс, послуживший рекламной кампанией, — рост продаж акций увеличился. По настоянию Гарримана пассажирами должны были стать две семейные пары, хотя научные организации сплошь протестовали. Он немного уступил, согласившись, что все четверо пассажиров будут учеными, но непременно составляющими две супружеские пары. Это привело к нескольким поспешным бракам — и нескольким разводам после объявления итогов конкурса.

Размер «Мэйфлауэра» был предельным для корабля, который, согласно расчетам, мог быть выведен на орбиту катапультной при поддержке тяги собственных двигателей. Перед его стартом должны были быть запущены еще четыре корабля столь же большого размера. Но то были не космические корабли, а просто безымянные танкеры. Скрупулезнейшие баллистические расчеты и точно выверенное время запуска должны были помочь им попасть в одно и то же место на орбите. Там «Мэйфлауэр» встретит их и заберет оставшееся топливо.

Это была самая сложная часть всего проекта. Если все четыре танкера удастся разместить достаточно близко, Лекруа сможет подойти к ним на своем новом корабле, используя свой весьма скудный резерв топлива для маневрирования. Если же нет — что ж, в космосе бывает очень одиноко.

Вполне серьезно обсуждалась идея посадить в танкеры пилотов, чтобы потом, ценой запаса топлива с одного танкера, использовать посадочный бот — спасательную шлюпку с крыльями, чтобы снизить скорость, достичь атмосферы и затормозиться для посадки. Но Костер нашел более дешевый способ.

Задание на сближение танкеров было передано радарному автопилоту, чьим предком был дистанционный взрыватель, а непосредственными родителями — головки самонаведения ракет. Первый танкер не нуждался в подобном оборудовании, зато робот второго мог учуять первый и при помощи крошечного двигателя сблизиться с ним на минимальной тяге. Далее подойдет третий, а за ним — четвертый.

У Лекруа не будет проблем — если система сработает.

Стронг хотел было показать Гарриману отчеты по продажам автоматического домашнего выключателя компании «Г. и С.»; Гарриман отпихнул их.

Стронг опять сунул их ему под нос:

— Тебе стоило бы проявлять больше интереса к таким делам, Делос. Кому-то в этом кабинете лучше бы следить за поступлением хоть каких-нибудь денег — наших денег! — или же тебе придется торговать яблоками на углу.

Гарриман откинулся назад и заложил руки за голову:

— Джордж, как ты можешь говорить об этом в такой день? В твоей душе не осталось поэзии? Ты не расслышал, о чем я сказал, входя? Рандеву состоялось! Танкеры «Первый» и «Второй» сошлись, как сиамские близнецы. Через неделю мы вылетим.

— Может быть, и так. Но бизнес должен продолжаться.

— Вот ты его и продолжай, а у меня назначена встреча. Когда Диксон должен появиться?

— Прямо сейчас.

— Прекрасно! — Гарриман откусил кончик сигары и продолжил: — Знаешь, Джордж, я не жалею, что не отправился в первый полет. Зато он мне еще предстоит. Я весь в ожидании, как жених, — и так же счастлив. — Он начал мурлыкать что-то себе под нос.

Диксон появился без Энтенсы, — так он стал поступать после того, как больше не изображал, что контролирует только одну долю в партнерстве. Они обменялись рукопожатием.

— Ты слышал новости, Дэн?

— Джордж сказал мне.

— Вот оно! Ну почти. Спустя примерно неделю я буду на Луне. Едва могу в это поверить.

Диксон молча уселся. Гарриман продолжал:

— Ты даже не собираешься меня поздравить? Это великий день, дружище!

— Ди-Ди, зачем ты летишь? — спросил Диксон.

— А? Не задавай дурацких вопросов. Я ради этого и работал.

— Это не дурацкий вопрос. Я спросил: зачем *ты* летишь? У четырех колонистов есть очевидные причины, к тому же каждый из них — отобранный специалист. Лекруа — пилот. Костер — человек, который проектирует постоянную колонию. Зачем летишь ты? В чем твоя функция?

— Моя функция? Я — тот, который ведет все дела. Черт, да я буду баллотироваться на пост мэра, когда туда доберусь. Сигару, дружище? Меня зовут Гарриман. Не забудьте проголосовать. — Он осклабился.

Диксон не улыбался:

— Я и не знал, что ты намерен там остаться.

Гарриман выглядел слегка смущенно.

— Ну, это пока так, разговоры. Если мы достаточно быстро построим укрытие, то, может быть, сэкономим припасов достаточно, чтобы и мне хватило до следующего рейса. Ты же не будешь мне завидовать из-за этого?

Диксон посмотрел ему прямо в глаза:

— Делос, я не могу тебя отпустить.

Гарриман опешил настолько, что лишился дара речи. Наконец он смог выговорить:

— Не шути, Дэн. Я лечу. Ты меня не остановишь. Ничто на Земле меня не остановит.

Диксон отрицательно покачал головой:

— Я не могу этого позволить, Делос. Я слишком в этом увяз. Если ты полетишь и с тобой что-нибудь случится, я потеряю все.

— Глупости. Дело продолжите вы с Джорджем.

— Спроси у Джорджа.

Стронгу нечего было сказать. Похоже, он избегал встречаться глазами с Гарриманом. Диксон продолжал:

— Не пытайся обмануть себя, Делос. Это предприятие и ты — одно целое. Если ты погибнешь, все развалится. Я не имею в виду, что развалится система космических полетов; думаю, ты придал ей такой импульс, который понесет ее дальше и при менее значительных людях на твоем месте. Но данное предприятие — наша компания, — точно развалится. Джорджу и мне придется ликвидировать ее по полцента за доллар. И чтобы получить их, потребуется продать даже

патентные права. Материальные активы вообще ничего не стоят.

— Черт возьми, мы продаем как раз нематериальные активы. И ты знал об этом с самого начала.

— Нематериальный актив — это ты, Делос. Ты — гусыня, несущая золотые яйца. Я хочу, чтобы ты оставался тут, пока не отложишь их все. Ты не имеешь права рисковать своей головой в космических полетах, пока не выведешь этот проект на окупаемость, чтобы любой компетентный менеджер, вроде Джорджа или меня, мог поддерживать его кредитоспособность. Я очень серьезен, Делос. Я слишком много в это вложил, чтобы позволить тебе рискнуть всем в увеселительной поездке.

Гарриман встал, упершись пальцами в край стола. Он тяжело дышал.

— Ты не можешь остановить меня! — с нажимом в голосе проговорил он. — Ты с самого начала знал, что я собираюсь лететь. Ты не сможешь остановить меня сейчас. Все силы ада илирая не остановят меня.

Диксон спокойно ответил:

— Сожалею, Делос. Но я могу тебя остановить и сделаю это. Я могу задержать этот корабль.

— Попробуй! У меня не меньше адвокатов, чем у тебя, — и более квалифицированных!

— Полагаю, ты обнаружишь, что популярность твоя в американских судах уже не та — с тех пор как Соединенные Штаты выяснили, что Луна им все-таки не принадлежит.

— Попробуй, говорю тебе. Я разгромяю тебя и заодно отсужу твои доли.

— Полегче, Делос! Не сомневаюсь, что ты заготовил план, по которому, если захочешь, сможешь оттяпать основную компанию у нас с Джорджем. Но этого не понадобится. И корабль задерживать не понадобится. Я не меньше тебя хочу, чтобы этот полет состоялся. Но тебя на борту не будет, потому что ты сам так решишь.

— Я так решу, ага. По-твоему, я псих?

— Нет, как раз наоборот.

— Тогда почему я не полечу?

— Из-за выписанного тобой векселя, который у меня на руках. Я хочу его предъявить к оплате.

— Что? Срок еще не подошел.

— Нет. Но я хочу быть уверен, что получу по нему деньги.

— Ты, тупица! Если я погибну, ты получишь их еще быстрее!

— Разве? Ты ошибаешься, Делос. Если ты погибнешь во время своей лунной экспедиции, я не получу ничего. Я знаю точно; я проверил во всех страховых компаниях, которые выписали тебе полисы. Большинство из них имеет специальные оговорки насчет экспериментальных аппаратов, которые восходят еще ко временам ранней авиации. В любом случае, если ты ступишь на борт этого корабля, они аннулируют полисы и будут биться за это в суде.

— Это ты надоумил их!

— Успокойся, Делос, а то инсульт заработаешь. Разумеется, я расспрашивал их, но ведь я законно заботился о своих интересах. Я не хочу предъявлять этот вексель к оплате — ни сейчас, ни в случае твоей смерти. Я хочу, чтобы ты погасил его из собственных доходов, оставаясь здесь и заботясь о нашей компании, пока она не встанет на ноги.

Гарриман швырнул свою изжеванную и недокуренную сигару в мусорную корзину — и промахнулся.

— Плевать я хотел на твои убытки. Если бы ты эту свору не потревожил, они заплатили бы как миленькие.

— Но ведь это позволило найти слабое место в твоих же планах, Делос. Если космические полеты сделаются успешными, страхование расширится и будет действовать даже в космосе.

— Черт подери, одна из компаний — «Норт Америкэн мьючуэл» — это уже делает.

— Я видел их рекламу и посмотрел, что они могут предложить. Это просто рюшечки на той же самой оговорке. Нет, страховую систему придется пересматривать, во всех смыслах.

Гарриман призадумался.

— Я проработаю этот вопрос. Джордж, позвони Камену. Может быть, нам придется организовать собственную компанию.

— Оставь Каменса в покое, — возразил Диксон. — Речь сейчас о том, что ты не можешь отправиться в этот полет. Слишком много подобных мелочей, требующих твоего присутствия, планирования и заботы.

Гарриман уперся в него взглядом:

— В твоей голове, Дэн, никак не укладывается, что я *ле-чу!* Задержи корабль, если можешь. Если ты расставишь вокруг него шерифов, я найму бандитов, которые их вышвырнут вон.

Диксон выглядел огорченным.

— Не хотелось упоминать об этом, Делос, но, боюсь, тебя остановят, даже если я умру на месте.

— Кто же?

— Твоя жена.

— А она какое к этому имеет отношение?

— Она готова прямо сейчас подать в суд на содержание при раздельном проживании — твоя жена узнала про страховые полисы. Когда же она услышит про теперешний план, то потащит тебя в суд и добьется проверки всех активов.

— Это ты внушил ей эту мысль!

Диксон колебался. Он знал, что Энтенса проболтался миссис Гарриман — со злости. Но не видел смысла усугублять ситуацию личной враждой.

— Она достаточно умна, чтобы провести кое-какое расследование по собственной инициативе. Не буду отрицать, что имел с ней беседу, — но это она меня позвала.

— Я засужу вас обоих!

Гарриман прошагал к окну и остановился, глядя наружу. Окно было настоящим — он любил смотреть на небо. Подойдя к нему, Диксон положил ему руку на плечо и мягко сказал:

— Делос, расслабься. Никто не пытается отнять твою мечту. Но ты не можешь лететь прямо сейчас; ты не можешь нас подвести. Мы далеко зашли вместе с тобой; ты обязан двигаться вместе с нами, пока все не будет сделано.

Гарриман не ответил. Диксон продолжал:

— Если ты не испытываешь ко мне особой симпатии, то как насчет Джорджа? Он оставался вместе с тобой *против* меня, даже когда это вредило ему, когда он думал, что ты его

разоряешь, — и ты его точно разоришь, если не доведешь это дело до конца. Как насчет Джорджа, Делос? Ты и его готов подвести?

Гарриман резко повернулся и, не обращая внимания на Диксона, обратился к Стронгу:

— Что скажешь, Джордж? И ты считаешь, что я должен остаться?

Стронг потер руки и пожевал губу. Наконец он поднял взгляд:

— Со мной все в порядке, Делос. Поступай, как считаешь нужным.

Гарриман долго стоял, смотря на него, гримасничая, словно готовый заплакать. Потом он хрипло проговорил:

— Ладно, мерзавцы. Я остаюсь.

14

То был один из чудесных вечеров, которые стали нередки в районе Пайкс-Пик, после того как грозы отмыли небо. Колея катапульты прямой линией возносилась к вершине горы, склон которой был разрыт, чтобы дать ей дорогу. Гарриман в компании почетных гостей прощался с пассажирами и экипажем «Мэйфлауэра» в только что законченном временном здании космопорта.

Толпы зрителей подступили прямо к рельсам катапульты. Не было нужды держать их вдали от корабля; его двигатели включатся, только когда он достигнет вершины. Охранялись только сам корабль и сияющие рельсы.

Диксон и Стронг стояли рядом, держась у края площадки, отгороженной для пассажиров и официальных лиц. Они наблюдали, как Гарриман подбадривает улетающих.

— До свидания, доктор. Присматривайте за ним, Джанет. Не позволяйте ему отправиться на поиски Лунных Дев¹.

Потом он что-то приватно обсудил с Костером и похлопал молодого человека по спине.

— Держится молодцом, — прошептал Диксон.

¹ По-видимому, намек на одноименный роман Э. Р. Берроуза, вышедший в свет в 1919 году.

— Может, нам надо было позволить ему улететь? — сказал Стронг.

— Что? Глупости! Он нам всем нужен. Кроме того, место в истории ему уже обеспечено.

— История его не беспокоит, — ответил Стронг серьезно, — он просто хочет полететь на Луну.

— Ну, если подумать — может и улетать... только пускай здесь все закончит. В конце концов, это его работа. Он сам все это создал.

— Я знаю.

Обернувшись, Гарриман увидел их и подошел поближе. Они замолчали.

— Ладно, не прикидывайтесь, — сказал он жизнерадостно. — Все в порядке. Я полечу следующим рейсом. К тому времени дело пойдет своим чередом. Вот увидите. — Он снова повернулся к «Мэйфлауэру». — Красавец, правда?

Внешний люк закрылся; вдоль колеи и на контрольной вышке замигали огни готовности. Взыла сирена.

Гарриман подошел поближе:

— Пошел!

Кричала, похоже, вся толпа. Огромный корабль медленно и плавно двинулся вверх по колее, набрал скорость и унесся к далекому пику. Он казался совсем крошечным к моменту, когда оторвался от склона и взмыл в небо.

Какую-то долю секунды он словно завис над землей, потом из кормовых сопел вырвался сноп света. Включились ракетные двигатели.

Корабль превратился в сияющий огонек в небе, пламенный шарик — и исчез. Он мчался вверх и вдаль на randevу с танкерами.

Когда корабль унесся к горе, люди подались к западной части площадки. Но Гарриман остался на месте. Диксон и Стронг тоже не последовали за толпой. Они стояли втроем, но Гарриман как будто пребывал в одиночестве, никого не замечая вокруг. Он смотрел в небо.

Стронг наблюдал за ним. Спустя какое-то время он прошептал Диксону:

— Ты читал Библию?

— Немного.

— Он выглядит так, как должен был выглядеть Моисей, увидевший Землю обетованную.

Гарриман оторвал взгляд от неба и заметил их.

— Вы еще здесь, парни? — сказал он. — У нас есть работа, пойдёмте.

КОММЕНТАРИЙ

Первоначальный замысел Хайнлайна относительно серии из пяти томов «Истории будущего» в издательстве «Shasta» заставил его написать новые рассказы — фактически повести — в 25 000—50 000 слов, чтобы заполнить пробелы в повествовании. «Человек, который продал Луну» была первой из этих повестей, и Хайнлайн предоставил «Shasta» эксклюзивные, хотя и весьма ограниченные права. Повесть была написана ранней весной 1949 года, когда Хайнлайн собирался возвращаться в Голливуд для работы в качестве технического режиссера над фильмом «Пункт назначения — Луна»¹.

Спланировать повествование оказалось непросто, хотя к этому времени Хайнлайн обдумывал его четыре года: оно должно было вписаться в весьма узкий промежуток времени на схеме «Истории будущего», поскольку подстегивало некоторые события, подразумевавшиеся в рассказе «Взрыв всегда возможен». Роберт и Джинни² неустанно трудились над фоном, на котором разворачивались события. Основная канва была построена вокруг реального плана Хайнлайна организовать «ракетный проект пяти компаний и фонда Гуггенхайма, спонсируемый правительством» сразу же после того, как он покинул Научно-исследовательскую лабораторию ВМФ в конце Второй мировой войны. План Хайнлайна был развеян отчаянным стремлением страны к «нормальной жизни» и перетеканию всех — или практически всех — ракетных исследований, спонсируемых правительством, в программу разработки управляемых ракет военного назначения. (Подробнее об этих усилиях смотри комментарий к рассказу «Далила и космический монтажник».) Чтобы отра-

¹ Фильм «Пункт назначения — Луна» был снят в 1950 году. Хайнлайн принимал участие в написании сценария.

² То есть жена Хайнлайна — Вирджиния.

зять пессимистичное, но и мудрое предвидение Хайнлайном грядущих практических и политических сложностей, они добавили в сюжет всевозможные фоновые детали — поистине всеобъемлющий подход к построению НФ-рассказа.

Повесть произвела столь сильное впечатление, что в «Shasta» отбросили первоначально предложенное Хайнлайном название для первой книги — вероятно, «Внешнее побуждение» — и назвали сборник «„Человек, который продал Луну“ и другие истории», будучи уверены, что эта новая повесть привлечет читателей Хайнлайна из сообщества любителей фантастики. «Бездна», рассказ, написанный Хайнлайном сразу же после «Человека, который продал Луну», был опубликован в ноябрьском и декабрьском номерах «Astounding» за 1949 год как давно возвещенное «возвращение» автора к публикациям в НФ-журналах после шестилетнего перерыва (на самом деле он написал несколько рассказов для глянцевого журналов, которые, не дождавшись намечавшихся публикаций, вышли в непрестижных дешевых изданиях, но это не имеет значения).

Разделяемые авторские права были в 1949 году относительно новой новинкой, и Хайнлайн не имел достаточного опыта их практического применения, чтобы опереться на него в принятии деловых решений; он был вынужден сам стать одним из пионеров в разработке того, что станет впоследствии повсеместным в писательском бизнесе. Хайнлайн знал, что у его рассказов уже есть активный вторичный рынок (перепечатки), но не представлял, от какого большого вторичного дохода он отказался, уступив «Shasta» на три года исключительные права на «Человека, который продал Луну» (включая и продажи Голливуду). В будущем такой ошибки он больше не сделает — особенно с «Shasta», чья деловая практика еще до намеченного выхода в свет следующей книги цикла из раздражающей превратилась в пиратскую. Хайнлайн не написал *ни одной* из запланированных новых повестей («Da Caro» он отложил на двадцать три года!), а для последнего из сборников «Shasta», «Восстание в 2100 году», он написал апологию под названием «Повесть о ненаписанных повестях». Как и в большинстве подобных объяснений, Хайнлайн поведал нам правду, почему эти повести не были написаны, — но не всю правду.

«Человек, который продал Луну» имел широкий успех и в последующие годы. В пределах жанра эта повесть стала считаться классикой, одной из икон послевоенной научной фантастики. На «Филконе тысячелетия» в 2001 году она даже бы-

ла награждена премией «Ретро Хьюго». Поскольку премии «Хьюго» начали присуждаться в 1953 году, а регулярно — только с 1955 года, современные Уорлдконы¹ могут присуждать «Ретро Хьюго» за не рассмотренные в свое время работы, с интервалом 25, 50 и 75 лет. Уорлдкон 2001 года вручил «Ретро Хьюго» произведениям, напечатанным в 1950 году, и работы Хайнлайна получили сразу три премии: «Фермер в небе» — за лучший роман, «Пункт назначения — Луна» — за лучшую медиапрезентацию и «Человек, который продал Луну» — за лучшую повесть.

Повесть оказала воздействие и вне пределов жанра: в 50-х годах «крупная корпорация» (к сожалению, Джинни Хайнлайн так и не указала, какая именно) использовала «Человека, который продал Луну» как образцовый пример творческого маркетинга. Без сомнения, также благодаря и этой повести к Хайнлайну обратились за консультациями при перестройке исследовательского отдела «Доу кемикэл»² в 1962 году, а позднее пригласили участвовать в аналитических центрах Германа Кана³. Предприниматель Питер Диамандис (первый получатель Хайнлайновской премии за коммерческое освоение космоса, включающей и экземпляр «Человека, который продал Луну») назвал эту повесть своим «бизнес-планом» — и такое отношение широко распространилось среди новых частных космических компаний.

¹ *Уорлдконы* — сокращенное название съездов Всемирного общества научной фантастики (состоящего в основном из читателей), проводимых с 1939 года, как правило, в США. В числе прочего на них присуждается премия «Хьюго» — одна из старейших в фантастической литературе.

² Одна из крупнейших химических компаний мира.

³ *Герман Кан* (1922–1983) — американский экономист и выдающийся футуролог.

ДАЛИЛА И КОСМИЧЕСКИЙ МОНТАЖНИК

Моим родителям

Чего греха таить — хлебнули мы лиха, пока монтировали Первую станцию. А все работнички, им за это спасибо.

Спору нет, отгрохать такое сооружение, да еще за двадцать две тысячи триста миль от Земли, — дело непростое. Это и называется инженерный подвиг: куда до него какому-нибудь Панамскому каналу, египетским пирамидам или даже ядерному реактору на Саскуэханне. Впрочем, это неудивительно, строил ее Ларсен — Тини Ларсен¹, а раз уж он берется за дело, то делает его до конца.

В первый раз я увидел Тини, когда он играл защитником в команде полупрофессионалов Оппенгеймеровского технологического. Он начал подрабатывать у меня на летних каникулах, пока не выпустился. Так он и пошел по строительной части, и так получилось, что потом уже я работал под его руководством.

Тини такой — ни в жизнь не возьмет работу, пока не дознается наверняка, что проект хорош на все сто. А Первая станция изначально имела в своем составе узлы, которые если кто-то и мог смонтировать, так не иначе как шестипалые обезьяны, а не парни в скафандрах. Тини вынюхал все эти ляпы и минусы — ни тонны металла не отправилось в космос, пока он лично до последнего болтика не перелопатил всю документацию и чертежи.

Так что череп у нас трещал исключительно из-за людей. Женатых на станции почти не было, все больше — отпетые безбашенные холостяки: одни попали сюда, гонясь за длинной деньгой, других попутал бес приключений. Кто-то был

¹ Tipy — «крошка» (англ.). — Примеч. С. В. Голд.

разжалованным космонавтом, иные имели специальность, вроде электриков с приборами. Где-то половину составляли водолазы-глубинники, а для них, как известно, скафандр что для другого пижама. Были еще кессонщики, монтажники, сварщики, разметчики и даже два цирковых акробата.

Четверых мы погнали за пьянку на рабочем месте, Тини даже пришлось сломать одному руку, уж слишком тот не хотел увольняться. И вот ведь что интересно — где эта пьянь брала выпивку? Источник мы не сразу, но отыскиали: один умелец-разметчик соорудил низкотемпературный самогонный аппарат, использующий космический вакуум. Так и гнал потихоньку сивуху из ворованной на складе картошки. Если честно, не хотелось с ним расставаться, но уж больно ушлый был парень.

А игра в кости! Вы думаете, раз невесомость и станция находится на геостационарной орбите, так в кости и не сыграешь? Фигушки! Радист по имени Петерс ухитрился приспособить стальные кубики и магнитное поле. Ну и заодно придумал, как исключить из игры элемент случайности. За последнее-то его и пришлось уволить.

Мы собирались отправить радиста на Землю ближайшим транспортным кораблем — как раз на подходе был «Полумесяц». Я сидел у Тини в каюте, когда «Полумесяц» начал делать корректировку курса.

— Пошли кого-нибудь за Петерсом, Папа, — попросил Тини, подплывая к иллюминатору, — скажи ему что-нибудь веселенькое на прощанье и вышвырни его на хрен отсюда. Кто там ему на замену?

— Тип по имени Г. Брукс Макнай, — ответил я.

Из корабля, извиваясь змеей, начал выползать трос. Тини сказал:

— Похоже, у них нелады с привязкой к нашей орбите.

Он запросил радиорубку о положении корабля относительно станции. Ответ ему не понравился, и он приказал соединить его с «Полумесяцем». Тини ждал, пока на экране не появился командир корабля.

— Доброе утро, капитан. И кого же ты собрался ловить на свою удочку?

— Твой груз, естественно. Давай сгружай сюда своих алкашей. Я хочу отвалить до того, как до нас доберется тень.

Надо сказать, что каждый день примерно на час с четвертью станция попадала в тень Земли, и поэтому, чтобы не жечь зазря монтажные прожектора и не изнашивать обогрев скафандров, мы пропускали темный период, работая в две смены — по одиннадцать часов каждая.

Тини покачал головой:

— И не подумаю, пока вы не скорректируете с нами курс и скорость.

— А я что сделал!

— А мои приборы говорят, что нет.

— Тини, поймей совесть! У меня не так много топлива, чтобы маневрировать всякий раз. И так я из-за тебя опаздываю, а если еще начну жонглировать кораблем ради паршивых нескольких тонн, то мне придется садиться на вспомогательную площадку. Или вообще планировать, не дай бог!

В то время все корабли имели крылья на случай вынужденной посадки.

— Слушай, капитан, — грубо оборвал его Тини, — ты для чего сюда прилетел? По-моему, как раз для того, чтобы ради этих паршивых нескольких тонн скорректировать наши орбиты. А куда и как ты там приземлишься — меня не волнует. Да хоть в Литл-Америку на задницу! Вспомни, когда привозил сюда первые грузы, ты же с ними как с ребеночком нянчился. Так давай и с другими так же. Ставь свою лошадь в стойло.

— Ну хорошо, начальник, — угрюмо ответил капитан Шилдс.

— Не кипятись, Дон. — Тини сменил гнев на милость. — Говорят, у тебя есть для меня пассажир?

— Уж это точно! — На лице Шилдса появилась мстительная улыбочка.

— Ты поддержи его чуток у себя, пока мы не покончим с разгрузкой. Может быть, до тени и справимся.

— Ладно, ладно! В конце концов, у тебя проблем теперь и так выше крыши. — Капитан ушел со связи, оставив моего босса в недоумении.

Но раздумывать над его словами времени у нас не было. Шилдс быстро развернул корабль гироскопами, пару раз стрельнул дюзами и встал ровнехонько с нами, при этом топлива, несмотря на свое нытье, израсходовал всего ничего. Я выволок за борт всех, кого еще не успел уволить, и мы быстро принялись за разгрузку, стараясь успеть до того, как нас накроет земная тень. Невесомость при грузовых работах всегда только на руку: мы выпотрошили «Полумесяц» — одними руками, заметьте, — ровно за пятьдесят четыре минуты.

Груз был обычный: заправленные кислородные баки в комплекте с защитными алюминиевыми отражателями, плиты внешней обшивки — этикие многослойные бутерброды из листового титана и наполнителя из пеностекла; а также ящики с РУВ — реактивными устройствами взлета — для раскрутки жилых отсеков. После того как все это было выгружено и прицеплено к грузовому тросу, по нему же я отослал наших ребят обратно: это вопрос жизни, без страховки любые работы за бортом я запрещаю категорически, тут уж никакие байки о любимчиках госпожи Вселенной не проходят. Затем я сказал Шилдсу, чтобы выпускал пассажира и отчаливал.

Этот малый вылез через воздушный шлюз и прицепился к соединительному тросу. Как матерый космический волк, он ловко оттолкнулся ногами и поплыл параллельно тросу — его страховочный карабин едва за ним поспевал. Увидев такое дело, я быстро рванул обратно к станции и знаками велел ему следовать за собой. Вскоре вся наша компания — я, Тини и новичок — одновременно достигла шлюзовой камеры.

Кроме обычного грузового шлюза, у нас имелось еще три экстренных, компании «Дженерал электрик». Экстренный шлюз — это та же самая «железная дева», только без шипов; он вмещает в себя скафандр, космонавта в скафандре и немного воздуха для продувки. Работает экстренный шлюз автоматически — тем самым экономя время при пересменке. Я выбрал средний; Тини, как и положено, главный. Новенький, ничуть не смутившись, занял то, что ему осталось.

Мы втроем ввалились в кабинет Тини. Тот закрепился на полу и откинул шлем.

— Что ж, Макнай, — сказал он, — рады тебя видеть.

Новый радиотехник тоже освободился от шлема. Я услышал тихий, приятный голос:

— Спасибо.

Я только на него глянул — и решил промолчать. Даже я со своего места увидел, что наш новый радиотехник носит в волосах бант.

Я думал, Тини взорвется. Ему не нужно было видеть бант в волосах. Одного взгляда под откинутый шлем хватило, чтобы сообразить: новенький был такой же мужчина, как я — Венера Милосская! Тини прошипел что-то сквозь зубы, отстегнулся и бросился к иллюминатору.

— Папа, — завопил он на ходу, — радиорубку! Срочно! Задержи этот корабль!

Но «Полумесяц» уже превратился в чуть заметную огненную горошину. Тини стоял как ошпаренный.

— Папа, — тихо спросил он, — кроме нас, об этом кто-нибудь еще знает?

— Вроде нет.

Он задумался на секунду.

— Тогда надо спрятать ее от греха подальше. Вот что — запрем ее где-нибудь и подождем до следующего корабля. — Ее он словно не замечал.

— О ком это вы говорите? — громко спросила его Макнай. Приятности в ее голосе поубавилось.

Тини волком посмотрел на нее:

— О вас, о ком же еще. Значит, путешествуем без билета?

— Не говорите глупостей! Я — Г. Б. Макнай, инженер-электронщик. Разве вы не получали мои документы?

Тини повернулся ко мне:

— Папа, да ты... Да какого... Прошу прощения, мисс. Чем ты смотрел, если тебе умудрились всучить... э-э-э... бабу? Ты хоть в заявку на нее догадался глянуть?

Тут уж настала моя очередь возмутиться:

— Ну надо же, какой умник! Где ты видел, чтобы в документах указывали пол? Комиссия по равноправному трудоустройству такого не допустит, разве что в особых случаях, когда это касается особенностей работы.

— То есть ты хочешь сказать, что *здесь* это *несущественно*?

— Так это же не физический труд. Ты ведь знаешь, сколько на Земле женщин — радисток и диспетчеров.

— Мы не на Земле. — Лицо Тини стало мрачнее тучи. Он, наверно, подумал, каково ему теперь будет осаживать оголодавших двуногих козлов, которыми набита станция. Тем более что Г. Б. Макнай выглядела очень даже недурно. Не знаю, может быть, виноваты те восемь месяцев, что я провел на орбите без женщин, но про себя я решил твердо: новенькая должна остаться.

— Я слышал даже о женщинах-космопилотах, — злорадно продолжил я.

— А про женщин-архангелов ты ничего не слышал? Так вот, здесь, на станции, женщин не было и не будет!

— Минуточку! — В отличие от меня она была не рассержена, а обижена. — Вы руководитель строительства?

— Ну, — согласился Тини.

— Очень хорошо. Тогда спрашивается, откуда вам знать, женщина я или нет?

— Вы что, пытаетесь отрицать, что вы женщина?!

— Вот еще! Я горжусь этим. Но если подойти к делу формально, вы же, когда читаете «Г. Брукс Макнай», не знаете, какого этот человек пола? Вот поэтому я всегда пишу «Г» вместо Глории. Мне не нужны скидки и одолжения!

Тини хмыкнул:

— На это можете не рассчитывать. Я не знаю, как вы сюда пролезли, но имейте в виду, Макнай, Глория или как вас там, — вы уволены и следующим кораблем вернетесь на Землю. А до отправки мы постараемся, чтобы никто из наших не догадался, что на борту женщина.

Я прочел по ее губам, как она сосчитала до десяти.

— Дадут мне здесь хоть слово сказать, — проговорила она наконец, — или вы и дальше будете строить из себя капитана Блая?

— Говорите.

— Никуда я не пролезала. Я — штатный сотрудник станции, старший инженер по связи. Я сама выбрала эту должность, специально, чтобы разобраться с оборудованием, по-

ка его еще устанавливают, и не собираюсь из-за вас отказываться от работы. Я остаюсь здесь, вот и все.

Тини не обратил на это внимания:

— Построим станцию, тогда живите. Всем будет можно: мужчинам, женщинам, даже детям. А сейчас — никаких женщин, говорю вам как начальник.

— Ну, это мы еще поглядим. Во всяком случае, уволить меня вам не удастся: радиоперсонал на вас не работает.

В этом она была права: связисты и некоторые другие специалисты были временно предоставлены нам, «Файв компаниз, инкорпорейтед», оставаясь при этом сотрудниками заказчика, то есть «Гарриман энтерпрайзис».

Тини усмехнулся:

— Уволить вас я, может, и не имею права, но отправить домой — могу: «поставляемый заказчиком персонал должен полностью удовлетворять подрядчика», то есть — меня. Параграф семь, пункт «М», я же его и писал.

— Тогда вы обязаны знать, что, если поставляемый персонал получает немотивированный отказ, — расходы, связанные с его заменой, несет непосредственно подрядчик.

— Да, есть риск понести убытки, но я иду на него — вы возвращаетесь, и больше вас здесь никогда не будет!

— Вы... Вы просто глупец!

— Может быть, но здесь решаю я. И я скорее возьму какого-нибудь кретина, чем бабу, которая будет вертеть хвостом перед моими парнями!

Она только ахнула. Тини понял, что перегнул палку.

— Извините, мисс, — подавив смущение, добавил он, — я серьезно вам говорю. Вы будете спрятаны до тех пор, пока я не смогу от вас избавиться.

Только она собралась ему возразить, как я крикнул, показывая на иллюминатор:

— Посмотри назад, Тини!

К иллюминатору, вытаращив от изумления глаза, уже приклеился один из монтажников. Трое или четверо других плавали за его спиной, дожидаясь своей очереди.

Тини шукой метнулся к иллюминатору, и они брызнули в разные стороны, как перепуганные пескاري. Так напугались, бедные, что чуть скафандры не потеряли в спешке.

Мне показалось, что наш начальник собрался пробить иллюминатор кулаком — а стекло в нем как-никак кварцевое.

Когда он вернулся на место, вид у него был побитый.

— Мисс, — он указывал на дверь в глубине каюты, — подождите пока в моей спальне.

Когда она скрылась за дверью, Тини спросил:

— Что теперь будем делать, Папа?

— Я думал, что ты уже все решил, Тини, — ответил я.

— Да решил я, решил, — сказал он раздраженно. — Вызови сюда главного инспектора, хорошо?

Было ясно — отступать он не собирается. Группа инспекторов принадлежала не нам, а компании «Гарриман энтерпрайзис», и, по мнению Тини, они больше мешали, чем помогали делу. Кроме того, Тини был выпускником Оппенгеймера, а Далримпл — главный инспектор, — тот кончал МТИ¹.

Явился главный инспектор, бодрый и самоуверенный, как всегда:

— Доброе утро, начальник. Здравствуйте, мистер Уизерспун. Чем могу быть полезен?

Тини мрачно изложил — чем. Лицо Далримпла так и светилось самодовольством.

— Она права, старина. Ты можешь, конечно, отправить ее назад и даже указать в рекламации, чтобы прислали мужчину. Но вряд ли я смогу сейчас одобрить твою «уважительную причину».

— Черт возьми! Далримпл, но мы не можем держать здесь женщину!

— Спорный вопрос. В контракте это не оговорено, ты же знаешь.

— Если бы твоя компания не прислала нам того шулера, который был до нее, — я не вляпался бы во всю эту историю!

— Ну-ну, побереги свое давление. Давай отложим вопрос о моем одобрении и обсудим цену вопроса. Это тебя устроит?

— Еще бы! То есть спасибо!

¹ МТИ — Массачусетский технологический институт — *Примеч С. В. Голд*

— Не за что. Но подумай, что получается: ты вытурил Петерса, заранее не переговорив с новичком, и этим сократил свой штат до одного радиооператора. А Хэммонд не может дежурить двадцать четыре часа в сутки.

— Он может спать прямо в рубке. Сигнал его разбудит.

— Ну уж нет. И базу и эфир надо прослушивать постоянно. «Гарриман энтерпрайзис» направила сюда квалифицированного оператора, и хочешь ты этого или не хочешь, но боюсь, что тебе придется терпеть ее пока у себя.

Тини понял, что от судьбы не уйдешь. Он тихо сказал:

— Папа, поставь ей первую смену. И будет лучше, если в эту же смену ты поставишь женатых.

Затем он позвал Глорию:

— Ступайте сейчас в радиорубку и потихоньку присматривайтесь к работе, чтобы Хэммонд мог поскорее сдать вам дежурство. Прислушивайтесь к его советам. Человек он порядочный.

— Знаю, — кротко сказала она, — я его обучала.

Тини моментально заткнулся. Зато тут же встрял в разговор инспектор:

— Начальнику, конечно, можно не обращать внимания на такие мелочи, как знакомство, но все-таки позвольте представиться: я — Роберт Далримпл, главный инспектор. Вероятно, он не представил вам своего помощника, мистера Уизерспуна.

— Можете называть меня Папой, — сказал я.

— Привет, Папа. — Она улыбнулась, и я почувствовал, как по всему моему телу разливается приятная теплота.

Потом она ответила Далримплу:

— Странно, что мы не встречались раньше.

Тини ее перебил:

— Макнай, спать вы будете у меня. — На это она удивленно подняла брови, а он с суровым видом продолжил: — Свои вещи я уберу оттуда сегодня же. Да, и главное: как придете после дежурства, сразу же запирайте дверь.

— Да, черт побери, так и сделаю!

Тини при этом покраснел.

Работы навалилось так много, что мисс Глорию я почти не видел. Предстояло распределить поступивший груз, установить новые кислородные баки и поставить на них отражатели. Но самой хлопотной задачей была раскрутка жилых отсеков. Даже самые отчаянные оптимисты не ожидали увеличения межпланетного трафика в течение ближайших лет, тем не менее «Гарриман энтерпрайзис» ожидала кое-какой активности и планировала сдавать в аренду помещения станции, чтобы отчасти компенсировать свои огромные вложения в строительство.

ИТТ¹, к примеру, арендовала здесь площадь для своей микроволновой релейной станции, обещая — только за одно телевидение — несколько миллионов в год; у Бюро погоды чесались руки оборудовать интегрирующую станцию полущария; у Паломарской обсерватории — у той просто была концессия («Гарриман энтерпрайзис» пожертвовала им площадь); Совет Безопасности разрабатывал некий сверхсекретный проект; Физическая лаборатория Ферми и Институт Кеттеринга тоже имели здесь свои помещения. В общем, даже если мы не будем сдавать жилье туристам и путешественникам, дюжина арендаторов уже готова въехать немедленно или в самое ближайшее время. «Файв компаниз, инкорпорейтед» обещали премии за досрочное выполнение работ и оказывали всяческую помощь, поэтому мы спешили с раскруткой жилой зоны.

Тем, кто никогда не бывал в открытом космосе, трудно вбить себе в голову — по крайней мере, у меня такое бывало, — что в космосе, на орбите, нет ощущения тяжести, а потому нет ни взлетов, ни падений. Есть Земля, круглая и прекрасная, и всего в каких-то двадцати с лишним тысячах миль — вот она, почти рядом, того и гляди заденешь за нее рукавом. Вы знаете, что она притягивает вас к себе. Но своего веса вы просто не чувствуете, ну ни капли, вы парите...

Парение просто незаменимо для некоторых видов работ, но что касается приема пищи или, скажем, игры в карты, не говоря уже про купание, — в этих вещах ощущать свой вес

¹ ИТТ — Международная телефонная и телеграфная корпорация. — Примеч. С. В. Голд.

и стоять на ногах более чем желательно. Когда ваш обед от вас не улетает, вы чувствуете себя более естественно.

Вы, наверное, видели фотографии станции: огромный цилиндр, похожий на большой барабан, по бокам у него «кармашки», в них-то и швартуются корабли. А теперь представьте — внутри большого вращается барабан поменьше — так вот, этот маленький барабан и есть жилые отсеки, в которых центробежная сила создает искусственную гравитацию. Конечно, можно раскрутить целиком всю станцию, но тогда попробуйте пришвартоваться к этакому «кружащемуся дервишу».

Поэтому мы и делали внутреннюю часть вращающейся, чтобы в ней можно было нормально жить, а на внешней — стационарной — размещали стыковочные узлы, топливные и кислородные баки, кладовые и все прочее. Переход из одной части в другую осуществлялся через «ступицу» — специальный переходный отсек. Когда мисс Глория прибыла на станцию, внутренняя часть помещений была уже загерметизирована и находилась под давлением, а внешняя представляла собой голый скелет из балок.

Нет, это просто здорово — видеть, как на фоне черного звездного неба переплетаются отсвечивающие металлом стойки, рамы и фермы из титанового сплава 1403, легкого, прочного, не подверженного коррозии. Но с космическим кораблем станцию все-таки не сравнишь — на взрывные напряжения ее конструкция не рассчитана. Потому мы и не отваживались сразу раскручивать отсеки, а дожидались, когда нам пришлют РУВ.

РУВ — реактивные ускорители, предназначенные для запуска самолетов. Сейчас их используют где угодно, если требуется направленный рывок — например, когда вытягивают грузовик из трясины. Мы разместили четыре тысячи РУВ по окружности внешней рамы жилых отсеков, каждое — в строго определенном месте. К ним уже был подсоединен шнур и оставалось дать команду «старт», когда Тини вдруг обратился ко мне, явно чем-то озабоченный:

— Папа, все срочно отставить, заканчиваем отсек Д-сто тринадцать.

— Хорошо, — сказал я. Д-113 входил во внешнюю часть станции.

— Поставь в него воздушный шлюз и закинь в отсек двухнедельный запас жизнеобеспечения.

— Это изменит распределение нагрузки при вращении, — возразил я.

— Ближайшей «ночью» я сделаю пересчет, а после скорректируем расположение РУВ.

Далримпл, узнав про это, тут же явился за разъяснениями, подобное нарушение графика означало задержку сдаваемых в аренду отсеков.

— В чем дело? — спросил он Тини.

Тот пристально посмотрел на него. В последнее время их отношения стали холоднее обычного: Далримпл постоянно выискивал поводы посетить мисс Глорию. А чтобы попасть в ее временное жилище, бывшую спальню Тини, ему приходилось пробираться через его кабинет. Тини это в конце концов надоело, и однажды он попросил Далримпла убраться и к нему больше не заходить.

— В чем? — спокойно ответил Тини. — Чтобы иметь хотя бы собачью конуру, если дом сгорит от пожара. Вот в чем.

— Что вы имеете в виду?

— Представьте, запустим мы РУВ, а в конструкции появятся трещины. Хотите торчать в скафандре, пока мимо не пролетит корабль?

— Это глупо. Напряжения были рассчитаны.

— Так всегда говорят после того, как мост рухнул. Будем делать по-моему.

Далримпл вышел мрачнее тучи.

Попытки Тини держать Глорию в изоляции выглядели довольно жалко. Самая главная обязанность дежурного радиотехника — чинить рации в скафандрах. Рации охватила эпидемия сбоев, и все в ее смену. Мне пришлось сделать перестановки в рабочем расписании и вычесть кое у кого из зарплаты стоимость ремонта: техобслуживание не предусмотрено при умысленной порче имущества.

Появились и другие симптомы. Вдруг стало модным бриться. Парни перестали по пояс голыми болтаться по станции, а времени на мытье стало уходить столько, что я уже было думал устанавливать дополнительный очиститель воды.

И вот наступил момент, когда отсек Д-113 был подготовлен, а РУВ переустановлены. Не думаю, чтобы я особенно волновался перед предстоящим событием. Персоналу было приказано надеть скафандры и покинуть отсеки. Оседлав балки, люди сидели и ждали.

В скафандрах все кажутся близнецами, поэтому, чтобы не путаться, мы пользовались номерами и цветными повязками. Бригадирсы имели по две антенны: одну — для связи с рабочими, другую — связываться между собой, так называемый бригадирский канал. У Тини и у меня вторая антенна предназначалась для общей радиосвязи.

Бригадирсы доложили, что их люди к взрывным работам готовы, и Тини уже собрался скомандовать, когда вдруг в самом центре опасной зоны показалась продирающаяся сквозь балки фигура. Без страховочного фала. Без повязки на рукаве. С одной антенной.

Конечно это была мисс Глория! Тини вытащил ее из опасной зоны и обвязал своим страховочным фалом. Я слышал, как он грубо ей выговаривает:

— Вы кого тут из себя строите? Начальника на прогулке?!

Ее голос отвечал:

— А что бы вы мне посоветовали сделать? Причалить к какой-нибудь звезде?

— Я говорил тебе: нельзя сюда лезть! Если ты не будешь подчиняться моим приказам — я просто посажу тебя под замок!

Я добрался до них, отключил свой передатчик и, приблизившись к Тини вплотную, так что шлем упирался в шлем, сказал:

— Босс, ты же — в режиме передачи!

— О! — воскликнул он и тут же выключил передатчик.

Она свой отключать не стала:

— Послушайте, вы, бабуин несчастный, вы же сами послали поисковую партию, чтобы убрать всех оттуда, я не стала их дожидаться, потому и вышла наружу.

— ...

— Откуда мне знать про страховочный фал? Вы же держите меня взаперти!

— ...

— А вот увидим!

Я оттащил Тини в сторону, и он приказал главному электрику начинать. А когда мы увидели величественный, доселе невиданный фейерверк, мы тут же забыли о скандале. Это было похоже на огромное колесо Святой Екатерины, расцвеченное ракетными вспышками. И все в абсолютной тишине, вокруг был открытый космос — ну просто сказочная картина!

Вспышки погасли, и показались жилые отсеки, вращающиеся подобно маховику; мы с Тини выдохнули с облегчением. Затем пробрались внутрь, чтобы «глотнуть» тяжести.

Ощущение было забавным. Пройдя через «ступицу», я спустился по трапу, чувствуя, как вновь обретаю вес по мере приближения к краю. И так же, как и в тот раз, когда я впервые испытал его отсутствие, накатил приступ морской болезни. Икры свело судорогой, и я едва смог идти.

Мы все проверили, потом прошли в кабинет и только тут наконец присели. Нам было хорошо, сила тяжести на ободе составляла треть от земной — как раз то, что надо для комфорта. Тини погладил ручки кресла и усмехнулся:

— А всех бездельников — в изоляцию, в Д-сто тринадцать.

— Кстати, об изоляции. — На пороге стояла мисс Глория. — Могу я с вами поговорить, мистер Ларсен?

— А? Ну конечно! Я сам хотел с вами встретиться. Должен принести вам свои извинения, мисс Макнай. Я был...

— Не стоит вспоминать, — перебила она, — вы были тогда на пределе. Но мне интересно знать, долго ли вы еще собираетесь навязываться ко мне в дуэньи.

— Недолго. — Он посмотрел на нее внимательно. — До тех пор, пока не придет вам замена.

— Вот как? Кто здесь у вас главный профсоюзный деятель?

— Макэндриус, разметчик. Но вряд ли он сможет вам помочь: вы же штатный сотрудник станции.

— К той проблеме, которая меня сейчас волнует, это не имеет отношения. Мне необходимо с ним поговорить. По вашей милости я не могу распоряжаться даже своим свободным временем. Это дискриминация, вот что это такое.

— Возможно, но скоро вы убедитесь, что я здесь пользуюсь некоторым авторитетом. Юридически я сейчас капитан корабля. А у капитана в космосе неограниченные права на дискриминацию.

— Тогда вы должны применять ее разборчиво!

— Вот-вот. Именно этим я и занимаюсь, — ухмыльнулся Тини.

Мы не знаем, что сказал ей Макэндриус, но только мисс Глория стала вести себя совершенно по-другому. После очередного дежурства она появилась в кино вместе с Далримплом. Тини встал и на середине картины демонстративно покинул зал — фильм, кстати, был неплохой, из Нью-Йорка как раз транслировали «Лисистрата идет в город».

Тини подстерег ее, когда она возвращалась одна, но подгадал так, чтобы рядом в этот момент оказался я как свидетель.

— Гм, мисс Макнай...

— Да?

— Думаю, вам следовало бы знать... Это, как его... ну, в общем, главный инспектор Далримпл — человек женатый.

— Вы считаете мое поведение непристойным?

— Нет, но...

— Тогда не лезьте не в свое дело! — Он еще рта не успел открыть, как она добавила: — И да будет вам известно: я знаю, что у вас четверо детей, — Далримпл мне все рассказал.

У Тини отвисла челюсть.

— Как... Но позвольте, я ведь даже не женат!

— Как? Вот именно — как, хотела бы я знать. — И она удалилась.

Тини уже не пытался прятать ее в каюте; единственное, о чем он просил, — если она куда-нибудь соберется, предупредить его об этом в любое время. С той поры он тем только и занимался, что пас ее. Меня так и подмывало предложить ему поменяться местами с Далримплом.

И как же я удивился, когда однажды он поручил мне провести приказ об ее увольнении. Я был совершенно уверен, что он и думать про это забыл.

— И в чем она виновата? — поинтересовался я.

— В нарушении субординации!

Я выразительно промолчал. Тогда он пояснил:

— Ну, она отказывается выполнять приказы.

— Зато она работу свою выполняет, и притом хорошо.

А эти твои приказы... Да прикажи ты что-нибудь подобное кому из парней, любой выполнять откажется.

— Ты не согласен с моими приказами?

— Не в этом дело. Ты не докажешь ее вину, Тини.

— Тогда уволим ее за то, что она... женщина! Уж это-то я смогу доказать.

Я опять промолчал.

— Папа, — он как будто меня уговаривал, — ты же мастер стряпать такие штуки: ну, там, «никаких персональных претензий к мисс Макнай, но, полагая, что в интересах дела...» — и прочая дребедень.

Я составил нечто подобное и по секрету показал Хэммонду. Известно, как радиотехники умеют держать язык за зубами, и я не очень-то удивился, когда меня вдруг останавливает О'Коннор, один из лучших на станции кузнецов, и спрашивает:

— Папа, скажи, это правда, что Старик избавляется от Брукси?

— Брукси?

— Брукси Макнай. Она сама просила так ее называть. Так правда?

Я подтвердил и пошел дальше, раздумывая на ходу, а не лучше ли было ему соврать?

С Земли к нам ракета идет примерно четыре часа. За смену до прилета «Полярной звезды», на которой должна была улететь мисс Глория, табельщик принес мне два заявления об уходе. Два человека — не страшно: с каждым кораблем мы теряли больше. Но не прошло и часа, как он вызвал меня по бригадирскому каналу и попросил срочно зайти к нему в кабинет. Я как раз был снаружи — проверял качество сварки — и поэтому отказался.

— Пожалуйста, мистер Уизерспун, — чуть ли не умолял он, — вы должны прийти!

Когда кто-то из ребят перестает называть меня «Папой» — это дурной знак. Я пошел.

Около его двери выстроилась целая очередь, обычно такая бывает, когда на станцию доставляют почту. Я вошел, и он тут же захлопнул дверь. Он протянул мне целую кипу заявлений.

— Что же это происходит в великих глубинах ночи? — спросил я.

— И есть еще десятка два или три, которых я не успел оформить.

Ни в одном из заявлений не стояло конкретной причины — только «по собственному желанию».

— Послушай, Джимми, что здесь творится?

— А ты не догадываешься, Папа? Я тоже отсюда сваливаю.

Тогда я высказал ему свою догадку, и он ее подтвердил. Потом я собрал заявления, вызвал по радио Тини и попросил его, ради всего святого, прийти в свой кабинет.

Тини в задумчивости жевал губу.

— Но послушай, Папа, они не имеют права бастовать. В контракте это оговаривается особо и согласовано со всеми заинтересованными инстанциями.

— Это не забастовка, Тини. Ты не можешь препятствовать их уходу.

— Тогда пусть они платят за обратный билет из собственного кармана! Поможешь мне это сделать?

— Не знаю, не знаю. Многие проработали достаточно долго, чтобы получить его бесплатно.

— Тогда нам придется быстро набрать других, иначе мы не уложимся в сроки.

— Если бы так, Тини. Мы просто не сможем закончить. К следующей «ночи» у тебя не останется даже команды обеспечения.

— У меня еще никогда не уходило столько народу. Ладно, я с ними поговорю.

— Бесполезно, Тини. Ты идешь против того, что сильнее тебя.

— И ты, Папа, против меня?

— Я всегда за тебя, Тини.

Тогда он сказал:

— Папа, я знаю, ты думаешь, что я упрямый баран, но я *прав*. Мы не можем держать одну женщину на несколько сотен парней. Это сводит их с ума.

Я не стал ему объяснять, чем он от них отличается, лишь спросил:

— По-твоему, это плохо?

— Конечно. Я не могу позволить, чтобы из-за одной женщины вся работа пошла псу под хвост.

— Тини, ты видел последние графики хода работ?

— У меня не было времени, а что?

Я-то знал, почему у него не было времени.

— Тебе будет сложно доказать, что мисс Глория тормозит работу. Мы же опережаем график.

— Мы *что*?

Пока он изучал графики, я, положив руку ему на плечо, сказал:

— Поверь, сынок. Секс на нашей планете хозяйничает не первый год. Там, на Земле, им от этого просто никуда не деться, и, заметь, несмотря на это, даже самые крупные стройки кое-как, но все-таки доводились до конца. Может, и нам здесь стоит попробовать — вдруг ничего? Между прочим, ты сам только что дал готовый ответ.

— Я?

— Ты сказал: «Мы не можем держать здесь *одну* женщину на несколько сотен парней». Так?

— Да... То есть нет! Постой, погоди минутку. Ну, предположим, да.

— Ты джиу-джитсу когда-нибудь занимался? Иногда побеждаешь за счет того, что расслабишься.

— Да, верно!

— Когда не можешь победить силой, ты поддаешься противнику.

Он вызвал радиорубку:

— Макнай, передайте Хэммонду, чтобы он вас сменил, и зайдите ко мне в офис.

Он сделал это красиво. Поднялся и произнес речь: да, он был не прав; да, слишком много было потрачено времени, чтобы понять такую простую вещь. Но он надеется, что на

него не станут держать обиду, ну и так далее. Он связался с Землей и выдал базе задание рассмотреть, на каких работах можно задействовать женщин уже сейчас.

— Не забудь семейные пары, — ненавязчиво вставил я, — и еще пусть пришлют нескольких женщин постарше.

— Будет сделано, — согласился Тини. — Больше я ничего не забыл, Папа?

— Вроде бы ничего. Придется что-то решать с жильем, но время еще есть.

— Хорошо. Глория, я приказал задержать старт «Полярной звезды», так что уже этим рейсом они смогут кого-нибудь к нам прислать.

— Чудесно! — Похоже, она действительно была счастлива.

Тини закусил губу:

— Мне все время кажется, будто я что-то забыл. Ах да, ну конечно! Папа, попроси их прислать для станции капеллана, и поскорее. При нашей новой политике он может понадобиться в любую минуту.

Я тоже так думал.

КОММЕНТАРИЙ

Сразу по окончании Второй мировой войны Роберт Хайнлайн больше года пытался запустить проект национального масштаба — ракету, способную долететь до Луны. Свои рекомендации по этой теме он направил в ВМФ, — это был один из последних документов, написанных им в качестве гражданского инженера исследовательской лаборатории ВМФ в Филадельфии. В качестве частного лица, сразу после увольнения, он попытался организовать то, что называл «ракетный проект пяти компаний и фонда Гуттенхейма, спонсируемый правительством», — проект должен был использовать достижения новых атомных технологий. Он поехал в Лос-Анджелес, пытаясь вербовать по дороге единомышленников, остановился у владельца сталелитейной компании, в котором видел возможного руководителя проекта, затем отправился в Лос-Аламос, чтобы проконсультироваться по вопросам политической стратегии с молодыми атомщиками из Манхэттенского проекта. Там он

возобновил знакомство со своим довоенным другом и консультантом Робертом Корногом. Корног в свое время работал в Нью-Мексико, проектируя спусковой механизм для атомной бомбы, а теперь перебрался в Южную Калифорнию, пытаясь найти работу в коммерческой ракетной технике. Вторым довоенным другом Роберта, самоучка и гений ракетостроения Джон Уайтсайд Парсонс (истинный отец американского ракетостроения, по словам Вернера фон Брауна), тоже был в Калифорнии. В городе Азус, неподалеку от Пасадены, он создал компанию «Аэроджет», которая выпускала ракетные ускорители «ЈАТО» его собственной разработки. Ракеты буквально «витали в воздухе», если можно так выразиться.

Парсонс и Корног полагали, что немецкая «Фау-2» решила последние серьезные технические проблемы ракетостроения, а следовательно — и космических полетов. Коммерческое освоение космоса теперь будет стремительно нарастать: выход на орбиту в течение пяти лет, посадка на Луну к 1955 году... Хайнлайн смотрел на их энтузиазм со скепсисом инженера: возможно, прогнозы *слишком* оптимистичны, возможно, более реалистично ожидать посадки на Луну лет на двадцать пять позднее? Году этак в 1970-м.

Ведь для того, чтобы обеспечить наше присутствие в космосе, потребуются огромные усилия самых простых и самых экстраординарных людей, которые будут создавать инфраструктуру для каждого этапа освоения: орбита Земли, Луна, планеты Солнечной системы...

Его более трезвый прогноз базировался на том факте, что все послевоенные экономические ресурсы были перенаправлены в программы разработки управляемых ракет (и к 1947 году половину этих программ по-тихому свернули). Очень скоро Хайнлайн вернулся к литературной поддержке космического проекта, пытаясь подготовить людей к жизни в космосе. Когда в конце 1946 года «The Sunday Evening Post» приобрела его рассказ «Зеленые холмы Земли», Хайнлайн понял, что для его пропагандистских целей идеально подходит формат рассказов, которые регулярно печатал «Post»: это были истории о простых людях, работающих во вспомогательных отраслях, таких как строительство, транспорт и тому подобное — все, кроме офисной работы. Так уж удачно совпало, что после публикации «Взрыв всегда возможен» именно таких рассказов хотел от него Джон Кэмпбелл для своего журнала «Astounding». Поэтому Хайнлайн уже примерно представлял, как писать подобные

истории для массовой аудитории. «Используя технологии, ставшие общедоступными благодаря войне, можно создавать совершенно новый антураж с минимальным описанием гаджетов» (письмо в редакцию журнала «This Week», 31 июля 1946 г.).

Он не мог повторить «Зеленые холмы Земли» — подобные истории не приходят писателю каждый день! — но, конечно же, он мог писать упрощенные рассказы о простых людях для глянцевого журнала. Он мог написать о пилоте, чья работа слишком сильно отдаляла его от молодой жены, или о супружеской паре, которая обожала новые места и новые вещи, но больше всего любила свой дом...

«Post» успел купить у него четыре рассказа до того, как интерес читателей к космической теме упал (космические темы ушли из заголовков новостей, а громкие проекты так и остались на бумаге). Остальные вещи взяли в другие журналы — некоторые пришлось пристраивать в самых захудалых (рассказы были настолько «упрощены», что больше не годились для печати в «Astounding» Джона Кэмпбелла). «Blue Book», один из престижных литературных журналов с армией подписчиков по всей стране, купил рассказ о женщине, выполняющей «мужскую работу» в строительной отрасли, которая в первые дни освоения Солнечной системы переместилась на околоземную орбиту — «Далила и космический монтажник», — и опубликовал ее в декабрьском номере 1949 года. В это время начала набирать обороты рекламная кампания фильма «Пункт назначения — Луна». В том же декабре в «The Saturday Review of Literature» напечатали обзор книги Вилли Лея и Челси Боунстелла «Путеводитель по Солнечной системе», написанный Хайнлайном. Можно было не сомневаться, что засушливый финансовый период Хайнлайна наконец-то закончился.

Хотя изначально ни один из упомянутых рассказов не рассматривался как часть «Истории будущего» (ни одного из «глянцевого» рассказов не было в диаграмме «Истории будущего» версии 1941 года), собранные вместе, они разворачивают перед нами подробную картину тех дней, когда человек впервые шагнул к звездам. Через сорок с лишним лет после событий, описанных в «Далиле», наступят Темные века, когда Америка согнется под властью Пророка. А еще настанет день, когда человечество овладеет всей Солнечной системой, этот день изображен в «Неудачнике». Но человечеству придется подождать, пока его вольный дух не воспрянет вновь, чтобы воплотиться во Второй американской революции.

КОСМИЧЕСКИЙ ИЗВОЗЧИК

Они уже подходили к дверям, когда телефон позвал его по имени.

— Не отвечай! — взмолилась она. — Мы опаздываем на спектакль.

— Кто это? — спросил он.

Экран осветился, в нем появилась Ольга Пирс, она звонила из офиса «Транслунных перевозок» в Колорадо-Спрингс.

— Попросите к аппарату мистера Пембертона, его вызывает... а, это ты, Джейк! Быстренько собирайся. Рейс двадцать семь, «Супра-Нью-Йорк» — Космический терминал. Вертолет заберет тебя через двадцать минут.

— Что за дела? — запротестовал он. — По графику я четвертый.

— Был четвертым. Но ты дублер Хикса, а он только что срезался на психотесте.

— Хикс психанул? Чушь собачья!

— Увы, такое случается и с лучшими пилотами. Так что готовься, дружище. Пока.

Жена нервно комкала платочек, не замечая, что пальцы рвут тонкое шестнадцатидолларовое кружево.

— Джейк, это просто смешно. Тебя не было три месяца. Еще немного, и я забуду твое лицо.

— Прости, малыш. Придется тебе сходить в театр с Элен.

— Джейк, мне плевать на спектакль. Я просто хочу пойти вместе с тобой... куда-нибудь, где они тебя не достанут.

— Меня нашли бы и в театре.

— Нет! Я стерла запись, которую ты оставил.

— Филлис! Ты хочешь, чтобы меня уволили?

— Да не смотри ты на меня так.

Она немного подождала, надеясь, что он хотя бы скажет, что ему жаль. Еще она думала о том, как объяснить ему свое раздражение. Неужели Джейк сам не видит, что оно вызвано не досадой из-за пропавшего вечера, а томительным страхом, который она испытывает каждый раз, когда муж улетает в космос?

Не дождавшись ответа, она принялась упрашивать:

— Тебе не нужно лететь, дорогой, ты пробыл на Земле меньше положенного срока. Джейк, ну пожалуйста!

Он снял смокинг:

— Я тысячу раз говорил: пилот никогда не получит регулярных рейсов, если вздумает корчить из себя законника со сводом правил под мышкой. Подумать только — стереть мое контрольное сообщение! Зачем ты это сделала, Филлис? Стараешься приземлить меня?

— Нет, дорогой. Просто я думала, что хотя бы в этот раз...

— Когда мне предлагают рейс, я беру его, — холодно произнес он и вышел из комнаты.

Вернулся он через десять минут, уже переодетый для полета. Этого времени ему хватило, чтобы отвлечься от неприятных мыслей. Как обычно перед рейсом, Джейк был в приподнятом настроении и насвистывал:

Сказал диспетчер Кейси,
что рейс в пять часов.
Жену целует Кейси,
он к рейсу готов¹.

Заметив выражение ее лица, он оборвал мотив.

— Где мой комбинезон?

— Я принесу. И приготовлю тебе поесть.

— Ты же знаешь, что я не выжму полное ускорение на полный желудок. А за лишний фунт с меня спишут тридцать долларов.

¹ Одна из многочисленных баллад и песен о Кейси Джонсе, героине так называемого «железнодорожного» фольклора, возникшего в США во времена строительства трансконтинентальных железных дорог.

Подтянутому, стройному, одетому лишь в шорты и футболку, в легких сандалиях на ногах, ему была уже гарантирована пятидесятидолларовая весовая премия, и поэтому Филлис хотела сказать, что сэндвич и чашка кофе не грозят штрафом, который бы их разорил. Но, глянув на Джейку, она промолчала, чтобы не увеличивать еще на одну фразу стену непонимания между ними.

Больше они не произнесли ни слова, пока на крышу дома не опустилось аэротакси. Перед уходом Джейк поцеловал жену и попросил не провожать. Филлис покорно кивнула, но, услышав, как вертолет взлетел, выбралась наверх и долго смотрела ему вслед, пока он не исчез из виду.

Путешествующая публика жалуется на отсутствие прямых рейсов Земля—Луна, и все же для того, чтобы преодолеть безумное расстояние в четверть миллиона миль, нам по-прежнему нужны три типа ракетных кораблей и две пересадочные космические станции. Причина всех этих неудобств одна, но достаточно веская — деньги.

Комиссия по торговле установила для трехпересадочного полета на Луну тариф в тридцать долларов за каждый фунт веса. Прямой перелет обошелся бы куда дороже. Корабль, с равным успехом взлетающий и садившийся и в земной атмосфере, и в безвоздушном пространстве, был бы так перегружен специальным оборудованием, которое используется лишь один раз за весь полет, что не окупал бы себя и при цене в тысячу долларов за фунт принятого на борт веса. Только представьте, что вы комбинируете паром, поезд метро и скоростной лифт...

Поэтому «Транслунные перевозки» используют для полетов к орбитальной станции «Супра-Нью-Йорк» ракеты, запускаемые с катапульты и оснащенные крыльями для посадки на Землю. Кораблям, курсирующим по длинному перегону от земной станции к Космическому терминалу, вращающемуся вокруг Луны, нужны комфортные помещения для пассажиров — но не оборудование для посадки. «Летучий голландец» и «Филип Нолан» никогда не опускались на планеты, они даже собраны были в космосе, и на крылатые ракеты, такие как «Фея» и «Светлячок», похожи не больше, чем пультмановский вагон походит на парашют.

«Лунный нетопырь» и «Гремлин» годятся лишь для того, чтобы спрыгнуть с Космического терминала вниз, на Луну... никаких крыльев, только противоперегрузочные (они же аварийные) гамаки-коконы и аппаратура управления мощнейшими двигателями.

Пересадочные станции, строго говоря, всего лишь подобные консервной банки с кондиционером воздуха. Конечно, Космический терминал — это настоящий город, с него отправляются рейсы на Марс и Венеру, а вот «Супра-Нью-Йорк» и по сей день остается примитивной заправочной станцией с кафе и залом ожидания. Пяти лет не прошло, как там оборудовали для пассажиров со слабыми желудками центрифугу на один g .

Пембертон прошел контрольное взвешивание в офисе космодрома и поспешил к «Фее», которая покоилась в катапульте, словно дитя в колыбельке. При входе сбросил комбинезон, поевившись от холода, отдал его дежурному и нырнул в люк, потом устроился на противоперегрузочной койке и спокойно уснул. С Земли корабль будут поднимать другие, его работа начнется в глубоком космосе.

Разбудил его рывок катапульты. Казалось, дрожь гигантской тетивы пронизала окрестности Пайкс-Пик. Катапульты швырнула «Фею» с вершины, и несколько секунд корабль летел по инерции. Как ни старался Пембертон выглядеть безучастным, в эти секунды у него всегда замирало дыхание и он тревожно ожидал рева проснувшихся дюз. Если дюзы вдруг не сработают, пилот должен будет перевести корабль на режим парения и посадить с помощью крыльев.

В положенное время дюзы дружно взревели, а Джейк немедленно погрузился в сон.

Когда «Фея» состыковалась со станцией «Супра-Нью-Йорк», Пембертон направился в навигационную рубку и немало обрадовался, увидав, что вахту несет Шорти Вайнштейн. На самих кораблях не было штурманов-программистов, все расчеты передавались отсюда, а вычислениям Шорти можно было доверять. Это не так мало, если учесть, что от точности программы зависит сохранность корабля, жизнь пассажиров и твоя драгоценная шкура в придачу. Что-

бы стать пилотом, Пембертону хватило математических способностей чуть выше среднего, но его скромные таланты позволяли ему ценить гений тех, кто рассчитывает орбиты.

— Приветствую грозу космических трасс, великого пилота Пембертона! — Вайнштейн протянул лист с результатами штурманских расчетов.

Джейк, изумленно приподняв бровь, изучал ряд цифр:

— Слушай, Шорти, по-моему, ты ошибся.

— Что? Не может быть. «Мейбл» не ошибается. — Вайнштейн дернул головой в сторону гигантского навигационного компьютера у дальней стены.

— Ошибку сделал ты, а не машина. Слишком простые ориентиры: Вега, Антарес и Регул. Ты лишаешь работы пилотов, и твоя гильдия скоро вышвырнет тебя вон.

Вайнштейн смутился, но видно было, что он рад похвале.

— Я вижу, — говорил Пембертон, изучая колонки цифр, — что должен вылететь только через семнадцать часов. Я точно так же мог прилететь сюда утренним рейсом. Не понимаю, зачем было пороть горячку? — Он вспомнил обиженную Филлис, и в его голосе прозвучало огорчение.

— Утренний рейс отменен Советом Безопасности.

— А что... — начал было Джейк, но замолк, понимая, что Вайнштейн знает так же мало, как и он сам.

Скорее всего, траектория полета должна была пройти в опасной близости от одной из ракет с атомной бомбой, что кружили вокруг Земли, словно бдительные полисмены. А может быть, причина в чем-то другом — Совет Безопасности ООН не разглашает информацию о том, что сохраняет мир на планете.

Пембертон пожал плечами:

— Раз так, я пошел спать. Разбуди меня часа за три до старта.

— Хорошо. Твоя программа будет готова.

Пока он спал, «Летучий голландец», мягко уткнувшись носом в стыковочный узел, припечатанный к станции гармошками воздушных шлюзов, выгружал багаж и пассажиров из Луна-Сити. Когда Джейк проснулся, корабль уже снова загрузили под завязку, полностью заправили топливом и объявили посадку.

Он остановился перед конторкой радиопочты узнать, нет ли весточки от Филлис. Ничего не обнаружив, Джейк сказал себе, что она, вероятно, послала письмо сразу на терминал. Пембертон прошел в ресторан, купил факсимильный номер «Геральд трибюн» и мрачно уселся за столик, собираясь в одиночестве насладиться комиксами и завтраком.

Но тут к нему подсел какой-то турист и принялся забрасывать глупейшими вопросами о предстоящем полете. При этом любознательный джентльмен упорно величал его «капитаном», наверное неправильно истолковав знаки различия, вышитые на футболке. Желая поскорее избавиться от надоедливого собеседника, Джейк поспешно проглотил завтрак, заглянул к Вайнштейну забрать бобину с программой для автопилота и поднялся на борт «Летучего голландца».

После рапорта капитану он направился на пост управления. Здесь не было искусственной тяжести, и по коридору приходилось плыть, подтаскивая себя за скобы, приделанные к стенам. Он уселся в кресло пилота, пристегнулся и начал предстартовую проверку. Через минуту в рубку вплыл капитан Келли и занял соседнее кресло. Пембертон заканчивал холостые прогоны курсопрокладчика.

— Хочешь сигарету, Джейк? У меня — «Кэмел».

— В другой раз, — проговорил Пембертон, не отрываясь от экрана.

Келли, слегка нахмурившись, смотрел на него. Взаимоотношения капитана и пилота в космосе напоминали отношения капитана и лоцмана, так сочно описанные Марком Твенем в «Жизни на Миссисипи». Сходство было неслучайным. Капитан обладает всей полнотой власти над судном, экипажем, грузом и пассажирами, но по реке корабль ведет лоцман, а в космосе — пилот. Значит, он фактический и безусловный хозяин корабля с момента старта и до последней минуты пути. Перед полетом капитан мог отвергнуть назначенного ему пилота, но тем его полномочия и ограничивались; вмешиваться в действия пилота он уже не имел права.

Келли нащупал лежащую в кармане бумагу и вновь вспомнил слова, с которыми дежурный психолог вручил ему этот лист:

— Я даю вашему пилоту допуск, но вы можете забраковать его.

— Что случилось? Пембертон славный парень.

Психиатр обдумал, что ему удалось выяснить, притворившись идиотом-туристом из тех, что изводят соседей по столу бесконечными вопросами.

— По сравнению с результатами прошлого осмотра он более асоциален. Его что-то беспокоит. Что бы это ни было, пока он с ним справляется. Но мы будем за ним следить.

— А вы сами полетели бы с таким пилотом? — спросил Келли.

— А почему бы и нет?

— Тогда я беру его. Я верю своему пилоту и не вижу необходимости возить его пассажиром.

Пембертон заправил ленту в автопилот и повернулся к капитану:

— Проверка закончена, сэр.

— Стартуй, когда будешь готов, пилот.

Отдав приказ, который невозможно было отменить, Келли почувствовал облегчение.

Пембертон подал сигнал станции начать расстыковку. Пневматическая система стала медленно выталкивать корабль из стыковочного узла, пока он не оказался в открытом космосе в тысяче футов от станции, удерживаемый одним лишь тросом. Затем Джейк развернул «Голландца» в стартовое положение, раскрутив маховик, установленный в центре тяжести корабля на вращающемся подвесе. Маховик вращался в одну сторону, а корабль, в полном соответствии с Третьим законом Ньютона, — в другую.

Послушный программе, автопилот сориентировал призм перископа так, чтобы Вега, Антарес и Регул слились в окуляре в одну точку, когда судно ляжет на правильный курс. Пембертон плавно выводил корабль на нужный курс, торопливость в таком деле неуместна, а ошибка в одну дугу минуту дала бы двухсотмильное отклонение от цели.

Когда три изображения совпали в заданной точке, он остановил маховики и зафиксировал гироскопы. Затем провел контрольную проверку прямым наблюдением каждой звезды. Морские шкиперы так работают с секстантом, разницы нет никакой, если не считать, что астронавигационные приборы на много порядков точнее. Правда, измерения ни-

чего не сообщили ему о правильности предписанного Вайнштейном курса. Пилот должен верить в расчеты штурмана, как истовый лютеранин верует в Евангелие. И все-таки наблюдения подсказывали, что автопилот ведет себя как положено. Удовлетворенный таким результатом, он отдал последний швартов.

До старта оставалось семь минут.

Пембертон щелкнул переключателем, позволив автопилоту стартовать по сигналу таймера. Сам он ждал, держа руки на панели управления, готовый немедленно вмешаться, если автопилот вдруг выкинет какой-нибудь фортель. Как всегда перед стартом, внутри у него все сжималось от болезненного ощущения тревоги.

Адреналин бушевал в крови, превращая минуты в долгие часы, пульс стучал в ушах. Но его мысли все время возвращались к Филлис.

Неудивительно, что девочка им недовольна, — космонавту вообще не следует жениться. Конечно, если однажды он не справится с посадкой, она не останется нишей, но ей нужна не страховка, ей нужен муж.

Шесть минут...

Если его поставят на регулярные рейсы, она могла бы переехать на Космический терминал... Хотя там тоже ничего хорошего. Неработающая женщина не выдержит на станции долго. Это не значит, что Филлис стала бы ходить на сторону или, скажем, спилась; скорее всего, она свихнулась бы от тоски.

Оставалось пять минут, когда он понял, что ненавидит Космический терминал и вообще космос. «Романтика межпланетных путешествий» великолепно выглядит на рекламных листовках, но он-то знает: это прежде всего работа. Однообразная. Никакой смены декораций. Всплески адского труда и бездна утомительного ожидания. И никакой личной жизни.

Почему он не взялся за какую-нибудь нормальную работу, чтобы ночи проводить дома? Он знал почему! Потому что он космический извозчик и стал им слишком давно, чтобы менять жизнь. И вообще, может ли начать сначала тридца-

тилетний женатый мужчина, привыкший к хорошему заработку?

Четыре минуты...

Он мог бы устроиться агентом по продаже вертолетов. Возможно, он мог бы купить участок орошаемой земли и... В твоём-то возрасте, парень! В земледелии ты понимаешь не больше, чем корова в извлечении кубических корней! Нет уж, ты сделал свой выбор, когда молоденьким новобранцем на учебных сборах возился с ракетами. А ведь мог стать инженером-электронщиком или поступить в Военную академию. Поздно о чём-то жалеть. После армии он принялся возить с Луны руду для «Гарриман лунар эксплуатейшнз», и это решило его судьбу.

— Как у нас дела, док? — В голосе Келли звучала тревога.

— Две минуты с секундами до старта.

Какого черта! Он же знает, что нельзя отвлекать пилота перед стартом!

Джейк бросил взгляд в перископ, ему показалось, Антарес чуть-чуть сместился. Он освободил гироскоп, наклонил и раскрутил один из маховиков, резко остановив его через мгновение. Изображения вновь слились в одну точку. Джейк не мог бы объяснить, как он это сделал, его работа напоминала ловкие движения жонглера, которые невозможно освоить по учебнику.

Двадцать секунд... По шкале хронометра, отсчитывая секунды, ползла яркая искра. Пембертон напрягся, готовый продублировать старт или — если потребует ситуация или подтолкнет внутренний голос — отключить автопилот и отказаться от полета. Если он предстанет перестраховщиком, Ллойд может аннулировать его полис, а безрассудная храбрость может стоить ему лицензии или даже обернуться гибелью его и других.

Но в эти секунды он не думал ни о страховке, ни о лицензии, ни даже о жизни. Честно говоря, сейчас он вообще ни о чем не думал, а лишь ощущал корабль, словно его нервные окончания проросли в каждую пядь машины.

Пять секунд... — щелкнули реле предохранителей. Четыре секунды, три... две... одна...

Палец вдавил кнопку ручного старта одновременно с рывком проснувшихся двигателей.

Келли лежал, вдавленный в кресло стартовой перегрузкой, и наблюдал за действиями пилота. Пембертон спокойно проверял показания приборов, отмечая время и следя за движением корабля по экрану радара, направленного на «Супра-Нью-Йорк». Расчеты Вайнштейна, автопилот и сам корабль — все работало слаженно.

Еще через несколько минут наступал критический момент, когда автопилот должен вырубить тягу. Пембертон поставил палец на ручное отключение, следя сразу за радаром, акселерометром, перископом и хронометром. Рев двигателей оборвался и корабль перешел в режим свободного полета, направляясь в сторону Луны. Действия человека и автопилота были столь согласованны, что Пембертон сам не знал, кто выключил тягу.

Бросив последний взгляд на панель управления, он освободился от ремней.

— Капитан, помнишь, ты предлагал мне сигарету? И кстати, можешь разрешить пассажирам отстегнуть ремни.

Никакого дублера в космосе не требуется, и большинство пилотов скорее поделились бы своей зубной щеткой, чем постом управления. Пилот работает около часа на старте и примерно столько же при посадке. В полете он просто бездельничает, убивая время рутинными проверками и корректировкой курса. Пембертон приготовился потратить ближайшие сто четыре часа на то, чтобы есть, читать, писать письма и спать — особенно спать.

Проснувшись в очередной раз, он проверил положение корабля и принялся писать жене:

Филлис, дорогая. Я не виню тебя за то, что ты расстроена испорченным вечером. Я и сам был расстроен. Потерпи немножко, милая. Я совсем скоро перейду на регулярные рейсы, а через десять лет меня отправят в отставку, и у нас будет сколько угодно времени для бриджа, гольфа и всего остального. Я знаю, это трудно...

Его прервал щелчок селектора.

— Ну-ка, Джейк, быстренько скорчи самую компанейскую рожу. Веду посетителя в пост управления.

— Никаких посетителей, капитан!

— Нет, Джейк. У этого болвана письмо от самого старика Гарримана. «Окажите все возможное содействие...» — и прочее в том же духе.

Пембертон быстро прикинул варианты. Он мог отказать — но было глупо обижать большого босса.

— Хорошо, капитан. Пусть зайдет ненадолго.

Визитером оказался мужчина — общительный и совершенно негабаритный: Джейк прикинул, что в нем примерно фунтов восемьдесят облагаемого штрафом веса. За ним следовала его тринадцатилетняя копия мужского пола. Ворвавшись в дверь, чадо немедленно бросилось к пульту управления.

Пембертон перехватил мальчишку и заставил себя вежливо произнести:

— Держись за эту скобу, иначе ты можешь разбить себе голову.

— Пусти меня! Пап, заставь его отпустить меня!

Капитан Келли поспешил вмешаться:

— Я думаю, судья, ему лучше держаться за скобу.

— Мм-да, хорошо. Сынок, делай, как говорит капитан.

— Ого, смотри, пап, вот здорово!

— Судья Шахт, позвольте представить вам первого пилота Пембертона, — быстро произнес Келли. — Он покажет все, что вас интересует.

— Рад познакомиться, пилот. Любезно с вашей стороны, и все такое.

— Что бы вы хотели посмотреть, судья? — осторожно спросил Джейк.

— Как бы сказать... и то и се. Все, что может заинтересовать мальчугана. Это его первый рейс. Сам-то я старый космический волк, налетал, должно быть, больше часов, чем половина вашей команды. — Он засмеялся.

Пембертон оставался серьезен.

— В свободном полете мало что можно увидеть.

— Пусть. Мы просто посидим здесь, почувствуем себя как дома... да, капитан?

— Я хочу сесть за пульт управления! — объявил Шахт-младший.

Пембертон поморщился. Келли быстро сказал:

— Джейк, ты не против? Расскажи мальчику в общих чертах о системе управления, и мы сразу уйдем.

— Мне не надо ничего показывать. Я и так все знаю. Я — юный ракетчик — вы что, не видите значка?

Мальчишка, оттолкнувшись, поплыл к пульта. Пембертон подхватил его, усадил в кресло пилота и пристегнул ремни. Затем щелкнул тумблером.

— Ну и что вы сделали?

— Обесточил пульт, чтобы объяснить тебе его работу.

— Мы что, не будем врубать двигатели?

— Нет. — И Джейк принялся быстро указывать на кнопки, циферблаты, переключатели, счетчики и прочие хитроумные приспособления, стараясь по возможности говорить попроще.

Малый скорчил недовольную гримасу.

— А если метеорит? — спросил он.

— Этого бояться не надо. У нас один шанс из миллиона встретиться с метеоритом на трассе Земля—Луна. Метеориты — большая редкость.

— Да? А вдруг все-таки нарветесь? Вот вы и влипли.

— Я бы так не сказал. Специальный радар стережет нас в радиусе пятисот миль. Если что-то держится на постоянном пеленге в течение трех секунд, автоматически запускаются двигатели. Сначала будет дан сигнал тревоги, чтобы люди могли ухватиться за что-нибудь прочное, а через секунду — бац! — мы пулей вылетаем из-под носа любого метеорита.

— По мне, так какой-то отстой. Вот я сейчас покажу, как это делает коммодор Картрайт из «Дикой кометы»...

— Не трогай управление!

— А ты не командуй! Корабль не твой. Мой папа говорит...

— Послушай, Джейк... — Услышав свое имя, Пембертон развернулся к Келли. — Джейк, судья Шахт хотел бы узнать...

Краем глаза Джейк засек, как мальчишка потянулся к контрольной панели. Джейк с криком развернулся, но двигатели уже громыхнули, и ускорение рвануло его назад.

Опытный космонавт сродни кошке и при самом резком переходе от невесомости к ускорению успевает во что-нибудь вцепиться. Но Джейк, вместо того чтобы держаться самому, хватал мальчишку и мотался из конца в конец рубки, чудом изворачиваясь, чтобы не сбить Шахта. Потом ударился головой о раму кессонной двери и в полуобморочном состоянии был выброшен на нижнюю палубу.

Келли тряс его:

— Джейк, у тебя все в порядке?

Джейк сел:

— Нормально...

Тут он услышал рев и ощутил вибрацию палубы.

— Двигатели выруби! — Оттолкнув Келли, Джейк метнулся в рубку и ткнул в кнопку отключения. Упавшая тишина показалась не менее оглушительной, чем рев двигателей. Мгновенно вернулась невесомость.

Джейк отстегнул ремни с Шахта-младшего и толкнул его к Келли.

— Капитан, убери эту ходячую катастрофу из моей рубки.

— Пустя! Пап, он хочет сделать мне больно!

Старший Шахт мгновенно ошетинился:

— Что это значит? Отпустите моего сына!

— Ваш драгоценный сынок включил двигатели!

— Детка, это правда?

Парень смутился.

— Нет, па, — ответил он. — Это... это был метеор!

Шахт был явно озадачен. Пембертон презрительно фыркнул:

— Он врет. Повторяет то, что я рассказывал минуту назад о противометеоритном радаре.

Шахт быстро взвесил показания сторон и вынес вердикт:

— Малыш никогда не врет. Стыдитесь, вы взрослый человек, а сваливаете свою вину на беспомощного мальчика. Я буду жаловаться на вас, сэр. Пошли, сынок.

Джейк схватил его за руку:

— Капитан, я требую, чтобы прежде, чем эти двое покинут пост, с панели управления сняли отпечатки пальцев. Не было никакого метеора, а управление было отключено, пока ваш парень не врубил его. К тому же противометеоритная система предварительно подает сигнал.

Шахт забеспокоился:

— Это нелепо. Я протестую против обвинения. Мой сын не причинил никакого вреда.

— Вы так уверены? А как насчет сломанных рук или шей? И топлива, что уже истрачено и которое еще предстоит истратить, чтобы вернуться на прежний курс? Известно ли вам, мистер Космический Волк, сколько топлива нам требуется для согласования орбит с Космическим терминалом? Возможно, у нас его уже нет. Возможно, ради спасения корабля, нам придется сбрасывать груз, а одна только его перевозка обходится в шестьдесят тысяч долларов за тонну. Отпечатки пальцев подскажут арбитражной комиссии, с кого взыскивать убытки!

Когда они наконец остались одни, Келли озабоченно спросил:

— Ты что, действительно собираешься сбрасывать груз? У тебя же есть маневренный запас.

— Я не уверен, сможем ли мы вообще добраться до терминала. Как долго работали двигатели?

— Не знаю, я сам потерял голову.

— Надо вскрыть акселерограф и уточнить.

Келли просветлел:

— Да, конечно! Если этот паршивец не извел слишком много топлива, нам придется только развернуть корабль и включить двигатели на такой же срок.

Джейк покачал головой:

— Ты забыл, что у нас совсем другая масса.

— Ах да...

Келли выглядел смущенным. Ведь в самом деле, изменились все характеристики корабля: масса, уменьшившаяся на вес сгоревшего топлива, курс, скорость. Прежней осталась

только тяга двигателя. Масса, которую он толкал, уменьшилась. Возврат к правильному положению, курсу и скорости превратился в сложную задачу с точки зрения баллистики.

— Но ты попробуешь это сделать?

— Я должен. Хотя мне чертовски хочется, чтобы рядом был Вайнштейн.

Келли пошел проверить состояние пассажиров, а Джейк принялся за работу. Необходимо было узнать курс, скорость и положение корабля. С помощью радара он определил все три показателя, но с недостаточной точностью. Астрономические наблюдения Солнца, Луны и Земли дали ему координаты корабля, но ничего не сказали о курсе и скорости. И он не мог себе позволить выжидать время для проведения второй серии наблюдений, чтобы узнать курс и скорость.

По имеющимся данным, он оценил ситуацию, прибавив к расчетам Вайнштейна результаты вмешательства Шахта-младшего. Полученные величины неплохо согласовывались с наблюдениями, но Джейк все еще не имел понятия о том, сможет ли он вернуться на прежнюю траекторию и достичь цели. Требовалось рассчитать, хватит ли оставшегося топлива, чтобы сбросить скорость и согласовать орбиты.

В космосе нельзя считать, что ты добрался до цели путешествия, если примчался к финишу со скоростью несколько миль в секунду или приполз на сотне миль в час. Если ловите яйцо тарелкой — не дайте ему удариться!

Джейк занялся расчетами, как лечь на прежний курс с минимальными затратами топлива, но маленький бортовой калькулятор не мог тягаться с многотонным компьютером Ай-би-эм на станции «Супра-Нью-Йорк», а кроме того, Джейк не был Вайнштейном. Спустя три часа он получил ответ, который заставил его усомниться в правильности своих расчетов.

Джейк вызвал Келли:

— Капитан? Сброс груза можешь начинать с Шахта и сына.

— Я так и сделаю. Но сначала посмотри, нет ли другого выхода.

— Не думаю, что смогу доставить корабль на место без сброса. Лучше скинуть лишнюю массу сейчас, перед разгоном. Это обойдется дешевле.

Келли колебался. Ему не улыбалось потерять груз, для него это было все равно что потерять руку.

— Дай мне подумать, что выбросить.

— Хорошо! — Пембертон вернулся к своим выкладкам, надеясь отыскать в них спасительную ошибку. Некоторое время он размышлял, потом вызвал радиорубку:

— Соедините меня с Вайнштейном со станции «Супра-Нью-Йорк».

— Она вне прямой слышимости.

— Знаю. Говорит пилот Пембертон. Абсолютный приоритет, вопрос безопасности корабля — срочно. Обеспечьте связь направленным лучом и держите ее.

— Э-э-э... Хорошо, сэр. Я попытаюсь.

Узнав, в чем дело, Вайнштейн растерялся:

— Что ты говоришь, Джейк? Я не смогу вести тебя.

— Черт возьми, ты же можешь решить для меня пару задачек!

— А какой смысл в точности до седьмого знака, если исходные данные взяты с потолка?

— Сам знаю. Но ты ведь помнишь, какие у меня приборы и как я управляюсь с ними. А ты дай мне самый лучший ответ.

— Я попробую.

Через четыре часа Вайнштейн вышел на связь:

— Джейк! Принимай информацию. Ты хотел погасить скорость до расчетной, а затем сделать боковую коррекцию для поправки траектории. Решение правильное, но неэкономное. Я заставил «Мэйбл» рассчитать все для одного маневра.

— Отлично!

— Не торопись. Это сэкономит тебе топливо, но ненамного. Скорее всего, ты не сможешь вернуться на траекторию и добраться до терминала, не сбрасывая груза.

Пембертон молча проглотил новость, затем ответил:

— Я сообщу Келли.

— Подожди. Лучше попробуй решать с самого начала.

— Что-о-о?

— Представь, что у тебя новая задача. Забудьте о старой орбите и программе в автопилоте. У тебя есть текущий курс, скорость и координаты. Рассчитай самую дешевую орбиту стыковки с терминалом. Найди новую траекторию.

Пембертон почувствовал себя дураком.

— Я как-то не подумал об этом.

— Разумеется. С твоей тарахтелкой понадобилось бы недели три, чтобы рассчитать новую траекторию. Ты готов записывать?

— Конечно!

— Вот твои данные. — И Вайнштейн начал диктовать.

Когда они кончили сверку, Джейк спросил:

— Ты уверен, что выведешь меня куда надо?

— Я надеюсь на это. *Если* цифры, которые ты мне дал, абсолютно точны, *если* ты сможешь следовать инструкциям, как автомат, *если* ты стартуешь и совершишь стыковку безо всякой коррекции, — то тогда ты, может быть, сумеешь дотянуть до дома. Повторяю: может быть. Но в любом случае желаю удачи... — Помехи заглушили последние слова.

Джейк вызвал Келли.

— Отставить сброс, капитан. Пассажирам пристегнуться. Старт через четырнадцать минут.

— Хорошо, пилот.

После того как корабль вышел на новую орбиту, у Джейка опять появилось свободное время. Он вытащил неоконченное письмо, перечитал и порвал его.

Дорогая Филлис, — снова начал он. — В этом полете я многое передумал и понял, что был упрямым дураком. Я думаю, с этим пора кончать. Я люблю свой дом, люблю видеть свою жену.

Зачем мне рисковать своей головой и твоим спокойствием только ради того, чтобы гонять это корыто туда-сюда по небу?

Зачем сидеть у телефона и ждать вызова, чтобы везти на Луну всяких твердолобых болванов: болваны, не умеющие грести веслами, в первую очередь должны сидеть дома.

Из-за денег, конечно. Я мучил тебя и мучился сам. Я боялся рискнуть попробовать изменить свою жизнь. Вряд ли я найду другую работу, где мне станут платить хотя бы половину того, что здесь, но, если ты согласишься, я приземлюсь, и мы начнем все сначала. Я люблю тебя.

Джейк

Он отложил письмо и отправился спать. Ему приснилось, будто банда юных ракетчиков взяла штурмом рубку управления.

Вид Луны с близкого расстояния уступает только виду Земли из космоса, и это чрезвычайно привлекательно для туристов, но Пембертон настоял, чтобы во время маневра сближения с терминалом все пассажиры пристегнулись. Практически не имея запаса топлива, Джейк не хотел растягивать маневр ради удобства зевак.

Вскоре терминал показался из-за края Луны и попал в поле зрения радара. Оптической видимости не было, поскольку «Летучий голландец» приближался к цели задом. После каждого короткого импульса торможения Пембертон считывал показания радара, сравнивая реальное движение с кривой, вычерченной Вайнштейном. Одновременно с этим он следил за часами, за окуляром перископа, за схемой полета и индикатором топлива — и все это разом.

— Ну как, Джейк? — беспокоился Келли. — Получается?

— Откуда я могу знать? Будь готов к сбросу.

Еще прежде они договорились освободиться от жидкого кислорода, поскольку вылить его через внешние клапаны можно было автоматически.

— Не говори этого, Джейк.

— Черт возьми, я сделаю это только при крайней необходимости...

Он нажал клавиши, рев двигателей обрубил конец фразы. Когда грохот смолк, раздался вызов из радиорубки.

— Говорит пилот «Летучего голландца»! — закричал Джейк.

— Управление терминала. «Супра» сообщила, что у вас на исходе топливо.

- Абсолютно верно.
- Не приближайтесь. Мы согласуем скорости на орбите и вышлем заправщика и катер, чтобы забрать пассажиров.
- Не надо. Я смогу сесть и так.
- Не пытайтесь. Ждите заправщика.
- Не учите меня управлять кораблем! — Пембертон вырубил связь и склонился над пультом, угрюмо насвистывая веселый мотивчик.

Келли вспомнил слова песенки:

Закричал Кейси Джонс
кочегару: «Сигай!
Эти два паровоза
отправляются в рай».

- Ты хочешь все-таки состыковаться?
- Э... нет. Только приблизиться. Я не могу рисковать, у меня на борту пассажиры. Но согласовать скорости на расстоянии пятьдесят миль, а потом ждать заправщика я не собираюсь.

Стараясь подойти к станции как можно ближе, он направил корабль с небольшим упреждением, действуя чисто интуитивно, поскольку теперь цифры Вайнштейна ничего не значили. Прицелился он точно, тратить горючее на боковую коррекцию ему не пришлось. Теперь главное — не врезаться ненароком в терминал. Когда Джейк уверился, что пройдет мимо станции, если двигатели вдруг не включатся, он последний раз тормознул. И как раз в тот самый момент, когда он включал отсечку, они кашлянули, зашипели и стихли.

«Летучий голландец» парил в космосе в пятидесяти ярдах от терминала, скорости были согласованы.

Джейк вышел на связь:

- Терминал, примите швартовы. Я начинаю стыковку.

Джейк сдал рапорт, принял душ и направился к почтовому отделению, чтобы радировать на Землю письмо, когда по селекторной связи его вызвали в офис коммодора.

«О-хо-хо! — сказал он себе. — Шахт задействовал Большое Начальство. Интересно, сколько акций у этого деятеля? А я еще и диспетчеру нахамил».

Явившись, он сухо доложил:

— Старший пилот Пембертон, сэр.

Коммодор Сомс оторвал глаза от бумаг:

— Пембертон? Прекрасно. Насколько мне известно, у вас две лицензии: «Космос—космос» и «Безвоздушная посадка».

«Ладно, не будем тянуть кота за хвост», — подумал Пембертон и произнес:

— У меня нет оправданий тому, что случилось в последнем рейсе. Если коммодор не одобряет моих действий, я готов немедленно подать в отставку.

— О чем вы говорите?

— Разве у вас нет на меня жалоб от пассажиров?

— Ах это!.. — Сомс отмахнулся. — Да, он был здесь. Но у меня есть рапорты Келли и вашего старшего механика, а также экстренное сообщение со станции «Супра-Нью-Йорк». Вы показали высший пилотаж, Пембертон.

— Вы хотите сказать, что у компании нет ко мне претензий?

— Неужели я когда-нибудь не мог отстоять своих пилотов? Вы были абсолютно правы. Я на вашем месте выкинул бы его к чертовой матери через воздушный шлюз. Однако к делу. Вы приписаны к маршруту «космос—космос», но мне надо отправить спецрейс в Луна-Сити. Не возьметесь ли вы за это... ради меня?

Пембертон молчал, не зная, что и сказать.

— Тот кислород, что вы спасли, предназначен для «Космических изысканий». У них нарушилась герметичность северного туннеля, потеряны тонны запасов. Каждый день простая обходится им в сто тридцать тысяч долларов, считая накладные расходы, зарплату и штрафы. «Гремлин» здесь, но пока не прибудет «Лунный нетопырь», у нас нет другого пилота. Так что вся надежда на вас. По рукам?

— Но, коммодор, вы не можете рисковать людьми, доверив мне посадку на дюзах. Я отвык. Мне надо пройти переподготовку.

— Никаких пассажиров, экипажа, капитана. Вы рискуете только своей шеей.

— Тогда я берусь.

Двадцать восемь минут спустя уродливый, но мощный «Гремлин» стартовал в направлении Луны. Полет начался с мощного рывка двигателей, достаточного, чтобы сойти с орбиты и начать падение на Луну. Затем вновь наступила полоса вынужденного безделья. Падать корабль мог и без его помощи, а до поверхности Луны, когда понадобится точное торможение, еще далеко.

Настроение у него было прекрасным, но потом Джейк достал письма: свое, которое не успел отправить, и письмо от Филлис, пришедшее на терминал.

Письмо от Филлис было поверхностно-нежным и бессодержательным. Она не вспоминала ни о размолвке, ни о его неожиданном отъезде. Она совершенно игнорировала его профессию. Письмо было образцом вежливости, и это ему не понравилось. Он порвал оба письма и начал новое. В конце он написал:

...Никогда этого не говорила, но я знаю, что ты ненавидишь мою работу.

Чтобы обеспечить семью, я должен работать. У тебя тоже есть работа. Это очень старая профессия, ею женщины занимались от сотворения мира: вслед за мужьями пересекать в фугонах равнины, ждать возвращения кораблей из Китая, молча стоять возле шахты, где случился взрыв, на прощанье целовать с улыбкой и с улыбкой заботиться о муже, когда он дома.

Ты вышла замуж за космонавта, поэтому часть твоей работы состоит в том, чтобы с радостью принимать мою работу. Думаю, ты справишься с этим занятием, когда поймешь все как следует. Я надеюсь на это, ведь то, как у нас идут дела, никому из нас не приносит радости.

Поверь, я люблю тебя.

Джейк

Он вымучивал письмо, пока не пришло время развернуть корабль для посадки. На высоте двадцати миль он включил автопилот, а когда до Луны оставалась одна миля, перешел на ручное управление. Скорость падения уменьшилась, но оставалась еще достаточно большой. Правильная безвоздушная посадка похожа на запущенный в обратную сторону старт боевой ракеты: сначала свободное падение, а затем продолжительная работа реактивных двигателей и полная остано-

ка корабля в момент касания поверхности. При этом пилоту нужно чувствовать свое падение. Если чересчур замедлить его, корабль потом может сжечь все топливо, потому что будет слишком долго бороться с гравитацией.

Через сорок секунд, сохраняя скорость сто сорок миль в час, он поймал в перископ тысячефутовые вышки связи. На высоте триста футов он резко затормозил, так что в течение секунды перегрузки составляли пять g , затем убавил тягу, остановившись на одной шестой — нормальное для Луны ускорение свободного падения. Чувствуя себя счастливым, он по каплям ослаблял тягу.

Пламя расплескивало лунные камни, «Гремлин» парил, стоя на столбе огня, затем с достоинством, мягко, словно пушинка, опустился на грунт.

Наземная команда занялась кораблем. Герметичный мобиль подвез Пембертона ко входу в туннель. Здесь его ждали. Он еще не кончил заполнять рапорт, когда услышал, что его вызывают к аппарату. Сомс улыбнулся ему с экрана.

— Я наблюдал за посадкой, Пембертон. Переподготовка вам ни к чему.

Джейк смущенно покраснел:

— Спасибо, сэр.

— Если вы не слишком привязаны к маршруту «космос—космос», я мог бы предложить вам регулярные рейсы в Луна-Сити. Жилье здесь или в Луна-Сити. Ну как?

Он услышал собственный голос:

— Луна-Сити. Я согласен.

По дороге на почту Джейк порвал свое третье письмо. Подойдя к телефонной стойке, он попросил у блондинки в голубом боди¹:

— Пожалуйста, соедините меня с миссис Пембертон, Суброб, шестьдесят четыре ноль три, Додж-Сити, Канзас.

¹ Moonsuit (англ.) — лунный костюм, повседневная одежда луна-рей. Представляет собой обтягивающее трико, выглядит почти как наше боди. Некоторые «землеройки» считали эту одежду крайне неприличной. — *Примеч. С. В. Голд.*

Она окинула его взглядом:

— Вы, пилоты, любите тратить деньги.

— Иногда телефонный звонок оказывается дешевле письма. Будьте добры, поскорее, пожалуйста.

Филлис подбирала слова для письма, которое, как она теперь понимала, надо было написать раньше. На бумаге легче выразить, что она не жалуется ни на одиночество, ни на отсутствие простых человеческих радостей, но больше не может вынести ежеминутного напряженного ожидания, полного тревоги за его жизнь. Но потом она поняла, что не способна сформулировать следующий из этого логический вывод. Она сама не знала, готова ли отказаться от Джейка, если он не бросит свой космос. Она и в самом деле не знала, способна ли... Телефонный звонок прозвучал как нельзя кстати.

Видеоэкран оставался пустым.

— Дальний, — раздался женский голосок. — Вызывает Луна-Сити.

У нее оборвалось сердце.

— Филлис Пембертон слушает.

Последовала бесконечная пауза. Она знала: радиоволнам требуется больше трех секунд, чтобы преодолеть расстояние от Земли до Луны и обратно, но сейчас она забыла об этом, да это и не успокоило бы ее. В воображении маячили жуткие картины: ее семейный очаг погас, она сама — вдова, а Джейк, ее любимый Джейк, — где-то в космосе мертвый.

— Миссис Пембертон?

— Да-да! Говорите же!

Вновь долгое ожидание.

Зачем она это сделала? Нельзя было отпускать его в рейс с плохим настроением. Какое безрассудство! Он мог из-за этого потерять самообладание. Неужели он умер там, вспоминая, как она ссорилась с ним из-за того, что он променял ее на работу? Неужели она подвела его в ту самую минуту, когда была особенно нужна ему? Она пыталась привязать его к своей юбке, словно маменькиного сынка, а взрослые муж-

чины не выносят такого обращения. Ведь она знала об этом с самого начала — еще мама предупреждала ее, чтобы она не смела этого делать.

Она молилась, слушая могильную тишину телефонной трубки.

Потом раздался голос, от которого ее захлестнула волна облегчения — у нее даже подогнулись колени.

— Это ты, родная?

— Да, дорогой, да! Что ты делаешь на Луне?

— Длинная история. При тарифе доллар в секунду она может и подождать. Ответь только, хочешь ли ты приехать ко мне в Луна-Сити?

Теперь настала очередь Джейка страдать от неизбежного запаздывания радиоволн. Вдруг Филлис настолько привыкла к размеренной жизни, что не решится бросить все и отправиться за ним в небеса? Наконец он услышал ее голос:

— Конечно, дорогой! Когда мне собираться?

— А разве ты не хочешь узнать — *зачем*?

Она принялась уверять, мол, какая разница, а потом все-таки попросила:

— Расскажи.

Радиоволны по-прежнему приходили с задержкой, но это уже было не важно. Он рассказал подробности и добавил:

— Съезди в Спрингс, попросил Ольгу Пирс оформить нужные бумаги. Тебе понадобится моя помощь с вещами?

Она не раздумывала. Если бы он хотел вернуться так или иначе, он бы не стал спрашивать.

— Нет, я справлюсь сама.

— Ты у меня умница. Я радирую тебе длинное письмо: что взять с собой и тому подобное. Я люблю тебя. А пока — до свидания.

— Я тоже тебя люблю! До свидания, дорогой!

Пембертон вышел из кабинки, насвистывая. Все-таки славная девочка его Филлис. Верная. Удивительно, как он мог сомневаться в ней?

КОММЕНТАРИЙ

«Космический извозчик» — это в некотором роде образцовый рассказ, написанный Хайнлайном для глянцевого журнала, наглядно демонстрирующий основной метод, который он для них использовал, — перенос традиционных рассказов о простых людях, которые печатались в «Post» или «Collier's», в новую среду, имеющую отношение к космической отрасли. Среда была «футуристической», если обозначить этим термином ближайшее будущее, которое, согласно ожиданиям не только Хайнлайна, но и остальной части населения послевоенной Америки, должно было воплотиться в ближайшие десять лет или около того. (В 1946 году Хайнлайн описал этот цикл рассказов как «четверть века межпланетных исследований и разработок, отсчет которых начнется буквально завтра».) В данном случае «простая человеческая история» описывала брак, оказавшийся под угрозой из-за несовместимости роли мужа и функции кормильца семьи. В те годы подобные истории невозможно было продать в журналы научной фантастики (перемена к лучшему произойдет уже в 1950-х), а у читателей «мэйнстрима» от технического жаргона и аббревиатур глазки стекленели, — во всяком случае, так считали редакторы, которые принимали решения.

А в случае с этим рассказом Хайнлайн уж слишком преуспел в том, чтобы упростить ее для мистера и миссис Америка: название «Космический извозчик» дал ему редактор «Post», оно несколько отличалось от того, что предлагал Хайнлайн: «Мужчина обязан работать». Надо сказать, что поклонники научной фантастики были крайне недовольны тем, что Хайнлайн тратит свои таланты на эту тупую жвачку. По их мнению, то, чем Хайнлайн торговал взанос в глянцевого журналах и детских книжках, не было научной фантастикой.

«Я ничего не могу поделать: когда я думаю о „глянцевом“ Хайнлайне, мне просто нехорошо становится. Как бы мне хотелось забыть „Зеленые холмы“ и „Космического извозчика“!» — писал Хайнлайну в 1949 году Форри Аккерман, по мнению фэндома — «Фэн НФ № 1 в мире».

Хайнлайн же был уверен, что он на правильном пути.

«Вы чертовски хорошо знаете, — писал он Аккерману, — что рассказы, которые покупает „Astounding“, невозможно продать в „SEF“, но благодаря этим рассказам я познакомил с космическими полетами больше людей, чем любой другой писа-

тель, кроме Г. Дж. Уэллса и Жюль Верна... познакомил в той форме, которую они могли понять и которая заставила их поверить в это. Вы бы так же меня критиковали за то, что я кормлю младенцев кашкой, а не говяжьим стейком с кровью?»

С годами даже фэны — по крайней мере, некоторые из них — признали его правоту.

Рассказы для «Post» изначально писались не для того, чтобы стать частью «Истории будущего», но и «История будущего» тоже изначально была лишь попыткой смоделировать наше ближайшее будущее. И в итоге они оказались настолько совместимы друг с другом, что никто не возразил, когда Хайнлайн включил их во второй том «Истории будущего», изданный «Shasta», — и сегодня и детские истории Хайнлайна, и его «глянцевые» рассказы заняли центральное место в каноне научной фантастики.

РЕКВИЕМ

На одном из высоких холмов Самоа есть могила, и там, на надгробном камне, начертано:

К широкому небу лицом ввечеру
Положите меня, и я умру,
Я радостно жил и легко умру
И вам завещаю одно —

Написать на моей плите гробовой:
«Моряк из морей вернулся домой,
Охотник с гор вернулся домой,
Он там, куда шел давно»¹.

Эти же строки можно увидеть и в другом месте — они выцарапаны на регистрационной пластине от баллона со сжатым воздухом, которая приколоты к грунту ножом.

Ничего особенного ярмарка из себя не представляла — бывают и лучше. Скачки тоже не обещали никаких сюрпризов, хотя, по уверениям организаторов, в нескольких заездах участвовало потомство незабвенного Дэна Патча². Палаток и лотков на площади было не много, да и сами торговцы выглядели довольно уныло.

Шоферу Д. Д. Гарримана казалось, что останавливаться тут незачем, поскольку их ждали в Канзас-Сити на совещании совета директоров. Вернее, там ждали только Гарри-

¹ Из стихотворения Р. Л. Стивенсона «Завещание», выбитого в камне на его могиле на острове Самоа.

² Рысак-иноходец, установивший в начале XX века мировой рекорд в скачках на дистанцию в 1 милю.

мана, однако и у шофера были свои причины торопиться — веселая компания на Восемнадцатой улице. Тем не менее Гарриман не только велел остановиться, но и решил задержаться.

За ипподромом располагался большой огороженный участок. Перед входом высилась полотняная арка, украшенная флагами.

Красные с золотым буквы гласили:

Только у нас
ЛУННАЯ РАКЕТА!!!
Хотите отправиться в полет?
Демонстрационные полеты
дважды в день.
У нас НАСТОЯЩАЯ РАКЕТА, на такой же
Человек Впервые достиг ЛУНЫ!!!
Не упускайте свой шанс — всего 50 долларов!!

У входа, разглядывая ракетный щит, околавивался мальчишка лет девяти-десяти.

— Хочешь взглянуть на корабль, сынок?

Глаза у мальчишки заблестели.

— Еще бы, сэр. Конечно.

— Я тоже. Пошли.

Гарриман заплатил доллар за два розовых билета, которые дали им право пройти за ограждение и осмотреть ракетный корабль. С детской непосредственностью мальчишка выхватил у него из рук свой билет и, не оглядываясь, умчался вперед. Гарриман подошел к ракете поближе и, окинув ее округлый обтекаемый корпус профессиональным взглядом, отметил, что это однодюзовая модель с кольцом маневровых двигателей вокруг живота. Затем, прищурив глаза за стеклами очков, прочел название корабля, выписанное золотыми буквами на празднично-красном корпусе: «Беззаботный». Заплатив еще двадцать пять центов, Гарриман прошел в кабину управления.

Иллюминаторы были закрыты темными противорадиационными фильтрами, и, когда глаза привыкли к царившему в кабине полумраку, Гарриман медленно, любовно прошел-

ся взглядом по клавиатуре приборной консоли и циферблатам, расположенным полукругом над ней. Каждый прибор — на своем месте, и все до единого он знал по памяти, словно они были выгравированы у него в душе.

Охваченный теплым ностальгическим чувством, Гарриман задумчиво разглядывал пульт управления, но тут в кабину вошел пилот и тронул его за руку.

— Прошу прощения, сэр, но нам пора отправляться в демонстрационный полет.

— А? — Гарриман вздрогнул и посмотрел на вошедшего: симпатичный, черт, — крупная голова, сильные плечи; глаза бесшабашные, чувственный рот, но волевой подбородок... — Да, извините, капитан.

— Ничего страшного.

— Мм... Я хотел спросить, капитан, э-э-э...

— Макинтайр.

— Капитан Макинтайр, вы не возьмете в этот полет еще одного пассажира? — Старик с надеждой взглянул на капитана и даже чуть подался вперед.

— Разумеется, если вы желаете. Прошу за мной. — Он провел Гарримана в павильончик у ограды, на дверях которого значилось «Контора». — Пассажир на осмотр, док.

Гарриман хотел было возразить, но все же позволил доктору прослушать его худощавую грудь стетоскопом, а затем застегнуть на руке резиновый бандаж. Спустя несколько секунд тот убрал прибор, взглянул на Макинтайра и покачал головой:

— Не судьба, док?

— Верно, капитан.

Гарриман перевел взгляд с одного на другого и сказал:

— Но сердце у меня в порядке. Почти не болит.

Врач удивленно вскинул брови:

— Ой ли? Впрочем, дело не только в сердце. В вашем возрасте кости становятся хрупкими — слишком хрупкими, чтобы рисковать на перегрузках при взлете.

— Извините, сэр, — добавил капитан, — но Контрольная комиссия округа Бейтс платит доктору именно за то, чтобы он не допускал к полетам людей, которые могут пострадать при перегрузках.

Плечи старика поникли.

— Я, в общем-то, был готов к этому.

— Извините, сэр. — Макинтайр повернулся и вышел, но Гарриман последовал за ним.

— Минутку, капитан...

— Да?

— Не согласитесь ли вы и ваш... э-э-э... бортинженер победать со мной после полета?

Пилот взглянул на него с интересом:

— Почему бы и нет... Спасибо.

— Я никак не могу понять, капитан Макинтайр, что может побудить человека оставить маршрут Земля—Луна.

Жареные цыплята и горячие бисквиты в отдельном кабинете лучшего из отелей, которым мог похвастаться маленький городок Батлер, плюс трехзвездочный «Хеннесси» и сигары «Корона» создали идеальную атмосферу для откровенного разговора.

— Мы просто там не понравились.

— Да брось ты, Мак. Тебя же вышибли из-за правила «Джи», — сказал механик и налил себе еще бренди.

Макинтайр насупился:

— Ну подумаешь, выпил пару раз лишнего. В конце концов, для меня бросить — раз плюнуть. Но мне просто осточертели эти дурацкие правила... И вообще, кто бы говорил? Контрабандист!

— Ну и что? А кто бы не польстился, когда там эти камешки на каждом шагу валяются? Красотища! Они просто сами просятся на Землю. Один раз у меня был алмаз величиной... Да если бы меня не поймали, я бы сейчас сидел не здесь, а где-нибудь в Луна-Сити. И ты тоже, пьянь ты этакая... Представляешь: все нас угощают, девочки стреляют глазками и сами вешаются на шею... — Он уронил голову на стол и тихо всхлипнул.

Макинтайр потряс его за плечо:

— Набрался.

— Не важно. — Гарриман махнул рукой. — Но скажите, вас в самом деле устраивает, что вы больше не работаете на лунных перевозках?

Макинтайр закусил губу:

— Он прав, конечно... Разумеется, нет. Этот балаган меня совсем не устраивает. Одно время мы перебрасывали всякий хлам вверх и вниз по Миссисипи — спали в туристских лагерях и постоянно ели какую-то дрянь. А теперь... В половине случаев местный шериф налагает на корабль арест, в остальных же обязательно находится Общество-Против-Того-Сего, которое, едва мы появимся, подает в суд, чтобы запретить наши полеты. Что ж это за жизнь для космического пилота?

— Если вы попадете на Луну, это поможет?

— Да... Пожалуй. Обратно на трассу Земля—Луна меня не возьмут. Но если бы я оказался в Луна-Сити, я бы устроился возить руду для компании: у них вечно не хватает пилотов, и там мое прошлое никого не волнует. А со временем, если все будет чисто, меня бы даже взяли обратно на трассу.

Гарриман задумчиво повертел в пальцах ложечку и поднял глаза:

— Джентльмены, вы готовы выслушать деловое предложение?

— Возможно. А в чем оно заключается?

— «Беззаботный» принадлежит вам?

— Да. В смысле, Чарли и мне. Правда, есть парочка долговых расписок, где он у нас стоит в обеспечение... А что?

— Я хотел бы арендовать корабль... чтобы вы с Чарли доставили меня на Луну.

Чарли рывком выпрямился:

— Ты слышал его, Мак? Он хочет, чтобы мы летели на этой старой калоше на Луну!

Макинтайр покачал головой:

— Ничего не выйдет, мистер Гарриман. Развалюха не выдержит. Чтобы достичь скорости отрыва, нужно специальное горючее, а мы даже стандартную смесь не используем — только бензин и жидкий кислород. И то Чарли постоянно что-то там латает. Когда-нибудь эта рухлядь просто взорвется.

— Послушайте, мистер Гарриман, — вставил Чарли, — а что мешает вам получить экскурсионное разрешение и отправиться туда кораблем Компании?

— Это не для меня, сынок, — ответил старик. — Пустой номер. Ты же знаешь условия, по которым ООН передала Компании монопольное право на использование Луны. Ни один человек, чье физическое состояние вызывает сомнения, не может быть допущен в космос. Компания принимает на себя всю полноту ответственности за безопасность и здоровье любого гражданина Земли, находящегося за пределами стратосферы. Официально — чтобы избежать лишних жертв в первые годы освоения космического пространства.

— И у вас никаких шансов пройти медкомиссию?

Гарриман покачал головой.

— Ну тогда... Если уж вы, черт побери, в состоянии позволить себе нанять нас, почему бы просто не подкупить кого-нибудь из медиков Компании? Это уже делалось, и не раз.

Губы Гарримана изогнулись в печальной улыбке.

— Я знаю, Чарли, но тут тоже ничего не выйдет. Видишь ли, я для этого слишком известен. Меня зовут Делос Д. Гарриман.

— Что? *Тот самый* Гарриман?! Вот дьявольщина! Один из владельцев Компании! Да нет, что я говорю, вы же *и есть* компания! Вы можете там делать, что захотите! Для вас правила не писаны.

— Это весьма распространенное мнение, сынок, но оно, к сожалению, неверное. У богатых людей свободы отнюдь не больше, чем у других, — скорее, меньше, намного меньше. Я уже пытался провернуть такой фокус, но остальные члены совета директоров мне просто не позволили. Они боятся нарушить условия ООН и потерять монопольное право. Ситуация и без того обходится недешево... Политические контакты и прочее...

— Чтоб я сдох! Ты что-нибудь понимаешь, Мак? У человека полно «капусты», а он не может ее потратить, как ему вздумается!

Макинтайр промолчал, ожидая, что скажет Гарриман.

— Капитан Макинтайр, если бы у вас был корабль, вы бы взялись доставить меня на Луну?

Тот задумчиво потер подбородок:

— Это противозаконно.

- Но я могу очень хорошо заплатить.
- Конечно же он возьмется, мистер Гарриман! О чем речь, Мак? Вспомни: Луна-Сити и все такое... О боже!..
- А почему вам так хочется на Луну, мистер Гарриман?
- Капитан, это единственное, чего я хотел всю свою жизнь. С самого детства. Я даже не знаю, смогу ли это объяснить. Вы молодые, росли вместе с освоением космоса, как я рос с развитием авиации. Я ведь намного старше вас, по крайней мере лет на пятьдесят... Когда я был мальчишкой, почти никто не верил, что когда-нибудь люди достигнут Луны. Вам-то ракеты знакомы всю жизнь, и первый человек высадился на Луне, когда вы еще под стол пешком ходили. А когда я был в таком возрасте, люди просто смеялись над этой идеей.

Но я верил. Все равно верил. Читал Уэллса, Жюль Верна, Смита¹ и верил, что мы можем... нет, что мы обязательно будем на Луне. Еще тогда я решил, что непременно стану одним из тех, кто оставит на Луне свои следы, что увижу ее обратную сторону, увижу висящую над головой Землю...

Помню, я ходил голодный, потому что деньги, которые мне давали на ланч, тратил, чтобы заплатить взносы Американскому ракетному обществу. Мне верилось, что я помогаю приблизить день, когда мы доберемся до Луны... Правда, когда этот день настал, я был уже стариком. Я прожил явно дольше, чем следовало, но я не могу умереть — не умру! — пока не побываю на Луне.

Макинтайр встал и протянул ему руку:

- Ищите корабль, мистер Гарриман. Я готов.
- Молодец, Мак!.. Я уже говорил, что он согласится, мистер Гарриман.

По дороге до Канзас-Сити, которая заняла около полу-часа, Гарриман, убаюканный легким покачиванием машины и собственными мыслями, то и дело погружался в тре-

¹ *Эдвард Элмер Смит* (1890–1965), более известного как Док Смит, — американский писатель-фантаст. В его романе «Космический жаворонок» описывается первый выход человека за пределы Солнечной системы.

вожную стариковскую полудрему. Словно неуловимые тени, всплывали и растворялись в памяти эпизоды его долгой жизни. Вот тот случай... Когда же это было?.. В 1910-м, пожалуй... Маленький мальчик на улице теплой весенней ночью... «Что это, папа?» — «Комета Галлея, сынок». — «А откуда она взялась?» — «Не знаю, сынок. Прилетела откуда-то издалека, должно быть». — «Как краси-и-во! Папа, я хочу ее потрогать». — «Боюсь, ничего не выйдет, сынок...»

Или... «Делос, ты хочешь сказать, что вложил все деньги, которые мы скопили на дом, в эту бредовую ракетную компанию?» — «Ну не горячись, Шарлотта. Никакая она не „бредовая“ — это трезвый деловой расчет. Когда-нибудь — уже скоро — ракеты заполнят все небо. Корабли и поезда останутся в прошлом. Вспомни, наконец, что уготовила судьба людям, у которых хватило ума вложить деньги в дело Генри Форда!» — «Я эту песню уже слышала». — «Шарлотта, поверь мне, настанет день, когда люди вознесутся над Землей, достигнут Луны и даже других планет. Мы еще в самом начале пути». — «А кричать-то зачем?» — «Извини, но...» — «У меня опять начинается головная боль. Не шуми, пожалуйста, когда будешь ложиться спать».

Он тогда так и не лег. Всю ночь напролет просидел на веранде, глядя, как ползет по небу полная Луна. Утром придется расплачиваться за бессонную ночь, утром будут сердито поджатые губы жены, обиженное молчание, но он не уступит. В чем угодно, но только не в этом. И ночь будет его. Сегодня он один на один со своим старым другом. Он вглядывался в ее лицо. Где Море Кризисов? Забавно, он не мог его разглядеть. Когда он был мальчишкой, он привык его видеть так ясно... Наверное, нужны новые очки — эта постоянная работа в офисе в конце испортила ему зрение.

Впрочем, ему даже не нужно их видеть, он и так помнит их наизусть: Море Кризисов, Море Плодородия, Море Спокойствия — как хорошо это звучит! — Апеннины, Карпаты, старый кратер Тихо с раскинувшимися в стороны таинственными лучами.

Двести сорок тысяч миль — всего десять раз вокруг Земли по экватору. Неужели людям не под силу будет перекинуть

мост на столь мизерное расстояние? Ведь вот она, Луна, почти рядом, за ветвями старого вяза: кажется, протяни руку — и дотронешься...

Но он ничем не может помочь, не хватает образования.

«Сынок, мне нужно серьезно с тобой поговорить». — «Да, мама». — «Я знаю, что ты надеялся поступить в следующем году в колледж...» (Надеялся! Он ради этого только и жил! Сначала Чикагский университет, обучение под руководством Молтона, а затем Йеркская обсерватория, работы у самого доктора Фроста...) «...И я тоже надеялась. Но теперь, когда мы остались без папы, а девочки уже подрастают, нам очень трудно будет свести концы с концами. Ты — хороший сын и работал изо всех сил, чтобы помочь семье... Я знаю, что ты поймешь...» — «Да, мама».

«Экстренный выпуск! Экстренный выпуск! СТРАТОСФЕРНАЯ РАКЕТА ДОСТИГЛА ПАРИЖА! Читайте экстренный выпуск!»

Худощавый невысокий мужчина в бифокальных очках выхватил у разносчика газету и заторопился обратно в контору. «Ты только посмотри, Джордж!» — «А? Да, любопытно, а что?» — «Да как же ты не понимаешь? Следующий шаг — Луна!» — «Ну и лопух же ты, Делос. Похоже, тебе вредно читать эти дрянные журнальчики. Я тут на прошлой неделе нашел у своего парня один такой — «Удивительные истории» или еще что-то подобное — и устроил ему хорошую взбучку. Твоим родителям следовало поступить так же». Гарриман расправил узкие, уже поникшие к середине жизни плечи. «Но они будут на Луне!» Его партнер рассмеялся: «Как скажешь. Чем бы дитя ни тешилось... Однако ты лучше займись скидками и комиссионными — вот где нас ждут деньги!»

Длинная машина пошелестела по Пасео и свернула на бульвар Армор. Старик Гарриман судорожно дернулся в полудреме и что-то невнятно пробормотал.

— Но, мистер Гарриман... — В глазах молодого человека с блокнотом промелькнуло беспокойство.

— Ты слышал, что я сказал, — проворчал старик. — Продавай. Я хочу обратить в наличные все мои акции, и как можно скорей: «Спейсуэйс», «Спейсуэйс провижен корпорейшн», «Шахты Артемиды», «Луна-Сити рекриэйшнс» — все до единой.

— Но они сразу понизятся в цене. Вы не получите их полной стоимости.

— Ты думаешь, я этого не понимаю? Но я могу себе это позволить.

— А как насчет акций, которые вы собирались завещать обсерватории Ричардсона и стипендиальному фонду Гарримана?

— Да, верно. Эти не продавай. Организуй передачу акций в попечительство соответствующих фондов. Давно это следовало сделать... Скажи молодому Каменсу, пусть подготовит необходимые документы. Он знает, что мне нужно.

Вспыхнул экран интеркома на столе.

— Джентльмены уже прибыли, мистер Гарриман.

— Пригласите их. Это все, Эшли. К делу.

Выходя из кабинета, секретарь столкнулся в дверях с Макинтайром и Чарли. Гарриман поднялся из-за стола и засеменил им навстречу:

— Входите, ребята, входите. Очень рад вас видеть. Усаживайтесь поудобней. Сигары. Угощайтесь.

— Мы тоже рады вас видеть, мистер Гарриман, — признал Чарли. — Сказать по правде, нам просто необходимо было вас увидеть.

— Какие-то осложнения, джентльмены? — Гарриман перевел взгляд с одного на другого.

— Ваше предложение по-прежнему в силе, мистер Гарриман? — спросил Макинтайр.

— В силе? Разумеется. А вы, часом, не собрались на попятную?

— Ни в коем случае. Эта работа нам теперь просто необходима. Дело в том, что «Беззаботный» сейчас на дне реки Осейдж и дюза маршевого двигателя у него лопнула до самого инжектора.

— Боже правый! Но вы не пострадали?

— Нет, разве что несколько царапин и синяков. Пришлось катапультироваться.

— Я даже поймал зубами какую-то рыбину, — добавил Чарли и фыркнул.

Вскоре они перешли к делу.

— Вам двоим придется купить для меня корабль. Сам я не могу сделать это в открытую: мои коллеги сразу же поймут, что я задумал, и попытаются мне помешать. Необходимые средства я предоставляю. Ваша задача — найти корабль, который можно будет переоснастить для полета к Луне. Придумайте убедительную легенду: мол, получили заказ на стратосферную яхту от какого-нибудь богатого бездельника или собираетесь открыть туристский маршрут Арктика—Антарктика — словом, что-нибудь в этом духе. Главное, никто не должен заподозрить, что вы готовите корабль к перелету на Луну.

Затем, когда Транспортный департамент выдаст вам лицензию на стратосферные полеты, вы посадите корабль в пустыне, где-нибудь на западе — я выберу подходящий участок земли и куплю его, — и дождетесь меня. После чего мы установим дополнительные баки для горючего, поместим инжекторы, таймеры и все такое — короче, подготовим корабль к перелету. Ну как план?

Макинтайр с сомнением покачал головой:

— Та еще работенка... Как по-твоему, Чарли, ты справишься с этим делом в полевых условиях?

— Я-то? Конечно справлюсь, если ты не будешь отлынивать от работы. Дайте мне необходимые материалы и оборудование, и я все сделаю сам. Только не очень гоните. Разумеется, получится не бог весть как красиво, зато...

— Красота меня не интересует. Мне нужен корабль, который не разнесет на куски, когда я начну щелкать переключателями. Изотопное горючее — с ним шутки плохи.

— Не волнуйся, Мак, не разнесет.

— То же самое ты говорил и про «Беззаботного».

— Ну, это просто нечестно, Мак. Ей-богу, мистер Гарриман... По «Беззаботному» давно уже свалка плакала, и Мак

прекрасно это знает. Но сейчас все будет по-другому. Мы ведь не будем жалеть денег и сделаем все честь по чести. Верно, мистер Гарриман?

Тот потрепал его по плечу:

— Верно, Чарли. Денег можешь тратить сколько угодно. Это наименьшая из наших проблем. И кстати, устраивает ли вас предложенное вознаграждение? Мне бы не хотелось, чтобы вы остались потом на мели...

— ...Как вам известно, мои клиенты являются ближайшими родственниками мистера Гарримана, и они озабочены исключительно его благосостоянием. Мы утверждаем, что поведение мистера Гарримана за последние несколько недель — и приведенные здесь доказательства подтверждают это — свидетельствует о старческом слабоумии, постигшем человека, известного некогда своими блестящими финансовыми операциями. Следовательно, мы с глубочайшим прискорбием просим уважаемый суд, буде он согласится с нами, объявить мистера Гарримана недееспособным и назначить опекуна для соблюдения его финансовых интересов и финансовых интересов его будущих наследников и правопреемников. — Довольный собой, адвокат сел на место.

Адвокат Каменс взял слово:

— Если мой глубокоуважаемый коллега *действительно* завершил свое выступление, я с позволения суда замечу, что последними словами он практически подытожил суть выступления и обнажил его смысл. «Финансовые интересы его будущих наследников и правопреемников»! Совершенно очевидно, что заявители убеждены, будто мой клиент должен вести свои дела таким образом, чтобы гарантировать его племянницам, племянникам и их потомкам ничем не заслуженное беззаботное существование до конца их жизни. Жена моего клиента умерла, и своих детей у них не было. Известно, что мистер Гарриман всегда был щедр к своим сестрам и их детям в прошлом и, кроме того, он позаботился о ежегодных выплатах для ближайших родственников, не имеющих достаточных средств к существованию.

Теперь же ближайшие родственники моего клиента, как стервятники — хуже, чем стервятники, потому что они даже

не позволяют ему умереть спокойно, — решили воспрепятствовать его праву наслаждаться своим состоянием так, как ему заблагорассудится. Верно, он распродал все свои владения, но что же тут странного, когда пожилой человек решает отойти от дел? Верно, в результате этой финансовой операции он потерял какую-то часть своих средств, однако, как говорится, вещь стоит ровно столько, сколько за нее дадут. Мой клиент решил уйти на покой и потребовал наличные — что же тут необычного?

Я согласен, он отказался обсуждать свои действия с нежно любящими его родственниками. Но с каких это пор человек должен обсуждать со своими племянниками вообще что бы то ни было?

Поэтому мы просим глубокоуважаемый суд подтвердить право моего клиента поступать со своей собственностью таким образом, как ему заблагорассудится, отклонить исковое заявление родственников клиента и указать им на то, чтобы они не лезли в дела, которые их не касаются.

Судья снял очки и в задумчивости протер стекла.

— Мистер Каменс, этот суд относится к свободе личности с неменьшим уважением, чем вы. Можете быть уверены, любое его решение будет принято исключительно в интересах вашего клиента. Тем не менее люди действительно стараются, действительно порой впадают в старческие заблуждения, и в таких случаях они нуждаются в защите от самих себя. Я откладываю вынесение решения до завтра. Заседание суда закрывается.

«Канзас-Сити — Стар»:

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

ЭКСЦЕНТРИЧНОГО МИЛЛИОНЕРА

...Не явился на очередное заседание суда. Судебные приказы, направленные по адресам, где обычно бывает Гарриман, вернулись с сообщением о том, что его никто не видел с предыдущего вечера. Вынесено постановление о неуважении к суду и...

Закат в пустыне возбуждает аппетит не хуже, чем варенье в ресторане. Чарли убедительно доказал это, старательно подобрав куском хлеба последние остатки мясной подливки

в тарелке, после чего Гарриман протянул молодым людям по сигаре и взял одну сам.

— Мой врач утверждает, что это вредно для сердца, — заметил он, раскуривая сигару, — но с тех пор, как я прибыл к вам сюда, на ранчо, я чувствую себя намного лучше, и его рекомендации вызывают у меня серьезные сомнения. — Гарриман выпустил облако серо-голубого дыма и продолжил: — Похоже, здоровье человека больше зависит не от того, что он делает, а от того, хочется ли ему это делать. Я вот сейчас делаю как раз то, что мне хочется.

— Чего же еще желать от жизни? — согласился Макинтайр.

— Как, ребятаки, продвигается наша работа?

— У меня почти полный порядок, — ответил Чарли, — сегодня мы закончили повторную опрессовку новых баков и топливопровода. Все наземные проверки проведены, осталось только откалибровать датчики. Это быстро — всего часа на четыре, если ничего не случится. А как ты, Мак?

Макинтайр принялся загибать пальцы:

— Продукты и вода уже на борту. Три скафандра плюс один запасной и аварийные наборы. Медицинские припасы. Все, что необходимо для стратосферного полета, вошло в комплектацию с самого начала. Пока не прибыло только навигационное оборудование для сближения с Луной.

— Когда вы его ожидаете?

— С минуты на минуту. Считайте, что оно уже здесь. Кстати, оно не так уж и нужно. Вся эта болтовня о том, как трудно добраться до Луны, — полная чушь, они хотят произвести впечатление на публику. Вы ведь в любой момент можете *видеть* пункт назначения — это совсем не то, что навигация в океане. Дайте мне секстант и хороший радар, и я посажу вас в любую точку на Луне, какую захотите, не заглядывая в астрономический каталог или таблицы светимости. Мне достаточно просто знать величины относительных скоростей.

— Будет тебе хвастаться, Колумб! — сказал Чарли. — Мы и так верим, что шляпой в стену ты не промахнешься. Надо понимать, ты готов отправиться прямо сейчас, а?

— Точно.

— Ну раз так, то я *вполне* могу провести калибровку и сегодня. Что-то я немного нервничаю — уж слишком гладко все шло до сих пор. Если ты мне поможешь, мы управимся еще до полуночи.

— Ладно, только сигару докурю.

Некоторое время они курили в молчании. Каждый думал о приближающемся полете и о том, что с ним связано. Гарриман старался унять возбуждение, охватившее его при мысли о том, что мечта всей его жизни вот-вот осуществится.

— Мистер Гарриман?

— А? Что, Чарли?

— Как люди становятся богатыми — вот как вы хотя бы?

— Богатыми? Трудно сказать. Я никогда не старался разбогатеть. Никогда не хотел ни богатства, ни известности, ни чего-либо еще в таком духе.

— Как это?

— Просто я хотел жить долго и все увидеть своими глазами. Впрочем, парней вроде меня было тогда много: мы сами мастерили радиоприемники, делали телескопы и строили аэропланы. У нас были научные клубы, подвальные лаборатории, научно-фантастические лиги — для таких, как мы, в одном номере «Электрического экспериментатора» больше романтики, чем во всех книгах Дюма. Нам не хотелось стать одним из героев Горацио Алджера¹ и разбогатеть, нет, — мы просто мечтали строить космические корабли. И некоторым из нас мечта покорилась.

— Да, папаша, судя по твоим словам, вы нескучно жили.

— Так оно и было, Чарли. Двадцатый век — век романтики и надежд, несмотря на все его трагедии. И с каждым годом он все лучше и интереснее. Нет, я не хотел быть богатым, мне просто хотелось прожить до тех пор, когда человек отправится к звездам, и, бог даст, полететь на Луну само-

¹ *Горацио Алджер* (1832–1899) — американский писатель, главной темой творчества которого был жизненный путь бездомных нищих детей, добивающихся богатства и славы. Хайнлайн вырос на книгах Алджера и использовал их в качестве одной из отправных точек, когда сам занялся детской литературой. — *Примеч. С. В. Голд.*

му. — Гарриман осторожно стряхнул на блюдце столбик белого пепла. — Я прожил хорошую жизнь. Мне не на что жаловаться.

Макинтайр оттолкнул кресло назад:

— Ладно, Чарли, если ты готов, то пойдем займемся делом.

— Пойдем.

Гарриман тоже поднялся. Он хотел что-то сказать, но вдруг схватился за грудь, и лицо его стало смертельно бледным.

— Держи его, Мак!

— Где у него лекарство?

— В нагрудном кармане.

Они уложили его на диван. Макинтайр отломил головку ампулы, обмотав ее платком, и сунул ампулу под нос Гарриману. Содержимое ампулы, похоже, помогло, и щеки старика немного порозовели. Они сделали, что было в их силах, и теперь просто ждали, когда Гарриман придет в себя.

Первым нарушил молчание Чарли:

— Мак, а может, бросить нам все это дело?

— Почему?

— Это же чистое убийство. Старик не выдержит стартовой перегрузки.

— Может, и не выдержит, но он сам этого хочет. Ты же его слышал.

— Но мы обязаны помешать ему.

— С какой стати? Это его жизнь, и ни ты, ни это вонючее правительство, которое всюду сует свой нос, не вправе заставлять человека рисковать своей жизнью, если он действительно этого хочет.

— Все равно, мне как-то не по себе. Он же такой классный старикан.

— Так чего ж ты хочешь? Отправить его обратно в Канзас-Сити, к этим старым гарпиям, которые засунут его в дурдом? Чтобы он умер там от тоски по своей мечте?

— Боже, нет!

— Ну тогда давай дуй к ракете и готовь приборы к испытаниям. Я сейчас подойду.

На следующее утро в ворота ранчо заехал джип с широкими колесами и остановился перед домом. Из машины выбрался плечистый, крепкий мужчина с твердым, но добродушным лицом и обратился к Макинтайру, который вышел из дома навстречу:

— Джеймс Макинтайр?

— А в чем дело?

— Я — заместитель начальника полиции в здешних местах. У меня ордер на ваш арест.

— По какому обвинению?

— Действия, имеющие целью нарушить Акт о безопасности космических полетов.

Из дома вышел Чарли:

— Что за шум, Мак?

— А вы, надо полагать, Чарлз Каммингс? — сказал приезжий. — На вас тоже есть ордер. И еще один — на человека по фамилии Гарриман, и судебное постановление опечатать ваш космический корабль.

— У нас нет никакого космического корабля.

— А вон в том ангаре что?

— Стратосферная яхта.

— Да? Ну тогда за неимением корабля я опечатаю яхту. Где Гарриман?

— А вон он. — Чарли указал, не обращая внимания на мрачную гримасу Макинтайра.

Гость повернул голову. Чарли врезал ему, должно быть, точно в солнечное сплетение, потому что тот свалился как подкошенный.

— Черт бы его побрал, — пробормотал Чарли, морщась и потирая костяшки пальцев. — Тот же самый палец, что я уже сломал один раз, когда играл в баскетбол. Вечно ему достается...

— Быстро давай старика в кабину, — перебил его Макинтайр, — и пристегни его к противоперегрузочному гамаку.

— Слушаюсь, капитан.

Они прицепили ракету к тягачу, вывезли ее из ангара, развернули и немного отъехали в пустыню, чтобы найти место для взлета. Затем забрались в кабину. В правый иллю-

минатор Макинтайр заметил очухавшегося полицейского — тот беспомощно смотрел им вслед.

Макинтайр пристегнул ремень безопасности, поправил лямки и вызвал машинное отделение по внутренней связи:

— Все в порядке, Чарли?

— Да, капитан. Но мы не можем взлететь, Мак. У корабля нет названия!

— У нас нет времени на твои суеверия!

Тут раздался слабый голос Гарримана:

— Назовите его «Лунатик». Лучше и не придумаешь.

Макинтайр откинул голову и противоперегрузочную подушку, нажал две клавиши, затем подряд три другие, и «Лунатик» взлетел.

— Ну как ты тут, папаша?

Чарли с тревогой оглядел лицо старика. Тот облизал губы и с трудом произнес:

— Все в порядке, сынок. В лучшем виде.

— Ускорение закончено. Теперь будет полегче. Я тебя развяжу, чтобы ты мог шевелиться, но пока тебе лучше оставаться в гамаке.

Он потянул за пряжку ремня, и Гарриман коротко простонал.

— Что такое, папаша?

— Ничего. Все нормально. Но полегче с этим боком.

Чарли пробежался по его боку пальцами, легкими, уверенными прикосновениями опытного механика отыскивая повреждения.

— Тебе меня не перехитрить, папаша. Но тут уж до самой посадки я ничем не смогу помочь.

— Чарли...

— Да?

— Ты можешь передвинуть меня к иллюминатору? Я хочу увидеть Землю.

— Пока еще смотреть не на что. Она под кораблем. Но как только мы развернемся, я тебя передвину. А сейчас, пожалуйста, дам тебе снотворного и разбужу после разворота.

— Нет!

— Что такое?

— Я не буду спать!

— Как скажешь, папаша.

Чарли, словно обезьяна, пробрался в нос корабля и ухватился за крепление пилотского кресла. Макинтайр посмотрел на него вопросительным взглядом.

— Жив, — ответил Чарли, — но не в лучшей форме.

— Что с ним?

— Два ребра сломаны точно, а уж что там еще, я не знаю. И неизвестно, протянет ли он до конца полета, Мак. Сердце у него совсем ни к черту.

— Он выдержит, Чарли, не беспокойся. Крепкий старикан.

— Крепкий? Да он как канарейка — еле-еле душа в теле.

— Я о другом. Он в душе крепкий, а это важнее.

— Ладно. Но если ты хочешь, чтобы после посадки команда была в полном составе, тебе нужно будет садиться о-о-очень мягко.

— Сяду. Я сделаю полный оборот вокруг Луны и пойду по сужающейся спирали. Горючего у нас, думаю, хватит.

Теперь они двигались без ускорения. Когда Макинтайр развернул корабль, Чарли пришел к Гарриману, отцепил гамак и перенес его к боковому иллюминатору. Макинтайр зафиксировал «Лунатика» в положении дюзами к Солнцу, затем дал короткий тангенционный импульс двумя расположенными в середине корабля маневровыми двигателями — корабль начал вращаться вокруг своей оси, создавая слабое подобие гравитации. Период невесомости, наступивший по окончании первого этапа полета, вызвал у старика, как это обычно бывает, тошноту и головокружение, и Макинтайру хотелось избавить своего пассажира, по крайней мере, от этих неудобств.

Но сам Гарриман почти не замечал собственного состояния.

Ведь вот он, космос, — все, как ему представлялось раньше. Луна, величественно проплывающая в иллюминаторе, только гораздо больше, чем он когда-либо видел с Земли, и все ее знакомые черты различимы теперь так ясно,

словно они вырезаны на камее. Затем корабль поворачивался, и в поле зрения появлялась сама Земля — да, именно так она представлялась ему в мечтах: огромный диск благородного небесного тела, будто спутник неведомой планеты; во много раз больше Луны, видимой землянам, во много раз ярче и несравненно красивее. Чарующая, манящая красота... К Атлантическому побережью Америки приближался закат, граница тени прорезала северную часть континента, пересекала Кубу и почти целиком, кроме западного побережья, скрывала Южную Америку. Гарриман наслаждался ясной голубизной Тихого океана, ощупывал размытую зелень и мягкие коричневые тона материков, восторженно взирал на холодные бело-голубые полярные шапки. Канаду и северные штаты закрывали облака, зона низкого давления расплзлась почти на весь континент, но чистая белизна отраженного от облаков света радовала глаз даже больше, чем полярные снега.

Корабль продолжал вращаться, Земля уплывала из поля зрения, и в иллюминаторе появились звезды — те же, знакомые с Земли звезды, только яркие, немигающие, на фоне абсолютной, почти живой черноты. Затем снова стала видна Луна и вновь овладела мыслями...

Гарриман был безмятежно счастлив, — такое счастье редко дается даже людям, прожившим долгую жизнь. Он чувствовал себя так, словно в нем соединились сразу все люди, жившие когда-то на Земле, заглядывавшиеся на звезды и мечтавшие.

Тянулись долгие часы полета, а он все смотрел и смотрел, иногда впадая в полудрему и видя сны. Один раз он, должно быть, и в самом деле уснул либо провалился в болезненное забытие, потому что проснулся, услышав голос Шарлотты, своей жены: «Делос! Ну-ка, немедленно иди домой! Ты что, хочешь простудиться и умереть?!»

Бедная Шарлотта! Она была ему хорошей женой, действительно хорошей. Гарриман не сомневался, что, умирая, она жалела только об одном — о том, что некому будет о нем позаботиться. И не ее вина, что ей не дано было разделить его мечту, его тягу к звездам.

Когда они пролетали над обратной стороной Луны, Чарли приладил гамак к правому иллюминатору. Гарриман разглядывал знакомые по тысячам фотоснимков черты лунной поверхности с каким-то ностальгическим восторгом, как будто его ждало возвращение на родину. Вскоре они вновь очутились над обращенной к Земле стороной, и Макинтайр медленно снизился, готовясь к посадке на востоке от Моря Плодородия, в десяти милях от Луна-Сити.

Учитывая все обстоятельства, посадка прошла не так уж плохо. Макинтайр садился без наводок с поверхности и без второго пилота, который следил бы за радаром. Стараясь опустить корабль помягче, он увлекся маневром и промахнулся миль на тридцать в сторону от намеченной точки, но тем не менее сделал все, что было в его силах. И все-таки их тряхнуло.

Когда осела взметенная дюзами пыль, в рубке появился Чарли.

— Как там наш пассажир? — встревоженно спросил Макинтайр.

— Сейчас погляжу, но ручаться ни за что не стану: это не самая лучшая твоя посадка, Мак.

— Черт побери, я и так сделал все, что мог!

— Я знаю, капитан. Не обращай на меня внимания.

Пассажир был жив и в сознании, хотя из носа у него текла кровь, а на губах пузырилась розовая пена. Он безуспешно пытался выбраться из гамака, и Чарли с Макинтайром вдвоем освободили его наконец от ремней безопасности.

— Где скафандры? — спросил Гарриман первым делом.

— Спокойно, мистер Гарриман. Вам нельзя выходить в таком состоянии. Сначала мы должны оказать вам первую помощь.

— Дайте мне этот чертов скафандр! Помощь может подождать.

Они молча подчинились. Левая нога у Гарримана почти не двигалась, и им пришлось сопровождать его через шлюз и по трапу. Но на Луне он весил всего фунтов двадцать, так что это было нетрудно. Они отыскиали место в пятидесяти ярдах от корабля и усадили Гарримана спиной к камню, чтобы он видел окрестности.

Макинтайр прислонил свой шлем к шлему старика и сказал:

— Мы оставим вас пока здесь наслаждаться пейзажем, а сами подготовимся к переходу до города. Это не так далеко, миль сорок, но надо взять запасные баллоны с воздухом, питание и все такое. Мы скоро вернемся.

Гарриман молча кивнул и коротко пожал ему руку удивительно крепкой хваткой.

Он сидел, почти не шевелясь, и только гладил руками лунный грунт рядом с собой, с удивлением ощущая, как слабо его тело давит на поверхность. В сердце его наконец-то воцарился покой. Боль куда-то ушла. Он исполнил свою мечту и попал туда, куда стремился всю жизнь. Над западным горизонтом, словно гигантский зелено-голубой спутник, висела Земля в последней четверти. Еще выше с черного, усыпанного звездами неба сияло Солнце. А под ним была Луна, сама Луна. Он на Луне, черт побери!

Гарриман откинулся назад, каждой своей клеточкой ощущая накотивший, словно прилив, покой.

На мгновение он задумался, и ему снова показалось, что кто-то зовет его по имени.

«Глупо, — подумал Гарриман, — я стар, и мне мерещится всякая всячина...»

В кабине корабля Чарли и Мак прилаживали к носилкам заплечные ремни.

— Отлично, — сказал Макинтайр. — Сойдет. Надо привести старика. Пора двигаться.

— Я его принесу, — ответил Чарли. — Он почти ничего не весит.

Чарли отсутствовал дольше, чем ожидал Макинтайр, и вернулся один. Макинтайр подождал, пока он закроет шлюзовую камеру и откинёт шлем.

— Что случилось?

— Носилки можно оставить, капитан. Они нам уже не понадобятся. — Он помолчал, потом добавил: — Старик умер. Я сделал все, что нужно.

Макинтайр молча наклонился и поднял с пола широкие лыжи для передвижения по лунной пыли. Чарли сделал то

же самое. Затем они закинули на плечи запасные баллоны с воздухом и вышли из корабля.

Наружный люк шлюзовой камеры так и остался открытым.

КОММЕНТАРИЙ

Джону Кэмпбеллу не понравился «Реквием», когда Хайнлайн прислал его в августе 1939 года. («Реквием» было альтернативным названием, сам Хайнлайн предпочитал менее пафосное «Сделка».) Но Кэмпбелл решил дать ему шанс: его собственная литературная репутация была отчасти построена на «картинах настроения», а «Реквием» был весь одним настроением — печаль и трансцендентность. Большую вещь, над которой параллельно работал Хайнлайн, — «Виноградная лоза и смоковница» (позже она превратится в «Если это будет продолжаться...») — Кэмпбелл не мог напечатать, пока не закончится роман Дока Смита (это был «Серый Ленсмэн»), а вот короткий рассказ можно было сразу отдать в верстку: журналу «Astounding» постоянно нужны были короткие рассказы...

Когда Хайнлайн впервые увидел этот образ: Моисей космического века, бросивший вызов всему, что встало между ним и его личной землей обетованной, — у него, должно быть, мурашки по спине побежали. Подобные идеи не приходят каждый день, и Хайнлайн вложил в историю весь свой неосуществленный порыв к небу, к звездам. «Реквием» стал девятым по счету написанным им произведением (если считать и злосчастный дебютный роман) и третьим, которое было опубликовано.

Кэмпбелл, у которого случился один из редких приступов редакторского безумия, дописал к рассказу короткий завершающий абзац и несколько сбил настроение, которого так усердно добивался Хайнлайн: растворение в лунном безмолвии и уход в вечность. Вместо этого Кэмпбелл наполнил величественную тишину бессмысленными хлопотами, которые отвлекли внимание читателей от Гарримана и переключили его на дерзких парней-ракетчиков, которых он нанял. Это был первый тяжелый урок, который пришлось усвоить Хайнлайну в его знакомстве с реалиями коммерческих публикаций, а также первое столкновение с литературными ограничениями Кэмпбелла. Но он на-

учился держать удар и переходить к следующему уроку — и при этом оставаться лучшим другом Кэмпбелла.

Долгое время Хайнлайн хотел написать о том, что подразумевалось в предыстории «Реквиема», о том, как Гарриман продал Луну и не смог побывать на ней сам. После Второй мировой войны писатель довольно глубоко погрузился в предметную область, когда пытался запустить частно-государственный проект лунной ракеты, но возможность его реализовать была упущена, когда все космические разработки были поглощены программой создания управляемых ракет. Детали этого проекта так или иначе проявились во многих главных послевоенных начинаниях Хайнлайна, но, по-видимому, наиболее полно он использовал его в 1949 году, когда писал «Человека, который продал Луну» для первого тома рассказов «Истории будущего».

Перед включением в сборник Хайнлайн внес в «Реквием» очень незначительные изменения: он просто удвоил стоимость всех развлечений на ярмарке округа Батлер, где начинается эта история, чтобы учесть послевоенную инфляцию.

ДОЛГАЯ ВАХТА

1

С Лунной базы поднялись девять кораблей. Выйдя в открытый космос, восемь из них кольцом выстроились вокруг девятого, самого маленького, и в таком построении отправились к Земле.

На фюзеляже маленького корабля красовалась адмиральская эмблема, но внутри не было ни одного живого существа. Он даже не был пассажирским кораблем. Это был беспилотник, корабль-автомат, предназначенный для перевозки радиоактивных грузов. В этот раз на его борту находились лишь свинцовый гроб и не замолкавший ни на секунду счетчик Гейгера.

*Из передовицы «Десять лет спустя», пленка 38,
17 июня 2009 года, архив «Нью-Йорк таймс»*

Джонни Далквист выпустил струю дыма на счетчик Гейгера. Криво улыбнулся и повторил. Все его тело было пропитано радиацией. Даже его дыхание, дым от его сигареты заставляли счетчик верещать.

Как долго он здесь? На Луне время не имеет большого значения. Два дня? Три? Неделю? Он мысленно вернулся к последнему, четко отложившемуся в памяти моменту, когда начальник штаба послал за ним после завтрака...

— Лейтенант Далквист по распоряжению начальника штаба прибыл!

Полковник Тауэрс взглянул на него:

— А, Джон Эзра. Присядь, Джонни. Сигарету?

Джонни сел, озадаченный, но польщенный. Он восхищался полковником Тауэрсом, его выдающимся умом, командирским талантом и боевыми заслугами. Сам Джонни

боевыми заслугами похвастаться не мог; защитив докторскую диссертацию по ядерной физике, он был направлен на Лунную базу младшим офицером-бомбардиром, специалистом по обслуживанию зарядов.

Полковник заговорил о политике. Джонни это удивило. Наконец Тауэрс перешел к сути вопроса: было бы небезопасно (по его словам) оставлять власть над миром в руках политиков, власть должна находиться в руках научно подобранной группы людей. Короче говоря, *патруля*.

Джонни был удивлен, но неожиданными слова полковника не стали. Сами по себе доводы Тауэрса звучали вполне убедительно:

— Лига Наций распалась, Организация Объединенных Наций тоже может последовать ее примеру, что неминуемо приведет к новой мировой войне, и ты, Джонни, хорошо понимаешь, насколько ужасной будет эта война.

Джонни согласился. Тауэрс был рад, что его доводы поняли: старший офицер-бомбардир и сам бы справился, но два специалиста лучше, чем один.

Джонни резко выпрямился.

— Вы собираетесь что-то предпринять? — Он думал, что начальник штаба просто рассуждает вслух.

Тауэрс улыбнулся:

— Мы не политики, чтобы заниматься пустой болтовней. Мы привыкли действовать.

Джонни присвистнул:

— И когда приступаете?

Тауэрс щелкнул выключателем. Джонни с удивлением услышал свой собственный голос — то была запись разговора в столовой для младших офицеров. Политический спор, из которого он, к счастью, вовремя устранился. Но факт слежки возмутил его.

Тауэрс выключил запись.

— Мы уже начали, — сказал он. — Мы знаем, кому можно доверять, а кому нет. Вот, например, Келли. — Полковник махнул рукой в сторону громкоговорителя. — Келли политически неблагонадежен. Ты заметил, что он пропустил завтрак?

— Что? Я думал, он на вахте.

— Келли свое дежурство закончил. Не волнуйся, он жив-здоров.

Джонни задумался.

— А в каком списке я? — спросил он. — Среди надежных или ненадежных?

— Твое имя пока под вопросом, но я убежден, что на тебя можно положиться. — Полковник обезоруживающе улыбнулся. — Джонни, ты ведь не обманешь моих надежд?

Далквист не ответил. Полковник отреагировал резко:

— Ну же, не молчи! Что ты обо всем этом думаешь?

Далквист промолчал.

— Ну же! — резко сказал полковник. — Что ты об этом думаешь? Высказывайся.

— Ну, раз вы меня спрашиваете, то я думаю, что вы откусили кусок, который не сможете прожевать. Пусть Земля и находится под контролем Лунной базы, сама база уязвима для кораблей. Одна бомба — и бабах!

Тауэрс взял со стола записку и передал Далквисту. Она гласила: «Белье получено из прачечной. Зак».

— Это значит, что все бомбы на «Трюгве Ли» выведены из строя. С другими опасными для нас кораблями дело обстоит точно так же. — Полковник поднялся. — Обдумай это и зайди ко мне после обеда. А пока помоги майору Моргану перенастроить частоты управления бомбами.

— Зачем?

— Мы ведь не хотим, чтобы бомбы отключили до того, как они достигнут цели?

— Что? Вы же сказали, что хотите *предотвратить* войну.

Тауэрс отмахнулся:

— Войны не будет — только акт устрашения, один ничемный городишка, ну парочка. Небольшое кровопускание, чтобы избежать тотальной войны. Простая арифметика. — Он похлопал Джонни по плечу. — Ты же не чистоплюй. В бомбардиры таких не берут. Представляй это как хирургическую операцию. И подумай о своей семье.

Джонни Далквист думал о своей семье.

— Сэр, мне необходимо увидеть начальника базы.

Тауэрс нахмурился:

— Начальник никого не принимает. Как тебе известно, я его замещаю. Зайди ко мне снова — после обеда.

Начальник Лунной базы действительно никого не принимал; он был мертв. Но Джонни об этом не знал.

Далквист вернулся в столовую, купил сигарет и присел покурить. Затушив окурок, он поднялся и направился в западный шлюзовой отсек базы. Там он надел скафандр и обратился к часовому:

— Открой шлюз, Смитти.

Тот удивился:

— Сэр, от полковника Тауэrsa поступил приказ никого не выпускать на поверхность без его разрешения. Вы что, не слышали?

— Конечно! Дай-ка мне журнал приказов. — Далквист взял журнал, выписал себе разрешение и добавил: «По распоряжению полковника Тауэrsa». — Если хочешь, справишься у начальника штаба сам.

Часовой посмотрел на подпись и сунул книжицу в карман:

— Что вы, лейтенант. Я верю вам на слово.

— Не любишь беспокоить начштаба? Могу понять. — Далквист шагнул в шлюз, закрыл за собой дверь и дождался, пока из камеры выйдет воздух.

Оказавшись на поверхности Луны, он прищурился от света и поспешил к ракетному терминалу. Там его поджидала машина. Забравшись в нее, он опустил колпак кабины и нажал стартер. Реактивный джип взял курс на холмы, промчался сквозь них по туннелю и выбрался на равнину, утыканную ракетами, будто праздничный торт свечками. Свернув в другой туннель под холмами, машина резко затормозила у подземного бункера с атомными бомбами.

Выбравшись из машины, Далквист включил рацию. Облеченный в скафандр часовой у входа в бункер взял винтовку на грудь.

— Доброе утро, Лопес, — проходя мимо, поприветствовал его Далквист и открыл шлюз.

Охранник окликнул его:

— Эй! Никому не позволено входить без приказа начальника штаба! — Опустив винтовку, он пошарил в кармане и достал листок бумаги. — Вот, лейтенант, прочтите.

Далквист отмахнулся:

— Я сам составил этот приказ. Ты его не понял, перечитай еще раз.

— Лейтенант, я так не думаю.

Выхватив бумагу, Далквист пробежал ее глазами и указал на одну строчку:

— Вот: «За исключением специально уполномоченных начальником штаба сотрудников». То есть бомбардиров — меня и майора Моргана.

Часовой выглядел озадаченным.

— Черт возьми, посмотри, что такое «специально уполномоченные», — это в твоей инструкции, раздел «Бункер», «Безопасность», «Протокол». И не говори, что ты ее в казарме забыл!

— Никак нет, сэр! Она при мне! — Часовой потянулся за сумкой.

Далквист вернул ему листок. Охранник взял его и, замешкавшись, прислонил винтовку к ноге, переложил бумагу в левую руку, а правой принялся шарить в сумке.

Далквист схватил винтовку и сбил ею часового с ног. Отбросив оружие, он нырнул в шлюз. Захлопнув дверь, Далквист увидел, как часовой поднялся и потянулся за пистолетом. Наглухо запирая дверь, Далквист почувствовал, как та вздрогнула под пальцами — в нее ударила пуля.

Метнувшись к внутренней двери, он дернул за рычаг воздушного клапана и вновь бросился к внешней, всем весом навалившись на ручку. Он почувствовал, как дверь подается: часовой тянул ручку вверх, в то время как Далквист давил на нее вниз. Вот только весил он на Луне слишком мало, и ручка медленно поднималась.

Через отводной клапан в шлюз хлынул воздух из бункера. Далквист ощутил, как скафандр облегает тело — давление

в камере и комбинезоне выравнивалось. Далквист перестал сопротивляться. Теперь часовой мог сколько угодно поднимать ручку: дверь накрепко удерживалась тринадцатью тоннами воздушного давления.

Далквист зафиксировал дверь в бункер так, чтобы она не могла захлопнуться. Пока она открыта, никто больше не мог войти в шлюз.

В помещении перед ним находились атомные боеголовки — по одной на каждую ракету, — выставленные рядами на достаточном расстоянии одна от другой, чтобы исключить возможность цепной реакции. Во всей известной Вселенной не было оружия опаснее, но это было его детище. Он встанет на пути у любого, кто попытается злоупотребить им.

Он выиграл время, добравшись сюда быстрее других, но дальнейшего плана у него не было.

Динамик на стене ожил:

— Эй, лейтенант! Что происходит? Вы спятили?

Далквист не ответил. Чем дольше Лопес остается в неведении, тем больше времени, чтобы что-нибудь придумать. А для этого Джонни понадобится все время, которое он мог отыграть. Лопес повозмущался немного, но в конце концов умолк.

Первоначальной целью Джонни было не допустить, чтобы бомбы — *его* бомбы! — использовались для «акта устрашения в никчемном городишке». Но что делать дальше? По крайней мере, Тауэрс не мог теперь попасть в бункер, и в крайнем случае Джонни мог сидеть здесь хоть до скончания времен.

«Не обманывай себя, Джон Эзра!» — подумал он. Тауэрс мог найти способ проникнуть в бункер. Взорвет внешнюю дверь, чтобы выпустить воздух, — и тогда малыш Джонни захлебнется кровью из собственных легких, а бомбы достанутся полковнику в целости и сохранности. Они были созданы, чтобы выдержать полет с Луны на Землю, вакуум не нанесет им вреда.

Далквист решил не снимать скафандр; взрывоопасная декомпрессия была довольно безрадостной перспективой.

Если выбирать, то он предпочел бы спокойную смерть от старости.

Кстати, они могут просверлить дыру, выпустить воздух и открыть наружную дверь, не разрушая шлюз. Или Тауэрс пристроит снаружи второй шлюз.

«Нет, вряд ли, — подумал Джонни, — успех путча напрямую зависит от скорости».

Наверняка Тауэрс выберет самый быстрый путь — взрыв. Должно быть, Лопес уже отпрапортовал на базу. Тауэрсу хватит четверти часа, чтобы надеть скафандр и примчаться сюда. Возможно, он еще немного поторгнется, а потом бах — и конец веселью.

Выходит, у него оставалось пятнадцать минут?

Пятнадцать минут, чтобы не позволить бомбам попасть в руки заговорщиков. Пятнадцать минут, чтобы вывести их из строя.

Атомная бомба — это всего лишь два куска металла, способного к ядерному распаду, например плутония. По отдельности они не более взрывоопасны, чем фунт сливочного масла, и взрываются только соприкоснувшись. Сложность состоит в том, чтобы с помощью дополнительных устройств, электросхем и правильной спайки заставить их соединиться нужным образом в нужное время и в нужном месте.

Электросхемы — «мозг» бомбы — можно легко разрушить, но саму бомбу сложно вывести из строя именно из-за ее простоты. Джонни решил разбить бомбам «мозги» — и как можно скорее!

Под рукой у него были только самые простые инструменты, которые используют при обращении с бомбами. В помещении не было ничего, кроме самих бомб, счетчика Гейгера, динамика на стене и телепередатчика для связи с базой. С бомбами работали в другом месте — не из-за боязни взрыва, а во избежание излишнего облучения персонала. Радиоактивный элемент в бомбах закрывал специальный «отражатель» — в данном случае золото. Золото блокирует альфа-, бета- и в значительной степени смертоносное гамма-излучение, но не нейтроны.

Юрким ядовитым нейтронам, которые испускает плутоний, нужно было дать выход, иначе произойдет цепная

реакция и взрыв. Бункер был залит невидимым, почти не обнаруживаемым дождем нейтронов. Находиться здесь было опасно для здоровья; время пребывания в бункере строго ограничивалось.

Счетчик Гейгера отсекал уровень фоновой радиации и космического излучения, радиоактивность лунной коры и вторичную радиацию, вызванную летающими по бункеру нейтронами. Свободные нейтроны имели весьма неприятную особенность — способность заражать любые структуры, будь то бетонная стена или человеческое тело. Со временем этот бункер должны были оставить.

Далквист покрутил ручку счетчика — и прибор перестал щелкать. Ручка регулировала контур подавления, который отсекал шум фонового излучения, присутствующего в комнате. Это напомнило Далквисту об опасности пребывания в бункере. Он достал плечный дозиметр, какой был у каждого сотрудника, работающего с радиоактивными материалами. Когда он вошел в бункер, пленка была абсолютно новой, но теперь ее чувствительный край уже заметно потемнел. Посередине пленку пересекала красная линия. Если за неделю сотрудник подвергался воздействию радиации настолько, что пленка темнела до этой линии, то в теории ему можно было заказывать место на кладбище.

Далквист избавился от неудобного скафандра: действовать нужно было быстро. Закончив свою миссию, он намеревался сдаться: лучше сидеть под замком, чем в таком «горячем» месте, как это.

Сняв с крючка слесарный молоток, он принялся за дело, остановившись лишь для того, чтобы отключить телепередатчик. С первой бомбой он изрядно провозился. Сбив защитную крышку «мозга», Далквист замер в нерешительности: он привык уважительно относиться к совершенным приборам.

Собравшись с духом, он ударил. Брызнули стекла, заскрежетал металл. Настроение Далквиста поднялось; к его собственному стыду, разрушение доставляло ему удовольствие. Он с энтузиазмом размахивал молотком, ломал, крушил!

Он настолько увлекся, что не сразу услышал, как кто-то произнес его имя:

— Далквист?! Ты там? Отвечай!

Далквист взглянул на экран и увидел встревоженное лицо Тауэrsa.

В этот момент Джонни осознал, что успел уничтожить всего шесть бомб. Неужели его схватят прежде, чем он закончит? Нет! Он *должен* это закончить. Тяни время, парень, тяни!

— Да, полковник! Вы меня звали?

— Разумеется! Что все это значит?

— Простите, полковник.

Напряжение спало с лица Тауэrsa.

— Джонни, включи передатчик, а то я тебя не вижу. Что там за шум?

— Передатчик включен, — солгал Джонни. — Сломался, должно быть. А что касается шума... по правде говоря, полковник, я тут кое-что мастерю, чтобы никто не мог сюда войти.

Поразмышляв, Тауэрс твердо сказал:

— Думаю, ты болен, и я должен отправить тебя к врачу. Выходи оттуда немедленно, Джонни. Это приказ.

Далквист ответил, тщательно подбирая слова:

— Никак не могу, полковник. Я пришел сюда, чтобы определиться с дальнейшими действиями, но еще не определился. Вы же сказали зайти к вам после обеда.

— Я хотел, чтобы ты оставался в своей казарме.

— Сэр, я понимаю. Но я подумал, что мне лучше присмотреть за бомбами на случай, если я решу, что вы не правы.

— Джонни, не тебе это решать. Я твой начальник, и ты обязан мне подчиняться.

— Да, сэр. — Разговор был пустой тратой времени; старый лис мог уже давно направить к Далквисту отряд. — Но не забудьте, что я под присягой клялся защищать мир. Почему бы вам не подъехать и не обсудить это со мной здесь. Мне не хочется допустить ошибку.

Тауэрс улыбнулся:

— Хорошая идея, Джонни. Жди меня на месте. Я уверен, что смогу тебя убедить.

Он выключил связь.

— Ну вот, — произнес Джонни, — надеюсь, теперь ты убежден, что я полудурок, мерзкое ты ничтожество!

Схватив молоток, он принялся наверстывать упущенное время.

И тут же спохватился. Его осенило, что уничтожить «мозги» недостаточно. Запасных «мозгов» для бомб не было, но в электромастерской хватало запчастей, чтобы Морган мог на скорую руку спаять управляющие схемы. Далквист и сам бы с этим справился — без элегантности, но работать будет. Проклятие! Ему придется вывести из строя сами бомбы и сделать это в ближайшие десять минут.

Но бомбы представляли собой массивные куски металла, запаянные в прочный корпус. За десять минут не управиться.

Черт!

Разумеется, был и другой способ. Далквист знал устройство управляющих цепей, знал он и как их уничтожить. Взять, к примеру, вот эту бомбу: если вынуть предохранительный стержень, отсоединить бесконтактный датчик, закоротить цепь задержки и вручную обрезать цепь взрывателя, а затем отвинтить *вот это* и сунуть *вон туда* кусок длинной негнущейся проволоки, то можно легко ее взорвать.

А вместе с ней на тот свет отправятся и остальные бомбы, и вся долина.

И разумеется, Джонни Далквист. В этом была вся загвоздка.

Размышляя, он механически выполнил все операции, которые подсказывал ему мозг, остановившись только перед последним шагом. Готовая к взрыву бомба выглядела угрожающе и, казалось, готова была броситься на Джонни. Весь в поту, он выпрямился.

Он не знал, хватит ли у него смелости. Не хотел оказаться трусом, но одновременно надеялся, что струсит. Сунув руку в карман куртки, он достал фотографию Эдит и ребенка.

— Детка, — произнес он, — если я отсюда выберусь, то обещаю, что больше никогда не стану рисковать жизнью. — Поцеловав фотокарточку, он убрал ее обратно в карман.

Теперь оставалось только ждать.

Тауэрс по непонятным причинам задерживался. Джонни хотел удостовериться, что полковник попадет в зону взрыва. «Вот так поворот: я сижу здесь, готовый его взорвать» — эта мысль породила другую, более интересную: «Зачем вообще взрывать себя заживо?»

Был и другой способ взорвать бомбу — так называемый «пульт мертвеца». Можно было настроить все таким образом, чтобы бомба не могла сработать, пока выключатель или пульт управления у него в руке. Если дверь взорвет, а его застрелят — то все взлетит на воздух!

А если угроза взрыва удержит людей Тауэрса от штурма, то рано или поздно придет помощь. Джонни не сомневался, что большинство солдат патруля не участвовали в этом вонючем заговоре. И тогда — Джонни вернулся бы домой! Какая встреча! Он выйдет в отставку и устроится на работу преподавателем; его вахта будет окончена.

За размышлениями он не прекращал работать. Подвести электропроводку? Нет, слишком долго. Пусть будет простой рычажный механизм. Далквист придумал будущую конструкцию, но не успел он приступить к сборке, как из громкоговорителя раздался голос:

— Джонни?

— Полковник, это вы? — не отвлекаясь, ответил Далквист.

— Впусти меня.

— Нет, полковник, об этом мы не договаривались.

Где, черт побери, ему найти предмет достаточной длины, чтобы послужил рычагом?

— Я буду один, Джонни, даю тебе слово. Поговорим с глазу на глаз.

Он дает слово!

— Полковник, давайте лучше поговорим по радиосвязи.

Вот же — измерительная линейка на крючке!

— Джонни, я предупреждаю тебя. Впусти меня, или я взорву дверь.

Теперь ему нужна была проволока, достаточно длинная и прочная. Он сорвал со скафандра антенну.

— Полковник, если вы это сделаете, бомбы выйдут из строя.

— Ничего им от вакуума не будет, не заговаривайте мне зубы.

— Спросите у майора Моргана. От вакуума им действительно ничего не будет, а вот взрывная декомпрессия разрушит все электросхемы.

Полковник не был специалистом и потому умолк на несколько минут. Джонни продолжал работать.

— Далквист, — вновь подал голос Тауэрс, — это была неуклюжая попытка. Я поговорил с Морганом. У тебя есть шестьдесят секунд, чтобы влезть в скафандр, если ты этого еще не сделал. Я собираюсь взорвать дверь.

— Не взорвете, — парировал Джонни. — Когда-нибудь слышали о «пульте мертвеца»?

Оставалось найти противовес и ремень.

— А? О чем ты?

— Я переоборудовал номер семнадцать на ручной подрыв. И есть одна хитрость. Бомба не взорвется, пока я держу ремешок в руке. Но если со мной что-нибудь случится — бабах! Вы в пятидесяти футах от эпицентра взрыва. Подумайте об этом.

— Я тебе не верю, — после короткой паузы ответил полковник.

— Нет? Спросите Моргана, он поверит. Он даже может проверить достоверность моих слов по видеосвязи. — Джонни прицепил к линейке ремешок скафандра.

— Ты же сказал, что передатчик сломан.

— Я солгал. Могу доказать. Попросите Моргана мне позвонить.

Вскоре на экране появилось лицо майора Моргана.

— Лейтенант Далквист?

— Привет, Вонючка. Подожди-ка секунду. — Далквист с чрезвычайной осторожностью подсоединил последний элемент взрывателя, не выпуская при этом линейку. Аккуратно переместив руку на ремень, он уселся на пол и включил телепередатчик. — Видишь меня, Вонючка?

— Вижу, — сухо ответил Морган. — Что ты тут вытворяешь?

— Вот, кое-что придумал. — Далквист объяснил майору все: какие цепи он отключил, какие закоротил и как приспособил к бомбе кустарный механический взрыватель.

Морган кивнул:

— Далквист, ты блефуешь. Я уверен, что ты не рискнул отсоединить цепь «К». У тебя духу не хватит взорвать себя.

Джонни усмехнулся:

— Еще бы. Но в этом-то и прелесть. *Пока я жив*, с бомбой ничего не случится. Но если твой грязный босс, экс-полковник Тауэрс, взорвет дверь, то мне конец, — а значит, и бомба неминуемо взорвется. Мне уже все равно, а вот полковнику — нет. Так ему и передайте. — Далквист выключил передатчик.

И минуты не прошло, как из громкоговорителя раздался голос Тауэрса:

— Джонни?

— Я вас слушаю.

— Зачем себя губить? Выходи, и получишь отставку с сохранением полного жалованья. Ты сможешь вернуться домой, к семье. Обещаю.

— Не приплетайте сюда мою семью! — вспыхнул Джонни.

— Подумай о них, парень.

— Заткнитесь и убирайтесь в свою нору. Мне очень хочется почесаться, и сейчас вся эта лавочка может взорваться прямо у вас под носом.

2

Джонни резко поднялся. Он задремал, и, пусть его рука не выпустила ремень, он вздрогнул от одной мысли о том, что могло случиться. Может, стоит обезвредить бомбу в надежде на то, что теперь заговорщики не рискнут его выкуривать? Но своим предательством Тауэрс уже подписал себе смертный приговор, терять ему нечего. Если они рискнут пойти на штурм, а бомба будет обезврежена, то Джонни мигом придет конец, Тауэрс же получит бомбы. Нет, Джонни

зашел слишком далеко, и он не допустит, чтобы его девочка росла при военной диктатуре только потому, что ему захотелось поспать.

Он услышал потрескивание счетчика Гейгера и вспомнил, что отсек фоновый шум. Уровень радиации в бункере, должно быть, значительно вырос — возможно, из-за разбитых «мозгов» бомб. Они длительное время пробыли в контакте с плутонием и наверняка стали радиоактивными. Джонни достал пленочный дозиметр.

Темная зона приближалась к красной линии.

Убрав дозиметр, он сказал себе:

— Пора пошевеливаться, приятель, иначе ты начнешь светиться, как циферблат армейских часов.

Это, конечно, была фигура речи: зараженная животная ткань не светится — она просто медленно умирает.

Телеэкран снова вспыхнул, и на нем появилось лицо Тауэrsa.

— Далквист, нам нужно поговорить.

— Свалите в канаву!

— Хорошо, ты доставил нам неудобства.

— «Неудобства»? Черта с два! Я вас остановил.

— Это ненадолго. Скоро у меня будут другие бомбы...

— Ложь.

— ...Но сейчас ты нас тормозишь. У меня предложение.

— Не интересует.

— Не спеши. Когда все это закончится, я стану главой мирового правительства. Если ты согласишься сотрудничать, я прямо сейчас готов предложить тебе пост главы администрации.

Джонни объяснил, что тот может сделать со своим предложением.

— Не глупи, — ответил Тауэрс. — Какой смысл тебе умирать?

Джонни хмыкнул:

— Тауэрс, какой же вы подонок. Вы, кажется, говорили о моей семье? Да по мне, пусть они лучше умрут, чем будут жить под властью такого недонаполеона, как вы. А теперь проваливайте, мне нужно подумать.

Тауэрс отключился.

Джонни снова взглянул на дозиметр. Пленка не стала темнее, но напомнила, что время на исходе. Он был голоден, его мучала жажда — и он не мог бодрствовать вечно. Космические корабли преодолевали путь с Земли до Луны за четверо суток, и ждать помощи раньше не стоило. Четыре дня ему не протянуть: как только пленка дозиметра потемнеет на красной линии, ему конец.

Единственным выходом было необратимо испортить бомбы — так, чтобы их нельзя было восстановить, — и выбраться отсюда до того, как потемнеет пленка.

Обдумав все возможные способы, Джонни принялся за дело. Он повесил на ремешок взрывателя груз и привязал к нему шнур, чтобы дернуть за него перед смертью, если Тауэрс все-таки взорвет дверь.

Существовал простой, но трудоемкий способ вывести бомбы из строя без возможности их починить. Основу каждой бомбы составляли две плутониевые полусферы, отполированные настолько, чтобы обеспечивать идеальный контакт при смыкании. В случае малейшего изъяна цепная реакция, необходимая для взрыва, была невозможна.

Джонни начал разбирать первую бомбу.

Сбив молотком четыре зажима, он разбил стеклянный корпус внутреннего блока. Это оказалось самой сложной задачей — в дальнейшем бомба разбиралась легко. Наконец перед ним оказались две полусферы, идеально отполированные до зеркального блеска.

Удар молотка — и одна из них перестала быть идеальной. Еще удар — и вторая полусфера треснула, будто стекло. Молоток угодил точно в узел кристаллической структуры.

Несколько часов спустя, смертельно усталый, Джонни вернулся к снаряженной бомбе. Едва держась на ногах, он опустился рядом с ней и с чрезвычайной осторожностью обезвредил ее. Вскоре и ее серебристые полусферы были приведены в негодность. В бункере не осталось пригодных к использованию бомб — лишь разбросанные по полу огромные суммы денег в виде самого ценного, ядовитого и смертоносного металла в мире.

Джонни еще раз окинул взглядом смертоносную начинку.

— Полезай в скафандр и делай ноги, сынок, — скомандовал он сам себе. — Интересно, что теперь скажет Тауэрс?

Он пошел повесить на место молоток. При его приближении счетчик Гейгера бешено затрещал.

Счетчик не реагировал на плутоний, лишь на вызванное им вторичное излучение. Джонни посмотрел на молоток и поднес его к счетчику. Тот буквально взвыл.

Джонни поспешно отшвырнул молоток и отправился за скафандром.

Когда он поравнялся со столом, счетчик вновь затрещал. Джонни замер.

Он поднес одну руку к счетчику. Треск перешел в нарастающий рев. Не шевелясь, Джонни достал из кармана дозиметр.

Пленка была черной от края до края.

3

Попав в организм, плутоний быстро поражает костный мозг. Пострадавшего уже не спасти. Нейтроны, которые он излучает, распространяются по всему телу, ионизируют ткани, превращают атомы в радиоактивные изотопы, разрушая и убивая клетки. Смертельна даже небольшая доза; чтобы убить человека, достаточно вещества объемом в одну десятую крупички столовой соли, попавшего в организм через микроскопическую царапину на коже. Во времена эпохального Манхэттенского проекта единственным возможным способом оказания первой помощи считалась немедленная ампутация.

Джонни прекрасно об этом знал, но это его больше не беспокоило. Усевшись на полу, он закурил припасенную сигарету и задумался. Все события его долгой вахты прокручивались в голове.

Он выпустил дым на счетчик Гейгера и грустно улыбнулся, услышав, как громко тот затрещал. Теперь даже дыхание Джонни стало «горячим» — его легкие выдыхали в виде углекислого газа извлеченный из крови углерод-14.

Это уже не имело значения.

Сдаваться уже не было смысла, и он не доставит Тауэрсу такого удовольствия. Нет, Джонни собирался завершить свою вахту здесь. Опять же, пока он угрожает им взрывом, они будут держаться подальше. Так они не смогут завладеть плутонием. Это может оказаться важным — когда-нибудь потом.

Далквист без удивления осознал, что ничуть не огорчен. Ему больше не о чем было беспокоиться, и в этом была своя прелесть. У него ничего не болело, дискомфорта он не испытывал, и даже голод отступил. Физически он все еще был в норме, и его разум спокоен. Далквист был мертв — он знал, что он мертв, — но еще какое-то время он мог ходить, дышать, видеть и чувствовать.

Одиночества он тоже не испытывал. Рядом были товарищи: мальчишка, заткнувший пальцем дырку в плотине; больной полковник Боуи, неспособный самостоятельно передвигаться, но настаивающий, чтобы его перенесли через черту; умирающий капитан «Чесапика» с бессмертным призывом «не сдаваться!» на устах; вглядывающийся во мглу Роджер Янг. Все они собрались вокруг Джонни в темном бункере.

Разумеется, Эдит тоже была рядом — единственная, чье присутствие он ощущал. Джонни хотелось бы яснее видеть ее лицо. Она сердится? Или гордится им и счастлива?

Она гордилась, но была несчастлива — теперь Джонни мог отчетливо видеть ее и даже коснуться ее руки. Он не осмеливался пошевелиться.

Сигарета почти догорела и обожгла пальцы. Джонни в последний раз затянулся, выдохнул дым на счетчик Гейгера и затушил окурочек. Сигареты кончились. Собрав остатки табака из окурочков, он сделал самокрутку из найденного в кармане клочка бумаги. Осторожно поджег и расслабился, ожидая, что Эдит снова появится. Он был абсолютно счастлив.

Он по-прежнему сидел прислонившись спиной к корпусу бомбы, его потухшая сигарета лежала рядом, когда громкоговоритель вновь ожил:

— Джонни? Эй, Джонни! Слышишь меня? Это Келли. Все кончено. «Лафайетт» прилунился, Тауэрс вышиб себе мозги. Джонни, *ответь!*

Когда дверь в бункер открыли, первым к ней подошел мужчина со счетчиком Гейгера на длинном шесте. Он остановился на пороге и поспешно отступил.

— Эй, начальник! — крикнул он. — Лучше пришлите манипулятор — да, и еще свинцовый гроб.

Четыре дня понадобилось маленькому кораблю и его эскорту, чтобы достичь Земли. Четыре дня все население Земли ожидало его прибытия. На девяносто восемь часов все развлекательные телепрограммы были отменены; вместо этого транслировалась бесконечная панихида — звучали похоронный марш из оратории «Саул» Генделя, «Восхождение богов на Вальгаллу» из «Золота Рейна» Вагнера, песня «Возвращение домой» на мелодию Дворжжака и гимн патруля «Посадочный виток».

Корабли приземлились в порту Чикаго. Гроб забрал автоматизированный транспорт; маленький корабль был заправлен и запущен в дальний космос, за пределы земного тяготения, чтобы никогда более не использоваться для менее благородной цели.

Панихида продолжалась, пока транспорт направлялся в родной город лейтенанта Далквиста в Иллинойсе. Там гроб был помещен на пьедестал, окруженный барьером на безопасном расстоянии. В карауле, опустив головы, стояли космические пехотинцы, винтовки к ноге. За кордоном собрались толпы людей. Казалось, панихида никогда не закончится.

Прошло немало времени с тех пор, как горы цветов у мемориала увяли. Вокруг свинцового гроба возвели мраморный склеп, который вы можете видеть и сегодня.

КОММЕНТАРИЙ

Роберт и Джинни Хайнлайн решили на время отложить путешествия и провели медовый месяц (конец октября и ноябрь 1948 года) дома в Колорадо-Спрингс. Оба усердно работали: Джинни, полуфиналистка чемпионата США по танцам на льду,

готовила коронную программу к зимним показательным выступлениям в отеле «Бродмур», а Роберт, прежде чем браться за очередной подростковый роман для «Скрибнера», хотел написать рассказ, но не мог ничего придумать.

Вспомнив его прошлый творческий кризис (в период работы над «Космическим кадетом» год назад), Джинни предложила мужу написать историю о ком-нибудь из героев патруля — например, о Джонни Далквисте.

Но была одна загвоздка: герой должен был умереть. Это весьма печально, а печальные сюжеты плохо продаются. С другой стороны, именно гибель сделала Джонни героем... Поэтому нужно всего лишь постараться и сделать рассказ воодушевляющим. Пусть он будет в равной степени о человеке и о воодушевлении. На создание рассказа объемом в четыре тысячи слов у Хайнлайна ушло две недели (для сравнения: «Зеленые холмы Земли» того же объема он написал всего за шесть часов).

Хайнлайн дал Джинни вычитать черновик перед отправкой издателю, и она проплакала от начала до конца, заливая слезами клавиши печатной машинки. Она рыдала каждый раз, перепечатывая этот рассказ для последующих изданий, и испортила несколько машинок; «Долгая вахта» стала ее любимым рассказом Хайнлайна.

Издателю рассказ, напротив, не понравился. Редактор журнала «Collier's» отверг его, посчитав перенасыщенным жаргоном и описанием технических деталей, а потому слишком сложным для понимания читателей.

Восемь месяцев рассказ скакал из редакции в редакцию, пока не попал в журнал Американского легиона. Там название изменили на «Восстание на Луне», чтобы читатели догадались, что это фантастическая история. Рассказ был опубликован в декабрьском номере 1949 года, спустя тринадцать месяцев после написания, — и один сознательный читатель прислал в редакцию письмо, в котором выразил обеспокоенность излишне подробным описанием ядерных технологий. Издатель, в свою очередь, поздравил Хайнлайна со столь убедительной работой — похвала пришлась как нельзя кстати, потому что писатель был вконец измотан только что закончившимися съемками фильма «Пункт назначения — Луна». Хайнлайн лично ответил читателю:

Уверяю вас, ничто из описанного в рассказе не может быть использовано в военных целях врагами Соединенных Штатов. Я прослужил в армии почти десять лет и, смею вас заверить, ни

при каких обстоятельствах не опубликовал бы информацию, способную помочь нашим врагам. Описанные в рассказе подробности, связанные с атомной энергетикой, ракетостроением и прочим, общеизвестны, в них нет ничего секретного.

«Долгая вахта» неоднократно переиздавалась в антологиях (включая собственную хайнлайновскую «Историю будущего») и была выбрана автором для публикации в сборнике «Grand Masters Choice» Ассоциации американских писателей-фантастов. Редактор сборника Андрэ Нортон (получившая звание магистра в 1984 году) назвала эту историю «отражающей всю суть творчества Хайнлайна» — это рассказ об обычном человеке, совершившем невероятный подвиг ради американской идеи. Сборник вышел в 1989 году, вскоре после смерти Хайнлайна, но он бы наверняка только поразовался, что именно этот сборник, этот рассказ — и комментарий Нортон — подвели итог его творческому пути.

ПРИСАЖИВАЙТЕСЬ, ДЖЕНТЛЬМЕНЫ!

Чтобы колонизировать Луну, нужны как люди, подверженные клаустрофобии, так и люди, подверженные агорафобии. Хотя лучше называть их любителями открытого пространства и любителями закрытого пространства, потому что тем, кто летает в космос, лучше не иметь никаких фобий. Если человека может напугать что-либо, находящееся на планете, внутри планеты или в пустоте вокруг планеты, ему лучше оставаться на матушке-Земле. Человек, который решил зарабатывать себе на жизнь вдали от terra firma¹, должен быть готов к тому, что его запихнут в тесный космический корабль (зная, что тот может стать его гробом), и при этом не должен пугаться открытых пространств космоса. Космонавты — люди, которые *работают* в космосе; пилоты, механики, астронавигаторы и другие — это те, кому нравится, когда их окружают миллионы миль пустоты.

С другой стороны, лунные колонисты должны уютно чувствовать себя и внутри планеты, где они, словно кроты, роют свои норы.

Во второй раз оказавшись в Луна-Сити, я направился в обсерваторию Ричардсона, чтобы увидеть его «Большое око» и раскопать какую-нибудь историю, публикация которой покрыла бы мои расходы на отпуск. На входе я гордо продемонстрировал кассиру удостоверение Гильдии журналистов, мило с ним поболтал, после чего он согласился побыть моим гидом. Мы пошли по северному туннелю, кото-

¹ Букв. «твердая земля» (лат.). — Примеч. С. В. Голд.

рый прокладывали к предполагаемому месту установки короноскопа.

Путешествие оказалось скучным: мы ехали на скутере по ничем не примечательному туннелю, останавливались перед люком, слезали со скутера, проходили через шлюз, садились на другой скутер — и все повторялось сначала. Мистер Ноулз пытался разбавить скуку рекламными вставками.

— Все это временно, — объяснял он. — Когда мы пророем второй туннель, мы соединим все напрямик, уберем шлюзы, в этом туннеле установим движущуюся дорожку, идущую на север, в другом — дорожку, идущую на юг, и все путешествие будет занимать менее трех минут. Все будет как в Луна-Сити — или на Манхэттене.

— Почему бы не убрать шлюзы сейчас? — поинтересовался я, когда мы проходили очередной — кажется, уже седьмой по счету. — Ведь давление по обе стороны одинаковое.

Ноулз как-то странно взглянул на меня:

— У этой планеты есть одна особенность, — надеюсь, вы не станете использовать этот факт для очередной сенсационной истории?

— Слушайте, — с раздражением ответил я. — Я надежен настолько же, насколько надежен любой писака, но если в этом проекте что-то не так, давайте вернемся назад и забудем о нем. Я не хочу, чтобы мою статью тормознули из-за цензуры.

— Полегче, Джек, — мягко сказал он, в первый раз назвав меня по имени, что я сразу отметил, но тем не менее проигнорировал. — Никто не собирается подвергать цензуре то, что ты напишешь. Мы рады сотрудничать с журналистами, но в последнее время у Луны было слишком много плохой рекламы — которой она совсем не заслужила.

Я молчал.

— В любой инженерной работе заложен определенный риск, — настойчиво продолжал он, — и есть свои преимущества. Наши люди не болеют малярией, и им не надо пристально смотреть себе под ноги, чтобы не наступить на гремучую змею. Я покажу тебе цифры, доказывающие, что с учетом всех факторов гораздо безопаснее быть кессонщиком на Луне, чем перебирающим бумажки клерком где-ни-

будь в Де-Мойне. Например, на Луне люди крайне редко ломают себе кости, поскольку здесь очень низкая гравитация, — в то время как в Де-Мойне клерк рискует всякий раз, когда залезает в ванну и вылезает из нее.

— Ну хорошо, — прервал его я, — место здесь безопасное. В чем подвох?

— Место действительно безопасное. Что доказывает статистика, причем собранная не нашей компанией или Торговой палатой Луна-Сити, а лондонским «Ллойдом».

— И тем не менее здесь есть никому не нужные шлюзы. Зачем?

Он помялся, прежде чем произнес:

— Колебания почвы.

Колебания почвы. Землетрясения — в смысле, лунотрясения. Я посмотрел на проносящиеся мимо изогнутые стены, и мне очень захотелось в Де-Мойн. Быть похороненным заживо никому не захочется, но если это произойдет на Луне, у вас не будет ни единого шанса выжить. Не важно, как быстро доберутся до вас спасатели, — ваши легкие к тому моменту просто-напросто разорвутся. Воздуха-то здесь нет.

— Сотрясения почвы случаются не так уж часто, — продолжал Ноулз, — но мы должны быть готовы. Ты же помнишь, что масса Земли в восемьдесят раз больше, чем масса Луны, поэтому сила приливного эффекта здесь в восемьдесят раз больше, чем на Земле, где его вызывает Луна.

— Погоди-ка, — остановил я его. — На Луне нет воды. Так при чем здесь приливы?

— Для возникновения приливного напряжения вода совсем не обязательна. Не думай об этом — просто прими все как есть. В результате мы получаем неуравновешенное напряжение. Которое может вызвать колебания почвы.

— Понятно, — кивнул я. — Раз на Луне все должно быть загерметизировано, вам приходится опасаться колебаний почвы. А шлюзы должны ограничить число человеческих жертв.

И я тут же начал представлять себя одной из таких жертв.

— И да и нет. Шлюзы здесь *могли бы* ограничить последствия аварии, если бы она произошла, но ее тут не будет — это место безопасное. Поначалу они давали нам возможность вести работы при нулевом давлении в какой-нибудь из сек-

ций туннеля, не трогая остальные. Но вдобавок ко всему каждый шлюз — это временное гибкое соединение. Конструкции небольших размеров можно соединять жестко, и они выдержат колебания почвы, но для туннеля это не подходит, начнутся утечки. На Луне сложно создать эластичную перемычку.

— А почему нельзя использовать резину? — настойчиво спросил я, потому что немного нервничал и потому был склонен поспорить. — У меня есть наземный автомобиль с пробегом двести тысяч миль, но я ни разу не менял шин с тех пор, как их загерметизировали в Детройте.

Ноулз вздохнул:

— Мне следовало прихватить с собой одного из наших инженеров, Джек. Летучие вещества, благодаря которым резина сохраняет мягкость, в вакууме испаряются, и резина становится жесткой. С эластичными пластмассами та же беда: при низкой температуре они становятся хрупкими, как яичная скорлупа.

Пока Ноулз говорил, скутер остановился. Мы подошли к очередному шлюзу как раз в тот момент, когда из него появились шестеро мужчин. Одеты они были в скафандры — точнее, специальные герметичные костюмы, потому что вместо кислородных баллонов у них были дыхательные шланги, а солнечные фильтры отсутствовали. Шлемы были откинuty назад, головы просунуты сквозь расстегнутую спереди молнию, и возникало странное впечатление, словно у них по две головы.

— Эй, Конски, — окликнул одного из них Ноулз.

Тот повернулся. Росту в нем было метр девяносто, но даже для своих габаритов весил он слишком много. Я прикинул, если брать по земным меркам, получалось что-то под сто пятьдесят килограммов.

— А, мистер Ноулз, — обрадовался он. — Неужели вы хотите сообщить мне о повышении зарплаты?

— Ты и так зарабатываешь слишком много, Конски. Познакомься, это Джек Арнольд. Джек, это Толстяк Конски — лучший кессонщик на четырех планетах.

— Только на четырех? — поинтересовался Конски. Он высунул из костюма правую руку и обхватил ею мою.

Я сказал, что рад с ним познакомиться, и попробовал вернуть свою руку обратно, пока он не успел ее изуродовать.

— Джек Арнольд хочет посмотреть, как вы герметизируете туннели, — продолжал Ноулз. — Присоединяйся.

Конски начал разглядывать потолок.

— Вообще-то, мистер Ноулз, я только что закончил смену.

— Толстяк, ты настоящий стяжатель и очень негостеприимный человек, — ответил Ноулз. — Ну ладно — полуторная ставка.

Конски повернулся и начал открывать шлюз.

Внешне этот туннель очень напоминал предыдущий, только в нем не видно было следов скутера и постоянного освещения — с потолка свисали закрепленные на проводах лампы. А метров через триста-четырееста мы увидели перегородку и в ней круглую дверь.

— Это передвижная перемычка, — объяснил Толстяк, перехватив мой взгляд. — За ней воздуха нет, все работы ведутся здесь.

— Могу я посмотреть, что вы там делаете?

— Сначала надо будет вернуться назад и взять для вас костюм.

Я покачал головой. По туннелю плавали штук десять предметов, формой и размером смахивающие на детские воздушные шарики. Они спокойно плавали, не опускаясь и не поднимаясь. Конски ударил по шару, оказавшемуся у него на пути, и ответил на мой вопрос прежде, чем я успел его задать.

— Сегодня в эту часть туннеля нагнетали давление, — объяснил он. — А эти шарики предназначены для обнаружения отдельных утечек. Внутри у них липкая масса. Их затягивает в место утечки, они лопаются, липкая жидкость проникает внутрь отверстия, замерзает и герметизирует дыру.

— И больше никакой работы не требуется? — поинтересовался я.

— Вы что, шутите? Они просто показывают место, где надо поработать сварочным аппаратом.

— Покажи ему гибкое соединение, — приказал Ноулз.

— Идем.

Мы остановились посреди туннеля, и Конски показал на кольцо, шедшее по всему диаметру:

— Мы ставим такие через каждые сто футов. Это стеклоткань, покрывающая и соединяющая две стальные секции туннеля. Благодаря этому туннель приобретает некоторую эластичность.

— Стеклоткань? Для герметизации? — не поверил я.

— Стеклоткань не герметизирует, она только для прочности. Здесь десять слоев ткани; между слоями — силиконовая смазка. Со временем она портится снаружи, но лет на пять, а то и больше, покрытия хватает.

Я поинтересовался у Конски, нравится ли ему работа, рассчитывая раздобыть какую-нибудь историю для статьи. Он пожал плечами:

— Все в порядке. Ничего особенного. Давление всего в одну атмосферу. Вот когда я работал под Гудзоном...

— Где тебе платили десятую часть того, что ты получаешь здесь, — вставил Ноулз.

— Мистер Ноулз, вы меня обижаете, — запротестовал Конски. — Дело не в деньгах, дело в творческом подходе. Возьмем для примера Венеру. На Венере платят не меньше, и пошевеливаться там надо будь здоров. Под ногами такая жидкая грязь, что приходится ее замораживать. Там могут работать только настоящие кессонщики. А половина работающих здесь молокососов — обыкновенные шахтеры, и если кто-то из них заболит кессонной болезнью, остальные просто перепугаются до смерти.

— Лучше расскажи ему, почему ты сбежал с Венеры, Толстяк.

Конски с достоинством проигнорировал эти слова.

— Осмотрим передвижной шлюз, джентльмены? — спросил он.

Мы еще немного побродили вокруг, и я уже готов был возвращаться обратно. Смотреть было особенно не на что, к тому же чем больше я здесь находился, тем меньше мне это место нравилось. Конски уже начал открывать дверь шлюза, ведущего обратно, и тут это произошло.

Я вдруг оказался на четвереньках, а вокруг была крошечная тьма. Возможно, я закричал — точно не помню. В ушах

стоял звон. Я попытался встать и, когда у меня это получилось, замер на месте. В такой тьме мне еще не приходилось бывать, вокруг была абсолютная чернота. Я подумал испуганно, что ослеп.

Темноту прорезал луч электрического фонарика, нащупал меня и пошел дальше.

— Что это было? — заорал я. — Что случилось? Это землетрясение?

— Перестань вопить, — спокойно ответил мне Конски. — Это не землетрясение, это какой-то взрыв. Мистер Ноулз, с вами все в порядке?

— Думаю, да. — Ноулз с шумом выдохнул воздух. — Что случилось?

— Не знаю. Надо немного осмотреться.

Конски встал на ноги и, тихо посвистывая, начал водить лучом фонарика по туннелю. Фонарь у него был инерционный, который светит, только если все время давишь на рычаг, — поэтому свет его постоянно мерцал.

— На вид все герметично, но я слышу... О господи!

Луч фонарика остановился на участке гибкого соединения где-то возле пола.

Там уже начали скапливаться шары — три были у цели, к ним подплывали остальные. На наших глазах один из шаров лопнул и превратился в клейкую массу, отмечая место утечки.

Щель всосала лопнувший шар и начала шипеть. Тут же подплыл второй, немного покачался на месте и тоже лопнул. На этот раз щели понадобилось больше времени на то, чтобы всосать и проглотить клейкую массу.

Конски передал мне фонарь:

— Поработай немного, парень.

Он высунул из гермокостюма правую руку и поднес ее к щели, где как раз лопнул третий шар.

— Ну как, Толстяк? — громко спросил Ноулз.

— А кто его знает. Похоже, что образовалась дыра размером с мой большой палец. И воздух она засасывает со страшной силой.

— Как это могло произойти?

— Понятия не имею. Наверное, что-то пробило туннель снаружи.

— Ты закрыл дыру?

— Да, вроде. Сходите-ка проверьте манометр. Джек, по-
свети ему.

Ноулз потопал к гермодвери.

— Давление стабильное, — крикнул он оттуда.

— Показания верньера видите?

— Конечно. Плотность воздуха стабильная.

— Каковы размеры утечки?

— Не больше фунта или двух. Какое здесь было да-
вление?

— Как на Земле.

— Значит, мы потеряли один и четыре десятых фунта.

— Что ж, все не так уж плохо. Мистер Ноулз, сразу за
дверью в следующей секции, прямо за шлюзом, есть набор
инструментов. Принесите мне заплату третьего размера, мож-
но даже побольше.

— Хорошо.

Мы услышали, как открылась и закрылась со стуком
дверь, и опять оказались в полной темноте. По-видимо-
му, я издал какой-то звук, потому что Конски сказал, чтобы
я держал нос повыше.

Наконец мы снова услышали, как открывается дверь,
и появился благоденственный луч света.

— Принесли? — спросил Конски.

— Нет, Толстяк. Нет... — Голос Ноулза дрожал. — На той
стороне нет воздуха. Вторая дверь не открылась.

— Может, ее заклинило?

— Нет, я проверил манометр. В следующей секции нет
давления.

Конски опять присвистнул:

— Похоже, нам придется подождать, пока за нами не при-
дут. В таком случае... Посветите мне, мистер Ноулз. Джек,
помоги снять костюм.

— Что ты задумал?

— Если у меня нет заплатки, мне придется сделать ее са-
мому. Единственная подходящая для этого вещь — костюм.

Я начал ему помогать — это было достаточно нелегко,
потому что одной рукой он закрывал дыру.

— Можно засунуть туда мою рубашку, — предложил
Ноулз.

— С тем же успехом можно есть суп вилкой. Нет, без костюма тут не обойтись — только он может держать давление.

Сняв костюм, он заставил меня разгладить его на спине, а затем, как только он убрал руку, я быстро закрыл дыру костюмом. Конски тут же уселся сверху.

— Ну, — сказал он счастливым голосом, — дыру мы закрыли. А теперь будем сидеть и ждать, ничего другого не остается.

Я хотел спросить его, почему он не уселся на щель прямо в костюме, — но затем понял, что та часть костюма, которая находится ниже спины, гофрирована, а для того чтобы закрыть дыру, надо наклеить на оставшуюся от шаров клейкую массу абсолютно гладкую заплату.

— Дай-ка посмотреть твою руку, — потребовал Ноулз.

— Пустяки, — отмахнулся Конски.

Но Ноулз все равно осмотрел ее. Я тоже взглянул и почувствовал себя дурно. На ладони остался след, будто бы от клейма, — сплошная кровотокающая рана. Ноулз сложил свой носовой платок в несколько слоев и прижал к ране, а затем обвязал моим платком.

— Спасибо, джентльмены, — поблагодарил Конски и добавил: — Чего зря время терять. Может, сыграем в пин-нобль?

— Твоими картами? — спросил Ноулз.

— Уж вы скажете, мистер Ноулз! Впрочем, ладно. В любом случае кассиру нельзя играть в азартные игры. Кстати, о кассе — мистер Ноулз, надеюсь, вы понимаете, что сейчас я работаю в условиях пониженного давления?

— При разнице всего в фунт с четвертью?

— Я уверен, что в данном случае профсоюз примет это во внимание.

— А если я сяду на дыру?

— Повышенная ставка касается и тех, кто находится рядом.

— Ну ты и жлоб! Ладно — тройная ставка.

— Это больше похоже на такого доброго человека, как вы, мистер Ноулз. Надеюсь, это будет отменно долгое ожидание.

— Толстяк, как ты думаешь, сколько нам ждать?

- Это не должно занять у них больше часа, даже если им придется идти от обсерватории Ричардсона.
- Хм... А почему ты думаешь, что они нас станут искать?
- Не понял! Разве в вашей конторе не знают, где вы?
- Боюсь, нет. Я сказал им, что сегодня уже не появлюсь. Конски обдумал это.
- Я не сдал свой пропуск. Так что они узнают, что я все еще внутри.
- Если они об этом и узнают, то только завтра, когда твоего пропуска не окажется в моей конторе.
- Есть еще этот болван на входе. Он знает, что у него внутри еще трое.
- Если только он не забудет сказать об этом своему сменщику. И если только он сам не попался в ту же ловушку, что и мы.
- Верно, — задумчиво произнес Конски. — Джек, да оставь уже в покое этот фонарик. Расход воздуха будет меньше.
- Мы долго сидели в темноте, вслух обдумывая случившееся. Конски нас убеждал, что это был взрыв; Ноулз сказал, что происшедшее напомнило ему взрыв на взлете грузовой ракеты, который он видел собственными глазами. Когда разговор начал гаснуть, Конски рассказал несколько анекдотов. Я тоже попытался кое-что рассказать, но так нервничал — а попросту говоря, *боялся*, — что не мог вспомнить концовку. Было так страшно, что хотелось заорать во все горло.
- Джек, займись-ка фонариком, — произнес после долгой паузы Конски. — Я кое-что придумал.
- Что еще? — спросил Ноулз.
- Была бы у нас заплатка, вы могли бы надеть мой костюм и пойти за помощью.
- Но у нас нет кислорода.
- Потому-то я вас и выбрал. Вы здесь самый маленький — и вам вполне хватит воздуха, имеющегося в самом костюме, для того чтобы пройти через следующую секцию.
- Ну хорошо. А что ты возьмешь вместо заплаты?
- То, на чем я сию.
- Что?

— Я имею в виду эту большую круглую штуку, на которой я сижу. Я сниму штаны, прижму одну ягодицу к дыре и гарантирую, что заплатка будет герметичной.

— Но... Нет, Толстяк, так дело не пойдет. Посмотри, во что превратилась твоя рука. Ты же кровью весь истечешь прежде, чем я вернусь.

— Ставлю два к одному, что нет, — пятьдесят ставите?

— А если я выиграю, то с кого мне получать деньги?

— Вас не проведешь, мистер Ноулз. Глядите, моя жировая прослойка — толщиной пять-шесть сантиметров. Так что особой крови не будет — просто синяк останется.

Ноулз покачал головой.

— Никакой необходимости в этом нет. Если мы будем сидеть спокойно, нам хватит воздуха на несколько дней.

— Да дело не в воздухе, мистер Ноулз. Вы заметили, как здесь похолодало?

Я давно это заметил, просто не придавал значения. В моем состоянии — а мной владели страх и отчаяние — холод казался чем-то вполне естественным. Теперь я начал об этом задумываться. Когда отключился свет, отключилось и отопление. И теперь будет становиться все холоднее, и холоднее... и холоднее...

Мистер Ноулз тоже это понял.

— Ну ладно, Толстяк. Давай делать по-твоему.

Я сел на костюм, пока Конски готовился к операции. Он снял с себя штаны, поймал один шар, раздавил его и обмазал клейкой массой правую ягодицу. А затем повернулся ко мне:

— Ну, птенчик, — давай снимайся с гнезда.

Мы быстро поменялись местами, потеряв, несмотря на злобное шипение в дыре, лишь небольшое количество воздуха.

Конски ухмыльнулся:

— Ребята, а здесь удобно, как в мягком кресле.

Ноулз поспешно надел костюм и ушел, унеся с собой фонарь. Мы снова остались в темноте.

Через какое-то время Конски нарушил тишину:

— Джек, есть одна игра, в которую можно играть в темноте. Ты в шахматы играешь?

— Ну да, немного.

— Хорошая игра. Я играл в шахматы в декомпрессионных камерах, когда работал под Гудзоном. Может, поставим по двадцатке для интереса?

— Что? А давай.

Он мог предложить поставить по тысяче — мне было все равно.

— Прекрасно. Королевская пешка на е-три.

— Ага — королевская пешка на е-пять.

— А ты консерватор, да? Ты напоминаешь мне одну девицу, с которой я был знаком в Хобокене...

То, что он о ней рассказал, не имело никакого отношения к шахматам, хотя и доказывало, что в определенном смысле она тоже была консерватор.

— Слон с-четыре. Напомни, чтобы я рассказал тебе о ее сестре. Похоже, она не всегда была рыжей, но ей хотелось, чтобы люди считали, что она такой родилась. И она... Извини, твой ход.

Я начал думать, но голова у меня шла кругом.

— Пешка d-семь — d-шесть.

— Ферзь f-три. Так вот, она...

Он начал подробный рассказ. Я уже слышал однажды эту историю и сомневался, чтобы подобное когда-нибудь с ним происходило, но своим рассказом он меня несколько приободрил. Я даже улыбнулся в темноте.

— Твой ход, — добавил под конец Конски.

— Ох. — Я уже не мог вспомнить положение фигур на доске. И решил подготовиться к рокировке, что в начале игры всегда достаточно безопасно. — Конь с-шесть.

— Ферзь бьет пешку f-семь. Шах и мат. С тебя двадцатка, Джек.

— Что? Этого не может быть!

— Давай повторим ходы. — И он перечислил их один за другим.

Я мысленно провел всю игру заново и только тогда сообразил:

— Ах, черт меня побери! Ты же сделал мне детский мат!

Он захихикал:

— Тебе надо было следить за моим ферзем, а не за этой рыжей из рассказа.

Я громко расхохотался:

— У тебя есть в запасе еще какие-нибудь истории?

— Найдутся. — И Конски рассказал мне еще одну. А когда я попросил его продолжать, сказал: — Думаю, мне надо малость передохнуть, Джек.

Я вскочил с места:

— Все в порядке, Толстяк?

Он не отзывался, и мне пришлось искать его на ощупь. Когда я коснулся его лица, оно было холодным, а сам он молчал. Прижав ухо к груди, я услышал слабое сердцебиение, но руки и ноги у него были как лед.

Конски примерз к дыре, и я изрядно намучился, прежде чем оттащил его в сторону. Я нащупал корку изо льда, хотя понимал, что, скорее всего, это замерзшая кровь. Я начал растирать его, пытаюсь привести в чувство, но остановился, услышав доносившееся из дыры шипение. Я сорвал с себя брюки, потом мне пришлось понервничать, прежде чем я отыскал в темноте дыру, а когда я ее нашел — сел, плотно закрыв ее правой ягодицей.

Она впилась в меня, как присоска, и была холодна как лед. Потом стала как огонь, пожирающий мою плоть. А через некоторое время я уже не чувствовал вообще ничего — кроме холода и тупой боли.

Где-то вспыхнул свет. Помигал и снова погас. До меня донесся лязг двери. И я что было сил закричал.

— Ноулз! — орал я. — Мистер Ноулз!

Фонарик снова замигал.

— Иду, Джек...

— Вам удалось... — громко зарыдал я. — Вам удалось...

— Нет, Джек. Я не смог пройти следующую секцию. А когда вернулся в шлюз, потерял сознание. — Он остановился, чтобы перевести дыхание. — Там воронка...

Фонарик перестал мигать и ударился о пол.

— Помогите мне, Джек, — странным голосом произнес он. — Разве ты не видишь, что мне нужна помощь? Я пытался...

Я услышал, как он споткнулся и упал. Я позвал его, но он не ответил.

Я попытался встать, но мне это не удалось — я застрял, как пробка в бутылке...

Я пришел в себя, лежа лицом вниз, — подо мной была чистая простыня.

— Ну как, получше? — спросил кто-то.

Это был Ноулз, одетый в пижаму и стоящий возле моей постели.

— Вы мертвы, — ответил я.

— Ничуть, — усмехнулся он. — Они вовремя добрались до нас.

— Что произошло? — Я смотрел на него, все еще не веря своим глазам.

— Как мы и думали — взрыв ракеты. Беспилотная почтовая ракета потеряла управление и врезалась в туннель.

— А где Толстяк?

— Здесь!

Я повернулся и увидел Толстяка, лежавшего на животе, как и я.

— Ты мне должен двадцатку, — весело сказал он.

— Я тебе должен... — Я обнаружил, что у меня без всякой причины текут слезы. — Ладно, с меня двадцатка. Но тебе придется приехать за ней в Де-Мойн, чтобы ее получить.

КОММЕНТАРИЙ

Во Флагстаффе, штат Аризона, в сентябре обычно свежо и солнечно. Роберт Хайнлайн поставил портативную пишущую машинку на карточный стол, неподалеку от своего автомобиля, носящего имя «Жаворонок IV», и трейлера, в котором он жил и который, по его словам, был в прошлой жизни ящиком для фортепиано. Писатель только что сбежал из Лос-Анджелеса, и жизнь его постепенно возвращалась в колею, после того как дело о его разводе наконец-то прошло слушание в суде.

Летом он пытался работать в Оджай, штат Калифорния, — но без особого успеха. Он слишком нервничал, и все казалось каким-то неправильным. Что более важно, ничего не продавалось. У него еще оставалась (по крайней мере, на некоторое время) кое-какая репутация — и кое-какие сбережения, — но также у него были сомнения, сможет ли он оставаться коммерчески успешным писателем без Леслин.

Сентябрь подходил к концу, слушания в суде остались позади, и он наконец-то почувствовал, что может снова попробо-

вать что-то написать: давай сделай глубокий вдох — и начинай. Он уже давно собирал заметки для длинной неспешной истории с неожиданной концовкой. В ней он хотел обратиться к одной из своих любимых тем — о природной порядочности обыкновенного парня Джо. Простой работяга, парень из профсоюза, Джо работал на лунной стройке. Когда внезапно отказало уплотнение, толстяк должен был пожертвовать своими ягодичами, усевшись на пробойну, чтобы закрыть ее и спасти людей в туннеле — что-то вроде пальца в известной дамбе! Он начал черновик, озаглавив его — никаких непристойностей! — «Прорыв плотины».

Нет. Зачеркни это. «Прорыв».

Нет. «Палец».

Плохой вариант — очень плохой. Он вычеркнул и этот вариант и написал: «Легкая работа». Сойдет для черновика. Пять дней спустя черновик был у него в руках.

В «Town and Country»¹ были «разочарованы» тем, что Хайнлайн не предложил им очередные «Зеленые холмы Земли», там отклонили рассказ, но в конце 1948 года он все-таки продал его в «Argosy». Как раз в тот момент, когда у него закончились последние деньги и Хайнлайн начал сомневаться, что без Лесли он вообще способен оставаться коммерческим писателем. Это была первая проталина в его финансовой зиме. Потом «Scribner» принял его вторую книгу для мальчиков, «Космического кадета», были подписаны еще контракты, которые помогли продержаться до апрельских гонораров за «Ракетный корабль „Галилей“»... к тому времени он вернулся в Голливуд, начал работать над фильмом с Фрицем Лангом. Роберт Хайнлайн снова стал писателем.

¹ Ежемесячный американский журнал. — *Примеч. С. В. Голд.*

ТЕМНЫЕ ЯМЫ ЛУНЫ

В Резерфорд мы двинулись на другое утро после прибытия на Луну. То есть папе и мистеру Лэтему (мистер Лэтем — служащий Треста Гарримана; папа на Луну прилетел, чтобы с ним встретиться) — папе и мистеру Лэтему нужно было туда по делу. Я приставал к папе, пока он не пообещал взять меня с собой, — ведь смахивало на то, что это мой единственный шанс выбраться на поверхность Луны. В Луна-Сити, по-моему, подходяще, но ведь его коридоры не отличишь от нижних уровней Нью-Йорка. Разве что в Луна-Сити не идешь, а почти летишь.

Когда папа пришел к нам в номер гостиницы сказать, что скоро ехать, мы с братишкой играли на полу в ножички. Мама прилегла и попросила меня занять шкета, чтобы не мешал. Ее тошнило всю дорогу от Земли, и она чувствовала себя неважнецки. Шкет баловался с осветительными плафонами: переводил регулятор с «сумерек» до «палящего солнца» и наоборот. Я взял его за шиворот и посадил на пол.

Я-то, конечно, в ножички уже не играю, но на Луне это очень здорово получается. Нож сам парит в воздухе, и с ним можно проделывать все, что угодно. Мы выдумали массу новых правил.

Папа сказал:

— Планы меняются, мои дорогие. Мы сию минуту едем в Резерфорд. Давайте-ка собираться.

Мама сказала:

— Ах, боже мой, кажется, я не могу. Поезжайте вы с Дикки, а мы с Бэбинькой побудем здесь денек и отдохнем.

Бэбинька — это шкет.

Я всегда говорил ей, что это неверный подход. Он мне чуть глаз не выколол ножом и начал канючить:

— Куда? Что? И я поеду. Давайте поедem!

Мама сказала:

— Ну, Бэбинька, не огорчай свою дорогую мамочку. Мы с тобой лучше сходим в кино.

Шкет на семь лет младше меня, но уж если нужно от него чего-нибудь добиться, нечего его называть «Бэбинькой». Он принялся реветь:

— Ты же говорила, что мне можно поехать!

— Нет, Бэбинька. Я тебе так не говорила. Я...

— Папа говорил, что можно!

— Ричард, разве ты говорил Бэбику, что ему можно ехать?

— Да нет же, дорогая, я этого не помню. Возможно, я...

Шкет завелся еще сильнее:

— Вы говорили, что мне можно туда же, куда и Дикки. Вы мне обещали, вы мне обещали, вы мне обещали...

Приходится иногда отдавать шкету должное: он таки заставил их нудно и без толку выяснять, кто ему что обещал. Короче говоря, минут через двадцать мы все вчетвером вместе с мистером Лэтемом были уже на ракетодроме и селись в резерфордский шаттл.

Дорога отнимает всего-то минут десять, ничего толком и не увидишь, разве краешек Земли, когда шаттл еще неподалеку от Луна-Сити, а потом и этого не видать, потому что атомный реактор, на который мы собрались, он, понятно, на обратной стороне Луны. В шаттле было человек десять туристов, и их всех сразу затошнило, как только мы вышли в свободный полет. И маму тоже. Некоторые никогда так и не могут привыкнуть к ракетам.

Но стоило нам прилуниться и оказаться внутри, «под землей», как маме сразу же полегчало. В Резерфорде все не так, как в Луна-Сити: там нет туннеля, который подходит к самому кораблю. Вместо этого на поверхность посылают специальную герметично закрытую машину, которая стыкуется прямо со шлюзом ракеты, потом в этой машине проезжаешь около мили назад, ко входу в подземелье. Мне это понрави-

лось, и шкету тоже. Папе нужно было ехать по делу с мистером Лэтемом, а маму, шкета и меня он решил оставить с группой туристов, которая отправлялась осматривать лабораторию.

Там было довольно интересно, но ничего такого, чтобы поднимать из-за этого шум. Я убедился, что все атомные реакторы на один лад. Резерфорд вполне мог бы сойти за какой-нибудь крупный завод в окрестностях Чикаго. То есть я хочу сказать, что все хоть сколько-нибудь стоящее спрятано, закрыто экранами и не подлежит осмотру. Разрешают смотреть только на всякие циферблаты и панели управления да на персонал, который за ними наблюдает. Пульт дистанционного управления такой же, как в Окридже. Гид кое-что рассказывает об идущих экспериментах, да несколько роликов после показывают — вот и все.

Наш гид мне понравился. Похож на Тома Джерема из фильма «Космический десант». Я спросил, не космонавт ли он, а он поглядел на меня насмешливо и сказал, что нет, он просто рядовой Колониальной службы. Потом он спросил, где я учусь и состою ли скаутом. Он сам когда-то был скаутмастером первого отряда, Резерфорд-Сити, патруль «Лунный нетопырь».

Похоже, там только один патруль и есть — не так уж много на Луне скаутов, я полагаю.

Папа и мистер Лэтем подошли как раз тогда, когда мы заканчивали экскурсию и мистер Перрин — это наш гид — объявлял о прогулке на поверхность.

— В экскурсионный маршрут по Резерфорду, — вещал он голосом диктора, — входит прогулка в космическом скафандре на поверхность Луны — без дополнительной оплаты. Вы осмотрите Дьявольское Кладбище и место Великой катастрофы тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года. Прогулка не включена в обязательную программу маршрута. Опасности практически нет, у нас еще ни с кем ничего не случилось, но Компания требует от всех желающих пойти расписаться в том, что всю ответственность за свою безопасность они берут на себя. Прогулка продолжается около часа. Кто хочет остаться, может пока посмотреть кино или перекусить в кафе.

Папа потер руки.

— Вот это для меня, — сказал он. — Мистер Лэтем, как мы вовремя! Ни за что на свете не хотел бы ее пропустить.

— Вам понравится, — согласился мистер Лэтем. — И вам тоже, миссис Логан. Мне самому очень хотелось бы пойти.

— Так за чем же дело стало? — спросил папа.

— Нет, я хочу к вашему возвращению подготовить документы, чтобы вы и директор подписали их до вашего отлета из Луна-Сити.

— Ну зачем же так загонять себя? — убеждал папа. — Уж если нельзя положиться на слово человека, что толку от подписанного контракта? Вы можете выслать мне эти бумаги в Нью-Йорк почтой.

Мистер Лэтем покачал головой:

— Дело не только в этом. Нет, правда — я же был на поверхности десятки раз. Но я вас провожу и помогу надеть скафандры.

Мама сказала:

— О, дорогой...

Она думала, что ей лучше бы не ходить, для нее совершенно невыносимо сознавать, что она заточена в скафандре; кроме того, от яркого солнечного света у нее всегда болит голова.

Папа сказал:

— Не говори глупости, дорогая, такой случай бывает один-единственный раз в жизни.

Мистер Лэтем объяснил ей, что в шлеме имеются фильтры, которые не пускают яркий свет внутрь. Мама всегда сначала возражает, потом уступает. Я считаю, что у женщин нет никакой силы характера. Еще позавчера вечером — то есть я хочу сказать, что по-земному был вечер, а не в Луна-Сити, — она купила себе классный лунный костюм, чтобы выходить в нем к обеду в зал со смотровой площадкой, откуда можно наблюдать Землю, прямо не выходя из отеля. Но после она застеснялась и пожаловалась папе, что слишком толстая для такой одежды. Еще бы, когда со всех сторон одно только неприкрытое тело. Папа сказал:

— Чепуха, дорогая, ты выглядишь восхитительно.

И она надела костюм и прекрасно провела время, особенно когда какой-то пилот пытался за ней приударить.

Вот и на этот раз было так же. Она пошла с нами. Нас провели в комнату, где надевали скафандры, и я все разглядел, пока мистер Перрин по очереди пропускал туда всю компанию и давал расписываться. В дальнем конце этой комнаты был ведущий в шлюз люк, а в нем довольно большой глазок. В глазок был виден еще один люк, а в нем — такой же глазок. Можно было посмотреть через два этих глазка и увидеть поверхность Луны, которая казалась горячей, яркой и какой-то неправдоподобной, несмотря на мутно-желтые стекла. А еще тут висели два ряда скафандров, похожих на пустые оболочки от людей. Я шнырял везде, пока мистер Перрин не подошел к нам.

— Можно договориться с хозяйкой кафе, чтобы она присмотрела за малышом, — сказал он маме, наклонился и взъерошил шкету волосы. Шкет попытался укусить его, и он поспешил убраться рукой.

— Спасибо, мистер Перкинс, — сказала мама, — думаю, что так будет надежнее всего — хотя мне, наверно, лучше остаться с ним.

— Моя фамилия Перрин, — спокойно поправил тот. — Такой необходимости нет. Хозяйка как следует за ним присмотрит.

Почему это взрослые говорят при детях так, будто те ни слова не понимают по-английски? Они должны были просто запихнуть его в эту кофейню. А теперь шкет понял, что его хотят провести. Он воинственно огляделся.

— Я тоже пойду, — громогласно заявил он. — Вы мне обещали.

— Нет, Бэбинька. — Мама попробовала его унять. — Твоя дорогая мамочка вовсе не говорила тебе...

Еще бы, говорила она только себе: шкет пустил в ход звуковые эффекты.

— Вы мне говорили, что я могу ходить туда же, куда и Дикки, вы мне обещали, когда я болел. Вы мне обещали, вы мне обещали... — затянул он, при этом голос его с каждой секундой делался все выше и громче.

Мистер Перрин вроде бы растерялся. Мама сказала:

— Ричард, попробуй-ка успокоить своего ребенка. В конце концов, это же ты ему обещал...

— Я, дорогая? — удивился папа. — Да я вообще тут никакой проблемы не вижу. А что, если мы действительно обещали ему, что он может делать то же, что и Дикки? Тогда мы просто берем его с собой, вот и все.

Мистер Перрин прочистил горло:

— Боюсь, что нет. Вашего старшего я могу отправить в женском скафандре, он для своих лет довольно высокий. Но у нас нет скафандров для маленьких детей.

Ну, тут уж у нас все окончательно запуталось. Шкет всегда может заставить маму бегать вокруг него кругами, а мама то же самое проделывает с папой. Папа сразу багровеет и начинает сваливать все на меня. Получается вроде цепной реакции, которая заканчивается на мне — дальше ее некому передать. Они приняли очень простое решение: я должен остаться и присматривать за Бэбинькой!

— Папа, но ведь ты же говорил... — начал я.

— Мало ли что я говорил. Я не хочу семейных скандалов при людях. Ты слышал, что сказала мама?

Я был в отчаянии.

— Слушай, папа, — я старательно произносил слова потише, — если я вернусь на Землю, так ни разу и не надев скафандра и не высунув носа на поверхность, придется тебе искать для меня другую школу. Не вернусь я больше в Лоренсвилл — меня же все засмеют!

— Мы об этом поговорим, когда вернемся домой.

— Нет, папа, ты же дал честное благородное слово...

— Хватит, молодой человек. Вопрос закрыт.

Мистер Лэтем стоял рядом, внимательно слушая, но рта не раскрывал. При этих словах он приподнял бровь и очень спокойно сказал папе:

— Как, Эр Джи, а я-то думал, что ваше слово — ваш вексель!

Предполагалось, что я ничего не слышу, да и все остальные тоже, и прекрасно, потому что не стоит, чтобы папа знал, что кто-то знает, что он не прав. От этого с ним еще тяжелее иметь дело. Я поспешно переменял тему:

— Слушай, папа, может, мы все сможем пойти? Вон, что это там за скафандр? — и показал на вешалку внутри какой-то загородки. На загородке висел замок. На вешалке болта-

лось десятка два скафандров, а на дальнем ее конце я заметил совсем маленький скафандр — его ботинки едва доставали до пояса соседнего.

— Ага, — просиял папа, — это как раз то, что нужно! Мистер Перрин! А, мистер Перрин? На минуточку! Я-то понял так, что у вас вообще нет маленьких скафандров, но вот этот, мне кажется, нам вполне подойдет.

Папа уже возился с замком на перегородке. Мистер Перрин его остановил:

— Этот скафандр брать нельзя.

— Да? Это почему?

— Все скафандры за этой перегородкой — частная собственность, они напрокат не выдаются.

— Что? Чушь какая! Резерфорд — государственное предприятие. А мне нужен скафандр для моего ребенка...

— Но он не выдается.

— Я поговорю с директором.

— Думаю, что придется. Этот скафандр изготовлен по специальному заказу для его дочери.

Они так и сделали. Мистер Лэтем поймал директора на линии. Папа поговорил с ним, потом директор поговорил с мистером Перрином; потом опять с папой. Директор не возражал одолжить скафандр, тем более папе, но не хотел приказывать мистеру Перрину брать на поверхность маленького ребенка.

Мистер Перрин не поддавался, и я его не осуждал, но папа потихоньку успокоил его и уговорил, и в конце концов мы все влезли в скафандры, проверили давление и подачу кислорода, включили наши рации. Мистер Перрин устроил переключку по радио и напомнил, что мы все на одной волне, поэтому лучше предоставлять ему большую часть переговоров и не отпускать вслух посторонние замечания, потому что это будет мешать всем слушать. Потом мы остановились у шлюзовой камеры, и он предупредил, чтобы мы держались все вместе и не пробовали, как быстро можно бегать и как высоко прыгать. У меня прямо сердце из груди выскакивало.

Наружная дверь шлюза открылась, и мы гуськом вышли прямо на поверхность Луны. Наверное, это было так же здорово, как я представлял в мечтах, но я так сильно волновался,

что плохо соображал в ту минуту. Солнце сверкало так ослепительно-ярко — ничего ярче я в жизни не видел, а тени были такие чернильно-черные, что в них с трудом можно было что-нибудь разобрать. Слышно ничего не было, кроме голосов по радио, но их можно было выключить.

Мягкая пыль, как дым, обволакивала ноги и медленно оседала вниз. Больше не двигалось ничего. Это было самое безжизненное место, какое только можно себе представить.

Держась тесной группой, мы не сходили с тропинки, только мне пришлось дважды бегать за шкетом, когда он обнаружил, что может прыгнуть на двадцать футов. Я хотел было его отшлепать, но вы пробовали когда-нибудь отшлепать человека в скафандре? Это бесполезно.

Мистер Перрин велел всем остановиться и начал:

— Мы находимся на Дьявольском Кладбище. Каменные пики-близнецы позади нас поднимаются на пять тысяч футов над поверхностью. На них никто еще не поднимался. Эти пики, или монументы, названы в честь апокрифических или мифологических персонажей, потому что фантастический пейзаж напоминает гигантское кладбище. Вельзевул, Тор, Шива, Каин, Сет... — Он говорил и показывал во все стороны. — У селенологов нет единого мнения относительно происхождения этих странных образований. Некоторые утверждают, что на них есть признаки воздействия воздуха или воды, а не только вулканической деятельности. Если так, эти пики простояли здесь немыслимо долгий период, потому что в настоящее время, как видите, Луна...

Об этом можно было и в журнале «Спейсуэйс» почитать, только большая разница, скажу я вам, когда своими глазами видишь.

Эти пики напомнили мне скалы в Саду Богов в Колорадо-Спрингс, куда мы ездили прошлым летом, только здешние были гораздо выше и вместо синего неба над головой была сплошная чернота и холодные резкие звезды. Жуть.

С нами был еще один рядовой Колониальной службы с фотоаппаратом. Мистер Перрин еще что-то пытался сказать, но тут шкет растянулся, и мне пришлось отключить его радио, иначе вообще бы никто ничего не услышал. Так я и держал его выключенным, пока мистер Перрин не закончил.

Он велел нам выстроиться для снимка на фоне пиков и черного неба.

— Наклоните голову к стеклу шлемов, чтобы было видно лицо. Так — великолепно. Давай! — скомандовал он, и солдат щелкнул фотоаппаратом. — Карточки будут готовы, когда вернемся, десять долларов штука.

Я задумался. Одна карточка мне нужна, чтобы повесить у себя в комнате в школе; еще одна — чтобы подарить, не важно кому. Словом, нужна еще одна. У меня оставалось еще восемнадцать баксов из денег, подаренных на день рождения, остальные можно выпросить у мамы. Так что я заказал две.

Мы преодолели длинный склон и вдруг оказались над кратером, но не обычным лунным кратером, этот появился после катастрофы — все, что осталось от первой лаборатории. Он простирался далеко, миль двадцать в поперечнике, поверхность его была покрыта блестящим пузырчатым стеклом, а не пылью. Там стоял памятник. На постаменте я прочитал:

ЗДЕСЬ, ПЕРЕД ВАМИ,
ПОКОЯТСЯ ОСТАНКИ

Курта Шаффера,
Мориса Файнштейна,
Томаса Дули,
Хейзл Хаякава,
Дж. Вашингтона Слэппи,
Сэма Хьюстона Адамса.

ОНИ ПОГИБЛИ В БОРЬБЕ ЗА ЗНАНИЕ,
КОТОРОЕ ДЕЛАЕТ ЧЕЛОВЕКА СВОБОДНЫМ¹.

В одиннадцатый день августа 1984

Это было потрясающе. Я отступил назад и начал слушать мистера Перрина. Папа и некоторые другие задавали ему вопросы.

— Точно не известно, — говорил он. — Ничего не осталось. Теперь-то все показания приборов немедленно пере-

¹ Парафраз из Ин. 8: 32: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными». — *Примеч. С. В. Голд.*

даются в Луна-Сити, но ведь это случилось еще до установки линии дальней связи.

— А что было бы, — спросил кто-то, — если бы этот взрыв произошел на Земле?

— Не хочу даже пытаться вам отвечать, но поэтому лабораторию и устроили здесь, на обратной стороне Луны. — Он поглядел на часы. — Пора возвращаться.

Все заторопились назад, пробираясь вниз к тропинке, когда мама воскликнула:

— Бэбинька! Где же Бэбинька?

Я вздрогнул, но пока еще не перепугался. Шкет всегда где-нибудь болтается, то тут, то там, но далеко не уходит, ему ведь всегда нужно, чтобы кто-нибудь слушал его болтовню.

Папа обнял маму одной рукой, другой он делал мне знаки.

— Дик, — рявкнул он, и голос его резко щелкнул в моих наушниках, — ты куда девал своего брата?

— Я? — откликнулся я. — Нечего на меня сваливать, я его в последний раз видел, когда мама вела его сюда за руку.

— Не ври, Дик. Мама присела отдохнуть, когда мы пришли сюда, и прислала его к тебе.

— Если даже и так, он здесь не показывался.

Тут уж мама зарыдала по-настоящему. Все, конечно, слушали, больше ничего не оставалось: ведь мы были на одной волне. Мистер Перрин подошел и выключил мамин микрофон. Сразу сделалось тихо.

— Успокойте свою жену, мистер Логан, — приказал он, потом добавил: — Когда вы в последний раз видели ребенка?

Папа ничем не мог помочь; как только они пытались снова подключить маму, приходилось тут же отключать ее. Помочь она ничем не могла, только нас заглушала. Мистер Перрин обратился к остальным:

— Видел кто-нибудь маленького мальчика, который был с нами? Не отвечайте, если вам нечего сообщить. Кто-нибудь видел, как он уходил?

Никто не видел. Я сообразил, что он наверняка улизнул, пока все смотрели на кратер и стояли к нему спиной. Я так и сказал мистеру Перрину.

— Похоже на то, — согласился он. — Внимание, все! Я постараюсь разыскать ребенка. Оставайтесь там, где вы

находитесь. Не уходите с этого места. Я отлучусь минут на десять.

— Почему бы всем не пойти на поиски? — поинтересовался кто-то.

— Потому что, — сказал мистер Перрин, — пока у меня потерялся только один человек. Я не хочу, чтобы их было десять.

И он исчез огромными прыжками, каждый из которых покрывал футов пятьдесят.

Папа хотел было броситься за ним, но передумал, потому что мама внезапно пошатнулася, упала на колени и медленно осела на землю. Все разом заговорили. Какой-то идиот хотел снять с нее шлем, но папа ведь не сумасшедший. Я отключил радиосвязь, чтобы услышать собственные мысли, и начал осматриваться, не отходя от толпы, стоя у края кратера и пытаясь рассмотреть все, что было видно.

Я проделал глазами весь путь, который мы прошли. Глядеть на кратер было абсолютно ни к чему: если бы шкет был там, его было бы видно, как муху на тарелке.

Другое дело — за пределами кратера: за несколько метров от нас можно было спрятать целый полк, скалы громоздились вдоль всего пути. Огромные, как дома, валуны с дырами, нагромождения камней, ущелья — сплошная каша. Время от времени виден был мистер Перрин, который рыскал кругом, точно собака, отслеживающая кролика, и подолгу возился на одном месте. Он почти что летал. Когда ему попадался крупный валун, он перепрыгивал через него и в прыжке наклонял голову, чтобы лучше видеть.

Потом он снова устремился к нам, и я опять включил радио. Все продолжали наперебой разговаривать. Кто-то говорил:

— Надо его найти до захода солнца.

Кто-то другой отвечал:

— Глупости какие, солнце не зайдет еще неделю. Дело в запасе воздуха, говорю я вам. Эти скафандры только на четыре часа.

Первый голос сказал:

— О! — Потом тихо добавил: — Как рыба, вытасненная из воды...

Вот тогда я перепугался.

Чей-то голос произнес, задыхаясь:

— Бедный, бедный малыш! Надо его найти, пока он не задохнулся.

Тут резко вмешался голос моего папы:

— Не смейте так говорить!

Я услышал чье-то рыдание. Может быть, мамино.

Мистер Перрин подошел к нам почти вплотную и заговорил:

— Всем замолчать! Мне надо вызвать базу, — и произнес решительным голосом: — Перрин вызывает контрольный пост, Перрин вызывает контрольный пост.

Ответил женский голос:

— Говорите, Перрин.

Он рассказал о случившемся и добавил:

— Вышлите Смита забрать эту группу, я остаюсь. Мне нужны все солдаты, которые есть поблизости, и добровольцы из числа опытных сотрудников Колониальной службы. С первой же партией пришлите радиопеленгатор.

Долго ждать не пришлось. Они стаяй налетели на нас, точно кузнечики, наверное, они делали миль сорок-пятьдесят в час.

Было бы на что посмотреть, если бы мне не было так тошно.

Папа попробовал было поспорить, чтобы его не отправляли на базу с остальными туристами, но мистер Перрин оборвал его:

— Если бы не ваше упрямство, мы не попали бы в эту переделку. Следили бы тщательно за своим ребенком, он не заблудился бы. У меня тоже дети есть, но я их не таскаю на Луну, пока они еще маленькие и не могут сами о себе позаботиться. Так что идите со всеми — не могу я еще и вас на себя брать.

Я думал, папа бросится на него с кулаками, — и он бы так и сделал, если бы мама снова не потеряла сознание. Мы ушли вместе с группой.

Следующие два часа был сплошной кошмар. Нас посадили рядом с диспетчерской, и мы могли слышать через громкоговоритель, как мистер Перрин командует поисками. Сна-

чала я думал, что они наткнутся на шкета сразу же, как только включат радиопеленгатор: даже если шкет не подавал голоса, можно было бы поймать треск его передатчика. Но с этим не получилось. Так ничего и не было слышно. И люди, которые отправились на поиски, тоже ничего не обнаружили.

Хуже всего было, что папа и мама даже не пытались ругать меня. Мама тихонько плакала, а папа утешал ее и поглядывал на меня с каким-то странным выражением. Я понял, что он меня просто не видит. Но догадался, о чем он думает: если бы я не настаивал на прогулке на поверхность, ничего бы не случилось. Я сказал:

— Да не смотри ты на меня так, папа. Никто ведь мне не поручал за ним следить. Я думал — он с мамой.

Папа ничего не ответил, только головой покачал. Похоже было, что он здорово устал, весь даже как-то съёжился. А мама, вместо того чтобы обвинять меня и кричать, перестала плакать, и ей удалось через силу мне улыбнуться.

— Поди сюда, Дикки, — сказала она и обняла меня свободной рукой. — Никто тебя не винит, Дикки. Что бы ни случилось, ты не виноват, Дикки. Помни об этом.

И я позволил ей меня поцеловать, а потом ненадолго присел рядом с ними, но мне было еще хуже, чем прежде. Я все думал про шкета: как он и что с ним, кислород-то ведь у него кончается. Может, и не по моей вине, но я знал, что мог этого не допустить. Не надо было мне полагаться на маму и надеяться, что она за ним присмотрит, не умеет она этого как следует. Она из тех людей, которые собственную голову могли бы потерять, если бы она не была как следует привинчена — для украшения. Мама, понимаете ли, хорошая, но очень уж непрактичная.

Она бы страшно переживала, если бы шкет не нашелся. И папа, да и я, — тоже. Шкет всегда ужасно мешает, но чего-то стало не хватать, когда он перестал болтаться под ногами. Я вспомнил слова: «Как рыба, вытащенная из воды...» Однажды я нечаянно разбил аквариум — и вспомнил теперь, как эти рыбы выглядели. Довольно неприглядно. Если шкет умрет такой смертью...

Я взял себя в руки и решил, что лучше придумать, как бы его найти. Через какое-то время я понял, что *могу* найти его,

если бы только они пустили меня туда. Но меня, конечно бы, не пустили.

Снова появился доктор Эванс, директор, — он нас встречал, когда мы только подошли, — и спросил, не может ли он что-нибудь сделать для нас и как себя чувствует миссис Логан.

— Вы же знаете, что я все на свете бы отдал, чтобы этого не случилось, — сказал он. — Мы делаем все возможное. Я распорядился, чтобы из Луна-Сити выслали несколько детекторов руды. Возможно, мы обнаружим ребенка по металлу его скафандра.

Мама спросила, нет ли у них собак-ищеек, а доктор Эванс даже не стал смеяться. Папа предложил использовать вертолеты, тут же поправился — ракеты. Доктор Эванс растолковал ему, что невозможно провести тщательный осмотр с летящей ракеты.

Немного погодя я отозвал его в сторонку и стал уговаривать, чтобы он позволил мне участвовать в поисках. Он был вежлив, но непреклонен, а я все настаивал.

— А почему ты так уверен, что найдешь его? — спросил он. — Мы собрали сейчас самых опытных людей Лунной службы, какие только оказались поблизости. Боюсь, сынок, что ты сам заблудишься или с тобой что-нибудь случится, если ты попробуешь искать наравне с ними. В наших краях, если потерял из виду ориентиры, можешь безнадежно заблудиться.

— Но послушайте, доктор, — сказал я ему, — я ведь знаю шкета, то есть я хотел сказать, своего младшего брата, лучше, чем кто бы то ни было на свете. Я не заблужусь — то есть если и заблужусь, то так же, как он. А за мной пусть кто-нибудь следит.

Он обдумал мои слова.

— Стоит попробовать, — неожиданно согласился он. — Я сам за тобой пойду. Надевай скафандр!

Мы быстро двигались по равнине, делая тридцатифутовые шаги, — максимум, на что я был способен. Доктор Эванс держал меня за пояс, чтобы я не споткнулся. Мистер Перрин ждал нас. Ему вроде бы мой план не совсем понравился.

— Может быть, старый приемчик «заблудившегося мула» и сработает, — согласился он, — а я буду продолжать систематический поиск в прежнем порядке. Возьми-ка этот сигнальный фонарик, в тени он тебе пригодится.

Я стоял у края кратера и старался представить себе, что я — шкет, скучающий и, возможно, немного обиженный тем, что на меня не обращают внимания. Что я стал бы делать дальше?

Я вприпрыжку помчался вниз по склону — без определенной цели, так, как это сделал бы шкет. Потом остановился и обернулся, чтобы проверить, следят ли за мной мама, папа и Дикки. Следили за мной хорошо: доктор Эванс и мистер Перрин держались неподалеку сзади. Я сделал вид, что никто за мной не смотрит, и продолжал идти. Я оказался совсем близко от большого скопления скал и повернул к первой из них. Она не была достаточно высокой, чтобы я мог за ней спрятаться, но шкет там поместился бы. Похоже, он мог бы здесь затаиться — шкет любил играть в прятки, чтобы становиться центром внимания.

Вот я и подумал об этом. Когда шкет играл в эту игру, он всегда норовил спрятаться *под* чем-то: под кроватью, под диваном, под автомобилем или даже под кухонной раковиной. Я огляделся вокруг. Множество подходящих местечек: в скалах было полно глубоких полостей и нависающих уступов. Я начал прочесывать их. Это было безнадежно — подходящих мест поблизости было, наверное, штук сто.

Мистер Перрин подошел ко мне, когда я выползал из четвертого по счету укромного местечка, слишком тесного для меня.

— Наши уже прошлись здесь с фонариками, — сказал он мне. — Не думаю, что это что-нибудь даст, парень.

— Ладно, — сказал я, но продолжал свое. Я же знал, что смогу забраться в такие уголки, куда не пролезет взрослый. Я только надеялся, что шкет не забрался в такое место, куда мне не пролезть.

Шло время, а я все коченел и коченел и стал ужасно уставать. Прямые лучи Солнца на Луне очень жаркие, но в ту же секунду, как попадаешь в тень, становится холодно. А под этими скалами никогда не бывает тепло. Скафандры, выдан-

ные нам, туристам, хорошо изолированные, но дополнительная изоляция помещается в перчатках и ботинках, да еще в задней части брюк, а я большую часть времени ползал на животе, залезая в укромные местечки.

Я так замерз, что едва мог двигаться, а спереди так просто заledenел. Из-за этого я, кроме всего прочего, ужасно беспокоился: а как же шкет? Не замерз ли он?

Если бы я не вообразил себе, как выглядела рыба и как шкет может замерзнуть прежде, чем я доберусь до него, я бы уже все бросил. Я почти потерпел поражение. Кстати, в этих полостях было довольно жутко — никогда не знаешь, что там в их глубине.

Доктор Эванс взял меня за руку, когда я выполз из очередной дыры, и прислонил свой шлем к моему, чтобы я мог услышать его голос без передатчика:

— Пожалуй, пора кончать, сынок. Ты совершенно измотался, а не обработал и акра.

Я вырвался.

Следующее место было выступом скалы, под ней была щель не более фута высотой. Я направил в углубление луч света. Оно было пустое и, казалось, не ведет никуда. Потом я заметил там поворот. Я пригнулся и пополз. Коридор чуть расширился и сужался снова. Я подумал, что не стоит залезать глубоко, ведь шкет не стал бы ползти дальше в темноте, но все-таки пролез еще немного и зажег фонарик.

И увидел торчащий ботинок.

Вот как это все получилось. Я чуть не разбил голову в шлеме, выбираясь оттуда, зато тащил за собой шкета. Он был слаб, точно котенок, и лицо у него было какое-то странное. Когда я вылез, мистер Перрин и доктор Эванс так и бросились ко мне, начали колотить меня по спине и радостно кричать.

— Он умер, мистер Перрин? — спросил я, как только смог отдышаться. — Он выглядит ужасно плохо.

Мистер Перрин осмотрел его:

— Нет... Я вижу пульс на горле. Шок и переохлаждение, но этот скафандр сделан по специальному заказу... Мы живо приведем его в чувство.

Он взял шкета на руки, а я потащился следом.

Через десять минут шкет, закутанный в одеяло, пил горячее какао. И я выпил немного. Все говорили одновременно, а мама опять плакала, но теперь вид у нее был нормальный, и папа тоже немного пришел в себя.

Он пытался заполнить чек на имя мистера Перрина, но тот резко отказался:

— Не нужно мне вознаграждения: ведь это ваш мальчик нашел его. Вы мне можете сделать только одно одолжение.

— Да? — Папа был сама любезность.

— Держитесь подальше от Луны. Здесь вам не место, вы не из породы пионеров.

Папа принял это как должное.

— Я уже обещал это жене, — ответил он, и глазом не моргнув. — Можете не беспокоиться.

Когда мистер Перрин уходил, я догнал его и сказал, чтобы никто не услышал:

— Мистер Перрин, я только хотел вам сказать, что вернусь, если вы не возражаете.

Он пожал мне руку и ответил:

— Я и не сомневался, малец.

КОММЕНТАРИЙ

«Они должны быть очень счастливы...» Почта с откликами читателей на «Зеленые холмы Земли» — почти все безумно восторженные — приходила мешками (ну ладно, это «Post» получал мешки писем: «Больше, чем после любого рассказа, который мы когда-либо публиковали», — говорил ему редактор Бен Хиббс). Личная почта Хайнлайна была не столь обильной, но она исходила от его коллег по научной фантастике, и почти все отклики тоже были безумно восторженными. Он написал и быстро продал еще два рассказа в «Post», и они отдали их тому же иллюстратору, Фреду Людекенсу. Фред тоже был в восторге от «Холмов» и подарил Хайнлайну оригинал картины (картон, гуашь), которая украсила разворот журнала с его публикацией. Даже режиссер Фриц Ланг написал ему комплимент по поводу его рассказов в «Post», намекнув на то, что, возможно, им стоит как-нибудь скооперироваться и попробовать сделать фильм. Друг Хайнлайна (и по совместительству его шпион в Вашинг-

тоне) Кэл Лэннинг вовлек его в соавторство статьи о том, к чему могут привести современные разработки в области ракетостроения с точки зрения оборонной стратегии, и их «Полет в будущее» заинтересовала редакцию «Colliers». «Doubleday» только что отклонил его большую книгу о политике на низовом уровне «для чайников» (впервые издана в 1992 году под названием «Take Back Your Government!»). Но не прошло и недели, как был подписан контракт на книгу «За этим горизонтом», так что все скомпенсировалось. В профессиональной сфере Роберт Хайнлайн поднялся так высоко, как никогда прежде.

К сожалению, дома все было не так хорошо. Война психологически сломила его жену Лесли, и было крайне нелегко поддерживать статус-кво. Сначала было переутомление от работы на военной верфи Филадельфии, на которое накладывалось беспокойство за сестру и племянников, брошенных японцами в концлагерь на Филиппинах. Потом Красный Крест потерял их следы в Нью-Йорке, а теперь сестра умирала от рака матки... Это было уже чересчур. Хайнлайн тоже был измотан хроническим переутомлением, и синусит, который он подхватил в «Филтидельфии», никак не желал от него отвяжаться. Они пытались провести отпуск в пустыне в феврале и марте 1947 года, посетив памятные места детства Лесли в округе Риверсайд. Их совершенно не вдохновил отдых в городке Двадцать Девять Пальм¹, поэтому они переехали в мотель в Блайте на границе между Калифорнией и Аризонай, и это было совершенно правильно...

...Вот только общая раздражительность Лесли возросла — и она снова начала пить. По-черному.

К тому времени, как они вернулись домой, не замечать этого было уже невозможно. Он заставил ее обратиться к психиатру — но она быстро убедила доктора Финка, что муж жестоко с ней обращается. У этой проблемы не было положительного решения. До войны они настолько хорошо научились жить душа в душу и чувствовать друг друга, что теперь проблемы одного лишь усиливались в другом и все шло вразнос. Впервые за долгое время у него появились мысли о самоубийстве. Через неделю после возвращения домой он написал своему близкому другу Джону Эрвину:

¹ Курортный город в округе Сан-Бернардино, штат Калифорния. — Примеч. С. В. Голд.

За последние восемнадцать месяцев мне больше хотелось умереть, чем продолжать эту жизнь, — и я все еще не выбрался из этого туннеля, я даже не вижу никакого света впереди. Но все же не думаю, что есть какая-то вероятность, что я покончу с собой или сойду с ума. Я, кажется, понимаю, что могу как-то выдержать все, что со мной происходит. Может, я и ошибаюсь — и однажды утром перережу себе вены на запястьях или повернусь лицом к стене и перестану реагировать на все, что мне говорят. Но это вряд ли, думаю, я как-нибудь сумею продержаться.

Но он мог работать. Он сделал несколько набросков о психово-спасательной операции на Луне. В конце апреля он собрал эти наброски в короткий рассказ для «Post» о мальчике, отбившемся от родителей. Маленькое событие начала лунной колонизации.

Когдаходишь в ритм, все идет как надо: пять тысяч слов «Little Boy Lost» («Потерялся мальчик») были написаны за один присест, всего за четыре часа, настолько чисто, что ему даже не пришлось перепечатывать рукопись. «Post» тут же ее купил, но редактор посчитал, что нужно оживить название, и опубликовал рассказ как «Темные ямы Луны» — название, которое практически не имело отношения к «Истории», но зато говорило читателям, что это научная фантастика. Когда Хайнлайн подбирал рассказы для сборника «„Зеленые холмы Земли“ и другие истории», он сохранил название, под которым рассказ приобрел известность, и название «Потерялся мальчик» было утрачено навсегда.

КАК ЗДОРОВО ВЕРНУТЬСЯ!

— Скорей, Аллан!

Домой, снова на Землю! Сердце ее бешено колотилось.

— Одну минутку!

Она стрелой выскочила из комнаты, а муж замешкался, в последний раз проверяя, не забыто ли что-нибудь важное в опустевшей квартире. Из-за высоких грузовых тарифов на линии Луна—Земля отправлять багаж ракетой было чистым безумием, и они распродали все, кроме тех мелочей, которые уместились в рюкзаке. Убедившись, что ничего не забыто, он двинулся к лифту, где его уже поджидала жена. Они поднялись на административный этаж и подошли к двери с табличкой:

ЖИЛИЩНЫЙ ОТДЕЛ ЛУНА-СИТИ

Управляющая Анна Стоун

Мисс Стоун угрюмо приняла ключи от квартиры:

— Мистер и миссис Макрей, вы и в самом деле нас покидаете?

Джозефина вмиг ошетибилась:

— А вы считали, что мы передумаем?

Управляющая пожала плечами:

— Ну, я еще три года назад по вашим жалобам поняла, что вы уедете.

— По моим жа... Мисс Стоун, я не меньше других терпела все эти дикие неудобства в нашем... в вашем перенаселенном крольчатнике. Я не хотела бы обвинять лично вас, но ведь...

— Полегче, Джо! — одернул ее муж.

Джозефина покраснела:

— Извините, мисс Стоун.

— Пустяки. Мы просто по-разному смотрим на вещи. Я-то была здесь еще в те времена, когда весь Луна-Сити состоял из трех герметичных барakov, соединенных туннелями, по которым приходилось ползать на четвереньках. — Мисс Стоун протянула супругам крепкую руку. — Что ж, землеройки, будьте счастливы, от всей души вам этого желаю! Огня в дюзы, счастливого пути и благополучной посадки!

В лифте Джозефина пробормотала:

— Землеройки, вот еще! Только потому, что мы предпочитаем нашу родную планету, где можно, по крайней мере, дышать свежим воздухом.

— Но ты ведь и сама употребляешь это словечко, — заметил Аллан.

— Да, когда говорю о людях, вообще не покидавших Земли.

— Мы с тобой тоже не раз говорили, что если бы обладали достаточным здравым смыслом, то никогда не покинули бы Землю. В душе мы с тобой землеройки, Джо.

— Да, но... Ах, Аллан, ты просто невыносим. Ведь это счастливейший день в моей жизни! Ты не рад вернуться домой? Неужели не рад?

— Конечно рад. Это же так здорово — вернуться! Верховая езда... Горные лыжи...

— И опера. Настоящая, живая опера! Аллан, поживем недельку-другую на Манхэттене, прежде чем уехать в деревню?

— Вот те раз! А я-то думал, что ты жаждешь ощутить дождевые капли на лице.

— Хочу! Страшно хочу! Хочу многого, и немедленно. Ах, милый, правда, похоже, что мы из тюрьмы выходим на волю?

Она прильнула к мужу. Когда лифт остановился, он разжал объятия:

— И перестань реветь.

— Аллан, ты ужасен, — сказала она мечтательно. — Я так счастлива!

Им пришлось немного задержаться на этаже, где находились отделения банков. Клерк из Национального городского банка уже приготовил их аккредитивы.

— А-а, домой едете? Распишитесь здесь и приложите палец. Завидую вам: охота, рыбная ловля...

— Предпочитаю серфинг и парусный спорт.

— Ая, — сказала Джо, — хочу просто поваляться на зеленой травке и посмотреть на голубое небо.

Клерк кивнул:

— Вполне понимаю вас. Тут ведь ничего подобного и в помине нет. Желаю приятного отдыха. На три месяца едете или на шесть?

— Мы больше не вернемся, — твердо сказал Аллан. — Три года прожили, как рыбы в аквариуме, хватит.

— Ах так. — Клерк уткнулся в лежавшие перед ним бумаги и с дежурной вежливостью добавил: — Что ж, огня в дюзы!

— Спасибо.

Они поднялись на последний подземный этаж и встали на самодвижущуюся дорожку, ведущую к космопорту. В одном месте туннель выходил на поверхность и дорожка бежала внутри герметичного перехода. В смотровое окошко, обращенное на запад, была видна поверхность Луны, а за холмами — Земля.

Вид ее, огромной, зеленой и щедрой, на фоне черного лунного неба и суровых немигающих звезд, вызвал на глазах Джо слезы. Дом! Эта прекрасная планета принадлежит ей! Аллан рассматривал Землю с меньшими эмоциями: он пытался определить гринвичское время. Восходящее Солнце как раз коснулось своими лучами Южной Америки. Должно быть, восемь двадцать, надо поторапливаться.

Они сошли с дорожки и попали в объятия друзей, пришедших их проводить.

— Эй, копуши, где вы там пропадаете? «Гремлин» отправляется через семь минут!

— А мы на нем не летим, — ответил Макрей. — Можно не спешить.

— Как не летите? Вы что, передумали?!

Джозефина рассмеялась:

— Да нет, просто мы взяли билеты на экспресс. Поме-
няли одни на другие. Так что у нас еще минут двадцать в за-
пасе.

— Вот как! Парочка богатых туристов, а?

— Ну, разница в цене невелика, зато избежим двух пере-
садок и не будем болтаться в космосе целую неделю вместо
двух дней. — Джо многозначительно потеряла оголенную по-
ясницу.

— Она плохо переносит невесомость, Джек, — объяснил
Аллан.

— Я и сам ее плохо переношу, всю дорогу мучился. И все
же не думаю, что вам будет очень худо, Джо: на Луне вы уже
достаточно привыкли к слабому тяготению.

— Может быть, — согласилась она, — но все же боль-
шая разница: одна шестая земной гравитации или совсем
никакой.

В разговор вступила жена Джека Крейла:

— Джозефина Макрей, вы что, захотели рисковать жиз-
нью, летя в ракете с атомным двигателем?

— А что в этом такого, дорогая? Вы же работаете в атом-
ной лаборатории.

— Ну! В лаборатории мы соблюдаем все меры предо-
сторожности. Торговой палате следовало бы запретить эти
экспрессы. Может быть, я и старомодна, но я-то вернусь так
же, как и приехала сюда: через Терминал и Супра-Нью-
Йорк, на старой доброй — и надежной — химической ракете.

— Не запугивай ее, Эмма, — возразил Крейл, — техни-
ческие дефекты на этих ракетах уже устранены.

— Не все. Я бы...

— Не важно, — перебил ее Аллан, — все решено, пора на
стартовую площадку. Прощайте, друзья! Спасибо, что про-
водили. Рады были с вами познакомиться. Если вернетесь
в наши богоспасаемые края, обязательно навестите нас.

— До свидания, ребята!

— До свидания, Джо! До свидания, Аллан.

— Привет Бродвею!

— Пока! И непременно пишите!

— До свидания!

— Алоха!¹ Огня в дюзы!

Они предъявили билеты, вошли в шлюз и забрались в стоявший там вагончик скоростной дороги, соединявшей Лейпорт со стартовой площадкой.

— Держитесь, ребята! — бросил через плечо водитель.

Они поспешно уселись на мягкие сиденья. Шлюз открылся: туннель впереди был лишен воздуха. Через пять минут Аллан и Джо уже вылезали из вагончика в двадцати милях от порта, за холмами, которые покрывали крышу Луна-Сити, защищая город от всплесков радиации экспресс-кораблей.

На «Ястребе» они попали в одно купе с семьей миссионера. Достопочтенный доктор Симмонс счел нужным объяснить, почему он путешествует в такой роскоши.

— Все из-за ребенка, — говорил он, пока его жена привязывала девочку к маленькому противоперегрузочному креслицу, укрепленному тяжами между креслами родителей, — она никогда не бывала в космосе, вот мы и решили не рисковать ее здоровьем.

При звуке сигнальной сирены все застегнули ремни. Сердце Джо забилося еще сильнее. Наконец... наконец-то!

Заработали двигатели, вжимая их в подушки. Джо и не подозревала, что можно чувствовать себя такой тяжелой. Ей было хуже, куда хуже, чем на пути сюда с Земли. Все время, пока ракета набирала скорость, ребенок громко рыдал от ужаса и непривычных ощущений.

Казалось, прошло бесконечно долгое время, прежде чем корабль перешел в свободный полет и они оказались в невесомости. Когда исчезло отвратительное ощущение огромной тяжести, сдавившей ее грудь, Джо почувствовала, что сердцу стало так же легко, как и телу. Аллан отстегнул верхний ремень, стягивавший грудь, и сел:

— Как ты, малышка?

¹ Пока! (гавайск.) — Примеч. С. В. Голд.

— Прекрасно. — Джо тоже отстегнула ремень и обернулась к нему. Потом она икнула. — Ох нет, совсем не прекрасно.

Минут через пять у нее уже не было никаких сомнений в характере своих ощущений: ей хотелось только одного — умереть. Аллан выплыл из каюты и вызвал корабельного врача, который сделал ей укол. Аллан подождал, пока действует наркотик, а потом отправился разыскивать буфет, чтобы испробовать собственное средство от космической болезни — микстуру Мазерсилла от тошноты, смешанную пополам с шампанским. К сожалению, ему пришлось убедиться, что эти великолепные порознь средства на него не действуют. Может, не надо было их смешивать?

У маленькой Глории Симмонс космической болезни не было. Вскоре она обнаружила, что невесомость очень забавна, и упруго, точно воздушный шарик, отскакивала от потолка, пола и переборок. Ослабевшая Джо раздумывала, не удалить ли девочку, когда та будет проплывать мимо, но это потребовало бы слишком больших усилий.

Торможение, хотя и превратило их вновь в неподвижные бревна, было все же огромным облегчением после тошнотворной невесомости. Для всех, кроме Глории. Она снова плакала от страха и боли. Мать что-то пыталась ей объяснить, отец молился.

После долгого-долгого ожидания они ощутили резкий толчок, завывла сирена. Джо с трудом подняла голову:

— Что это? Авария?

— Не думаю. Кажется, мы приземлились.

— Не может быть! Мы продолжаем тормозить — я же тяжелая, как свинец.

Аллан слабо улыбнулся:

— Я тоже. Земное притяжение. Забыла?

Ребенок продолжал плакать.

Они распрощались с семьей миссионера еще на корабле, так как миссис Симмонс решила подождать стюардессу из космопорта. Супруги Макрей, поддерживая друг друга, с трудом выбрались из ракеты.

— Не может быть, что это только сила тяжести, — негодовала Джо. Ей казалось, будто ноги вязнут в зыбучем песке. — Я же прошла специальный курс адаптации к земному притяжению на центрифуге там, у нас дома, то есть, я хотела сказать, в Луна-Сити. Наверное, мы просто ослабели от космической болезни.

Аллан с трудом распрямился:

— Ты права. Мы же два дня ничего не ели.

— Аллан, разве ты тоже не ел?

— Нет. Или скажем так: ничего не мог проглотить *надолго*. Ты голодна?

— Просто умираю от голода.

— Как насчет обеда в бифштексной у Кина?

— Чудесно. Ой, Аллан, мы ведь и вправду вернулись! — У нее в глазах опять блеснули слезы.

С Симмонсами они встретились снова, когда, перелетев через долину Гудзона в вагончике скоростной дороги, вышли на Большом центральном вокзале. Пока они ожидали багаж, Джо увидела достопочтенного пастора, который грузно выбирался из соседнего вагончика. На руках он держал Глорию. Жена шла следом. Симмонс осторожно опустил девочку на перрон. Глория с минуту постояла на дрожащих толстеньких ножках, потом шлепнулась наземь. Так она и лежала, тоненько всхлипывая. Какой-то космонавт — судя по форме, пилот — остановился и с жалостью посмотрел на ребенка.

— На Луне родилась? — спросил он.

— Да, конечно, сэр. — Несмотря на все неприятности, Симмонс был чрезвычайно обходителен.

— Возьмите ее на руки. Ей снова придется учиться ходить.

Космонавт печально покачал головой и ушел. Симмонс постоял с озабоченным видом, потом, не обращая внимания на грязь, сел на пол возле ребенка.

Джо была слишком слаба, чтобы попытаться помочь Симмонсам. Она огляделась, ища Аллана, но тот был занят: прибыл рюкзак, который поставили прямо к его ногам. Аллан попробовал поднять его и почувствовал себя глупо.

Казалось, кто-то пригвоздил рюкзак к полу. А ведь Аллан прекрасно знал, что там нет ничего, кроме цветных и черно-белых микрофильмов, нескольких сувениров, туалетных принадлежностей и других мелочей — всего фунтов пятьдесят. *Не мог* этот рюкзак быть таким тяжелым, просто не мог. И все же это было так. Аллан забыл, что такое пятьдесят фунтов на Земле.

— Носильщика, мистер? — обратился к Аллану шуплый седой старичок и подхватил рюкзак, словно перышко.

Аллан крикнул:

— Пошли, Джо! — и двинулся за старичком, чувствуя себя весьма неловко.

Носильщик замедлил шаг, принаравливаясь к тяжелой поступи Аллана:

— Вы что, с Луны?

— Да.

— Есть где остановиться?

— Нет.

— Ладно, придется вам помочь. Один мой приятель работает портье в «Коммодоре»...

Носильщик довел их до полотна самодвижущейся дороги в Конкорс, а затем до гостиницы. Они были слишком измотаны, чтобы идти куда-нибудь обедать, и Аллан заказал обед в номер. Джо уснула прямо в горячей ванне, и ее удалось извлечь оттуда с большим трудом: никак не хотела расстаться с приятным ощущением потери веса в воде. Аллан еле-еле убедил жену, что мягкий поролоновый матрац обладает почти такими же достоинствами. Спать они легли рано.

Около четырех утра Джо пробудилась от тревожного сна.

— Аллан, Аллан!

— Мм? Что случилось? — Он протянул руку к выключателю.

— Да ничего особенного. Просто мне приснилось, что я опять в ракете, двигатели работают... Аллан, отчего здесь так душно? У меня ужасно болит голова.

— А? Не должно быть душно, у нас ведь номер с кондиционером. — Аллан пошмыгал носом. — Что-то и у меня голова побаливает, — признался он.

— Ну так открой окно.

Он сполз с кровати. Едва лишь холодный наружный воздух проник в комнату, Аллан задрожал и быстро юркнул под одеяло. Он еще не успел заснуть, размышляя, можно ли вообще спать под городской шум, врывающийся в открытое окно, как жена снова позвала его:

— Аллан!

— Ну? Что еще?

— Дорогой, мне холодно. Можно, я переберусь к тебе?

— Конечно.

В окно струился теплый и мягкий свет. Когда солнечный зайчик коснулся век Аллана, он открыл глаза. Жена тоже проснулась. Она вздохнула и прижалась к нему:

— Ой, милый, погляди-ка! Голубое небо — мы дома! Я и забыла, какое оно чудесное.

— А ведь здорово вернуться! Как ты себя чувствуешь?

— Гораздо лучше. А ты?

— Великолепно. — Он откинул одеяло.

Она взвизгнула и натянула одеяло на себя.

— Больше так не делай!

— А?

— Пусть мальчик встанет и закроет окно, а его девочка еще понежится в постельке.

— Ладно.

Аллан двигался куда легче, чем накануне, но лежать в кровати все-таки было приятнее. Он повернулся к телефону и попросил:

— Отдел обслуживания.

— Что вам угодно заказать? — приятным контрольным тоном ответил телефон.

— Апельсиновый сок и кофе на двоих, яичницу из шести яиц — не слишком прожаренную, тосты из хлеба грубого помола. И пришлите «Таймс» и «Сатердей ивнинг пост».

— Через десять минут будет исполнено.

— Спасибо.

Подающее устройство загудело, когда он еще брлся. Аллан взял поднос и подал Джо завтрак в постель. Поев, он отложил газету и сказал:

— Оторви-ка на минуту нос от своего журнала.
— С удовольствием. Он чертовски большой и тяжелый, чтобы держать его в руках.

— А ты бы выписала облегченное издание из Луна-Сити. И обойдется-то всего в восемь-девять раз дороже...

— Не дури. Ну, что ты задумал?

— Как насчет того, чтобы выбраться из нашего затхлого гнездышка и отправиться покупать одежду?

— О-о-ох... Нет, не пойду я на улицу одетая по лунной моде!

— Боишься, что станут глазеть? Ты что, стала на старости лет пуританкой?

— Нет, я просто не желаю выходить на улицу всего-навсего в куске нейлона и паре сандалий. Для начала мне нужна теплая одежда. — И она еще уютнее завернулась в одеяло.

— Настоящая женщина-первопроходец! Собираешься вызвать портного в номер?

— Мы не можем себе этого позволить. Слушай, ты же все равно собрался идти. Купи мне там любую тряпку, лишь бы теплая была.

Макрей заупрямился:

— Пробовал я уже для тебя покупать...

— Ну пожалуйста, в последний раз... Зайди к Сэку и купи синее джерси для улицы, десятый размер. И пару чулок.

— Ну... хорошо.

— Вот и молодец. А я тут бездельничать не буду: вон какой длиннющий список людей, с которыми я должна встретиться, посидеть в кафе.

Сначала Аллан отправился купить одежду для себя. Привычные ковбойка и шорты грели не лучше соломенной шляпы в зимнюю вьюгу. Хотя в действительности было совсем не холодно. Солнце дарило приятное тепло, но человеку, привыкшему к постоянной температуре не ниже семидесяти по Фаренгейту, погода казалась холодной. Аллан всячески старался либо подольше оставаться в метро, либо идти по той стороне Пятой авеню, которая была защищена крышей.

Аллан подозревал, что продавец всучил ему завалящий костюм и что он выглядит в нем деревенщиной. Костюм,

правда, согревал, но и весил изрядно, к тому же он стягивал грудь и стеснял движения. Интересно, думал Аллан, долго ли еще придется мучиться, пока снова обретишь земную походку?

Заботливая продавщица выполнила заказ Джо и, кроме того, подобрала для нее теплую пелеринку. Аллан отправился домой, согнувшись под тяжестью пакетов. Тщетно он пытался поймать такси. По-видимому, спешили все, а не он один. Один раз его чуть не сбил с ног какой-то мальчишка лет тринадцати-четырнадцати. Мальчишка крикнул: «Разуй глаза, дед!» — и скрылся прежде, чем Аллан подобрал подходящий ответ.

Когда он вернулся, все у него ныло и он мечтал о горячей ванне. Принять ванну не удалось: у Джо сидела гостья.

— Миссис Эпплби, это мой муж. Аллан, это матушка Эммы Крейл.

— Как поживаете, доктор... Или... Как лучше сказать — профессор?

— Лучше просто мистер.

— Когда я узнала, что вы в городе, я чуть не сгорела от нетерпения, так хотелось поскорее услышать о моей драгоценной девочке... Как ей там живется? Похудела? Хорошо ли выглядит? Уж эти мне современные девицы... Я всегда втолковывала ей, что надо побольше гулять. Сама я ежедневно совершаю променады в парке — вы только посмотрите на меня. Она прислала свою фотографию, — кажется, я ее захватила с собой. На ней она выглядит совсем плохо — наверно, неважно питается. Эта синтетическая пища...

— Не ест она синтетической пищи, миссис Эпплби.

— ...Должно быть, малопитательна, не говоря уже о вкусе. Что вы сказали?

— Ваша дочь питается вовсе не синтетической пищей, — повторил Аллан. — Свежие фрукты и овощи — это чуть ли не единственное, чего у нас в Луна-Сити в избытке. Понимаете, растения кондиционируют...

— Вот я об этом и толкую. Признаться, не понимаю, как это вы там у себя, на Луне, получаете пищу из кондиционеров...

— В Луне, миссис Эпплби.

— ...Но она не может быть здоровой. Наш кондиционер дома вечно ломается, и из него идут такие ужасные запахи, просто невыносимо, мои дорогие. И вы думаете, что они могут сделать такую простую маленькую машинку, как кондиционер, чтобы... Хотя, конечно, если вы хотите, чтобы она еще изготавливала синтетическую пищу...

— Миссис Эпплби...

— Да, доктор? Вы что-то хотели сказать? Лично я...

— Миссис Эпплби, — с отчаянием заговорил Макрей, — кондиционирование воздуха в Луна-Сити выполняет гидропонная ферма. Это резервуары для выращивания растений. Там масса зелени. Растения извлекают из воздуха углекислоту и обогащают его кислородом.

— Но... вы в этом уверены? Помнится, Эмма говорила...

— Совершенно уверен.

— Ну-ну... Я не претендую на понимание подобных вещей, я ведь натура художественная, как частенько говаривал мой бедный Герберт. Герберт — это отец Эммы, он был всецело поглощен техникой, хотя я и настаивала, чтобы он слушал хорошую музыку и просматривал обзоры лучших книг. Боюсь, что Эмма пошла по стопам отца. Я просто мечтаю, чтобы она бросила свою дурацкую работу. Неподходящее это дело для женщины — как вы считаете, миссис Макрей? Все эти атомы и нейтроны и прочие штуки, которые летают вокруг нас в воздухе. Я читала о них в разделе «Популярная наука» в журнале...

— Она хорошо в этом разбирается, и, похоже, ей это нравится.

— Ну разумеется, так и должно быть. Это важно — получать удовольствие от своей работы, независимо от того, насколько она дурацкая... И все же я беспокоюсь о девочке — похоронить себя вдали от цивилизации! Поговорить не с кем, ни театров, ни культурной жизни, ни общества...

— В Луна-Сити демонстрируются стереокопии каждого бродвейского спектакля, имеющего успех. — В голосе Джо зазвучали резкие нотки.

— О-о? В самом деле? Но ведь это совсем не то, что пойти в театр, моя дорогая, там же общество изысканных людей. Вот когда я была девушкой, мои родители...

Аллан, позабыв о всяком приличии, сказал:

— Уже час. Ты обедала, родная?

Миссис Эпплби резко выпрямилась в кресле:

— О боже! Пора бежать. Мой модельер — такая тиранка, но она гениальна, надо будет дать вам ее адрес. Вы были очаровательно любезны, мои дорогие, и я вам бесконечно благодарна за рассказ о моей бедняжке. Как бы мне хотелось, чтобы она оказалась такой же благоразумной, как вы. Она ведь знает, что я всегда готова приютить ее... да и ее мужа, если уж на то пошло. Заходите ко мне почаще. Обожаю разговаривать с людьми, которые побывали на Луне...

— В Луне.

— Это так сближает меня с моей милой крошкой. До свидания, до свидания.

Когда дверь за ней закрылась, Джо сказала:

— Аллан, мне необходимо глотнуть чего-нибудь покрепче.

— Мне тоже.

Поход по магазинам Джо пришлось сократить до минимума — он оказался слишком утомительным. В четыре часа они уже катились по дорожке Центрального парка, наслаждаясь красотой осеннего пейзажа под ленивое цоканье лошадиных копыт. Вертолеты, голуби и перистая полоса в небе, оставленная ракетой «Антиподс», придавали парку идиллическую прелесть и безмятежность. Джо проглотила подступивший к горлу комок и прошептала:

— Аллан, разве это не прекрасно?

— Да, конечно. Как все-таки здорово вернуться! Кстати, ты заметила, что Сорок вторую улицу опять всю разрыли?

Вернувшись в номер, Джо рухнула на кровать, а Аллан немедленно скинул туфли. Сев в кресло и растирая ноющие ноги, он сказал:

— Весь вечер буду ходить босиком. Господи, как болят ноги!

— И у меня. Но мы же собирались к твоему отцу, милый.

— Что-о-о? Вот черт, я и забыл. Джо, нет, ты просто с ума сошла! Позвони и договорись на другой вечер. Мы же совсем выдохлись.

— Но, Аллан, он ведь приглашал кучу твоих друзей!

— Чушь собачья! Нет у меня в Нью-Йорке никаких друзей! Договорись на ту неделю.

— На ту? Гм... Слушай, Аллан, давай-ка лучше сразу уедем в деревню.

У Джо был крошечный клочок земли в Коннектикуте — старая заброшенная ферма, оставленная ей родителями.

— А я-то думал, что тебе хочется недельки две походить по театрам и концертам. С чего вдруг такая спешка?

— Сейчас покажу. — Она подошла к окну, которое не закрывалось с самого полудня. — Погляди-ка на подоконник. — И она нарисовала на слое сажи свои инициалы. — Аллан, в этом городе столько грязи!

— Было бы странно, если бы девять миллионов людей не поднимали пыль.

— Но всю эту грязь мы вдыхаем в легкие! Почему здесь не соблюдаются законы по борьбе со смогом?

— Это не смог, а обычная городская грязь.

— Луна-Сити никогда не был таким грязным! Там можно носить одно и то же белое платье, пока оно не надоест. Здесь его и на день не хватит.

— Над Манхэттеном нет крыши, а фильтры стоят не во всех воздуховодах.

— В том-то и дело. Я тут или мерзну, или задыхаюсь.

— А мне казалось, что ты мечтаешь почувствовать капли дождя на своем лице!

— Не будь занудой. Я и теперь хочу того же, но только на свежем воздухе и среди зелени.

— Ладно. Мне это тоже по душе: пора уже заняться своей книгой. Я поговорю с твоим агентом по недвижимости.

— Я уже говорила с ним сегодня утром по телефону. Мы можем ехать в деревню когда угодно. Он начал там наводить порядок сразу, как получил мое письмо.

В тот вечер в доме отца Аллана ужинали а-ля фуршет, но Джо сейчас же уселась и попросила принести ей еду. Аллан тоже с удовольствием присел бы, но положение почетного гостя обязывало его провести весь прием на ногах. Возле буфета его поймал отец и ухватил за пуговицу:

— Попробуй-ка эту гусиную печенку, сынок. Полагаю, после диеты из зеленого сыра¹ она покажется тебе чудесной.

Аллан согласился, что печенка великолепна.

— Ну, сынок, а теперь ты должен рассказать гостям о своей поездке.

— Никаких речей, папа! Пусть они читают «Нэшнл джио-грэфик».

— Чепуха! — Отец повернулся к гостям. — Внимание, сейчас Аллан расскажет нам о жизни лунатиков!

Аллан закусил губу. Конечно, жители Луна-Сити именно так называли друг друга, но здесь это слово звучало совсем иначе.

— Да мне и говорить не о чем. Лучше продолжайте ужинать.

— Рассказывай, а мы будем закусывать!

— Расскажи нам о городе лунатиков!

— Ты видел Лунного Человека?

— Давай, Аллан, загни-ка нам про жизнь на Луне!

— Да не на Луне, а *в* Луне.

— Какая разница?

— Наверно, никакой. — Он колебался: действительно, объяснить, почему лунные колонисты так подчеркивали, что живут внутри земного спутника, было трудно, но манера говорить «на Луне» раздражала его так же, как слово «Фриско» раздражает жителей Сан-Франциско. — «В Луне» — просто мы так говорим. На поверхности мы проводим очень мало времени, разве что персонал Ричардсоновской обсерватории, изыскатели и так далее. Жилые кварталы, разумеется, расположены под поверхностью.

— Бойтесь метеоритов, что ли?

¹ Примерно с XVI века в английской традиции считается, что Луна сделана из зеленого сыра. — *Примеч. С. В. Голд.*

— Не больше, чем вы — молнии. Мы зарываемся в грунт, чтобы защититься от жары и холода и потому что так проще загерметизировать здания. И то и другое проще и дешевле под землей. Проходка горных пород не так уж трудна, а разные полости играют роль вакуума в термосе, в этих трещинах ведь и вправду вакуум.

— Но, мистер Макрей, — спросила очень серьезная дама, — неужели у вас не болят уши оттого, что вы живете под давлением?

Аллан обвел комнату рукой:

— Здесь точно такое же давление, как и там, — пятнадцать фунтов.

Дама была сбита с толку, но быстро нашлась:

— Возможно, вы и правы, хотя этому и трудно поверить. И все же я бы не могла жить замурованной в пещере. А вдруг произойдет взрыв из-за разницы в давлении?

— Поддерживать пятнадцать футов на квадратный дюйм — это пустяки. Инженеры обычно работают с давлением в тысячи фунтов на квадратный дюйм. Кроме того, Луна-Сити подобно кораблям состоит из множества отсеков. Это гарантирует безопасность. Живут же голландцы под защитой плотин, есть дамбы и в низовьях Миссисипи. Метро, океанские лайнеры, самолеты — все это искусственная среда для обитания человека. Луна-Сити кажется вам странным только потому, что до него далеко.

Дама передернула плечами:

— И все равно меня это пугает.

Какой-то весьма самоуверенный человечек протолкался вперед:

— Мистер Макрей, даже если допустить, что вся эта затея имеет значение для науки и так далее, то зачем нам тратить деньги налогоплательщиков на содержание колонии на Луне?

— Полагаю, что вы сами уже ответили на этот вопрос, — сдержанно сказал Аллан.

— А вы чем это оправдываете? Ответьте, сэр!

— Это не требует оправданий. Лунная колония уже многократно окупилась. Все лунные предприятия приносят

доходы своим акционерам: и «Шахты Артемиды», и «Спейсуэйс», и «Спейсуэйс провижен корпорейшн», и «Диана рекреэйшнз», и Компания исследований в области электроники, и Лунные биологические лаборатории, не говоря уже о лабораториях Резерфорда, — можете поинтересоваться. Согласен, Программа космических исследований иногда пощипывает налогоплательщиков, поскольку является объединенным владением правительства и Треста Гарримана.

— Ах, так вы признаетесь в этом! Значит, ты признаешь это? Это принципиальный вопрос.

У Аллана невыносимо горели ноги.

— Принцип, принцип! Есть только один принцип: научные работы всегда окупались.

Он повернулся спиной к собеседнику и положил себе еще гусиной печени. Кто-то тронул его за плечо. Аллан узнал старого школьного друга.

— Аллан, старик, ты здорово отбрил старину Битла, поздравляю. Так ему и надо: он ведь, кажется, радикал.

Аллан улыбнулся:

— Все же не следовало выходить из себя.

— Ты его хорошо отделал. Слушай, Аллан, завтра вечером я собираюсь совершить экскурсию с парочкой приезжих клиентов по значным местам. Поехали, а?

— Спасибо, но мы уезжаем в деревню.

— О, тебе не стоит пропускать эту вечеринку. Ты так долго хоронил себя в Луне, что теперь стоит немного расслабиться после всей этой скуки смертной.

Аллан почувствовал, что краснеет.

— Спасибо за предложение, но... ты видел когда-нибудь зал с видом на Землю отеля «Лунная гавань»?

— Нет. Собираюсь съездить. Разумеется, когда разбогатею.

— Вот это настоящий ночной клуб. Видел ты когда-нибудь, как танцовщица взмывает на тридцать футов и медленно опускается, кружась в воздухе? Пробовал коктейль «Лунатизм»? Видел, как работают жонглеры при малой силе тяжести?.. — Аллан встретился взглядом с глазами Джо, сидевшей в другом конце комнаты. — Э-э-э... прости, старик,

жена зовет. — Он отвернулся от приятеля, а затем бросил через плечо: — Кстати, «Лунная гавань» — не ночлежка для космонавтов, а вполне респектабельный «звездочный» отель. Он даже занесен в каталог «Дункан Хайнес ассошиэйшен».

Джо была бледна.

— Милый, уведи меня. Задыхаюсь. Совсем расклеилась.

— Пошли.

Они извинились и уехали.

Утром Джо проснулась с сильным насморком, и для поездки в деревню пришлось взять воздушное такси. Под ними плыли низкие облака, но над облачной пеленой сияло солнце. Яркое солнце и усыпляющий рокот моторов вновь наполнили их радостью.

Аллан нарушил мечтательное молчание:

— Забавно, Джо! Меня ни за какие коврижки не заманить обратно на Луну, но вчера я поймал себя на том, что стоит лишь раскрыть рот — и я яростно защищаю лунарей.

Она кивнула:

— Я тебя понимаю. Честное слово, Аллан, некоторые ведут себя так, будто Земля плоская. Одни из них просто ничему не верят, а другие так ограничены, что ничего не понимают. Не знаю, кто меня больше бесит.

Стоял легкий туман, когда они приземлились. Домик встретил их уютом. Агент Джо к приезду хозяев разжег камин и набил холодильник всякой снедью. Через десять минут после посадки они уже пили горячий пунш и наслаждались покоем и теплом.

— Ну вот, — сказал, сладко потягиваясь, Аллан, — все в порядке. И в самом деле, как здорово вернуться!

— Ага. Все, кроме шоссе.

Новая скоростная автомагистраль теперь проходила в пятидесяти ярдах от их домика, и рев мощных дизелей, одолевających подъем, был слышен великолепно.

— Да забудь ты об этом шоссе. Повернись к нему спиной и смотри на лес.

Они уже настолько привыкли к ходьбе, что могли наслаждаться короткими прогулками по лесу. Им повезло: сто-

яло теплое бабье лето. Уборщица попалась молчаливая и аккуратная. Аллан разбирал материалы трехлетних исследований, готовясь приступить к своей книге. Джо помогала ему с расчетами, снова привыкала к стряпне, спала и отдыхала.

В день, когда засорился туалет, ударили первые заморозки.

Они обратились к деревенскому сантехнику, который пообещал заглянуть на следующий день. Пока же пришлось прибегнуть к маленькому уютному строению — реликту древних времен, стоявшему за поленницей. Там жили полчища пауков, и он слишком хорошо проветривался.

Сантехник их не порадовал:

— Новый унитаз. Новую трубу. Стоит сменить и остальную арматуру. Пятнадцать-шестнадцать сотен долларов. По предварительному подсчету.

— Хорошо, — сказал Аллан, — начнете сегодня же?

Водопроводчик расхохотался:

— Я вижу, мистер, вам невдомек, как трудно в наше время раздобыть материалы и рабочих. Только весной, когда земля оттает.

— Это невозможно, друг. Во сколько бы ни обошлось, делайте сейчас.

Местный житель пожал плечами:

— Ничем не могу быть полезен. Хорошего дня.

Когда он ушел, Джо взорвалась:

— Аллан, он просто не хотел нам помочь!

— Что ж, возможно. Вызову кого-нибудь из Норуолка¹ или даже из Сити. Не можем же мы всю зиму бегать по снегу в эту избушку.

— Очень надеюсь, что не придется.

— Конечно нет. Ты и так уже один раз простудилась. — Аллан мрачно уставился на огонь. — Боюсь, что это я сам виноват и мое чувство юмора.

— Как так?

— Ну, ты же знаешь, все стали подсмеиваться над нами, когда пронюхали, что мы с Луны. Я не особо обращал вни-

¹ *Норуолк* — пригород Нью-Йорка. — *Примеч. С. В. Голд.*

мание, но некоторые меня сильно раздражали. Помнишь, на прошлой неделе я ходил в деревню?

— Что же случилось?

— Они взяли меня в оборот в парикмахерской. Сначала я и ухом не повел, а потом что-то во мне разыграло. Начал я им рассказывать про Луну. Вспомнил бородатые анекдоты про вакуумных червей, про окаменелый воздух. До них не сразу дошло, что я их дурачу, а когда дошло, все обозлились. Наш друг — специалист по сануздам — был в той же компании. Мне очень жаль, малышка.

— Ничего. — Джо поцеловала мужа. — Если мне придется пробираться в туалет по снегу, то сознание, что ты хоть немного отыгрался на них, будет меня согревать.

Сантехник из Норуолка оказался более деятельным, но дождь и последовавший затем мокрый снег сильно задержали работу. Аллан и Джо простудились. На девятый день после аварии Аллан сидел за письменным столом, когда услышал, как Джо вошла в заднюю дверь. Она вернулась из похода по магазинам. Он продолжал трудиться, но вскоре спохватился, что жена так и не появилась в комнате со своим обычным «Привет!», и отправился выяснять, что случилось. Джо, сидя на кухонной табуретке, тихонько плакала.

— Милая, — сказал он настойчиво, — родная моя, что случилось?

Она подняла глаза:

— Тебе лучше не знать.

— Высморкайся. Теперь вытри глаза. Чего это мне лучше не знать? Что произошло?

Она заговорила, отмечая знаки препинания взмахами носового платка. Сначала лавочник сказал, что у него нет губок для мытья посуды. Потом, когда она ему на них показала, он стал уверять, что эти губки уже проданы. Наконец он прошелся по адресу тех, кто «приглашает в деревню чужих рабочих и отбивает хлеб у честных людей». Джо разозлилась и напомнила эпизод в парикмахерской. Лавочник стал еще суровее.

— «Леди, — сказал он мне, — не знаю, были ли вы с мужем на Луне или нет. Меня это не интересует, как и ваши деньги». Ох, Аллан, как мне плохо!

— Ну, сейчас ему станет куда хуже, чем тебе! Где шляпа?

— Аллан, никуда я тебя не пушу! Не хватало еще, чтобы ты ввязался в драку.

— Я не позволю ему издеваться над тобой!

— У него не будет такой возможности. Ох, милый, я так старалась делать вид, что все в порядке, но больше не могу. Я не могу здесь больше оставаться. И не только из-за лавочника, а из-за холода, тараканов и постоянного насморка. Я так измучилась. И ноги все время болят... — Она опять заплакала.

— Не плачь! Мы уедем отсюда, милая. Поедем во Флориду. Я буду дописывать книгу, а ты — загорать на солнце.

— Не хочу во Флориду! Я домой хочу!

— Что? Ты имеешь в виду — в Луна-Сити?

— Да! О боже, я знаю, что ты не хочешь, но я не могу выносить всего этого. И не в грязи дело, и не в холоде, и не в этом идиотском сортире, а в том, что здесь нас никто не принимает. В Нью-Йорке было не лучше. Эти землеройки ничего не понимают!

Он улыбнулся:

— Продолжай, продолжай, детка, мы с тобой на одной волне.

— Аллан!

Он кивнул:

— Я уже давно понял, что в глубине души — лунарь, но боялся тебе сказать. Мои ноги тоже болят — и я чертовски устал оттого, что со мной обращаются как с уродом. Я пытался быть терпимым, но, оказывается, терпеть не могу землероек. Я скучаю по людям старой доброй Луны. Они цивилизованные.

Она закивала головой:

— Может, это предубеждение, но у меня такие же ощущения.

— Это не предубеждение. Будем говорить прямо. Что надо, чтобы попасть в Луна-Сити?

— Билет.

— Господи, да я же не о туристской поездке, а о том, что нужно, чтобы получить работу! Ты знаешь что — интеллект. Отправка человека на Луну стоит дорого, а содержание его там — тем более. Чтобы окупить себя, он должен обладать многими достоинствами: высоким умственным коэффициентом, хорошим индексом совместимости, отличным образованием. Все это делает человека приятным, легким в общении и интересным. Мы избалованны: тупость среднего обывателя, которой землеройки почти не замечают, мы находим невозможной, потому что лунари — *другие*. И не важно, что Луна-Сити — самый удобный город из всех, построенных человеком. Главное — люди. Поедем домой.

Он подошел к телефону, старинному аппарату, предназначенному только для передачи речи, и вызвал Нью-Йоркское отделение Фонда. Пока он ждал ответа, прижимая к уху дубиноподобную трубку, Джо спросила:

— А если нас не возьмут?

— Вот и я этого боюсь.

Они знали, что лунные компании редко соглашаются брать на работу тех, кто однажды уехал. Говорили, что повторный медосмотр проходят гораздо строже.

— Алло... Алло... Фонд? Можно соединиться с сектором набора? Алло... Да *не могу* я включить изображение, у меня настенный висячий аппарат, пережиток средних веков. Это Аллан Макрей, специалист по физической химии, контракт номер 1340729. И моя жена, Джозефина Макрей, контракт номер 1340730. Мы хотим возобновить контракты. Я говорю, хотим возобновить контракты... Ладно, подожду.

— Моли Бога, милый, моли.

— Я и молю... Как вы сказали? Мое место еще не занято? Чудесно! Чудесно! А как насчет моей жены? — Он слушал с озабоченным видом. Джо затаила дыхание. Затем он прикрыл трубку рукой. — Эй, Джо, твое место занято. Спрашивают, пойдешь ли ты временно младшим бухгалтером.

— Скажи «да»!

— Вот и прекрасно. Когда мы можем пройти испытания? Прекрасно, спасибо. До свидания. — Он повесил трубку

и повернулся к жене. — Проверка состояния здоровья и психики — когда угодно, а по специальности экзамены сдавать не надо.

— Чего же мы ждем?

— Ничего. — Он набрал номер Норуолкской вертолетной службы. — Можете доставить нас на Манхэттен? Силы господни, неужели у вас нет радара? Ладно, ладно, до свидания! — Он фыркнул. — Их вертолеты не поднимаются из-за плохой погоды. Я позвоню в Нью-Йорк и попытаюсь заказать современное такси.

Через полтора часа они уже садились на крышу башни Гарримана.

Психолог был предельно доброжелателен.

— Ладно, разделимся с проверкой психики до того, как за вас примутся терапевты. Расскажите мне о себе.

Он почти вывернул их наизнанку, время от времени покачивая головой:

— Понятно, понятно. А канализацию вам все-таки починили?

— Только что закончили.

— Сочувствую вам по поводу болей в ногах, миссис Макрей. У меня тоже они здесь ноют в подъеме. Значит, по этой причине вы и решили вернуться обратно?

— О нет!

— А по какой же, миссис Макрей?

— Честное слово, не по этой! Просто я хочу иметь дело с честными людьми, способными меня понимать. Если я чем-нибудь больна, то только тоской по дому и людям моего склада. Я хочу вернуться домой и готова взяться за любую работу, лишь бы попасть туда. Мое место на Луне, клянусь, только там.

Доктор стал необычайно серьезен:

— А что с вами, мистер Макрей?

— Да, в общем-то, почти то же самое. Пытался писать книгу, но не могу здесь работать. Тоскую по дому. Хочу вернуться.

Доктор Фельдман вдруг улыбнулся:

— Это не так уж трудно.

— Вы хотите сказать, что мы приняты?! Если выдержим проверку здоровья?

— Да бог с ней, с проверкой! Вы же проходили ее перед отправкой с Луны, данные достаточно свежие. Конечно, придется отправиться в Аризону, пройти карантин и систему адаптационных процедур. Вы, вероятно, удивлены, что такой сложный вопрос решается так легко. Но в действительности все очень просто: нам не нужны люди, которых влечет высокая зарплата. Нам нужны люди, которые будут счастливы на Луне и станут ее постоянными жителями — короче говоря, люди, считающие Луна-Сити своим домом. Теперь, когда вы получили «лунный удар», мы будем рады вашему возвращению.

Он встал и протянул руку.

Этим вечером, в том же «Коммодоре», Джо внезапно пришла в голову мысль:

— Аллан, как думаешь, мы сможем вернуть нашу квартиру?

— Ох, вот уж не знаю. Надо бы дать старушке Стоун радиogramму.

— Лучше позвони ей, Аллан. Мы можем себе это позволить.

— Идет!

Потребовалось около десяти минут, чтобы попасть на линию. Лицо мисс Стоун слегка просветлело, когда она их узнала.

— Мисс Стоун, мы возвращаемся домой!

Обычная трехсекундная задержка, потом:

— Я знаю. Телеграмма пришла минут двадцать назад.

— Ах вот как! Мисс Стоун, наша прежняя квартира свободна?

Они ждали ответа.

— Я ее попридержала. Я же знала, что вы вернетесь — через какое-то время. Добро пожаловать домой, лунари!

Когда экран погас, Джо спросила:

— Что она хотела сказать, Аллан?

— Похоже, нас приняли. Мы теперь члены ложи.

— Наверно, так... Ой, Аллан, погляди-ка!

Она подошла к окну. Ветер согнал облака и открыл Луну. Прошло три дня после новолуния, и линия восхода только-только высветила Море Плодородия — пучок волос на затылке Лунной Девы. У правого края этого огромного темного «моря» находилась крошечная точка, видимая лишь их внутреннему взору, — Луна-Сити.

Серп Луны сиял над небоскребами, безмятежный и серебристый.

— Милый, разве она не прекрасна?

— Конечно прекрасна. Будет так здорово вернуться! Не хлюпай носом!

КОММЕНТАРИЙ

Друзья Хайнлайна, Гас и Джоди Грей, любили путешествовать. Казалось, они все время были недовольны тем, что находятся здесь, а не где-то еще. Едва они успевали обосноваться в одном месте, как к ним приходило ощущение, что пора сменить обстановку.

Гас Грей был однокашником Хайнлайна по Академии ВМФ США и его партнером (вместе с Кэлом Лэннингем) в проекте, который они называли между собой «Квест». «Квест» занимался поиском и распространением истин, которые скрывали от них «взрослые».

Что ж, теперь они сами стали взрослыми: Хайнлайну было за сорок, а Кэл и Гас, надо полагать, уже и думать об этом забыли...

Но зато теперь он мог сделать из этой очаровательной причуды своих друзей рассказ — спилить серийные номера и прогнать по кругу. На... то есть в Луне они будут тосковать по Земле, вернувшись, обнаружат, что совсем забыли о разных неудобствах, как он писал своему агенту Лертону Блассингейму: «...Неконтролируемая погода, грязь, простуды, провинциальные предразсудки, глупые и невежественные обыватели, и т. д. и т. п. В конце рассказа они тоскуют по дому сильнее, чем когда-либо — но уже по Луна-Сити! — и изо всех сил стремятся вернуться туда».

Это вещь задумывалась специально для «Saturday Evening Post». Она дала ему повод рассказать о причинах, по которым иммиграция в космос станет привлекательным эволюционным фильтром, в том смысле, в каком Дарвин говорил об эмиграции XVI–XVII веков из Старого Света в Новый. Он был готов начать писать «Как здорово вернуться!» в ноябре 1946 года, когда научно-популярная пресса активно футболила его «миро-спасительные» статьи. Фантастика в его творчестве снова заняла прежнее место.

Рассказ писался легко, но в итоге разросся до 10 000 слов, что превышало лимит «Post», составлявший 6000 слов. За три недели, в несколько заходов, он с большим трудом ужал его до приемлемых размеров. «Урезать его до 6000 слов — это все равно что заставить одну из танцовщиц Билли Роуза втиснуться в одно из моих платьев», — писала миниатюрная (155 см) жена Хайнлайна их агенту в декабре. Но усилия окупились: «Post» купил рассказ и запланировал его выход на 26 июля 1947 года. Когда несколько лет спустя пришло время включить его в «„Зеленые холмы Земли“ и другие истории», Хайнлайн вернул часть вырезанного материала, но не очень большую. Он не хотел слишком далеко отходить от публикации, благодаря которой рассказ получил известность.

...А ЕЩЕ МЫ ВЫГУЛИВАЕМ СОБАК

— «Неограниченные услуги». Мисс Кормет слушает, — сказала она, глядя на экран.

В голосе звучали одновременно дружеское участие и холодная деловитость — как раз в необходимой пропорции. Экран немного помигал и выдал стереоизображение: толстая, разодетая в пух и прах величественная особа, которой явно не помешали бы занятия спортом.

— О, моя дорогая, — простонало изображение. — Я просто не знаю, сумеете ли вы мне помочь...

— Я не сомневаюсь, что это в наших силах, — заговорила мисс Кормет, мгновенно прикинув стоимость платья и драгоценностей, явно настоящих, и решив, что клиент выгодный. — Какие у вас проблемы? И ваше имя, пожалуйста. — Она протянула руку к подковообразному пульту и коснулась клавиши «Связь с кредитным отделом».

— Все так безумно сложно! — с чувством произнесло изображение. — Надо же было Питеру именно сейчас сломать себе бедро! — (Мисс Кормет нажала клавишу «Медицина».) — Я всю жизнь говорила, что поло — опасное занятие. Нет, вы не представляете, моя дорогая, что такое материнские страдания... И главное, так некстати...

— Вы хотите, чтобы мы взяли на себя уход за больным? Где он сейчас?

— Уход? Боже! Ни в коем случае! Этим займутся в клинике «Мемориал». Мы им достаточно платим. Нет, меня беспокоит званный обед. Принцесса будет очень недовольна, если все сорвется...

Ответный сигнал из кредитного отдела настойчиво мигал, и мисс Кормет решила вернуться к началу разговора:

— Понятно. Мы обо всем позаботимся. А теперь, пожалуйста, ваше имя, постоянный адрес и местонахождение в данный момент.

— Как?! Вы меня не знаете?

— Я догадываюсь, — тактично ушла от ответа мисс Кормет, — но в «Неограниченных услугах» полагаются только на информацию, полученную от самого клиента.

— Да, действительно... Очень мило и предусмотрительно с вашей стороны. Меня зовут миссис ван Хогбейн-Джонсон.

Мисс Кормет едва сдержала удивление. Необходимость консультироваться в кредитном отделе отпала. Но сигнал на пульте уже вспыхнул: «ААА» — неограниченный кредит.

— Однако я не вижу, как вы сумеете мне помочь, — продолжала миссис Джонсон. — Я же не могу разорваться, а мне нужно быть одновременно в двух местах.

— Мы любим сложные задачи, — заверила ее мисс Кормет, — и если вы расскажете мне подробнее...

Через несколько минут она вытянула из миссис Джонсон более-менее связный рассказ. Оказалось, ее сын, Питер III, — слегка потрепанный годами Питер Пэн, хорошо знакомый мисс Кормет по стереографиям в прессе, где его показывали в самых невообразимых нарядах, что захватывало воображение богатых бездельников, прожигающих время в свое удовольствие, — совершенно бездумно выбрал именно этот день, когда у матери намечено важнейшее светское мероприятие, чтобы покалечиться, причем довольно серьезно. Более того, он настолько невнимателен к своей матушке, что совершил эту оплошность за полконтинента от дома.

Мисс Кормет поняла, что давняя привычка миссис Джонсон держать отпрыска под контролем требовала от нее немедленного появления у постели больного. И разумеется, личного участия в подборе младшего медперсонала. Однако званый обед, назначенный на сегодня, должен был стать кульминацией многомесячных усилий и интриг. Как совместить все это в один вечер?

Твердо помня, что процветание «Неограниченных услуг» и ее собственный, довольно значительный доход зависят

в основном от глупости, отсутствия предприимчивости или просто лени пустоголовых паразитов на теле общества, мисс Кормет объяснила миссис Джонсон, что компания «Неограниченные услуги» проследит, чтобы ее светский обед прошел успешно, для чего в ее гостиной будет установлен стереоэкран, и тогда она, видная в полный рост, сможет приветствовать гостей и беседовать с ними, находясь на самом деле у постели сына. Мисс Кормет проследит, чтобы приемом руководил самый способный менеджер с безупречной репутацией в обществе, чья связь с «Неограниченными услугами» не известна никому. При правильной постановке дела катастрофу можно превратить в светский триумф, лишний раз подчеркнув, что миссис Джонсон не только изобретательная, гостеприимная хозяйка, но и заботливая мать.

— Воздушное такси, которое доставит вас в ракетный порт, прибудет к подъезду через двадцать минут, — добавила она, нажимая клавишу «Транспорт». — До порта вас будет сопровождать один из наших молодых сотрудников, которому вы сообщите все необходимые дополнительные сведения. Каюта для вас и место для вашей горничной зарезервированы на рейс до Ньюарка, отбывающий в шестнадцать сорок пять. Можете ни о чем не беспокоиться. Теперь это будет делать за вас компания «Неограниченные услуги».

— О, благодарю вас, моя дорогая. Вы меня так выручили. Вы ведь просто не представляете себе, какая ответственность лежит на человеке с моим положением в обществе.

Мисс Кормет вполне профессионально выразила сочувствие и решила, что старуху можно раскрутить на дополнительные услуги.

— Вы очень устало выглядите, мадам, — произнесла она озабоченно. — Может быть, мне следует позаботиться о массажисте, который будет сопровождать вас в дороге, или лучше дать вам в сопровождающие врача? Как вы себя сейчас чувствуете?

— О, вы так заботливы!

— Я пришлю обоих, — решила мисс Кормет и отключила экран, немного сожалея, что не догадалась сразу предложить даме персональную ракету. Особые услуги, не включенные в прейскурант, оплачивались по схеме «цена-плюс»,

и в подобных случаях «плюс» означал столько, сколько можно вытянуть из клиента.

Она переключилась на служебный канал — на экране возникло изображение молодого человека с внимательными глазами.

— Передаю запись, Стив, — отчеканила мисс Кормет. — Особые услуги, кредитный код — тройное «А». Я распорядилась о немедленном обслуживании.

Брови у Стива подскочили вверх.

— Тройное «А»... Премиальные?

— Конечно. Обслужи эту старую перечницу по полной программе и чтобы все было безукоризненно. Ее сын сейчас в больнице. Проверь медсестер, которые его обслуживают, и, если найдется хоть сколько-нибудь сексапильная, немедленно уberi и поставь вместо нее какое-нибудь пугало.

— Ясно. Давай запись.

Она отключилась, экран потускнел, и над ним загорелся зеленый огонек «Свободно». И почти тут же он сменился красным: на экране материализовалось новое изображение.

Этот уже не будет швырять деньги попусту, подумала Грейс Кормет, увидев ухоженного, подтянутого мужчину лет за сорок с пронизательным взглядом — твердым, но вполне вежливым. Накидка церемониального утреннего плаща была небрежно отброшена назад.

— «Неограниченные услуги», — сказала она. — Мисс Кормет слушает.

— Э-э-э... мисс Кормет, — начал мужчина, — я бы хотел поговорить с вашим руководством.

— С начальником оперативной службы?

— Нет, мне нужен президент «Неограниченных услуг».

— А что вас интересует? Может быть, я смогу вам помочь?

— Извините, но я не могу объяснить цель своего обращения. Мне необходимо увидеть президента, и немедленно.

— Извините и вы нас, но мистер Клер очень занятой человек. Увидеться с ним без предварительной договоренности и без объяснений цели визита просто невозможно.

— Вы записываете?

— Разумеется.

— Тогда будьте добры, отключите запись.

Грейс протянула руку и на виду у клиента выключила магнитофон. Затем нажала еще одну кнопку, уже под пультом, и включила запись снова. Иногда в «Неограниченные услуги» обращались с просьбами о чем-то незаконном; служащие компании не болтали лишнего, однако предпочитали не рисковать. Мужчина выудил что-то из складок одежды и протянул в сторону мисс Кормет — из-за стереоэффекта казалось, что он тянется прямо через экран.

Лишь профессиональная выучка позволила Грейс скрыть удивление: перед ней блестела печать представителя всепланетного правительства, причем значок был зеленого цвета.

— Я договорюсь о встрече, — сказала она.

— Хорошо. И не могли бы вы встретить меня в фойе? Через десять минут.

— Я вас встречу, мистер...

Но того уже не было на экране.

Грейс соединилась с начальником оперативной службы и вызвала себе замену. Затем, отключив пульт, извлекла кассету с тайной записью разговора, взглянула на нее в нерешительности и, помедлив немного, опустила в прорезь на крышке стола, где мощное магнитное поле мгновенно смахнуло невидимые узоры с гибкого металла.

В кабинку вошла девушка — довольно эффектная блондинка. Она выглядела чуть заторможенной и вялой, однако на самом деле ни то ни другое к ней не относилось.

— Привет, Грейс, — сказала она. — Что-нибудь оставляешь?

— Нет. Чистый пульт.

— Что случилось? Заболела?

— Нет.

Ничего больше не объясняя, Грейс покинула кабинку и прошла мимо целого ряда таких же помещений с операторами по особым услугам в большой зал, где работали операторы каталогизированных услуг. Здесь не было такого сложного оборудования, как в кабинке у Грейс: один только огромный талмуд с перечислением цен на все стандартные услуги компании и обычный видеофон позволяли оператору вполне успешно справляться практически с любым пожеланием клиента. Если же запросы превышали возможности

каталога, клиента соединяли с кем-нибудь из аристократов находчивости, вроде Грейс.

Она срезала путь, пройдя через главную картотеку между двумя рядами стучащих телетайпов, и оказалась в фойе. Пневматический лифт мгновенно доставил ее на президентский этаж. Секретарша не остановила мисс Кормет и даже не доложила о ее приходе, но Грейс заметила, как быстро забегали пальцы девушки по клавиатуре вокодера¹.

Обычно операторы не заходят просто так к президентам корпораций с оборотом в несколько миллиардов долларов, но компания «Неограниченные услуги» заметно отличалась от всех других на планете. Как и везде, здесь учитывали, покупали и продавали специальную подготовку, но превыше всего ценили находчивость и быстрый ум. Первым в иерархии компании стоял президент Джей Клер, вторым — его помощник Сандерс Френсис, а затем шли более двадцати операторов, принимавших заказы на особые услуги, к числу которых принадлежала и Грейс, а также менеджеры, в чью задачу входило выполнение особо сложных специальных заданий. Собственно, это была одна административная группа, поскольку операторы и менеджеры такого класса нередко просто подменяли друг друга.

За ними шли десятки тысяч других сотрудников, рассеянных по всей планете, — от главного бухгалтера, начальника юридического отдела, главного архивариуса до местных управляющих, операторов стандартных услуг и прочих, включая временных сотрудников: стенографисток, работающих где и когда требуется, жиголо, готовых занять пустующее место за праздничным столом, и так далее — вплоть до человека, сдающего внаем броненосцев и дрессированных блох.

Грейс Кормет прошла в кабинет мистера Клера — единственное помещение в здании, не заставленное электро-механическим, записывающим и коммуникационным оборудованием. Здесь был лишь пустой стол, несколько кресел и стереоэкран, который, не будучи занят, выглядел известной картиной Кранца «Плачущий Будда», ее оригинал находился в подземном хранилище в тысяче футов под кабинетом.

¹ *Вокодер* — электронный синтезатор речи. — *Примеч. С. В. Голд.*

— Привет, Грейс, — поздоровался президент и придвинул ей листок бумаги. — Что ты об этом думаешь? Санс говорит, это дрянь.

Сандерс перевел спокойный взгляд своих чуть выпученных глаз с шефа на Грейс Кормет, но никак не прокомментировал сказанное.

Мисс Кормет прочла:

МОЖЕТЕ ЛИ ВЫ ПОЗВОЛИТЬ СЕБЕ?

Можете ли вы позволить себе

«НЕОГРАНИЧЕННЫЕ УСЛУГИ»?

Можете ли вы НЕ позволить себе «Неограниченные услуги»???

В наш реактивный век можете ли вы позволить себе тратить свое драгоценное время на то, чтобы ходить по магазинам, самим оплачивать счета, убирать жилище?

Мы отшлепаем за вас ребенка и накормим кошку.

Мы снимем вам дом и купим новые ботинки.

Мы напишем за вас письмо теще и подсчитаем расходы по корешкам чеков.

Для нас нет работы слишком большой или слишком незначительной — и все услуги удивительно дешевы!

«НЕОГРАНИЧЕННЫЕ УСЛУГИ»!

ЗВОНИТЕ В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ!

P. S. А еще мы выгуливаем собак

— И как? — спросил Клер.

— Санс прав. Дрянь.

— Почему?

— Слишком логично. Слишком многословно. Нет драйва.

— А как, по-твоему, должна выглядеть реклама для неохваченного рынка?

Грейс на секунду задумалась, затем взяла у Клера ручку и написала:

ВАМ НУЖНО КОГО-НИБУДЬ УБИТЬ?

Тогда НЕ ОБРАЩАЙТЕСЬ в

«НЕОГРАНИЧЕННЫЕ УСЛУГИ».

По любому другому поводу звоните в ЛЮБОЕ ВРЕМЯ — окупится!

P. S. А еще мы выгуливаем собак

— Мм... Может быть... — осторожно сказал мистер Клер. — Попробуем. Санс, организуй распространение по типу «В», на две недели, только на Северную Америку. Потом дашь мне знать, как это восприняли.

Френсис спрятал листок в свой портфель, храня все то же непроницаемое выражение лица.

— А теперь, как я и говорил... — начал было президент.

— Шеф, — перебила его Грейс, — я назначила тебе встречу через... — она взглянула на часы в перстне, — через две минуты и сорок секунд. Человек из правительства.

— Облагодетельствуй его и отправь назад. Я занят.

— Зеленый значок.

Мистер Клер встрепенулся. Даже Френсис посмотрел на нее с интересом.

— Вот как? Запись разговора у тебя с собой?

— Я ее стерла.

— Да? Впрочем, тебе видней... Твоя интуиция никогда тебя не подводила. Что ж, веди его сюда.

Она кивнула и вышла.

Спустя минуту ее человек появился в приемной для публики, и она провела его мимо нескольких постов, где в противном случае от незнакомца обязательно потребовали бы документы и стали бы выяснять причину визита. Оказавшись в кабинете Клера, гость огляделся и спросил:

— Могу ли я поговорить с вами наедине, мистер Клер?

— Мистер Френсис — моя правая рука, а с мисс Кормет вы уже общались.

— Хорошо. — Он достал зеленый значок и протянул его Клеру. — Пока обойдемся без имен, хотя я и не сомневаюсь, что на вас можно положиться.

Президент компании нетерпеливо выпрямился:

— Давайте к делу. Вы — Пьер Бьюмон, глава протокольного отдела Администрации. Что от нас требуется?

Бьюмон словно не заметил перемены стиля.

— Что ж, раз вы меня знаете... Отлично. До дела мы еще доберемся. Возможно, правительству действительно потребуются ваши услуги. Но в любом случае содержание нашего разговора должно остаться...

— Все связи «Неограниченных услуг» являются конфиденциальными.

— Речь идет не о конфиденциальности. Мне необходима полная секретность, — сказал Бьюмон.

— Хорошо, — согласился Клер. — Продолжайте.

— Занятая у вас организация, мистер Клер. Насколько я понимаю, вы готовы взяться за любое дело — при соответствующем вознаграждении.

— Если это не противоречит закону.

— Да, конечно. Но закон можно интерпретировать по-разному. Я до сих пор восхищаюсь вашими действиями при оснащении второй экспедиции к Плутону. Некоторые ваши методы, на мой взгляд, просто мм... бесподобны.

— Если у вас есть какие-то претензии, их лучше предъявить нашему юридическому отделу по обычным каналам.

Бьюмон выставил ладонь вперед:

— Ну что вы, мистер Клер. Вы неправильно меня поняли. Я не собирался критиковать, наоборот. Сколько изобретательности! Из вас вышел бы отличный дипломат!

— Ладно, давайте оставим пустые разговоры. Чего вы от нас хотите?

Бьюмон вытянул губы трубочкой, затем сказал:

— Предположим, вам необходимо принять более десятка представителей различных рас в этой планетарной системе и вы хотите, чтобы все они чувствовали себя как дома и не испытывали никаких затруднений. Такая задача вам по силам?

Клер принялся размышлять вслух:

— Давление, влажность, радиационный фон, состав атмосферы, температура, специфические особенности культуры — это все просто. А как начет силы тяжести? Мы могли бы приготовить центрифугу для юпитерианцев, но с марсианами и титанцами все гораздо сложнее. Мы не можем уменьшить притяжение Земли. Придется принимать их на орбите или на Луне. Следовательно, это не по нашей части: мы никогда не оказываем услуг за пределами стратосферы.

Бьюмон покачал головой:

— Нет. Это не будет за пределами стратосферы. Основное условие заключается в том, чтобы встречу провести здесь, на Земле.

— Почему?

— Разве в «Неограниченных услугах» принято спрашивать, почему клиенту требуется тот или иной вид услуги?

— Нет. Извините.

— Ничего страшного. Но вам, безусловно, потребуется дополнительная информация, чтобы понять, что именно предстоит сделать и почему работа должна проводиться тайно. Очень скоро — максимум через три месяца — на Земле состоится конференция. Однако до официального объявления никто не должен даже догадываться о ее созыве. Если о подготовке станет известно в определенных кругах, само проведение конференции потеряет свой смысл. Считайте эту конференцию чем-то вроде круглого стола с участием ведущих... э-э-э... ученых системы примерно такого же состава и масштаба, как сессия Академии, проходившая прошлой весной на Марсе. Вы должны подготовить все необходимое для приема делегатов, но до поры до времени скрывать эти приготовления. Что касается деталей...

— Вы, похоже, считаете, что мы уже взялись за работу, — перебил его Клер. — Но, судя по вашим объяснениям, нас ждет лишь колоссальный провал. В «Неограниченных услугах» провалов не любят. Мы оба с вами знаем, что жители планет с низкой гравитацией не способны провести в условиях повышенной силы тяжести более нескольких часов — во всяком случае, без серьезного ущерба своему здоровью. Межпланетные встречи всегда проводились на планетах с низкой гравитацией и всегда будут проводиться в подобных условиях.

— Да, всегда проводились, — терпеливо подтвердил Бьюмон. — Но вы представляете себе, в каком дипломатически невыгодном положении оказываются вследствие этого Земля и Венера?

— Не особенно.

— Хотя, может, это и к лучшему. Политическая психология не должна вас волновать. Но поверьте, невыгодное положение землян действительно существует, и эту конференцию Администрация намерена провести именно на Земле.

— Почему не на Луне?

Бьюмон покачал головой.

— Это не одно и то же. Хотя формально спутник находится в подчинении Земли, но Луна-Сити — свободный порт, и политически это совсем разные вещи.

— Мистер Бьюмон, — сказал Клер, в свою очередь качая головой, — мне кажется, вы в такой же степени не понимаете характер работы «Неограниченных услуг», как я не понимаю тонкостей дипломатии. Мы здесь не творим чудеса и не обещаем их. Мы просто посредники, типичные маклеры из прошлого века, только объединенные в огромную корпорацию и оснащенные новейшими технологиями. Мы что-то вроде отмирающего класса прислуги, но отнюдь не джинны из лампы Аладдина. У нас даже нет серьезных исследовательских лабораторий. Просто мы стараемся по возможности полно использовать последние достижения техники связи и практики менеджмента и проводить в жизнь то, что уже сделано. — Он указал на стену, где висела освященная временем эмблема компании: шотландская овчарка на натянутом поводке, обнюхивающая столб. — *Вот* суть нашей работы. Мы выгуливаем собак за тех, кому некогда этим заниматься. Мой дед так зарабатывал себе на колледж. И я тоже до сих пор выгуливаю собак. Но я никогда не обещаю чудес и не вмешиваюсь в политику.

Бьюмон старательно соединил кончики пальцев:

— Вы выгуливаете собак за плату. Да, разумеется, я знаю, вы ведь выгуливаете и моих псов. Пять мини-кредиток — это совсем недорого.

— Верно. И выгул сотни тысяч собак два раза в день дает совсем неплохой доход.

— Доход за выгуливание этой «собаки» будет весьма значителен.

— Сколько? — спросил Френсис, впервые выказав интерес к теме разговора.

Бьюмон перевел взгляд в его сторону:

— Результатом этого... э-э-э... круглого стола могут стать буквально сотни миллиардов кредиток для нашей планеты. И простите за выражение, мы жаться не станем.

— Сколько?

— Тридцать процентов от общей стоимости работ вас устроит?

Френсис покачал головой:

— Может статься, это будет не так много.

— Хорошо, давайте не будем торговаться. Мы оставим гонорар на ваше усмотрение, джентльмены — простите, мисс Кормет, — и вы сами решите, сколько стоят ваши услуги. Думаю, я могу положиться на ваш планетарный и расовый патриотизм.

Френсис молча откинулся на спинку кресла, но на лице у него промелькнуло довольное выражение.

— Минутку! — запротестовал Клер. — Мы еще не дали согласия!

— Но ведь мы уже обсудили вознаграждение, — заметил Бьюмон.

Клер перевел взгляд с Френсиса на Грейс Кормет, затем стал внимательно рассматривать свои ладони.

— Дайте мне двадцать четыре часа. Я узнаю, возможно ли это в принципе, — сказал он наконец, — и тогда сообщу вам, возьмемся ли мы выгуливать вашу «собаку».

— Я не сомневаюсь, что возьметесь, — ответил Бьюмон, вставая и запахивая плащ.

— Ну что, умники, — произнес Клер с горечью, — допрыгались?

— Я как раз хотела вернуться к работе менеджера, — сказала Грейс.

— Всем остальным, кроме проблемы гравитации, может заниматься подчиненная команда, — предложил Френсис. — Гравитация — единственная загвоздка, остальное — ерунда.

— Разумеется, — согласился Клер, — но именно с этой загвоздкой нужно справиться. В противном случае у нас будут только колоссальные подготовительные расходы, которые нам никто не оплатит. Кому ты хочешь поручить это дело? Грейс?

— Почему бы и нет? — ответил Френсис. — Она вполне способна сосчитать до десяти.

Грейс Кормет бросила на него холодный взгляд:

— Санс Френсис, иногда я жалею, что вышла за тебя замуж.

— Семейные сцены будете устраивать дома, — предупредил Клер. — С чего начнем?

— Надо узнать, кто лучше всех разбирается в вопросах гравитации, — заявил Френсис. — Грейс, свяжись с доктором Кратволом.

— Хорошо, — сказала она и подошла к пульту стереоэкрана. — В нашем деле есть огромный плюс: вовсе не обязательно знать все, важно лишь знать, где узнать.

Доктор Кратвол входил в число постоянных сотрудников «Неограниченных услуг». И хотя в настоящий момент он не участвовал ни в одной целевой программе, компания платила ему хорошее жалованье и предоставила неограниченный кредит для оплаты любых научных публикаций и поездок на разные конференции, которые время от времени устраивают ученые мужи. Доктору Кратволу не доставало упорства настоящего исследователя, он по натуре был дилетантом. Но иногда ему задавали вопросы, и тогда все затраты на него окупались.

— О, привет, моя дорогая! — Лицо доктора Кратвола на экране расплылось в улыбке. — Знаешь, я только что обнаружил в последнем номере «Нейчур» интереснейший факт. Теория Браунли предстает теперь в совершенно неожиданном...

— Секундочку, док, — перебила его Грейс. — У нас мало времени.

— Да. Слушаю.

— Кто разбирается в вопросах гравитации лучше всех?

— В каком смысле? Вам нужен астрофизик или специалист в вопросах теоретической механики? В первом случае я, пожалуй, рекомендовал бы Фаркуарсона.

— Я хочу попытаться понять суть явления. Как, что и почему.

— Ага. Значит, теория поля, так? В этом случае Фаркуарсон вам не нужен; он занимается по большей части описательной баллистикой. В вашем случае я бы посоветовал работы доктора Джулиана.

— Как нам с ним связаться?

— Боюсь, это невозможно: бедняга умер в прошлом году. Огромная потеря для науки.

Грейс не стала пояснять, насколько велика эта потеря, и спросила:

— Кто занял его место?

— В смысле? А, понял, вам нужен ведущий специалист в области теории поля. Это О'Нил.

— Где он?

— Мне надо будет выяснить. Я его немного знаю, с ним не очень-то легко иметь дело.

— Выясните, пожалуйста. И скажите, кто мог бы тем временем дать нам хотя бы общие представления о гравитации?

— Может, вам стоит связаться с молодым Карсоном из нашего же проектного отдела? До перехода сюда он очень активно занимался подобными вопросами. Весьма сообразительный парень — я с ним неоднократно беседовал.

— Хорошо. Спасибо, док. Свяжитесь с кабинетом шефа, как только отыщете О'Нила. Это очень срочно, — сказала Грейс и отключила аппарат.

Карсон согласился с мнением Кратвола, однако тут же высказал свои сомнения:

— О'Нил высокомерен, и с ним очень тяжело договориться. Я у него работал. Но он, без сомнения, знает о теории поля и структуре космического пространства больше, чем кто бы то ни было на Земле.

Карсона посветили в суть дела и объяснили стоящую перед ним задачу. Он сразу признал, что не видит решения.

— Может быть, мы все-таки преувеличиваем сложность проблемы? — сказал Клер. — У меня есть кое-какие идеи. Давайте посмотрим, прав я или нет.

— Что же, давайте, шеф.

— Притяжение, насколько я понимаю, создается близостью массы, так? Соответственно, привычная нам сила тяжести создается самой Землей. Каков будет результат, если над определенной точкой поверхности планеты поместить значительную массу? Получим ли мы противодействие силе земного тяготения?

— Теоретически — да. Но это должна быть чертовски большая масса.

— Не важно.

— Очень даже важно, шеф. Чтобы полностью нейтрализовать притяжение Земли, потребуется еще одна планета такого же размера. Разумеется, если вам нужно устранить тяготение не полностью, а частично, можно использовать меньшую массу, но толку все равно не будет. Притяжение ослабевает пропорционально квадрату расстояния от центра тела — в данном случае половины диаметра, — а масса тела и, соответственно, создаваемая им сила тяжести уменьшаются пропорционально кубу диаметра.

— И что выходит?

Карсон что-то подсчитал, затем поднял взгляд:

— Даже говорить страшно. Тут потребовался бы довольно большой астероид, причем из свинца.

— Астероиды уже перемещали.

— Да, но на чем он будет держаться? Ничего не получится, шеф: на свете нет ни источника энергии, ни технологии, которые позволили бы вам повесить над определенной точкой на поверхности Земли большой планетоид и удержать его на месте.

— Что ж, это была всего лишь идея, — сказал Клер задумчиво.

Грейс следила за обсуждением, наморщив лоб, затем решила высказаться:

— Насколько я понимаю, гораздо эффективнее в таком случае использовать очень большую массу в маленьком объеме. Я, кажется, читала что-то о веществах, плотностью в несколько тонн на кубический дюйм.

— Ядра карликовых звезд, — согласился Карсон. — Все, что нам нужно, — это корабль, способный преодолеть несколько световых лет за считанные дни, затем способ получить материю из ядра такой звезды и новая теория пространства-времени.

— Ладно. Бог с ним.

— Подождите, — заметил Френсис. — Магнетизм в определенном смысле очень напоминает гравитацию, так ведь?

— Да, пожалуй.

— А нельзя ли как-нибудь намагнитить этих гостей с маленьких планет? Может, какие-то отличия в их биохимии?..

— Хорошая идея, — согласился Карсон. — Они действительно отличаются от нас, но не настолько сильно: по большому счету это все та же органика.

— Видимо, да. Ничего не выйдет.

В этот момент вспыхнул экран, и доктор Кратвол доложил, что О'Нил в своем летнем доме в Портидже, штат Висконсин. Сам он с ним еще не связывался и, честно говоря, предпочел бы, чтобы это сделал кто-то другой.

Клер поблагодарил его и повернулся к остальным.

— Мы попусту тратим время, — заявил он. — После стольких лет нам следовало бы знать, что технические вопросы не по нашей части. Я не физик, и, в конце концов, мне решительно все равно, что из себя представляет гравитация. Это дело О'Нила и Карсона. Кстати, Карсон, вы сейчас отправляетесь в Висконсин и нанимаете О'Нила.

— Я?

— Да. Вам поручается эта операция — с соответствующей прибавкой к жалованью. Мигом в порт, ракета и кредитные документы будут готовы. Через семь-восемь минут вы должны быть в воздухе.

Карсон недоуменно захлопал глазами:

— А как насчет моей текущей работы?

— В проектный отдел сообщат и в расчетный. Вперед!

Карсон молча направился к двери. Покидая кабинет, он уже почти бежал.

После ухода Карсона им оставалось только ждать его доклада.

Но не дожидаясь результатов, они развернули деятельность по воссозданию полных физических и культурных условий трех планет и четырех крупных спутников — за исключением гравитации у поверхности каждого небесного тела. Задача, хотя и новая, в общем-то, не представляла для «Неограниченных услуг» особых сложностей. Где-то кто-то наверняка знал все необходимое, и огромная гибкая организация под названием «Неограниченные услуги» начала отыскивать этих людей, нанимать и включать их в работу. Любой из операторов по особым услугам и значительный процент сотрудников рангом пониже могли браться за это дело и выполнять его спокойно, без суеты.

Френсис связался с одним из операторов по особым услугам — он даже не выбирал кого-то конкретно, просто поручил работу первому попавшемуся из свободных в данный момент: все они были готовы взяться за любое задание. Френсис подробно проинструктировал своего сотрудника и тотчас же выбросил из головы все мысли о новом проекте. Задание будет выполнено, и непременно в срок. Чуть громче застучат телетайпы, чаще засверкают стереоэкраны, и множество сообразительных молодых людей по всей Земле оставят свои прежние дела и кинутся на поиски специалистов, которые и сделают эту работу.

Он повернулся к Клеру, и тот сказал:

— Хотел бы я знать, что у Бьюмона на уме. Научная конференция — это, конечно, для отвода глаз.

— Мне казалось, что политика тебя не интересует, Джей.

— Верно — ни межпланетная, ни какая другая. Разве что в тех случаях, когда от нее зависит наш бизнес. Но если бы я точно знал, что происходит, мы, возможно, сумели бы отрезать себе кусок побольше.

— Что ж, — вставила Грейс, — думаю, всем понятно, что настоящие тяжеловесы со всей системы собрались «разделить Галлию на три части»¹.

— Да, но кого выкинут из игры?

— Надо полагать, Марс.

— Возможно. И бросят кость венерианцам. В таком случае есть смысл прикупить акций Юпитерианской торговой корпорации.

— Полегче тут, — предостерег Френсис. — Стоит только начать, и кто-нибудь обязательно заинтересуется, а у нас секретная работа.

— Пожалуй, ты прав. Тем не менее держи ухо востро. Наверняка найдется какой-нибудь способ погреть руки, пока вся эта история не закончилась.

Телефон Грейс Кормет загудел, и она достала аппарат из кармана:

— Да?

— Вас спрашивает некто миссис Хогбейн-Джонсон.

¹ Хрестоматийная фраза Гая Юлия Цезаря. — *Примеч. С. В. Голд.*

— Займитесь ею. Я сдала дежурство.
— Она не хочет говорить ни с кем, кроме вас.
— Хорошо. Подключите ее к экрану шефа, но держитесь на параллельной линии. Я с ней поговорю, а заниматься ее делом будете вы.

Экран ожил, и в центре появилось плоское, обрамленное рамкой изображение миссис Джонсон — одно только пухлое лицо.

— О, мисс Кормет, — простонала она. — Произошла ужасная ошибка. На этой ракете нет стереосвязи.

— Ее установят в Цинциннати. Минут через двадцать.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

— О, благодарю вас! С вами так приятно иметь дело. И знаете, я подумываю о том, чтобы пригласить вас на должность секретарши.

— Спасибо, — ответила Грейс не моргнув глазом, — но у меня контракт.

— Ерунда! Вы ведь можете разорвать контракт.

— Это невозможно. Извините, миссис Джонсон. До свидания. — Грейс отключила экран и снова взяла телефон. — Передайте в расчетный отдел, чтобы удвоили стоимость ее заказа. И я не намерена разговаривать с ней впредь.

Она в раздражении сунула аппарат обратно в карман. Надо же додуматься — секретарша!

После обеда, когда Клер отправился домой, позвонил Карсон, и его соединили с кабинетом Френсиса.

— Успешно? — спросил он, когда на экране возникло изображение Карсона.

— Отчасти. Я виделся с О'Нилом.

— И что же?

— Вы имеете в виду, сможет ли он выполнить работу?

— Да, именно. Сможет?

— Вот здесь-то и начинается самое интересное. Я полагал, это даже теоретически невозможно. Но, поговорив с ним, понял, что очень даже возможно. У него есть новые разработки по теории поля, которые он до сих пор не публиковал. О'Нил — настоящий гений.

— Меня меньше всего волнует, гений он или идиот, — сказал Френсис. — Важно другое: построит ли он нам какой-нибудь нейтрализатор или уменьшитель гравитации?

— Думаю, да. Уверен.

— Отлично. Вы с ним договорились?

— В том-то и дело, что нет. Поэтому я и звоню. Ситуация такова: я его застал в хорошем расположении духа, ну и поскольку мы когда-то вместе работали и я раздражал его реже, чем другие ассистенты, он пригласил меня остаться на обед. Поговорили о том о сем — его просто нельзя торопить, — а потом я сделал ему предложение от лица компании. Его это слегка заинтересовало — я имею в виду, сама идея, а не предложение, — и он поделился со мной кое-какими соображениями. Но работать на нас О'Нил не будет.

— Почему? Вы, очевидно, предложили ему слишком мало. Видимо, этим придется заняться мне.

— Нет, мистер Френсис, не в этом дело. Деньги его не интересуют. Он весьма состоятелен и вполне способен финансировать свои собственные исследовательские программы. У него вообще денег больше, чем ему нужно. Но сейчас О'Нил занимается волновой механикой и не хочет отвлекаться ни на что другое.

— Вы дали ему понять, насколько важна наша работа?

— И да и нет. Скорее, нет. Я пытался, но для него нет ничего важнее собственных планов. Своего рода интеллектуальный снобизм, если хотите. Заботы других людей его просто не трогают.

— Ладно, — сказал Френсис. — Пока я вашими действиями доволен. Теперь вы займетесь вот чем: как только мы закончим разговор, вы свяжетесь с оперативным отделом и запишете все, что запомнили из разговора с О'Нилом о теории гравитации. Мы найдем других специалистов в этой области, скормим им новую информацию и посмотрим, не возникнет ли у них каких-то годных идей. Я же тем временем назначу группу людей, чтобы проверили его прошлое. Должны же у него быть какие-то уязвимые места — нужно их только найти. Может быть, какая-нибудь женщина...

— Годы уже не те.

— ...Или какие-то укрытые от налогов суммы. Разберемся. Вы оставайтесь в Португалии. Раз вам не удалось нанять его, попробуйте наняться к нему. Будете снабжать нас информацией. Нам просто необходимо узнать, о чем он, может быть, мечтает или чего боится.

— Он ничего не боится. Это совершенно точно.

— Тогда ему что-то очень нужно. Если не деньги или женщины, то обязательно что-нибудь другое. Это как закон природы.

— Сомневаюсь, — медленно произнес Карсон. — Хотя... Я еще не рассказал о его хобби?

— Нет. Что за хобби?

— Фарфор. В частности, фарфор династии Мин. Судя по всему, у него лучшая коллекция в мире. И я знаю, что ему нужно!

— И что же это? Не тяните.

— Маленькое китайское блюдечко или мисочка — дюйма четыре в диаметре и два дюйма высотой. У этой штуковины есть китайское название, которое переводится как «Цветок забвения».

— Хм... не очень обнадеживающе. Думаете, это действительно ему нужно?

— Уверен. У него в кабинете есть голограмма «Цветка» — чтобы все время был перед глазами. Но когда О'Нил говорит о нем, у него только что слезы не наворачиваются.

— Узнайте, где он находится и кому принадлежит.

— Знаю, в Британском музее. Потому-то О'Нил и не может его купить.

— Вот как? — задумчиво произнес Френсис. — Ладно, тут ничего не поделаешь. Действуйте дальше.

Клер явился в кабинет к Френсису, и они обсудили ситуацию втроем.

— Похоже, нам для этого понадобится Бьюмон, — сказал он, выслушав последние новости. — Выцарапать что-нибудь у Британского музея — на это способно только Мировое правительство.

Френсис угрюмо молчал.

— Что ты молчишь? Я что-нибудь не то сказал?

— Кажется, я знаю, в чем дело, — пояснила Грейс. — Помнишь договор, по которому Великобритания вошла в Планетарную конфедерацию?

— Историю я всегда знал неважно.

— Суть в том, что правительство Земли просто не сможет взять что-то из музея без согласия британского парламента.

— Почему? Договор договором, но Мировое правительство обладает всей полнотой власти над отдельными странами. Это подтвердил еще Бразильский инцидент.

— Да, разумеется. Но в палате общин начнут задавать вопросы, а это приведет к тому, чего Бьюмон старается всеми силами избежать, — к огласке.

— Ладно. Что вы предлагаете?

— Думаю, нам с Сансом нужно прокатиться в Англию и разузнать, насколько крепко «Цветок забвения» «приколочен» к месту, кто «забивает гвозди» и какие у этого человека слабости.

Клер посмотрел на своего помощника: взгляд Френсиса, казалось, ничего не выражал, но, зная его долгие годы, Клер понял, что тот согласен.

— Хорошо, — сказал он. — Берите это дело в свои руки. Полетите специальным рейсом?

— Нет, думаю, мы успеем на ночной из Нью-Йорка. Пока.

— Пока. Завтра позвоните.

Когда Грейс появилась на следующий день на экране, Клер удивленно воскликнул:

— Боже, крошка! Что ты с собой сделала?

— Мы нашли нужного человека, — коротко объяснила Грейс. — Он любит блондинок.

— Но ты, похоже, еще и кожу осветлила?

— Да. Как я тебе в таком виде?

— Изумительно! Хотя раньше ты мне нравилась больше. Что об этом думает Санс?

— Он не возражает: дело есть дело. Однако докладывать мне особенно нечего, шеф. Придется добывать товар левым путем. Обычными способами — никаких шансов.

— Не поступай опрометчиво.

— Ты же меня знаешь. Я не впутаю тебя в какую-нибудь историю. Но получится недешево.

— Разумеется.

— Тогда пока все. До завтра.

На следующий день она снова была брюнеткой.

— Что такое? — спросил Клер. — Маскарад?

— Оказалось, я не из тех блондинок, которые его интересуют, — пояснила Грейс, — но мы уже нашли подходящую.

— Сработало?

— Думаю, сработает. Санс готовит копию. Если все будет успешно, завтра увидимся.

Они вошли в кабинет — как будто бы с пустыми руками.

— Ну? — спросил Клер. — Как дела?

— Заэкранируй помещение, Джей, — предложил Френсис. — Тогда и поговорим.

Клер шелкнул тумблером интерференционного поля, и кабинет превратился в неприступную для любых следящих устройств гробницу.

— Как дела? — спросил он снова. — Достали?

— Покажи ему, Грейс.

Грейс отвернулась, покопалась в одежде, извлекла «Цветок забвения» и поставила на стол шефа.

Сказать, что «Цветок» красив, значило бы вообще ничего не сказать. Он и был сама красота. Изящная простая форма без всякого орнамента — рисунок только испортил бы это чудо. Рядом с ним хотелось говорить шепотом, словно резкий звук мог уничтожить хрупкое творение искусства.

Клер потянулся было к «Цветку», но одумался и отдернул руку. Затем склонился над ним и заглянул внутрь. Дно сосуда угадывалось с трудом — как будто взгляд медленно уходил все глубже и глубже, тонул в этом средоточии света.

Он резко выпрямился, моргнул и прошептал:

— Боже... Я даже не подозревал, что на свете есть нечто подобное.

Затем посмотрел на Грейс и на Френсиса. У того в глазах стояли слезы, — а может, ему показалось, потому что слезы застилали глаза ему самому.

— Послушай, Джей, — сказал наконец Френсис. — Может... Может, оставим его себе и просто откажемся от всего этого дела? По-моему, говорить об этом дальше бессмысленно, — устало добавил он. — Мы не можем оставить его у себя. Мне не следовало предлагать это, а тебе не следовало меня слушать. Давай свяжемся с О'Нилом.

— Может, подождем еще денек и потом решимся, — предложил Клер, и его взгляд снова вернулся к «Цветку забвения».

Грейс покачала головой:

— Зачем? Завтра расстаться с ним будет еще труднее. Я просто *чувствую*. — Она решительно подошла к экрану и набрала нужную комбинацию.

О'Нил был очень рассержен, что его потревожили, тем более что они воспользовались экстренным кодом и вызвали его к отключенному экрану.

— В чем дело? — резко спросил он. — По какому праву вы беспокоите частное лицо, да еще через отключенный экран? Немедленно объяснитесь, и ваше счастье, если объяснение меня удовлетворит, а не то я еще в суд на вас подам.

— Мы бы хотели заказать вам небольшую работу, доктор, — спокойно начал Клер.

— Что? — О'Нил, казалось, был слишком удивлен, чтобы рассердиться всерьез. — Вы хотите сказать, что нарушили мое уединение, чтобы предложить мне работать на вас?

— Вознаграждение вас наверняка удовлетворит.

О'Нил помолчал, словно успокаивая нервы, сосчитал до десяти, затем сдержанно сказал:

— Сэр, некоторые люди полагают, будто могут купить что угодно или кого угодно. Согласен, часто не без оснований. Но должен вам сказать, что я не продаюсь за деньги. И поскольку вы, по-видимому, принадлежите к числу таких людей, я приложу все усилия, чтобы это интервью обошлось вам недешево. Мой адвокат с вами свяжется. Всего доброго!

— Подождите, — торопливо сказал Клер. — Насколько я понимаю, вас интересует фарфор...

— Что, если это и так?

— Покажи ему, Грейс.

Грейс бережно, почти с благоговением взяла «Цветок забвения» в руки и поднесла к экрану.

О'Нил молча наклонился вперед и впился взглядом в фарфоровый сосуд. Еще немного, и он бы, наверно, пролез сквозь экран.

— Где вы его взяли? — спросил он наконец.

— Не важно.

— Я готов его купить — назначайте цену.

— Не продается. Но вы можете получить «Цветок», если мы придем к соглашению.

О'Нил смерил его взглядом:

— Он украден.

— Ошибаетесь. И уверяю вас, вы вряд ли найдете кого-нибудь, кто заинтересуется подобным обвинением. А по поводу работы...

О'Нил оторвал взгляд от «Цветка забвения»:

— Что вам от меня нужно?

Клер объяснил ему суть проблемы, и, выслушав его до конца, О'Нил покачал головой:

— Но это просто смешно!

— У нас есть основания полагать, что теоретически тут нет ничего невозможного.

— Разумеется! Теоретически можно и жить до бесконечности, только никому это еще не удавалось.

— Мы думаем, что вы справитесь.

— Благодарю, конечно... Кстати... — О'Нил ткнул пальцем в сторону Клера. — Значит, вы и подпустили ко мне этого щенка Карсона!

— Он действовал в соответствии с моими распоряжениями.

— Тогда, сэр, мне не нравятся ваши манеры.

— Ладно. Как насчет работы? И вот этого? — Клер указал на «Цветок забвения».

О'Нил снова долго его разглядывал и жевал ус.

— Предположим, — вымолвил он наконец, — я приложу все свои силы к решению вашей проблемы... и потерплю неудачу.

— Мы платим только за результат, — сказал Клер, качая головой. — Вы, разумеется, получите денежное вознаграж-

дение, но не *это*. «Цветок» будет премией *только* в случае успеха.

О'Нил, похоже, согласился, потом вдруг обеспокоенно спросил:

— А что, если вы просто дурачите меня голограммой? Этот чертов экран не дает возможности удостовериться.

Клер пожал плечами:

— Приезжайте.

— И приеду. Немедленно. Ждите. Кстати, где вы находитесь и, черт побери, сэр, как вас зовут?

Спустя два часа О'Нил влетел в кабинет президента «Неограниченных услуг»:

— Вы меня обманули! Я навел справки, «Цветок» по-прежнему в Англии. Я... Вы еще пожалеете об этом, сэр!

— Можете убедиться сами, — ответил Клер и шагнул в сторону, чтобы О'Нилу был виден стол.

Они его не тревожили, понимая, что надо дать человеку спокойно насладиться чудом, и спустя какое-то время он повернулся к ним сам, но продолжал молчать.

— Так как? — спросил Клер.

— Я построю вашу чертову машину, — сказал О'Нил хрипло. — По пути сюда я понял, с чего надо начинать.

Бьюмон явился лично за день до открытия первой сессии конференции.

— Просто светский визит, мистер Клер, — заявил он. — Я хотел выразить свое восхищение по поводу выполненной вами работы. И передать вот это. — Он вручил Клеру чек Центрального банка на оговоренную сумму.

Клер принял чек, взглянул на цифры, кивнул и, положив на стол, сказал:

— Надо понимать, правительство удовлетворено качеством наших услуг.

— Это слишком скромная оценка, — заверил его Бьюмон. — По правде сказать, я не думал, что вам удастся выполнить такой объем работ. Делегация с Каллисто сейчас как раз путешествует в одной из этих передвижных цистерн, что разработали ваши люди. Они в полном восторге. Между нами говоря, я думаю, мы можем рассчитывать на их голоса на предстоящей сессии.

— Гравитационные экраны работают нормально?

— Безукоризненно. Я заходил в одну из таких цистерн, прежде чем их передали в пользование инопланетянам, и буквально не чувствовал своего веса — меня даже замутило, как в невесомости. — Он косо улыбнулся. — В юпитерианские корпуса я тоже заглядывал — совсем другие ощущения.

— Да уж, — согласился Клер. — Когда сила тяжести в два с половиной раза больше земной, это, мягко говоря, давит.

— Что ж, задача была сложная, но вы с ней справились с честью. Мне пора идти. Впрочем, осталось еще одно дело... Я уже говорил доктору О'Нилу, что Администрацию, возможно, заинтересуют и другие сферы применения его открытия. Чтобы упростить дело, нам желательно получить от «Неограниченных услуг» отказ от претензий на эффект О'Нила.

Клер задумчиво посмотрел на «Плачущего Будду», погрыз костяшку большого пальца, затем медленно произнес:

— Нет. Боюсь, это будет сложно.

— Почему же? — спросил Бьюмон. — Таким образом нам удалось бы обойтись без вынесения судебного решения и сэкономить время. Мы готовы признать ваше участие и компенсировать его значительной суммой.

— Мм. Похоже, вы не совсем понимаете ситуацию, мистер Бьюмон. Между нашим с вами контрактом и контрактом доктора О'Нила с «Неограниченными услугами» есть значительная разница. Вы заказали определенный тип услуг и определенный товар, необходимый для выполнения услуг. И то и другое мы вам предоставили — за плату. Дело сделано. А в контракте доктора О'Нила оговорено, что на время действия контракта он является нашим штатным сотрудником. Следовательно, все результаты его исследований и соответствующие патенты принадлежат «Неограниченным услугам».

— В самом деле? — удивился Бьюмон. — Доктор О'Нил придерживается иного мнения.

— Доктор О'Нил заблуждается. В самом-то деле, мистер Бьюмон, вы, фигурально выражаясь, заказали нам пушку, чтобы убить комара. Неужели вы всерьез считаете, что мы, бизнесмены, после одного выстрела выбросим пушку на свалку?

— Нет, пожалуй. Каковы ваши планы?

— Коммерческое использование гравитационного модулятора. Подозреваю, что мы получим неплохую цену за соответствующую модификацию этой машины, скажем, на Марсе.

— Да, конечно. Это было бы вполне реально. Но я буду до конца откровенен с вами, мистер Клер: скорее всего, у вас ничего не выйдет. В интересах Земли использование изобретения доктора О'Нила должно быть ограничено только этой планетой. По-видимому, Администрация сочтет необходимым вмешаться, и распространение модулятора станет прерогативой государственной монополии.

— А как вы утихомирите О'Нила?

— Ввиду изменившихся обстоятельств, откровенно говоря, не знаю. У вас есть какие-то предложения?

— Корпорация, где он будет президентом и обладателем значительной части акций. Кто-нибудь из наших многообещающих молодых сотрудников станет председателем совета директоров. — Клер подумал о Карсоне, потом добавил, наблюдая за реакцией Бьюмона: — Акции будет достаточно много.

Бьюмон проигнорировал приманку.

— И надо полагать, корпорация будет работать по контракту с правительством, ее единственным клиентом?

— Что-то в этом духе.

— Что ж, пожалуй, логично. Может быть, мне стоит переговорить с доктором О'Нилом?

— Прошу вас.

Бьюмон связался с О'Нилом и, когда тот появился на экране, завел разговор вполголоса. Вернее, вполголоса говорил только Бьюмон, сам О'Нил кричал так, что едва выдерживал микрофон. Клер тем временем пригласил Френсиса и Грейс и объяснил им, что происходит.

Наконец Бьюмон повернулся к ним лицом:

— Доктор желает поговорить с вами, мистер Клер.

— Что это за чушь собачья, которую мне пришлось тут выслушивать, сэр? — спросил О'Нил, смерив Клера холодным взглядом. — Как понимать ваши слова о том, что эффект О'Нила принадлежит компании?

— Это оговорено в вашем контракте, доктор. Вы разве не помните?

— Не помню? Я даже не читал эту дурацкую бумагу. Но предупреждаю: я потащу вас в суд, и разбирательство затянется на долгие годы. Я не позволю так себя дурачить!

— Подождите, доктор, — успокаивающе произнес Клер. — Мы не собираемся пользоваться преимуществом, предоставленным нам всего лишь юридической формальностью, и никто не оспаривает ваши права. Позвольте мне обрисовать, что я имею в виду... — И он вкратце изложил ему свою идею корпорации.

О'Нил внимательно дослушал, но лицо его по-прежнему хранило неумолимое выражение.

— Меня это не интересует, — сказал он резко. — Я, скорее, передам все свои права правительству.

— Я не упомянул еще одно условие, — добавил Клер.

— И можете не беспокоиться.

— Видимо, все же придется. Это будет, скорее, джентльменское соглашение, но оно очень важно. У вас хранится «Цветок забвения»...

— Что значит «хранится»? — мгновенно насторожился О'Нил. — Это моя собственность. Моя. Понятно?

— Согласен, — сказал Клер. — Однако мы делаем уступку в отношении подписанного вами контракта и хотим кое-что взамен.

— Что именно? — Упоминание о «Цветке забвения» сразу поубавило О'Нилу самоуверенности.

— Вы остаетесь владельцем «Цветка», но должны пообещать, что я, мистер Френсис и мисс Кормет имеем право появляться иногда у вас, чтобы взглянуть на ваше приобретение. Возможно, это будет случаться довольно часто.

О'Нил даже оторопел:

— Вы хотите сказать, что будете просто *смотреть* на «Цветок»?

— Да, именно.

— Просто смотреть и *наслаждаться*?

— Совершенно верно.

Теперь О'Нил взглянул на него по-новому, с уважением:

— Я не оценил вас раньше, мистер Клер. Приношу свои извинения. А насчет этой корпорации... Поступайте как зна-

ете. Мне все равно. Вы, мистер Френсис и мисс Кормет можете появляться и смотреть на «Цветок», когда пожелаете. Даю слово.

— Спасибо, доктор. От нас от всех, — сказал Клер быстро, насколько это было возможно, чтобы не показаться невежливым, распрощался и отключил экран.

Когда Бьюмон заговорил, в его голосе тоже чувствовалось гораздо больше уважения:

— В следующий раз я, по-видимому, просто не стану вмешиваться в подобные дела: вы справляетесь с ними гораздо лучше. Ну а сейчас мне пора. До свидания, джентльмены, до свидания, мисс Кормет.

Он вышел, дверь за ним опустилась на место, и Грейс сказала:

— Похоже, дело сделано.

— Да, — откликнулся Клер. — Мы «вывели его собаку погулять». О'Нил получил то, о чем мечтал. Бьюмон — тоже, и даже сверх того.

— Но что именно ему нужно?

— Не знаю, но подозреваю, что он хочет стать первым президентом Федеративной Солнечной системы, если таковая когда-нибудь образуется. С нашими козырными картами у него есть шанс. Вы представляете себе потенциальные возможности эффекта О'Нила?

— Смутно, — сказал Френсис.

— А ты думал, например, какую революцию он произведет в космонавигации? Или о широчайших возможностях колонизации новых планет, которые он откроет? Или хотя бы об использовании эффекта в индустрии развлечений? В одной только этой области он сулит несметные богатства.

— А что получим с него конкретно мы?

— Как что? Деньги, старина. Горы денег. Когда даешь людям то, что они хотят, это всегда прибыльно, — сказал Клер, поднимая взгляд на эмблему компании с изображением шотландской овчарки.

— Деньги... — повторил Френсис. — Да, видимо.

— И плюс к тому, — добавила Грейс, — мы всегда можем съездить посмотреть на «Цветок».

КОММЕНТАРИЙ

Рассказ «...А еще мы выгуливаем собак» Хайнлайн обсудил с Джоном Кэмпбеллом во время своей поездки в Нью-Йорк в 1940 году. Эта история уже некоторое время крутилась у него в голове, и, вполне возможно, отправной точкой стала идея Форреста Дж. Аккермана о сервисной «службе» — идея, которую он реализовал в 1941 году. Хайнлайн рассказывал об этом Фреду Полу в письме 1941 года:

Его последний проект «Ассорти-сервис», похоже, развивается быстрыми темпами. Эта идея на миллион долларов; однажды Форри может проснуться республиканцем. Но скорее всего, нет — он способен терять деньги быстрее, чем может их зарабатывать. Хороший парень.

А еще рассказ был написан ради 100 долларов, которые Хайнлайн хотел одолжить брату, у него как раз вышла вся наличка, он потратил ее на поездку в Денвер, где проходил третий Мировой конвент научной фантастики. Хайнлайн (по настоянию Аккермана) был там в качестве почетного гостя. Позднее Аккерман расшифровал записи с конвента и опубликовал «Речь почетного гостя» Хайнлайна в виде маленького (16 страниц) фэнзина нестандартного альбомного формата, размноженного на mimeографе с зелеными чернилами. В выходных данных значилось: «Инновационная публикация. Подготовлено „Ассорти-сервис“». Сегодня этот маленький десятицентовый журнальчик, изданный ограниченным тиражом в 200 экземпляров, фигурирует на букинистических рынках как «первое книжное издание Роберта Хайнлайна», цены на него по состоянию на 2008 год варьировались от 1200 до 2000 долларов. Вот только Аккерман не попросил у Хайнлайна разрешения расшифровывать и продавать его речь «Открытие будущего» журналу «Writers' Markets and Methods», да и позже, когда переиздал текст тиражом 200 экземпляров, он сделал это тишком. Но зато его «Ассорти-сервис» стали частью истории — в виде упомянутого буклета.

У рассказа «...А еще мы выгуливаем собак» была странная судьба. Когда в 1948 году «Shasta Books» решила выпустить пятитомник с «Историей будущего», планировалось, что Хайнлайн напишет десять новелл, чтобы заполнить пробелы в цикле. Для первого тома он написал «Человек, который продал Луну», и история оказалась настолько сильной, что книгу срочно пе-

реименовали под название этой повести. Она пользовалась таким спросом, что три года эксклюзивных прав, предоставленных Хайнлайном издательству, принесли «Shasta» тысячи долларов на переизданиях. Хайнлайн крепко задумался, стоит ли повторять подобное для следующих томов. Он не любил терять деньги, да и сыт был по горло практикой деловых взаимоотношений, принятой в «Shasta Books». Она просто сводила его с ума.

Так что в следующем томе, «„Зеленые холмы Земли“ и другие истории», осталась большущая дыра из-за ненаписанной вещи. Дыру заткнули рассказом подходящего размера, им стал «...А еще мы выгуливаем собак». Он не был рассказом из цикла «История будущего»: марсиане и некоторые другие детали в этом рассказе совершенно несовместимы с миром цикла. Но его включение в канон было освящено томиком «Shasta». Когда практика деловых взаимоотношений с «Shasta» привела их к разрыву, Хайнлайн выкупил печатные формы для всех трех томов, которые успели выйти.

В 1963 году Хайнлайн предложил всю серию своему новому издателю, «Putnam's». Он хотел при этом использовать имевшиеся у него печатные формы, но его редактор Уолтер Минтон указал, что во всех трех наборах не выдержан единый формат, и «Putnam's» в любом случае сделает все куда более стильно. Так что они наберут книгу заново. При редактировании «The Past Through Tomogow» случилась небольшая заминка. Написать введение пригласили Деймона Найта, и он предложил редактору, Уильяму Таргу, убрать из сборника рассказ «Да будет свет!», потому что он заметно слабее остальных текстов. Тарг согласился, и рассказ убрали, но при этом по поводу «...А еще мы выгуливаем собак» не было сказано ни единого слова. Так было еще раз подтверждено его место в «Истории будущего».

ПОИСКОВЫЙ ЛУЧ

— Она вас услышит?

— Да, если находится на светлой стороне Луны. И если смогла выбраться из корабля. И если в скафандре уцелела рация. И если она ее включила. И если она жива. Корабль молчит, радиомаяк не фиксируется — маловероятно, что ей или пилоту удалось пережить катастрофу.

— Мы обязаны ее найти! Орбитальная станция, ждите. База «Тихо», подтвердите прием.

Ответ пришел с задержкой: три секунды от Вашингтона до Луны и обратно.

— Лунная база «Тихо». Комендант на связи.

— Генерал, распорядитесь, чтобы весь ваш персонал, до последнего человека, отправился на поиски Бетси!

Скорость света имеет свои пределы, и из-за задержки ответа казалось, что комендант отвечает с неохотой:

— Сэр, вы представляете, насколько велика Луна?

— Это не важно! Где-то там Бетси Барнс, и пусть ее ищут все, пока не найдут. А если она погибла, то вашему драгоценному пилоту тоже лучше оказаться мертвым!

— Сэр, лунная поверхность — это почти пятнадцать миллионов квадратных миль. Если я брошу на поиски весь персонал до последнего человека, каждому достанется больше тысячи квадратных миль. Я дал Бетси моего лучшего пилота, и я не намерен выслушивать угрозы в его адрес, когда он не в состоянии ответить сам. Ни у кого нет такого права, сэр! Меня уже тошнит от указчиков, не имеющих ни малейшего представления о том, в каких условиях мы тут работаем. Поэтому мой вам совет... нет, сэр, мое официальное

предложение: предоставьте станции «Меридиан» вести поиски. Быть может, этим людям удастся чудо.

— Ладно, генерал, — последовал сердитый отклик, — с вами мы поговорим позже. Станция «Меридиан»! Доложите о принятых мерах.

Элизабет Барнс, она же Слепая Бетси, гениальная маленькая пианистка, по приглашению Единой службы организации досуга войск отправилась на гастроль по Луне. Сорвав овации на базе «Тихо», она отправилась в маленькой ракете на базу «Фарсайд хардбэйз» — на обратной стороне Луны ее ждали истосковавшиеся по развлечениям ракетчики. Добраться туда Бетси предстояло за час, а пилота ей дали просто на всякий случай — реактивные джипы между «Тихо» и «Фарсайдом» курсировали в беспилотном режиме.

После старта корабль отклонился от запрограммированного маршрута и исчез с радаров «Тихо». Улететь он мог куда угодно... но не в космос, иначе бы рация звала на помощь, радиомаяк пеленговался бы другими кораблями, а также орбитальными станциями и лунными базами. Джип либо упал, либо совершил аварийную посадку где-то на бескрайних лунных просторах.

— Говорит директор орбитальной станции «Меридиан»... — Задержка не ощущалась: двадцать две тысячи триста миль между Вашингтоном и станцией радиосигнал преодолевал всего лишь за четверть секунды. — Мы скоординировали работу земных станций, и наш сигнал перекрывал всю видимую сторону Луны, а на обратную сторону ведет передачу висящая в точке Лагранжа станция «Ньютон». База «Тихо» отправила корабли на облет границы полушарий — это зона радиотени и для нас, и для «Ньютона». Если мы поймем...

— Понял, понял! Как насчет радарного поиска?

— Сэр, лежащую на поверхности ракету радар не отличит от скалы такого же размера, а этих скал там миллион. Наш единственный шанс — поймать их ответный сигнал... если они смогут его послать. Радар сверхвысокого разрешения способен обнаружить ракету, но на это могут уйти меся-

цы, а запас воздуха в их скафандрах рассчитан на шесть часов. Мы молимся, чтобы они нас услышали и ответили.

— А когда ответят, вы их найдете радиопеленгатором?

— Нет, сэр.

— Проклятие! Что значит — нет?

— Сэр, для таких задач радиопеленгатор не годится. Он лишь подтвердит, что передача ведется с поверхности Луны — а это мало чем нам поможет.

— Доктор, вы сказали, что можете *услышать* Бетси — но при этом не сможете понять, где она?

— Мы так же слепы, как и она. Надеемся, что Бетси сможет привести нас к себе... если услышит нас.

— Каким образом?

— С помощью лазерного луча. Узконаправленного мощного потока света. Она услышит его...

— *Услышит?* Луч света?

— Да, сэр. Мы экстренно собираем устройство для сканирования поверхности лучом лазера, наподобие радара. Такое сканирование ничего не покажет визуально, но мы будем модулировать несущую волну с частотой, на которую настроена рация скафандра. А сам сигнал промодулируем колебаниями звуковой частоты. Мы будем передавать звуки фортепиано. Если Бетси услышит нашу передачу, мы попросим ее послушать и просканируем Луну, пройдясь по всем октавам...

— Вы будете заниматься этой ерундой, когда маленькая девочка там *умирает*?!

— Мистер президент — заткнитесь!

— Кто это сказал?!

— Отец Бетси. Меня разыскали в Омахе и соединили со станцией. Прошу вас, мистер президент, успокойтесь и дайте людям работать. Я хочу, чтобы мне вернули дочь.

— Да, мистер Барнс, — сухо ответил президент. — Действуйте, директор. Любые ваши требования будут немедленно выполнены.

На станции «Меридиан» директор стер пот с лица:

— Результаты есть?

— Никаких. Шеф, нельзя ли что-нибудь сделать со станцией из Рио? Они сидят прямо на нашей частоте!

— Кирпич на него сбросим. Или бомбу. Джо, сообщи президенту.

— Я вас услышал, директор, — сказал президент. — Сейчас они заткнутся!

— Тсс! Тихо! Бетси... ты слышишь меня? — Оператор напрягся, взявшись за ручку настройки приемника.

Из динамика полился веселый нежный голосок:

— ...Кого-то наконец услышать! Господи, как же я рада! Поспешите, пожалуйста, — майор ранен.

Директор подскочил к микрофону:

— Да, Бетси! Конечно мы поспешим. Но ты должна нам помочь. Ты знаешь, где вы находитесь?

— Наверное, где-то на Луне. Мы сильно ударились, и я уже хотела пошутить по этому поводу, но тут ракета опрокинулась. Я отстегнулась и обнаружила, что майор Питерс не шевелится. Но он не умер, у него скафандр раздувается, как у меня, и что-то слышно, если приложиться шлемом к шлему. И мне наконец-то удалось открыть дверь. — После долгой паузы Бетси добавила: — Это не обратная сторона, на ней сейчас должно быть темно. А тут светит солнце, я уверена. Скафандр сильно греется.

— Бетси, надо оставаться снаружи. Там, откуда ты сможешь нас увидеть.

— Хорошая шутка, — хихикнула девочка. — Вообще-то, я вижу ушами.

— Правильно, ты увидишь нас ушами. Слушай внимательно, Бетси. Мы будем сканировать Луну лучом света. Когда он коснется твоего скафандра, раздастся хорошо знакомый тебе звук. Мы разделили поверхность Луны на восемьдесят восемь участков, по числу фортепианных клавиш. Услышишь — кричи: «Есть!» А потом скажешь нам, что это за клавиша. Справишься?

— Конечно, — уверенно ответила девочка. — Если фортепиано настроено.

— Настроено, не беспокойся. Итак, приступаем...

— *Есть!*

— Что за клавиша, Бетси?

— Ми-бемоль первой октавы.

— Ми-бемоль первой октавы?

— Именно так я и сказала.

— Где этот квадрат? — обратился директор к присутствующим. — В Море Облаков? Сообщите генералу. — И — в микрофон: — Милая Бетси, мы тебя найдем! Теперь просканируем только твой квадрат. Но сначала перенастроим аппаратуру, а на это уйдет какое-то время. Хочешь поговорить с папой?

— Ух ты! А можно?

— Ну почему же нет.

Через двадцать минут директор вернулся к рации и услышал:

— Что ты, папочка! Конечно не боюсь. Самую капельку было страшно, когда упал корабль. Но я же знала, что меня в беде не бросят. Люди всегда обо мне заботились.

— Бетси!

— Да, сэр?

— Надо снова послушать ноты.

— Есть! Соль на три октавы ниже.

— Уверена?

— Абсолютно.

— Ну вот, теперь мы имеем квадрат со стороны всего лишь десять миль! Отметьте это на сетке и свяжитесь с генералом, пусть отправляет туда корабли! Бетси, мы *почти* тебя нашли. Еще разок перенастроимся и определим точные координаты. А пока можешь вернуться на борт, там прохладно.

— Я не перегрелась, только вспотела немножко.

Через сорок минут загремел голос генерала:

— Корабль обнаружен! Она рядом, машет рукой!

КОММЕНТАРИЙ

Фразу «Рекламщик соблазнил меня, и я ел»¹ вполне можно поставить эпиграфом к этому рассказу; он ни за что бы не появился, если бы не чрезвычайная настойчивость рекламного специалиста, Д. Г. Стила из «Carson/Roberts, Inc».

¹ Пародирует Бытие, 3: 12. — *Примеч. С. В. Голд.*

Все началось с «милрой» идеи для рекламной кампании: для своего аккаунта в «Hoffman Electronics» они заставили известных писателей-фантастов представить себе электронику будущего, а затем написать короткие, не более 1200 слов, рассказы, которые они могли бы уместить на паре страниц в качестве рекламы. Прекрасная идея! А. Э. ван Вогт и Айзек Азимов уже написали по рассказику, и наш мистер Стил хотел, чтобы Роберт Хайнлайн был следующим. Он связался с Хайнлайном в самый последний момент, на исходе 1961 года, предложив 250 долларов, или 28 центов за слово, — неслыханный тариф для 1961 года.

Но и объем работы тоже был неслыханный: если Хайнлайн и был в чем-то уверен, так это в том, что он не был специалистом по микрорассказам. В действительности дела обстояли с точностью до наоборот: он, как правило, писал крупные вещи, а потом их сокращал, при этом обширные сокращения он воспринимал как пытку, нудную, утомительную, отнимающую массу времени. Даже 28 центов за слово не смогли его соблазнить. Он пытался спихнуть Стила на писателей, которые специализировались в подобных вещах, — например, на Фреда Брауна. Стил, конечно же, хотел привлечь к работе и Фреда Брауна, но сначала — Хайнлайна. Он поднял ставку. К марту 1962 года Стил предлагал «двойной или тройной» базовый тариф, а департамент исследований его фирмы пришел к заключению, что один из всевозможных трюков, изложенных Хайнлайном, — по сути, вариация на тему, как научить лазер свистеть, — может сработать.

Когда в мае их предложение достигло головокружительных 62 центов за слово, хищные коммерческие инстинкты Хайнлайна возобладали над всем остальным, и он согласился попробовать, на время отложив в сторону наработанные приемы создания многослойных подтекстов. В этой форме просто не хватало места ни для чего, кроме поворотов сюжета — да и для них этого места было чертовски мало. Первая версия «Поискового луча» составила почти 1900 слов — слишком много для рекламной полосы, но результат не был абсолютно безнадежен. Хайнлайн отжал из текста каждую капельку воды, утрамбовал характеры героев до уровня картона и вырезал все, что имело тенденцию к ветвлению сюжета. В конце концов он остановился — вплотную перед лимитом 1200 слов, опасаясь, что пациент вот-вот и навсегда останется подключенным к системе жизнеобеспечения.

Но мистер Стил счел, что этого вполне достаточно и рассказ хорош, поэтому он вышел в августе 1962 года в журнале «Scientific American», а в сентябре — в журнале «Fortune». Семь или восемь месяцев спустя «Поисковый луч» был награжден почетной грамотой на Ежегодной выставке рекламного и редакционного искусства Запада, в которой Хайнлайн был назван «копирайтером», на пару с Ральфом Юнгхаймом (который писал рекламный текст для «Hoffman»). Дитя оказалось вполне жизнеспособным и за пределами инкубатора, и годы спустя, собирая рассказы для сборника «Past Through Tomorrow», Хайнлайн вписал его в «Историю будущего».

ИСПЫТАНИЕ КОСМОСОМ

Наверное, нам вообще не стоило соваться в космос. Есть две вещи, которых каждый человек боится с самого рождения, — шум и высота. А космос находится настолько высоко, что непонятно, зачем человек в здравом уме забирается туда, откуда, если ему не повезет, он будет падать... и падать... и падать. Впрочем, все астронавты сумасшедшие. Это каждый знает.

Он решил, что врачи были к нему добры.

— Вам повезло. Вы не должны забывать об этом, старина. Вы еще молоды, а пенсия у вас такая, что о будущем можно не беспокоиться. Руки и ноги у вас целы, и вообще вы в прекрасной форме.

— Прекрасной! — В голос его непроизвольно закралась нотка презрения к самому себе.

— Но это на самом деле так, — продолжал мягко настаивать главный психиатр. — То, что с вами произошло, не причинило вам никакого вреда, если не считать того, что в космос вы больше не полетите. Честно говоря, я не могу назвать агорафобию неврозом — боязнь высоты вполне естественна. Она проявляется у вас сильнее, чем у многих, но это вполне нормально, если учесть, что вы пережили.

Одного напоминания об этом хватило, чтобы его снова начало трясти. Он закрыл глаза и увидел кружащиеся внизу звезды. Он падал... и падение это было бесконечным. Из забвения его вывел голос психиатра:

— Успокойтесь, старина. Вы на Земле.

— Извините.

— Не за что. А теперь скажите, что вы собираетесь делать дальше?

— Не знаю. Видимо, буду искать работу.

— Компания обеспечит вас работой, вы это знаете.

Он покачал головой:

— Я не хочу слоняться по космодрому.

Он представил себе, как будет ходить тут с маленьким значком на рубашке, показывающим, что когда-то он был человеком; откликаться на уважительное обращение «капитан»; доказывать, что своим прошлым он заслужил право на отдых в помещении для пилотов; замечать, как смолкает при его появлении разговор на профессиональные темы; думать о том, что говорят о нем за его спиной... Нет, спасибо!

— Я думаю, вы приняли мудрое решение. Лучше покончить с прошлым раз и навсегда — по крайней мере, до тех пор, пока вы не начнете чувствовать себя лучше.

— Вы думаете, этот день когда-нибудь наступит?

Психиатр поджал губы:

— Возможно. У вас чисто функциональное расстройство, травм нет.

— Но вы уверены, что этот день придет?

— Я этого не говорил. Признаться, я просто ничего не могу сказать по этому поводу. Мы до сих пор очень мало знаем об этом заболевании.

— Понятно. Ну, я, пожалуй, пойду.

Психиатр поднялся с кресла и сунул ему свою руку:

— Позвоните, если вам что-либо потребуется. И во всяком случае, не пропадите навсегда.

— Спасибо.

— С вами будет все в порядке. Я в этом убежден.

Однако, глядя в спину удаляющегося пациента, врач покачал головой. Походка этого человека уже ничем не напоминала легкую, уверенную поступь космонавта.

В те дни лишь небольшая часть Большого Нью-Йорка находилась под землей, но он, выйдя от врача, и не собирався подниматься наверх — подземка домчала его до гостиницы для холостяков. Он остановился у первой же двери, на

которой светилась надпись «Свободно», опустил в прорезь монету, забросил внутрь свою дорожную сумку с пожитками и вышел. Монитор на подземном перекрестке выдал ему адрес ближайшего бюро по трудоустройству. Добравшись до места, он уселся за стол для собеседований, дал компьютеру снять отпечатки пальцев и начал заполнять анкеты. У него появилось ощущение, что он вернулся в прошлое: последний раз он искал работу еще до того, как стал кадетом.

Графу «фамилия» он оставил пустой и, заполнив всю анкету, продолжал раздумывать. Известностью он был сыт по горло, у него не было желания, чтобы его узнавали и вокруг него поднимался ажиотаж, — больше всего он не хотел, чтобы ему рассказывали, какой он герой. Наконец он впечатал в пустую графу слова «Уильям Сондерс» и бросил листки в предназначенную для них щель. Он докуривал уже третью сигарету и потянулся за следующей, когда перед ним зажегся экран.

— Мистер Сондерс, — произнесла симпатичная брюнетка. — Пройдите, пожалуйста, комната семнадцать.

Когда он вошел, брюнетка указала ему на кресло и предложила сигарету.

— Устраивайтесь поудобнее, мистер Сондерс. Меня зовут мисс Джойс. Я бы хотела поговорить о вашем заявлении.

Он уселся и молча ждал продолжения.

Увидев, что он не расположен говорить, брюнетка добавила:

— Вы назвали себя мистером Сондерсом, но, судя по вашим отпечаткам, у вас другое имя. Мы знаем, кто вы на самом деле.

— Не сомневаюсь.

— Я понимаю, что раз вы назвали себя мистером Сондерсом, мистер...

— Сондерс.

— ...мистер Сондерс... Это заставило меня покопаться в вашем досье. — Она достала катушку с микрофильмом, повернув ее так, чтобы он смог разглядеть на ней свое имя. — Теперь я о вас знаю больше, чем вы сочли нужным напечатать в анкете. У вас хороший послужной список, мистер Сондерс.

— Благодарю.

— Но я не смогу воспользоваться им, чтобы подыскать вам работу. Я даже не имею права упоминать о нем, если вы будете настаивать, что ваша фамилия Сондерс.

— Моя фамилия Сондерс. — Голос его был спокойным и невозмутимым.

— Вы поступаете опрометчиво, мистер Сондерс. Существует много ситуаций, в которых престиж имени может быть совершенно законно использован для того, чтобы клиент получал гораздо более высокую ставку, чем...

— Мне это неинтересно.

Она посмотрела на него внимательно и решила не продолжать.

— Как хотите. Загляните в комнату «Б», там вы сможете пройти классификационные и профессиональные тесты.

— Благодарю.

— Если вы передумаете, мистер Сондерс, мы будем рады пересмотреть ваш вопрос. Сюда, пожалуйста.

Через три дня он уже работал в небольшой фирме, разрабатывающей системы связи на заказ. Проверял электронное оборудование. Это была монотонная, спокойная работа, полностью загружающая мозг и к тому же легкая для человека с его опытом и квалификацией. К концу трехмесячного испытательного срока он был переведен на более высокую должность.

Он устроил себе хорошо изолированное от внешнего мира логово, работал, спал, ел, иногда проводил вечер в библиотеке или Ассоциации молодых христиан и никогда, ни при каких обстоятельствах не выходил под открытое небо и не поднимался на высоту — даже театрального балкона.

Он старался вычеркнуть прошлое из памяти, но воспоминания все еще были свежи, и он нередко грезил наяву: морозное небо Марса, усыпанное колкими звездами, бурная ночная жизнь Венусбурга, раздутый красный Юпитер, его гигантское обрызгшее тело, сплющенное у полюсов и заполнявшее собой все небо над космопортом Ганимеда.

А иногда он снова испытывал сладкое спокойствие длинных вахт во время межпланетных перелетов. Но эти воспо-

минания были опасны, они подводили его слишком близко к краю достигнутого им душевного равновесия. С него было слишком легко соскользнуть, — и вот он уже снова борется за свою жизнь, цепляясь за свою последнюю скобу на стальных боках «Валькирии», пальцы немеют и разжимаются, а под ним нет ничего, только бездонный колодец космоса. Потом он возвращался на Землю, его неудержимо трясло, и он сидел, вцепившись в кресло или рабочий стол.

Когда это в первый раз произошло с ним во время работы, он заметил, что один из его коллег, Джо Талли, смотрит на него с явным любопытством.

— Что с тобой, Билл? — поинтересовался Джо. — Похмелье?

— Да нет, — ухитрился выговорить он. — Обычная простуда.

— Ты бы лучше принял таблетку. Пойдем, уже время ланча.

Талли пошел к лифту, у которого толпился народ. Большинство работников фирмы, даже женщины, предпочитали спускаться по желобу, но Талли всегда пользовался лифтом. Тот, кто называл себя Сондерсом, разумеется, избегал спуска по желобу, это сближало его с Талли, и за ланчем они сидели за одним столом. Он знал, что желоб безопасен, что, даже если вдруг отключится энергия, страховочная сеть подхватит его на следующем этаже, но он не мог заставить себя шагнуть с платформы в пустоту.

Талли во всеуслышание заявлял, что после такого спуска у него болит спина, но наедине он признался Сондерсу, что просто не доверяет автоматике. Сондерс понимающе кивнул и промолчал. Это усилило его симпатию к Талли. Впервые в начале новой жизни он не чувствовал необходимости быть настороже с другим человеком и начал считать Талли своим другом. Ему даже захотелось рассказать Талли всю правду о себе. И он рассказал бы, если бы был уверен, что Джо не начнет относиться к нему как к герою. Честно говоря, он, в общем-то, ничего не имел против роли героя. Еще ребенком — когда он бродил вокруг космопортов, обдумывая, как попасть на борт корабля, и прогуливая уроки ради того, чтобы наблюдать за взлетами, — он мечтал о том, что в один

прекрасный день станет героем, героем космических трасс, и будет триумфально возвращаться из какого-нибудь невероятного и опасного испытательного полета. Но его мучило то, что сейчас он не походил на того героя, которым мечтал быть когда-то: герой не должен избегать распахнутых окон, бояться пройти через площадь под открытым небом и наглухо замыкаться в себе при одной мысли о бесконечных глубинах космоса.

Талли пригласил его к себе домой на ужин. Ему хотелось пойти, но он попробовал уклониться от приглашения, когда узнал, где живет Талли, — в Шелтон-Хоумс, как сказал ему Джо, имея в виду одну из этих огромных коробок-муравейников, изуродовавших пейзаж Джерси.

— Слишком долго возвращаться, — с сомнением ответил Сондерс, проигрывая в уме, как по дороге избежать того, чего он боялся.

— Тебе не придется возвращаться, — заверил его Талли. — У нас есть комната для гостей. Ну давай приезжай. Моя старушка отлично готовит, потому-то я с ней и живу.

— Хорошо, — согласился он. — Спасибо, Джо. — Он решил, что от станции подземки Ла-Гуардия ему останется каких-нибудь четверть мили, и если он не найдет подземный переход, то может взять такси и задернуть шторы на окнах.

Талли встретил его в прихожей и шепотом извинился:

— Хотел пригласить для тебя девушку, Билл. А вместо этого к нам заявился зять, полное ничтожество. Прости.

— Да брось, Джо. Я рад, что пришел. — Он действительно был этому рад. Правда, известие о том, что Джо живет на тридцать пятом этаже, поначалу встревожило его, но вскоре он с облегчением обнаружил, что не чувствует высоты. В квартире горел свет, окна были закрыты, пол под ногами был твердым и прочным. Он чувствовал себя здесь в тепле и безопасности. К его удивлению, выяснилось, что миссис Талли действительно хорошая хозяйка, — как и все холостяки, он не доверял домашней кухне. Ощущение того, что он дома, ему рады и ничто не угрожает, смыло внутреннюю напряженность, и он даже умудрялся пропускать мимо ушей

большую часть агрессивных и самоуверенных сентенций зятя Талли.

После обеда он расслабился в мягком кресле с бокалом пива в руке и принялся смотреть видео. Показывали музыкальную комедию, и впервые за несколько месяцев он от души посмеялся. После комедии началась религиозная программа, выступление Национального кафедрального хора — ему нравилось так вот сидеть, прислушиваясь то к телевизору, то к разговору.

Хор уже допел «Молитву о путешественниках» до середины, когда он наконец осознал, что они поют:

...Услышь, мы молимся Тебе
За тех, кто нынче в море.

О Ты, правитель всех и вся,
Тебе покорен всяк,
До звезд простерлась власть Твоя,
Ты всем внушаешь страх,
Но будь же милостив.
Но будь Ты милосерден к тем,
Кто в космосе сейчас летит,
В бездонной пустоте.

Он хотел сразу же выключить телевизор, но не смог — он должен был дослушать это до конца, хотя слова пронзали его сердце и заставляли чувствовать себя вечным изгнанником, страдающим от невыносимой тоски по дому. Даже когда он был кадетом, при исполнении этого гимна на глаза его наворачивались слезы, и сейчас он наклонил голову, чтобы никто не увидел мокрых дорожек на его щеках.

Хор пропел «аминь», и он быстро переключил телевизор на другую, не важно какую, программу и склонился над пультом, делая вид, что изучает его, пытаясь вернуть самообладание. Когда он повернулся к остальным, внешне он был абсолютно спокоен, но ему казалось, что все видят комок боли, набухающий и ворочающийся в его груди.

Зять все еще шумел.

— Мы должны их аннексировать, — доказывал он, — и только так! Договор трех планет — вздор! Как они смеют указывать нам, что мы можем и чего не можем делать на Марсе?

— Но, Эд, — примиряюще произнес Талли, — ведь это их планета, не так ли? Они были там первыми.

Эд не обратил на его слова никакого внимания:

— Разве мы спрашивали индейцев, нравится ли им наше присутствие в Северной Америке? Никто не имеет права цепляться за то, чем он не способен распорядиться как следует. Если правильно использовать Марс...

— Это твои собственные теории, Эд?

— Это были бы не теории, если бы наше правительство не было кучкой безвольных баб. «Права коренных жителей», вот еще! Какие могут быть права у сборища дегенератов?

Сондерс вдруг поймал себя на том, что сравнивает Эда Шульца с Кнатом Суутом, единственным марсианином, которого он близко знал. Интеллигентным Кнатом, который по земным меркам был уже стариком, а среди марсиан считался юношей. Кнат... Да, Кнат часами мог сидеть рядом с другом или хорошим знакомым, не говоря ни слова, потому что слова были не нужны. Марсиане называли это «расти вместе» — так «росла вместе» вся их раса, и до появления землян они не нуждались в правительстве.

Сондерс однажды спросил друга, почему тот практически ни к чему не стремится и довольствуется столь малым. Прошло больше часа, и Сондерс уже начал сожалеть о своем любопытстве, когда Кнат наконец ответил:

— Мои отцы трудились, а я устал.

Сондерс поднял голову и посмотрел зятю в глаза:

— Они не дегенераты.

— Да ну? А вы, конечно, эксперт в этом вопросе!

— Марсиане не дегенераты, они просто устали, — твердо повторил Сондерс.

Талли ухмыльнулся. Зять, заметив его ухмылку, померчал:

— Откуда вы знаете? Вы были на Марсе?

Сондерс спохватился, что утратил бдительность.

— А вы? — осторожно спросил он.

— Это к делу не относится. Лучшие умы соглашались, что...

Разговор перестал занимать Билла, и он решил больше не возражать, только с облегчением вздохнул, когда Талли

заметил, что всем им утром рано вставать и, наверное, пора уже готовиться ко сну.

Билл пожелал миссис Талли спокойной ночи, поблагодарил ее за чудесный обед и отправился за Талли в гостевую комнату.

— Эд — наше семейное проклятье; единственный способ избавиться от него — уйти спать, — извинился Талли. — Живи у нас сколько захочешь. — Он подошел к окну и открыл его. — Здесь тебе будет хорошо спаться. Мы живем достаточно высоко, и воздух у нас действительно чистый. — Он высунул голову в окно и несколько раз глубоко вдохнул. — Ничто не заменит свежий воздух, — добавил он, отойдя от окна. — В душе я до сих пор остаюсь деревенским парнем. Что с тобой, Билл?

— Ничего. Абсолютно ничего.

— Мне показалось, что ты побледнел. Ну ладно, спокойного сна. Кровать разбудит тебя в семь. Ты сможешь хорошо выспаться.

— Спасибо, Джо. Спокойной ночи. — Как только Талли вышел из комнаты, он собрался с силами, подошел к окну и закрыл его. Затем, обливаясь потом, включил вентиляцию и опустился на край кровати.

Билл долго сидел так, выкуривая сигарету за сигаретой. Он понял, что ошибся, полагая, будто обрел внутреннее спокойствие. Впереди его ждали стыд за самого себя и мучительная, непроходящая душевная боль. Теперь он всегда будет пасовать перед такими ничтожествами, как Эд Шульц, — лучше бы вообще не выйти живым из той перестрелки с «Валькирией».

Наконец он достал из кармана упаковку снотворного и лег, проглотив сразу пять таблеток. Потом заставил себя встать, чуть приоткрыть окно и отключил сенсоры кровати, чтобы она не гасила свет, когда он ляжет.

Вскоре пришел сон. Он снова был в космосе — на самом деле он никогда с ним и не расставался. Он был счастлив, как человек, который проснулся и обнаружил, что все дурное, что с ним происходило, было лишь страшным сном.

Его разбудил плач. Сначала Билл испытал лишь легкое беспокойство, но затем почувствовал, что нужно что-то пред-

принять. Именно из-за этого плача ему начал сниться момент падения. Но для него это был не сон, а реальность. Биллу снилось, что его руки цепляются за скобы, скользят, соскальзывают, а под ногами нет ничего, лишь черная пустота космоса...

Он проснулся, судорожно ловя ртом воздух, и увидел, что лежит на кровати в квартире Джо Талли, а в комнате горит яркий свет. Но плач ему не приснился — он продолжался.

Билл потряс головой, затем прислушался. Это была не иллюзия. Он понял: это была кошка, вернее, котенок.

Билл сел на кровати. Даже если бы он не разделял традиционной любви космонавтов к кошкам, он бы все равно пошел разузнать, в чем дело. Но он любил кошек как таковых, не говоря уже об их чистоплотности на кораблях, их легкой адаптации к смене ускорения и тому факту, что их присутствие избавляет корабль от других существ, которые следуют за человеком, куда бы тот ни отправился. Поэтому Билл быстро встал и отправился на поиски.

Беглый осмотр показал, что в комнате котенка нет, а слух подсказал, что звук доносится через слегка приоткрытое окно. Билл замер от испуга и попытался собраться с мыслями.

Он говорил себе, что от него ничего не требуется, звук, вероятно, доносится из соседнего окна. Но понимал, что лжет самому себе — звук был слишком близко. Каким-то загадочным образом котенок очутился прямо за окном, на высоте тридцать пятого этажа.

Билл снова сел и достал сигарету, но она сломалась в его дрожащих пальцах. Он уронил ее на пол, встал и сделал шесть напряженных шагов к окну — он шел так, словно его сильно толкали в спину. Затем опустился на колени, широко распахнул окно и, крепко зажмурив глаза, ухватился за подоконник.

Через некоторое время его перестало трясти. Билл открыл глаза, задохнулся и вновь зажмурился, потом снова открыл их, стараясь не смотреть на землю и звезды. Он был почти уверен, что котенок сидит на соседнем балконе прямо за окном, — это казалось единственным разумным объяс-

нением. Но выяснилось, что балкона нет, нет ничего, где, по логике вещей, мог находиться котенок.

А мяуканье становилось все громче, будто бы оно доносится прямо из-под ног. Все еще держась за подоконник, Билл медленно опустил голову и заставил себя посмотреть вниз. Под ним, примерно в трех футах ниже окна, здание облегал узкий карниз. На нем сидел несчастный, жалкий котенок. Он посмотрел на человека и мяукнул.

Билл понимал, что если он ухватится одной рукой за подоконник, то сможет достать котенка, высунувшись по пояс из окна, — но он не сможет себя заставить это сделать. Он прикинул, не позвать ли Талли, но решил, что не стоит. Талли был ниже его ростом и наверняка не смог бы достать котенка таким образом. К тому же спасать котенка надо было срочно, иначе этот пушистый дурачок попытается прыгнуть и сорвется вниз.

Билл решил попробовать. Высунувшись, он левой рукой ухватился за подоконник и вытянул вниз правую. Затем открыл глаза и увидел, что до котенка остается каких-то двадцать-тридцать сантиметров. Котенок, увидев руку, с любопытством принялся.

Билл потянулся изо всех сил, так что захрустели суставы. Котенок быстро отскочил от тянущихся к нему пальцев, затем уселся в шести футах дальше по карнизу и принялся умываться.

Билл вернулся в комнату и бессильно рухнул на пол под окном.

— Я не могу, — прошептал он. — Я не могу сделать это еще раз...

Космический корабль «Валькирия» находился в двухстах сорока девяти днях полета от космического терминала «Земля—Луна» и приближался к Марсианскому терминалу на Деймосе, одном из спутников Марса. Уильям Коул, старший офицер связи и второй пилот, сладко спал, когда помощник начал трясти его.

— Эй, Билл! Проснись — у нас беда!

— Что? В чем дело? — Он уже тянулся к одежде. — В чем дело, Том?

Через пятнадцать минут Билл уже знал, что его помощник не преувеличивал: главный радиолокатор вышел из строя. Билл сообщил об этом Старику. Том Сэндбург обнаружил это во время очередной проверки, когда Марс уже находился в пределах досягаемости локатора. Капитан выслушал доклад и пожал плечами:

— Исправьте, и побыстрее. Без локатора нам не обойтись.

Билл Коул покачал головой:

— Внутренние системы в порядке, капитан, — похоже, у него отломалась антенна.

— Это невозможно. Это мог сделать только метеорит, но защитная система корабля подала бы сигнал.

— Могло произойти все, что угодно, капитан. Это могла быть усталость металла, и антенна просто отвалилась. Так или иначе, антенну надо менять. Прекратите вращение корабля, я вылезу и установлю новую. Я смогу это сделать, как только корабль начнет сбрасывать обороты.

Для своего времени «Валькирия» была великолепным кораблем. Ее построили задолго до того, как родилась идея создания искусственного гравитационного поля. Тем не менее для удобства пассажиров здесь применялась псевдогравитация. «Валькирия» постоянно вращалась вокруг своей оси, как пуля, выпущенная из винтовки. В результате угловое ускорение — его почему-то называют «центробежной силой» — давало пассажирам возможность спокойно стоять или лежать в гамаках. Вращение начиналось, когда отключались ракетные ускорители, выводившие корабль на орбиту, а заканчивалось при посадке. Все это достигалось с помощью обратного вращения маховика, установленного на центральной оси корабля.

Капитан выглядел раздраженным.

— Я начал сбрасывать обороты, но мы не можем долго ждать. Перестройте астронавигационный локатор для пилотирования.

Коул начал было объяснять, почему радиолокатор не может быть использован для работы в малом радиусе, но затем замолчал.

— Это невозможно, сэр. Технически невозможно.

— Когда я был в вашем возрасте, для меня не существовало ничего невозможного! Что ж, найдите другой выход из положения. Я не могу сажать корабль вслепую. Даже если мне дадут за это медаль Гарримана.

Билл Коул какое-то мгновение колебался, прежде чем ответить.

— Мне придется самому выйти в космос и заменить антенну, капитан. Ничего другого я предложить не могу.

Капитан отвернулся, сжав зубы:

— Готовьте запасную антенну. И поторопитесь.

Когда Коул с инструментами и запасной антенной прибыл к шлюзу, он увидел там капитана. К его удивлению, Старик был в скафандре.

— Объясните мне, что надо делать, — приказал он Биллу.

— Вы собираетесь выйти, сэр?

Капитан молча кивнул.

Билл посмотрел на талию капитана, точнее, на то место, где она должна была находиться. И подумал, что капитану лет тридцать пять, не меньше.

— Боюсь, я не смогу четко все объяснить. Я рассчитывал сделать это своими руками.

— Я никогда никому не поручал заданий, которых не могу выполнить сам. Объясните.

— Извините, сэр, вы можете подтянуться на одной руке?

— При чем здесь это?

— У нас на борту сорок восемь пассажиров...

— Молчать!

После того как внутренняя дверь шлюза была закрыта, а воздух откачан, Билл и Сэндбург, оба в скафандрах, помогли Старiku спуститься в люк. Снаружи была бездонная, испещренная звездами пустота. Корабль все еще вращался, и любое движение наружу означало движение вниз, туда, в миллионы миль пустоты. Естественно, они пристегнули к поясу капитана трос, и все-таки у Билла упало сердце, когда он увидел, как капитан растворяется в бездонной черной дыре.

Трос, намотанный на барабан, пополз вперед, но через пару метров остановился. Прошло несколько минут, трос не

шелохнулся, и Билл, наклонившись, коснулся своим шлемом шлема Сэндбурга и сказал:

— Подержи меня за ноги. Я выгляну наружу.

Он высунул голову через люк и огляделся. Капитан неподвижно висел на руках, держась за вмонтированную в корпус скобу, так и не приблизившись к антенне. Билл дал Сэндбургу знак втащить его обратно и встал на ноги:

— Я пошел.

Повиснув на двух руках и раскачиваясь, он без особых усилий приближался к капитану. «Валькирия» была настоящим межпланетным кораблем, а не местной ракетой с зализанным корпусом, какие можно видеть на земных космодромах, на ее корпусе были скобы, предназначавшиеся для удобства портовых ремонтников. Оказавшись рядом с капитаном, Билл, ухватившись за скобу, на которой тот висел, помог ему перейти на следующую — ближе к отсеку. Пять минут спустя Сэндбург втаскивал Старика в отсек, а за ним карабкался Билл.

Он снял запасную антенну и инструмент со скафандра капитана и пристегнул к своему. А затем снова пополз обратно в люк, не дожидаясь, пока капитан придет в себя настолько, что начнет возражать, если, конечно, он все еще собирался возражать.

Добраться до антенны, раскачиваясь от скобы к скобе, было не так уж сложно, хотя под ногами у него была бездна. Скафандр несколько замедлял его движение — перчатки были слишком неуклюжими, — но он привык к скафандрам. Он был в восторге оттого, что пришел на помощь капитану, и не переставал думать об этом. Его немного беспокоило, что вращение усиливалось, — отсек был расположен ближе к оси вращения, чем антенна, и он чувствовал, как растет его вес.

Установить запасную антенну оказалось непросто. Она была нормального размера и весила немного, но он не мог закрепить ее на месте. Одной рукой он схватился за скобу, другой придерживал антенну, а гаечный ключ держать было нечем. Как он ни старался, у него ничего не получалось, не хватало одной руки.

Наконец он принял решение и дернул за страховочный трос, давая Сэндбургу сигнал ослабить его. Затем отстегнул карабин от пояса и, держась одной рукой, второй дважды обмотал трос вокруг скобы и завязал узлом, оставив висеть свободный конец около шести футов, и прикрепил карабин ко второй скобе. Получилась петля, нечто вроде веревочного сиденья, которое выдерживало его вес, пока он вставлял запасную антенну на место. Теперь дело пошло.

Он почти закончил работу. Ему оставалось затянуть дальний от него болт. Антенна уже была закреплена в двух местах и действовала. Он решил, что для выполнения последней задачи ему хватит одной руки. Он приподнялся со своего импровизированного сиденья и, раскачиваясь, как обезьяна, оказался с другой стороны антенны.

Гаечный ключ соскользнул, когда он уже закончил затягивать болт, ключ вырвался из его рук и полетел вниз, вниз, вниз... У него закружилась голова, пока он смотрел на сверкающий на солнце ключ, постепенно теряющийся в черной космической мгле. До этого он был слишком занят, чтобы смотреть вниз.

По его спине пробежала дрожь.

— Слава богу, что я все закончил, — сказал он себе. — Чтобы подобрать ключ, пришлось бы слишком далеко идти.

Он собрался возвращаться назад.

И обнаружил, что не может этого сделать.

Добираясь сюда, он раскачался, держась за трос, это дало ему лишние несколько дюймов. Теперь трос висел на другой стороне и дотянуться до него он не мог. Возвращение было невозможно.

Он висел, держась обеими руками за скобу, и уговаривал себя не поддаваться панике. Не может быть, чтобы не нашлось выхода. Обойти корабль с другой стороны? Но с этой стороны корпус «Валькирии» был гладким, ни одной скобы ближе шести футов. Даже если бы он не устал — а ему пришлось признать, что он устал и замерз, — даже если бы он был полон сил, это был трюк, на который способна разве что шимпанзе.

Он еще раз посмотрел вниз и тут же пожалел об этом.

Под ним были звезды, бесконечные звезды в бесконечной глубине. Корабль кружил под ним и вместе с ним, звез-

ды пронеслись мимо, вокруг была пустота всех времен, тьма и холод.

Он попытался забраться на скобу, стараясь закинуть на нее ноги. Это была тщетная и ненужная попытка, отнявшая у него много сил. Он подавил охвативший его страх и снова повис на руках.

С закрытыми глазами висеть было легче. Но время от времени он все же открывал их и вглядывался в то, что его окружало. Мимо проплыла Большая Медведица, за ней — Орион. Он пытался считать минуты по количеству вращений корабля, но обнаружил, что не может быстро соображать, и опять закрыл глаза.

Руки начинали неметь и замерзать. Билл решил висеть сменяя руки, отпустил левую, почувствовал резкие уколы — начало восстанавливаться кровообращение — и постукал ею по телу. Потом решил, что пора дать передышку правой руке.

Он обнаружил, что не может дотянуться до скобы левой рукой. У него уже не было сил на отчаянный рывок, он не мог подтянуться и схватить скобу второй рукой.

Правую руку он уже не чувствовал.

Билл видел, как она скользит по скобе, соскальзывает с нее...

Потом он почувствовал, что напряжение спало, и понял, что летит вниз... вниз...

Корабль удалялся от него.

Когда он пришел в себя, то увидел склонившегося над ним капитана.

— Лежи спокойно, Билл.

— Где...

— Все нормально. Когда ты упал, патруль с Деймоса был уже рядом. Их приборы зафиксировали твое падение, они отследили тебя, согласовали траекторию и подобрали. Насколько мне известно, это первый случай в истории. А теперь лежи спокойно. Ты болен, Билл, — ты провисел там более двух часов.

До него снова донеслось мяуканье, на этот раз оно казалось громче. Билл встал на колени и перегнулся через подоконник. Котенок сидел слева, по-прежнему далеко от окна. Билл высунулся чуть дальше, помня о том, что смотреть надо только на котенка и никуда больше.

— Кис-кис! — позвал он. — Эй, кис-кис! Сюда, давай сюда!

Котенок перестал умыться, вид у него был растерянный.

— Давай, котя, — мягко повторил Билл. Он оторвал одну руку от подоконника и поманил котенка пальцем. Тот подошел чуть ближе и снова сел. — Котик, — умоляющим голосом позвал Билл и вытянул руку как можно дальше.

Пушистый комок тут же отступил назад.

Билл убрал руку и начал обдумывать ситуацию. Все его попытки оказались напрасными. Вот если бы перелезть через подоконник и встать на карниз, держась за оконную раму... Он знал, что опасности в этом нет никакой — если только не смотреть вниз!

Он встал коленями на подоконник, спиной к улице, и, держась за него обеими руками, начал опускать ноги, скользя ими по стене здания. Взгляд он сосредоточил на углу кровати.

Казалось, карниз переместился. Билл никак не мог нащупать его и уже решил, что промахнулся, когда наконец коснулся его пальцами ног. Тогда он решительно встал на него обеими ногами. Карниз был сантиметров пятнадцать шириной. Он глубоко вздохнул.

Оторвав правую руку от подоконника, он повернулся и посмотрел на котенка. Того явно заинтересовало происходящее, но подходить ближе он не собирался. Билл решил, что сможет немного продвинуться по карнизу, держась одной рукой за оконную раму, а другой поймать котенка...

Он сделал несколько медленных, неуклюжих шагов, как ребенок, только начавший ходить. Слегка согнув колени и наклонившись вперед, он готов был схватить котенка. Котенок понюхал протянутые к нему пальцы и отскочил назад. Одна лапка соскользнула с карниза, но он тут же восстановил равновесие.

— Дурачок, — укоризненно сказал Билл, — хочешь шмякнуться об асфальт? Пошевели мозгами, если они у тебя есть, — добавил он. Ситуация казалась безнадежной: теперь, как бы он ни тянулся, он не мог достать котенка, не отпуская окно. Он несколько раз позвал его без особой надежды и задумался, как быть дальше.

Он мог махнуть на все рукой.

Он мог простоять здесь всю ночь в надежде, что котенок подойдет ближе. Или мог оторваться от окна и поймать его.

Карниз был достаточно широк и спокойно выдерживал его вес. Если Билл прижмется к стене, то сможет держаться за нее левой рукой. Он начал медленно продвигаться вперед, цепляясь за окно до тех пор, пока оно не ушло из-под пальцев, и перемещался так медленно, что ему показалось, будто он стоит на месте. Затем, когда его левая рука коснулась стены, он сделал ошибку, на мгновение посмотрев вниз, на сверкающую далеко под ним мостовую.

Он быстро перевел глаза на стену и начал смотреть на точку, находившуюся на уровне глаз чуть впереди. Он все еще был на карнизе!

И котенок тоже. Билл осторожно двинул правую ногу вперед и согнул колени. Его правая рука опустилась позади котенка.

Он сделал резкое размашистое движение, словно ловил муху, и котенок оказался у него в руке — царапающийся и кусающийся мохнатый комочек.

На секунду Билл замер, не обращая внимания на сопротивление котенка, а потом, вытянув руки вдоль стены, пошел назад. Он не видел, куда идет, так как не мог повернуть голову, в противном случае ему грозила потеря равновесия. Путь обратно казался бесконечно долгим, куда более долгим, чем путь сюда, но наконец кончики его пальцев коснулись рамы.

Еще несколько секунд, и он грудью лег на подоконник, затем закинул на него правое колено. Он долго оставался в этом положении, пытаясь прийти в себя и восстанавливая дыхание.

— Да, — сказал он громко, — это было непросто. Ты, дружок, создаешь серьезную угрозу уличному движению.

Билл посмотрел на мостовую: до нее было далеко, и выглядела она довольно неприветливо.

Он перевел взгляд на звезды. Они были яркие и прекрасны. Он сел в оконном проеме, откинувшись спиной на одну сторону и уперев ногу в другую, и стал смотреть на звезды. Котенок устроился поудобнее у него на животе и замурлыкал. Билл рассеянно погладил его и потянулся за сигаретой. Он подумал, что завтра явится в космопорт и пройдет все физические и психологические тесты. Он почесал котенка за ухом.

— Ну что, пушистый, — спросил он, — хочешь отправиться со мной в долгое-долгое путешествие?

КОММЕНТАРИЙ

Рассказ «Сломанные крылья» Хайнлайн отправил своему агенту, Лертону Блассингейму, в ноябре 1947 года. Лертону рассказ понравился: «Это лучшее из того, что вы сделали за последнее время. Поздравляю!» И действительно, середина 1947 года далась Хайнлайну очень нелегко: его брак рухнул, его рассказы никто не покупал, и он начал задаваться вопросом: есть ли у него вообще какой-то шанс в качестве писателя? Но «Сломанные крылья» выглядели очень многообещающе — это было именно то, что требовалось глянцевым журналам: интересная широкой публике история о том, как агорафоб преодолевает свои страхи ради спасения котенка на карнизе.

Тем большим сюрпризом стало, когда рассказ отфутболили один за другим все потенциальные покупатели. «Эти истории о космических кораблях, — писал редактор „Post“, — плохо принимают наши читатели». Разительное отличие от весны, когда «Зеленые холмы» получили больше одобрительных писем, чем любой когда-либо опубликованный рассказ. В планах «Post» еще оставался один рассказ Хайнлайна, он должен был выйти в январе, но, похоже, этот рынок был уже потерян. Да и все прочие глянцевые журналы как будто разом закрыли тему грядущих безумных дней. Правда, рассказ в конце концов приобрел журнал «Town & Country» и под несколько излишне драматичным названием «Испытание космосом» опубликовал его в майском номере 1948 года. И дальше его знали только под этим названием.

У этой истории было одно интересное продолжение: Хайнлайн написал свой вариант текста для традиционной «Молитвы о странствующих» (также известной как «Гимн ВМФ»). Если прежний текст просил Бога о безопасности земных путешественников, то новая версия распространяла Божью защиту на космическое пространство:

О Ты, правитель всех и вся,
Тебе покорен всяк,
До звезд простерлась власть Твоя,
Ты всем внушаешь страх,
Но будь же милостив.
Но будь Ты милосерден к тем,
Кто в космосе сейчас летит,
В бездонной пустоте.

Текст молитвы был напечатан в Воскресном бюллетене епископальной церкви Святого Марка 23 апреля 1973 года и спет как дополнение к «Молитве о странствующих». Как писал Джеймс Гиффорд в своей книге «Robert A. Heinlein: A Reader's Companion»: «В то воскресное утро экипаж лунного модуля „Орион“ экспедиции „Аполлон-14“, Джон Янг и Чарльз Дьюк, готовился к вылету из кратера Декарта для встречи с командным модулем „Каспер“ под управлением пилота Кена Маттингли».

ЗЕЛЕННЫЕ ХОЛМЫ ЗЕМЛИ

1

Это история о Райслинге, Слепом Певце Космических Дорог... Разве что — не официальная версия.

В школе вы пели его слова:

А под последнюю посадку,
Судьба, мне шарик мой пошли.
Дай приласкать усталым взглядом
Зеленые холмы Земли¹.

Возможно, что пели вы по-французски или по-немецки. А может, это был эсперанто и над вашей головой развевалось радужное знамя Терры.

Не важно, какой это был язык, — в любом случае это был язык *Земли*. Никто не переводил «Зеленые холмы» на шепелявую венерианскую речь; ни один марсианин не каркал и не вышептывал их в длинных сухих коридорах. Эти стихи — наши. Мы, с Земли, экспортировали все — от голливудских ужастиков до синтетических актиноидов, но «Холмы» принадлежали исключительно Терре, ее сыновьям и дочерям, где бы они ни находились.

Все слышали множество историй про Райслинга. Может, вы даже из тех, кто снискал ученую степень или получил признание за научную оценку его опубликованных сборников, таких как «Песни космических дорог», «„Большой канал“ и другие поэмы», «Выше и дальше» и «Кораблю — взлет!».

¹ Здесь и далее стихи в переводе Майи Борисовой.

Но хотя вы еще со школы пели его песни и читали его стихи, ставлю один к одному, что никогда вы не слышали таких, как «С той поры, как Чпок Толкач повстречал мою кузину», «Моя рыжая мочалка из ангаров Венусбурга», «Покрепче, шкипер, держи штаны» или «Мой скафандр для двоих». Если только вы сами не космонавт.

Вряд ли стоит цитировать эти вирши в семейном журнале.

Репутацию спасли Райслингу осторожный литературный душеприказчик и удивительное везение: никто никогда не брал у него интервью. «Песни космических дорог» появились через неделю после его смерти, и когда они стали бестселлером, то официальную историю свинтили из того, что о нем хоть кто-нибудь помнил, плюс знойные рекламные тексты издательств.

В итоге классический портрет Райслинга достоверен примерно так же, как томагавк Джорджа Вашингтона или лепешки короля Альфреда¹.

Честно говоря, у вас не возникло бы желания пригласить его к себе в гости: в обществе он был несъедобен. У него была хроническая солнечная чесотка, и он непрерывно скребся, ничем не приумножая и без того более чем неприметную красоту.

Портрет работы ван дер Воорта для гарримановского юбилейного издания Райслинговых сочинений представляет человека высокой трагедии: суровый рот, невидящие глаза под черной шелковой повязкой. Да не был он никогда суровым! Рот его всегда был распахнут: поющий, ухмыляющийся, пьющий или жрущий. Повязкой служила любая

¹ По преданию, Джорджу Вашингтону, первому президенту США, в детстве подарили томагавк, и, пуская его, он срубил в саду вишневое дерево. Отец спросил у него, кто это сделал, мальчик честно признал вину и после этого дал себе слово говорить только правду. История с лепешками связана с именем короля саксов Альфреда Великого. Преследуемый датчанами, он укрылся в хижине дровосека, и жена дровосека, не зная, кто перед ней, попросила короля последить за очагом, на котором пеклись лепешки. В результате они сгорели, но в ответ на упреки женщины, несмотря на высокое положение, король проявил смирение.

тряпка, обычно грязная. С тех пор как Райслинг потерял зрение, он все меньше и меньше заботился об опрятности собственной персоны.

«Шумный» Райслинг был джетменом второго класса — с глазами не хуже ваших, — когда имел неосторожность наняться на круговой рейс к астероидам в окрестностях старика Джови на КК «Тетеревятник». В те дни наемные экипажи не отягощались ничем; общество Ллойда расхохоталось бы вам в лицо при упоминании о страховке космонавта. Об Актах по космической безопасности и не слыхивали, а Компания отвечала лишь за оплату — если и когда. Так что половина кораблей, ушедших за Луна-Сити, так и не вернулась. Космонавты не ведали осторожности; и охотнее всего подряжались за акции, причем любой из них держал бы пари, что сможет сигануть с двухсотого этажа гарримановской башни и благополучно приземлиться, если вы, конечно, предложите три к двум и позволите нацепить резиновые каблуки.

Джетмены были самыми беспечными из всей корабельной братии, но и самыми отчаянными. По сравнению с ними мастера, радисты и астрогаторы (в те дни еще не было ни суперов, ни стюардов) были изнеженными вегетарианцами. Джетмены знали слишком много. Многие доверяли способностям капитана благополучно опустить корабль на землю; джетмены знали, что это искусство беспомощно против слепых и припадочных дьяволов, закованных в двигатели.

«Тетеревятник» был первым из гарримановских кораблей, переведенных с химического топлива на ядерный привод... вернее, первым, который не взорвался при этом. Райслинг хорошо знал этот корабль — это была старая лоханка, приписанная к Луна-Сити и курсировавшая по маршруту от орбитальной станции «Супра-Нью-Йорк» к Лейпорту и обратно — пока ее не перепаяли для глубокого космоса. Райслинг работал на ней и на маршруте Луна-Сити, и во время первого глубокого рейса к Сухим Водам на Марс и, ко всеобщему изумлению, обратно.

К тому времени, как он нанялся на юпитерианский круговой рейс, ему следовало бы стать главным инженером,

но после беспримерного рейса к Сухим Водам его вышибли, внеся в черный список, и высадили в Луна-Сити за то, что вместо слежения за приборами он провел время, сочиняя припев и несколько строф. Песенка была препакозная: «Шкипер — отец своему экипажу» с буйно-непечатным последним куплетом.

Черный список его не волновал. В Луна-Сити у китайского бармена он выиграл аккордеон, смошенничав на один палец, и продолжал существовать дальше пением для шахтеров за выпивку и чаевые, пока быстрый расход космонавтов не заставил местного агента Компании дать ему еще один шанс. Год-другой он подержал нос в чистоте на Лунном маршруте, вернулся в глубокий космос, помог Венсбургу приобрести зрелую репутацию, давал представления на пляжах Большого Канала, когда в древней марсианской столице возникла вторая колония, ну и отморозил уши и пальцы ног во втором рейсе на Титан.

В те дни все делалось быстро. Раз уж двигатели на ядерном приводе пришлось ко двору какому-то количеству кораблей, выход из системы Луна—Терра зависел лишь от наличия экипажа. Джетмен был редкой птахой: защита урезалась до минимума, чтобы сэкономить на весе, и женатые мужчины нечасто имели желание рисковать на радиоактивной сковородке. Райслинг в папаше не собирался, так что в золотые деньки бума заявок на него всегда был спрос. Он пересек и перепересек Систему, распевая вирши, кипящие у него в голове, и подыгрывая себе на аккордеоне.

Мастер «Тетеревятника» его знал: капитан Хикс был астрогатором во время первого рейса Райслинга на этом корабле.

— Добро пожаловать домой, Шумный, — приветствовал он Райслинга. — Ты трезв или мне самому расписаться в книге?

— Шкипер, как можно надраться местным клопомором? Он расписался и пошел вниз, волоча аккордеон.

Десятью минутами позже он вернулся.

— Капитан, — заявил он мрачно, — барахлит второй двигатель. Кадмиевые поглотители покорежены.

— При чем здесь я? Скажи стармеху.

— Я сказал, но он уверяет, что все будет в порядке. Он ошибается.

Капитан указал на книгу:

— Вычеркивай свое имя и вали отсюда. Через тридцать минут мы поднимаем корабль.

Райслинг посмотрел на него, пожал плечами и снова пошел вниз.

До спутников Юпитера пилить долго; драндулет класса «ястреб», прежде чем перейти в свободный полет, обычно продувается три вахты. Райслинг держал вторую. Глушение реактора в те времена производилось вручную с помощью масштабного верньера и монитора контроля опасности. Когда прибор засветился красным, Райслинг попытался подкорректировать реактор — безуспешно.

Джетмены не ждут — потому они и джетмены. Он раздраил заглушку и взялся выуживать «горячие» стержни щипцами. Погас свет, Райслинг продолжал работу. Джетмен обязан знать машинное отделение, как язык знает зубы.

Райслинг мельком глянул поверх свинцового щита в тот момент, когда погас свет. Голубое радиационное свечение ему ничуть не помогало; он отдернул голову и продолжал удить на ощупь.

Закончив работу, он воззвал в переговорную трубу:

— Второй двигатель накрылся. И, жопы куриные, дайте сюда свет!

Свет там был — аварийная цепь, — но не для него. Голубой радиационный мираж был последним, на что отреагировал его зрительный нерв.

2

Пока Пространство и Время, крутясь, ставят звездный балет,
Слезы преодоленных мук серебряный сеют свет.
И Башни Истины, как всегда, охраняют Большой канал,
Никто отраженья хрупкие их не тронул, не запятнал.

Народа уставшего плоть и мысль сгинули без следа,
Хрустальные слезы былых богов вдаль унесла вода,
И в сердце Марса не стало сил, и хладен простор небес,
И воздух недвижный пророчит смерть тем, кто еще не
исчез...

Но Шпили и Башни в честь Красоты слагают свой мадригал,
Придут времена, и вернется она сюда, на Большой канал!

*Из сборника «Большой канал»,
с разрешения «Люкс транскрипшн, лтд»,
Лондон и Луна-Сити*

На обратной петле Райслинга высадили на Марс в Сухих Водах, ребята пустили шляпу по кругу, а шкипер сделал взнос в размере двухнедельного заработка. Вот и все. Финиш. Еще один космический бомж, которому не посчастливилось рассчитаться сразу, когда сбежала удача. Один зимний месяц — или около того — он пересидел в Куда-Дальше? с изыскателями и археологами и, вероятно, смог бы остаться навсегда в обмен на песни и игру на аккордеоне. Но космонавты умирают, если сидят на месте; он заполучил место в краулере до Сухих Вод, а оттуда — в Марсополис.

Во времена расцвета столица была хороша; заводы окаймляли Большой канал по обоим берегам и мутили древние воды мерзостью отходов. И так было до тех пор, пока Трехпланетный договор не запретил разрушение древних руин во благо коммерции; но половина стройных сказочных башен была скрыта, а оставшиеся приспособлены под герметичные жилища землян.

А Райслинг так и не увидел этих перемен, и никто не сказал ему о них; когда он вновь «увидел» Марсополис, он представил его прежним, таким, каким город был до того, как его рационализировали для бизнеса. Память у Райслинга была хорошей. Он стоял на прибрежной эспланаде, где предавались праздному покою великие Марсианской Древности, и видел, как красота эспланады разворачивается перед его слепыми глазами — льдисто-голубая равнина воды, не движимая прибоем, не тронутая бризом, безмятежно отражающая резкие яркие звезды марсианского неба, а за водой — кружево опор и летящие башни гения, слишком нежного для нашей гроыхающей, тяжелой планеты.

В результате возник «Большой канал».

Неуловимая перемена в миропонимании, давшая ему возможность видеть красоту Марсополиса — где красоты больше не было, — повлияла и на всю его жизнь. Все жен-

щины стали для него прекрасными. Он знал их по голосам и подгонял внешность под звук. Ведь гадок душой тот, кто заговорит со слепым иначе, чем ласково и дружелюбно; сварливые брюзги, не дающие мира мужьям, даже те смягчали свои голоса для Райслинга.

Это населило его мир прекрасными женщинами и обходительными мужчинами. «Прохождение темной звезды», «Волосы Вероники», «Смертельная песня вудсовского кольца» и прочие любовные баллады были прямым следствием того, что его помыслы не были запятнаны липовыми мишурными истинами. Это делало его пробы зрелыми, превращало вирши в стихи, а иногда даже в поэзию.

Теперь у него была масса времени для размышлений, — времени, чтобы точнее подбирать слова и трепать стихи до тех пор, пока они как следует не споются у него в голове. Монотонный ритм «Реактивной песни» пришел к нему не когда он сам был джетменом, а позже, когда он путешествовал на попутках с Марса на Венеру и просиживал вахту со старым корабельным товарищем.

Когда все чисто, сдан отчет, вопросов больше нет,
Когда задраен шлюз, когда нам дан зеленый свет,
Зарплата — в норме, Бог — в душе, дорога — в никуда,
Когда кивает капитан и грянул взлет, тогда
Верь двигателям!
Слушай рев,
Познай крушение основ.
Почуй на твердой койке,
Что потроха все — в стойке,
Познай безумной дрожи власть,
Познай ракеты боль и страсть.
Познай экстаз ее! Отпад!
Стальные конусы торчат,
В них — двигатели!

В барах Венусбурга он пел новые песни и кое-что из старых. Кто-нибудь пускал по кругу шапку; она возвращалась с обычной выручкой менестреля, удвоенной или утроенной в знак признания доблести духа, скрытого за повязкой на глазах.

Это была легкая жизнь. Любой космопорт был ему домом, любой корабль — личным экипажем. Ни одному ски-

перу не приходило в голову отказаться поднять на борт лишнюю массу слепого Райслинга и помятого ящика с аккордеоном; Райслинг мотался от Венусбурга до Лейпорта, Сухих Вод, Нью-Шанхая и обратно, когда ему заблагорассудится.

Он никогда не приближался к Земле ближе орбитальной станции «Супра-Нью-Йорк». Даже подписывая контракт на «Песни космических дорог», он сотворил свою закорючку в пассажирском лайнере где-то между Луна-Сити и Ганимедом. Горовиц, первый его издатель, проводил на борту второй медовый месяц и услышал пение Райслинга на корабельной вечеринке. Горовиц на слух узнавал достойное для издательского дела; полный состав «Песен» был напет прямо на пленку в радиорубке того же корабля, прежде чем Горовиц позволил Райслингу исчезнуть с горизонта. Следующие три тома были выжаты из Райслинга в Венусбурге, куда Горовиц заслал своего агента, чтобы держал Райслинга под градусом, пока тот не спел все, что вспомнил.

«Взлет!» — не совсем подлинный Райслинг. Многие, без сомнения, принадлежит Райслингу, а «Реактивная песня», несомненно, его, но большую часть стихов собрали после его смерти у людей, которые знали его во времена странствий.

«Зеленые холмы Земли» рождались двадцать лет. Самый ранний известный нам вариант был сочинен на Венере во время запоя с кем-то из подконтрактных приятелей еще до того, как Райслинг ослеп. В основном стихи были про то, что намеревались наемные работяги сотворить на Земле, если и когда они ухитрятся оплатить все счета и позволят себе все же уехать домой. Некоторые строфы были вульгарны, некоторые — нет, но припев был явно тот же, что и в «Зеленых холмах».

Мы точно знаем, откуда и когда пришла окончательная версия «Зеленых холмов».

Это произошло на Венере, на корабле с острова Эллис, предназначенного для прямого прыжка к Великим озерам, штат Иллинойс. Кораблем был старый «Сокол» — самый юный в классе «ястреб» и первый примененный Трестом Гарримана для новой политики транспортного обслуживания пассажиров экстра-класса на трассах с движением по расписанию между земными городами и любой колонией.

Райслинг решил прокатиться на нем верхом до Земли. Может, его собственная песня влезла ему под шкуру... а может, он просто возжаждал увидеть еще разок родное плато Озарк.

Компания больше не закрывала глаза на безбилетников; Райслинг это знал, но ему никогда не приходило в голову, что правила могут относиться к нему самому. Он старел — для космонавта, — но это никак не могло сказаться на его привилегиях. Они были непреходящи — просто Райслинг знал, что он — одна из достопримечательностей космоса наряду с кометой Галлея, Кольцами и грядой Брюстера. Он зашел через люк для экипажа, спустился на нижнюю палубу и устроил себе логово на первой же пустой противоперегрузочной койке.

Там его и обнаружил капитан, делавший на последней минуте обход корабля.

— Что это ты здесь делаешь? — спросил он.

— Тащусь на Землю, капитан. — Райслингу не требовались глаза, чтобы различить четыре капитанские нашивки.

— Но только не на этом корабле — ты знаешь правила. Живо сворачивайся и катись отсюда. Мы поднимаем корабль.

Капитан был молод; он всплыл уже после активной зоны Райслинговой жизни, но Райслинг знал этот тип — пять лет в Гарриман-Холле с курсантской практикой на одном-единственном рейсе вместо крепкого опыта на рейсах в Системе. Двое мужчин не имели ничего общего ни по происхождению, ни по духу: космос менялся.

— Ну, капитан, вы же не поскупитесь на путешествие домой для старого человека.

Офицер замешкался — несколько человек экипажа остановились послушать.

— Я не могу этого сделать. «Меры Космической Безопасности, статья шестая: никому не следует выходить в космос, кроме имеющих на то разрешение членов экипажа зафрахтованного корабля или оплативших проезд пассажиров данного корабля в соответствии с уставом, вытекающим из данных правил». Вставай и выметайся.

Райслинг развалился на койке, заложив руки за голову.

— Меня вынуждают уйти, но будь я проклят, если пойду сам. Несите.

— Охрана! Уберите этого человека.

Корабельный полицейский уставился на верхнюю распорку:

— Не могу сделать это должным образом, капитан. Я потянул плечо.

Прочие члены экипажа, присутствовавшие мгновением раньше, слились по цвету с переборкой.

— Ладно, позовите рабочую команду!

— Ай-ай, сэр. — Полицейский тоже ушел.

Вновь заговорил Райслинг:

— Послушай, шкипер... давай без каких-то там обид. У тебя есть лазейка, если хочешь отвезти меня, — статья «Космонавт, терпящий бедствие».

— «Космонавт, терпящий бедствие», мой бог! Ты — не космонавт, терпящий бедствие, ты — космический вымогатель. Я знаю тебя; ты годами шатался по системе. Ладно, на моем корабле это не пройдет. Эта статья предназначена, чтобы помочь в трудную минуту людям, которые потеряли свои корабли, а не позволять кому-либо свободно болтаться по космосу.

— Капитан, ты хочешь сказать, что я не потерял свой корабль? После последнего путешествия по найму я так и не побывал на Земле. Закон гласит, что я имею право на обратный рейс.

— Сколько лет назад это было? Ты потерял свой шанс.

— Разве? В законе нет ни слова о том, когда человек воспользуется обратным рейсом, закон говорит просто: человек его получит. Пойди, шкипер, взгляни. Если я ошибся, я не только выйду на своих двоих, но еще извинюсь смиренно перед всем экипажем. Валяй — смотри. Но играй честно.

Райслинг готов был к эху свирепого взгляда, но шкипер лишь отвернулся и выдавился из отсека. Райслинг знал, что использовал слепоту, чтобы поставить капитана в безвыходное положение, но это его не смущало, — скорее уж Райслинг наслаждался.

Десятью минутами позже прозвучала сирена, по бычьему рогу переговоров он услышал приказы для внешних постов.

Когда мягкий вздох шлюзов и легкий звон в ушах дали ему знать, что отрыв от земли неминуем, он встал и пошаркал вниз, в машинное отделение, так как хотел быть поближе к двигателям, когда те рванут. На корабле класса «ястреб» провожатый ему не требовался.

Неприятности начались во время второй вахты. Райслинг развалился в инспекторском кресле, поигрывая клавишами аккордеона и пытаясь разродиться новой версией «Зеленых холмов».

Глотнуть бы воздуха без нормы
Там, где родился я на свет...

и та-ра-ра-ра-ра-ра «Земли» — как надо не паковалось. Он попробовал еще раз.

Пуškai меня излечат ветры,
Те, что обвили, облегли
Грудь милой матери-планеты,
Прохладные холмы Земли.

Уже лучше, подумал он.

— Как тебе это нравится, Арчи? — спросил он сквозь приглушенный рев двигателей.

— Ничего себе. Давай-ка травы целиком.

Арчи Макдугал, старший джетмен, был старым другом по космосу и барам одновременно; много лет и миллионов миль назад он ходил в подручных у Райслинга.

Райслинг сделал ему одолжение песней, затем сказал:

— Вам, салагам, сладко живется. Все автоматическое. Когда я крутил такой красоте хвост, спать не приходилось.

— Да и нам, салагам, пока не удается.

Они поболтали на профессиональные темы; и Макдугал показал дампинг прямого действия, заменивший ручные верньеры, которыми пользовался Райслинг. Райслинг шупал рычаги и задавал вопросы, пока не ознакомился с новой установкой. У него все еще оставалась самонадеянная уверенность, что он по-прежнему джетмен, а его нынешнее занятие трубадура — просто уловка во время одного из пустяковых недоразумений с Компанией, мол, с кем не бывает.

— Вижу, что у тебя все еще стоят старые ручные дампинг-блины, — заметил он, порхая ловкими пальцами по приборам.

— Все, кроме приводов. Я их отсоединил: они заслоняли шкалы.

— Тебе следует держать их в готовности. Может пригодиться.

— Ну, не знаю. Я думаю...

Райслинг так никогда и не узнал, что думал Макдугал, ибо в этот миг на волю вырвалась неприятность. Макдугал поймал ее сразу и непосредственно: радиоактивный пучок сжег его на месте.

Райслинг почувал, что случилось. Сработали въевшиеся рефлексy прежнее образа жизни. Он захлопнул заглушку и одновременно дал аварийный сигнал на контрольный пульт. Затем Райслинг вспомнил о свинченных приводах. Ему пришлось долго шарить по углам, пока он не отыскал их. Ему приходилось ползать на коленях, чтобы по максимуму использовать защиту противорадиационных экранов. У него не было проблем с ориентацией — он знал это место как свои пять пальцев. Единственное, чего он здесь не знал, — это где лежат приводы. Все остальное он помнил наизусть, он знал тут каждую пипку, каждый рычаг так же, как знал клавиши своего аккордеона.

— Машинное! Машинное! Что за тревога?

— Не входить! — крикнул Райслинг. — Здесь «горячо».

Это «горячо», подобное солнцу пустыни, он чувствовал лицом и костями.

После проклятий на все дурные головы за неудачу с гаечным ключом, который был ему нужен, он поставил приводы на место. Затем предпринял попытку исправить положение вручную. Работа была долгая и деликатная. Но вскоре он понял, что следует развалить двигатель, реактор и — все.

Первым делом он доложилcя:

— Контроль!

— Контроль, айе!¹

— Развалить третий двигатель — авария.

— Это Макдугал?

¹ Айе (*англ.*) — утвердительный возглас, распространенный в английском языке. Двойное повторение: айе-айе — на морском жаргоне означает «есть, сэр».

— Макдугал мертв. Райслинг на вахте. Оставайтесь на связи.

Ответа не было; шкипер мог быть ошарашен, но не мог вмешаться в аврал машинного отделения. Он должен был считаться с кораблем, пассажирами и экипажем. Двери пришлось оставить закрытыми.

Должно быть, еще больше капитан удивился тому, что Райслинг послал на запись. Вот что это было:

Мы на гнилой Венере пухли,
Где тошнотворен каждый вздох,
Где падалью смердели джунгли
И гибелью сочился мох.

Во время работы Райслинг переписал всю Солнечную систему: «...острые, яркие скалы Луны... радужные кольца Сатурна... морозные ночи Титана...» — все это пока открывал и разваливал двигатель и пока удил его начисто. Завершил он дополнительным припевом:

Пылинку в небе мы отыщем,
Глядишь — и в списки занесли.
Вернуться бы к людским жилищам
На ласковых холмах Земли...

...Затем в рассеянности вспомнил, что хотел присоединить исправленный первый куплет:

А в небесах полно работы,
И ждут, и манят нас они.
Готовность! Старт! И пропасть взлета!
Внизу — увядшие огни.
В путь, сыновья великой Терры.
Могучий двигатель ревет.
Отринув страх, не зная меры,
Вперед и ввысь! И вновь — вперед!

Теперь корабль был в безопасности и мог спокойно дохромать до дома без одного двигателя. Относительно себя Райслинг не был так уверен. «Ожог» кажется острым, думал он. Райслинг не мог видеть яркий розоватый туман, клубящийся в отсеке, но знал, что он есть. Райслинг продолжил реанимацию продуванием воздуха через внешний клапан

и повторил это несколько раз, стараясь понизить уровень радиации так, чтобы его смог выдержать человек в подходящей броне. Занимаясь этим, он послал еще один припев, последний кусочек подлинного Райслинга, который когда-либо мог быть:

А под последнюю посадку,
Судьба, мне шарик мой пошли.
Дай приласкать усталым взглядом
Зеленые холмы Земли.

КОММЕНТАРИЙ

История о «Слепом Певце Космических Дорог» бродила в архивах Хайнлайна с 1941 года, но он так и не удосужился ее написать. Война отняла у него возможность писать — возможно, навсегда, — а кроме того, он не думал, что у него получится написать о слепом человеке, потому что он не знал никого, страдающего этим недугом.

Но война свела его с Тони Д'Амико, слепым механиком на базе ВМФ в Филадельфии. До войны Тони был певцом и аккордеонистом — он был артист, но научился работать на станках, чтобы внести свой вклад в победу (попутно он изобрел микрометр Брайля для собственных нужд). Его показатели были не хуже, чем у любого рабочего на заводе, поэтому, когда ВМФ развернул программу переподготовки комиссованных солдат, Тони стал лицом этой кампании. Это были суровые годы, 1943–1944-й, когда волна за волной на родину возвращались солдаты и матросы, которых война превратила в калек. «Многие из них были сломлены; казалось, слепота лишила их всех перспектив. Но одного дня в мастерской с Тони было достаточно, чтобы полностью изменить их отношение к жизни. Это было удивительно, чудесно — и это разрывало вам сердце».

Если Тони Д'Амико и не был прототипом Райслинга, то, во всяком случае, он стал источником вдохновения. «Там я встретился с ним, и мы обсудили... расхожую идею о том, что слепой видит больше красоты, чем зрячий. Тони горячо согласился с этим и в подтверждение рассказал мне разные подробности». (Цитируется по аннотации, которую Хайнлайн написал для пластинки, записанной на «Caedmon» в 1976 году. Это аудиокни-

га, на которой Леонард Нимой читает «Зеленые холмы Земли» и «Присаживайтесь, джентльмены!».) Поскольку он намеревался построить историю вокруг неприятного парня, прекрасного в своих песнях, писателю нужны были эти подробности для создания фона.

Как только Хайнлайн вернулся в Лос-Анджелес и его неодолимое желание спасти мир угасло (ну, более-менее), он снова занялся черновиками «Лошади, которая не могла летать» (позднее опубликованной как «Джерри был человеком») и набросками «Зеленых холмов». Джон Кэмпбелл был рад услышать, что Хайнлайн работает над этим рассказом, и даже поместил анонс в рубрику «Скоро» журнала «Astounding» — как выяснилось, преждевременно: Хайнлайн уже давно понял, что он не будет предлагать свои вещи в «Astounding», пока издательство «Street & Smith» не прекратит совать палки в колеса, когда он пытается повторно продать свои вещи кому-то еще. (И он действительно ничего не писал для «Astounding», но «Street & Smith» в 1948 году не отказались от подобной политики.)

Теперь, когда он мог использовать для портрета Райслинга реальный опыт слепого человека, текст пошел как по маслу: за четыре часа был готов первый последовательный черновик, с пробелами в рукописи, куда нужно было вписать стихи. Это был выдуманный газетный очерк, в котором журналист облагораживает и приукрашивает человека, личность вполне героическую в реальной жизни, но не вполне презентабельную. Это был тот сорт литературной игры «правда, скрытая в мифе», который нравился ему больше всего. Следующие десять дней Хайнлайн потратил на текст «Песни космических дорог» Райслинга. Строчки ложились одна к другой, все складывалось удачно, и только с названием было что-то не так. Он долго не мог понять, что именно, пока однажды ему не понадобился журнал «Weird Tales». Его подруга простудилась, и он дал ей почитать один из старых рассказов К. Л. Мур о Нордвесте Смите, который ему очень нравился. И в рассказе «Шамбло» она нашла «Зеленые холмы Земли», так называлась песня, которую Нордвест Смит напевает про себя. Он тут же написал К. Л. Мур письмо и, сознавшись в невольном плагиате, попросил официального разрешения использовать эту фразу. Он его, конечно же, получил без проблем — Каттнеры и Хайнлайны были очень хорошими друзьями.

Хайнлайн понятия не имел, куда удастся пристроить этот рассказ, но знал, что он наверняка будет продан. Он поручил

своему агенту предложить его во все глянцевоы журналы, прежде чем посылать в палп, — и рассказ дважды попадал не туда, пока за него не ухватился «Saturday Evening Post» — и ухватился крепко. Неизвестно, кто больше обрадовался этой сделке, Хайнлайн или редактор «Post». Рассказ поставили в план номера первой недели февраля 1947 года, самого ближайшего из возможных, а иллюстрировать поручили одному из своих лучших художников Фреду Людекену. Он должен был написать гуашью по картону драматическую картинку на разворот. И они с ходу начали активно продвигать рассказ, разместив в ведущих газетах страны рекламу на полстраницы под заголовком «ЗАВТРА ЛЕТИМ НА МАРС!»

И рассказ появился 8 февраля 1947 года с удивительной, светящейся иллюстрацией Фреда Людекена и имел именно тот успех, о каком мечтал рекламный отдел «Post». Редактор Бен Хиббс рассказывал Хайнлайну, что их завалили восторженными письмами — их было больше, чем они получали по поводу любого другого рассказа раньше, — и почта все прибывала, потому что журнал продолжал распространяться по миру. По словам корреспондентов, люди передавали его из рук в руки: из Сингапура в джунгли Юго-Восточной Азии и дальше через Панамский канал.

«Зеленые холмы Земли» занимают особое место; рассказ не только один из фаворитов в творчестве писателя, но и важный водораздел в его послевоенной адаптации к мирной жизни. Долгое время Хайнлайн жил в подвешенном состоянии, но «Зеленые холмы» доказали, что он способен снова заняться литературой — и для этого ему не нужно снова и снова повторять старые наработки. Генри Каттнер сформулировал это очень точно: «Возможно, самое главное — это то, что во время войны ты не стоял на месте. И ты не стал возвращаться к тому, что осталось в 1941 году, а пошел дальше, туда, где мог лучше реализовать свой потенциал. Мы действительно очень рады...» (21 октября 1946 года).

ЛОГИКА ИМПЕРИИ

— Сэм, какой же ты sentimentalный болван!

— Sentimentальный или нет, — не унимался Джонс, — но рабство чую с первого взгляда. На Венере оно процветает.

Хамфри Уингейт фыркнул:

— Полная чушь. Все временные служащие компании работают по законным, добровольно заключенным контрактам.

Джонс удивленно вздернул брови:

— Вот как? По контрактам, согласно которым в случае ухода с работы человеку грозит тюрьма?

— При чем здесь это? Любой сотрудник имеет право уволиться, представив заявление за две недели, — кому, как не мне, это знать? Я же...

— Знаю, знаю, — устало согласился Джонс. — Ты юрист, ты на контрактах собаку съел. Проблема в другом, дурень. Ты дальше юридических терминов ничего не видишь. Добровольный контракт — чепуха! Меня волнуют *факты*, а не крючкотворство. Эти люди — рабы, что бы там ни говорилось в контракте!

Осушив бокал, Уингейт опустил его на стол.

— Значит, я дурень? Ладно, Сэм Хьюстон Джонс, в таком случае ты — коммунист недоделанный! Жалеешь бедолаг, которым приходится вкалывать, хотя сам за всю жизнь палец о палец не ударил. Нет, подожди, — продолжил он, не давая Джонсу вставить слово. — Выслушай меня до конца. Венерианские служащие компании находятся в привилегированном положении по сравнению с землянами того же социального класса. У них есть стабильный доход, еда и кры-

ша над головой. Если они болеют, то гарантированно получают медицинскую помощь. Беда в том, что люди этого класса не слишком-то рвутся работать...

— А кто рвется?

— Не будь глупцом. Если бы они не были связаны жестким контрактом, то бросили бы работу, как только она им надоест, а заодно потребовали бы от компании бесплатно доставить их обратно на Землю. Подумай своей прекрасной великодушной головой: у компании есть обязательства перед акционерами — включая тебя! — и она не может позволить себе бесплатную межпланетную перевозку людей, считающих, что мир обязан их содержать.

— Задел за живое, — скривившись, признал Джонс. — Мне даже стыдно быть акционером.

— Так продай акции!

Джонс строил брезгливую мину:

— И что это решит? Думаешь, продав акции, я сниму с себя ответственность за то, что мне известно?

— Да к черту это все, — ответил Уингейт. — Лучше выпей.

— Идет, — согласился Джонс. Офицер запаса, он только сегодня сошел на землю после учебного полета, ему нужно было наверстывать упущенное. Прискорбно, — подумал Уингейт, — что во время этого полета ему пришлось совершить промежуточную посадку на Венере...

— Подъем! Подъем! Шевелитесь, бездельники! Поторапливайтесь! Живее!

Пронзительный голос буквально ломился в больную голову Уингейта. Он открыл глаза и тут же зажмурился от ослепительного света. Голос не оставлял его в покое.

— До завтрака десять минут, — скрежетал он. — Все на подъем, иначе ваша еда отправится на помойку!

Вновь открыв глаза, Уингейт усилием воли сосредоточился. Перед ним мелькали ноги: какие-то — в грубых штанах, другие — голые и омерзительно волосатые. Нестройный хор мужских голосов, в котором Уингейт мог расслышать отдельные слова, но не фразы, сопровождался непрерывным аккомпанементом металлических звуков — приглушен-

ных, но всепроникающих: «Шпр, шпр, бах! Шпр, шпр, бах!» От каждого финального «баха» голова Уингейта трещала, но куда сильнее его выводил из себя другой шум — монотонное жужжание, источник которого он не мог определить и от которого не мог скрыться.

В воздухе стоял отчетливый запах множества втиснутых в тесное пространство человеческих тел. Запах не был достаточно силен, чтобы назвать его зловонным, да и кислорода хватало, но он был кругом — теплый, немного мускусный аромат тел, еще согретых постелью, не грязных, но и не свежeweмытых. Запах был тяжелым и неприятным и в нынешнем состоянии Уингейта вызывал тошноту.

Уингейт понемногу осмотрелся. Он был в каком-то бараке. Кругом толпились мужчины — вставали, переминались с ноги на ногу, одевались. Он лежал на нижней из четырех узких коек. Сквозь просветы между мелькающими перед его лицом ногами Уингейт мог различить такие же койки у каждой стены и посреди помещения. Койки громоздились от пола до самого потолка и держались на подпорках.

Кто-то уселся на край койки Уингейта, едва не отдавив ему ноги массивной задницей, и принялся натягивать носки. Не ожидавший такого бесцеремонного вторжения, Уингейт поспешно отдернул ноги. Незнакомец обернулся к нему.

— Что, приятель, помешал? Извини. Лучше тебе пошевелиться, — доброжелательно посоветовал он. — Кто останется последним, того старшина заставит койки поднимать.

Широко зевнув, незнакомец поднялся, моментально позабыв об Уингейте и его заботах.

— Постойте! — поспешно окликнул его Уингейт.

— А?

— Где я? В тюрьме?

Незнакомец со сдержанным интересом, но без злобы взгляделся в налитые кровью глаза Уингейта и его опухшее немытое лицо.

— Ну и ну, дружище, да ты, видать, весь задаток пропил?

— Какой еще задаток? Что за чушь вы несете?

— Боже правый, ты что, не знаешь, куда попал?

— Нет.

— Ну и дела... — Казалось, мужчина не слишком-то хотел констатировать очевидное, но выражение лица Уингейта убедило его, что тот действительно ничего не знает. — Что ж, знай, ты на борту «Вечерней звезды». Пункт назначения — Венера.

Пару минут спустя незнакомец тронул Уингейта за руку:

— Да не расстраивайся так, приятель. Не стоит оно того. Отняв руки от лица, Уингейт обхватил голову.

— Не может быть, — произнес он, обращаясь в первую очередь к себе, а не к незнакомцу. — Это какой-то сон...

— Кончай ныть. Иди лучше завтракать.

— В меня сейчас ничего не полезет.

— Ерунда. Я тебя прекрасно понимаю — со мной тоже такое бывало. Еда — лучшее лекарство.

Конец внутренним терзаниям Уингейта положил подошедший старшина, ткнув его дубинкой в бок:

— Здесь тебе что, лазарет или салон первого класса? Поднимай койки на крюки, живо!

— Полегче, дружище, полегче, — вступился за Уингейта его новый знакомый. — Наш приятель с утра сам не свой.

Огромной лапищей стащив Уингейта на пол, другой он откинул весь ярус коек к стене. Крюки шелкнули, и койки закрепились вдоль стены.

— Я ему еще и не то устрою, если он вздумает нарушать распорядок дня! — пригрозил унтер-офицер и пошагал дальше.

Уингейт стоял босиком на полу, неподвижный и охваченный чувством беспомощности, которое усугублялось тем, что из одежды на нем были только трусы. Его защитник внимательно разглядывал его:

— Ты одежду забыл. Вот. — Протянув руку в промежуток между нижней койкой и стеной, он вытащил оттуда сплюснутый пластиковый пакет. Распечатав его, он вытряхнул из пакета рабочий комбинезон из грубой ткани, который Уингейт тут же благодарно натянул на себя. — После завтрака попросите у этого зануды пару башмаков, — посоветовал его новый приятель. — А сейчас идем есть.

Когда они добрались до бортовой кухни, последний из очереди уже отходил от окошка, и то захлопнулось у них перед носом. Новый приятель Уингейта постучал по нему:

— Откройте!

Окошко открылось.

— Никакой добавки! — объявило появившееся в проеме лицо.

Незнакомец сунул в окно руку, чтобы оно не захлопнулось вновь:

— Мы не за добавкой, дружище, мы еще не ели.

— А вовремя не могли явиться, черт бы вас побрал? — проворчал раздатчик, шлепая на широкий подоконник два пайка.

Протянув одну коробку Уингейту, здоровяк уселся прямо на полу, прислонившись спиной к кухонной переборке.

— Как зовут-то тебя, приятель? — спросил он, снимая крышку с коробки. — Я Хартли, Кошелек Хартли.

— А я Хамфри Уингейт.

— Значит, Хамф. Приятно познакомиться. Что это за спектакль ты мне устроил? — Подцепив ложкой здоровенный кусок омлета, Хартли сунул его в рот и запил кофе из пакета с крышкой-клапаном.

— Похоже, — озабоченно скривился Уингейт, — меня опоили и обманом затащили на корабль.

Он попытался выпить кофе по примеру Хартли, но облился коричневой жидкостью.

— Смотри и учись, — поспешно сказал ему Хартли. — Суешь клапан в рот и сосеешь, лишь слегка поддавливая. Вот так. — Он показал. — Не верится мне в твою версию. Люди в очередях стоят, чтобы записаться на работу в Компанию. Зачем им кого-то заманивать? Ты совсем не помнишь, что случилось?

Уингейт задумался.

— Помню, как спорил с пилотом гиротакси из-за проездной платы, — сказал он. — Больше ничего.

Хартли кивнул:

— Эти таксисты так и норовят тебя надуть. Думаешь, он тебя вырубил?

— Да нет, вряд ли. Голова с похмелья раскалывается, а в остальном все в норме.

— Скоро полегчает. Радуйся, что «Звезда» — высокогравитационный корабль, а не траекторный. Иначе ты бы тут все заблевал, даже не сомневайся.

— В чем разница?

— Наш корабль способен ускоряться и замедляться по пути. Для пассажирских кораблей это необходимо. А грузовики — другое дело. Им задают траекторию и до конца пути врубает режим невесомости. Новичкам там тяжело приходится! — Он усмехнулся.

Уингейту было не до размышлений о тяготах космической болезни.

— Одного не могу понять, — произнес он. — Как я тут оказался? Могли меня притащить на борт по ошибке, приняв за кого-то другого?

— Кто знает. Скажи, ты завтрак доедать собираешься?

— Хватит с меня!

Хартли воспринял это как разрешение и живо прикончил паек Уингейта. Поднявшись, он скомкал коробки и выбросил в мусоропровод.

— Что ты теперь собираешься делать? — спросил он.

— Что я собираюсь делать? — Лицо Уингейта приняло решительное выражение. — Пойду к капитану и потребую объяснений, вот что!

— Хамф, на твоём месте я бы хорошенько все обдумал, — с сомнением в голосе предложил Хартли.

— К черту обдумывание! — Уингейт резко вскочил. — Ох, моя голова!

Чтобы не возиться с ними самому, старшина направил их к главному старшине. Пока Уингейт дожидался приглашения у офицерской каюты, Хартли составил ему компанию.

— Чем скорее доведешь до них суть дела, тем лучше, — посоветовал он.

— Почему?

— Через несколько часов мы приземлимся на Луне для дозаправки. Оттуда отправимся в дальний космос. Не сойдешь сейчас — придется обратно пешком возвращаться.

— Об этом я не подумал, — радостно произнес Уингейт. — Решил, что так или иначе придется совершить круговой рейс.

— Можно и так, но через пару недель ты сможешь улететь с Луны на «Утренней звезде». Если ты и правда попал сюда по ошибке, тебя обязаны будут отправить назад.

— Чего ждать? — воодушевившись, сказал Уингейт. — Я просто пойду в банк Луна-Сити, свяжусь со своим банком, получу аккредитив и куплю билет на ближайший шаттл до Земли.

Манеры Хартли тут же претерпели едва заметную перемену. Ему-то никогда не доводилось «получать аккредитив». Возможно, столь влиятельный человек и сможет добиться своего у капитана.

Главный старшина слушал рассказ Уингейта с плохо скрываемым нетерпением и прервал его на середине, чтобы свериться с миграционным списком. Добравшись до буквы «У», он нашел искомую строчку. Предчувствуя недоброе, Уингейт прочитал. Там без единой ошибки было написано его полное имя.

— Выметайтесь, — приказал начальник, — и больше не тратьте попусту мое время.

Уингейт осмелился возразить:

— Вы не уполномочены решать данный вопрос. Я требую, чтобы меня отвели к капитану.

— Ах, вы...

Уингейт решил, что сейчас его ударят, и поспешил предостеречь главного старшину:

— Будьте осторожны в своих действиях. Вас, должно быть, тоже сбили с толку, но ваши и без того шаткие позиции станут еще менее устойчивыми, если вы не будете принимать в расчет космическое право, в рамках которого оперирует данное судно. Капитан вряд ли обрадуется, если ему придется отвечать за ваши действия в федеральном суде.

Он заметно разозлил офицера. Но люди, подвергающие риску начальников, не становятся старшими офицерами на крупных транспортных судах. Лицо главного старшины напряглось, но он молча нажал кнопку. Появился унтер-офицер.

— Отведите этого человека к ревизору.

Повернувшись к Уингейту спиной в знак того, что аудиенция окончена, он принялся кому-то звонить по внутренней связи.

После непродолжительного ожидания Уингейта провели к ревизору, бывшему также агентом компании.

— В чем дело? — спросил тот. — Если у вас есть жалоба, то предъявите ее в установленном порядке в часы утреннего приема.

Уингейт как можно понятнее, убедительнее и красноречивее объяснил суть проблемы.

— Таким образом, — закончил он, — я хочу, чтобы меня высадили в порту Луна-Сити. Мне вовсе не хочется выставить компанию в дурном свете из-за недоразумения — особенно потому, что вследствие весьма обильных возлияний я сам мог быть его косвенным виновником.

Ревизор, слушавший рассказ вполуха, не ответил. Порывшись в пристроенной на краю стола высокой стопке папок, он нашел нужную и открыл ее. Внутри была пачка документов, соединенных скрепкой. Несколько минут он лениво просматривал их. Уингейт ждал.

За чтением ревизор тяжело дышал, как астматик, и то и дело постукивал ногтями по зубам. Будучи и без того на взводе, Уингейт решил, что если этот человек еще раз поднесет руку ко рту, то он заорет и разгромит все вокруг. В этот момент ревизор пихнул папку в его сторону.

— Взгляните-ка сюда, — сказал он.

Уингейт так и поступил. Перед ним лежал составленный по всем правилам контракт, согласно которому Хамфри Уингейт обязуется в течение шести лет работать на Строительную компанию Венеры.

— Ваша подпись? — спросил ревизор.

Профессиональная осторожность Уингейта сослужила ему хорошую службу. Он принялся разглядывать подпись, чтобы выиграть время и собраться с мыслями.

— Что ж, — произнес он наконец, — стоит признать, что подпись весьма похожа на мою. Но я не признаю, что она моя, — я ведь не графолог.

Ревизор отмахнулся от него с нескрываемым раздражением:

— У меня нет времени с вами препираться. Давайте лучше сверим отпечатки пальцев. Вот.

Он сунул Уингейту чернильную подушечку для снятия отпечатков. Уингейт подумал было воспользоваться своим законным правом и отказаться, но так он поставил бы под сомнение свои доводы. Терять было нечего — откуда на контракте взяться отпечатку его пальца? Однако...

На документе стоял его отпечаток. Сходство было видно даже невооруженным глазом. Уингейт с трудом поборол охватившую его панику. Это, должно быть, какой-то кошмар, вызванный вчерашним спором с Джонсом. А если все происходит наяву, то это наверняка заговор, который ему придется раскрыть. Даже мысль об этом была смехотворна, ведь людей его статуса невозможно подставить без последствий. Он тщательно подбирал слова:

— Уважаемый сэр, я не стану оспаривать вашу позицию. Каким-то образом мы оба стали жертвами неудачного розыгрыша. Не стоит лишний раз доказывать, что у человека в бессознательном состоянии, в каком я, вне всякого сомнения, вчера находился, легко взять отпечаток пальца без его ведома. На первый взгляд контракт действителен, и я признаю ваше добросовестное разбирательство этого дела. Но мы упускаем один важнейший для заключения любого контракта момент.

— Какой же?

— Намерение обеих сторон связать себя контрактными обязательствами. Несмотря на наличие моей подписи и отпечатка пальца, я не имел ни малейшего желания заключать данный контракт, что может быть легко доказано. Я преуспевающий адвокат, мои дела идут успешно, доказательством чему могут служить мои налоговые декларации. Глупо предполагать, что я добровольно променял привычный образ жизни на кабальный труд с гораздо меньшим заработком. Ни один суд этому не поверит.

— Так вы, значит, юрист? А зачем тогда выдаете себя за радиотехника? Может, это тоже чьи-то происки — например, ваши?

Такого удара под дых Уингейт не ожидал. Радиотехника действительно была его любимым хобби — его даже можно было назвать в ней специалистом, — но откуда это известно ревизору?

«Молчи, — сказал он себе. — Ни в чем не признавайся».

— Это какой-то вздор, — возразил он. — Я требую, чтобы меня отвели к капитану. Мне хватит десяти минут, чтобы аннулировать этот контракт.

Поразмыслив немного, ревизор ответил:

— Вы закончили?

— Да.

— Хорошо. Вы свою точку зрения высказали, теперь я выскажу свою. Послушайте, мистер космический юрист. Этот контракт составлен двумя хитрейшими юристами обеих планет. При его составлении учтено, что его будут подписывать тунеядцы, которые тут же пропьют задаток и в конце концов решат, что вовсе не желают работать. В контракте нет ни единой лазейки; он настолько хорошо продуман, что его не расторгнет и сам дьявол. Я вам не какой-нибудь лопух, которому можно лапшу на уши вешать, — я юридически подкован, не сомневайтесь. А что касается капитана — если вы думаете, что командиру крупного корабля больше нечем заняться, как слушать бредни самозваного мастера красноречия, то вы заблуждаетесь! Марш в каюту!

Уингейт открыл было рот, но, пораздумав, пошел прочь.

Нужно было хорошенько все осмыслить. Ревизор остановил его:

— Постойте. Вот ваш экземпляр контракта. — Он бросил папку, и тонкие белые листы с шорохом рассыпались по полу.

Уингейт подобрал их и молча вышел.

Хартли дожидался его в коридоре:

— Как дела, Хамф?

— Неважно. Не хочу рассказывать. Надо все обдумать.

Они молча вернулись к лестнице на нижнюю палубу тем же путем, что пришли. С лестницы спустился человек и направился к ним, но Уингейт лишь мельком взглянул на него.

Когда он посмотрел внимательнее, все случившиеся с ним неурядицы вдруг выстроились в единую цепь. Уингейт с облегчением воскликнул:

— Сэм! Старый пьянчуга, так тебя и разэтак! Мне стоило догадаться, что это твоих рук дело!

Все стало ясно. Это Сэм опоил его и затащил на корабль. Вероятно, капитан был приятелем Сэма — тоже каким-нибудь офицером запаса, — и они вдвоем состряпали это дело. Розыгрыш вышел жестокий, но Уингейт был слишком рад узнать правду, чтобы сердиться. На обратном пути из Луна-Сити он на Джонсе еще отыграется.

Тут он заметил, что Сэму не до смеха.

Кроме того, на нем был такой же синий комбинезон, как на других завербованных рабочих.

— Хамф, — сказал он, — ты что, до сих пор пьян?

— Я? Нет. В чем де...

— У нас серьезные неприятности, ясно тебе?

— Сэм, ну прекрати! Шутки шутками, но хватит дурачиться. Я обо всем догадался и обиды не держу — розыгрыш вышел на славу.

— Розыгрыш? — резко ответил Джонс. — Да уж, хорошенький розыгрыш — подговорить меня подписать кабальный контракт.

— Что? Это я тебя подговорил?

— Кто же еще? Ты был так уверен, что во всем разбираешься. Заявил, что мы сможем подписать контракт, поработать месяц-другой на Венере и вернуться домой. Даже об заклад биться хотел. Вот мы и пошли в порт и завербовались. Тогда мне казалось, что это единственный хороший способ решить наш спор.

Уингейт присвистнул:

— Будь я... Сэм, я вообще ничего не помню. Видимо, я изрядно набрался и отключился.

— Да уж. Жаль, что ты не вырубился раньше. Нет, я тебя не виню, ты ведь меня за руку не тянул. Как бы то ни было, я собираюсь уладить это недоразумение.

— Постой. Сперва послушай, что вышло у меня. Кстати, Сэм, это, гхм, Кошелек Хартли. Славный малый.

Хартли нерешительно стоял в сторонке; услышав свое имя, он подошел и пожал Сэму руку.

Уингейт ввел Джонса в курс дела и добавил:

— Вряд ли тебе окажут теплый прием. Кажется, я напортил. Но мы сможем расторгнуть контракт на первом же слушании. За нас сыграет время заключения договора.

— Каким образом?

— Мы завербовались менее чем за двенадцать часов до отбытия корабля. Это противоречит закону о всекосмической безопасности.

— Да, пожалуй. Вижу, к чему ты клонишь. Луна в последней четверти, так что корабль должен был подняться вскоре после полуночи, чтобы пойти по наиболее благоприятному курсу. Помнишь, в котором часу мы записались?

Уингейт достал копию контракта. На штампе нотариуса стояло время одиннадцать часов тридцать две минуты.

— Повезло! — воскликнул он. — Я знал, что мы найдем лазейку. Контракт автоматически недействителен. Это докажет бортовой журнал.

Джонс внимательно изучил документ.

— Разуй глаза, — сказал он.

Уингейт пригляделся. После цифр на печати было написано «утра», а не «вечера».

— Быть не может! — опешил он.

— Разумеется. Но документ официальный, и нам наверняка скажут, что мы завербовались утром, получили задаток и с помпой его прогуляли, прежде чем нас заташили на борт. Я смутно припоминаю, что рекрутер отказывался нас нанимать. Возможно, наш задаток пошел на то, чтобы его переубедить.

— Но мы же не подписывались утром! Я могу доказать, что это неправда!

— Можешь, не сомневаюсь, но для этого тебе придется сперва вернуться на Землю!

— Вывод следующий, — заключил Джонс после непродолжительной и непродуктивной дискуссии. — Нет никакого смысла пытаться разорвать контракт здесь и сейчас: нас просто высмеют. Нас выручат только деньги, и нужно дать понять, что мы ими располагаем. Для этого надо сойти в Луна-Сити и внести залог в банк компании — и весьма существенный!

— Насколько существенный?
— Навскидку — тысяча двадцать, не меньше.
— Но это же несопоставимая сумма! Это несправедливо!
— Не время рассуждать о справедливости. Ты понимаешь, что нас крепко взяли в оборот? Установить сумму залога через суд не получится; придется раскошелиться, чтобы какой-нибудь мелкий служащий компании согласился пойти в обход правил.

— Мне таких денег не найти.

— Не волнуйся, я все возьму на себя.

Уингейт хотел было возразить, но передумал. Порой весьма удобно иметь богатого друга.

— Чтобы это устроить, — продолжил Джонс, — мне нужно будет отправить радиogramму сестре.

— Почему сестре, а не в семейную фирму?

— Потому что нужно действовать быстро. Юристы, ведущие семейные дела, сто раз перепроверят подлинность сообщения, прежде чем действовать. Пошлют запрос капитану, чтобы уточнить, действительно ли Сэм Хьюстон Джонс на борту его судна. А капитан ответит «нет», потому что я записался просто «Сэм Джонс». Не хотел попасть в выпуски новостей и лишний раз беспокоить семью.

— Нельзя их упрекать, — возразил Уингейт из солидарности с коллегами по профессии. — Держать деньги клиентов в безопасности — их долг.

— Я их не упрекаю. Нужно спешить, а сестра выполнит любую мою просьбу без лишних вопросов. Я составлю послание так, чтобы она поняла, что это на самом деле я. Дело за малым — без взятки получить разрешение ревизора отправить радиogramму.

Отсутствовал Джонс долго. Хартли остался ждать с Уингейтом — отчасти из любопытства, отчасти просто за компанию. Наконец Джонс вернулся. На его лице читалась досада. При виде его у Уингейта родилась мрачная догадка.

— Не вышло? Тебе не разрешили отправить радиogramму?

— Разрешили, после долгих расспросов, — обнадежил Джонс. — Ну и прижимистый же этот ревизор!

Уингейту не нужно было услышать сирену, чтобы понять, что корабль приступил к посадке в Луна-Сити. Силь-

ная бортовая гравитация внезапно сменилась слабой поверхностной — сила притяжения Луны составляет лишь одну шестую часть земной, — и это не преминуло сказаться на слабом желудке Уингейта. Хорошо еще, что он почти не ел. Для привычных же к космосу Хартли с Джонсом ускорение свободного падения было вполне пригодным для глотания чего бы то ни было. Удивительно, но те, кто не испытывает космической болезни, ничуть не жалеют тех, кто ей подвержен. Сложно сказать, почему вид давящегося, захлебывающегося рвотой, заливающегося слезами от боли в желудке человека кажется им смешным, но факт остается фактом. Все человечество можно разделить на две группы: одна потешается над другой, а другая беспомощно взирает на первую с кроважадной ненавистью.

Ни Хартли, ни Джонс не были наделены врожденной жестокостью, которая в таких ситуациях становится очевидна — в отличие, например, от того умника, придумавшего лечить космическую болезнь салом, — но, не испытывая ни малейшего дискомфорта, они попросту не осознавали (напрочь забыв собственный первый опыт космического полета), что участь Уингейта в самом прямом смысле была «хуже смерти», гораздо хуже. В его восприятии мучения тянулись целую вечность — так бывает с теми, кто страдает от космической и морской болезни, а также (как говорят) с курильщиками гашиша.

На деле же остановка на Луне длилась менее четырех часов. Лишь к концу стоянки, особенно после того, как Джонс заверил его, что время до вылета на Землю они проведут в гостиничном номере с центрифугой, Уингейт успокоился достаточно, чтобы поинтересоваться судьбой послания Джонса.

Ответ задерживался. Джонс рассчитывал получить сообщение от сестры в течение часа, еще до того, как «Вечерняя звезда» прилунится в доке, но время шло, и в радиорубке все уже успели устать от его постоянных запросов. Когда утомленный сотрудник в семнадцатый раз грубо отшил Сэма, раздалась сирена, возвещающая о скором взлете. Вернувшись к Уингейту, Джонс признал, что его план, судя по всему, провалился.

— У нас, правда, есть еще десять минут, — без особой надежды добавил он. — Если радиограмма придет до старта,

капитан успеет нас высадить. Я буду донимать их до последнего, но шансы на успех чрезвычайно малы.

— Десять минут, — задумался Уингейт. — А что, если мы просто улизем?

Джонс вспыхнул:

— Ну давай, посмотрю я, как ты побежишь в безвоздушном пространстве!

Во время перелета из Луна-Сити до Венеры у Уингейта почти не находилось времени, чтобы переживать о своей судьбе. Он успешно овладел искусством мытья туалетов и оттачивал свое мастерство по десять часов в день. Старшины злопамятны.

Вскоре после отбытия с Луны «Вечерняя звезда» вышла из зоны покрытия земного радиосигнала. Оставалось ждать прибытия в Адонис — центральный порт северной полярной колонии. Тамошняя радиостанция компании была достаточно мощной и работала постоянно, не считая двух месяцев верхнего солнцестояния и короткого периода солнечных помех во время нижнего солнцестояния.

— На Венере нас уже наверняка будут поджидать с приказом об освобождении, — успокаивал Джонс Уингейта. — На «Вечерней звезде» и вернемся, но уже первым классом. В худшем случае дождемся «Утреннюю звезду». Ничего страшного; деньги мне переведут, и мы хорошо погуляем в Венусбурге.

— Так ты бывал там во время учебного полета? — с любопытством спросил Уингейт. Он отнюдь не был сибаритом, но о самом прославленном — или, в зависимости от индивидуальных предпочтений, скандально известном — злочном месте на всех трех планетах ходили такие слухи, что будоражили воображение даже убежденных аскетов.

— Нет, мне не повезло! — развел руками Джонс. — Все время инспектировал фюзеляж. Но кое-кто из моих товарищей там побывал... ух! — Присвистнув, он покачал головой.

Но по прибытии их никто не встретил. Радиোগрам тоже не приходило.

Они осаждали радиорубку, пока им в грубой и не терпящей возражений форме не приказали возвращаться в каюты и ожидать высадки: «И поживее!»

— Увидимся в приемном бараке! — сказал Джонс напоследок, прежде чем скрыться в своем отсеке.

Старшина, ответственный за отсек Уингейта и Хартли, выстроил подопечных нестройной колонной по двое и по команде, с металлическим скрежетом раздавшейся из громкоговорителя, повел их по центральному проходу. Спустившись на четыре палубы вниз, они оказались у нижнего пассажирского шлюза. Тот был открыт, и рабочие вышли из корабля — нет, не на свежий воздух Венеры, а в обитый листовым железом туннель, который примерно через пятьдесят ярдов привел их в какое-то здание. В туннеле стоял едкий запах антисептика, которым его регулярно промывали, но после спертого, постоянно перегоняемого через кондиционер корабельного воздуха он представлялся Уингейту свежим и бодрящим. Это, как и венерианское притяжение, составляющее пять шестых от земного — достаточно сильное, чтобы не тошнило, но в то же время наделяющее тело силой и легкостью, — вселило в Уингейта необъяснимый оптимизм. Казалось, что теперь все ему по плечу.

На выходе из туннеля обнаружилось довольно просторное помещение без окон, освещенное яркими, но не слепящими лампами. Мебели внутри не было.

— Отря-яд, стой! — скомандовал старшина и передал документы тощему мужчине у внутренней двери — вероятно, клерку.

Взглянув на бумаги, клерк пересчитал людей и подписал один листок, который передал унтер-офицеру. Тот развернулся и ушел по туннелю обратно к кораблю.

Клерк обратился к переселенцам. Уингейт обратил внимание, что из одежды на мужчине были лишь коротенькие шорты, вроде набедренной повязки, а все его тело, включая стопы, было сильно загорелым.

— Что ж, ребятаки, — спокойно произнес клерк, — раздеваемся и складываем одежду в контейнер! — Он указал на отсек в одной из стен.

— Зачем? — не удержался от вопроса Уингейт. Он не собирался спорить, но и повиноваться тоже не торопился.

— Послушайте, — по-прежнему спокойно, но с легким раздражением в голосе ответил клерк. — Не стоит прере-

каться. Это для вашей же защиты. Нельзя, чтобы вы занесли в колонию какие-нибудь болезни.

Ответ удовлетворил Уингейта, и он расстегнул комбинезон. Несколько человек, как и он, ожидавших разъяснений, последовали его примеру. Комбинезоны, обувь, нижнее белье и носки — все отправилось в контейнер.

— За мной! — скомандовал проводник.

В следующей комнате группу голых мужчин встретили четыре «цирюльника» в резиновых перчатках, вооруженные электрическими ножницами. Уингейт собрался было протестовать, но решил, что оно того не стоит. Он лишь задумался о том, применялись ли такие же суровые меры предосторожности к женщинам. По его мнению, было бы весьма досадно жертвовать прекрасными длинными волосами, которые растили двадцать лет.

Затем их ждал душ. Всю комнату пересекала завеса теплой воды. Уингейт не мешкая и даже с удовольствием шагнул под нее; он толком не мылся со дня, когда покинул Землю. Всем раздали жидкое зеленое мыло, пахучее, но прекрасно пенящееся. За водяной завесой поджидало с полдюжину служащих, одетых столь же скудно, как их проводник. Они следили за тем, чтобы все переселенцы мылись строго отведенное время и с должным усердием, изредка делая весьма грубые замечания тем, кто халтурил. У каждого на поясе был красный крест на белом поле, подтверждающий их официальное положение.

На выходе всех переселенцев обсушили теплым воздухом.

— Стоять!

Уингейт подчинился. Отдавший приказ санитар без энтузиазма потыкал предплечье Уингейта холодным влажным тампоном, а затем поцарапал то же место.

— Готово, следуйте дальше!

Уингейт встал в очередь у следующего стола. Процедура повторилась с другой рукой. Когда он наконец добрался до выхода, на каждой его руке с внешней стороны красовалось добрых двадцать царапин.

— К чему все это? — дождавшись своей очереди, спросил он санитаря, который пересчитал царапины и вычеркнул имя Уингейта из списка.

— Чтобы проверить ваш иммунитет и сопротивляемость организма, необходимо взять анализы.

— Сопротивляемость чему?

— Чему угодно. Земным и местным болезням, грибкам — по большей части венерианским. Пошевеливайтесь, не держивайте очередь.

Позднее Уингейт узнал, что к чему. На адаптацию к венерианским условиям у землян уходило две-три недели. В этот период иммунитет к местным болезням только вырабатывался, и попадание любых микроскопических паразитов на кожу и особенно слизистые оболочки было смертельно.

В жарких и душных джунглях Венеры обмен веществ ускоряется. Благодаря этому вечная борьба одних живых организмов с другими проходит здесь особенно ожесточенно. Обычный бактериофаг, практически истребивший на Земле любые болезни, вызываемые патогенными микробами, оказался способным эволюционировать и бороться с аналогичными венерианскими заболеваниями. А вот на прожорливый грибок управы не было.

Представьте себе наихудшие из грибковых заболеваний, о которых вы когда-либо слышали: стригущий лишай, дерматит, эпидермофитию, чесотку, заболевания, передающиеся половым путем, и прочие неизвестные кожные болячки. Добавьте сюда плесень, влажную гниль, червецов и грибы-паразиты. Теперь представьте, что все это растет и развивается с невероятной скоростью, не по дням, а по часам, и набрасывается на вас — лезет в ваши глаза, подмышки, мягкие ткани ротовой полости, легкие.

Первая экспедиция на Венеру погибла. В состав второй додумались включить хирурга, сообразившего захватить достаточно салициловой кислоты и салицилата ртути, а также небольшой ультрафиолетовый излучатель. Троиц удалось вернуться.

Для успешной колонизации требовалось не изолировать себя от окружающей среды, а адаптироваться к ней. Можно сказать, что Луна-Сити в некоторой степени опровергает этот довод, но лишь на первый взгляд. Правда, что жизнь лунатиков полностью зависит от герметичного, закрывающего весь город купола, но при этом Луна-Сити — не полно-

ценная колония, а лишь аванпост, наблюдательная станция, где расположены обсерватории, где ведется добыча полезных ископаемых и дозаправляются корабли, отправляющиеся за пределы гравитационного поля Земли.

Венера же — полноценная колония. Колонисты дышат венерианским воздухом, питаются венерианскими продуктами и подвергаются воздействию местного климата и стихийных явлений. Пока землянам покорились лишь холодные полюса, по погодным условиям похожие на амазонские джунгли в жаркий день дождливого сезона, но месить болотную грязь можно было хоть босиком — такое вот природное равновесие.

Уингейт подкрепился предложенным обедом — в целом недурным, но небрежно поданным и пресным, если не считать кисло-сладкой венерианской дыни, за кусочек которой в ресторане Чикаго пришлось бы выложить недельную зарплату средней семьи, — и отправился к месту расквартирования. Он попытался разыскать Сэма Хьюстона Джонса, но того словно след простыл. Ни другие работники, ни кто бы то ни было еще никогда его не встречали. Один постоянный сотрудник карантинного блока порекомендовал Уингейту обратиться к секретарю компании.

Уингейт так и поступил, не забывая подхалимничать и заискивать. Такая манера безотказно работала с мелкими чиновниками.

— Зайдите утром. Я вывешу списки.

— Благодарю вас, сэр, и прошу прощения за беспокойство. Я никак не могу найти своего друга и уже начал волноваться, что с ним что-то стряслось. Не могли бы вы проверить, нет ли его в списке больных?

— Что ж, подождите минутку. — Секретарь бегло просмотрел документы. — Говорите, он прибыл с вами на «Вечерней звезде»?

— Так точно, сэр.

— Нет, он... хмм, нет, не он. А, вот же! Ваш друг здесь не высадился.

— Что вы сказали?!

— Он отправился дальше, в Нью-Окленд, на Южный полюс. Записан помощником токаря. Если бы вы мне сразу

сказали, искать бы не пришлось. Все рабочие-металлисты с последнего транспорта отправлены на Южную электростанцию.

Опешивший Уингейт нашел в себе силы пробормотать:

— Благодарю за помощь.

— Не за что, — отвернулся секретарь.

«Южный полюс! — повторял Уингейт про себя. — Южный полюс!»

Его друг был в двенадцати тысячах миль. Уингейт остался один, совсем один, брошенный, пойманный в капкан. За тот короткий срок, прошедший с его пробуждения на борту транспортника до встречи с Джонсом, он не успел оценить всю серьезность положения, в которое попал. Он также не потерял высокомерия, присущего человеку из высшего общества, и в глубине души продолжал считать произошедшее пустяком — ведь такие вещи просто так не случаются с людьми его круга!

Но с тех пор его чувство собственного достоинства подверглось серьезной проверке на прочность (спасибо главному старшине), и Уингейт больше не был уверен в том, что защищен от предвзятого и несправедливого отношения. Теперь, без спросу остриженный и вымытый, раздетый догола и облаченный в одну лишь набедренную повязку, оказавшийся в миллионах миль от привычной социальной среды, вынужденный беспрекословно исполнять приказы равнодушных к нему людей, собственностью которых он стал, и, наконец, разлученный с единственным человеком, на помощь и поддержку которого мог рассчитывать, Уингейт осознал чудовищную правду: с ним, Хамфри Белмонтом Уингейтом, успешным адвокатом, вращавшимся во всех важных кругах, могло произойти все, что угодно.

— Уингейт!

— Парень, тебя вызывают. Не заставляй их ждать.

Протиснувшись в дверной проем, Уингейт оказался в людном помещении. Тридцать с лишним человек расселись вдоль стен, а за столом у входа возился с бумагами клерк. Один бойкий мужичок стоял между рядами стульев у подсвеченного прожекторами возвышения. Клерк у дверей от-

влекся от документов и сказал, тыча ручкой в сторону трибуны:

— Поднимитесь, чтобы всем было видно.

Уингейт прошел вперед и сделал, как было велено. Яркий свет слепил глаза.

— Контракт номер 482-23-06, — зачитал клерк, — клиент Хамфри Уингейт, недипломированный радиотехник, срок действия договора — шесть лет, разряд заработной платы шесть-Д, готов к распределению.

На то, чтобы подготовить его к местным условиям, потребовалось три недели. Три недели — и ни восточки от Джонса. Проверку внешней средой он прошел и не заболел, и теперь настало время начать вкалывать. Следом за клерком слово взял бойкий мужичок:

— Уважаемые патроны, минуточку внимания. Перед вами весьма перспективный кадр. Оценки, которые он получил при проверке уровня интеллекта, приспособляемости и общих знаний просто в голове не укладываются. Даже не стану вам их называть; скажу лишь, что администрация установила на него резерв в тысячу. Но было бы весьма неразумно доверять такому сотруднику рутинную административную работу, когда нам позарез нужны люди, способные отобрать у природы ее богатства. Осмелюсь предположить, что счастливчик, который возьмет данного работника на службу, уже через месяц назначит его прорабом. Посмотрите сами, поговорите с ним и убедитесь!

Клерк что-то шепнул оратору. Тот кивнул и добавил:

— Я обязан уведомить вас, distinguished gentlemen, что этот работник уже подал стандартное заявление об увольнении с двухнедельным сроком рассмотрения — разумеется, при условии выполнения всех залоговых обязательств.

Он весело рассмеялся удачной, по собственному мнению, шутке. Никто не уделил заявлению внимания; Уингейт же воспринял колкость с иронией. Он подал заявление на следующий же день после того, как узнал, что Джонса отправили на Южный полюс, и узнал, что свобода, гарантированная при увольнении, давала ему лишь возможность умереть на Венере голодной смертью, а вот для отправки домой ему

необходимо было сперва отработать задаток и проезд в обе стороны.

Несколько покупателей собрались у трибуны и принялись оценивать Уингейта.

— Не слишком-то мускулист.

— Не люблю умников, от них одни неприятности.

— Верно, но брать на работу дурака — себе дороже.

— А что он умеет? Пойду взгляну на его послужной список.

Один за другим люди подходили к столу клерка и скрупулезно просматривали результаты испытаний и тестов, пройденных Уингейтом во время карантина. Рядом остался только один субъект с глазами-бусинами. Придвинувшись поближе к Уингейту, он поставил ногу на трибуну и прошептал:

— Меня все эти никчемные бумажки не интересуют, парень. Расскажи-ка лучше о себе.

— Нечего рассказывать.

— Да не жмись ты. Тебе у меня понравится. Будешь как дома — я своих ребят даже в Венусбург бесплатно вожу. Ты когда-нибудь с неграми работал?

— Нет.

— Ну, местные аборигены на самом деле никакие не негры, но мы их так зовем для удобства. Судя по твоему виду, с бригадой ты справишься. Опыт имеется?

— Небольшой.

— Что ж, может, ты просто скромняга, но я люблю людей, которые не болтают попусту. А мои ребята любят меня. Я не позволяю бригадирам брать откаты.

— Верно, Ригсби, — перебил его другой патрон, вернувшийся от клерка. — Ты сам их берешь.

— Не лезь не в свое дело, ван Хейзен!

Ван Хейзен, грузный мужчина средних лет, пропустил эти слова мимо ушей и обратился к Уингейту:

— Значит, ты подал заявление. Почему?

— Я попал сюда по ошибке. Был пьян.

— Готов честно отработать до увольнения?

Уингейт пораздумал и наконец ответил:

— Да.

Здоровяк кивнул, тяжелой походкой вернулся на свое место и, подтянув пояс, осторожно уселся на стул.

Когда все заняли свои места, ведущий аукциона радостно объявил:

— А теперь, джентльмены, если вы готовы — делайте ваши предложения! Хотелось бы мне самому взять этого парня в помощники, честное слово! Мне кажется, я уже слышу первое предложение?

— Шестьсот.

— Ну что же вы, господа! Не слышали, когда я упомянул о резерве в тысячу?

— Это шутка такая? Он же ничего собой не представляет. Аукционист удивился:

— Прошу прощения. В таком случае я вынужден просить работника покинуть трибуну.

Прежде чем Уингейт пошевелился, раздался другой голос:

— Тысяча.

— Так-то лучше! — воскликнул аукционист. — Я знал, что distinguished джентльмены не упустят столь выгодное предложение. Но на одном колесе далеко не уедешь. Как насчет тысячи ста? Ну же, уважаемые патроны, без рабочих деньги сами не заработаются! Я слышу...

— Тысяча сто.

— Тысяча сто от патрона Ригсби! Наивыгоднейшая сделка за такие деньги! Но что-то мне подсказывает, что вам придется повысить ставку. По-моему, я слышу «тысяча двести»?

Рука здоровяка с выставленным пальцем взметнулась вверх.

— Тысяча двести от патрона ван Хейзена. Давайте-ка не будем тянуть время и увеличим шаг ставки до двух сотен. Как насчет тысячи четырехсот? Тысяча четыреста? Нет? Тогда тысяча двести — раз, тысяча двести — два...

— Тысяча четыреста, — хмуро объявил Ригсби.

— Тысяча семьсот, — тут же парировал ван Хейзен.

— Тысяча восемьсот! — рявкнул Ригсби.

— Неет, — протянул аукционист, — что вы! Прошу вас, шаг ставки не менее двух сотен!

— Ладно, черт побери, тысяча девятьсот!

— Тысяча девятьсот — принято! Сложное число, его и не упомнишь. Как насчет двух тысяч ста?

Ван Хейзен поднял руку:

— Две сто.

— Две сто — принято! Как говорится, деньга деньги наживает. Будут ли новые предложения? Не слышу? — Аукционист сделал паузу. — Две сто — раз... две сто — два... Патрон Ригсби, неужели вы сдаетесь без боя?

— Да чтоб этого ван Хейзена... — Остальное Ригсби пробубнил так, что разобрать было невозможно.

— Джентльмены, у вас последний шанс. Раз, два... Три! — Аукционист хлопнул в ладоши. — Продано господину ван Хейзену за две тысячи сто. Сэр, поздравляю с удачным приобретением!

Уингейт проследовал за новым хозяином к выходу. По пути их остановил Ригсби:

— Ладно, ван Хейзен, повеселились и хватит. Предлагаю две тысячи, чтобы компенсировать твои убытки.

— С дороги.

— Не будь дураком. Этот парень — пустая трата денег. Ты не знаешь, как заставить людей пахать по-настоящему, а я знаю.

Ван Хейзен проигнорировал конкурента и прошагал мимо. Уингейт вышел за ним на стоянку, где стальные «крокодилы» рядами мокли под теплым зимним дождевиком. Ван Хейзен остановился у тридцатифутового «ремингтона»:

— Забирайся.

Похожий на длинный ящик корпус «крока» был до самой ватерлинии загружен припасами, закупленными ван Хейзенom на базе. На покрывавшем груз брезенте растянулось шесть человек. Стоило Уингейту перелезть через борт, как один из них радостно вскочил:

— Хамф! Ну и дела, Хамф!

Это был Хартли. Уингейт сам удивился, как обрадовался неожиданной встрече. Он схватил Хартли за руку и обменялся с ним дружелюбными ругательствами.

— Ребята, — обратился Хартли к остальным, — это Хамфри Уингейт. Хороший парень. Хамф, познакомься с компанией. Прямо за тобой Джимми, он поведет эту махину.

Названный мужчина с улыбкой кивнул Уингейту и занял место водителя. По отмашке ван Хейзена, едва втиснувшегося в небольшую закрытую кабину на корме, он потянул

сразу два рычага управления, и «крокодил» пополз вперед, щелкая и хлюпая по грязи гусеницами.

Трое из шестерки, включая Джимми, не были новичками. Они приплыли с хозяином и привезли для продажи фермерские продукты, а обратно увозили товары, приобретенные на выручку. Помимо Уингейта и Хартли, ван Хейзен выкупил контракты еще двоих рабочих. Уингейт помнил их по «Вечерней звезде» и карантинному блоку. Вид у них был поникший, и Уингейт сполна разделял это чувство, а вот троица «ветеранов» выглядела вполне довольной. Деловая поездка в город и обратно была для них вроде отпуска. Растянувшись на брезенте, они травили байки и пытались подружиться с новичками.

Личных вопросов они не задавали. Никто на Венере не спрашивал, чем ты занимался до прибытия сюда, если только ты сам не считал нужным об этом заявить. Это считалось дурным тоном.

Покинув пределы Адониса, машина сползла со склона и, покачнувшись на насыпи, шлепнулась в воду. Ван Хейзен тут же опустил стекло в кабине и прикрикнул:

— Dummkopf!¹ Сколько раз тебе повторять — аккуратнее при спуске на воду!

— Простите, босс, — ответил Джимми. — Зазевался.

— Не спи там, а то придется нового крока покупать!

Ван Хейзен захлопнул окно. Оглядевшись, Джимми озорно подмигнул остальным. Работа у него была не из легких: болото, по которому двигался крок, так заросло всевозможной растительностью, что его невозможно было отличить от твердой земли. Теперь «крокодил» плыл; широкие борта гусениц превратились в гребные лопасти. Клинообразный нос машины расталкивал траву и кусты и сминал небольшие деревья. Время от времени на пути попадались отмели, и тогда крок снова переходил на гусеничный ход. Худые, но жилистые руки Джимми ни на секунду не оставались без дела. Он успешно лавировал между большими деревьями и, не забывая поглядывать на компас, выбирал легчайший и кратчайший путь через болото.

¹ Дурак (гол.).

Разговоры прекратились, и один из работников ван Хейзена запел. У него был вполне сносный тенор, и вскоре песню подхватили остальные. Уингейт учил слова на ходу и тоже подпевал. Они спели «Расчетную книжку» и «Когда бригадир встретил мою кузину», а также печальную балладу «Его нашли в кустах». Затем последовала куда более веселая «Ночью, после дождя» — бесконечная череда куплетов, в которых перечислялись всевозможные невероятные события, произошедшие в упомянутых обстоятельствах. («Надсмотрщик выпить всем купил...»)

Джимми сорвал аплодисменты шутиливой песенкой «Рыжая девица из Венусбурга», которой все подпевали, но Уингейту она показалась чересчур вульгарной. Впрочем, фривольная песня выветрилась из головы сразу, когда началась следующая.

Начал тенор, тихо и неторопливо. Остальные — все, кроме Уингейта, — исполняли припевки. Уингейт же всю песню оставался молчалив и задумчив. Во втором куплете тенор решил передохнуть, и за него спели терцетом:

Ты подпись поставил и палец успел приложить.
(Вот дела! Вот дела!)
Задаток забрал, и осталось лишь горе топить.
(Ах, беда! Ах, беда!)
На острове Эллис в каморку тебя упекли.
Увидишь здесь тех, кто шесть лет как не видел Земли.
Залог не уплачен, и вот их опять запрягли!
(Навсегда! Навсегда!)
Но я расплачусь и обратный билет получу.
(Ерунда! Ерунда!)
И первым же рейсом на Землю домой улечу.
(Ах, когда? Ах, когда?)
Слыхали мы это преданье не раз и не два.
Не скажем, что врешь, но ты все это сделай сперва,
Или встретим тебя в Венусбурге пьяным в дрова.
Как и мы, не расплатишься ты уже никогда!
(Вот дела!)¹

Песня повергла Уингейта в уныние, которое нельзя было списать ни на прохладную морось, ни на скучный пейзаж,

¹ Перевод Веры Браун.

ни на белесую туманную пелену, которая постоянно закрывала венерианское небо. Уингейт молча уселся в уголке, пока, через довольно продолжительное время, Джимми не крикнул:

— Вижу свет!

Высунув голову за борт, Уингейт с любопытством посмотрел на свой новый дом.

Прошел месяц, но Уингейт не получил даже весточки от Сэма Хьюстона Джонса. Венера совершила оборот вокруг своей оси, и двухнедельная зима сменилась столь же коротким летом, которое отличалось разве что чуть более обильными дождями и жаркой погодой. Вновь наступила зима. На ферме ван Хейзена, расположенной, как и большая часть обработанных земель, у полюса, не наступала настоящая ночь. В течение долгого дня плотный слой облаков прикрывал низкое солнце, сдерживая жару и рассеивая свет. Благодаря этому ночью или зимой всегда стоял полумрак.

Месяц без вестей от Сэма. Месяц без солнца, без луны, без звезд, без рассветов. Ни тебе свежего ветерка поутру, ни дрожания воздуха в полуденную жару, ни спасительной вечерней тени — ничего, чтобы отличить один знойный, душливый час от другого. Лишь однообразная повседневная рутина: сон, работа, еда и опять сон — и гнетущая тоска по прохладному голубому небу Земли.

Следуя местному обычаю, Уингейт решил проставиться перед старожилами и взял у бригадира взаймы, чтобы купить всем «веселящей воды» — риры. Расписываясь первый раз в расчетной книжке, он увидел, что этот радушный жест отсрочил дату его легального увольнения на целых четыре месяца. С этого момента он зарекся брать в долг, отказался от короткого отпуска в Венусбурге и твердо решил при любой возможности откладывать деньги, чтобы оплатить задаток и проезд.

Так продолжалось, пока он не открыл, что рира — этот слабоалкогольный напиток — не роскошь, не пагубная привычка, а необходимость. Человек на Венере нуждался в нем так же, как в ультрафиолете из колониальных осветительных систем. От риры не пьянели, от нее становилось спокойнее и легче на душе, а без нее невозможно было уснуть. Доста-

точно было три ночи промучиться угрызениями совести и три дня еле передвигать ноги под суровым взглядом бригадира, чтобы Уингейт вместе с остальными заказал себе бутылку, отдавая себе отчет в том, что ее цена почти на целый день замедлит его и без того медленное продвижение к свободе.

На радиостанцию его тоже не пустили. У ван Хейзена уже был радист. Уингейта назначили заместителем радиста и с остальными послали работать на болото. Перечитав контракт, он нашел соответствующий пункт и был вынужден признать, что с юридической точки зрения действия хозяина были правомочными и законными.

Он отправился на болото, где быстро научился кнутом и пряником заставлять тщедушных земноводных аборигенов собирать луковицы *Hyacinthus veneris johnsoni* — венерианского гиацинта. Подкупом он добился расположения местных матриархов, пообещав им «тигарек» — под этим словом подразумевались не только сигареты, но табак в целом, ценнейшая единица обмена с аборигенами.

Когда пришла его очередь работать на молотилке, он медленно, неуклюже научился очищать небольшие, размером с фасолину, ядра луковиц от пористой кожуры. Эти ядра были весьма ценными, и потому их нужно было извлекать осторожно, не оставив ни царапины. От сока растений руки Уингейта огрубели, запах вызывал кашель и зуд в глазах, но эта работа нравилась Уингейту куда больше, нежели сбор луковиц на топях. Здесь с ним работали женщины. Очищать ядра ловкими миниатюрными пальцами получалось у них куда быстрее, чем у мужчин, и тех направляли на молотилку, только когда там не хватало рабочих рук.

Его наставницей стала заботливая старушка, которую остальные звали Хейзел. За работой она постоянно что-то приговаривала, ее узловатые руки делали свое дело без лишних усилий. Закрыв глаза, Уингейт представлял, что вновь оказался на Земле и стал маленьким мальчиком, наблюдающим за тем, как бабушка на кухне лущит горох и что-то рассказывает.

— Не тревожься, сынок, — сказала ему Хейзел. — Будешь работать спокойно — самого дьявола посрамишь. Грядет великий день.

— Что за великий день, Хейзел?

— День, когда ангелы Божие воспрянут и повергнут силы зла. День, когда князь тьмы будет сброшен в преисподнюю и пророк воцарится над детьми небесными. Не переживай; где бы ты ни был в великий день — здесь или дома, — Божия благодать все равно снизойдет на тебя.

— А мы доживем до этого дня?

Хейзел оглянулась по сторонам и заговорщицки шепнула:

— Этот день вот-вот наступит. Пророк уже странствует по земле, собирая силы. Он придет с благословенных полей долины Миссисипи, а имя ему, — Хейзел еще понизила голос, — Неемия Скаддер!

От изумления Уингейт едва не расхохотался. Имя было ему знакомо. То был ничтожный захолаустный проповедник, частый герой насмешливых статей, человек, не имевший никакого влияния.

К ним подошел бригадир молотильщик:

— Не отлынивай от работы, а то план не выполнишь!

Уингейт поспешно принялся за работу, но Хейзел вступилась за него:

— Не трожь его, Джо Томпсон. Молотить — это тебе не поле перейти.

— Ладно, мамаша, — с ухмылкой ответил бригадир. — Пускай только не бездельничает. Идет?

— Идет. Проследи лучше за остальными, а уж мы-то план выполним.

За порчу ядер Уингейта лишили двухдневной зарплаты. Бригадир знал, что Хейзел отдавала ему процент от общего заработка, но не вмешивался, потому что старушку любили все — даже бригадиры, которые, по общему мнению, вообще не способны никого любить, даже самих себя.

Уингейт стоял у ворот в барак для холостяков. До вечерней переключки оставалось еще пятнадцать минут, и он вышел прогуляться, чтобы избавиться от назойливой клаустрофобии, которая развивалась у него внутри. Попытка была тщетной: на Венере негде было найти «открытый воздух», кругом росли кустарники, над головой нависал свинцовый

туман, а голая грудь мгновенно покрывалась испариной. Несмотря на это, снаружи он чувствовал себя несравнимо лучше, чем в оснастном влагопоглотителями бараке.

Он еще не получил свою ежедневную порцию риры и ощущал беспокойство. Еще сохранившееся у него чувство собственного достоинства позволяло Уингейту на некоторое время сохранять светлую голову и не бросаться сломя голову за дозой успокаивающего наркотика.

«Долго мне не протянуть, — думал он. — Через пару месяцев я при любой возможности буду гонять в Венусбург или, того хуже, обзаведусь семьей и обреку своих детей на вечную каторгу».

Когда он только прибыл на ферму, женщины-работницы, скучные и ничем не примечательные, казались ему совершенно непривлекательными. Теперь он, к собственному удивлению, осознал, что перестал быть столь разборчивым. Он даже стал шепелявить, как другие, бессознательно подражая аборигенам-амфибиям.

Уингейт заметил, что рабочие условно делились на две группы: дети природы и сломленные жизнью люди. Первые были неприхотливы и не слишком сообразительны. Вероятно, на Земле они вели похожую жизнь и в колониальном укладе видели не рабство, а свободу от ответственности, обеспеченное существование и возможность изредка покутить. Вторые же были изгоями, в силу вздорного характера или по случайности потерявшими свой статус в обществе. Кто-то из них наверняка слышал от судьи: «Приговор может быть заменен на трудовые работы в колонии».

Тут Уингейт с ужасом понял, что его собственное положение становится явным: он превращается в такого же сломленного человека. Его земная жизнь понемногу растворялась в памяти, и он уже три дня не мог приняться за новое письмо Джонсу. Всю прошлую смену он размышлял о необходимости взять на пару дней отгул и смотаться в Венусбург. «Признай, парень, — сказал он себе, — ты теряешь над собой контроль и начинаешь мыслить как раб. Ты предоставил Джонсу вытаскивать вас отсюда, но откуда тебе знать, что он поможет? Вдруг он уже мертв?» В голове Уингейта внезапно всплыла фраза какого-то философа или историка, которую

он где-то прочел: «Никто не освободит раба, кроме него самого».

Ладно, придется поднапрячься, старина. Возьми себя в руки. Никакой больше риры... хотя постой, спать ведь как-то надо? Хорошо, тогда никакой риры до отбоя. Вечером нужно сохранять свежую голову, чтобы обдумывать дальнейший план действий. Держи ухо остро, вынюхивай, заводи друзей и жди, когда подвернется удобный случай.

В сумерках Уингейт заметил у ворот чей-то силуэт. При приближении стало ясно, что это женщина — должно быть, одна из работниц. Вскоре Уингейт понял, что ошибся. Это была Аннек ван Хейзен, хозяйская дочь — крупная, рослая блондинка с печальными глазами. Он много раз видел, как она наблюдала за возвращающимися с болот работниками или бродила в одиночестве по ферме. Она не была уродливой, но и привлекательной ее назвать было нельзя. К тому же португеза, которую носили все здешние колонисты, ничуть не красила ее фигуру подростка.

Она остановилась рядом с Уингейтом и, развязав поясной мешочек, заменявший ей карман, достала оттуда пачку сигарет:

— Вот, нашла на дороге. Ваши?

Уингейт догадался, что она сочинила эту историю; он не видел, чтобы она что-нибудь поднимала с земли. Марка сигарет была популярна на Земле, а здесь ее курили только патроны — ни один рабочий не мог позволить себе такой роскоши. Что она задумала?

Заметив, как девушка волнуется и как часто дышит, Уингейт со смущением понял, что она пытается сделать ему подарок. Зачем?

Уингейт вовсе не считал себя красивым или обаятельным, да и не имел для этого никаких оснований. Ему было невдомек, что среди рабочих он выделялся, как павлин на птичьем дворе. Оставалось только признать, что Аннек нашла его привлекательным, — другого объяснения ее скромному подарку не было.

Сперва Уингейт хотел ее отшить. Девушка не интересовала его; вдобавок она мешала его уединению. Он также понимал, что может оказаться в неловком, даже рискованном

положении, нарушив местные социальные и экономические устои. С точки зрения патронов, отношения с рабочими были в той же степени аморальны, что и с аборигенами. А уж связь между рабочим и хозяйской дочкой вполне могла призвать из небытия старого судью Линча.

Но у Уингейта не хватило духу нагрубить ей. Девушка смотрела на него с таким восхищением, что только бессердечный человек мог бы ее оттолкнуть. Ее отношение не было ни притворным, ни вызывающим; она вела себя по-детски наивно, неискусленно. Уингейт вспомнил, что решил обзавестись связями, и увидел здесь свой шанс. Предложенная дружба была опасна, но она могла сыграть решающую роль в его освобождении.

На мгновение он устыдился намерения воспользоваться беззащитностью этой девушки — совсем еще ребенка, но тут же убедил себя, что не сделает ей зла. К тому же нельзя забывать поговорку о мстительности отвергнутой женщины.

— Возможно, что мои, — уклончиво ответил он, добавив: — Это моя любимая марка.

— Правда? — обрадовалась девушка. — Тогда возьмите.

— Благодарю. Выкурите со мной сигаретку? Хотя о чем это я, ваш отец наверняка станет волноваться, если вы задержитесь.

— Он занят счетами. Я заглянула к нему, прежде чем выйти, — ответила Аннек, не подозревая, что выдала свой обман. — Спасибо за предложение, но... я не курю.

— Быть может, вы предпочитаете пенковую трубку, как ваш отец?

Аннек смеялась дольше, чем заслуживала его не слишком остроумная шутка. Они немного поболтали, сойдясь на том, что урожай обещает быть хорошим, а погода прохладнее, чем на прошлой неделе, и пришли к выводу, что нет ничего лучше прогулок на свежем воздухе после ужина.

— А вы гуляете после ужина, чтобы поддерживать себя в форме? — спросила Аннек.

Уингейт не стал говорить, что ежедневной работы на болотах с лихвой хватает, чтобы держать себя в форме, а лишь ответил, что гуляет.

— Я тоже, — выпалила девушка. — Обычно у водонапорной башни.

Уингейт взглянул на нее:

— Вот как? Я запомню.

Сигнал к отбою послужил хорошим поводом ретироваться; еще пара минут, и ему пришлось бы назначить Аннек свидание.

Работы на молотилке поубавилось, и на следующий день Уингейта отправили на болото. Крок шумно хлюпал по извилистому пути, высаживая рабочих по одному или по два на каждом наблюдательном посту. Наконец на борту остались четверо: Уингейт, Кошелек, бригадир и Джимми-водитель. Бригадир подал знак остановиться, и тут же с трех сторон из воды показались плоские глазастые головы аборигенов.

— Твоя остановка, Кошелек, — сказал бригадир. — Вылезай.

Кошелек огляделся:

— А где мой челнок?

Фермеры собирали дневной урожай в небольшие плоскодонные челны из дюралюминия. Сейчас на борту крока не осталось ни одного.

— Он тебе не понадобится. Твоя задача — очистить этот участок под посадку.

— Ладно. Но вокруг никого, и твердой земли я тоже не вижу.

У челноков было и другое назначение: если человек работал в одиночку и рядом не было суши, лодка становилась для него и спасательным плотом, где работник мог прилечь, если вдруг сломается отправленный за ним крок, а также по любой другой причине. Старожилы рассказывали леденящие кровь истории о людях, оставленных в воде на сутки, а то и на двое-трое, и в конце концов утонувших от изнеможения.

— А это что, не земля? — Бригадир махнул рукой в сторону кучки деревьев в четверти мили от крока.

— Похоже на то, — спокойно ответил Хартли. — Подойдем поближе, взглянем. — Он покосился на Джимми, который, в свою очередь, посмотрел на бригадира в ожидании указаний.

— Не спорь со мной, черт тебя поberi! За борт, живо!

— И не подумаю, — ответил Кошелек, — пока не увижу что-нибудь получше илистой кочки в два фута, на которой и на короточках-то не присядешь.

Земноводные люди с любопытством наблюдали за перебранкой. Они переговаривались на своем шепеляво-шелкающем языке, а те, кто успел подхватить некоторые английские слова, передавали менее грамотным собратьям суть спора, несомненно искаженную и приукрашенную. Их болтовня окончательно вывела из себя и без того разъяренного бригадира.

— Последний раз говорю: за борт!

— Что ж, — Кошелек уселся широким задом на пол, — в таком случае вопрос закрыт.

Уингейт стоял позади бригадира, и это обстоятельство, возможно, спасло Хартли от пробитой головы. Когда бригадир замахнулся для удара, Уингейт перехватил его руку. Хартли тут же вскочил, и вся троица принялась бороться на полу.

Уингейт вырвал из цепких пальцев бригадира дубинку, а Хартли уселся тому на грудь.

— Повезло мне, Хамф, что ты такой внимательный, — поблагодарил Кошелек. — А то пришлось бы мне аспирин глотать!

— Пожалуй, — согласился Уингейт, отшвырнув оружие подальше в болотную жижу. Несколько аборигенов тут же нырнули за дубинкой. — Отпусти его.

Бригадир молча отряхнулся и обернулся к водителю, который остался сидеть у руля:

— Какого черта ты мне не помог?

— Решил, что вы сами справитесь, босс, — уклончиво ответил Джимми.

В конце концов Уингейта и Хартли отрядили помогать уже распределенным рабочим. Если не считать необходимых указаний, бригадир больше не обращался к ним. После вечернего душа они получили приказ явиться в Большой дом.

Их ввели в кабинет хозяина, где уже поджидал самодовольно улыбающийся бригадир. Сам ван Хейзен был чернее тучи.

— Что вы себе позволяете?! — вспыхнул он. — Отказались работать, побили бригадира! Вы у меня попляшете!

— Минуточку, господин ван Хейзен, — начал Уингейт, словно на судебном слушании. — Мы не отказывались работать. Хартли всего лишь указал на несоблюдение норм безопасности. А что касается драки, то в ней виноват бригадир: он напал на нас, и мы вынуждены были защищаться. Все закончилось, когда мы его обезоружили.

Бригадир склонился к ван Хейзену и что-то шепнул ему на ухо. Патрон разъярился еще больше:

— Вы устроили драку на глазах у аборигенов! Аборигенов! Вы что, не знаете колониальных законов? Да я вас за это на рудниках сгною!

— Позвольте, — возразил Уингейт, — это бригадир спровоцировал скандал. Наше в ней участие было исключительно пассивным. Мы лишь оборонялись...

— Это нападение-то на бригадира пассивное? Вот что я вам скажу: ваша обязанность — работать. Обязанность бригадира — указывать вам, где и как работать. Он не дурак и не станет подвергать ненужному риску людей, в которых я вложил деньги. Ему судить, что опасно, а что нет.

Бригадир снова что-то прошептал хозяину. Ван Хейзен отрицательно помотал головой. Бригадир настаивал, но патрон отмахнулся от него, вновь обратившись к работникам:

— Поступим вот как... Один укус собаке простителен, два — уже нет. Сегодня останетесь без ужина и риры. А завтра посмотрим на ваше поведение.

— Но господин ван Хейз...

— Никаких «но». Ступайте в барак.

Забравшись в койку после отбоя, Уингейт обнаружил, что кто-то подсунул ему питательный батончик. Он благодарно сгрыз его в потемках, недоумевая, кем мог быть его тайный доброжелатель. Еда успокоила пустой желудок, но без риры он все равно не смог уснуть. Он провалился всю ночь, глядя в гнетущую тьму, слушая разнообразные звуки, издаваемые спящими людьми, и размышляя о положении, в которое он попал. До сегодняшнего дня оно было скверным, но терпимым; теперь же Уингейт ожидал, что мсти-

тельный бригадир устроит ему суший ад. Судя по рассказам старожиллов, это бригадир умел.

Уингейт предавался размышлениям около часа и вдруг почувствовал, что кто-то тычет его в бок.

— Хамф, Хамф! — раздался шепот. — Пошли со мной, дело есть!

Это был Джимми.

Уингейт осторожно пробрался между койками и выскользнул за Джимми на улицу. Там его поджидал Кошелек и кто-то еще.

Аннек ван Хейзен. Уингейт недоумевал, как ей удалось проникнуть на закрытую территорию. Глаза девушки опухли; видно было, что она плакала.

Заговорщицким тоном Джимми сказал:

— Девочка говорит, что завтра мне придется везти вас обратно в Адонис.

— Зачем?

— Она не знает, но опасается, что вас собираются продать на Юг. Мне в это слабо верится — старик прежде никогда не продавал никого на Юг. С другой стороны, никому еще не приходило в голову поколотить бригадира. Все может случиться.

Несколько минут они безуспешно решали, как поступить. После недолгого молчания Уингейт спросил Джимми:

— Знаешь, где хранят ключи от крока?

— Нет. Зачем тебе?

— Я могу их достать, — вызвалась Аннек.

— Вы же не умеете управлять кроком, — сказал Джимми.

— Я наблюдал, как ты это делаешь, и кое-что запомнил.

— Хорошо, допустим, — продолжал возражать Джимми. — Вы смаетесь на кроке, но не пройдете и десяти миль, как вам настанет конец. Либо вас поймают, либо с голоду помрете.

Уингейт пожал плечами:

— Все лучше, чем быть проданными на Юг.

— Согласен, — кивнул Хартли.

— Подождите.

— Не вижу лучших вари...

— Подождите, говорю! — оборвал Уингейта Джимми. — Дайте подумать!

Все замолчали. Спустя некоторое время Джимми сказал:

— Ладно. Девчуля, отойдите-ка в сторонку и дайте нам поговорить с глазу на глаз. Чем меньше будете знать, тем лучше для вас.

Аннек была расстроена, но сделала, как велено, и отошла подальше, чтобы ничего не слышать. Трое мужчин посоветовались несколько минут, после чего Уингейт поманил девушку к себе.

— Аннек, все решено, — сказал он. — Благодарю вас за все, что вы для нас сделали. Мы придумали выход из положения. — Сделав паузу, он неловко добавил: — Спокойной ночи.

Аннек не сводила с него глаз.

Уингейт не знал, что еще сказать или сделать. Наконец он отвел ее за угол барака и снова пожелал спокойной ночи. Вернулся он поспешно и выглядел смущенным. Все трое вошли в барак.

Этой ночью патрон ван Хейзен тоже не мог сомкнуть глаз. Он терпеть не мог наказывать рабочих. Почему, черт побери, они не могут вести себя хорошо и не беспокоить его? Забот у фермера и без того хватало. На то, чтобы вырастить урожай, уходило больше денег, чем он выручал в Адонисе, — по крайней мере, после выплаты процентов.

После ужина он занялся счетами, чтобы отвлечься от неприятных мыслей, но никак не мог сосредоточиться на цифрах. Это Уингейт... он ведь купил его лишь для того, чтобы уберечь от угнетателя Ригсби, а не затем, что ему нужны были лишние руки. Бригадир постоянно жаловался на то, что рабочей силы не хватает, но ван Хейзен и без того слишком на нее тратился. Теперь перед ним стоял выбор: продать нескольких работников или просить банк снова рефинансировать закладную.

Рабочие больше не отрабатывали вложенные в них средства. Когда ван Хейзен был еще мальчиком, на Венере трудились совсем другие люди. Он вновь углубился в бухгалтер-

скую книгу. Если рыночные цены поднимутся хоть немного, банк согласится сделать ему скидку побольше, чем в прошлом сезоне. Этого должно быть достаточно.

Его размышления прервала дочь. Ван Хейзен всегда был рад видеть Аннек, но в этот раз она наговорила ему такого, что он вконец разозлился. Охваченная собственными переживаниями, она не осознавала, что ранила сердце отца сильнее ножа.

По крайней мере, вопрос с Уингейтом разрешился сам собой. От смутяна необходимо избавиться. Ван Хейзен резко, как никогда прежде, приказал дочери отправляться спать.

Виноват в этом только я сам, говорил себе ван Хейзен, ложась в постель. Венерианская ферма — неподходящее место, чтобы растить дочь без матери. Его Аннекхен была уже почти взрослой женщиной; мужа в этой глуши для нее не сыскать. А что станет с ней, если он вдруг умрет? Она ведь не знает, что он не оставит после себя ничего, даже билета на Землю. Нет, он не допустит, чтобы она стала *vgouw*¹ какого-то работяги. Только через его, ван Хейзена, труп!

Да, от Уингейта придется избавиться, а заодно и от другого, которого кличут Кошельком. Но на Юг он их не продаст. Он никогда так не поступал со своими работниками. С отвращением ван Хейзен представил огромные, похожие на заводы плантации в нескольких сотнях миль от полюса, где температура была на двадцать-тридцать градусов выше, чем у него на болотах, и где смертность рабочих выделялась в отдельную статью расходов. Нет, он отвезет их на распределительный пункт и выставит на аукцион. Что станет с ними после — уже не его дело. Но сам он их на Юг не продаст.

Тут его осенило; подсчитав все в уме, ван Хейзен сообразил, что за выручку от продажи двух действующих контрактов он сможет купить для Аннек билет на Землю. Он был уверен, что его сестра не откажется принять племянницу, даже несмотря на то что не одобряла его женитьбу на матери Аннек. Он бы мог время от времени посылать ей немножко денег. Аннек выучилась бы на секретаря или овладела бы еще какой-нибудь достойной девушки профессией.

¹ Женой (*голл.*).

Но как тоскливо станет на ферме без Аннекхен!

Он был настолько погружен в думы, что не услышал, как дочь выскользнула из дома на улицу.

Уингейт и Хартли изобразили удивление, когда наутро их не допустили до работы. Джимми вызвали в Большой дом, и через несколько минут он уже выводил из гаража огромный «ремингтон». Подобрал товарищей, Джимми привел машину к Большому дому и дождался, пока появится хозяин. Ван Хейзен не заставил себя долго ждать. Не сказав ни слова и даже не взглянув на работников, он забрался в кабину.

Крок взял курс на Адонис, двигаясь со скоростью десять миль в час. Уингейт с Кошельком тихо переговаривались, дожидаясь условленного момента. Время тянулось бесконечно долго, но наконец крок остановился. Окошко кабины немедленно распахнулось.

— В чем дело? — возмутился ван Хейзен. — Двигатель барахлит?

— Нет, я сам его заглушил, — ухмыльнулся Джимми.

— Это еще зачем?

— Выйдете — узнаете.

— Еще как выйду, черт побери! — Окошко захлопнулось, и ван Хейзен протиснулся из кабины на палубу. — Что за фокусы?

— Ваша остановка, хозяин. Конечная. Выходите.

Ван Хейзен не нашелся, что ответить, но выражение его лица было вполне красноречиво.

— Я не шучу, — сказал Джимми. — Вы приехали. Я не сходил с твердой земли, так что вы сможете вернуться пешком, если пойдете по колее. С вашим весом часа за три-четыре дойдете.

Патрон переводил взгляд с Джимми на остальных. Уингейт и Кошелек недружелюбно надвинулись на него.

— Вылезай, жиртрест, — спокойно сказал Кошелек, — пока мы тебя за борт не выкинули.

Ван Хейзен вцепился в перила крока и прижался к ним.

— Я со своего крока не сойду, — процедил он сквозь зубы.

Кошелек сплюнул на ладонь и потер руки:

— Ладно, Хамф, он сам напросился...

— Секунду. — Уингейт обратился к ван Хейзену: — Послушайте, патрон ван Хейзен, нам совершенно не хочется причинять вам вред без необходимости. Но нас трое, и мы полны решимости довести затею до конца. Вылезайте по-добру-поздорову.

Старик весь вспотел, и причиной тому была не только удушливая жара. Выпятив грудь, он собрался было возразить, но тут его запал угас. Он поник, и вызывающее выражение лица сменилось настолько подавленным, что Уингейт даже забеспокоился.

Мгновение спустя ван Хейзен молча перевалился через борт и встал по шиколотку в грязи. Его колени дрожали.

Когда он скрылся из виду, Джимми взял новый курс.

— Он доберется? — спросил Уингейт.

— Кто? — не сразу понял Джимми. — Ван Хейзен? Разумеется... наверное.

Джимми был слишком занят управлением. Крок сполз с холма и плюхнулся в болото. Спустя еще несколько минут болотная трава кончилась, и они вышли на открытую воду. Перед Уингейтом простиралось озеро, дальний берег которого был скрыт туманом. Джимми ориентировался по компасу. Берег оказался лишь узкой полоской, за которой началась заболоченная дельта реки. Пройдя по ней некоторое расстояние, Джимми остановил машину и неуверенно произнес:

— Кажется, здесь.

Порывшись под сложенным в углу пустого трюма брезентом, он достал широкое плоское весло. Перегнувшись через перила, он хлопнул веслом по воде. Шлеп! Шлеп, шлеп... Шлеп!

Он подождал.

Из-под воды появилась плоская голова земноводного; абориген уставился на Джимми яркими веселыми глазами.

— Привет, — сказал Джимми.

Амфибия произнесла что-то на своем языке. Растягивая рот, чтобы издать неуклюжие щелкающие звуки, Джимми

ответил аборигену. Тот — или, по-видимому, та — выслушала и скрылась под водой.

Через несколько минут она вернулась с подругой.

— Тигарек? — с предвкушением спросила та.

— Бабуля, приедем на место — будет вам тигарек, — ответил Джимми. — Забирайтесь на борт.

Он протянул руку, и аборигенка ловко вскочила на борт, усевшись рядом с водителем. Она была не похожа на человека, но отторжения ее облик не вызывал. Джимми снова завел машину.

Часы на приборной панели были сломаны, и Уингейт не мог сказать, как долго вел их маленький штурман, но желудок подсказывал, что долго. Порывшись в каюте, он раскопал чей-то неприкосновенный запас, который разделил с Кошельком и Джимми.

Аборигенке он тоже предложил еды, но та лишь понюхала ее и отвернулась.

Вскоре раздался громкий свист и в десяти ярдах впереди взвились клубы дыма. Джимми тут же остановил машину.

— Не стреляйте! — крикнул он. — Это свои!

— Какие еще «свои»? — словно из ниоткуда, раздался голос.

— Товарищи по несчастью.

— Вылезайте, чтобы мы могли поближе вас рассмотреть.

— Хорошо.

Аборигенка пихнула Джимми в бок.

— Тигарек! — требовательно сказала она.

— Что? А, конечно. — Джимми отсыпал ей условленную порцию табака и добавил одну пачку сигарет сверху, в знак доброй воли. Амфибия вытянула из-за щеки бечевку, перевязала пакет, соскользнула за борт и поплыла, держа награду высоко над водой.

— Выходите, живее!

— Уже идем!

Спрыгнув вниз, они оказались по пояс в воде и, подняв руки над головой, зашагали вперед. Четверо часовых с оружием наготове покинули укрытие, чтобы их встретить. Командир обыскал поясные мешочки беглецов и послал одного из бойцов на борт крока.

— Бдительные же у вас разведчики, — заметил Уингейт. Командир посмотрел на него.

— Да, — ответил он, — и нет. Маленький народец предупредил, что вы появитесь. Они стоят всех сторожевых собак на свете.

Один из разведчиков принял управление кроком, и они вновь отправились в путь. Конвоиры были не слишком разговорчивы, но и не враждебны.

— Все разговоры после встречи с губернатором, — ска-
зали они.

Пунктом назначения оказалась широкая равнина на воз-
вышенности. Уингейт был поражен, увидев массу людей
и многочисленные постройки.

— Как им удастся скрываться? — спросил он Джимми.

— Если бы Техас накрыло туманом, а жителей там было
столько, сколько в каком-нибудь илинойском Уокигане,
там тоже можно было бы неплохо спрятаться.

— Разве по карте это укрытие не найти?

— Не глупи. Видел хоть одну подробную карту Венеры?

Из прежних разговоров с Джимми Уингейт ожидал уви-
деть в лучшем случае палаточный лагерь беглых рабочих,
скрывающихся в зарослях и добывающих скудное пропи-
тание на окрестных болотах. На деле же он обнаружил пол-
ноценное общество со своими органами управления. Да,
общество это было примитивным, свод законов — кратким,
а конституция — негласной, но порядок здесь соблюдался,
а нарушители подвергались наказанию — ничуть не менее
справедливому, чем где бы то ни было.

Хамфри Уингейт был несказанно удивлен тем, что беглые
рабы, люди низшего сорта, смогли построить полноценное
интегрированное общество. Так же, должно быть, удивились
его предки, узнав, что сосланные на берега залива Ботани
преступники создали в Австралии высокоразвитую цивилизацию. Уингейта феномен Ботани, конечно, не удивлял —
ведь он уже был частью истории, а история удивляет лишь
до того, как свершилась.

Процветание колонии стало более понятным Уингейту,
когда он ближе познакомился с губернатором, который вло-
бавок был и генералиссимусом, и судьей по мелким и сред-

ней тяжести преступлениям (особо опасных преступников судили всей колонией — Уингейту такой процесс казался безответственным, но колонистов вполне устраивал).

Губернатор выносил судебные решения, пренебрегая нормами доказательного права и не имея ни малейшего представления о правовой теории, что напомнило Уингейту рассказы о полумифическом судье Бине, известном как «Едиственный закон к западу от реки Пекос», но никто против таких решений не возражал.

Чаще всего губернатору приходилось выносить решения по инцидентам, вызванным нехваткой женщин в колонии (мужчин было втрое больше). Уингейт не мог не признать, что в таких вопросах традиционные меры наказания привели бы лишь к новым неприятностям; губернатор же гасил страсти и предлагал приемлемый для всех образ действий, руководствуясь собственной проницательностью и прекрасным пониманием человеческой природы. Человек, способный в таких обстоятельствах поддерживать порядок, не нуждался в юридическом образовании.

Губернатор и его советники были избраны всеобщим голосованием. Уингейт пришел к выводу, что губернатор мог бы добиться высокого поста в любом обществе. Энергия в этом человеке была через край; он был жизнелюбив, громогласно смеялся и не боялся выносить решения. Он был прирожденным руководителем.

Тройке беглецов дали две недели, чтобы устроиться и найти занятие, полезное для колонии и их самих. Джимми остался водителем крока, теперь принадлежавшего колонии. Были и другие водители, но по неписаному закону право управлять машиной оставалось за тем, кто ее привел. Кошелек устроился на полевые работы, занимаясь тем же, чем у ван Хейзена. Несмотря на то что трудиться приходилось усерднее, он был доволен и условиями, и, как он однажды сказал Уингейту, «большей свободой».

Сам Уингейт не желал по-прежнему копать в грязи. Веских оснований у него для этого не было; он попросту ненавидел такую работу. В колонии было самодельное радио, которое постоянно прослушивалось, но из-за опасности выдать местоположение колонии практически не использо-

валось для передачи сигнала. В прошлом несколько лагерей беглых рабов уже были захвачены полицией компании вследствие неосторожного использования радио. Теперь им пользовались лишь в экстренных случаях.

Несмотря на это, радио было необходимо. Помощь маленького народца позволяла держать связь с другими поселениями беглецов, входивших в самопровозглашенную федерацию, но связь эта была ненадежной и медленной, и даже простейшие сообщения порой искажались аборигенами до неузнаваемости.

Когда открылось, что Уингейт обладает познаниями в радиотехнике, его назначили связистом. Прежний радиотехник пропал без вести, а его заместитель, приятный старик по прозвищу Док, умел только ловить сигналы, ничего не понимая в обслуживании и ремонте аппаратуры.

Уингейт занялся модернизацией устаревшего оборудования. Решая проблемы, связанные с нехваткой запчастей, и довольствуясь тем, что было под рукой, Уингейт, сам того не ведая, испытывал совершенно детский восторг.

Больше всего его занимал вопрос безопасности радиосвязи. Вспомнив истории о первопроходцах эпохи радио, он кое-что придумал. Вверенная ему радиоустановка, как и все другие, работала по принципу частотной модуляции. На глаза Уингейту попала схема устаревшего передатчика — амплитудного модулятора. Не имея лучших идей, он придумал микросхему, способную, по его мнению, генерировать необходимые колебания и которую можно было собрать из подручных материалов.

Он попросил у губернатора разрешения на разработку.

— Почему нет? Почему нет? — прогромыхал в ответ губернатор. — Я понятия не имею, о чем ты, парень, толкуешь, но раз ты считаешь, что можешь построить радиостанцию, которую компания не обнаружит, то даже не спрашивай. Делай свое дело.

— Мне придется на время отключить станцию, и ей будет невозможно пользоваться.

— Почему нет?

Задача оказалась сложнее, чем ожидалось. С помощью неуклюжего, но усердного Дока Уингейт принялся за дело.

Первые схемы не работали; удачной вышла лишь сорок третья, собранная спустя пять недель после первой попытки. Отправленный за несколько миль от лагеря, Док сообщил, что его портативный приемник получил радиопередачу, в то время как стандартный приемник в одной комнате с экспериментальным передатчиком не перехватил ничего.

В свободное время Уингейт писал книгу.

Зачем — не знал даже он сам. На Земле его творение назвали бы политическим памфлетом против колониализма. Здесь же ему некого было убеждать в правоте своих теорий, да и рассчитывать на то, что книга когда-нибудь дойдет до читающей аудитории, не приходилось. Венера стала его домом. Уингейт понимал, что не вернется на Землю. Единственный путь лежал через Адонис, где его ждал арест за добрую половину мыслимых преступлений: несоблюдение условий контракта, кража, похищение, заговор, оставление судна, сопротивление правосудию. Если он когда-нибудь попадет в лапы полиции, то ему грозит пожизненное заключение.

Нет, книгу он писал не ради публикации, а чтобы упорядочить мысли. Здесь он полностью переосмыслил прежние жизненные ценности и принципы и, чтобы не сойти с ума, должен был придумать новые. Будучи рассудительным и не наделенным богатым воображением, Уингейт считал естественным записывать свои выводы на бумагу.

Как-то раз он решился показать рукопись Доку. Уингейт знал, что это прозвище связано с его прежней земной профессией. Однажды Док мимоходом обмолвился о причине своего попадания на Венеру.

— Небольшое недоразумение с одной из моих студентов, — признался он. — Моя жена не потерпела никаких оправданий, а попечительский совет университета с ней согласился. Они всегда считали мои взгляды радикальными.

— А на самом деле?

— Ни в коем случае! Я был убежденным консерватором. Меня сгубило то, что я имел обыкновение излагать консервативные принципы правдивым языком, избегая аллегорий.

— Теперь-то вы точно радикал.

Док удивился:

— Ничуть. Радикализм и консерватизм — термины, выражающие эмоциональное отношение, а не общественную позицию.

Приняв рукопись, Док прочитал ее и молча вернул. Уингейт настоял на том, чтобы услышать его мнение.

— Что ж, сынок, раз ты настаиваешь...

— Настаиваю.

— Могу сказать, что ты руководствуешься типичным для многих заблуждением в отношении социальных и экономических вопросов — так называемой «дьявольской теорией».

— Что?

— Ты ищешь глубинные причины злодеяний, хотя на самом деле они кроются в банальной глупости. Рабство в условиях колониализма — вещь не новая, это неизбежное следствие империалистической экспансии, естественный результат устаревшей финансовой системы.

— Я отметил, какую роль в этом играют банки.

— Нет, нет же! Ты пишешь, что банкиры — жулики, но это не так. Точно так же дело обстоит с чиновниками, дельцами, представителями правящей земной элиты. Людьми движет необходимость, и они всячески стремятся найти своим действиям оправдание. Алчность здесь ни при чем. Рабство экономически невыгодно и непродуктивно, но люди все равно втягиваются в эту систему под воздействием обстоятельств. Вот если бы финансовая система была иной — но это уже другая история.

— Я все равно считаю, что всему виной человеческие пороки, — упорствовал Уингейт.

— Не пороки, а глупость. Я не могу это доказать, но рано или поздно ты поймешь.

«Беззвучное радио» работало безотказно, и губернатор отправил Уингейта по другим лагерям свободной федерации, чтобы и там установить новую аппаратуру и научить, как ею пользоваться. Целый месяц Уингейт усердно трудился, получая от работы несказанное удовольствие. Поездку он закончил с чувством выполненного долга, зная, что его труд

послужит свободным людям в борьбе против угнетателей куда лучше, чем любая победа в битве.

Вернувшись в свое поселение, он встретил там Сэма Хьюстона Джонса.

Уингейт бросился к нему сломя голову.

— Сэм! — кричал он. — Сэм! Сэм! — Схватив друга за руки, он похлопал его по спине и проорал в ухо дружелюбные ругательства, за которыми чувствительные мужчины обычно скрывают свои слабости. — Сэм, старый пройдоха! Как ты здесь оказался? Тебе удалось бежать? Как ты добрался сюда с Южного полюса? Или тебя перевели до побега?

— Привет, Хамф, — ответил Сэм. — Помедленнее, прошу тебя. Не все сразу.

Уингейт не унимался:

— Дружище, как я рад видеть твою глупую морду! Здорово, что ты теперь здесь — это просто замечательное место. У нас самое продвинутое поселение во всей федерации. Тебе тут понравится. Ребята просто отличные...

— А ты что, — оценивающе оглядел его Джонс, — председатель местной торговой палаты?

Уингейт не сразу понял шутку, но потом рассмеялся:

— Шутник. Правда, тебе тут понравится. Здесь, конечно, все не как на Земле, но Земля — дело прошлое. Как говорится, что упало — то пропало.

— Хамф, не торопись. Все иначе. Я не беглый раб. Я приехал забрать тебя.

У Уингейта отвисла челюсть. Он принялся беззвучно глотать ртом воздух, как рыба.

— Сэм, это невозможно, — сказал он. — Ты же ничего не знаешь.

— Знаю.

— Нет же! Для меня нет пути назад. Если я вернусь, меня ждет суд. Отвертеться не получится. Даже если я подпишу чистосердечное признание, чтобы смягчить приговор, меня все равно лет на двадцать упекут на каторгу. Нет, Сэм, я не могу вернуться. Ты не знаешь, какие обвинения мне предъявят.

— Это я-то не знаю? Да я выложил кругленькую сумму ради того, чтобы с тебя их сняли.

— Что?

— Я знаю историю твоего побега. Знаю, что ты украл крок, похитил патрона и подговорил еще двоих работников бежать. Пришлось использовать все мое красноречие, чтобы уладить дело, да еще и деньжат подкинуть. Хамф, вот объясни мне, почему ты не выбрал более невинное преступление вроде убийства, изнасилования или ограбления почты?

— Сэм, ну что ты! Я совершил побег не для того, чтобы насолить тебе. Я и не надеялся, что мы встретимся снова. Действовал на свой страх и риск. Извини, что тебе пришлось потратиться.

— Забудь. Деньги — не главное. Ты прекрасно знаешь, что у меня их навалом. Всего-то нужно было удачно выбрать родителей. Я пошутил, вот только шутка, похоже, не удалась.

— Хорошо. Извини. — Уингейт натянуто улыбнулся, ведь он, как и все, не любил подачек. — Лучше расскажи мне обо всем, чего я не знаю.

— Идет.

Как и Уингейт, Джонс был весьма удивлен и расстроен разлуке с другом, но не мог ничего с этим поделать, пока не получил помощь с Земли. Несколько месяцев он проработал слесарем на Южном полюсе, недоумевая, почему до сих пор не получил ответа от сестры. Вдобавок к радиограмме он посылал ей письма — единственный способ связи, который он мог себе позволить, — но время шло, а ответа не было.

Когда же радиограмма от сестры наконец пришла, все стало ясно. Она не получила послание с корабля, потому что сама находилась на борту «Вечерней звезды», в каюте первого класса, оформленной по привычке на имя горничной.

— Нас подвело стремление моей семьи всячески избегать публичности, — объяснил Джонс. — Если бы я отправил радиограмму не ей, а семейным юристам или если бы реви́зор знал ее по настоящему имени, мы бы встретились с ней в тот же день.

На Венере она также не смогла получить послание, потому что планета в то время проходила с обратной стороны

Солнца, и сообщение между Землей и Венерой было прервано на два месяца. Зашифрованная и записанная радиogramма была передана семейным юристам, пока те наконец не смогли связаться с сестрой Джонса.

Получив послание, сестра всех поставила на уши. Джонс был немедленно освобожден, финансовые обязательства по его контракту выполнены, а на его счет на Венере поступила существенная сумма денег.

— Вот так, — подытожил Джонс. — Мне, конечно, еще придется объясняться с сестрой, когда я вернусь. Она задаст мне хорошую трепку за то, что я ввязался в такую авантюру.

Джонс нанял ракету до Северного полюса и тут же напал на след Уингейта.

— Если бы ты задержался хоть на день, я бы тебя застал. Мы подобрали твоего хозяина в миле от дома.

— Значит, старый мерзавец справился. Рад слышать.

— Тебе повезло. Если бы он помер, я бы тебя уже не вытаскил. Он еле ноги волочил и едва не заработал инфаркт. Ты в курсе, что злонамеренное оставление человека на произвол судьбы на Венере считается тяжелейшим преступлением и в случае его гибели карается смертной казнью?

Уингейт кивнул:

— Знаю. Правда, я ни разу не слышал, чтобы за это казнили патронов, бросавших своих работников. Но это к делу не относится. Продолжай.

— В общем, он был весьма зол, и я его не виню. Впрочем, как и тебя, — полагаю, ты думал, что тебя продадут на Юг, а кто в здравом уме на это согласится? Я оплатил ван Хейзену потерянный крок и выкупил твой контракт — ну-ка, посмотри в глаза своему новому хозяину! Заодно я выкупил контракты двух твоих приятелей, но ван Хейзену этого было мало. В конце концов мне пришлось оплатить его дочери перелет первым классом до Земли и пообещать найти ей работу. Девчонка, конечно, тупа как овца, но наша фирма лишний рот прокормит. Короче говоря, старина, ты теперь свободный человек. Осталось придумать, как уговорить здешнего губернатора нас отпустить. Кажется, это запрещено.

— Да, это проблема. Кстати, как ты вообще нашел это место?

— Пришлось побыть сыщиком. Долго рассказывать. Рабы не слишком-то разговорчивы, вот я и задержался. Как бы то ни было, на завтра у нас назначена встреча с губернатором.

Уингейт долго не мог заснуть. Первоначальная радость сменилась беспокойством. Хотелось ли ему возвращаться? Возобновить адвокатскую практику, соблюдать все формальности в интересах клиента, ходить на бессмысленные встречи и вести пустую, бесплодную, неискреннюю жизнь сытого, преуспевающего класса, к которому он прежде принадлежал и которому служил? Теперь, когда он пожил и поработал с *настоящими* людьми, хотелось ли ему этого? Ему казалось, что его пустяковое «изобретение» для местного радио стоило больше, чем все, чего он прежде достиг на Земле.

Но тут он вспомнил о книге.

Он бы мог ее издать. Выставить на всеобщее обозрение порочную, бесчеловечную систему, которая позволяла продавать людей в рабство. Сон как рукой сняло. Точно! Этим он и должен заняться! Его новая миссия — вернуться на Землю и защищать интересы колонистов. Быть может, жизнь человека действительно предопределена судьбой. Кто, как не он, сможет добиться успеха? У него подходящий социальный статус, подходящее образование. *Его* услышат.

Когда он наконец уснул, ему приснились чистое голубое небо, прохладный сухой ветерок и яркая Луна...

Хоть Джонс и договорился с губернатором, Кошелек и Джимми решили остаться на Венере.

— Понимаешь ли, — объяснил Кошелек, — нам на Земле нечего делать. Иначе мы бы здесь не оказались. Вряд ли ты согласишься кормить еще пару дармоедов. Нам и здесь неплохо. Рано или поздно мы чего-нибудь да добьемся.

Они отвезли Джонса и Уингейта в Адонис. Опасности в этом не было, ведь Джонс официально стал их хозяином, и у местных властей были связаны руки. Крок вернулся в поселение, доверху нагруженный товарами, которые Джонс называл выкупом. По правде говоря, возможность раздобыть столь необходимые припасы и не рисковать при этом по-

пасть в лапы агентов компании стала решающим аргументом, убедившим губернатора отпустить людей. Планы Уингейта начать борьбу против работорговли мало его интересовали.

Прощание с Кошельком и Джимми оказалось для Уингейта непредсказуемо тяжелым и грустным.

В первые две недели на Земле Джонс с Уингейтом были слишком заняты и почти не виделись. За время обратного путешествия Уингейт доработал рукопись и теперь наводил знакомства с издателями. Все, за исключением одного, ответили ему формальным отказом.

— Простите, дружище, — сказал единственный заинтересованный издатель. — Я бы с радостью опубликовал вашу книгу, несмотря на ее спорное содержание, если бы она имела хоть какие-то шансы на успех. Честно говоря, с литературной точки зрения она никуда не годится. С тем же успехом можно прочитать краткое резюме.

— Я вас понимаю, — угрюмо ответил Уингейт. — Крупное издательство не может позволить себе издать книгу, обличающую сильных мира сего.

Вынув изо рта сигару, издатель свысока взглянул на молодого человека.

— Я должен бы был обидеться, но не стану, — спокойно сказал он. — Это широко распространенное заблуждение. Сильные мира сего, как вы их называете, не подавляют инакомыслие в нашей стране. Мы издаем то, на что будет спрос. Благодаря этому мы до сих пор в деле. Если вы согласитесь меня выслушать, я предложу, как привлечь к вашей книге внимание публики. Вам понадобится соавтор, владеющий литературским ремеслом и способный сделать вашу книгу смелее.

Джонс навестил Уингейта ровно в тот день, когда исправленная рукопись вернулась от литературного обработчика.

— Сэм, эти жалкие кретины испортили мою книгу! — возмущался Уингейт. — Ты только послушай: «Вновь раздался свист кнута надсмотрщика. Тщедушное тело моего товарища изогнулось от удара. Испутив последний вздох, он

медленно погрузился под воду, утягиваемый на дно кандалами». Сэм, ты когда-нибудь читал подобный вздор? И взгляни на название. «Я был рабом на Венере». Это что, дамский журнал?

Джонс молча кивнул.

— Послушай еще вот это, — не унимался Уингейт. — «Согнанные в загон, словно скот, обнаженные потные рабыни отстранились от...» Тьфу, даже вслух произносить не хочется!

— Так ведь они ничего и не носили, кроме набедренных повязок да португепи.

— Да, но суть в другом! Такая одежда в климатических условиях Венеры — жизненная необходимость. К чему тут паясничать? Этот бездарь превратил мою книгу в какую-то эротическую писанину, да еще и оправдываться смеет! Он утверждает, что вычурный язык — основа социальной полемики.

Как знать, может, он в чем-то и прав. В «Путешествиях Гулливера» хватает пикантных эпизодов, а сцены бичевания в «Хижине дяди Тома» совсем не подходят для детей. Про «Гроздь гнева» я вообще молчу.

— Будь я проклят, если прибегну к дешевой «желтухе»! Я борюсь за справедливость, и любой должен это понимать.

— Правда? — Джонс вынул изо рта трубку. — А я все думал, когда до тебя дойдет. И где результат твоей борьбы? Мы это уже проходили — на Старом Юге, затем в Калифорнии, Мексике, Австралии и Южной Африке. Ничего не меняется. В условиях развивающейся экономики свободного предпринимательства при отсутствии адекватной ее требованиям денежной системы использование капитала метрополии для развития колоний неминуемо приводит к снижению доходов населения до минимального прожиточного минимума и необходимости рабского труда в колониях. Богатые богатеют, бедные беднеют, и даже добрая воля так называемых правящих классов не изменит ситуацию, потому что решение вопроса требует научного анализа и математического склада ума. Вот ты смог бы донести эти проблемы до общественности?

— Я мог бы попытаться.

— Помнишь, сколько времени я объяснял их тебе, прежде чем ты сам увидел результат? А ты ведь не дурак. Нет, Хамф, эти вещи сложно объяснить обывателям. Они слишком абстрактны, чтобы их заинтересовать. Ты ведь на днях выступал в женском клубе?

— Верно.

— Как прошло выступление?

— Ну... председатель заранее попросила ограничить его до десяти минут. Они ожидали прибытия президента, и времени было в обрез.

— Гм... Вот видишь, с чем приходится соперничать твоим великим посланиям к народу. Ладно. За десять минут можно многое объяснить, если твой собеседник способен тебя понять. Ты кого-нибудь убедил?

— Как сказать... я не уверен.

— Еще бы ты был уверен! Тебе наверняка похлопали, но сколько человек подошли после выступления, чтобы выписать чеки? Нет, Хамф, благоразумие тебя далеко не приведет. Если хочешь быть услышанным — будь демагогом или ярым политическим проповедником вроде этого Неемии Скаддера. Наш мир весело катится в преисподнюю и скоро скатится ко всем чертям.

— Но... черт поberi, что нам-то делать?

— Ничего. Пока не станет совсем худо, улучшения не жди. Давай выпьем!

КОММЕНТАРИЙ

«Логика империи» — незапланированная история, написанная Хайнлайном ради удовольствия по возвращении в Лос-Анджелес из продолжительной поездки на северо-восток США. В поездке он познакомился с Джоном Кэмпбеллом, посетил Всемирную ярмарку в Нью-Йорке и лагерь нудистов в Нью-Джерси, а также участвовал в национальном съезде Демократической партии 1940 года в Чикаго (представьте себе, в качестве аккредитованного журналиста), где состоялось историческое выдвижение Франклина Рузвельта на третий президентский срок. Посетил он и семинар Альфреда Коржибского. 1940-й выдался для Хайнлайнов весьма насыщенным...

В Чикаго они поселились в съемной квартире в одном доме с младшим братом Хайнлайна Клэйром. Клэйр и его жена Дороти первыми узнали задумки некоторых рассказов, заказанных Джоном. Для «истории про тессеракт» («...И построил он себе скрюченный домишко») Хайнлайн хотел найти способ наглядно представить принципы n -мерной геометрии и в действительности слепил несколько четырехмерных кубов из пластилина и зубочисток, которые потом демонстрировал Дороти. В этой же душной и жаркой квартирке был написан и черновой вариант повести «Шестая колонна», сюжет которой также предложил Джон.

По возвращении в Лос-Анджелес Хайнлайн решил немного отдохнуть и написать что-нибудь на интересующую его самого тему (а не то, что можно было лишь выгодно продать). Вспоминая семейные посиделки на крыше дома в Чикаго, сопровождавшиеся обильными возлияниями, он сделал брата (учившегося в то время на юриста) главным героем истории. До отправки Кэмпбеллу Хайнлайн ни с кем не обсуждал «Логику империи»; не фигурирует она и в его заметках. Возможно, Хайнлайн представлял себе, о чем могли бы дискутировать Клэйр и Джон Кэмпбелл, осыпавший его длинными пространственными письмами о Уэнделле Уилки и республиканской политике. Черновой вариант названия, «Контракт есть контракт», отражал республиканские взгляды на экономическое рабство.

Будучи в Нью-Йорке, Хайнлайн поделился с Кэмпбеллом таблицей, которую он создал в августе прошлого года. Таблица объединяла «Историю будущего» в единый цикл, и Кэмпбелл был настолько поражен размахом проекта, что захотел опубликовать таблицу, как только Хайнлайн представит чистовой вариант, который можно отправить профессиональному художнику-оформителю. К моменту публикации таблицы в мае 1941-го Хайнлайн рассчитывал завершить большую часть рассказов.

В «Логике империи» он значительно продвигает «Историю будущего». Картина колониального угнетения становится фундаментом для будущих революций. Хайнлайн также впервые упоминает Неемию Скаддера — захолустного проповедника, завоевывающего популярность по всей стране. Он действительно собирался написать больше связанных между собой рассказов о новых Темных веках американской истории (об этом вы можете прочитать в эссе «Повесть о ненаписанных повестях»), но не сразу, а «когда-нибудь».

УГРОЗА С ЗЕМЛИ

Меня зовут Холли Джоунс, мне пятнадцать лет. Я очень умная, но по виду этого не скажешь — выгляжу я как недоделанный ангелочек, то есть тускло и скучно.

Родилась я здесь же, в Луна-Сити, что почему-то удивляет всяких типов с Земли. Если уж на то пошло, я — местная в третьем поколении, дед с бабушкой участвовали в строительстве первого поселка, где теперь Мемориал. Живу с родителями в Доме Артемиды. Это кооператив в Пятой гермозоне, на глубине восьмисот футов, недалеко от мэрии. Но дел у меня по горло, так что дома я появляюсь редко.

По утрам я в технической школе, во второй половине дня занимаюсь или летаю со своим компаньоном Джеффом Хардести, а когда прибывает туристический корабль, сопровождаю землероек. Сегодня «Грипсхольм» прибыл в полдень, и я прямо из школы пошла в «Америкэн экспресс».

Из карантина, как стая гусей, тянулись туристы. Я не стала лезть вперед, мистер Доркас, менеджер, и без того знает, что я лучше всех. В гидах я временно, мое основное занятие — дизайн космических кораблей. Но раз уж взялась за что-то, делай как следует.

Мистер Доркас меня заметил:

— Холли, подойди, пожалуйста. Мисс Brentвуд, Холли Джоунс будет вашим гидом.

— Холли, — повторила она, — какое необычное имя. Ты правда гид, детка?

К землеройкам я отношусь терпимо. Некоторые из моих самых близких друзей — земляшки. Как говорит папа, родиться на Луне — счастье, земляшкам просто не повезло.

В конце концов, и Гаутама Будда, и Христос, и доктор Эйнштейн были землеройками.

Но до чего же они раздражают! Если бы не старшеклассники, кто бы, интересно, с ними работал?

— В моей лицензии написано именно так, — бойко ответила я, оглядев ее при этом с ног до головы — точно так же, как она в тот момент оглядывала меня.

Ее лицо показалось мне знакомым. Возможно, я видела ее фотографию в светской хронике какого-нибудь земного журнала. Одна из многочисленных тамошних богатых бездельниц. Она была отвратительно красива... бархатная кожа, мягкие волнистые серебристые волосы, размеры фигуры примерно 35-24-34, сверху и снизу — вполне достаточно, чтобы я почувствовала себя как тот рисунок «палка, палка, огуречик», низкий, прямо в душу лезущий голос и вообще — все для того, чтобы существа женского типа видами попроще начали задумываться, а не стоит ли продать душу дьяволу. Но не ощутила дурных предчувствий. Она ведь была землеройкой, а землеройки не в счет.

— Все гиды по городу — девушки, — объяснил мистер Доркас. — Холли очень компетентна.

— Нисколько не сомневаюсь, — быстро ответила она.

Потом она стала охать и ахать, как все туристы. Неужели гид нужен только затем, чтобы проводить до отеля? А почему нет такси? А где носильщики? Узнав, что мы пойдем по «подземному городу» одни, она изумленно вытаращила глаза.

Мистер Доркас терпеливо отвечал на все вопросы и в заключение произнес:

— Мисс Брентвуд, Луна-Сити — единственная столица в Солнечной системе, где женщина по-настоящему чувствует себя в безопасности. Здесь нет ни темных переулков, ни безлюдных кварталов и ни криминальных элементов.

Очень надо было мне все это слушать. Я сунула мистеру Доркасу бумажки — печать поставить — и взяла ее вещи. Вообще-то, таскать чемоданы не мое дело: большинство туристов приходят в восторг, узнав, что тридцать футов положенного им багажа тут еле тянут на пять. Но надо же было заставить ее сдвинуться с места.

Мы были уже в туннеле, и я поставила одну ногу на движущийся тротуар, как вдруг она остановилась:

— Я совсем забыла! Мне нужна карта города.

— Нет в наличии.

— В самом деле?

— Есть одна-единственная, и все. Поэтому и нужны гиды.

— Но почему бы не обеспечить картами туристов? Или вы, гиды, боитесь остаться без куска хлеба?

Представляете?

— Вы действительно думаете, что гид — это профессия? Мисс Брентвуд, если бы тут водились обезьяны, они бы этим и занимались.

— Тем более почему не напечатать карты?

— Да потому, что Луна-Сити не такой плоский, как... — Я чуть не ляпнула «землеройковые города», но вовремя прикусила язык, — как земные города. То, что вы видели из космоса, — всего лишь метеоритный щит. Он расходится вширь и вглубь на многие мили, в дюжине отдельных гермозон.

— Да, я знаю, но почему бы не сделать карту для каждого уровня отдельно?

От землероек только и слышишь: «Да, я знаю, но...»

— Я могу показать вам единственную карту города. Это стереоскопический макет высотой в двадцать футов. Но даже там отчетливо видны только очень крупные сооружения. Гидропонические фермы, Замок горного короля, Пещера летучих мышей.

— Пещера летучих мышей? — повторила она. — Это где летают?

— Да, мы там летаем.

— О, я хочу это увидеть!

— Хорошо, сначала туда... или к карте города?

Она решила сначала пойти в свой отель. К «Цюриху» можно проехать на дорожке через туннель Грэя, мимо Марсианского посольства, сойти у храма мормонов, затем в шлюзовую камеру — и вы на бульваре Дианы. Но я-то отлично знаю, где можно срезать путь. Мы сошли с движущегося тротуара около здания компании «Мэйси-Гимбел» и спустились их служебным лифтом. По-моему, ей должно было это

понравиться. Но когда я велела ей ухватиться за кольцо, она глянула в шахту и отпрянула назад:

— Ты шутишь?

Я уже собиралась вести ее обычным путем, но тут вниз проехала наша соседка. Я крикнула:

— Здравствуйте, миссис Гринберг!

— Привет, Холли. Как твои?

Сузи Гринберг можно назвать толстухой. Она ехала, повиснув на одной руке, другой держала маленького Дэвида и при этом умудрялась читать газету «Дейли лунатик».

Мисс Брентвуд смотрела на это, прикусив губу. Потом спросила:

— Что надо делать?

— Можете держаться обеими руками, я возьму сумки.

Связав носовым платком ручки чемоданов, я поехала первая. Когда мы спустились, ее трясло.

— Господи, Холли, как вы тут живете? Неужели тебе не хочется домой?

Вопрос туриста Номер Шесть... Я сказала: «Я была как-то на Земле», но особо распространяться не стала. Два года назад мама отправила меня в Омаху, в гости к тетке. Это было какое-то наказание. Жара, холод, грязь, какие-то букашки... Я весила целую тонну и отвратительно себя чувствовала. А тетка без конца гнала меня на улицу заниматься физическими упражнениями. Все, чего мне там хотелось, так это влезть в ванну и потихоньку страдать. К тому же я заболела сенной лихорадкой. Возможно, вы никогда не слышали о сенной лихорадке — это когда вы живы, но лучше бы вы умерли.

Я должна была там пойти в школу-интернат для девочек, но позвонила папе и все ему рассказала. Слава богу, он решил мне вернуться. Землеройки никак не могут понять, что это *они* живут в дикости. Но землеройки есть землеройки, а лунари есть лунари, им не сойтись никогда¹.

Как и все лучшие отели, «Цюрих» располагается в Первой гермозоне на западной стороне. Так, чтобы было видно Землю. Я помогла мисс Брентвуд зарегистрироваться у де-

¹ Парафраз из «Баллады о Востоке и Западе» Р. Кипплинга. — *Примеч С. В. Голд.*

журного робота и нашла ее номер. Номер оказался с иллюминатором. Клиентка, охая и ахая, тут же принялась пялиться на Землю. Я посмотрела через ее плечо и поняла, что уже начало второго: сумерки отъели самый краешек Индии. Еще хватит времени прихватить следующего клиента.

— Ну все, мисс Брентвуд?

Вместо того чтобы ответить, она сказала с благоговением:

— Холли, видела ты что-нибудь более прекрасное?

— Да, неплохо, — ответила я.

На самом деле вид в ту сторону скучный-прескучный. Кроме Земли, висящей в небе, смотреть не на что. Но туристы всегда пялятся на Землю, даже если только что оттуда прилетели. Нет, сама Земля выглядит неплохо. Интересно понаблюдать за сменой погоды — если сам где-то в другом месте. Когда-нибудь пробовали пожить летом в Омахе?

— Она прекрасна, — прошептала мисс Брентвуд.

— Конечно, — согласилась я. — Вы еще куда-нибудь хотите или поставите вот здесь подпись?

— Что? Извини, я замечталась. Нет, не сейчас, то есть да, хочу! Холли, я хочу *туда*! Я должна! Есть у меня время? Еще не скоро стемнеет?

— До захода Солнца еще два дня.

Она очень удивилась:

— Как необычно! Холли, ты можешь раздобыть скафандр? Мне надо наружу.

Я даже не дрогнула — привыкла разговаривать с туристами. Они не видят разницы между скафандром и гермокостюмом.

— Мы, девушки, там не работаем, — сказала я. — Но я могу позвонить приятелю.

Джефф Хардести тоже занимается конструированием космических кораблей, он мой партнер, поэтому я посылаю ему клиентов. Джеффу восемнадцать, он учится в Институте Годдарда. Я изо всех сил стараюсь его нагнать — тогда мы откроем собственную фирму «Джоунс и Хардести, космическое конструирование». Я рассчитываю получить докторскую степень довольно скоро, потому что у меня блестящие способности к математике. В космической отрасли математика — это все. А пока мы проектируем корабли... ну, в сво-

бодное время. Я не стала говорить всего этого мисс Брентвуд, ведь туристы считают, что девушка моего возраста не может быть космическим конструктором.

По вторникам и четвергам Джефф водит туристов. Клиентов он встречает у Западного шлюза, а в перерывах занимается. Я дозвонилась до Шлюзовой и попросила Джеффа.

— Привет, Масштабная Модель.

— Привет, Штрафной Вес. Можешь взять клиента?

— Ну, я должен был вести одну семейку, но они что-то запаздывают.

— Отмени их. Мисс Брентвуд... встаньте, пожалуйста, здесь. Это мистер Хардести.

Глаза Джеффа заметно расширились, и я ощутила... ну, некоторый дискомфорт. Нет, мне бы и в голову не пришло, что Джеффа может привлечь *землеройка*. Даже с учетом того, что мужчины в таких вопросах ведут себя как роботы, ими полностью управляет химия их собственного тела. Я знала, что она очень эффектно выглядит, но совершенно немыслимо, чтобы Джеффа могла очаровать какая-то землеройка, как бы изящно она ни была упакована. Они ведь даже говорят на другом языке!

В Джеффа я не влюблена, мы просто коллеги. Но все, что затрагивает интересы «Джоунс и Хардести», касается и меня лично.

Когда мы встретили Джеффа у Западного шлюза, тошно было смотреть, как он пускает слюни до полу. Он даже не пытался скрыть, что именно так привлекает его в мисс Брентвуд. Мне было за него стыдно, и я начала немного за него опасаться. Почему мужчины такие придурки?

Зато мисс Брентвуд, кажется, ничего не имела против. Джефф — парень крупный, в гермокостюме он похож на инеистого великана из «Золота Рейна»¹. Улыбнувшись, клиентка поблагодарила его за то, что ради нее он изменил свои планы. От этого он еще больше поглупел и проблеял, что «будет рад оказать ей услугу».

¹ *Инеистые великаны*, хримтурсы, — персонажи германо-скандинавской мифологии, по мотивам которой написана опера немецкого композитора Рихарда Вагнера (1813—1883).

Я держу свой гермокостюм в Западном шлюзе, чтобы, когда я передаю клиента Джеффу, он мог пригласить меня прогуляться вместе с ним. На этот раз он почти не разговаривал со мной, пока эта платиновая зараза была рядом. Но я помогла ей выбрать костюм, пошла с ней в раздевалку и подогнала его. Эти прокатные костюмы требуют тщательной подгонки, иначе там, в вакууме, они могут защемить очень нежные части организма... кроме того, в них есть такие вещи, которые девушке должна объяснить девушка.

Когда мы покинули раздевалку, на мне костюма не было. Джефф даже не поинтересовался почему — сразу взял ее за руку и повел к шлюзу. Мне пришлось между ними вклиниться, чтобы она подписала мне бланк.

Следующие несколько дней были самыми длинными в моей жизни... Джеффа я видела всего один раз. Он ехал по бульвару Дианы. Естественно, с этим блондинистым чулом.

И хотя больше я его не встречала, я знала, что происходит. Он пропускал занятия и три ночи подряд водил ее в «Дункан Хайнс», в зал с видом на Землю. Меня это не касается. Пускай теперь она учит его танцевать. Надеюсь, у нее это лучше получится. Джефф — свободный гражданин, и если он такой кретин, чтобы пропускать школу и недосыпать из-за какой-то грудастой землеройки, — это его дело!

Но он не должен пренебрегать интересами фирмы!

Ведь «Джоунс и Хардести» жутко загружены работой. Мы проектируем звездный корабль «Прометей». Больше года вкалывали как проклятые, света белого не видели, летали и то раз в неделю, а это чего-то стоит.

Конечно, сейчас звездный корабль — утопия. Нет подходящей силовой установки. Но скоро произойдет технический переворот и будут построены реакторы с конверсией массы — а значит, и звездные корабли. По крайней мере, так говорит мой папа. А уж он-то точно знает. Отец — главный инженер лунного отделения «Спейс лайнс» и читает лекции по теории Ферми в Институте Годдарда. Поэтому мы с Джеффом строим межзвездный корабль, основываясь на его предположениях. Наше детище снабжено замкнутой системой жизнеобеспечения. Здесь есть все: жилые и подсобные помещения, поликлиника, лаборатории.

Отец считает, что это так, полезная тренировка, но мама лучше его разобралась. Она математический химик в «Дженерал синтетик оф Луна» и почти такая же умная, как я. Мама отлично знает, что к моменту создания двигателя, когда другие фирмы только начнут суетиться, у «Джоунс и Хардести» уже будет готовый проект.

Вот почему меня бесило, что Джефф расходует время на эту мымру. Раньше мы старались не терять ни минутки. Джефф появлялся после обеда, мы быстро делали уроки и сразу принимались за дело. Это были счастливые часы. Мы проверяли друг у друга расчеты и ломали головы над чертежами. Но в тот же день, как я познакомила его с мисс Ариэль Брентвуд, он не соизволил явиться. Я сделала уроки и не знала, как быть: то ли начинать без него, то ли еще подождать — мы проводим серьезное изменение защиты силовой установки, — когда мне позвонила его мать.

— Дорогая, Джефф просил передать, что обедает с туристкой и не сможет прийти.

Мисс Хардести выжидательно смотрела на меня, поэтому я изобразила удивление и сказала:

— Джефф думал, что я его жду? Он что-то напутал.

Не думаю, что она мне поверила, потому что слишком быстро со мной согласилась.

Всю ту неделю я мучительно привыкала к мысли, что «Джоунс и Хардести» — конец. Джефф больше не отменял встреч. Ведь он их и не назначал. По четвергам после обеда мы обычно летали, если никто из нас не был занят с туристами. В этот четверг он не позвонил. Я прекрасно знала, где он — с ней, на катке в Фингаловой пещере¹.

Я осталась дома и работала над «Прометеєм». Пересчитывала массы и моменты инерции гидропонических ферм и складов с учетом изменений, введенных в защиту. Но выходило с ошибками. Я все время ошибалась. Дважды забыла логарифмы, так что пришлось лезть в таблицу. Я настолько привыкла обо всем спорить с Джеффом, что мой мозг просто отказывался нормально работать.

¹ Легендарная пещера на Гебридских островах у берегов Шотландии, сооруженная великанами для героя кельтской мифологии Финна (или Фингала, как он назван Д. Макферсоном в «Песнях Оссиана»).

В какой-то момент мой взгляд упал на заголовок спецификации, которую я правила. Там стояло «Джоунс и Хардести» — как и на всех остальных листах. Я сказала себе:

«Холли Джоунс, брось валять дурака. Ясно, что это конец. Ты ведь знала, что рано или поздно он в кого-то влюбится».

«Конечно... но не в землеройку же!»

«И все же он *сделал* это. Какой же ты инженер, если не можешь взглянуть правде в глаза? Она красива и богата, заставит своего папашу пристроить Джеффа на Земле. Слышишь? *На Земле!* Так что подыскивай себе другого партнера... или организуй собственное дело».

Я стерла надпись «Джоунс и Хардести», вывела «Джоунс и компания» и уставилась в одну точку. Потом стала стирать и это, но получилось пятно, на него упала слеза. Это уж было совсем глупо!

В следующий вторник родители обедали дома. Это меня несколько насторожило, потому что папа обычно обедает в порту.

Если вы не космический корабль, то не рассчитывайте, что мой папочка обратит на вас внимание. Но сегодня он вдруг заметил, что я заказала себе только салат, да и тот не поела.

— В этой тарелке не хватает восьмисот калорий, — сказал он. — Ты не сможешь летать без топлива. У тебя все в порядке?

— Спасибо, у меня все хорошо, — ответила я с достоинством.

— Хм... Припоминаю, ты хандришь уже несколько дней. Может, стоит показаться врачу? — Он глянул на маму.

— Мне не нужен никакой осмотр!

Вовсе я не хандрила. Подумаешь, не молола языком. Не имею права, что ли? И я терпеть не могу, когда меня ощупывают эти доктора, поэтому на всякий случай добавила:

— Я мало ем, потому что после обеда собираюсь летать. Но если тебе так хочется, могу заказать себе целую гору мяса с картошкой, а потом завалиться спать.

— Ну-ну, не злись, воробушек. Я не хотел тебя доставать. Как полетаешь, перекуси... и передай привет Джеффу.

Я процедила сквозь зубы:

— Ладно, — и, извинившись, вышла из-за стола.

Намек на то, что я, видите ли, не могу летать без мистера Джефферсона Хардести, был для меня унизителен, но я сдержалась.

Папа бросил мне вслед:

— Не опаздывай к ужину.

А мама сказала:

— Джейкоб! — И добавила мне: — Летай, пока не надоест, дорогая, ты давно не тренировалась. Ужин будет на плите. Заказать тебе что-нибудь вкусненькое?

— Мне то же, что и всем.

Еда меня совершенно не интересовала, что на меня совсем не похоже. Направляясь к Пещере летучих мышей, я даже подумала, уж не подхватила ли чего-нибудь. Но лоб не горел, да и желудок был в порядке.

Вдруг меня пронзила жуткая мысль: что, если я ревную? Нет, невозможно. Я не какая-нибудь чувствительная барышня, а деловая женщина. Джефф был моим партнером и товарищем. Под моим руководством он мог бы стать великим конструктором, но наши отношения были просты и безыскусны: каждый из нас ценил интеллект другого, и без всяких там штучек. Деловая женщина не может себе этого позволить. Сколько полезного времени утратила, например, моя мама, чтобы выносить меня!

Нет, я не могла ревновать, я просто заболела оттого, что мой партнер связался с землеройкой, вот и все. Джефф плохо разбирается в женщинах. Кроме того, он ни разу не был на Земле и не представляет, что это такое. Если она соблазнит его уехать на Землю, с «Джоунс и Хардести» покончено.

И я чувствовала, что найти замену «Джоунс и Хардести» будет непросто, так что «Прометей» никогда не будет достроен.

Я пришла к этому грустному выводу у самого входа в Пещеру летучих мышей. Мне не очень-то хотелось летать, но тем не менее я прошла в раздевалку и надела крылья.

Почти все, что написано о Пещере летучих мышей, неверно. Это резервуар городского воздухохранилища. Воздух нагнетается сюда очистительными насосами, работающими

на большой глубине. Такие воздухохранилища есть в любом городе. Нам просто повезло, что наше достаточно велико и в нем можно летать. Специально его не строили. Это большой вулканический пузырь диаметром мили две. Если бы в прошлом здесь произошло извержение, то он превратился бы в кратер.

Туристы иногда жалеют нас, лунарей, за то, что мы лишены возможности плавать. Я как-то раз попробовала в Омахе. Вода попала мне в нос, и я жутко перепугалась. Вода для того, чтобы пить, а не для того, чтобы в ней барахтаться. Я предпочитаю летать. Я слышала, как землеройки говорят: «О да, мы летали много раз». Но это не *полет*. Я проделала то, что они имеют в виду, между Уайт-Сэндз и Омахой. Я чувствовала себя ужасно, меня тошнило. Эти их штуки не внушают доверия.

Я оставила туфли и юбку в раздевалке, надела на ноги хвостовые лопасти, застегнула «молнию» на крыльях, а мне помогли затянуть плечевые ремни. Мои крылья — не какие-нибудь там магазинные «Кондоры», у меня «Чайка-Сторер», специально изготовленные под мои размеры и распределение масс. Мои крылья влетели нам в хорошую копеечку, так быстро я из них вырастала, но эти, последние, куплены собственными трудами, на гонорары от туристов.

И какие они прекрасные! Стойки из титанового сплава, легкие и прочные, как настоящие птичьи кости, компенсаторы натяжения на запястьях и плечевых суставах, естественные движения придаточных крылышек и автоматическая реакция закрылков при сваливании. Скелет крыла обтянут оперенной пленкой из стирена, плюс отдельные маховые перья на кромке и на скапулах. Они летают чуть ли не сами собой.

Сложив крылья, я вошла в шлюз. Пока камера заполнялась, я раскрыла левое крыло и попробовала управление придаточным крылышком — в последний раз, когда я летала, мне показалось, что меня немного заваливает. Но крылышко открывалось как надо, и я решила, что, скорее всего, просто переборщила тогда с управлением. С «Чайками» надо поосторожнее, они очень маневренны, иногда даже чересчур. Когда на двери появился зеленый сигнал, я заспешила

наверх, поглядывая на барометр. Семнадцать фунтов, то есть на две единицы больше, чем на уровне моря на Земле, и почти в два раза больше, чем у нас в городе. Тут бы и страус взлетел. У меня поднялось настроение, и мне стало жаль всех землероек, придавленных собственным весом, который в шесть раз больше, чем положено. Они никогда, никогда, *никогда* не смогут летать.

На Земле и я бы не смогла. Нагрузка на мои крылья составляет менее фунта на квадратный фут, так как мой вес с крыльями меньше двадцати фунтов. А на Земле я весила бы более ста фунтов, так что, сколько там ни хлопай крыльями, все равно не взлетишь.

Мне стало так хорошо, что я забыла про Джеффа. Расправив крылья, пробежала несколько шагов, нагнулась для прыжка, загребла воздух крыльями и взмыла вверх.

Слегка работая руками, я спланировала к отверстию для подачи воздуха, которое находится в центре на дне пещеры. Мы называем этот район Детским эскалатором, так как, двигаясь в восходящем потоке воздуха, вы можете подняться на полмили, до самого потолка, ни разу не шевельнув крыльями. Почувствовав, что попала на Эскалатор, я качнулась вправо, чуть сильнее, чем нужно, потом выправилась и стала скользить по кругу, против часовой, позволив струям воздуха нести меня вверх.

На высоте около двухсот футов я оглядела пещеру. Она была почти пуста: не более двухсот человек в воздухе и еще сто отдыхали, сидя на балках, — в общем, достаточно места, чтобы порезвиться. Поднявшись на пятьсот футов, я вышла из восходящего потока и начала работать крыльями. Парение не требует усилий, но полет — это тяжелая работа, он возьмет у вас столько сил, сколько вы захотите отдать. При парении каждое из моих крыльев несет на себе десять фунтов веса, это ерунда — на Земле у вас уходит больше сил на то, чтобы просто лежать в постели. Для подъема ничего не нужно делать, подъемная сила возникает благодаря форме самих крыльев, когда вокруг них течет воздух.

Даже если вы не находитесь в восходящем потоке, а парите горизонтально, достаточно просто грести кончиками пальцев, чтобы двигаться. На это хватит сил и у дряхлой ста-

рушки. Подъем происходит за счет разницы в воздушном давлении, но вам незачем это знать: вы лишь легонько гребете, а воздух сам вас держит, как если бы вы лежали на удобнейшей в мире кровати. Когда вы гребете, то двигаетесь вперед, как будто плывете в лодке... По крайней мере, мне так говорили, сама я никогда в лодке не плавала. В Небраске у меня была возможность попробовать, но я не настолько безрассудна.

Когда же вы летите по-настоящему, у вас действует вся рука, включая кисть, а за счет плечевых мышц увеличивается сила гребка. Крылья уже не только поднимают вас вверх, но и толкают вперед. Теперь не только маховые перья меняют свой наклон (как при планировании), теперь все ваши перья разом прижимаются и расправляются при каждом взмахе, они не создают больше подъемной силы, они влекут вас вперед, в то время как вес ваш удерживается скапулами, расположенными под мышками. Таким образом, вы можете наращивать скорость, или набирать высоту, или то и другое одновременно, контролируя угол атаки ступнями ног, я хотела сказать — хвостовыми лопастями, надетыми на ступни.

О, знаю, это звучит сложно, но это не нужно слушать, это нужно *сделать*. И ты взлетишь, как птица. Птенцы ведь могут научиться, а они не бог весть какие сообразительные. В общем, это так же легко, как легко дышать, стоит только научиться... а уж какое это удовольствие, вы и представить себе не можете.

Я поднималась к куполу, энергично работая крыльями и установив придаточные крылышки так, чтобы двигаться без завихрений — под углом, не доступным большинству наших летунов. Я маленькая, но это все сплошные мускулы, а летать я научилась еще в шесть лет. Зависнув в воздухе, огляделась. Внизу, у южной стены, туристы примеряли крылья для прыжков, если это можно назвать «крыльями». Глазеющие туристы толпились и в галерее для посетителей вдоль западной стены. Я подумала, нет ли там Джеффа и его персональной Цирцеи, и решила это выяснить.

Я круто нырнула вниз, к галерее, затем, приняв горизонтальное положение, быстро полетела вдоль нее. Джеффа и его повелительницы нигде не было, но из-за того, что я не

смотрела вперед, я чуть в кого-то не врезалась. Затормозила в самый последний момент и начала падать. Мне удалось выровнять полет только через пятьдесят футов. Конечно, никакой опасности не было, так как галерея находится на высоте двухсот футов, но выглядела я глупо, и исключительно по собственной вине: нарушила правила безопасности.

Таких правил не много, но их необходимо соблюдать. Первое — уступи дорогу оранжевым крыльям. Это начинающие. У летящего передо мной не было оранжевых крыльев, но я мчалась на него сзади. Следует уступать дорогу летящему ниже или летящему впереди, как и тому, кто находится ближе к стене или движется против часовой стрелки.

Неужели меня кто-то видел? Какой позор! Я снова поднялась на самый верх, убедилась, что подо мной никого нет, и, как ястреб, сложив крылья и подняв хвост, камнем бросилась вниз.

Остановилась я у самой галереи, сделав резкий гребок вперед обоими крыльями с распушенными крылышками, и с такой силой опустила и расправила хвост, что почувствовала, как на ногах натянулись мышцы. Потом выровнялась и заскользила вдоль галереи с предельной скоростью. Глаза у туристов полезли на лоб. «То-то же, будете знать», — думала я с удовольствием.

Но что за черт! Сверху прямо на меня кто-то летел. Этот псих затормозил прямо над моей головой, и от резкого воздушного толчка я чуть было не потеряла управление. Я загребла воздух, остановила боковое скольжение, выругалась и посмотрела по сторонам, желая выяснить, кто же это был. Черный с золотом узор крыльев — Мэри Муленбург, моя лучшая подруга.

Она качнулась ко мне:

— Привет, Холли! Здорово я тебя напугала?

— Ни капельки. Но ты бы поосторожнее, распорядитель полетов отнимет у тебя крылья на месяц.

— А вот и фиг, его нет в воздухе, он где-то пьет кофе.

Все еще злясь, я отлетела в сторону и начала набирать высоту. Мэри крикнула что-то мне вслед, но я сделала вид, что не слышу, думая про себя: «Ну, Мэри, голубушка, я тебе еще покажу. Ты у меня на землю свалишься». Думать так

было, конечно же, глупо. Мэри летает ежедневно, и мышцы у нее, что плечевые, что грудные, как у миссис Геркулес. Когда она меня догнала, я уже остыла, и мы полетели рядом. Она крикнула:

— Сядем?

— Сядем, — согласилась я. У Мэри всегда полно сплетен, а мне пора было немного передохнуть.

Мы направились к нашему обычному насесту — потолочному кронштейну для прожекторов. Вообще-то, он не предназначен для того, чтобы на нем сидели, но начальство почти никогда сюда не заглядывает.

Мэри подлетела первая, затормозила и опустилась с идеальной точностью. Блестящая посадка. Меня же немного занесло в сторону, но Мэри протянула мне крыло и помогла обрести равновесие. Сесть на эту жердь непросто, особенно из горизонтального полета. Два года назад мальчик, который только-только снял оранжевые крылья, попытался это сделать... Он ударился о балку левым боком и все две тысячи футов летел вниз, описывая крути и судорожно молотя крыльями. Он разбился. Он мог спастись — вполне можно безопасно приземлиться и с поломанным крылом, если не так держаться за воздух вторым, планировать вниз покруче и затормозить перед самой землей. Но бедный парень всего этого не знал, он сломал себе шею, что твой Икар. С тех пор я этим насестом не пользовалась.

Мы сложили крылья, и Мэри подвинулась ко мне.

— Тебя разыскивает Джефф, — сказала она, лукаво улыбаясь.

Мое сердце подпрыгнуло, но я ответила совершенно спокойно:

— А, хорошо... Не знала, что он здесь.

— Да, там, внизу. — Она показала левым крылом. — Видишь его?

Джефф носит полосатые, красные с серебром крылья, но она показывала на пандус для туристов, более чем в миле от нас.

— Нет.

— Он здесь, хотя... — Она посмотрела на меня искоса. — На твоём месте я бы не стала к нему подходить.

— Почему это? Я хотела сказать, с какой стати я должна к нему подходить?

Мэри выведет из себя кого угодно.

— Да ты вечно к нему мчишься, стоит ему только свистнуть. Но сегодня он снова возится со своей земной красоткой. Наверное, тебе будет неловко в их компании.

— Мэри, что ты городишь?

— Ну ладно, Холли Джоунс, не придуривайся. Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю.

— Уверяю тебя, нет, — сказала я с холодным достоинством.

— В таком случае ты единственная в Луна-Сити, кто этого не понимает. Все знают, что ты без ума от Джеффа, все знают, что она тебя подрезала... И ты просто сгораешь от ревности.

Мэри — моя любимая подруга, но когда-нибудь я спущу с нее шкуру.

— Мэри, но ведь это же полнейшая чушь! Как тебе такое в голову могло прийти?

— Слушай, дорогуша, кончай притворяться. Я же на твоей стороне.

Она хлопала меня по плечу тыльной стороной крыла. Тут я отпихнула ее назад. Добрую сотню футов она падала, затем выровняла полет, сделала петлю и снова уселась рядом со мной, скаля зубы. За это время я успела сообразить, что сказать.

— Мэри Муленбург, во-первых, я ни от кого не схожу с ума, и меньше всего от Джеффа Хардести. Мы с ним просто друзья. Поэтому говорить о том, что я ревную, совершенно бессмысленно. Во-вторых, мисс Брентвуд — настоящая леди и не подрезает никого, уж меня — во всяком случае. В-третьих, она просто туристка, а Джефф ее сопровождает. Чисто деловой контакт, не более того.

— Ну хорошо-хорошо, — примирительно сказала Мэри. — Я была не права. Но все-таки... — Она пожала крыльями и замолчала.

— Что «все-таки»? Мэри, говори до конца.

— Мм... Ну, я лишь удивилась, как ты догадалась, что речь идет об Ариэль Брентвуд, если она тут ни при чем.

— Так ведь ты же сама назвала ее по имени.

— Ничего подобного.

Я лихорадочно соображала:

— Ну, допустим. Но это же очевидно. Мисс Брентвуд — клиентка, которую я передала Джеффу, вот я и предположила, что о ней-то ты и говоришь.

— Да? Только вот что-то не припоминаю, чтобы я употребила слово «клиентка». Но если уж она и вправду ваша общая туристка, то почему тогда не ты сопровождаешь ее в городе? Я думала, у вас, гидов, разделение труда.

— Что? Если он и водил ее по городу, то я об этом ничего не знала, и мне это...

— Тогда ты единственная, кто об этом не знает.

— ...И мне это не интересно! Такими вопросами занимается специальная комиссия. Все равно Джефф ни гроша не получит за эту работу.

— Само собой. По крайней мере, в банк у него эти денежки не примут. Ладно, Холли, вижу, что была не права. Тогда тем более, почему бы тебе ему не помочь? Она хочет научиться парить.

У меня не было ни малейшего желания навязывать свои услуги этой парочке.

— Если мистеру Хардести нужна моя помощь, он сам меня об этом попросит. А пока что я буду заниматься своим делом... Что и тебе рекомендую.

— Расслабься, подруга, — ответила она невозмутимо. — Я же для тебя стараюсь.

— Спасибо, мне это не нужно.

— Ну, тогда я полетела — мне еще нужно немного поупражняться сегодня. — Она наклонилась вперед и соскользнула с насеста. Но она не стала тренироваться, а полетела прямо к пандусу туристов.

Когда она скрылась из виду, я выдернула левую руку из захвата и с трудом достала носовой платок — в костюме с крыльями это неудобно, но от света прожекторов у меня начали слезиться глаза. Я вытерла слезы, высморкалась, убрала носовой платок, вернула руку на место, тщательно проверила всю механику и приготовилась к прыжку.

Но не прыгнула. А так и осталась сидеть в задумчивости со сложенными крыльями. Я должна была признать, что Мэри отчасти права — Джефф действительно был занят только... этой *землеройкой*. Так что рано или поздно он отбудет на Землю и с «Джоунс и Хардести» будет покончено.

Но тут я напомнила себе, что собиралась стать конструктором космических кораблей, как папа, задолго до того, как мы объединились с Джеффом. Я ни от кого не зависела и могла вести дело совершенно самостоятельно, подобно Жанне д'Арк или Лизе Мейтнер. Я почувствовала себя лучше... холодная, суровая гордость, как у Люцифера из «Потерянного Рая».

Я узнала красные с серебром крылья Джеффа, когда он был еще далеко, и хотела улизнуть потихоньку. Но Джефф, если захочет, все равно меня догонит, поэтому я решила: «Холли, не будь душой! С чего это ты должна удирать?.. Просто будь подчеркнуто вежлива».

Он приземлился рядом, но ко мне не приблизился.

— Привет, Одна Десятая.

— Привет, Нуль. Ну что, много украл за последнее время?

— Только городской банк, но меня заставили положить его на место. — Он нахмурился и добавил: — Холли, ты на меня злишься?

— Да что ты, Джефф, с чего ты взял?

— Мм... Мэри Длинный Язык что-то такое болтала.

— Она? Не обращай внимания на то, что она несет. Половина того, что она говорит, — вранье, а во вторую половину она и сама не верит.

— Да, с серым веществом у нее плоховато. Так, значит, ты на меня не злишься?

— Ну конечно нет, с чего бы?

— И я не вижу причин. Меня тут не было несколько дней на проекте корабля, но я был ужасно занят.

— Не беспокойся. Я и сама была ужасно занята.

— Отлично. Послушай, Пробная Модель, сделай доброе дело. Помоги мне с одной подругой... то есть с клиенткой... то есть, ну, она и подружка тоже. Она хочет научиться парить на крыльях.

Я сделала вид, что обдумываю его просьбу.

— Я ее знаю?

— Да-да. Дело в том, что ты-то нас и познакомила. Ариэль Брентвуд.

— Брентвуд? Джефф, тут ведь столько туристов. Дай вспомнить. Такая высокая девушка? Блондинка? Хорошенькая?

Он улыбнулся во весь рот, как дурак, и я чуть его не столкнула.

— Ага, это точно Ариэль!

— Припоминаю... Она думала, что я понесу ее сумки. Но зачем тебе помощь, Джефф? Мне она показалась очень способной, с хорошим чувством равновесия.

— Да, конечно, все это так и есть. Ну на самом деле я хочу, чтобы вы друг друга получше узнали. Она... она очень хорошая, Холли. Настоящий человек. Ты ее полюбишь, когда лучше узнаешь. Я решил, что тут... э-э-э... удачный повод.

Кажется, у меня начала кружиться голова.

— Это все замечательно, Джефф, но я сомневаюсь, что она хочет меня «лучше узнать». Я же всего лишь обслуга, которую она наняла — ты же знаешь землероек.

— Но она совсем не похожа на обычных землероек. И она хочет узнать тебя получше — она сама мне так сказала. «После того, как ты ей это предложил, придурок!»

Нет, вслух я этого не сказала. Если бы не мое хорошее воспитание, я бы ответила: «Пошел вон, дурак безмозглый! Мне нет дела до твоих земных подружек». Но вслух я произнесла:

— Ладно, Джефф. — Прижала лисенка крепче к животу¹ и скользнула вниз.

Итак, я стала учить Ариэль Брентвуд летать! Эти так называемые «крылья», которыми туристам разрешено пользоваться, практически лишены органов управления, кроме подвижных маховых перьев, центральная крестовина зафиксирована так, что они устойчивы, как стол, а суставы могут делать только парочку бессмысленных движений, позволяющих владельцу думать, что он «летит», размахивая руками.

¹ Хрестоматийная история о стойком спартанском юноше, прятавшем лисенка под одеждой. — *С. В. Голд*.

Их площадь составляет пятьдесят квадратных футов, а хвост мало того что неподвижен, он еще и отклонен кверху, так что если вы остановитесь в воздухе (что почти невозможно), то приземлитесь на ступни ног. Все, что может турист, — пробежать несколько ярдов, оттолкнуться (это получается само собой) и скатиться вниз по воздушной подушке. Зато потом будет что рассказывать внукам, как он летал, по-настоящему летал, как птица...

Так «летать» и обезьяна научилась бы.

Я унизилась до того, чтобы напаять на себя эти идиотские штуки. Потом поднялась по Детскому эскалатору на сто футов, продемонстрировав Ариэль, что с их помощью действительно можно летать. После этого я с радостью их скинула, помогла Ариэль застегнуть комплект большего размера и надела свою красавицу «Чайку». Джеффа я прогнала (два инструктора — это чересчур), но, увидев на ней крылья, он спикировал и опустился возле нас.

Я подняла на него взгляд:

— Опять ты?

— Здравствуй, Ариэль. Приветик, мелочь. Тебе не кажется, что ты слишком сильно затянула плечевые ремни?

— Кыш, кыш! — сказала я. — Инструктор только один, помнишь? Если хочешь помочь, стряхни свои цветастые плавники и надень то же, что и Ариэль... Я на твоём примере буду объяснять, чего не следует делать. А нет, так заберись на двести футов вверх и оставайся там — как-нибудь без советов обойдемся.

Джефф надулся, как маленький, но Ариэль меня поддерживал:

— Делай, как говорит инструктор, Джефф. Будь молодцом.

Глайдеры он не надел, но и не отстал. Кружил рядом, не сводя с нас глаз, пока ему не влетело от дежурного распорядителя за то, что он торчал в туристской зоне.

Надо отдать Ариэль должное — она была прилежной ученицей. Она и глазом не моргнула, когда я сказал ей, что у нее немного тяжеловаты бедра и это мешает сохранять равновесие. Она ответила, что здесь я самая худая из всех, так что она мне искренне завидует. После этого я перестала ее под-

калывать и вскоре поняла, что если сосредоточиться на обучении, то она мне даже нравится. Она очень старалась и благодаря хорошим рефлексам и развитому чувству равновесия (несмотря на мою шпильку) быстро все схватывала. Я сказала об этом, и она скромно призналась, что когда-то занималась балетом.

Около полудня она спросила:

— Можно мне попробовать настоящие крылья?

— Ну ты даешь, Ариэль. Нет, не стоит.

— Почему?

Я не нашлась, что ответить. Она полностью освоила все, что можно, с этими ужасными глайдерами. Чтобы учиться дальше, ей нужны настоящие крылья.

— Ариэль, это опасно. Поверь, это совсем не то, что ты делала до сих пор. Ты можешь получить травму или даже разбиться.

— А отвечать будешь ты?

— Нет, ты же дала расписку на входе.

— В таком случае я хочу попробовать.

Я прикусила губу. Расшибись она без моей помощи, я не проронила бы и слезинки. Но она — моя ученица... это малость папахивало Давидом и Урией¹.

— Ариэль, я не могу тебе этого запретить, но я снимаю крылья и умываю руки.

Теперь уже она прикусила губу:

— Если ты так настроена, я не буду тебя упрашивать. Может быть, Джефф поможет?

— Конечно, — выпалила я, — если он такой дурак, как я о нем думаю.

Выражение ее лица изменилось, но она ничего не сказала, потому что рядом появился Джефф.

— О чем спор?

Мы хором стали объяснить, в чем дело, но только сбили его с толку — он решил, что это моя идея, и начал на меня орать: я что, спятила? Я хочу, чтобы Ариэль разбилась? Соображаю я или нет?! Я рывкнула:

¹ Библейская история греховной любви израильского царя Давида и Вирсавии, жены военачальника Урии. Чтобы избавиться от соперника, Давид послал Урию на верную смерть.

— Заткнись! — Потом добавила тихо, но твердо: — Джефферсон Харлести, ты просил меня позаниматься с тобой подружкой, и я согласилась. И нечего теперь встревать. Поэтому не лезь сюда и не думай, что я позволю разговаривать с собой подобным тоном. А теперь мотай отсюда. На взлет — и крылышками, крылышками!

Он надулся и процедил:

— Я категорически запрещаю.

За время воцарившегося молчания можно было медленно сосчитать до пяти. Потом Ариэль спокойно сказала:

— Пошли, Холли, раздобудем мне какие-нибудь крылья.

— Пошли.

У всех, кто летает, крылья, естественно, свои. Напрокат их не выдают. Правда, можно купить уже бывшие в употреблении: дети из них выросли или еще что-нибудь в этом роде. Я разыскала мистера Шульца и сообщила, что Ариэль собирается купить крылья. Но я ей этого не позволю, пока она их не испробует. Перебрав сорок с лишним пар, я нашла комплект, который стал мал Джону Квиверазу, — я знала, что эти крылья в порядке, но тем не менее тщательно их проверила. У меня бы в них пальцы до управления не достали, но Ариэль они были как раз.

Помогая ей с хвостовым оперением, я сказала:

— Ариэль, все-таки зря мы это затеяли.

— Знаю. Но нельзя же, чтобы мужчины думали, будто мы у них под каблуком.

— Да, пожалуй.

— На самом-то деле так оно и есть. Но только им незачем об этом знать. — Она пробовала хвостовое управление. — Лопасты раскрываются большими пальцами ног?

— Да. Но ты этого не делай. Просто держи ноги вместе, вытянув носки. Понимаешь, Ариэль, по-настоящему ты еще не готова. Сегодня будешь только парить, как ты это делала раньше. Обещаешь?

Она посмотрела мне в глаза:

— Буду делать только то, что ты мне позволишь... даже не буду трогать крылья, пока ты не разрешишь.

— Договорились. Готова?

— Готова.

— Прекрасно. Ой, господи, ну и маханула же я. Ведь они не оранжевые.

— А это имеет значение?

— Еще какое.

Далее последовало утомительное выяснение отношений: мистер Шульц не желал опрыскивать крылья оранжевой краской для какой-то там пробы. Ариэль окончила спор тем, что купила их не пробуя, но потом пришлось ждать, пока краска высохнет.

Мы вернулись к туристическому пандусу, и Ариэль взлетела. Я позволила ей парить, предупредив, чтобы она большими пальцами рук держала крылышки раскрытыми. Так лучше подъем на малых скоростях, можно просто слегка помахать пальцами. У нее отлично получилось, она споткнулась всего один раз при посадке. Джефф все время торчал поблизости, выписывая над нами восьмерки, но мы не обращали на него никакого внимания. Очень скоро она научилась заворачивать в широком плавном вираже. Наконец я опустилась рядом с ней и спросила:

— Ну что, хватит?

— Мне никогда не хватит. Но если ты скажешь, я их сниму.

— Устала?

— Нет.

Она взглянула поверх крыла на Детский эскалатор — около десяти человек лениво скользили по нему вверх, не шевеля крыльями.

— Вот бы разок попробовать! Это, наверное, такое блаженство.

Я обдумала это.

— Вообще-то, чем выше, тем безопаснее.

— В чем же тогда дело?

— Мм... безопаснее, если ты знаешь, что делаешь. Подниматься и воздушном столбе — то же, что просто парить, иными словами, делать то, что ты делала до сих пор. Ты спокойно лежишь, а поток сам уносит тебя на полмили вверх. Потом ты так же спускаешься, плавно описывая круги вдоль стены. Но там у тебя возникнет соблазн попробовать что-то,

чего еще не пробовала, — взмахнуть крыльями или сделать вираж.

Она серьезно покачала головой:

— Я не сделаю ничего, чему ты меня не учила.

Но я все же беспокоилась:

— Слушай, подняться надо будет всего на полмили, но при этом ты пролетишь пять, и еще больше — на спуске. Как минимум полчаса. Уверена, что руки выдержат?

— Уверена.

— Имей в виду, можешь начинать спуск в любой момент, необязательно подниматься до конца. Время от времени слегка сгибай руки, чтобы не онемели. Только ни в коем случае не хлопай крыльями.

— Не буду.

— Ладно. — Я расправила крылья. — Иди следом.

Я ввела ее в поток, плавно качнулась вправо, потом влево и начала двигаться вверх против часовой стрелки. При этом я очень медленно гребла руками, чтобы она не отставала. Как только мы поймали ритм, я крикнула:

— Продолжай точно так же, — резко взмыла вверх и, отлетев в сторону, зависла над ней футах в тридцати. — Ариэль!

— Да, Холли.

— Я буду над тобой. Не тяни шею, тебе на меня незачем смотреть, это я должна держать тебя в поле зрения. У тебя здорово получается.

— Я чувствую себя прекрасно.

— Слегка покачивайся. Не напрягайся, до купола еще далеко. Если хочешь, можешь грести сильнее.

— Слушаюсь, капитан.

— Не устала?

— Да нет же! Боже мой, я живу. — Она хмыкнула. — А мама говорила, мне никогда не стать ангелом.

Я не ответила, потому что на меня чуть не налетели красные с серебряным крылья. Они резко затормозили и зависли между мной и Ариэль. Физиономия Джеффа была почти такой же пунцовой, как и его крылья.

— Черт подери! Ты соображаешь, что делаешь!

Я крикнула:

— Оранжевые крылья! Прочь с дороги!

— Чтобы вас сейчас же здесь не было! Обоих!

— Не смей вклиниваться между нами! Она моя ученица. Ты знаешь правила.

— Ариэль! — крикнул Джефф. — Выйди из круга и начинай спускаться. Я буду рядом.

Я пришла в бешенство:

— Джефф Хардести, даю тебе три секунды, чтобы убраться отсюда, а потом обязательно сообщу, что ты нарушил правила. Третий раз повторяю: *оранжевые крылья!*

Джефф что-то прорычал, опустил правое крыло и отлетел от нас. Этот идиот скользнул в пяти футах от кончика крыла Ариэль. Мне бы следовало и об этом сообщить — новичкам необходимо уступать как можно больше свободного пространства. Я спросила:

— Ну как, Ариэль, все в порядке?

— Все в порядке, Холли. Жаль только, что Джефф так обозлился.

— Переживет. Скажи, когда устанешь.

— Я не устала. Я хочу подняться до конца. На какой мы высоте?

— Думаю, футов четыреста.

Некоторое время Джефф покрутился внизу, потом набрал высоту и стал летать над нами... Скорее всего, как и я, он хотел лучше видеть, что происходит. Пока он не вмешивался, меня вполне устраивало, что мы вдвоем за ней следим, поскольку я уже начинала нервничать — ведь Ариэль могла не отдавать себе отчета в том, что обратный путь будет таким же долгим и утомительным, как и наверх. Я очень надеялась, что она отступится. Я-то могу парить, пока голод не погонит меня вниз, но для новичка это сильное напряжение.

Джефф носился над нами взад и вперед — он слишком деятельная натура, чтобы парить подолгу, а мы с Ариэль медленными кругами продолжали подниматься к куполу. Наконец, когда мы преодолели полпути, до меня дошло, что совсем необязательно ждать, когда Ариэль отступится, я и сама могу прекрасно отступить — с тем же результатом. Поэтому я крикнула:

— Ариэль, теперь устала?

— Нет.

— А я — да. Пожалуйста, давай спускаться.

Она не стала спорить, а только спросила:

— Хорошо, что мне для этого надо делать?

— Наклонись вправо и выйди из круга.

Я собиралась отвести ее в сторону на пять или шесть сотен футов, ввести в обратный, направленный вниз поток, затем — кругами по пещере, опускаясь, вместо того чтобы подниматься. Я взглянула вверх, пытаюсь найти Джеффа. Он нашелся — немного выше и дальше, чем был раньше. Он направлялся к нам. Я крикнула:

— Джефф, встретимся внизу.

Возможно, он не расслышал, но ничего — сам догадается. Я снова взглянула на Ариэль.

Ее там не было.

Потом я увидела ее, на добрую сотню футов ниже: она молотила крыльями и неслась вниз, потеряв управление.

Не знаю, как это могло случиться. Возможно, она слишком сильно накренилась, ушла в боковое скольжение, испугалась и начала биться. Но я и не старалась понять — в глазах у меня потемнело от ужаса. Казалось, я висела там целый час, окаменев, и смотрела на нее.

Потом я завопила:

— Джефф! — и бросилась вниз.

Но я никак не могла ее догнать, у меня не возникало ощущения, что я падаю. Я полностью сложила крылья, но и это не помогло — она была все так же далеко.

Начало падения всегда бывает очень медленным из-за малого тяготения — именно оно позволяет людям летать. Даже камень и тот пролетает едва три фута в первую секунду. Эта первая секунда тянулась целую вечность.

Наконец я почувствовала, что падаю. Я ощущала, как воздух бьет меня по лицу — но все равно не могла к ней приблизиться! Ее беспорядочные, отчаянные движения, должно быть, несколько замедлили падение, в то время как я неслась вниз изо всех сил, сложив крылья. В мозгу все время вертелась одна безумная мысль: только бы мне с ней поравняться, а там уж я сумею заставить ее нырнуть, затем расправить крылья и начать парить. Но я не могла ее догнать.

Этот кошмар был нескончаем.

В действительности нам оставалось не более двадцати секунд. Для того чтобы в падении преодолеть расстояние в тысячу футов, больше времени не требуется.

Но двадцать секунд могут тянуться ужасно долго... достаточно долго для того, чтобы раскаться во всех глупостях, которые я наговорила или сделала, достаточно долго, чтобы помолиться за нас обеих и мысленно попрощаться с Джеффом. Достаточно долго, чтобы увидеть, как на нас несется пол, и понять: мы неминуемо разобьемся, если я ее быстро не догоню.

Я посмотрела вверх. Джефф падал прямо над нами, но он был еще очень далеко. Я тут же снова глянула вниз... я ее догоняла... обгоняла — *была под ней!*

Потом я затормозила всем, чем можно, едва не сорвав крылья. Я схватила воздух, удержала его и начала бить крыльями, даже не пытаясь выровняться. Первый взмах, второй, третий... я перехватила ее снизу, и мы бешено завертелись на месте.

Потом был сильный удар о землю.

Первый взмах, второй, третий... она врезалась в меня с такой силой, что из нас обеих вышибло дух.

А потом пол поднялся и ударил нас.

Я чувствовала одновременно слабость и смутное удовлетворение. Я лежала на спине в темной комнате. Кажется, там была мама, а папа был точно. У меня зудело в носу, я хотела почесаться, но руки не работали. Тогда я снова уснула.

Проснувшись я голодная, спать больше не хотелось. Я лежала на больничной кровати, руки по-прежнему не двигались, что неудивительно: они были в гипсе. Вошла сестра с подносом.

— Хочешь есть? — спросила она.

— Ужасно, — призналась я.

— Ну что ж, сейчас поедим.

И она начала кормить меня с ложечки.

Я увернулась от третьей ложки и спросила:

— Что у меня с руками?

— Тсс, — произнесла она и сунула мне ложку в рот.

Немного погодя пришел очень симпатичный доктор и ответил на мой вопрос:

— Ничего особенного. Три простых перелома. В твоём возрасте кости срастаются моментально. Но нам приятно твоё общество, поэтому я держу тебя под наблюдением, а заодно хочу убедиться, что нет внутренних повреждений.

— Внутри у меня все цело, — ответила я. — По крайней мере, ничего не болит.

— Я же сказал, что это всего-навсего предлог.

— Доктор?

— Да?

— Я смогу снова летать?

Я со страхом ждала ответа.

— Конечно. Я видел, как люди, пострадавшие намного серьезнее, поднимались вверх и делали три круга подряд.

— Слава богу. Спасибо, доктор. А что случилось с той, другой девушкой? Она... она...

— Брентвуд? Она здесь.

— Да, здесь, — отозвалась Ариэль из дверей. — Можно? У меня отвисла челюсть, я с трудом выговорила:

— Да. Конечно входи.

Доктор предупредил:

— Только недолго, — и вышел.

Я сказала:

— Садись.

— Спасибо.

Она не шла, а прыгала, и я увидела, что одна нога у нее забинтована. Она уселась на краешек кровати.

— Ты повредила ногу?

Она пожала плечами:

— Ничего страшного. Растяжение и разрыв связок. Два сломанных ребра. Но могла разбиться насмерть. А знаешь, почему я осталась жива?

Я не ответила. Она прикоснулась к моей гипсовой повязке:

— Вот почему. Ты подхватила меня в воздухе, и я рухнула на тебя сверху. Ты спасла мне жизнь, а я сломала тебе руки.

— Не надо меня благодарить. Я бы сделала то же самое для любого другого.

— Верю и не собираюсь тебя благодарить. Невозможно отблагодарить человека, который спас тебе жизнь. Ты просто должна знать, что я этого не забуду.

Мне нечего было ответить, и я спросила:

— Где Джефф? С ним все в порядке?

— Он скоро будет здесь. Джефф не пострадал, хотя я удивляюсь, как он не сломал обе лодыжки. Он с такой силой стукнулся ногами об пол, что это вполне могло случиться. Но, Холли... Холли, родная моя... Я пробралась сюда, чтобы мы с тобой смогли поговорить о нем, пока его нет.

Я поспешила сменить тему. После того, чем меня напичкали, я была в каком-то приятном полусне, но тут внезапно смутилась.

— Ариэль, что там произошло? Все было так замечательно — и вдруг нá тебе.

Она понуро ответила:

— Я сама виновата. Ты сказала, что мы спускаемся, и я посмотрела вниз. Вниз, в буквальном смысле слова. До этого все мои мысли были заняты только тем, как добраться до самого верха. Я и не предполагала, что поднялась так высоко. А тут я глянула вниз... у меня закружилась голова, стало страшно, и я перестала соображать. — Она пожала плечами. — Ты оказалась права, я была не готова.

Я понимающе кивнула:

— Ясно. Но не переживай. Когда у меня заживут руки, я снова возьму тебя наверх.

— Холли, милая, — она дотронулась до моей ноги, — только я больше не полечу. Я возвращаюсь туда, где мое место.

— На Землю?

— Да. Улетаю в среду на «Билли Митчел».

— Ой. Мне так жаль.

Она слегка нахмурилась:

— Правда? Холли, ведь я тебе совсем не нравлюсь.

Я совсем растерялась. Ну что тут скажешь? Особенно если учесть, что так оно и есть.

— Ну, — медленно произнесла я, — ладно, ты мне не нравишься. Я просто не очень хорошо тебя знаю.

Она кивнула:

— Я тоже не очень хорошо тебя знаю... хотя узнала намного ближе всего за несколько секунд. Но, Холли, послушай, пожалуйста, и не сердись. Это касается Джеффа. Он не

слишком хорошо себя вел последние несколько дней, я имею в виду то время, что я была здесь. Но не сердись на него. Я уеду, и все будет по-прежнему.

Теперь, когда она назвала вещи своими именами, я уже не могла уйти от разговора, чтобы она не вообразила того, чего на самом деле нет. Поэтому мне пришлось объяснить, что я деловая женщина, что если я и казалась расстроенной, то только потому, что распалась фирма «Джоунс и Хардести», так и не построив свой первый космический корабль, что в Джеффа я совсем *не* влюблена, а просто ценю его как друга и единомышленника, но раз уж фирма «Джоунс и Хардести» не состоялась, она превратится в «Джоунс и компания».

— Так что видишь, Ариэль, тебе вовсе не надо отказываться от Джеффа. Если ты чувствуешь, что что-то мне должна, не думай об этом.

Она моргнула, и я с удивлением заметила, что она сдерживает слезы.

— Холли, Холли... ты ничего не понимаешь.

— Я все понимаю, не маленькая.

— Конечно не маленькая. Ты взрослая женщина... но пока еще этого не осознала. Первое, — она подняла кверху палец, — Джефф меня не любит.

— Не верю.

— Второе. Я его не люблю.

— Снова не верю.

— Третье... Ты говоришь, что ты к нему равнодушна, впрочем, к этому мы еще вернемся. Холли, я красивая?

Менять тему разговора — типично для женщин. Но я, наверно, никогда не научусь делать это так быстро.

— Мм?

— Я спрашиваю, я красивая?

— Ты ведь сама прекрасно знаешь, что да!

— Да, знаю. Я умею немного петь и танцевать. Но одного этого недостаточно, чтобы получать хорошие роли, потому что я всего лишь третьесортная актриса. Так что, хочешь не хочешь, приходится быть красивой. Сколько мне лет, потвоему?

Я было заколебалась, но лгать не стала:

— Ты старше, чем думает Джефф. По крайней мере, двадцать один. Может быть, даже двадцать два.

Она вздохнула:

— Холли, я гожусь тебе в матери.

— Ну уж! В это я и вовсе не поверю.

— Я рада, что по мне этого не скажешь. Но прежде всего поэтому совершенно невозможно, чтобы я влюбилась в Джеффа, хотя, конечно, он прелесть. Но вообще, все это не важно. Важно то, что он любит *тебя*.

— Что-что? Ну знаешь, это самая большая глупость из всего, что ты до сих пор сказала. Я ему нравлюсь — или нравилась. Но не больше. — Я попыталась проглотить то, что было в горле. — А мне больше и не надо. Да ты бы только послушала, как он со мной разговаривает.

— Я слышала. Но мальчики в этом возрасте еще не умеют выражать того, что чувствуют, они стесняются.

— Но...

— Подожди, Холли. Я кое-что видела, чего не могла видеть ты, так как была без сознания. Знаешь, что случилось, когда мы с тобой грохнулись?

— Ну ясно — нет.

— Джефф прилетел, как карающий ангел, через долю секунды после нас. Еще не успев приземлиться, он стал сдирать с себя крылья, чтобы освободить руки. На меня он и не взглянул. Просто перешагнул. Потом взял тебя на руки и стал качать, рыдая как ребенок.

— Это... правда?

— Правда.

Может, я действительно немного нравилась глупому верзиле.

— Так что, понимаешь, Холли, — продолжала Ариэль. — Даже если ты к нему равнодушна, все равно надо быть с ним мягкой и внимательной. Ведь он любит тебя, и ты можешь легко сделать ему больно.

Я постаралась собраться с мыслями. Любовные истории... это как раз то, чего следует избегать деловой женщине... но если Джефф и вправду питает ко мне такие чувства, предам ли я свои идеалы, если выйду за него замуж, лишь

для того, чтобы сделать его счастливым? Чтобы сохранить фирму? В конечном счете разве не это главное?

Но если я так поступлю, то «Джоунс и Хардести» уже не будет, ее сменит «Хардести и Хардести».

Ариэль не умолкала:

— Может, ты его еще полюбишь. Такое бывает, детка. И если так случится, ты будешь жалеть, что бросила его. И уж какая-нибудь другая девица постарается его не упустить, ведь он такой славный парень.

— Но... — Я замолчала, так как раздались шаги Джеффа, я их всегда узнаю.

Он остановился в дверях и посмотрел на нас, сдвинув брови:

— Привет, Ариэль.

— Привет, Джефф.

— Привет, Покалеченная. — Он оглядел меня с ног до головы. — Боже, на кого ты похожа.

— Ты тоже выглядишь не лучшим образом. Я слышала, у тебя плоскостопие?

— Хроническое. Как ты ухитряешься чистить зубы с этими штуками на руках?

— А я и не чищу.

Ариэль соскользнула с кровати и сказала, балансируя на одной ноге:

— Должна бежать. Пока, ребята.

— Пока, Ариэль.

— До свидания, Ариэль. И... спасибо.

Джефф закрыл за ней дверь и сказал несколько грубовато:

— Не двигайся.

Потом обнял меня и поцеловал.

Ведь я не могла его остановить, правда? Со сломанными руками. К тому же это совпадало с интересами фирмы. Я совершенно обалдела, потому что Джефф никогда меня раньше не целовал, разве что в дни рождения, а они не в счет. Я попыталась ответить на поцелуй, чтобы показать, что я все оценила.

Не знаю, чем они меня перед этим пичкали, но у меня зазвенело в ушах и снова закружилась голова.

— Кроха. — Он склонился надо мной. — Сколько беспокойства ты мне причинила!

— Ты тоже мне недешево достаешься, олух ты низколобый, — сказала я с достоинством.

— Да, пожалуй. — Он с грустью на меня посмотрел. — О чем ты плачешь?

Я и не заметила, что плакала. Тут я вспомнила.

— Ох, Джефф! Я сломала свои прекрасные крылья.

— Достанем новые. Приготовься. Я сейчас повторю.

— Давай.

И он меня поцеловал.

Я полагаю, в названии «Хардести и Хардести» заложено больше ритма, чем в «Джоунс и Хардести».

Оно и в самом деле лучше звучит.

КОММЕНТАРИЙ

Картины жизни в Луна-Сити, представленные в «Угрозе с Земли», где события разворачиваются вскоре после «Логик-империи» и непосредственно перед падением американской цивилизации, является одним из самых привлекательных творений Хайнлайна — именно такие вещи он хотел описывать в своих рассказах для «Post» после Второй мировой войны, — и эта история действительно изначально предназначалась для «Saturday Evening Post».

За окном была весна 1956 года, Хайнлайн время от времени ностальгически (и не совсем объективно) вспоминал ее как свою вершину в качестве писателя палп-фикшн, поскольку 1956 и 1957 годы были коммерческим пиком научной фантастики. «Двойная звезда» только что вышла с продолжениями в «Astounding», правда, после этого Джон Кэмпбелл отверг и «Время для звезд», и «Дверь в Лето», заявив, что кот — персонаж замечательный, но не вписывается в концепцию.

Первый набросок рассказа «Джефф и угроза с Земли» вылился почти в 15 000 слов — слишком много для «Post», поэтому Хайнлайн потратил целый месяц, последовательно сокращая черновик за черновиком, пока наконец не получил последний анорексический вариант из 5000 слов. Имя Джеффа исчезло из названия, так что оно стало более прозрачным намеком на

фильмы о космических монстрах, которые были популярны в то время.

Но «Post» ничего покупать не собирался, поэтому Хайнлайн вытащил один из промежуточных черновиков в 7000 слов и заставил своего агента выставить его на продажу. Ему казалось, что эта версия читается более гладко, хотя Джинни считала, что она тоже слишком сильно порезана. Энтони Бучер, который только что приобрел «Дверь в Лето» (вместе с котом и всем остальным) для «The Magazine of Fantasy and Science Fiction» («F & SF»), прикупил и этот рассказ. Восемь месяцев спустя в одном из писем (они поддерживали дружески-деловую переписку) Хайнлайн упомянул о существовании более длинной версии. «О? — заинтересовался Бучер, хотя он уже заплатил за вариант из 7000 слов. — Давай я на него взгляну».

Черновик после второго сокращения был длиной в 13 500 слов, и это была самая лучшая и самая гладкая редакция, какую только мог сделать Хайнлайн, так что он прислал эту версию. И довольно скоро от «F & SF» пришел дополнительный чек: ведь Бучер купил короткую версию рассказа, а в печать ушел длинный вариант. Этот рассказ появился в августовском номере «F & SF» 1957 года, в то время когда Хайнлайн пропихивал «Гражданина Галактики» сквозь мелкие редакционные придирки. Его отношения со «Scribner's» стремительно ухудшались.

Когда «Gnome Press» в 1959 году захотело выпустить все его внецикловые рассказы в двух книгах, «Угроза с Земли» стала заглавной историей первого тома, а когда в 1966 году готовился сборник «Past Through Tomorrow», Хайнлайн с удовольствием добавил его в «Историю будущего» — как прощальный взгляд на то, что мы потеряли, когда Пророк захватил власть в Америке.

ИСТОРИЯ БУДУЩЕГО

ДАТЫ	ИСТОРИИ	ПЕРСОНАЖИ	ТЕХНИЧЕСКИЕ УСПЕХИ
Н. Э.			
	Линия жизни	Пинеро	
	Дороги должны катиться Взрыв всегда возможен	Мартин Дуглас Теймс Блэкиншол Харпер Эрикссон Кинг Ленц Гарриман Макинтайр Каммингс	
	Человек, который продал Луну		
2000	Далила и космический монтажник Космический извозчик Реквием Долгая вахта «Присаживайтесь, джентльмены!» Темные ямы Луны «Как здорово вернуться!» «...А еще мы выгуливаем собак» Прожектор	Уингейт Сэм Джонс Кошелек Райслинг Нееня Сладдер Магдалина Рэндалл Персефона «Доктор» Маккиннон Фора Либи Маккой Родс Дойл	Солнечные панели Дугласа-Мартин Механизированные дороги Коммерческие ракетные рейсы Возобновление полетов Вертолеты — — — Прекращение полетов — — — Развитие психометрии и психодинамики Развитие использования телепатии Развитие субмолекулярной механики
	Испытание космосом Зеленые холмы Земли	Новак Джон Лайл Зед Джонс Мастер Питер Магдалина Рэндалл Персефона «Доктор» Маккиннон Фора Либи Маккой Родс Дойл	Механизированные дороги Вертолеты — — — Прекращение полетов — — — Развитие психометрии и психодинамики Развитие использования телепатии Развитие субмолекулярной механики
	Логика империи Угроза с Земли	Новак Джон Лайл Зед Джонс Мастер Питер Магдалина Рэндалл Персефона «Доктор» Маккиннон Фора Либи Маккой Родс Дойл	Механизированные дороги Вертолеты — — — Прекращение полетов — — — Развитие психометрии и психодинамики Развитие использования телепатии Развитие субмолекулярной механики
2100	«Если это будет продолжаться...»	Новак Джон Лайл Зед Джонс Мастер Питер Магдалина Рэндалл Персефона «Доктор» Маккиннон Фора Либи Маккой Родс Дойл	Механизированные дороги Вертолеты — — — Прекращение полетов — — — Развитие психометрии и психодинамики Развитие использования телепатии Развитие субмолекулярной механики
	Ковентри	Новак Джон Лайл Зед Джонс Мастер Питер Магдалина Рэндалл Персефона «Доктор» Маккиннон Фора Либи Маккой Родс Дойл	Механизированные дороги Вертолеты — — — Прекращение полетов — — — Развитие психометрии и психодинамики Развитие использования телепатии Развитие субмолекулярной механики
	Неудачник	Новак Джон Лайл Зед Джонс Мастер Питер Магдалина Рэндалл Персефона «Доктор» Маккиннон Фора Либи Маккой Родс Дойл	Механизированные дороги Вертолеты — — — Прекращение полетов — — — Развитие психометрии и психодинамики Развитие использования телепатии Развитие субмолекулярной механики
	Вселенная (только пролог)	Новак Джон Лайл Зед Джонс Мастер Питер Магдалина Рэндалл Персефона «Доктор» Маккиннон Фора Либи Маккой Родс Дойл	Механизированные дороги Вертолеты — — — Прекращение полетов — — — Развитие психометрии и психодинамики Развитие использования телепатии Развитие субмолекулярной механики
	Дети Мафусаила	Новак Джон Лайл Зед Джонс Мастер Питер Магдалина Рэндалл Персефона «Доктор» Маккиннон Фора Либи Маккой Родс Дойл	Механизированные дороги Вертолеты — — — Прекращение полетов — — — Развитие психометрии и психодинамики Развитие использования телепатии Развитие субмолекулярной механики
	Вселенная: Здравый смысл	Новак Джон Лайл Зед Джонс Мастер Питер Магдалина Рэндалл Персефона «Доктор» Маккиннон Фора Либи Маккой Родс Дойл	Механизированные дороги Вертолеты — — — Прекращение полетов — — — Развитие психометрии и психодинамики Развитие использования телепатии Развитие субмолекулярной механики

Пересмотренный вариант (1950); опубликован в конце каждого из трех томов, изданных «Shasta Press»: The Man Who Sold the Moon and Other Stories (1950), The Green Hills of Earth and Other Stories (1951) and Revolt in 2100 (1953)

ТЕХНИЧЕСКИЕ УСПЕХИ		СОЦИОЛОГИЯ	ПРИМЕЧАНИЯ
Статическая субмолекулярная техника (парастатика)	Трансатлантические ракетные перелеты Ракетный транспорт между Северным и Южным полушариями	БЕЗУМНЫЕ ГОДЫ Забастовка 1976 года ЛОЖНЫЙ РАССВЕТ Первая ракета на Луну	Значительный технический прогресс в этот период сопровождается постепенным упадком нравов, целей и общественных институтов, завершаясь массовым психозом шестого десятилетия и Междувластием
	Бактериофаг Транспортные и боевые модули	Основание Луна-Сити Акт о космической предосторожности Лунные корпорации Гарримана ПЕРИОД ИМПЕРСКОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ Революция в Литтл-Америке Межпланетные исследования и разработки Американо-австралийский аншлюс	За Междувластием последовал период реконструкции. Финансовые предложения Вурхиса привели к временной экономической стабильности и возможности переориентации. Это закончилось открытием новых рубежей и возвращением к экономике XIX века
	Коммерческая стереоптика	Рост религиозного фанатизма «Новый крестовый поход» Восстание и независимость венецианских колонистов Религиозная диктатура в США	Краткий период межпланетного империализма завершился тремя революциями: в Антарктике, США и на Венере. Космические путешествия прекратились до 2072 года
	Бустерные орудия Синтетическая лища	ПЕРВАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ	Период малого технического прогресса и ограничения исследований. Крайний пуританизм. Класс священников разрабатывает определенные моменты психодинамики и психометрии, психологии масс и контроля над обществом
	Управление погодой Волновая механика		Восстановление гражданских свобод. Возрождение научных исследований. Возобновление космических полетов. Повторная закладка Луна-Сити. Наука социальных отношений, основанная на отрицании базовых утверждений семантики. Застой в эпистемологии. Ковенант
	«Барьер»		Начало консолидации Солнечной системы.
	Управление атомами Элементы 93-416 Парастатическая техника		Первая попытка межзвездных исследований.
	Стабилизация коллоидов Исследования симбиоза Долголетие		Гражданские беспорядки, за которыми следует конец юности человечества и начало первой зрелой культуры

Для этой «пересмотренной версии» плана «Истории будущего» Хайнлайн сдвинул вперед на десять лет датировку большей части рассказов и событий, чтобы начать с текущего «сейчас» в 1950 году

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА. <i>Перевод Т. Магакяна</i>	9
Комментарий. <i>Перевод Т. Магакяна</i>	12
ЛИНИЯ ЖИЗНИ. <i>Рассказ. Перевод А. Дмитриева</i>	14
Комментарий. <i>Перевод С. В. Голд</i>	38
ДА БУДЕТ СВЕТ! <i>Рассказ. Перевод К. Плешкова.</i>	39
Комментарий. <i>Перевод К. Плешкова</i>	59
ДОРОГИ ДОЛЖНЫ КАТИТЬСЯ. <i>Рассказ</i> <i>Перевод С. Логинова, А. Етоева</i>	61
Комментарий. <i>Перевод С. В. Голд</i>	106
ВЗРЫВ ВСЕГДА ВОЗМОЖЕН. <i>Рассказ</i> <i>Перевод Ф. Мендельсона</i>	107
Комментарий. <i>Перевод С. В. Голд</i>	166
ЭКСКУРС. <i>Рассказ. Перевод Т. Магакяна</i>	168
Комментарий. <i>Перевод Т. Магакяна</i>	169
ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ПРОДАЛ ЛУНУ. <i>Повесть</i> <i>Перевод Т. Магакяна</i>	171
Комментарий. <i>Перевод Т. Магакяна</i>	286
ДАЛИЛА И КОСМИЧЕСКИЙ МОНТАЖНИК. <i>Рассказ</i> <i>Перевод А. Етоева</i>	289
Комментарий. <i>Перевод С. В. Голд</i>	307
КОСМИЧЕСКИЙ ИЗВОЗЧИК. <i>Рассказ</i> <i>Перевод С. Логинова</i>	310
Комментарий. <i>Перевод С. В. Голд</i>	334

РЕКВИЕМ. Рассказ. Перевод А. Корженевского	336
Комментарий. Перевод С. В. Голд	358
ДОЛГАЯ ВАХТА. Рассказ. Перевод Ю. Павлова	360
Комментарий. Перевод Ю. Павлова	377
ПРИСАЖИВАЙТЕСЬ, ДЖЕНТЛЬМЕНЫ! Рассказ	
Перевод И. Оранского	380
Комментарий. Перевод С. В. Голд	393
ТЕМНЫЕ ЯМЫ ЛУНЫ. Рассказ. Перевод Г. Усовой	395
Комментарий. Перевод С. В. Голд	411
КАК ЗДОРОВО ВЕРНУТЬСЯ! Рассказ. Перевод Г. Усовой	414
Комментарий. Перевод С. В. Голд	438
...А ЕЩЕ МЫ ВЫГУЛИВАЕМ СОБАК. Рассказ	
Перевод А. Корженевского	440
Комментарий. С. В. Голд	469
ПОИСКОВЫЙ ЛУЧ. Рассказ. Перевод Г. Корчагина.....	471
Комментарий. Перевод Г. Корчагина	475
ИСПЫТАНИЕ КОСМОСОМ. Рассказ	
Перевод И. Почиталина	478
Комментарий. Перевод С. В. Голд	496
ЗЕЛЕННЫЕ ХОЛМЫ ЗЕМЛИ. Рассказ. Перевод Ян Юа	498
Комментарий. Перевод С. В. Голд	511
ЛОГИКА ИМПЕРИИ. Рассказ. Перевод Ю. Павлова	514
Комментарий. Перевод Ю. Павлова	566
УГРОЗА С ЗЕМЛИ. Рассказ. Перевод Н. Изосимовой	568
Комментарий. Перевод С. В. Голд	600

Хайнлайн Р.

Х 15 Зеленые холмы Земли : История будущего. Книга 1 : повесть, рассказы / Роберт Хайнлайн ; пер. с англ. С. В. Голд, А. Дмитриева, А. Етоева и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 608 с. — (Звезды мировой фантастики).

ISBN 978-5-389-15043-0

«История будущего» в творчестве писателя занимает особое место. Начатая в конце 1930-х годов с рассказа «Линия жизни» и продолженная впоследствии такими классическими произведениями, как «Человек, который продал Луну», «Зеленые холмы Земли», «Пасынки Вселенной», она охватывает огромный временной интервал в истории освоения космоса, как это представлялось Хайнлайну. В этой его истории героические эпохи сменяются эпохами диктатур, мир оборачивается войной, чтобы вновь обернуться миром, — много чего происходит на пути человека в будущее. Неизменен лишь человек — ищущий, борющийся, побеждающий, сомневающийся, любящий, человеческий.

В настоящем издании часть переводов выполнена заново, другие даны в новой редакции.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Литературно-художественное издание

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН
ЗЕЛЕННЫЕ ХОЛМЫ ЗЕМЛИ
ИСТОРИЯ БУДУЩЕГО
КНИГА 1

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 20.06.2019. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 2500 экз. Усл. печ. л. 31,92. Заказ № 4770/19.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3 «А».
www.pareto-print.ru

H-AFA-23411-01-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В МОСКВЕ

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,
факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;
info@azbooka-m.ru

В САНКТ - ПЕТЕРБУРГЕ

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,
факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В КИЕВЕ

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru
www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества
размещена по адресу:
www.azbooka.ru/new_authors/

«История будущего» в творчестве писателя занимает особое место.

Начатая в конце 1930-х годов с рассказа «Линия жизни» и продолженная впоследствии такими классическими произведениями, как «Человек, который продал Луну», «Зеленые холмы Земли», «Пасынки Вселенной», она охватывает огромный временной интервал в истории освоения космоса, как это представлялось Хайнлайну. В этой его истории героические эпохи сменяются эпохами диктатур, мир оборачивается войной, чтобы вновь обернуться миром, — много чего происходит на пути человека в будущее. Неизменен лишь человек — ищущий, борющийся, побеждающий, сомневающийся, любящий, *человечный*.

В настоящем издании часть переводов выполнена заново, другие даны в новой редакции.

Полвека не покладая рук он работал в фантастике, выпустил в свет 54 книги — романы, сборники рассказов и т. д. — общим тиражом 40 миллионов экземпляров. За три первых года работы он на взлете таланта создал несколько книг, которые живы и сегодня не просто как любопытные опыты довоенной фантастики, а как совершенно современные произведения. И когда я говорю о том, что Хайнлайн — создатель современной американской фантастики, я имею в виду именно свежесть, актуальность его работы — каждая из его повестей могла быть опубликована сегодня, и мы бы восприняли ее как сегодня написанную.

Кир Булычев

